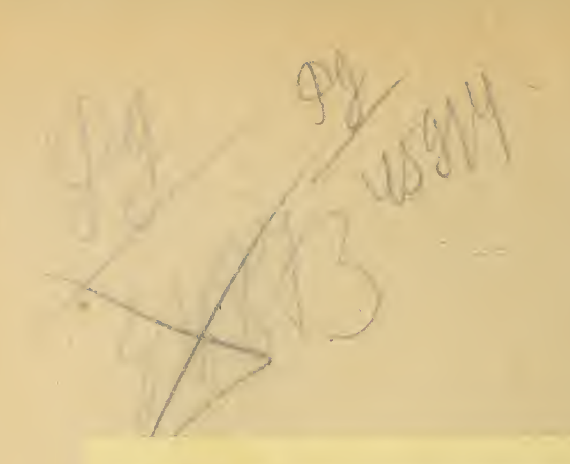
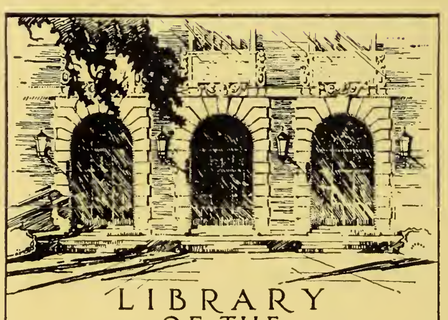




ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

(тридцать первый годъ изданія)

НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ МЫСЛЬ,

подъ редакторствомъ **П. Б. Струве.**

При ближайшемъ участіи **В. Я. Брюсова, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, А. С. Изгоева, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, С. В. Лурье, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ достав. и перес.	12 р. —	9 р. —	6 р. —	3 р. —	1 р. —
За границу.	14 р. —	10 р. 50 к.	7 р. „	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

За перемѣну адреса взимается 25 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 20 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, въ книжныхъ магазинахъ „Звено“, „Образованіе“, М. О. Вольфа и Н. П. Карбасникова, въ конторѣ Н. Печковской; въ Спб.—въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и кн. скл. „Право“; въ Вильнѣ и Варшавѣ въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ—въ книжн. магаз. Н. Я. Оглобина; въ Одессѣ—въ книжн. магаз. „Трудъ“ и „Одесскія Новости“; въ Саратовѣ—въ книжн. магаз. „Новаго Времени“.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція „Русской Мысли“ открыта по средамъ и субботамъ отъ 1½—3½ часовъ дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИГА X.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Къ финскому народу.

Упорный, упрямый, угрюмый,
Подъ соснами взросшій народъ!
Ихъ шумъ подсказалъ тебѣ думы,
Ихъ шумъ въ твоихъ пѣсняхъ живетъ.

Спокойный, суровый, могучій,
Какъ древній родимый гранитъ!
Твой духъ, словно зимнія тучи,
Не громы, но вьюги таитъ.

Межъ камней, то мшистыхъ, то голыхъ,
Взлюбилъ ты прозрачность озеръ:
Ты вскормленъ въ работахъ тяжелыхъ,
Но кротокъ и ясенъ твой взоръ.

Весь цѣльный, какъ камень огромный,
Единою грудью дыша,
Дорогой жестокой и темной
Ты шелъ сквозь вѣка, не спѣша;

Но пѣсни свои, какъ святыни,
Хранилъ и пѣвучій языкъ,
И міру являешь ты нынѣ
Все тотъ же, все прежній свой ликъ.

Въ нуждѣ и въ трудѣ терпѣливый,—
Морякъ, земледѣлъ, дровосѣкъ,—
На камняхъ взлелѣялъ ты нивы,
Вражду одолѣлъ своихъ рѣкъ;

Съ природой борясь, крѣпкогрудый,
Всѣ трудности встрѣтить готовъ,
Воздвигъ на гранитахъ причуды
Суровыхъ своихъ городовъ.

И риѳмы, и кисти, и струны
Теперь покорились тебѣ.
Ты, смѣлый, ты, мощный, ты, юный,
Бросаешь свой вызовъ судьбѣ.

Стой твердо, народъ непреклонный!
Недаромъ межъ скалъ ты возросъ:
Ты мало ли грудью стѣсненной
Метелей неистовыхъ снесъ!

Стой твердо! Кто съ гнѣвомъ природы
Вѣками бороться умѣлъ,—
Тотъ выживетъ трудные годы,
Тотъ выйдетъ изъ всякой невзгоды,
Какъ прежде, и силенъ и цѣлъ!

Валерій Брюсовъ.

АНДРЕЙ ЩЕРБИНА [1]).

Романъ.

XII.

Настенька завладѣла сердцемъ Андрея и отвела отъ него всѣ другіе интересы жизни.

Андрей уже не сомнѣвался, что онъ безумно влюбленъ въ Настеньку. Но какое чувство она питала къ нему, онъ не могъ бы сказать съ увѣренностью. Въ присутствіи другихъ — и особенно въ присутствіи Ковалева—Настенька держала себя съ Андреемъ, какъ кошка съ мышью. Но ея отношеніе мѣнялось, когда они оставались вдвоемъ. Настенька дѣлалась нѣжной, мягкой, плѣнительной и нерѣдко ворковала, какъ голубка. Но появлялось третье лицо, и на Андрея снова сыпался градъ насмѣшливыхъ шутокъ. Казалось, Настенькѣ доставляло особенное удовольствіе позлить Андрея и поставить его втупикъ. Андрей иногда легко и ловко отбивалъ Настенькины стрѣлы. Но иногда дѣлалъ промахи, раздувалъ ноздри и говорилъ колкости.

Въ одну изъ плѣнительныхъ минутъ, когда Настенька была необыкновенно мила, Андрей поклялся ей въ вѣчной любви и сдѣлалъ предложеніе, быть его женой. Настенька поспѣшно высвободила свою маленькую руку изъ руки Андрея и перекрестила его.

— Да осѣнитъ васъ сила небесная! Какіе-жъ мы съ вами мужъ и жена?

— А почему же вы не можете быть моей женой? — спросилъ съ недоумѣніемъ Андрей и началъ доказывать, что они будутъ счастливы, какъ боги, и что ея любовь переродитъ его и сдѣлаетъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

---

[1]) *Русская Мысль*, кн. IX, 1910 г.

Настенька мечтательно, но съ улыбкой слушала Андрея.

— Все это прелестно! Но все это—увы!—только *слова* и *слова*. Въ дѣйствительности же черезъ годъ, черезъ два отъ вашей безграничной любви ко мнѣ и вершка не останется.

— Но клянусь тебѣ всѣмъ для меня святымъ...

Настенька запѣла:

— Фантазія, фанта-азія!

— Настенька!... Настуся!... Милая моя!...

— Не и-искушай меня безъ ну-ужды...

Андрей вышелъ изъ себя и наговорилъ Настенькѣ много непріятнаго. Она даже заплакала. Черезъ минуту они помирились и разстались „какъ друзья“. Но въ ихъ отношеніяхъ послѣ этой сцены легло нѣчто новое, взаимно-раздражающее. Особенно взвинчивало всегда Андрея отношеніе Настеньки къ Ковалеву. Заглазно она относилась къ Ковалеву отрицательно. При встрѣчахъ же явно кокетничала съ нимъ и все дѣлала, чтобъ удержать его около себя. Однажды Андрей, сгорая ревностью, спросилъ Настеньку:

— Скажите мнѣ, ради Бога, откровенно: вамъ нравится Ковалевъ?

Настенька отрицательно покачала головой.

— Non, non, non!...

— И никогда не можетъ понравиться?

— Кто можетъ ручаться за будущее?

— Но вѣдь вы ставите же ни въ грошъ Ковалева.

— И что изъ этому?

— Какъ что? Зачѣмъ же вы, извините за выраженіе, играете съ нимъ?

— А зачѣмъ вы, извините за выраженіе, играете съ отцомъ въ винтъ?

— Винтъ!... Винтъ есть невинная забава, развлеченіе и только.

— Что-жъ вамъ мѣшаетъ смотрѣть на мои отношенія къ Ковалеву, какъ на невинную забаву...

— Какъ на винтъ съ болваномъ?

— Это зло, но не остроумно. Ковалевъ совсѣмъ не такъ простъ, какъ вы воображаете.

Андрей раздулъ ноздри.

— Пускай онъ даже геній. Но я не понимаю, какая цѣль мучить человѣка?

— На свѣтѣ много есть такого, сынъ Божій, чего вы не понимаете.

Андрей взглянулъ на Настеньку и потянулся къ ней.

— Ну, а меня зачѣмъ вы мучаете?

Настенька отодвинулась отъ Андрея.

— Неразумные должны мучиться. Иначе это было бы неестественно. Подумайте, сынъ Божій, даже пчелы на пасѣкѣ вашего брата и тѣ ведутъ себя благоразумнѣе, чѣмъ вы. Онѣ изъ всякой возможности извлекаютъ медъ. А вы изъ всего стараетесь сдѣлать полынь.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Именно то, чего вы не хотите понять.

Наступила пауза. Настенька упорно молчала. Андрей взглянулъ на нее и опять потянулся къ ней.

— Настя, я безумно люблю васъ...

— А завтра еще безумнѣе полюбите другую.

Андрей началъ укорять Настеньку въ безсердечіи. Но чѣмъ болѣе онъ горячился, тѣмъ насмѣшливѣе становилась Настенька. Онъ терялъ самообладаніе и говорилъ Богъ знаетъ что.

Эти сцены изводили Андрея.

Онъ утратилъ прежнюю веселость, сдѣлался раздражительнымъ и всѣ свои неудачи вымещалъ дома на родныхъ. Они уже не трогали Андрея своимъ радушнымъ вниманіемъ, а чаще вызывали въ немъ приступы раздраженія.

Человѣкъ-де полонъ великихъ переживаній, а къ нему пристаютъ съ пирожками. И въ видѣ демонстраціи Андрей не пилъ иногда по вечерамъ чаю или ложился спать безъ ужина. Это повергало весь домъ въ уныніе. Особенно сокрушалась старуха мать и страдала отъ тягостныхъ думъ, что не сумѣла угодить ненаглядному Андрюшечкѣ. Андрей улавливалъ грустную тѣнь на лицѣ матери и умилостивлялся. Въ домѣ снова наступалъ праздникъ.

Но Настенька при свиданіи съ Андреемъ подсыпала перцу въ свои отношенія. И у всѣхъ Щербинъ опять першило въ горлѣ отъ этого перцу.

— Что такое съ Андрюшей?—шептались иногда женщины, бросая тревожные взгляды на задумавшагося Андрея.

Онъ иногда замѣчалъ тревожные взгляды и еще болѣе злился. Его положеніе казалось ему невыносимымъ. Ему нельзя было свободно ни вздохнуть, ни кашлянуть, не вызывая оховъ и аховъ.

Это уже не домашній очагъ, а какая-то пытка! Какой-то сладковатый ядъ черезъ часъ по столовой ложкѣ.

Однажды Андрей не выдержалъ и сказалъ съ досадою:

— Человѣкъ прежде и раньше всего долженъ быть свободнымъ. Это его свойство, его особенность. Иначе онъ не человѣкъ, а что-то другое. Посадите человѣка въ золотую клѣтку, напол-

ненную брилліантами, и всетаки черезъ нѣкоторое время онъ проклянетъ и всѣ брилліанты, и свое существованіе, потому что его лишили драгоцѣннѣйшаго блага—свободы...

И долго еще говорилъ Андрей въ этомъ духѣ, давая понять роднымъ, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ узникъ, а они его тюремщики.

Женщины цѣлый день проплакали послѣ этой бесѣды. Имъ было невыразимо тягостно сознавать, что онѣ по своей безтолковости не сумѣли угодить безцѣнному гостю. Въ концѣ-концовъ Андрей, однако, устыдился своего поведенія и нѣсколькими ласковыми словами разогналъ тучи, собравшіяся надъ домомъ Щербинъ.

Вернувшись однажды домой послѣ свиданія съ Настенькой съ щемящимъ сердцемъ, Андрей рѣшилъ не выходить нѣсколько дней изъ дому.

Ему казалось, что это одно изъ самыхъ лучшихъ средствъ въ подобныхъ случаяхъ. Но на другой день Андрей уже съ утра началъ тосковать по Настенькѣ. А передъ вечеромъ томленіе по ней достигло такой остроты, что онъ не могъ болѣе бороться съ самимъ собою и стремительно помчался къ квартирѣ доктора.

Отворивъ калитку, Андрей услышалъ черезъ отворенное окно громкій говоръ въ столовой и свое имя, произнесенное враждебно Ковалевымъ. Кровь прилила къ щекамъ Андрея. Онъ хотѣлъ вернуться домой. Но это показалось ему малодушіемъ. Онъ пересилилъ себя и вошелъ въ домъ.

При появленіи Андрея, горячій разговоръ между Настенькой и Ковалевымъ оборвался, и наступило неловкое молчаніе. Ковалевъ съ холодной учтивостью раскланялся и ушелъ. Какъ только затихли шаги Ковалева, взволнованная Настенька быстро подошла къ Андрею и спросила его:

— Почему вы не сказали мнѣ, что вы исключены изъ университета?

Андрей смутился.

— Кто вамъ сказалъ объ этомъ?

— Духъ святой.

Андрей овладѣлъ собою и заигралъ ямочками на щекахъ.

— Не можетъ быть. Тогда ваши свѣдѣнія были бы вѣрнѣе.

— Но вышла же у васъ въ университетѣ исторія съ профессоромъ?

— Вышла.

— И со скандаломъ?

— Вы точно допросъ мнѣ дѣлаете, Настасья Павловна!

— А вы отвѣчайте, когда васъ спрашиваютъ. Говорите: со скандаломъ?

— Да, пожалуй...

— И васъ за это по головкѣ погладили?

— По головкѣ не гладили, но и исключать не исключали.

— А что же?

— А предложили уволиться и перейти въ другой университетъ.

Настенька задумалась.

— Почему же вы до сихъ поръ мнѣ не разсказали объ этомъ?

Андрей увидѣлъ черезъ окно удалявшуюся фигуру Ковалева и почувствовалъ приступъ ревности.

— А зачѣмъ мнѣ надо было говорить вамъ объ этомъ? И зачѣмъ вамъ вообще знать о моей жизни? Не все ли для васъ равно, что со мной было, есть и будетъ?

Настенька уловила взглядъ, брошенный Андреемъ на Ковалева, и разсмѣялась серебристымъ хохоткомъ.

— Нѣтъ, не все равно, господинъ Злюка Отелловичъ! И не извольте, пожалуйста, смотрѣть на меня такимъ тигромъ, а ступайте сюда и извиняйтесь. Ну, цѣлуйте руку и просите прощенія.

Андрей рванулся къ Настенькѣ и обнялъ ее.

— Настуся, милая!

— Руку, только руку цѣлуйте, а не меня... Не смѣйте цѣловать меня,—говорила Настенька, стараясь высвободиться изъ объятій Андрея.

Но онъ крѣпко обнялъ ее и, поднявши, какъ ребенка, усадилъ на диванъ, не переставая покрывать ея руки и лицо поцѣлуями. Настенька быстро овладѣла собою и выскользнула изъ рукъ Андрея.

— Герои такъ не поступаютъ...

— То-есть?...

— Не злоупотребляютъ слабостью беззащитныхъ,—сказала она съ укоромъ, оправляя растрепавшіеся волосы и смятое платье.— И это должно быть послѣдній разъ. Слышите?

— Не говорите этого!—страстно проговорилъ Андрей и потянулся къ Настенькѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Настенька, какъ мячикъ, отскочила отъ Андрея и начала декламировать:

Вотъ парадный компотъ! По торжественнымъ швамъ...

XIII.

Прошло нѣсколько дней съ перемежающейся сердечной лихорадкой у Андрея.

Онъ чувствовалъ себя то счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, то близкимъ къ отчаянію. Настенька не отталкивала его отъ себя, но и не шла навстрѣчу его разгорающемуся чувству. Къ этому присоединилось событіе, осложнившее жизнь Андрея.

Гервасій Щербина купилъ на аукціонѣ старый шарабанъ и отдалъ его отремонтировать. Когда шарабанъ былъ приведенъ въ порядокъ, Гервасію захотѣлось прокатиться въ шарабанѣ съ Сонечкой Богаевской и сдѣлать ей, наконецъ, предложеніе. Онъ запрягъ въ шарабанъ горячую лошадь *Чайку* и поѣхалъ къ Богаевскимъ. Сонечка согласилась прокатиться. Черезъ нѣсколько минутъ Гервасій уже выѣзжалъ съ Сонечкой на базарную площадь, пощелкивая языкомъ для большаго шику. Вдругъ *Чайка* чего-то испугалась, рванулась въ сторону и понесла шарабанъ. Сонечка не удержалась и вылетѣла изъ шарабана. Гервасій хотѣлъ остановить *Чайку*, но она понеслась, какъ вихрь. Тогда онъ направилъ ее на большую дорогу и, выѣхавъ въ поле, началъ хлестать кнутомъ. *Чайка* взвилась и понеслась еще бѣшенѣе. Черезъ нѣсколько минутъ она покрылась пѣной и, раздувая бока, начала сдавать ходу. Но Гервасій продолжалъ ожесточенно хлестать лошадь и поносить ее бранными словами. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, Гервасій повернулъ *Чайку* назадъ и направилъ къ дому Богаевскихъ. Здѣсь онъ узналъ, что Сонечка больно ушиблась и лежитъ въ постели. Гервасій кинулъ на *Чайку* горѣвшій взглядъ и прошепталъ задыхающимся голосомъ:

— Я тебя, проклятая!...

И направивъ *Чайку* опять въ поле, Гервасій началъ снова изступленно хлестать ее кнутомъ. Натѣшившись вволю, онъ повернулъ взмыленную *Чайку* въ деревню и, блѣдный какъ мертвецъ, въѣхалъ въ свой дворъ. Изъ головы Гервасія не выходила мысль о Сонечкѣ Богаевской. Вынимая дугу изъ гужей, Гервасій не выдержалъ и ударилъ *Чайку* концомъ дуги. *Чайка* мотнула головой и шарахнулась въ сторону. Это еще болѣе озлило Гервасія.

— Я тебя, проклятая!

Семья Щербинъ, узнавшая о случившемся, выбѣжала во дворъ и начала успокаивать Гервасія. Но онъ взвизгнулъ истерически:

— Оставьте меня, ради Создателя! И безъ васъ тошно.

Въ горлѣ у него горѣло что-то и мѣшало ему дышать. Всѣ ушли отъ грѣха. Гервасій привязалъ *Чайку* поводьями уздечки къ столбу и, сверкая глазами, началъ бить плетью по головѣ. Но и это не удовлетворило его. Онъ продѣлъ удила въ ротъ *Чайки*, сдѣлалъ изъ тонкой веревки петлю и, захвативъ петлей языкъ, притянулъ *Чайку* къ столбу.

Андрей въ это время былъ у доктора. Узнавши о случившемся, онъ поспѣшилъ домой и засталъ всѣхъ съ взволнованными лицами. Данила сидѣлъ съ опущенной головой и грызъ ногти, что̀ было признакомъ сильнаго волненія.

— А гдѣ Гервася?—спросилъ Андрей.

Данила угрюмо поднялъ голову.

— Съ ума сходитъ. Пойди и посмотри, что онъ тамъ дѣлаетъ!

Андрей быстро вышелъ изъ комнаты. Гервасій неистовствовалъ. Притянувъ за языкъ *Чайку* къ столбу, онъ съ остервенѣніемъ билъ ее по глазамъ. Лошадь страшно храпѣла и, раздувая ноздри, силилась увернуться отъ ударовъ. У Андрея закипѣло въ груди. Онъ подбѣжалъ къ Гервасію и схватилъ его за руку.

— Что ты дѣлаешь, сумасшедшій!

Гервасій съ гнѣвомъ выдернулъ руку.

— Не твое дѣло. Убирайся отсюда!

И, размахнувшись, Гервасій изо всей силы ударилъ *Чайку* по головѣ... Въ глазахъ у Андрея помутилось. Онъ бросился къ Гервасію и съ бѣшенствомъ оттолкнулъ его.

— Звѣрь ты!... Хуже звѣря!

Гервасій потерялъ равновѣсіе и упалъ, ударившись головою о колесо шарабана. Но сейчасъ же вскочилъ и бросился на Андрея. Въ это время прибѣжалъ Данила и задержалъ Гервасія.

Андрей въ ужасѣ закрылъ лицо руками и безсильно присѣлъ около конюшни. Его душили рыданья.

Гервасій вырвался изъ рукъ Данилы и началъ изступленно кричать, что будто Андрей хотѣлъ его убить. Изъ виска Гервасія текла кровь. Онъ изступленно кричалъ:

— Вотъ какъ ты отблагодарилъ за всѣ благодѣянія! Негодяй ты послѣ этого! Шарлатанъ!...

Гервасія съ трудомъ увели въ комнаты и наложили компрессъ на его разбитый високъ. Онъ стихъ. Андрей все сидѣлъ и никакъ не могъ прійти въ себя отъ душившихъ его рыданій.

На дворѣ стемнѣло, когда Данила подошелъ къ Андрею и съ нѣжностью въ голосѣ уговорилъ итти къ ужину. Въ комнатѣ было душно и пахло снадобьями. За перегородкой отъ времени до времени слышались стоны Гервасія, раздражавшіе и волновавшіе Андрея. Онъ не могъ забыть вытянутаго языка лошади.

Гервасій застоналъ. Андрей вышелъ на воздухъ и долго ходилъ отъ воротъ къ саду, не зная, какъ ему быть и что дѣлать.

У Андрея не было никакихъ средствъ къ жизни. Послѣднее время онъ жилъ исключительно уроками. Уволенный изъ уни-

верситета за столкновеніе съ профессоромъ на почвѣ рѣзкаго отношенія къ студентамъ, Андрей разсчитывалъ до осени прожить у родныхъ, а затѣмъ уже предпринять что-нибудь. И вотъ надо было измѣнять весь планъ. Оставаться далѣе подъ одной кровлей съ Гервасіемъ—послѣ случившагося—Андрей считалъ невозможнымъ. Переѣхать же немедленно куда-нибудь—это значило еще болѣе раздуть скандалъ и причинить страданіе матери, которая и безъ того очень страдала.

Андрей думалъ и не находилъ выхода изъ своего положенія.

Изъ-за сосѣдней хаты выплыла багровая луна. Въ воздухѣ стало свѣжѣть. Андрей тихо прошелъ въ палисадникъ передъ домомъ и, раздвинувъ кусты сирени, устремилъ взглядъ на освѣщенныя окна въ квартирѣ доктора. Онъ долго смотрѣлъ на знакомыя окна, и его неудержимо потянуло къ Настенькѣ.

Онъ все ей выскажетъ. И она все пойметъ. Но какъ пойти послѣ того, что случилось? Навѣрное, у доктора уже всѣ узнали о скандалѣ. Ну, и пусть всѣ знаютъ.

И, выйдя изъ палисадника, Андрей направился къ квартирѣ доктора. Но невдалекѣ невольно остановился. Ему послышались въ докторскомъ саду голоса Настеньки и Фимы. Онѣ ходили по аллеѣ и бесѣдовали.

— Нѣтъ, Фима, ты не права!—сказала Настенька.—И кромѣ того это ужасно скучно постоянно слушать: „Щербина! Щербина"! А что такое въ сущности Щербина? Вѣтреный, неустановившійся мальчикъ и больше ничего...

Андрея бросило въ жаръ... Но онъ стоялъ, какъ привинченный.

— Ты считаешь Андрея Ильича неустановившимся мальчикомъ?—спросила удивленно Фима.

— Ну, да: мальчикомъ,—отвѣтила Настенька съ ноткой раздраженія.

Прошла пауза.

— Тогда зачѣмъ же ты завлекаешь его?—сказала Фима.

— Что значитъ „завлекаю"? Я обращаюсь съ нимъ такъ же, какъ и съ другими.

— Нѣтъ, Настя, не такъ.

— Нѣтъ, Фима, такъ.

— Нѣтъ, Настя!... Ты извини меня... Но видишь ли, я не виновата... Это вышло случайно. Я видѣла, какъ онъ... цѣловалъ тебя.

Настенька искусственно разсмѣялась.

— Ты не знаешь, Фима, какъ все это произошло... И можешь

подумать Богъ знаетъ что. Но знай, что это было съ моей стороны какое-то затменіе, угаръ, дурь, гипнозъ—не знаю. Во всякомъ случаѣ этого больше *никогда не повторится...* никогда!

— Настя, это не мое дѣло. Я только возразила тебѣ на твои слова, что ты считаешь себя неспособной увлечься Андреемъ Ильичомъ...

— Считала и считаю.

— Но почему, Настя? Я этого не понимаю. Нельзя же сравнивать его съ Ковалевымъ.

— Нельзя, потому что твой Щербина въ *этомъ* отношеніи ниже Ковалева.

— Андрей Ильичъ ниже Ковалева?!

— Ниже. Ковалевъ недалекъ, злюка и болѣзненно самолюбивъ. Но въ дѣлѣ чувства это—крѣпость. А Щербина—вѣтеръ, порывъ, ракета. И если-бъ я была присуждена какимъ-нибудь судомъ къ замужеству и должна была выбирать между Ковалевымъ и Щербиной, то я скорѣе пошла бы за Скипидарчика, чѣмъ за Щербину.

— Почему?—вскрикнула Фима.

— А потому, что твой Щербина состоитъ не изъ извѣстныхъ правилъ и принциповъ, какъ другіе мужчины, а изъ случайныхъ толчковъ и минутъ. Онъ будетъ то ноги твои цѣловать, то хлестать тебя плетью казацкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, Настя! Я никогда съ тобою не соглашусь. Помоему, напротивъ, Андрей Ильичъ именно такой человѣкъ, который можетъ дать истинное счастье дѣвушкѣ. И если бы меня полюбилъ такой человѣкъ, я отдала бы ему и жизнь мою, и душу, и пошла бы за нимъ на край свѣта.

— Это потому, что ты фантазерка, начитавшаяся Шиллера въ плохомъ переводѣ...

Голоса удалились и стихли.

Андрей стоялъ, какъ приговоренный къ позорному наказанію, и думалъ съ горечью:

„...Слѣпецъ, слѣпецъ! Какъ я могъ принимать эту набѣленную куклу за нѣчто живое и прекрасное? Какъ она фальшива! И какъ дурно воспитана!... И что это за безвкусіе, накладывать на лицо слой бѣлилъ и воображать, что это красиво. Это отвратительно и только.“

И пока Андрей шелъ домой, любовь его къ Настенькѣ постепенно испарялась изъ сердца, какъ эѳиръ изъ раскрытаго флакона. Но какъ онъ радъ, что не обманулся въ Фимѣ! Недаромъ онъ съ перваго же раза почувствовалъ подъ ея скромной внѣшностью золотое сердце. Какая она милая!

Но какъ ни тѣшилъ себя Андрей, заснуть, однако, онъ долго не могъ въ эту ночь. Онъ пересматривалъ прошедшее, заглядывалъ въ будущее и, наконецъ, выработалъ окончательный планъ жизни. Довольно шатаній! Теперь онъ уже не будетъ метаться и путаться, какъ прежде, потому что слишкомъ хорошо знаетъ цѣну людямъ. Баста! Конецъ иллюзіямъ! Пора браться за весла!

XIV.

Былъ праздникъ. Семья Щербинъ сидѣла за утреннимъ чаемъ, когда отъ доктора пришелъ посланный съ запиской, приглашавшей Андрея „по важному дѣлу“. Андрей заволновался и сказалъ посланному, что скоро придетъ.

Подходя къ квартирѣ доктора, Андрей почувствовалъ, какъ краска залила ему лицо. Онъ остановился, перевелъ дыханіе и взялъ себя въ руки.

Всѣ встрѣтили Андрея безъ всякаго принужденія. Только у Настеньки въ глазахъ промелькнуло что-то, когда она здоровалась съ Андреемъ. Противъ нея сидѣлъ Ковалевъ въ модныхъ брюкахъ и держалъ на указательныхъ пальцахъ пасмы шелковыхъ нитокъ. Настенька защебетала:

— Степанъ Феодосьевичъ, держите же ровнѣе руки! Право, вы не годились бы не только въ Пенелопины женихи, но даже и я подумала бы еще, принять ли мнѣ ваше предложеніе.

— А подумайте-ка,—произнесъ съ дѣланной улыбкой Ковалевъ.

И, какъ только шелкъ былъ намотанъ, онъ поднялся и началъ прощаться.

Но Настенька скомандовала:

— Дайте сюда фуражку! Такъ! Садитесь!

— Мнѣ надо итти, Настасья Павловна! У меня есть дѣло... очень серьезное.

— А почему вы думаете, что у меня *нѣтъ* серьезной причины, чтобы вы остались?—спросила она загадочнымъ тономъ.

Ковалевъ подумалъ и остался.

— Вотъ и прекрасно! Въ сущности вѣдь только невозможное и невозможно на этомъ свѣтѣ. Возможное же всегда возможно,—сказала Настенька съ комическимъ глубокомысліемъ.

— Но по твоей невозможной философіи,—забасилъ докторъ,—Степанъ Феодосьевичъ можетъ, дѣйствительно, попасть въ невозможное положеніе, если у него есть серьезная работа.

— Какая же можетъ быть „серьезная работа“ у земскаго начальника?

— Ну, ужъ это ты, Настя, немножко того... зарапортовываешься.

— Я зарапортовываюсь? А кто говорилъ, что у земскихъ начальниковъ серьезная работа бываетъ только одинъ разъ въ мѣсяцъ—когда имъ приходится расписываться въ полученіи жалованья?

— Настя, ты прямо-таки, выражаясь деликатно, брешешь. Когда же это я говорилъ?

— Не придирайся, папа, къ словамъ. Допустимъ, ты не говорилъ этого, но *могъ* сказать это и не успѣлъ.

Докторъ махнулъ рукой и засмѣялся.

— Ты—невозможная особа. И будь я на мѣстѣ кавалеровъ, я за семь верстъ обходилъ бы тебя. И вотъ сейчасъ же возьму и накажу тебя. Андрей Ильичъ, пойдемте на минуту ко мнѣ!

Андрей, хранившій все время меланхолическій видъ, наклонилъ голову и пошелъ за докторомъ. Но, какъ только докторъ заговорилъ, Андрея охватило радостное волненіе. Докторъ сказалъ:

— Вчера я былъ въ *Березовкѣ*, у г-жи Каневской. Она ищетъ для своего сына учителя-студента съ тѣмъ, чтобы онъ могъ поѣхать съ ними за границу. Вознагражденіе она можетъ назначить вполнѣ приличное. И вотъ я подумалъ, Андрей Ильичъ, о васъ,—добавилъ дружески докторъ,—чего вамъ торчать здѣсь? Берите этотъ урокъ. Вѣдь побывать на шереметевскій счетъ за границей, это, знаете, штука далеко не плохая.

— Благодарю васъ за ваше отношеніе ко мнѣ,—сказалъ съ чувствомъ Андрей,—но въ состояніи ли я дать то, что требуетъ г-жа Каневская?

— Навѣрное, въ состояніи. Надо заниматься съ ея сыномъ и нѣкоторымъ образомъ руководить имъ. Онъ мальчикъ способный, не немножко распущенный и съ болѣзненнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Каневскіе всѣ нѣсколько того — „не всѣ дома“, что называется. Но люди они не плохіе, и вы, навѣрное, сумѣете ужиться съ ними.

Андрей взялъ со стола номеръ *Врача* и началъ имъ обвѣвать свое лицо. Поѣздка за границу была его мечтой. Въ данное же время особенно казалась ему заманчивой, давая чудесный выходъ изъ его критическаго положенія. Андрей еще разъ поблагодарилъ доктора и изъявилъ свое согласіе, взять урокъ у Каневскихъ.

— Ну, вотъ и прекрасно!—сказалъ докторъ.—И знаете что? Этого дѣла не надо откладывать. Каневская въ настоящее время гоститъ у своей тетки въ *Березовкѣ*, поѣзжайте немедля туда. А я дамъ вамъ письмо.

— Спасибо вамъ.

И Андрей вышелъ изъ кабинета, окрыленный новыми надеждами. Въ столовой никого не было. Но когда онъ проходилъ мимо палисадника, оттуда послышался голосъ Настеньки:

— Ваше сіятельство! Куда вы?

Андрей остановился. Подъ вліяніемъ услуги, оказанной ему докторомъ, въ немъ нѣсколько улеглось протестующее чувство противъ Настеньки.

— Почему я сдѣлался вдругъ „сіятельствомъ"?—спросилъ онъ.

— У васъ такой сіяющій видъ, что васъ съ Марса могутъ принять за новую комету.

— Ужъ будто бы до такой степени?

— Увѣряю васъ. Сначала я даже испугалась: не пожаръ ли внутри васъ?

Андрей вспомнилъ вчерашній разговоръ, и кровь прилила къ его щекамъ.

— Вы напрасно изволили безпокоиться, Настасья Павловна,—сказалъ онъ съ иронической ноткой.—Пожаръ тамъ если и былъ, то теперь...

— Теперь?

— Теперь совершенно потушенъ.

Настенька бросила лукавый взглядъ на Андрея и прищурилась.

— Неужели? Скажите, пожалуйста! Ахъ, какое счастье! И безъ человѣческихъ жертвъ?

— Безъ... Только съ легкими ожогами...

— Ужъ не Степана ли Феодосьевича надо благодарить за это? Тушеніе пожаровъ—вѣдь это его спеціальность.

— Вамъ лучше знать его доблести. Но въ данномъ случаѣ Степанъ Ѳеодосьевичъ ни при чемъ. Пожаръ потухъ самъ собою... За отсутствіемъ горючаго матеріала. А засимъ до свиданія.

Но Настенька загородила дорогу Андрею.

— А если я попрошу васъ остаться?

У Андрея заиграли ямочки на щекахъ.

— Согласенъ, но съ однимъ условіемъ,—сказалъ онъ интригующимъ тономъ.

— Съ какимъ?

— Чтобы и вы, въ свою очередь, исполнили одну мою просьбу.

— Какую?

— Не просили меня остаться.

Настенька разсердилась.

— Зачѣмъ же вы приходили сюда? Чтобы сказать нѣсколько неостроумностей?

— Нѣтъ, у меня еще было дѣло къ вашему отцу.

— Держу пари, что по поводу госпожи Каневской.

— Вы—верхъ проницательности! И тѣмъ не менѣе, до свиданія!

И Андрей быстро направился домой. Онъ рѣшилъ уѣхать въ *Березовку* немедленно, но о цѣли своей никому не говорить, чтобы не испортить дѣла. Въ существованіи Бога Андрей сомнѣвался. Но нѣкоторымъ примѣтамъ придавалъ значеніе. Встрѣтивъ Данилу, Андрей, однако, не выдержалъ и подѣлился съ нимъ радужными надеждами. Данилѣ не была ясна цѣль заграничной поѣздки. Но видя, что Андрей говоритъ объ этомъ съ радостнымъ оживленіемъ, Данила крѣпко пожалъ руку брата.

— Дай Богъ, Андрюша, чтобъ тебѣ все удалось.

Андрей разсказалъ и матери о предложеніи доктора. Она сочувственно слушала его. Но слово „заграница“ взволновало ее. Она хотѣла говорить и не могла отъ волненія. Андрей поцѣловалъ мать и началъ съ увлеченіемъ говорить о томъ, какое огромное значеніе можетъ имѣть для него поѣздка за границу, какъ все это потомъ ему пригодится въ жизни и какъ тысячи людей должны ему завидовать...

Мать, сдерживая слезы, кивала головою.

Конечно, для Андрюшечки все это очень хорошо. И, конечно, надо не плакать, а радоваться. Но что-жъ ей дѣлать, если слезы сами льются изъ глазъ. Она не хочетъ плакать, а онѣ выступаютъ, какъ только она подумаетъ о томъ, что Андрюша отправится въ чужія земли, гдѣ живутъ Богъ одинъ знаетъ какіе люди!

Андрей началъ убѣждать мать, что тамъ, куда онъ поѣдетъ, и русскихъ людей много, и даже русская церковь есть. Послѣднее обстоятельство нѣсколько примирило старуху съ заграницей.

Когда къ крыльцу подъѣхала плетеная бричка, чтобы везти Андрея въ *Березовку*, мать набожно зажгла свѣчи передъ иконами и начала горячо молиться объ успѣхѣ Андреевой поѣздки. Прощаясь со всѣми, Андрей за компанію поцѣловалъ и Гервасія. Такимъ образомъ миръ, хотя и наружный, былъ установленъ въ домѣ.

Выйдя на крылечко, Андрей увидѣлъ, что Данила изъ-за сарая дѣлаетъ ему знаки. Андрей подошелъ къ любимому брату. Тотъ протянулъ 10 рублей.

— Возьми, Андрюша!

— Что ты, Даня? Зачѣмъ мнѣ деньги?

— Возьми, Андрюша! Можетъ быть, тамъ понадобятся на какіе-нибудь расходы. Можетъ быть, надо будетъ прислугѣ подарить или что-нибудь. Возьми, пожалуйста. Не обижай меня.

Андрей взялъ деньги и поцѣловалъ Данилу.

XV.

Березовская усадьба славилась старинным паркомъ и цвѣтниками. Почти версту Андрей ѣхалъ по широкой липовой аллеѣ, ведущей къ усадьбѣ. У параднаго крыльца Андрея встрѣтила служанка въ бѣломъ передникѣ. Она привѣтливо поздоровалась съ нимъ и заговорила съ той особенной ласковостью, какая точно свѣтится изнутри у хорошихъ простыхъ дѣвушекъ. Она провела Андрея въ широкую стеклянную галлерею съ цвѣтами и попросила его подождать, пока доложитъ о немъ.

Былъ пятый часъ дня. Въ открытую дверь лилась изъ сада благоухающая свѣжесть. Вошла маленькая старушка въ очкахъ, съ вязаньемъ въ рукахъ. Андрей поклонился и назвалъ себя. Старушка бросила на него поверхъ очковъ быстрый пытливый взглядъ и привѣтливо-спокойнымъ тономъ просила присѣсть.

— Только садитесь, пожалуйста, сюда, поближе ко мнѣ,—сказала она.—Болтать я охотница, а слышать плохо слышу.

Андрей взялъ стулъ и сѣлъ около старушки. Она опять бросила на него быстрый пытливый взглядъ и занялась вязаньемъ. Открытое симпатичное лицо студента понравилось ей.

— Вы не очень долго будете скучать со мной. Лидія сейчасъ придетъ. Она въ саду съ Гуней.

Андрей выразилъ на лицѣ готовность и подумалъ:

„Отъ какого корня произошелъ Гуня?“

Но никакъ не могъ догадаться. Старушка, не оставляя вязанья и только изрѣдка поднимая проницательные глазки на Андрея, начала разспрашивать его, изъ какого онъ университета, на какомъ факультетѣ и проч. Она говорила дружелюбно, съ оттѣнкомъ благодушной шутливости. Незамѣтно для себя Андрей въ нѣсколько минутъ разсказалъ въ главныхъ чертахъ почти всю свою жизнь.

— А вотъ и Лидія!—сказала старушка, указывая глазами на садъ.

Андрей обернулся. По садовой дорожкѣ шла худая стройная дама въ свѣтломъ платьѣ съ широкими рукавами. На головѣ ея развѣвалась легкая ткань, напоминавшая фату. Дама шла быстро, шелестя платьемъ. Дойдя до открытой двери и увидѣвъ Андрея, она остановилась. На ея блѣдно-желтомъ лицѣ съ большими круглыми глазами появилось выраженіе неожиданности. Андрей поднялся и назвалъ себя. Молодая женщина оживленно привѣтствовала Андрея и съ нервной поспѣшностью заговорила съ нимъ о своемъ сынѣ. У нея были гибкія, какъ у ящерицы, движенія, грудной ласкающій голосъ и перемѣнчивые отсвѣты въ глазахъ.

— Какой милый Василько!—сказала она.—Я ужасно рада, что именно онъ рекомендуетъ васъ. Онъ лѣчилъ Гуню и знаетъ, что именно нужно для насъ. Я ищу для Гуни не столько учителя, сколько друга. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы у него былъ другъ, старшій братъ. Понимаете? Онъ ужасно впечатлителенъ. Не правда ли, здѣсь сквозитъ немного?... Это молнія, а не мальчикъ. Но вы съ нимъ сойдетесь. Я чувствую это своимъ материнскимъ чутьемъ.

Андрей слушалъ госпожу Каневскую съ тѣмъ обычнымъ выраженіемъ на лицѣ, какое у него появлялось при первомъ знакомствѣ съ людьми, которымъ онъ хотѣлъ понравиться. Ямочки на его щекахъ то и дѣло углублялись, дѣлая его лицо необыкновенно привлекательнымъ.

— Я буду очень радъ,—сказалъ онъ серьезно,—если мы сойдемся съ вашимъ сыномъ. Безъ этого никакія занятія не могутъ принести пользы.

— О, вы навѣрное сойдетесь! По вашему лицу видно, что вы добрый, хорошій. А это вѣдь главное при воспитаніи.

Андрей улыбнулся.

— Наружность бываетъ обманчива.

— Вы совершенно правы. Но не у студентовъ... Вы ужасно похожи на одного моего знакомаго въ Парижѣ... И мнѣ кажется, что всѣ студенты до окончанія курса бываютъ изъ хрусталя и прозрачны въ своихъ чувствахъ. Только потомъ уже они покрываютъ свою душу всякой всячиной, какъ пчелы свой улей во время работы. И вы тоже прозрачны. И я на пари пошла бы, что могу прочитать въ васъ нѣкоторыя главы изъ вашей жизни все равно, какъ по тетрадкѣ.

— Боюсь, что почеркъ будетъ неразборчивъ, — произнесъ Андрей, не сгоняя съ лица плѣнительной улыбки и невольно скользя взглядомъ за гибкими движеніями Каневской.

При этомъ ему бросилась въ глаза одна особенность: у Каневской были необыкновенно длинныя ноги, какія бываютъ только у статуй.

Старушка изрѣдка бросала поверхъ очковъ быстрые взгляды на бесѣдующихъ и продолжала свое вязанье. Госпожа Каневская перешла отъ сердцеугадыванья къ предчувствіямъ. Она вѣрила въ нихъ и съ горячностью отстаивала ихъ руководящее значеніе.

— Вѣдь это только намъ кажется, что мы *все постигли* и можемъ каждое явленіе разобрать по ниточкамъ,—сказала она.— Конечно, можемъ. Но самый нашъ анализъ является намъ уже въ готовомъ, подсказанномъ, такъ сказать, видѣ. Вы понимаете меня? Нѣчто, находящееся внутри насъ, заранѣе окрашиваетъ всѣ

наши наблюденія въ извѣстный цвѣтъ. Вотъ почему мы *предчувствуемъ* событія. И съ предчувствіями не слѣдуетъ бороться, а надо подчиняться имъ, потому что они-то и являются отголоскомъ души.

Когда Лидія Николаевна говорила все это, ея блѣдно-желтое лицо съ черными матовыми волосами загоралось лихорадочнымъ огнемъ. Взглянувъ на нее, спиритъ сейчасъ же подумалъ бы, что имѣетъ дѣло съ рѣдкимъ медіумомъ. Все въ ней было нервно, хрупко, чувствительно. Андрей призналъ за человѣческой душой суфлерскую способность и въ подкрѣпленіе сослался на Вундта и Сабатье, признающихъ, яко бы, то же самое, что и Лидія Николаевна, не только за людьми, но и за животными. Все это расположило къ нему симпатіи Лидіи Николаевны.

Отъ власти души перешли къ внутренней жизни дѣтей и заговорили о воспитаніи, о занятіяхъ съ Гуней и о положеніи Андрея. Лидія Николаевна начала съ такой горячностью расхваливать условія жизни, въ которыхъ будетъ находиться Андрей, точно хотѣла повыгоднѣе ихъ продать ему. Когда возникъ вопросъ о вознагражденіи, Андрей смутился. Лидія Николаевна тоже замялась и перевела взглядъ на старушку. Рѣшили, что Андрей обсудитъ все на досугѣ и на другой день напишетъ о своихъ условіяхъ. Лидія Николаевна съ облегченіемъ вздохнула, какъ будто исполнила непріятное порученіе. Денежные вопросы всегда смущали ее.

Андрей оглянулся и спросилъ съ улыбкой:

— А гдѣ же мой будущій Телемакъ?

Лидія Николаевна вздохнула.

— Мы съ нимъ сейчасъ поссорились.

— Но, можетъ быть, по случаю моего пріѣзда можно заключить перемиріе?

— Я бы съ удовольствіемъ это сдѣлала. Но онъ злится на меня и ни за что не придетъ сюда... Какъ душно сегодня!... Ни за что... Я ужъ знаю его, какъ свои пять пальцевъ.

— Да изъ-за чего у васъ разладъ вышелъ?—спросила, усмѣхаясь, старушка.

Лидія Николаевна смутилась.

— Я потомъ вамъ скажу, тетя! А теперь пошлите, пожалуйста, за нимъ отъ своего имени.

Старушка позвонила и мягко сказала вошедшей дѣвушкѣ:

— Глаша, найди, пожалуйста, въ саду панича и скажи, что я прошу его къ себѣ. Не зову, а *прошу*. Слышишь?... А ты, Лидія, совсѣмъ задергаешь его своимъ ужаснымъ воспитаніемъ.

— Но что же мнѣ дѣлать? Научите меня, какъ съ нимъ быть?— сказала Лидія Николаевна съ безпомощнымъ видомъ.

И, сжавъ худыя, точно выточенныя изъ старой слоновой кости руки, она просительно обратилась къ Андрею, чтобы онъ помогъ ей въ святомъ дѣлѣ воспитанія ея сына. Вѣдь для нея только въ Гунѣ и смыслъ жизни. Онъ для нея—все. Безъ него она—дерево, трупъ.

Андрей далъ обѣщаніе сдѣлать съ своей стороны все отъ него зависящее.

Появился худощавый вспотѣвшій мальчикъ, въ полосатой рубашкѣ, съ отвисшей нижней губою. Кожа на его лицѣ и шеѣ была воспалена, ротъ открытъ. Увидѣвши Андрея, онъ нахмурился и подошелъ къ старушкѣ. Она сказала мягко:

— Рекомендую вамъ: мой внукъ Сергуня. А это—твой будущій наставникъ, студентъ петербургскаго университета.

Гуня поднялъ глаза на Андрея и поздоровался съ нимъ. Слово „студентъ“ видимо обезоружило его. Онъ любилъ студентовъ и желалъ самъ сдѣлаться студентомъ.

Андрей, съ присущимъ ему чутьемъ улавливать нужный тонъ, заговорилъ съ Гуней. Мальчикъ отвѣчалъ сначала односложно и нерѣшительно. Но затѣмъ разговорился. Лидія Николаевна бросала на Андрея благодарные взгляды и съ побѣдоноснымъ видомъ поглядывала на старушку, какъ бы желая ей сказать: „А что я говорила?“

Гуня держалъ себя независимо, какъ взрослый, перекладывалъ ногу на ногу и своеобразно растягивалъ слова, произнося ихъ на особенный ладъ: „пайду“, „хачу“ и т. д.

На дворѣ стемнѣло, когда Андрей выѣхалъ изъ *Березовки*, очаровавши всѣхъ собою. Даже горничная въ бѣломъ передникѣ и та, прислушиваясь къ удаляющемуся стуку щербинской брички, проговорила вразумительно:

— Какой хорошій баринъ! Какой учтивый! Сейчасъ видно, что образованный.

Проѣзжая мимо докторской квартиры и увидавъ свѣтъ на балконѣ, Андрей не выдержалъ и отослалъ бричку домой.

XVI.

У доктора по обыкновенію были гости и играли въ винтъ. Докторъ рычалъ, какъ левъ, по поводу того, что его партнеръ замариновалъ всѣ отыгранныя трефи. Андрей съ особенной продолжительностью пожалъ руку Фимѣ и дружески подсѣлъ къ ней.

Она была въ темно-синей кофтѣ съ бѣлыми лацканами. Кофта очень шла ей. Ея небольшая фигурка и скромное личико съ острымъ носикомъ — все вдругъ пріобрѣло въ глазахъ Андрея особенную прелесть. И ему захотѣлось сказать ей что-нибудь прекрасное и грѣющее. Онъ придвинулся къ Фимѣ и шепнулъ:

— Пройдемтесь немного... Мнѣ хочется сказать вамъ кое-что.

Фима заволновалась и спрятала руки.

— А здѣсь нельзя?

— Нельзя.—И Андрей громко сказалъ:—Какъ тутъ душно сегодня!... Серафима Михайловна, не хотите ли пройтись въ садъ?

Фима посмотрѣла на Настеньку.

Настенька предложила пойти къ рѣкѣ. Андрей шелъ рядомъ съ Фимой и постепенно отставалъ отъ другихъ. Вдругъ онъ повернулъ въ сторону и, очутившись въ тѣни деревьевъ, заговорилъ торопливо:

— Я долженъ повиниться передъ вами... Я вчера совершилъ дурной поступокъ. Проходя ночью здѣсь, я подслушалъ вашъ разговоръ съ Настасьей Павловной... И ваша духовная личность точно освѣтилась передо мной...

Андрей сдѣлалъ паузу и добавилъ съ подкупающей искренностью:

— Послѣднее время я былъ, какъ въ чаду, не отдавая вамъ той дани вниманія, какую вы заслуживаете. Но знайте, что въ глубинѣ души я всегда питалъ къ вамъ самую искреннюю... симпатію. И гдѣ бы я ни былъ, я всегда буду вспоминать о васъ... Я скоро уѣзжаю за границу... Можетъ быть, надолго... Можетъ быть, навсегда... И мнѣ хотѣлось бы, чтобъ наши отношенія не ограничились теперешней бесѣдой. Позвольте мнѣ писать вамъ?

Фима не могла говорить отъ волненія.

— Позволяете? Да?

— Да,—прошептала Фима.

Андрей взялъ ея руку и, не думая о послѣдствіяхъ, привлекъ къ себѣ трепещущую Фиму.

— Милая! Я васъ никогда не забуду... Никогда...

Фима прильнула къ Андрею. Невдалекѣ послышались голоса. Андрей, какъ бы продолжая начатый разговоръ, сказалъ громко:

— ...Но глубже вникая въ душу человѣка, нельзя не прійти къ заключенію, что тамъ, какъ въ глубинѣ морской, и гады, и илъ, и жемчугъ—все находится вмѣстѣ...

Фима испуганно обернулась къ Андрею. Она подумала сначала, что Андрей въ порывѣ чувствъ сошелъ съ ума. Но затѣмъ Фима догадалась, что онъ хотѣлъ только отвести глаза.

Весь этотъ вечеръ Фима ничего не понимала, что ей говорили. И все время была, какъ въ чаду. Въ ушахъ ея волшебной музыкой звучали слова Андрея. А онъ, счастливый исполненнымъ долгомъ, былъ веселъ, какъ жаворонокъ, и вызывалъ раскаты смѣха своими остротами.

XVII.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи Андрей вернулся домой. Въ сѣняхъ шумѣлъ самоваръ. Въ комнатѣ былъ накрытъ столъ для ужина. Мать радостно встрѣтила Андрея. Черезъ нѣкоторое время изъ хибарки появился Данила въ резиновыхъ калошахъ на босую ногу.

— Ну что, Андрюша, какъ дѣла?—спросилъ онъ съ участіемъ.

Андрей подробно разсказалъ о пріемѣ, сдѣланномъ ему въ *Березовкѣ*, и когда дошелъ до пункта объ условіяхъ, которыя теперь зависятъ отъ него, мать набожно перекрестилась и взглянула на иконы.

— Боже милостивый! Помоги намъ, грѣшнымъ!

Данила началъ разливать чай и съ любовью глядѣлъ на Андрея.

— Вотъ такъ добренькіе родственники! Нечего сказать!—послышался голосъ Домны Петровны.

Она была въ чулкахъ и вошла неслышно.

— Хоть бы кто-жъ-нибудь вспомнилъ и сказалъ: „Сестрица, пожалуйте чай пить“.

— Сестрица, пожалуйте чай пить!—проговорилъ Данила голосомъ Домны Петровны.

— Теперь?... Когда я уже сама напросилась! Нѣтъ, теперь хоть и просить меня будете, не сяду.

— Сестрица, пожалуйста! Перемѣните ужъ гнѣвъ на милость!—сказалъ Андрей и торжественно придвинулъ кресло для Домны Петровны.

Она съ комической важностью сѣла и потребовала, чтобы Андрей разсказалъ ей о своей поѣздкѣ съ начала до конца со всѣми подробностями. Онъ и ей разсказалъ о своихъ похожденіяхъ. Въ серединѣ разсказа появился Никита, за нимъ Митроша, а за Митрошей—Гервасій. Послѣдній былъ радъ случаю примириться съ Андреемъ, хотя все еще былъ на положеніи больного..

— Странные люди! Развѣ нельзя было позвать меня? Ну, что Андрюша, какъ твоя поѣздка?

Андрею пришлось начинать сызнова. Когда вопросъ коснулся денежныхъ условій, Гервасій сказалъ:

— Съ Каневскими церемониться нечего. У нихъ деньги глупыя. И условія надо заключать съ ними на гербовой бумагѣ. Это будетъ, какъ говорится, фундаментальнѣе. Мнѣ Илья Михайловичъ четвертый годъ не отдаетъ 50 рублей серебромъ. А будь расписка...

— Кто это Илья Михайловичъ?—спросилъ Андрей.

— Благовѣрный Лидіи Николаевны. Вѣдь она теперь не живетъ съ нимъ. Они ужъ двадцать разъ расходились.

Черезъ нѣкоторое время вопросъ опять возникъ о вознагражденіи.

— Я хочу назначить рублей 60 въ мѣсяцъ,—сказалъ Андрей.

— И сто рублей дастъ—не согнется,—замѣтилъ Гервасій.

Андрей подумалъ и сказалъ:

— Сто рублей будетъ много.

Но ему начали возражать, что при его талантахъ 100 рублей въ сущности ничтожное вознагражденіе. Андрей возражалъ. Но въ душѣ склонялся къ мнѣнію своихъ родныхъ.

На другой день вся *Верхняя Петровка* знала и говорила о поѣздкѣ Андрея за границу. Утромъ Андрей написалъ письмо Лидіи Николаевнѣ. Въ вопросѣ о вознагражденіи перо у него какъ-то само собой вмѣсто „75“ написало: „100 руб.“. Но въ постскриптумѣ Андрей добавилъ что, если его условія обременительны, то онъ предоставляетъ этотъ вопросъ всецѣло на благоусмотрѣніе Лидіи Николаевны.

Передъ обѣдомъ за Андреемъ пріѣхалъ изъ *Березовки* щегольской фаэтонъ. Лидія Николаевна прислала записку съ просьбой пріѣхать въ *Березовку*. О принятіи условій не было ни слова. Андрея нѣсколько смутило это. Но его встрѣтили въ *Березовкѣ*, какъ дорогого гостя. Выяснилось, что Андрей произвелъ на Гуню такое неотразимое впечатлѣніе, что тотъ все время восторженно говорилъ о новомъ учителѣ и даже съ матерью помирился главнымъ образомъ потому, что она обѣщала послать за Андреемъ. Это очень тронуло Андрея, и онъ почувствовалъ симпатію къ Гунѣ.

Лидія Николаевна опять была въ фантастическомъ нарядѣ, съ широкими рукавами и прозрачной тканью, спускающейся почти до земли. Гуня предложилъ Андрею уйти куда-нибудь вдвоемъ, думая, что студента не можетъ интересовать бесѣда съ женщинами. Лидія Николаевна съ укоромъ сказала Гунѣ:

— Милый, дай же ему хоть немного отдохнуть. Ты успѣешь еще наговориться съ нимъ.

— И ты тоже успѣешь. Вѣдь Андрей Ильичъ у насъ будетъ

жить. Зачѣмъ же ты его держишь?—заявилъ Гуня, отвѣсивъ нижнюю мокрую губу.

Лидія Николаевна вспыхнула.

— Во-первыхъ, я *не держу* Андрея Ильича, а во-вторыхъ, ты говоришь со мною, точно я твоя кухарка.

Багровая краска прилила къ лицу и къ ушамъ Гуни. Онъ нахмурился, но ничего не сказалъ.

Лидія Николаевна заговорила съ Андреемъ о *Верхней Петровкѣ*, о докторѣ, о мѣстномъ обществѣ, вставляя по обыкновенію въ свою рѣчь боковыя и не относящіяся къ разговору выраженія. Говорила она съ нервной поспѣшностью и при всякомъ возраженіи широко раскрывала свои круглые большіе глаза, какіе бываютъ только у птицъ. Въ ея обращеніи и въ рѣчи часто чувствовалось нѣчто растерянное и наивно-довѣрчивое. Ей было, какъ будто, все ново, что ни говорилъ Андрей. Онъ впервые встрѣчалъ такую женщину. Казалось, что ее могъ обмануть и провести всякій ребенокъ. Гуня дотронулся незамѣтно до руки Андрея и шепнулъ интимно:

— Пойдемте въ садъ!

Лидія Николаевна сдѣлала Андрею знакъ, чтобъ онъ исполнилъ просьбу Гуни. Андрей поднялся и, взявъ Гуню за руку, вышелъ въ садъ.

Лидія Николаевна указала старушкѣ глазами на Андрея.

— Тетя, какъ вы думаете? Не попросить ли его, чтобъ онъ съ завтрашняго дня переѣзжалъ къ намъ?

— Какъ хочешь, Лидія,—отвѣтила ласково старушка.

— Его можно съ Гуней помѣстить во флигелѣ?

— Конечно, можно.

— А вы ничего не имѣете противъ этого?

— Что же я могу имѣть противъ?

Когда Андрею послѣ его прогулки съ Гуней сказали о переѣздѣ въ *Березовку*, онъ задумался. Ему очень нравилась *Березовка*, и хотѣлось провести здѣсь часть лѣта. Но ему было жаль оставлять мать и Данилу. И съ искренностью, отличавшей поступки Андрея, онъ высказалъ свои соображенія. Женщины одобрили его и рѣшили, что Андрей будетъ каждый день пріѣзжать въ *Березовку*.

Передъ отъѣздомъ Лидія Николаевна съ Гуней проводили Андрея до выгона.

— Итакъ,—сказала Лидія Николаевна дружески, — съ сегодняшняго дня вы считаетесь вступившимъ въ обязанности ментора. На ваши же условія я, конечно, согласна.

Всю дорогу до *Верхней Петровки* Андрей сидѣлъ, откинувшись на мягкую спинку фаэтона, и чувствовалъ себя въ такомъ положеніи, какъ будто завоевалъ полъ-міра. Его наибольшій заработокъ доходилъ до 40 рублей въ мѣсяцъ, при чемъ ему приходилось часто отказывать себѣ даже въ самомъ необходимомъ. Теперь же, имѣя въ перспективѣ комфортъ и 100 рублей въ мѣсяцъ, Андрей воображалъ себя обладателемъ несмѣтныхъ богатствъ. Онъ съ нетерпѣніемъ посматривалъ по сторонамъ, спѣша домой, чтобы подѣлиться съ родными своимъ успѣхомъ. Дружеское вниманіе Каневской, привязанность Гуни и соблазнительная перспектива заграничной поѣздки—все это переплелось въ душѣ Андрея и наполняло ее радостнымъ оживленіемъ. Онъ вспомнилъ о Фимѣ, и ему стало еще веселѣе.

Когда Андрей разсказалъ своимъ домашнимъ о соглашеніи съ Каневской, мать и радовалась, и плакала, и молилась. И весь вечеръ вся семья Щербинъ относилась къ Андрею, точно къ имениннику. Андрей и самъ чувствовалъ себя именинникомъ. Поѣздка за границу не выходила изъ его головы. Онъ видѣлъ себя на парижскихъ бульварахъ, плылъ по венеціанскимъ лагунамъ, поднимался по ступенямъ Вестминстерскаго аббатства.

Двѣ недѣли прошли для Андрея какъ въ сновидѣніи. При его появленіи въ *Березовку* домъ наполнялся оживленіемъ. И всякій разъ послѣ его отъѣзда, по словамъ Лидіи Николаевны, получалось такое впечатлѣніе, какъ будто начиналъ накрапывать дождикъ. Старушка тетка уже не бросала на Андрея пытливыхъ взглядовъ, а охотно вступала съ нимъ въ бесѣды. Своею непосредственностью и общительностью онъ разогрѣвалъ старуху и вносилъ въ ея жизнь новые интересы.

Лидія Николаевна, всегда одѣтая иначе, чѣмъ вчера, и всегда нѣсколько напоминающая своими уборами невѣсту, собирающуюся подъ вѣнецъ, относилась къ Андрею съ особеннымъ и, какъ бы, съ заискивающимъ вниманіемъ. Она точно боялась, что онъ можетъ всякую минуту разсердиться на нее за что-нибудь и бросить на произволъ судьбы...

Андрей, необыкновенно чуткій ко всякому вниманію, мгновенно оживлялся въ присутствіи Лидіи Николаевны и дѣлался еще привлекательнѣе. Она тянула его къ себѣ женственностью тона и таинственностью своего существа.

Гуня подъ вліяніемъ Андрея замѣтно измѣнился къ матери и сталъ относиться къ ней гораздо лучше. Андрей по цѣлымъ часамъ говорилъ съ Гуней по этому поводу, но такимъ тономъ, какъ будто бы разсуждалъ съ Гуней вообще объ отношеніи дѣ-

тей къ родителямъ. Изъ отрывистыхъ замѣчаній Гуни онъ вывелъ, что мальчикъ страстно любитъ своего отца и очень страдаетъ изъ-за размолвки родителей.

У Гуни было болѣзненно развитое самолюбіе, къ которому надо было прикасаться съ осторожностью, иначе его красноватая и, какъ бы воспаленная кожа дѣлалась багровой. И никакіе разумные доводы уже не могли тогда подѣйствовать на самолюбиваго мальчика.

Съ матерью у Гуни бывали постоянныя стычки. Она вносила въ свои отношенія къ сыну много нервности, дѣйствовавшей на Гуню, какъ красный цвѣтъ на нѣкоторыхъ животныхъ.

Мать Андрея и Домна Петровна готовились къ отъѣзду дорогого гостя, точно дѣлали приданое. Андрей заказалъ себѣ въ городѣ два костюма и сталъ въ значительной степени слѣдить за своей особой. У доктора онъ бывалъ за послѣднее время только мимоходомъ. Къ Настенькѣ Андрей охладѣлъ совершенно и даже потерялъ охоту къ перебрасыванію съ нею остротами. Настенька даже сказала ему однажды:

— Вы совсѣмъ выдохлись.

Андрей вынужденно улыбнулся.

— Ничего нельзя подѣлать противъ этого, Настасья Павловна! Всякому овощу бываетъ свое время.

Фима неожиданно уѣхала къ своимъ родственникамъ. Андрей написалъ ей большое и нѣжное посланіе. Онъ чувствовалъ себя въ зенитѣ успѣховъ, и ему хотѣлось, чтобы лучи его сіянія согрѣвали и всѣхъ близкихъ ему людей. Онъ взялъ у Каневской въ счетъ жалованья 100 рублей и накупилъ въ городѣ различныхъ бездѣлушекъ для матери, для братьевъ, даже для Усти... Домна Петровна цѣлый вечеръ носилась съ полученной коралловой брошкой и неоднократно принималась благодарить Андрея.

XVIII.

Наступилъ наконецъ и день отъѣзда. Всѣ приготовленія и возня съ заграничнымъ паспортомъ были кончены. Лидія Николаевна выѣхала съ Гуней за два дня раньше въ Харьковъ, куда долженъ былъ пріѣхать и Андрей.

Отъ *Верхней Петровки* проходила новая линія желѣзной дороги, значительно сокращавшая путь. Поѣзда еще не ходили правильно по этой линіи, но при знакомствѣ съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ можно было проѣхать въ товарномъ поѣздѣ. Въ день отъѣзда женщины поднялись съ зарей и возились около

печи, приготовляя на дорогу различныя печенія для Андрея. Улучая свободную минуту, мать осторожно подходила къ комнатѣ Андрея и любовалась ненаглядным сыномъ. Но едва раздавался гдѣ-нибудь шумъ, она быстро смахивала висѣвшія на рѣсницахъ слезы и поспѣшно исчезала.

Передъ отъѣздомъ она отозвала Андрея въ уголокъ и, съ трудомъ сдерживая слезы, благословила его.

— Андрюшечка, помоги тебѣ Богъ и Пречистая Его Матерь! Пиши мнѣ, сынокъ, хоть разъ въ мѣсяцъ, хоть одну строчку. Твои письма—безцѣнная радость для меня. И вотъ тебѣ отъ меня на дорогу—возьми!—тихо проговорила старуха, вкладывая въ руку Андрея кучку монетъ.

— Что вы, маменька? Зачѣмъ это?—сказалъ Андрей въ смущеніи, раскрывая руку съ кучкой червонцевъ.

Но мать ни за что не хотѣла взять деньги обратно.

— Это—твои, сынокъ! Это тебѣ предназначено. Мнѣ ужъ ничего не нужно.

Спазмы сжали горло Андрею.

— Я всегда буду... думать о васъ... Я часто буду писать вамъ...

И Андрей припалъ къ груди матери.

Вещи были вынесены на подводу. Лошадь скрипѣла оглоблями и нетерпѣливо отмахивалась отъ мухъ. Передъ иконами горѣли свѣчи и лампада. Мать подала знакъ. Всѣ чинно сѣли. Наступило глубокое молчаніе. Мать встала и, опустившись на колѣни, начала жарко молиться передъ иконой Божіей Матери.

Благословивши еще разъ Андрея, мать заплакала.

— Не забывай, сынокъ, Бога! Молись Ему. Онъ — единственная наша защита и прибѣжище наше.

Андрей обѣщалъ молиться.

Въ четвертомъ часу дня онъ выѣхалъ въ сопровожденіи Данилы изъ дому. Въ ушахъ его все еще слышались послѣднія слова матери, и онъ думалъ:

„Бѣдная, ты, бѣдная! Какъ безконечна твоя любовь! И какъ мало ты знала счастья въ своей жизни!“

И Андрей поклялся въ душѣ, что никогда никакое чувство не затемнитъ въ его сердцѣ свѣтлаго образа матери. Онъ вернется къ ней побѣдителемъ и наполнитъ ея жизнь радостью.

Данила провожалъ Андрея до станціи, на которой надо было сѣсть въ товарный вагонъ.

Но на этотъ разъ шелъ балластный поѣздъ съ однѣми платформами. Начальникъ станціи, однако, устроилъ Андрея, и поѣздъ тронулся. Данила поѣхалъ съ Андреемъ, рѣшивши встать

на полустанкѣ, невдалекѣ отъ *Верхней Петровки.* Братья сидѣли грустные и молчали. Предстоящая разлука угнетала обоихъ. Они горячо любили другъ друга.

Поѣздъ вышелъ на закругленіе, огибающее *Верхнюю Петровку.* Братья съ грустью смотрѣли на родную деревню, стараясь отыскать глазами свой домъ. Андрея охватило жгучее чувство. Ему казалось, что онъ навсегда прощается съ своей юностью. И ему захотѣлось еще хоть разъ взглянуть на мать. Кто знаетъ, когда онъ увидитъ ее?

Данила дотронулся до руки Андрея и, указывая рукою на поле, сказалъ:

— Андрюша, смотри: вѣдь это маменька и сестрица!

Андрей надѣлъ пенснэ. По полю, наискось къ полустанку, бѣжали двѣ женскія фигуры. Андрей узналъ мать и Домну Петровну. Старуха, несмотря на свои годы, была впереди. Онѣ спѣшили, чтобъ воспользоваться минутной остановкой поѣзда и еще разъ взглянуть на безцѣннаго Андрея.

Поѣздъ и двѣ женскія фигуры все сближались. Андрей поднялся и началъ махать шляпой. Женщины замѣтили это и ускорили бѣгъ.

Андрей уже ясно началъ различать ихъ лица. Но въ это время раздался пронзительный свистокъ. И поѣздъ, не останавливаясь на полустанкѣ, прошелъ дальше.

Андрей поднялся и закричалъ:

— Остановитесь! Я хочу встать! Остановитесь!...

Но поѣздъ продолжалъ двигаться впередъ, постепенно увеличивая разстояніе между Андреемъ и плачущими навзрыдъ женщинами. Данила поспѣшно обнялъ Андрея и спрыгнулъ на ходу съ поѣзда. Онъ долго еще стоялъ на бугоркѣ, махая Андрею фуражкой. Но Андрей не видѣлъ ничего. Слезы застилали ему глаза.

XIX.

Пріѣхавъ въ Харьковъ, Андрей, согласно наказу Лидіи Николаевны, направился въ „Европейскую гостиницу". Но тамъ заявили:

— Госпожи Каневской у насъ нѣтъ.

Андрей не хотѣлъ вѣрить этому.

— Не можетъ быть. Тутъ какая-нибудь ошибка...

Швейцаръ еще разъ справился въ конторѣ и сказалъ:

— Намъ хорошо извѣстна госпожа Каневская. Но теперь ихъ нѣтъ у насъ.

Андрей съ растеряннымъ видомъ щипалъ пушокъ на бородѣ.

— Странно! Очень странно!

Швейцаръ сжалился надъ Андреемъ и сказалъ, что наведетъ справку въ другихъ гостиницахъ. Андрей обрадовался этой мысли, какъ утопающій протянутой рукѣ. Послышался телефонный звонокъ, потомъ молчаніе, потомъ опять звонокъ. Швейцаръ неистово звонилъ, сердился, повторялъ, отчеканивая нѣкоторыя слова, и черезъ четверть часа сообщилъ, наконецъ, Андрею, что госпожа Каневская остановилась въ гостиницѣ „Россія". Андрей помчался туда.

Былъ десятый часъ дня. Но Лидія Николаевна еще спала. Андрей приказалъ приготовить для себя комнату и, какъ только проснется г-жа Каневская, доложить о немъ. Онъ былъ уязвленъ поступкомъ Лидіи Николаевны. Почему она не извѣстила его о перемѣнѣ адреса или не оставила записки въ „Европейской гостиницѣ"? И, умываясь и еще не придя въ себя отъ дорожной устали, онъ придирался къ разнымъ несовершенствамъ въ гостиницѣ.

Вдругъ дверь его комнаты съ шумомъ распахнулась, и въ комнату влетѣлъ взволнованный и сіяющій Гуня. Онъ очень обрадовался Андрею и, разговаривая съ нимъ, все время захлебывался отъ восторга. Вышло недоразумѣніе:

— Васъ ждали только съ вечернимъ поѣздомъ, и я долженъ былъ встрѣтить васъ.

Лицо у Андрея прояснилось. Пришелъ лакей, похожій на важнаго барина, и пригласилъ ихъ къ Лидіи Николаевнѣ.

Она встрѣтила Андрея съ дружескимъ оживленіемъ. Но въ ея утомленномъ лицѣ было нѣчто новое и такое, что не понравилось Андрею. Одѣта была Лидія Николаевна въ модное платье изъ пестраго муслина съ кружевной отдѣлкой. Ея худая фигура съ длинными ногами, перетянутая корсетомъ, еще больше напоминала Андрею колосъ на высокомъ стеблѣ. Въ большой комнатѣ съ красной бархатной мебелью и съ тяжелыми портьерами было душно и пахло туалетнымъ уксусомъ. Андрей началъ разсказывать о своихъ дорожныхъ похожденіяхъ. Когда онъ дошелъ до переговоровъ въ „Европейской гостиницѣ", Лидія Николаевна бросила тревожный взглядъ на Гуню.

— Да, да, мы всегда тамъ останавливаемся,—скороговоркой произнесла она.—А теперь рѣшили остановиться здѣсь... поближе къ моему доктору.

И когда Лидія Николаевна говорила это, по лицу ея скользили какія-то тѣни. Гуня сидѣлъ съ опущенной головою, отвѣсивъ нижнюю губу.

Во время завтрака Лидія Николаевна много пила и ѣла, приправляя нѣкоторыя блюда обильнымъ количествомъ сои. Вообще для Андрея было нѣчто новое въ Лидіи Николаевнѣ, какъ бы спеціально городское. Отъ него не укрылось и ея нервное, тревожное состояніе, появлявшееся всякій разъ на лицѣ, когда въ прихожей отворялась дверь. Она оборачивалась и быстро спрашивала:

— Кто тамъ?

Въ концѣ завтрака лакей подалъ визитную карточку. Лидія Николаевна заволновалась.

— Скажите, что я... теперь не могу принять. Я буду ждать между... 2—3 часами.

Но когда слуга повернулся, чтобы итти, она бросилась за нимъ и, догнавъ его, что-то тихо сказала ему. Вернувшись, Лидія Николаевна начала жаловаться на жару, на усталость, на свою судьбу. Видъ у нея былъ разстроенный. Заговоривъ объ отъѣздѣ изъ Харькова, Лидія Николаевна объявила, что уѣзжаютъ они черезъ два дня въ Францесбадъ. Ея здѣшній докторъ, которому она вѣритъ, какъ Богу, посылаетъ ее туда. А ей туда не хочется. Тамъ ужасная скука, безпросвѣтная тощища. Она тамъ умретъ отъ скуки.

Андрею захотѣлось развеселить Лидію Николаевну, и онъ сказалъ шутливо:

— Отъ скуки умереть вполнѣ возможно. Энобабръ у Шекспира увѣряетъ, что онъ видѣлъ Клеопатру, умиравшую нѣсколько разъ отъ менѣе важныхъ причинъ.

Лидія Николаевна вспыхнула и вопросительно посмотрѣла на Андрея.

— Почему вы заговорили о Клеопатрѣ?

— Просто такъ—пришлось къ слову.

Лидія Николаевна помолчала и начала обвѣвать себя вѣеромъ.

— А вамъ ясна Клеопатра?—спросила она.

— Совершенно.

— Что же она такое, по-вашему?

— Химически чистая женщина. Въ ней все—женщина.

Лидія Николаевна разсмѣялась.

— Какой вы смѣшной! „Въ ней все—женщина". Но какъ же иначе, если она женщина?

— Бываетъ иначе. Вѣдь бываютъ же вины и чистыя и съ примѣсью различныхъ постороннихъ веществъ. То же и женщины: однѣ бываютъ только на $^1/_2$ женщины, другія—на $^1/_8$, третьи—на $^2/_{17}$ и т. д. до безконечности.

— И Клеопатра, по-вашему, *чистая* женщина?

— Я сказалъ: „химически чистая". А это не одно и то же.

— Какая-жъ разница?

На щекахъ Андрея заиграли ямочки. Лидія Николаевна взглянула на часы, и безпокойство разлилось по ея лицу.

— Ахъ, я и забыла! Андрей Ильичъ, пожалуйста... покажите Гунѣ Харьковъ и пріобрѣтите для него... нужныя книги... Поѣзжайте съ нимъ. Я ужасно занята сегодня, ужасно! Ко мнѣ придутъ... съ дѣлами. И раньше 6 часовъ я не освобожусь... Идите съ Богомъ!

И, перекрестивши почему-то Гуню, Лидія Николаевна съ лихорадочною поспѣшностью выпроводила его и Андрея изъ комнаты.

— Идите, идите! Гуляйте, веселитесь и принесите мнѣ гостинцевъ.

Андрей зашелъ въ свою комнату, набралъ папиросъ и съ смутнымъ осадкомъ на душѣ пошелъ съ Гуней бродить по городу. Они ходили по магазинамъ, накупили ненужныхъ вещей и, усталые, какъ пильщики, вернулись домой. Былъ шестой часъ. Но въ воздухѣ отъ раскаленныхъ мостовыхъ было еще душно. Слуга заявилъ, что госпожи Каневской еще нѣтъ. Черезъ полчаса послѣ нихъ она уѣхала и съ тѣхъ поръ не возвращалась. Андрей удивился.

„Сама же сказала, что къ ней придутъ съ дѣлами, и сама уѣхала!"

Гуня отвѣсилъ нижнюю губу и, скручивая бахрому скатерти, сказалъ мрачно:

— Мама *всегда* такъ. Скажетъ одно, а дѣлаетъ другое.

— Зачѣмъ же сейчасъ и „всегда"?—замѣтилъ съ дружескимъ укоромъ Андрей.—Вѣроятно, маму что-нибудь задержало, и она скоро пріѣдетъ.

— Ее всегда что-нибудь задерживаетъ. И вчера ее задержало, и позавчера. А я здѣсь сижу въ номерѣ одинъ, какъ дуракъ.

— Почему-жъ, „какъ дуракъ"? Развѣ ожидать кого-нибудь значитъ „быть дуракомъ"?

— Конечно, если долго ждешь, то чувствуешь себя дуракомъ.

Андрей обнялъ Гуню и засмѣялся.

— Ну, значитъ, насъ теперь будетъ два дурака. Авось намъ въ компаніи будетъ веселѣе.

И съ присущимъ ему искусствомъ, заражать людей своимъ настроеніемъ, Андрей увлекъ Гуню въ бесѣду и привелъ его въ веселое настроеніе. Пробило 7 часовъ. Лидія Николаевна не по-

являлась. Запасъ веселости у Андрея началъ изсякать. Рѣшили подождать еще четверть часа и затѣмъ обѣдать. Но и черезъ четверть часа Лидія Николаевна не пріѣхала. Ей дали еще 10 минутъ сроку и затѣмъ заказали обѣдъ. Послѣ обѣда начали пить чай съ пирожными, выглядывая поминутно въ окна и прислушиваясь къ стуку экипажей.

Лидія Николаевна пріѣхала только въ 10 часовъ вечера. Она была необыкновенно оживлена, но блѣдна, какъ призракъ, а ея круглые птичьи глаза казались еще больше. Она очень извинялась и умоляла не сердиться на нее.

Ее задержали эти ужасныя дѣла. Ахъ, какъ все это надоѣло ей! И съ какимъ удовольствіемъ она переселилась бы куда-нибудь на необитаемый островъ.

Когда появился лакей съ самоваромъ, Лидія Николаевна потребовала, чтобы съ нею всѣ пили чай и чтобы всѣмъ было хорошо и весело. И, нагибаясь то къ Гунѣ, то къ Андрею, она всячески старалась задобрить ихъ, хвалила ихъ покупки и съ восхищеніемъ ѣла купленныя ими пирожныя. На ней было роскошное шелковое платье съ открытой шеей. Когда она наклонялась близко, отъ нея пахло духами, какъ бы съ примѣсью шампанскаго и гаванскихъ сигаръ.

Вмѣсто двухъ сутокъ Лидія Николаевна пробыла въ Харьковѣ 10 дней. Ее каждый день задерживали какія-то дѣла, которыя очень волновали ее. Она почти не бывала дома и пріѣзжала только вечеромъ. И всякій разъ просительно извинялась, обѣщая впредь быть аккуратной. Но на слѣдующій день снова какія-то дѣла вырывали ее на цѣлый день изъ дому.

Послѣдній день, проведенный Андреемъ въ Харьковѣ, въ душномъ номерѣ гостиницы, показался особенно томительнымъ. Онъ хотѣлъ написать большое хорошее письмо матери и выразить ей то особенное чувство, которое онъ переживалъ, когда выѣзжалъ изъ *Верхней Петровки*. Но это чувство поблекло въ немъ и потеряло свою остроту. Андрей отложилъ письмо до другого раза и взялся за книгу. Но и чтеніе не захватило его вниманія.

Наконецъ, Лидія Николаевна покончила всѣ свои дѣла, и отъ гостиницы отъѣхала на вокзалъ карета со множествомъ сундуковъ и картонокъ. На вокзалѣ съ многочисленными вещами Лидіи Николаевны вышли осложненія. Наконецъ, все устроилось. Андрей сидѣлъ съ Гуней въ купэ 1-го класса, а Лидія Николаевна стояла у двери. Раздался 2-й звонокъ. Вдругъ Лидія Николаевна быстро отступила назадъ и съ безпокойствомъ на лицѣ попросила Андрея закрыть поскорѣе дверь купэ и никого не пускать.

Андрей быстро задвинулъ дверь, и когда кто-то взялся за ручку двери, онъ строго произнесъ:

— Занято-съ!

Послышался 3-й звонокъ. Поѣздъ тронулся. Гуня сталъ у окна, Лидія Николаевна нагнулась къ Андрею и шепнула:

— Посмотрите въ салонѣ... Тамъ нѣтъ господина съ рыжей бородою... въ цилиндрѣ?

Андрей заглянулъ въ салонъ вагона. Тамъ сидѣла пожилая дама и два старика. Господина въ цилиндрѣ не было. Андрей вернулся въ купэ и знаками показалъ Лидіи Николаевнѣ, что господина въ цилиндрѣ нѣтъ въ вагонѣ. Она глазами поблагодарила его и опять шепнула:

— Пройдитесь по вагонамъ... посмотрите тамъ.

Андрей прошелъ весь поѣздъ и не нашелъ того, кого, видимо, не желала видѣть Лидія Николаевна. Она съ облегченіемъ вздохнула и указала глазами Андрею мѣсто около себя. Гуня обернулся къ нимъ и ревниво нахмурился. Лидія Николаевна съ нѣжностью сказала Гунѣ:

— Милый, иди къ тому окну, что въ коридорѣ. Съ той стороны интереснѣе виды, чѣмъ съ этой. Сейчасъ будетъ рѣка и деревня.

— Мнѣ не надо никакой рѣки,—не оборачиваясь, отвѣтилъ угрюмо Гуня.

— Ты же потеряешь, а не мы... Какъ здѣсь душно! Пойдемте, Андрей Ильичъ, къ тому окну!

Они вышли въ коридоръ. Лидія Николаевна понизила тонъ:

— Знаете, кого я такъ боялась, чтобъ не вошелъ къ намъ въ купэ?

— Не знаю, Лидія Николаевна!

— Моего мужа. Онъ, вѣроятно, кого-нибудь провожалъ и былъ на вокзалѣ. Я вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Но развѣ онъ могъ причинить вамъ какую-нибудь непріятность?

— О, еще бы! И не столько мнѣ, сколько ему.—И Лидія Николаевна указала глазами на Гуню.—Вы не можете представить, что съ нимъ дѣлается послѣ всякой встрѣчи съ отцомъ! Ахъ, это ужасный человѣкъ!

И, замѣтивъ, что Гуня отошелъ отъ окна, Лидія Николаевна сказала громко:

— Все это, понимаете, ужасно, что я говорила вамъ о... мальчикѣ Колѣ.

— Мнѣ вполнѣ понятны чувства Коли и тревога его матери,—

сказалъ Андрей.—Но, скажите, пожалуйста, развѣ нельзя было такъ устроить, чтобы... Коля хоть изрѣдка могъ видѣться съ... господиномъ Ивановымъ?

— Невозможно,—сказала съ живостью Лидія Николаевна.— Мать Коли нѣсколько разъ пробовала сдѣлать это. Но всегда кончалось скандаломъ.

И Лидія Николаевна, довольная тѣмъ, что такъ находчиво придумала способъ вести интимную бесѣду, а ея собесѣдникъ такъ понятливъ, начала разсказывать Андрею о своей семейной жизни, стараясь подбирать такія выраженія, которыя замаскировали бы для Гуни истинный смыслъ ея словъ. Мужа своего она называла „господиномъ Ивановымъ", а себя „матерью Коли". Условный языкъ съ полунамеками очень понравился Лидіи Николаевнѣ. Онъ возбуждалъ ея мысли и сообщалъ рѣчи интересный характеръ, точно въ маскарадѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ по отъѣздѣ изъ Харькова между Лидіей Николаевной и Андреемъ образовалась неуловимая близость. Они съ нетерпѣніемъ поджидали станцій, наклонялись вмѣстѣ къ окну, выходили на платформу и послѣ второго звонка бѣгомъ возвращались въ свой вагонъ. На одной станціи Андрей купилъ букетъ ландышей для Лидіи Николаевны. Она пришла въ восторгъ.

— Ахъ, какъ это мило! Вы знаете? Ландыши — мои любимые цвѣты.

И, прижавъ букетъ къ лицу, она упивалась запахомъ ландышей.

Наступилъ вечеръ. Въ купэ было душно. Но Гуня взобрался на верхнюю койку и заснулъ, какъ убитый. Лидія Николаевна съ Андреемъ стояли въ коридорѣ у открытаго окна. Вѣтеръ игралъ ея легкой тканью изъ шелковаго газа и дѣлалъ Лидію Николаевну похожей на видѣніе. Она разсказывала Андрею о своей жизни, о своей юности.

Шестнадцатилѣтней дѣвушкой, неопытной и невинной, какъ ребенокъ, она была выдана замужъ за безнравственнаго кутилу и игрока, который промоталъ все ея состояніе и пустилъ бы ее по міру, если бы она не получила наслѣдства. Но онъ опять вкрался въ ея довѣріе. А она, глупая, всему вѣрила!... И опять чуть не разорилъ ее. Еще какое счастіе, что состояніе ея заключалось, главнымъ образомъ, въ недвижимомъ имуществѣ. Боже, сколько она натерпѣлась отъ мужа! Если бы ея жизнь описалъ какой-нибудь писатель, это вышелъ бы преинтересный романъ... Но какъ ни странно, какъ ни ужасенъ ея мужъ, а

Гуня боготворитъ его. Онъ ревнуетъ ее ко всякому мужчинѣ и ненавидитъ всѣхъ ея знакомыхъ. Все это въ концѣ-концовъ отравляетъ ея жизнь, и она чувствуетъ себя такою же одинокой, какъ былинка при дорогѣ. Придетъ кто-нибудь и растопчетъ ее.

И когда Лидія Николаевна произносила слово „былинка", то дѣйствительно была похожа на былинку. Андрей сочувственно слушалъ. У него было доброе, отзывчивое сердце. И по мѣрѣ того, какъ разсказывала Лидія Николаевна, въ немъ нарастали и состраданіе къ безпомощной „былинкѣ", и острая непріязнь къ ея мужу „мучителю". Когда она кончила свою повѣсть, Андрей горѣлъ благороднымъ жаромъ состраданія и думалъ:

„Вѣдь вотъ всѣ мы жаждемъ подвиговъ и ищемъ *настоящаго дѣла*. А настоящее дѣло часто находится около насъ. Въ сущности, какая это высокая задача—согрѣть и поддержать иную душу надъ бездной отчаянія! Бѣдное ты существо! И ты, дѣйствительно, подобна былинкѣ. Пройдетъ кто-нибудь и растопчетъ тебя!"

И Андрей воспламенился желаніемъ, не допустить столь чудовищной несправедливости. И, невольно волнуясь, онъ заговорилъ съ Лидіей Николаевной о томъ душевномъ состояніи, какое она вызвала въ немъ своей повѣстью. И какъ онъ завидуетъ въ данную минуту тѣмъ людямъ, которые обладаютъ даромъ—врачевать людскія сердца живительной силой слова. И какъ бы хотѣлось ему въ настоящую минуту извлечь изъ своей души такое цѣлебное слово и облегчить имъ наболѣвшее сердце!

Лидія Николаевна слушала его, какъ старшая сестра слушаетъ размечтавшагося брата, и сказала ласкающимъ голосомъ:

— Ахъ вы, милый графъ де-Ризооръ! Какъ вы всѣ, студенты, похожи другъ на друга! И почему я такъ симпатизирую вамъ, что вы всегда готовы, какъ это говорится: „возстать войной на лоно бѣдъ".

Андрей хотѣлъ поправить: „на море бѣдъ", но подумалъ: „это не важно". А Лидія Николаевна продолжала развивать свои мысли:

— И почему вы думаете, что въ васъ нѣтъ этого чудеснаго дара, который согрѣваетъ людское сердце? Вотъ вы сказали это, и мнѣ уже легче сдѣлалось... Однако, который часъ теперь? Половина второго? Не можетъ быть!... Ай-ай! А мнѣ докторъ приказалъ въ 11 часовъ быть уже въ постели. Подождите здѣсь. Я вамъ потомъ крикну.

И Лидія Николаевна, какъ тѣнь, скользнула въ купэ. Черезъ четверть часа она лежала на нижней койкѣ, прикрытая по

шею пледомъ. Фонарь былъ завѣшенъ синей шелковой занавѣской, придававшей всему таинственный полумракъ. Андрей пожелалъ Лидіи Николаевнѣ спокойной ночи и, чтобы не стѣснять ея, легъ на свободную верхнюю койку. Немного погодя, снизу послышался голосъ Лидіи Николаевны:

— Андрей Ильичъ, вы можете устраиваться, какъ вамъ наиболѣе удобно, во-первыхъ, потому, что въ дорогѣ никто никого не долженъ стѣснять, а во-вторыхъ, мнѣ отсюда ничего не видно.

Андрей перевѣсился съ койки и поблагодарилъ Лидію Николаевну. Лицо его налилось кровью, и когда онъ легъ, ему стало жарко и душно. Онъ долго не могъ заснуть, прислушиваясь къ шороху внизу, и нѣсколько разъ поднималъ голову. Лидія Николаевна, тихо покачиваясь, лежала недвижимо, точно мертвая.

XX.

На третій день путешественники были въ Вѣнѣ. Дорога очень сблизила Андрея съ Лидіей Николаевной. Ея возбужденное состояніе улеглось и замѣнилось тихой ласковостью. Она дружески говорила съ Гуней, уступала ему во всемъ и по цѣлымъ часамъ товарищески бесѣдовала съ Андреемъ. Они старались проявить другъ къ другу взаимное вниманіе, и когда появлялись на платформѣ, то ихъ принимали за влюбленную парочку.

Вѣна не произвела на Андрея хорошаго впечатлѣнія и показалась ему гораздо хуже Петербурга. И по обычаю всѣхъ русскихъ, впервые пріѣзжающихъ за границу, Андрей на каждомъ шагу фыркалъ и разносилъ вѣнскіе порядки.

— И ничего тутъ особенно хорошаго нѣтъ,—говорилъ онъ съ досадою.—Ни красоты, ни культуры. Въ Петербургѣ все несравненно лучше. И кормятъ въ Петербургѣ гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. И постройки оригинальнѣе. И городовые вѣжливѣе. А тутъ: подойдешь къ герру полицейману не съ той стороны, съ какой онъ желаетъ, не туда какое-нибудь „zu“ или „aus“ приткнешь, и онъ уже смотритъ на васъ, какъ на какого-нибудь Untermensch'а. Онъ васъ „не понимаетъ“. А женщины! „Вѣнки! Вѣнки! Какое изящество!“ И все это басни! Никакого изящества нѣтъ въ вѣнкахъ. Я никогда не былъ въ Лодзи, но мнѣ кажется, что въ Лодзи должны быть именно такія женщины, какъ въ Вѣнѣ. И почему у нихъ такіе толстые животы? Съ перваго взгляда это даже кажется подозрительнымъ. Не нарочно ли онѣ устраиваютъ это, чтобы имѣть видъ порядочныхъ женщинъ. Но мнѣ объяснили: это оттого, что вѣнки много ѣдятъ мучныхъ веществъ. Углеводы

и пучатъ имъ животы. Съ точки зрѣнія вегетаріанства это, можетъ быть, даже и хорошо. Но со стороны эстетики!... Нѣтъ, нѣтъ, сюда я больше не ѣздокъ...

Лидія Николаевна до слезъ хохотала, слушая Андрея, и нарочно расхваливала Вѣну, чтобы вызвать у него возраженія. Ей, напротивъ, Вѣна очень нравилась. Она любила вѣнскую жизнь и хотя намедни и высказала желаніе поселиться на необитаемомъ островѣ, однако ѣздила охотно въ Пратеръ и пила пиво, какъ настоящая нѣмка. По утрамъ она уѣзжала къ своему вѣнскому доктору, которому тоже вѣрила, какъ Богу, хотя платила меньше, чѣмъ харьковскому.

Андрей пользовался ея отсутствіемъ и писалъ длиннѣйшія посланія домой, изливая въ нихъ тоску по родинѣ.

Возвращалась Лидія Николаевна отъ доктора всегда утомленная и нѣсколько капризная. Называла Гуню „Сергѣемъ" и поминутно говорила ему съ раздраженіемъ:

— Сергѣй, не стучи! Сергѣй, не тряси ногою!

И когда онъ начиналъ оправдываться, ея лицо нервно морщилось. Придя однажды отъ доктора, Лидія Николаевна весело закричала:

— Готовьтесь! Собирайтесь! Сегодня ѣдемъ. Профессоръ приказалъ, чтобы завтра и духу моего въ Вѣнѣ не было.

Андрей и Гуня обрадовались и засуетились.

На другой день они были въ Франценсбадѣ и поселились въ одномъ изъ комфортабельныхъ отелей.

Франценсбадъ съ его чистотой и порядкомъ произвелъ на Андрея очень хорошее впечатлѣніе. Все здѣсь ему нравилось, все вызывало въ немъ чувство, похожее на очарованіе. У него была хорошо обставленная, уютная комната, выходившая въ маленькій садикъ съ цвѣтами. И по вечерамъ въ его комнатѣ пахло весною.

XXI.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! Это окно точно въ рай выходитъ,—сказала однажды Лидія Николаевна, входя съ Гуней въ комнату Андрея и заглядывая въ окно.

— Да, здѣсь недурно,—сказалъ Андрей, подавая стулъ Лидіи Николаевнѣ и, улыбаясь ямочками на щекахъ,—хотя я и предпочелъ бы видѣть здѣсь нѣкоторыя передѣлки.

— Какія? Скажите. Я попрошу хозяина сдѣлать.

— Я предпочелъ бы, чтобы не окно, а дверь изъ моей комнаты выходила въ рай.

Лидія Николаевна мечтательно улыбнулась.

— Это вы должны сдѣлать ужъ сами, на собственныя средства.—И Лидія Николаевна вдругъ зардѣлась, какъ дѣвочка, затѣмъ сказала:

— Право же, здѣсь хорошо! Ужасно хорошо! Даже уходить не хочется.

— А вы и не уходите.

— Чтобы вы потомъ жаловались, что я помѣшала вамъ работать?

— Я даже на себя никогда не жалуюсь. А никто мнѣ больше, чѣмъ я, не мѣшаетъ работать. На васъ же я и подавно не буду жаловаться. А если хотите, еще угощу васъ чѣмъ-нибудь.

Лицо у Лидіи Николаевны приняло сладкое выраженіе.

— Чѣмъ же вы меня угостите?

— Самымъ что ни на есть лучшимъ.

— Ну, угощайте!

— Гуня, давай, братъ, придумывать, чѣмъ бы намъ угостить маму.

И Андрей началъ перебирать разныя сласти. Лидія Николаевна на все изъявила согласіе. Она могла ѣсть сладкое когда угодно и сколько угодно. Андрей мигомъ слеталъ въ кондитерскую и принесъ шоколадныхъ конфетъ.

Съ этого дня Лидія Николаевна часто заходила въ комнату Андрея, усаживались у окна и предлагала угостить ее „чѣмъ-нибудь вкуснымъ“.

Съ переѣздомъ въ Франценсбадъ отношенія между Лидіей Николаевной и Андреемъ приняли особенно дружественный характеръ. Сама жизнь въ значительной степени способствовала этому. У Лидіи Николаевны была сложная женская болѣзнь, требовавшая, по словамъ мѣстнаго врача, строгаго соблюденія курсовыхъ правилъ. И первое время Лидія Николаевна исполняла всѣ приказы доктора съ такимъ усердіемъ, что ее можно было принять за фанатичку, совершающую религіозные обряды. Она заводила себя, какъ часы, на цѣлыя сутки. Въ 6 часовъ утра вставала, въ 9 завтракала, въ 2 обѣдала, ровно въ 10 часовъ ложилась въ постель.

Ея врачъ, дѣлавшій въ своей записной книжкѣ характеристики своимъ паціентамъ, отмѣтилъ Лидію Николаевну, какъ „славянку съ искаженнымъ, но упорнымъ характеромъ“. Въ сущности, это было не вѣрно. У Лидіи Николаевны не было никакого характера, какъ у нѣкоторыхъ цвѣтовъ не бываетъ запаха. Она просто-напросто желала угодить своему доктору, боясь, чтобы

онъ не разсердился на нее и не бросилъ лѣчить. Его рекомендовалъ ей вѣнскій профессоръ, какъ лучшаго специалиста по ея болѣзни.

Этотъ спеціалистъ былъ кумиромъ и грозою своихъ паціентокъ, и за нѣсколько минутъ до его прихода Лидія Николаевна первое время была въ такомъ волненіи, какъ будто ждала посѣщенія австрійскаго императора Франца-Іосифа. Въ этомъ, въ сущности, и заключалась тайна обаянія моднаго доктора, что паціентки его боялись. Небольшого роста, съ густыми бровями и твердой, настойчивой волей, модный докторъ говорилъ съ паціентками отрывисто, точно командовалъ солдатами. Всякіе посторонніе вопросы обрывалъ на полусловѣ, и какъ только проходило назначенное число минутъ для визита, поднимался, точно автоматъ и исчезалъ. Ничто въ мірѣ не могло его задержать тогда. Онъ уклонялся отъ всякихъ вопросовъ, ссылаясь на то, что его ждутъ больныя.

Одна русская княгиня хотѣла однажды его задержать и предложила ему удвоенную плату за двойной визитъ. Онъ рѣзко отказался. Это сдѣлало ему еще большую славу, удесятерившую его популярность. И многія иностранки, командовавшія, вѣроятно, генералами на своей родинѣ, здѣсь никли духомъ передъ маленькимъ человѣчкомъ съ густыми бровями.

Андрей тоже привыкъ вставать рано и провожалъ всегда Лидію Николаевну въ курзалъ, гуляя во время „водопоя“ въ паркѣ, или поджидая ее подъ знаменитой исторической липой, которой франценсбадцы гордятся не менѣе, чѣмъ швейцарцы Монбланомъ.

У Гуни съ перваго же дня пріѣзда завязалась тѣсная дружба съ однимъ мальчикомъ, жившимъ съ своею матерью въ томъ же отелѣ. Послѣ занятій Гуня мчался къ своему новому другу и цѣлый день былъ съ нимъ неразлученъ.

Тихая, ровная жизнь съ музыкальными вечерами въ паркѣ и долгія прогулки по тѣнистымъ аллеямъ и живописнымъ окрестностямъ незамѣтно сближали Лидію Николаевну съ Андреемъ.

Она такъ привыкла къ нему, что когда его не было около нея, то ей казалось, что у нея нѣтъ съ собою зонтика или вѣера. Своимъ общительнымъ характеромъ онъ дѣйствовалъ на нее гораздо лучше, чѣмъ франценсбадскія глауберово-щелочныя воды. И она въ сердцѣ своемъ благодарила судьбу, пославшую ей такого неоцѣнимаго человѣка.

Лидія Николаевна покровительствовала Андрею въ дѣлѣ пріобрѣтенія свѣтскихъ манеръ, занималась его французскимъ произношеніемъ и ухаживала за нимъ, какъ за младшимъ братомъ.

Это всегда трогало Андрея. И онъ, въ свою очередь, относился къ ней съ особеннымъ вниманіемъ, стараясь все дѣлать такъ, чтобы ей было пріятно. Когда она ждала своей очереди у источника, онъ часто исчезалъ и возвращался съ пышной розой, на лепесткахъ которой хитроумный садовникъ оттискивалъ какое-нибудь привѣтствіе: Gut Morgen, Willkomen и т. п.

Лидія Николаевна благодарно вскидывала свои птичьи круглые глаза на Андрея, подносила розу къ лицу и упивалась ея ароматомъ.

— Какая прелесть! Какъ это мило съ вашей стороны! Роза— мой любимый цвѣтокъ!

И она прикалывала розу къ корсажу или вправляла въ свои сухіе матово-черные волосы. Днемъ, когда въ паркѣ было жарко, они любили гулять подъ „Колоннадой“. Здѣсь они останавливались у витринъ, покупали различныя бездѣлушки и болтали, какъ дѣти, очутившіеся на волѣ. Въ пятомъ часу Лидія Николаевна переодѣвалась, какъ на балъ, и они уходили въ паркъ на музыку.

Здѣсь Андрей любилъ присѣсть гдѣ-нибудь въ тѣнистомъ уголкѣ за однимъ изъ желѣзныхъ столиковъ и пилъ что-нибудь прохладительное. Мягкая зелень газоновъ, чисто подметенныя дорожки и красивыя группы разодѣтыхъ женщинъ привлекали и нѣжили зрѣніе. Въ воздухѣ висѣлъ сдержанный гулъ всевозможныхъ нарѣчій, прерываемый отрывистымъ шиканьемъ жаждущихъ и алчущихъ. Изъ-подъ тѣнистыхъ деревьевъ поминутно слышалось:

— Пссъ!... Мэд-хенъ!...

На площадкѣ, какъ изъ-подъ земли, выростала Mädchen въ бѣломъ передникѣ съ кожанымъ карманомъ на боку, какъ у Гретхенъ. Дѣвушка быстро приносила требуемое и быстро исчезала, весело шурша юбкою.

Въ аллеѣ показывался рядъ тачекъ съ музыкальными инструментами. Въ публикѣ пробѣгало оживленіе. Изящный павильонъ съ рѣзными украшеніями наполнялся музыкантами въ черныхъ сюртукахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Среди общаго ожиданія появлялся, наконецъ, и дирижеръ. Онъ быстро всходилъ на небольшое возвышеніе, поднималъ магическую палочку, и паркъ наполнялся волшебными звуками.

Музыка иногда производила на Лидію Николаевну такое впечатлѣніе, какъ гроза на кошекъ. Она притихала и ежилась, охваченная дрожью. Иногда она уходила въ глубину парка, чтобъ

слушать музыку издали и, поднявши лицо, говорила замирающимъ голосомъ:

— Господи, какъ это хорошо!... Такъ бы хотѣлось слиться съ этими звуками и разсѣяться съ ними въ воздухѣ!

Андрей одобрялъ и музыку и стремленіе разсѣяться съ музыкальными звуками.

Одѣвалась Лидія Николаевна богато и модно, всякій разъ придумывая для шеи или для головы что-нибудь легкое и воздушное, какъ дымка. Франценсбадская жизнь дѣйствовала на нее хорошо. Она сдѣлалась спокойнѣе, мягче, ровнѣе. Въ глазахъ ея появились теплые отсвѣты чего-то свѣжаго въ ея душѣ. И въ такія минуты она была похожа на дѣвушку.

Андрей открылъ въ Франценсбадѣ библіотеку съ запрещенными въ Россіи изданіями. Онъ съ жадностью набросился на чтеніе и читалъ все съ запоемъ, какъ институтки запрещенные романы. Съ присущимъ ему увлеченіемъ онъ быстро усваивалъ прочитанное и потомъ по цѣлымъ днямъ развивалъ передъ Лидіей Николаевной различныя положенія, казавшіяся ему безспорными.

Лидія Николаевна, какъ всегда, слушала его охотно и съ большимъ интересомъ, точно гипнотизируясь его увлекательной рѣчью. Ей часто приходило въ голову, какой талантливый политическій дѣятель могъ бы выйти изъ Андрея, живи онъ гдѣ-нибудь на Западѣ. Но Андрей еще не примирился съ Западомъ и постоянно точилъ на него зубы, увѣряя Лидію Николаевну, что Западу далеко до Россіи.

— Въ сущности, какъ хорошо ни обставлять пальму,—говорилъ онъ, — а пальмѣ всетаки гораздо лучше будетъ въ Африкѣ, нежели у Палкина. Такъ и русскаго человѣка всегда хоть немного будетъ тошнить на Западѣ.

Лидія Николаевна возражала Андрею:

— Почему? Вы еще не знаете Европы и, познакомившись съ нею, навѣрное перемѣните ваше мнѣніе.

Но Андрей стоялъ на своемъ:

— Никогда и ни въ какомъ случаѣ я не поставлю Запада рядомъ съ Россіей. Насмотрѣлся я здѣсь на всевозможныхъ „представителей Европы". Всѣ они однимъ мѵромъ мазаны. И по-моему пѣсенка Европы спѣта. Ничего новаго она уже не можетъ сказать міру, напоминая собою бумирангъ, который, дойдя до извѣстной точки, возвращается назадъ...

Даже не соглашаясь съ Андреемъ, Лидія Николаевна всетаки

съ удовольствіемъ слушала его. И по лицу ея разливалась женственная нѣжность.

Однажды Гуня, соблазненный своимъ новымъ другомъ, началъ упрашивать Андрея, совершить съ ними экскурсію въ одну деревню, славившуюся необыкновенной живописностью. Экскурсія должна была взять около сутокъ. Но Андрею не хотѣлось разставаться съ Лидіей Николаевной, и онъ началъ отговаривать Гуню отъ экскурсіи. Гуня отвѣсилъ нижнюю губу и угрюмо заявилъ:

— Вы не хотите итти, вотъ и все.

— Откуда ты это взялъ, Гуня, что я не хочу?

— По вашему лицу видно, что не хотите.

— Это только доказываетъ, что ты плохой физіономистъ. Напротивъ, мнѣ очень хочется пойти съ вами.

И Андрей далъ согласіе.

Черезъ нѣсколько дней экскурсія состоялась. Но вмѣсто 4—5 часовъ взяла 12. Андрей былъ очень доволенъ экскурсіей и съ увлеченіемъ проектировалъ цѣлый рядъ подобныхъ прогулокъ. Но когда они начали приближаться къ Франценсбаду, сердце у него трепетно забилось. Былъ десятый часъ вечера. Въ Франценсбадѣ жизнь уже затихла. Когда Андрей подошелъ къ своему отелю, съ балкона послышался нетерпѣливый голосъ Лидіи Николаевны:

— Идите же скорѣе!...

Андрей быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и съ бьющимся сердцемъ вошелъ на балконъ. Въ воздухѣ уже стемнѣло. Онъ могъ разглядѣть только женскій силуэтъ въ углу балкона, закрытаго съ боковъ парусиной.

— Идите сюда!—шепнула Лидія Николаевна и, протянувъ Андрею руку, удержала его руку въ своей.—Какъ вамъ не стыдно такъ долго оставлять меня одну?!..

Андрея охватило волненіе. Онъ хотѣлъ заговорить, но въ это время на балконъ вбѣжалъ Гуня и, захлебываясь, началъ разсказывать объ экскурсіи.

— А я васъ больше не пущу,—сказала Лидія Николаевна,—мнѣ безъ васъ было такъ скучно, что я не знала, что и дѣлать съ собой.

И, когда она говорила это, въ голосѣ ея зазвучала особенная нотка, бросившая въ жаръ Андрея. Черезъ полчаса Гуня ушелъ спать. Лидія Николаевна предложила Андрею пройти въ паркъ. Ей было душно и хотѣлось воздуха. Андрей вспомнилъ предписаніе доктора и сказалъ съ заботливостью:

— А урочный часъ?

— Ничего! Одинъ разъ можно недоспать немножко, тѣмъ болѣе, что я все равно теперь не засну.

И, взявши Андрея подъ руку и ежась отъ вечерней свѣжести, Лидія Николаевна быстро направилась въ паркъ. Они прошли одну изъ темныхъ аллей, ведущихъ къ источнику, и сѣли на любимой скамьѣ. Лидія Николаевна продолжала ежиться и говорить съ дрожью въ голосѣ. Андрей спросилъ съ участіемъ:

— Вамъ неможется сегодня?

— Нѣтъ, нѣтъ! Это такъ. Со мной это иногда бываетъ. Я даже плакала сегодня.

— Что же съ вами?

— Не знаю. Но мнѣ было такъ грустно, какъ будто я потеряла что-нибудь. Все это, вѣроятно, потому, что я скучала. Я ужасно привыкла къ вамъ...

Вдругъ Лидія Николаевна поднялась, какъ бы испугавшись чего-то, и быстро пошла по аллеѣ. Андрей догналъ ее и предложилъ руку. Но она отказалась и продолжала итти быстро, точно убѣгая отъ кого-то.

Въ коридорѣ гостиницы было полутемно. Подойдя къ своей двери, Лидія Николаевна взялась лѣвой рукой за ручку двери, а правую протянула ладонью внизъ Андрею. Онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку. Но вдругъ почувствовалъ дыханіе около своей щеки и прикосновеніе горячихъ губъ. Онъ поднялъ голову. Лидіи Николаевна исчезла.

Лицо у Андрея пылало. Онъ поднесъ руку къ щекѣ и съ туманомъ въ головѣ вошелъ въ свою комнату. Окно было открыто, и изъ садика смотрѣла темная благоухающая ночь. Андрей сѣлъ къ окну и въ радостномъ смятеніи просидѣлъ до разсвѣта. Онъ нѣсколько разъ нѣжно прикладывалъ руку къ щекѣ, на которой, какъ бы, горѣлъ еще поцѣлуй Лидіи Николаевны.

Неужели онъ любимъ? Нѣтъ, это было бы слишкомъ много...

XXII.

Гуня съ трудомъ разбудилъ Андрея.

— Андрей Ильичъ! Васъ мама ждетъ!

Андрей вскочилъ съ кровати, въ нѣсколько минутъ одѣлся и выбѣжалъ на улицу.

Лидія Николаевна стояла въ тѣни каштана и поджидала Андрея, чертя зонтикомъ на пескѣ таинственные знаки. Было тихое солнечное утро съ разлитой въ воздухѣ утренней свѣжестью, сообщавшей всему окружающему неотразимую прелесть.

Андрей взглянулъ на Лидію Николаевну, и душа его запѣла отъ счастья. Лидія Николаевна встрѣтилась съ его горячимъ взглядомъ и съ застѣнчивостью молодой дѣвушки подала руку Андрею. Въ стѣсненномъ молчаніи они дошли до курзала. Подойдя съ Лидіей Николаевной къ источнику, Андрей оставилъ ее и помчался черезъ паркъ въ оранжерею. Ему хотѣлось какъ-нибудь особенно привѣтствовать въ этотъ день Лидію Николаевну. Всѣ надписи, имѣющіяся на лепесткахъ цвѣтовъ, казались Андрею сухими и банальными. Ему хотѣлось подыскать какую-нибудь особенно нѣжную надпись. Садовникъ заявилъ, что на лепесткахъ можно оттиснуть все, что угодно, но только надо объ этомъ заявить раньше. И онъ подалъ Андрею маленькую книжечку въ изящномъ переплетѣ, въ которой были напечатаны отрывки изъ нѣмецкихъ поэтовъ. Андрей произнесъ нѣкоторыя слова громко, какъ бы примѣряя ихъ къ своимъ чувствамъ, и, наконецъ, остановился на гейневскомъ двустишіи:

Nimm hin nimm Alles, was ich hab'
Mein Liebstes tret'ich gern dir ab [1])...

Послѣ этого онъ выбралъ для Лидіи Николаевны алую, какъ кровь, розу съ нѣсколькими незабудками и помчался къ курзалу.

Лидія Николаевна уже выпила свою порцію и ждала Андрея. Увидѣвъ его, она вспыхнула и поспѣшно пошла къ нему навстрѣчу. Онъ подалъ ей цвѣты. Пройдя въ аллею и любуясь полученными цвѣтами, Лидія Николаевна тихо спросила:

— Почему вы выбрали красную розу и незабудки?

— Красная роза—знакъ... симпатіи,—сказалъ Андрей, волнуясь.

— А незабудки?

— Эмблема постоянства. Онѣ какъ бы поясняютъ розу, что она не только пламенѣетъ, но и постоянно будетъ пламенѣть.

Лидія Николаевна вынула одну незабудку и вложила въ петличку Андрея.

— Пусть мнѣ цѣликомъ остается ваша... симпатія, а постоянствомъ я хочу съ вами подѣлиться.

И по лицу Лидіи Николаевны разлилось то особенное выраженіе смущенія и наивности, которое всегда такъ трогало Андрея. Казалось, передъ нимъ была не тридцатилѣтняя женщина, а молодая неопытная дѣвушка.

Когда они пришли домой, между ними возстановились новыя

---

[1]) Возьми же, возьми все, что у меня есть. Самое драгоцѣнное мнѣ я охотно отдаю тебѣ.

отношенія. Андрей влюбленными глазами ловилъ каждое движеніе Лидіи Николаевны. Она относилась къ нему съ пугливой сдержанностью порядочной женщины, въ сердцѣ которой возникло страстное чувство. Скромный завтракъ въ садикѣ отеля показался Андрею пиромъ боговъ. Въ каждомъ словѣ, сказанномъ Лидіей Николаевной, ему слышался отзвукъ сердечнаго гимна. И онъ въ иносказательныхъ выраженіяхъ, непонятныхъ для Гуни, изливалъ передъ Лидіей Николаевной свои безумныя грезы.

Очутившись вечеромъ послѣ музыки въ уединенной части парка, Андрей, какъ обезумѣвшій, началъ покрывать поцѣлуями руки и платье Лидіи Николаевны. Она сидѣла растерянная и повторяла шопотомъ:

— Встаньте!... Сюда могутъ прійти... Встаньте же... Андрей!...

Слово „Андрей“ опьянило его. Ему хотѣлось выбѣжать на площадь и закричать на весь Франценсбадъ:

„Она назвала меня Андреемъ“.

И, прижавъ ея руку къ своей груди, онъ проговорилъ задыхаясь:

— Я васъ люблю!

— Я васъ тоже... Но сидите спокойно.

Андрей покорно исполнилъ желаніе Лидіи Николаевны.

Былъ теплый и нѣсколько душный вечеръ. Несмотря на обильную поливку въ паркѣ, воздухъ казался сухимъ и напряженнымъ. Темныя тучи, похожія на клубы дыма, быстро пухли и громоздились одна на другую. Вдали послышались глухіе раскаты грома. Лидія Николаевна испуганно встала.

— Идемте домой! Начинается гроза.

И она, точно подгоняемая чѣмъ-то, устремилась изъ парка. Лидія Николаевна страшно боялась грозы и всякій разъ, какъ раздавались раскаты грома, пугливо жалась къ Андрею. Онъ старался успокоить ее:

— Гроза еще далеко отъ Франценсбада. Мы двадцать разъ успѣемъ прійти домой.

Но Лидія Николаевна почти бѣжала, не отвѣчая Андрею. Отдаленный раскатъ грома, начавшійся глухимъ рычаніемъ, усилился, подступилъ къ Франценсбаду и съ оглушительнымъ трескомъ разсыпался за паркомъ. Лидія Николаевна пронзительно вскрикнула, захватила рукой шлейфъ платья и пустилась бѣгомъ.

Когда они прибѣжали домой, могучій молодой громъ, какъ бы освобожденный изъ оковъ, побѣдно загремѣлъ надъ Франценсбадомъ. Въ воздухѣ сразу посвѣжѣло. Небо на горизонтѣ вспыхивало отъ ослѣпительныхъ молній.

Лидія Николаевна, запыхавшись, взбѣжала по лѣстницѣ и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, начала торопливо закрывать всѣ окна и отдушники. Затѣмъ подбѣжала къ глубокому креслу и въ изнеможеніи упала въ него. Андрей старался успокоить ее, цѣловалъ ея холодные длинные пальцы и клялся въ вѣчной любви. Лидія Николаевна на время затихла, но при всякомъ ударѣ грома вскрикивала и съ дрожью прижималась къ Андрею. Гроза все усиливалась. Вдругъ оглушительный ударъ грома потрясъ всю гостиницу. Лидія Николаевна вскрикнула и отшатнулась отъ Андрея.

— Не приближайтесь ко мнѣ! Это грѣшно! Надо молиться. А мы что дѣлаемъ?

И она начала шептать молитвы, вся дрожа, какъ молодое деревцо подъ напоромъ вѣтра. Андрей тщетно старался доказать ей, что въ Франценсбадѣ существуютъ громоотводы и гроза не можетъ быть опасной.

— Наконецъ, если хоть на минуту допустить, что громъ можетъ „карать", то ужъ, конечно, не любящихъ, а ненавидящихъ. Это такъ ясно, что я не сталъ бы и говорить, если бы вы не были въ такомъ состояніи.

Но Лидія Николаевна прислушивалась не къ словамъ Андрея, а къ раскатамъ грома.

Гроза, наконецъ, начала стихать и удаляться отъ города. Лидія Николаевна сидѣла блѣдная и сразу, какъ бы, постарѣвшая. Внезапно на нее нашелъ приливъ материнской нѣжности. Она вспомнила о Гунѣ, бросилась въ его комнату и, перекрестивъ его нѣсколько разъ, вернулась съ прояснившимся лицомъ.

Гроза совсѣмъ стихла. Лицо у Лидіи Николаевны опять помолодѣло, и она неожиданно спросила:

— Андрей Ильичъ, вы скажете мнѣ правду?

— Но развѣ можетъ быть иначе?

— Вамъ не хочется ѣсть?

Андрей былъ настроенъ лирически и приготовился къ другимъ рѣчамъ. Но услышавъ насчетъ ѣды, неожиданно для себя почувствовалъ приступъ аппетита и сказалъ съ улыбкой:

— Откровенно говоря, меня можно было бы теперь „уговорить" съѣсть что-нибудь.

И они начали заглядывать во всѣ шкапчики. Но вездѣ глаза ихъ натыкались только на сласти во всѣхъ видахъ. Андрей взялъ незамѣтно свою шляпу и подъ предлогомъ, что у него въ комнатѣ, кажется, есть кое-что, быстро исчезъ.

Черезъ четверть часа онъ вернулся со сверткомъ въ рукѣ, въ

которомъ оказались: ветчина, коробка сардинъ, бутылка вина и дюжина маленькихъ булочекъ—бріошекъ. Лидія Николаевна забыла о приказѣ доктора и съ жадностью ѣла и запивала краснымъ виномъ, иногда макая хлѣбъ въ вино.

Андрей блаженствовалъ. Лидія Николаевна съ заискрившимися глазами пила за ихъ вѣчную дружбу. На прощанье она подала ему обѣ руки. Онъ поцѣловалъ ихъ и потянулъ къ себѣ. Но она откинулась назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

Андрей заморозилъ себя и сказалъ офиціальнымъ тономъ:

— До свиданія!

Но придя въ свою комнату и отыскивая на столѣ спички, Андрей вдругъ услышалъ скрипъ двери и шелестъ платья.

Онъ вздрогнулъ и прошепталъ:

— Кто здѣсь?

— Я забыла у васъ книгу,—проговорила Лидія Николаевна страннымъ сдавленнымъ голосомъ.

— Какую книгу?

— Вотъ—*эту!*

И, обвивъ шею Андрея руками, Лидія Николаевна жарко поцѣловала его въ губы. Онъ хотѣлъ обнять ее. Но она, какъ вьюнъ, выскользнула изъ его рукъ и исчезла. Только шелестъ платья далъ знать Андрею, что Лидія Николаевна была уже въ коридорѣ. Онъ рванулся за нею. Но она ускорила шаги и, закрывъ дверь въ своей комнатѣ, щелкнула ключомъ.

Андрей, какъ одурманенный, вернулся въ свою комнату. И ему долго еще чудилось, что онъ слышитъ шелестъ платья и знакомый запахъ духовъ. Онъ закрылъ глаза и прошепталъ:

— Я люблю, люблю тебя!...

Ему хотѣлось пѣть эти слова, положить ихъ на музыку и повторять на тысячи ладовъ. Онъ не могъ спать; ему надо было излиться передъ кѣмъ-нибудь. И онъ началъ думать, кого бы онъ могъ осчастливить своей откровенностью.

Ему вспомнилась Фима. Онъ написалъ ей длиннѣйшее посланіе со множествомъ восклицательныхъ знаковъ. Онъ писалъ ей, что онъ счастливъ, что жизнь въ Франценсбадѣ прекрасна и что вообще все идетъ наилучшимъ образомъ въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Но письмо къ Фимѣ не успокоило Андрея. Онъ не излился весь и считалъ преступленіемъ заснуть въ такія минуты. Ему было душно и тѣсно въ своей комнатѣ.

Онъ тихо отворилъ дверь въ коридоръ и рѣшилъ выйти на воздухъ. Ступая осторожно, онъ направился къ выходу, но, когда

поровнялся съ дверью Лидіи Николаевны, сердце заколотилось въ немъ. Андрею не вѣрилось, чтобы она могла спать въ такія минуты.

И какъ только онъ подумалъ это, ему показалось, что онъ отчетливо слышитъ черезъ стѣну шопотъ Лидіи Николаевны.

Онъ подошелъ къ двери и взялся за ручку. Дверь была на замкѣ.

Но въ комнатѣ Лидіи Николаевны послышались шаги и шорохъ платья. Она его ждетъ. Андрей припалъ къ двери и прошепталъ:

— Лидія Николаевна!...

— Кто здѣсь?—спросила испуганно Лидія Николаевна.

Кровь прилила къ лицу Андрея. Онъ прошепталъ чуть слышно:

— Я.

Лидія Николаевна не узнала его голоса.

— Кто вы?

— Я... Андрей Ильичъ. Мнѣ нужно видѣть васъ.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ надо... сказать вамъ многое... многое.

И Андрей взялся за ручку двери.

— Я не могу открыть вамъ дверь. Я уже полураздѣта...

— Но ради Бога...

Вдругъ слова замерли на губахъ Андрея. Невдалекѣ скрипнула дверь, и въ коридорѣ показался высокій, худой старикъ въ колпакѣ, со свѣчой въ рукѣ. Онъ шелъ прямо на Андрея. Андрей стоялъ, какъ окаменѣлый, не зная, что ему дѣлать. Въ старикѣ онъ узналъ брата хозяина отеля. Тотъ приблизился къ Андрею и строго спросилъ:

— Вы зачѣмъ здѣсь шумите?

На Андрея нашло вдохновеніе. Онъ взялъ старика за руку и быстро проговорилъ:

— Помогите мнѣ. У меня... порокъ сердца... Я началъ задыхаться и хотѣлъ попросить у госпожи Каневской какихъ-нибудь успокоительныхъ капель.

Неправильный нѣмецкій выговоръ Андрея придавалъ особенную безпомощность его словамъ. На сухомъ лицѣ старика появилось состраданіе. Ему захотѣлось помочь Андрею, тѣмъ болѣе что всякій несчастный случай вредилъ репутаціи отеля. Старикъ взялъ Андрея подъ руку и повелъ въ свою комнату, гдѣ пахло, какъ въ аптекарскомъ магазинѣ. Тамъ онъ бережно усадилъ Андрея въ кресло и далъ ему какихъ-то капель, увѣряя, что ему сейчасъ же станетъ лучше. Андрей черезъ минуту заявилъ, что ему стало гораздо легче. Старикъ оживился, досталъ съ полки

толстую книгу и началъ знакомить Андрея съ болѣзнью сердца. Андрей улучилъ минуту и заявилъ, что чувствуетъ себя лучше, но у него болитъ голова, а въ такихъ случаяхъ самое лучшее лѣкарство для него—чистый воздухъ.

Старикъ проводилъ Андрея до выходной двери и предложилъ сопровождать его. Но Андрей съ благодарностью отказался и направился въ паркъ. На дворѣ было свѣжо послѣ дождя. Иногда на Андрея сыпались съ вѣтвей дождевыя капли. Но онъ быстро шелъ, вдыхая въ себя влажный воздухъ. Ему было душно и душно. Онъ дошелъ до излюбленной скамьи и въ безсиліи опустился. Необходимо разобраться въ своихъ чувствахъ.

Андрей началъ припоминать событія послѣднихъ дней. Многое въ поведеніи Лидіи Николаевны казалось ему загадочнымъ. Что она за существо и какое чувство питаетъ къ нему? Если она его любитъ, то зачѣмъ мучаетъ его и держитъ себя такъ, какъ будто за ними слѣдятъ легіоны шпіоновъ? Развѣ она не свободна и не можетъ располагать собою согласно своимъ чувствамъ? Нѣтъ, истинное чувство свободно. Оно ничего не боится. Даже смерть не устрашаетъ его. И Андрею стало ясно, что Лидія Николаевна не любитъ его. Но когда онъ вспомнилъ нѣкоторыя сцены, ему казалось несомнѣннымъ, что она любитъ его. А если она его любитъ, то *все прочее* ничтожно.

И долго еще червь сомнѣнія точилъ душу Андрея. Небо стало свѣтлѣть и жизнь за паркомъ пробуждаться. А Андрей все сидѣлъ на скамьѣ, вздыхая, мечтая и терзаемый сомнѣніями. Наконецъ, онъ принялъ рѣшеніе, которое должно было все выяснить. При первомъ же случаѣ онъ объяснится и поставитъ вопросъ ребромъ. Одно изъ двухъ: или онъ останется въ Франценсбадѣ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, или съ разбитымъ сердцемъ уѣдетъ куда-нибудь.

На дворѣ сдѣлалось свѣтло, когда онъ вернулся въ отель. Прислуга быстро, но безшумно убирала въ отелѣ и наводила на все нѣмецкую чистоту. Андрей умылся и сѣлъ у открытаго окна, испытывая лихорадочное чувство игрока, ставящаго на карту все свое состояніе. Черезъ часъ онъ опять направился въ паркъ.

XXIII.

Отъ безсонной ночи и мучительныхъ сомнѣній лицо Андрея поблѣднѣло и приняло тотъ особенный отпечатокъ, какой часто накладываетъ на человѣка сильное сосредоточенное чувство.

Тихое утро сіяло въ паркѣ. Въ травѣ, на невысохшихъ листьяхъ, сверкали капли росы. Вся зелень послѣ дождя блестѣла и дышала счастьемъ.

Но Андрея не плѣнила красота утра. Онъ сидѣлъ сосредоточенный.

Но вотъ и Лидія Николаевна. Она взглянула на его блѣдное лицо и спросила съ испугомъ:

— Что съ вами, Андрей Ильичъ?

— Ничего...

— Какъ ничего? На васъ лица нѣтъ.

Андрей искусственно улыбнулся.

— Это пройдетъ.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ вмѣстѣ. Лидія Николаевна оглянулась и понизила тонъ:

— Вамъ не стыдно такъ мучить меня?

— *Я* васъ мучаю?...

— Но развѣ можно дѣлать то, что вы вчера сдѣлали? Вы нисколько не жалѣете меня.

И, сказавши это, Лидія Николаевна ускорила шаги, какъ бы убѣгая отъ преслѣдованій Андрея.

Онъ не жалѣетъ ея?! И, догнавши Лидію Николаевну, Андрей страстно заговорилъ:

— Я всю мою жизнь готовъ отдать за васъ. Возьмите ее, возьмите!—повторялъ Андрей такимъ тономъ, какъ будто держалъ свою жизнь въ рукѣ.—Я не спалъ сегодня всю ночь, думая о васъ... Я не могу болѣе оставаться возлѣ васъ. Я съ ума сойду! У меня нѣтъ болѣе силъ... Я сегодня же уѣзжаю... Сейчасъ уѣду!

Наступило напряженное молчаніе. Они вышли на площадку, лежащую передъ курзаломъ. Съ разныхъ концовъ двигались разодѣтыя больныя. Но Андрей ничего не сознавалъ, кромѣ того, что поставилъ на карту. Лидія Николаевна быстро шла, охваченная волненіемъ. Легкая ткань въ видѣ голубой дымки развѣвалась около ея головы.

— Я жду отвѣта,—проговорилъ Андрей, чувствуя, что у него стѣснилось дыханіе.

— Оставайтесь!—прошептала Лидія Николаевна и торопливо отдѣлилась отъ Андрея.

Онъ подавилъ радостный крикъ и, проводивъ ее сіявшими глазами, быстро устремился въ оранжерею... Заказанная имъ роза съ двустишіемъ изъ Гейне красовалась въ особенной вазочкѣ. Оттиснутыя на лепесткахъ слова казались Андрею какъ нельзя болѣе подходящими къ его положенію.

— Возьми же, возьми у меня все. Самое драгоцѣннѣйшее мнѣ—я охотно отдаю тебѣ.

— Т.-е. отдаю тебѣ мое сердце,—проговорилъ вполголоса по-русски Андрей, любуясь цвѣткомъ.

Но какъ ни была хороша надпись, поднести въ этотъ день Лидіи Николаевнѣ только одну розу казалось Андрею недостаточнымъ. Надо было придумать что-нибудь такое, чего еще никогда никто ей не дарилъ. Любезный садовникъ тщетно напрягалъ фантазію, предлагая Андрею различныя комбинаціи цвѣтовъ. Андрей повторялъ:

— Das ist gut, aber es ist nicht das.

И для вразумленія добавлялъ по-руски:

— Нѣтъ, это *не то*.

Они вышли изъ оранжереи въ небольшой садикъ. Нѣкоторые молодые листья были обожжены солнцемъ и отсвѣчивали красной мѣдью. Ихъ нѣжный тонъ нельзя было ни съ чѣмъ сравнить. Андрею пришла мысль, поднести Лидіи Николаевнѣ букетъ не изъ цвѣтовъ, а изъ листьевъ, колоритно подобранныхъ. Онъ высказалъ свою мысль садовнику. Тотъ подумалъ и покачалъ головою:

— Нѣтъ, милый господинъ, это не дѣлается!

— Потому-то это и интересно будетъ, что никто не дѣлаетъ этого,—возразилъ Андрей и началъ фантазировать, какъ все это можетъ быть эфектно.

Садовникъ изъ любезности взялъ ножницы и началъ составлять букетъ изъ листьевъ по указанію Андрея. Но по мѣрѣ того, какъ букетъ увеличивался, бритое лицо садовника становилось все сосредоточеннѣе.

Въ концѣ-концовъ онъ даже умилился, любуясь оригинальнымъ букетомъ. Букетъ вышелъ на славу.

И черезъ нѣсколько дней букеты изъ листьевъ имѣли въ Франценбадѣ шумный успѣхъ подъ названіемъ „цвѣтовъ госпожи Каневской“.

Это льстило самолюбію Лидіи Николаевны и, увидя у какой-нибудь франтихи букетъ изъ листьевъ, она тайкомъ жала руку Андрею.

Ихъ отношенія приняли самый интимный характеръ. Андрей считалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Лидія Николаевна была тоже охвачена чувствомъ къ Андрею и, казалось, переживала новую молодость. Наряды ея сдѣлались еще воздушнѣй, движенія еще женственнѣе. Иногда она казалась дѣвушкой, въ сердцѣ которой впервые проснулось нѣжное чувство. И она клялась Андрею, что ему первому принадлежитъ ея настоящая любовь. Онъ вѣрилъ ей и думалъ, что нѣтъ границъ его счастью.

Единственной тучкой былъ Гуня. Онъ рѣзко измѣнился въ своихъ отношеніяхъ къ Андрею и всячески избѣгалъ его общества. Но влюбленные забывали объ этой тучкѣ. Днемъ они

гуляли въ отдаленнѣйшихъ аллеяхъ парка, ночью просиживали до зари на балконѣ. Андрей заранѣе заготавливалъ съѣстные припасы. Они ужинали, разговаривая шопотомъ и поминутно обмѣниваясь поцѣлуями. Даже музыка, которую они такъ любили, перестала ихъ занимать. Она мѣшала имъ слушать музыку ихъ признаній. И какъ только у источника появлялся „музыкальный обозъ", а за нимъ устремлялся потокъ разряженныхъ слушательницъ, Андрей говорилъ особеннымъ тономъ:

— Уйдемъ отсюда! Пусть они упражняются въ „азахъ". Мы уже научились читать.

И, слушая издали музыку, онъ какъ бы аккомпанировалъ, поцѣлуями, называя пальцы Лидіи Николаевны нотами: do, re, mi и т. д. Лидія Николаевна купалась въ его ласкахъ и своими тонкими пальцами закрывала ему ротъ, когда онъ бралъ „фальшивую ноту".

Лидія Николаевна уже почти ничего не исполняла изъ приказовъ строгаго доктора. Но каждый день пресерьезно увѣряла его, что въ точности исполняетъ всѣ его указанія. Находившійся въ сосѣдней комнатѣ Андрей еле сдерживалъ себя отъ хохота, когда докторъ авторитетно заявлялъ:

— Да, да. Это должно быть такъ. И не можетъ быть иначе, потому что вы исполняете все, что нужно.

Какъ только за докторомъ затворялась дверь, Андрей появлялся изъ другой комнаты и, сдвинувши брови, со всѣми ужимками доктора, говорилъ его отрывистымъ голосомъ:

— Да, да. Такъ должно быть. Я предвидѣлъ это.

Лидія Николаевна смѣялась до слезъ. Андрей не выдерживалъ роли и начиналъ самъ хохотать. Но какъ удивились бы они, если бы узнали истинное мнѣніе о нихъ строгаго доктора. Имъ и въ голову не приходило, что онъ зналъ объ ихъ связи раньше, чѣмъ она состоялась. И онъ „разрѣшалъ" ее потому, что не замѣчалъ ухудшенія въ здоровьѣ своей паціентки.

Если бы Андрея спросили въ то время, чего ему недостаетъ, онъ отвѣтилъ бы, не задумываясь:

— Времени, чтобы пользоваться во всей полнотѣ своимъ счастьемъ.

Онъ и наружно измѣнился за это время. Движенія его сдѣлались увѣреннѣе, голосъ—гуще, взглядъ—смѣлѣе. Съ его счастливаго лица съ матовой блѣдностью не сходила блаженная улыбка. И когда онъ шелъ по аллеѣ парка подъ руку съ Лидіей Николаевной, то ему казалось, что передъ нимъ должны разступаться всѣ народы, населяющіе Франценсбадъ и его окрестности. Мысли его постоянно вращались на его любви. Онъ не давалъ

Лидіи Николаевнѣ опомниться отъ любовнаго опьянѣнія, придумывалъ для нея нѣжныя надписи на лепесткахъ, сочинялъ въ честь ея сонеты, пѣсни, сценки. Съ утра до вечера онъ наполнялъ своей любовью ея жизнь. Стòило ей задуматься, какъ Андрей уже придумывалъ какой-нибудь способъ, чтобы развеселить ее и привести въ счастливое состояніе. Онъ сочинилъ и положилъ на музыку шутливую пѣсенку, каждый куплетъ которой заканчивался комическимъ припѣвомъ:

Ни Персія, ни Мидія,
Ни мраморы всѣ Фидія,
Ни даже пѣснь Овидія—
Ничто предъ словомъ: *Лидія!..*

И всякій разъ, когда Андрей особеннымъ тономъ распѣвалъ эту пѣсенку, Лидія Николаевна приходила въ радостно-возбужденное состояніе.

Иногда, гуляя въ паркѣ, Андрей, какъ бы случайно, останавливался около какого-нибудь дерева и на листьяхъ его находилъ сплетенный вензель: „Л. А.", т.-е. „Лидія—Андрей". Онъ называлъ ее *Ліей*, *Діей*, но еще чаще *Былинкой*. Все это трогало ее и приводило въ восхищеніе, какъ дѣвочку.

Однажды, сидя въ паркѣ, Андрей всталъ и начертилъ палкой на землѣ большими буквами римское привѣтствіе; затѣмъ снялъ шляпу и почтительно произнесъ:

— Ave Caesarina! Morituri te salutant! [1]).

Когда Лидія Николаевна спросила, что значитъ это воззваніе, онъ объяснилъ, при чемъ morituri почему-то перевелъ „побѣжденные". Лидія Николаевна подняла на Андрея свои круглые глаза и спросила съ улыбкой:

— Развѣ вы причисляете себя къ *побѣжденнымъ?*

Андрей кивнулъ головою:

— О, да!

Лидія Николаевна съ нѣжностью оправила его сбившійся набокъ галстукъ и загадочно проговорила:

— Но побѣжденные часто только наружно выражаютъ знаки своей покорности.

— Побѣжденный, о которомъ идетъ рѣчь, выражаетъ свои вѣрноподданническія чувства отъ всей души, отъ всего сердца съ его обоими предсердіями, аортою и прочая, и прочая.

Лидія Николаевна лукаво улыбнулась.

— Обѣщать—еще не значитъ исполнить обѣщаніе.

[1]) Да здравствуетъ цезарина! Готовые на смерть привѣтствуютъ тебя.

— Иногда легче исполнить свое обѣщаніе, чѣмъ дать его.

— Это что-то ужъ такое мудреное, что я и не пойму.

— А между тѣмъ это очень просто. Когда я что-нибудь обѣщаю моей *Былинкѣ*, то я еще не знаю, что̀ изъ этого выйдетъ. Но когда я исполняю данное ей обѣщаніе, мнѣ всегда бываетъ такъ хорошо, какъ будто я попадаю въ царствіе небесное.

И Андрей крѣпко обнялъ Лидію Николаевну, сдѣлавъ ей больно.

Она слегка вскрикнула и отодвинулась отъ него. Андрея обидѣло ея рѣзкое движеніе, и онъ спросилъ съ удивленіемъ:

— Что съ тобою?

— Ничего,—проговорила Лидія Николаевна, стараясь пересилить болевое чувство отъ корсета.

— Это слишкомъ недостаточная причина, чтобъ отшатываться отъ меня, какъ отъ василиска.

— Ты сдѣлалъ мнѣ больно.

Андрей потянулся къ ней.

— Милая! Ради Бога, прости!

Но Лидія Николаевна опять сдѣлала уклончивое движеніе и сѣла на край скамьи.

— Пожалуйста, не дѣлайте больше этого здѣсь!

Андрей демонстративно отодвинулся на другой конецъ скамьи. Лидія Николаевна помолчала и сказала примирительно:

— Ты ужасно неостороженъ. Кто-нибудь можетъ увидѣть, и сейчасъ пойдутъ сплетни.

— А для васъ очень важно, „что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна“?

— Кто это „княгиня Марья Алексѣвна“?

Андрею стало неловко. Онъ объяснилъ Лидіи Николаевнѣ, что эти слова изъ „Горе отъ ума“. Но привести себя въ прежнее блаженное настроеніе онъ уже не могъ. Въ ушахъ его все еще какъ бы слышалось: „Кто это княгиня Марья Алексѣвна?“

И Андрею было все время неловко смотрѣть въ глаза Лидіи Николаевнѣ. И безъ всякой видимой причины они разстались съ непріятнымъ осадкомъ въ сердцахъ.

Передъ вечеромъ небо потемнѣло отъ тучъ, и начала надвигаться гроза. Лидія Николаевна опять пришла въ нервное состояніе, опять дрожала, крестилась, прижималась въ страхѣ къ Андрею и отталкивала его отъ себя, какъ дьявольское искушеніе. Андрей опять успокаивалъ ее, но въ голосѣ его уже не было прежнихъ нотъ. Изъ оркестра исчезла флейта.

П. А. Сергѣенко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

На тѣ холмы, въ лѣса сосновые,
Гдѣ пахнетъ горькая полынь,
Уйти бы въ верески лиловые
Благоухающихъ пустынь.

Тамъ безмятежнѣй грусть закатная
И умиленнѣй тишина,
Свѣжѣе въ травахъ свѣжесть мятная
И непорочнѣе весна.

А чуть блеснетъ сквозь хвои сонныя,
Какъ сквозь рѣсницы, лучъ свѣтилъ,—
Курятся смолы благовонныя,
Какъ дымъ безчисленныхъ кадилъ.

Д. Мережковскій.

МЭСТЕРЪ МАГІУСЪ [1]).

Романъ **Томаса Крага.**

(Съ норвежскаго.)

XII.

Послѣ долгаго, тяжелаго путешествія Альвъ возвратился на родину въ началѣ весны. Мать ждала его. Къ его пріѣзду она приготовила и вычистила весь домъ. Онъ вошелъ въ свой домъ въ одинъ прекрасный солнечный день, такъ что онъ не производилъ тяжелаго впечатлѣнія, и можно было даже забыть и про крысъ, и про кошекъ. Но всетаки послѣ смерти Ольрика вечера въ этомъ домѣ стали такими безконечными и томительными. Старикъ наполнялъ весь домъ, несмотря на свой тихій нравъ, и при немъ не такъ замѣтна была возня крысъ и жуткій шорохъ деревьевъ за окномъ.

Фру Сусанна была дѣйствительно больна. Она какъ-то вся пожелтѣла и сморщилась. Но въ первое время она всетаки держала себя довольно бодро, и ея болѣзненное состояніе не проявлялось ничѣмъ особеннымъ. Каждый день она ходила гулять съ Альвомъ,— повидимому, его присутствіе очень оживило ее.

Но однажды утромъ она почувствовала себя дурно. Среди дня ей стало такъ нехорошо, что она легла въ постель.

— У меня нѣтъ силъ больше, Альвъ,—сказала она тихо.

Къ вечеру пришелъ докторъ; онъ только подтвердилъ свои предположенія: у фру Сусанны была серьезная болѣзнь печени.

Съ тѣхъ поръ она не вставала больше. Альвъ надѣялся, что лѣто поправитъ ее. Но когда наступили солнечные дни и стало жарко, ей сразу стало хуже. Да и лѣто выдалось очень жаркое и душное. Палящее солнце весь день ни на минуту не закрывало

---

[1]) *Русская Мысль*, кн. IX, 1910 г.

ни одно облачко, а вечеромъ сгущался туманъ и заволакивалъ всю землю и небо красной дымкой. И атмосфера все сгущалась, все сгущалась, пока наконецъ воздухъ не прорѣзала ослѣпительная молнія, сопутствуемая оглушительнымъ громомъ—казалось, словно земля рычала отъ нестерпимой боли. И тогда все вдругъ замолкало. Деревья стояли, словно вылитыя изъ бронзы, и только листья незамѣтно трепетали какой-то внутренней дрожью. А цвѣты въ саду казались такими испуганными и какъ бы озирались по сторонамъ или же склонялись къ землѣ. Издали доносился вой испуганной собаки.

Эти знойные дни не могли быть полезны для больной. Не было никакой возможности устроить ей прохладу. Жаръ ея все повышался. Она бредила съ открытыми глазами. Казалось, словно гроза имѣла какую-то таинственную связь съ ея болѣзнью.

Говорятъ, будто болѣзнь печени располагаетъ къ самоубійству. Но здѣсь этого не было. Фру Сусанна скорбѣла о жизни, которая отъ нея уходила. Часто во снѣ она снова видѣла себя молодой и прекрасной; а когда она просыпалась и приходила въ себя, то печальная дѣйствительность огорчала ее. Она стонала, и на ея потухающихъ глазахъ выступали слезы.

Ея болѣзненное состояніе производило очень тяжелое впечатлѣніе. Ея страданія чувствовались даже тогда, когда она лежала тихо и не стонала. И по большей части она лежала тихо, если только была въ сознаніи. Но къ вечеру жаръ всегда повышался. Тогда она становилась безпокойнѣе, начинала бредить то шопотомъ, то громкимъ голосомъ.

Не было сомнѣнія, развязка приближалась. Больная сама это чувствовала. Однажды вечеромъ Альвъ былъ непріятно пораженъ, когда вошелъ къ ней. Она лежала съ ручнымъ зеркаломъ въ рукахъ.

— Теперь уже мнѣ недолго осталось жить,—прошептала она.— О, какъ я буду безобразна, когда умру! Похорони меня скорѣе, не позволяй на меня смотрѣть.

Разъ какъ-то она вдругъ стала жаловаться на то, что у нея было такъ мало радостей, когда она была молода и красива.

— О, если бы мнѣ было чѣмъ помянуть мою молодость,—бормотала она.—Но у меня было такъ мало, такъ мало свѣтлыхъ минутъ! А теперь я умираю. Да, я это знаю. Ахъ, у меня была очень тяжелая жизнь. Сперва у отца... суровое дѣтство и первая молодость... самая лучшая пора жизни, которую нужно было бы вспоминать съ радостью, а я провела ее подъ страхомъ наказанія и угрозъ... нѣтъ, меня даже истязали. О, что за безсмыслен-

ная, никому ненужная жестокость!... А потомъ... о, какъ мало, какъ мало радостей у меня было въ жизни!

До сихъ поръ Альвъ не зналъ своей матери, ея внутренняго міра. Она скрывала всѣ свои чувства, даже смѣялась надъ чувствами другихъ, говорила, что красота и любовь, хорошая ѣда и питье—все одно и то же. Теперь же она обнаружила душу, которая въ сущности была нѣжной и возвышенной.

Альвъ понялъ между прочимъ, что, несмотря на свои невыносимыя страданія, она много думала о немъ. Разъ какъ-то она расплакалась и сказала:

— Меня очень мучаетъ одна мысль, Альвъ,—мысль о тебѣ. Какъ будешь ты жить... если ты не будешь наслаждаться жизнью и своей молодостью? И эта мысль вызываетъ во мнѣ много другихъ. Эти мысли роятся во мнѣ, рыдаютъ и вздыхаютъ. Я вижу передъ собою твои печальные дѣтскіе глаза. У тебя всегда были дѣтскіе глаза. Я хочу, чтобы они стали веселыми. Да, да, пусть они станутъ веселыми, Альвъ... пусть... станутъ... веселыми.—Она хотѣла какъ будто еще что-то прибавить, но вдругъ замолчала. Потомъ она сказала только:—Ты долженъ... отогнать отъ себя всѣ злыя мысли.

Бѣдная мать! Она не хотѣла уйти и оставить его послѣ себя печальнымъ. Она хотѣла утѣшить его во что бы то ни стало... если даже это утѣшеніе было только пустыми словами, одними словами...

Да, такъ это и было. Она говорила съ нимъ, стараясь побороть въ немъ его меланхолію... И эта забота о немъ настолько овладѣла ею, что она впала въ заблужденіе. Вотъ почему у нея вырвались *тѣ, другія слова.* Слова, которыя онъ предпочиталъ бы никогда не услышать.

По мѣрѣ приближенія смерти Альву становилось все тяжелѣе быть съ матерью. Имъ овладѣвала какая-то тревога, когда онъ оставался съ нею вдвоемъ. Мало того: онъ чувствовалъ какой-то необъяснимый страхъ. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что должно произойти нѣчто загадочное. Казалось, словно его мать мучитъ не только болѣзнь и страхъ смерти. Но что же? Почему она была такъ возбуждена? Былъ это бредъ? Или это была истина, скрытая истина, которая рвалась наружу? Онъ боялся такой истины! Тутъ только онъ почувствовалъ, что истина можетъ быть страшнѣе лжи...

Но, можетъ быть, это дѣйствительно былъ бредъ больного воображенія? Воздухъ продолжалъ быть такимъ удушливымъ, и прохлады не было. Красные цвѣты, которые онъ видѣлъ въ саду изъ

окна комнаты больной, были подернуты какой-то мглой, и сквозь эту мглу они казались кровавыми пятнами... А здѣсь, въ комнатѣ умирающей, весь воздухъ былъ полонъ томительнаго ожиданія и зловѣщей тишины. Иногда ему казалось, что дольше онъ этого не можетъ вынести... Его мать... она была уже наполовину мертвой—когда онъ думалъ о ней, то ему казалось, что онъ заглядываетъ въ какую-то черную бездну... въ которую онъ не хотѣлъ заглядывать... отъ которой у него замирало сердце.

Что означали слова матери? Они были загадочны и непонятны: „Спасибо за то счастье, которое ты мнѣ далъ, Альвъ!“ Или: „Ненаглядное дитя моей счастливой поры... моей единственной счастливой поры!“ Что это означало? Или: „Чего ты боялся? Тебѣ не надо ничего бояться!“ Или однажды вечеромъ она шептала, какъ бы про себя, широко раскрывъ глаза и улыбаясь, какъ если бы она ему довѣряла тайну: „Живи, Альвъ! Сбрось съ себя всѣ тяжелыя думы. Всѣ мои остальныя дѣти родились со смертью въ крови. Они съ рожденія были обречены на смерть. Но ты будешь жить!“

Альвъ спалъ въ маленькой комнаткѣ рядомъ съ комнатой матери. Онъ спалъ очень тревожно, ему каждую минуту казалось, что мать зоветъ его. Иногда она дѣйствительно звала его. Она любила принимать лѣкарства и прохладительные напитки изъ его рукъ. И каждый разъ, когда онъ оказывалъ ей эти услуги, она говорила: „Спасибо, какъ это было вкусно!“ Его помощь часто была необходима, такъ какъ утомленная сидѣлка нерѣдко засыпала.

Разъ ночью онъ вдругъ проснулся. Ему показалось, что мать нѣсколько разъ позвала его. Онъ поспѣшилъ въ ея комнату. Сидѣлка стояла, склонясь надъ его матерью, и успокаивала ее. Альвъ подошелъ къ постели. Мать сейчасъ же увидѣла его. Какъ дитя, которое тщетно нѣсколько разъ звало свою маму, она со слезами протянула къ нему свои руки. Но, увы, она была старой, увядшей женщиной, и смерть стояла за ея спиной.

— Мнѣ холодно, Альвъ!—воскликнула она.—Мнѣ холодно!... О, какой леденящій холодъ!—Она помолчала съ минуту и потомъ прошептала:—Да... я умираю... и я говорю тебѣ ясно... что...—Она вдругъ замолкла, ея ротъ искривила судорога и лицо стало почти неузнаваемымъ. Потомъ она вдругъ крикнула:—Твой отецъ, Альвъ!... твой отецъ былъ молодъ и здоровъ!... *Его* не подтачивала страшная болѣзнь! — Она упала на подушки.—Я рѣшила унести эту тайну съ собою въ могилу... но я хочу, чтобы ты былъ счастливъ и веселъ.—Ея глаза стали медленно гаснуть, она старалась нащупать его рукой.—Не осуждай меня, Альвъ!

Сказавъ это, она безсильно вытянулась въ постели. Она казалась изможденной и была неузнаваема. У нея былъ такой видъ, будто она уже давно умерла.

XIII.

Альвъ исполнилъ волю своей матери. Ея тѣло недолго лежало на соломѣ; ее похоронили вскорѣ послѣ ея смерти.

И дни шли одинъ за другимъ...

Домъ Ольрика былъ большой и мрачный. Альвъ чувствовалъ себя въ немъ хорошо.

И какая тишина царила повсюду! Да, хорошо, хорошо было въ этомъ домѣ...

Мать хотѣла утѣшить его! Хотѣла, чтобы онъ полюбилъ жизнь.

Да, такъ это и было! Когда она еще была въ полномъ сознаніи, то она ясно сказала: „Мысль о тебѣ мучаетъ меня...“, а потомъ она говорила еще много-много... Она говорила въ бреду, но ея устами говорила скорбящая мать, которая хотѣла утѣшить и порадовать свое дитя. Она была женщиной, вотъ почему она такъ поступила. Ибо жизнь для женщины, это—плодъ, и чѣмъ румянѣе, чѣмъ сочнѣе этотъ плодъ, тѣмъ онъ больше возбуждаетъ желанія! Всѣ сомнѣнія, страхъ одиночества, страхъ смерти—все должно исчезнуть... Мать, Лона, всѣ!

Альвъ говорилъ самъ съ собою. Онъ сидѣлъ, погрузясь въ глубокія думы.

Да, конечно, она хотѣла утѣшить его. И она рѣшила пустить въ ходъ всѣ средства для этого. Она рѣшила даже наложить на себя клеймо позора. Она была истинной матерью своего сына. Она видѣла, что его угнетаютъ тяжелыя мысли. А сама она была такая жизнерадостная и здоровая—и она хотѣла, чтобы онъ жилъ полной жизнью. Она не поняла того счастья, которое давала ему его созерцательная жизнь. И она принесла себя въ жертву.

Такъ это и было. Бѣдная мать, она принесла себя въ жертву! Она хотѣла, чтобы онъ занялъ мѣсто у роскошнаго стола жизни... О, бѣдная, неразумная мать!

Онъ бродилъ по старымъ мѣстамъ. Вотъ онъ снова на родинѣ. Ему такъ хотѣлось забыть, что̀ онъ только что пережилъ. Онъ хотѣлъ забыть бредъ умирающей матери.

— Посмотрите,—сказалъ онъ, обращаясь къ дорогамъ и деревьямъ,—вотъ я возвратился. Примите меня такъ же ласково, какъ раньше!

— Но что это? Что случилось? Почему все такъ измѣнилось? Что произошло?

Увы, все дѣло въ томъ, что онъ лишился душевнаго покоя. Внутри его тревожно шевелились мрачныя мысли. Сперва одна, потомъ еще одна и еще...

Онъ старался не обращать на нихъ вниманія. Онъ не хотѣлъ прислушиваться къ нимъ. Ихъ не должно быть!

Но мысли были неотвязны. Куда бы онъ ни пошелъ, онъ слышалъ ихъ зловѣщій шопотъ.

Онъ не могъ оставаться дома. Онъ бродилъ цѣлыми днями и дѣлалъ все болѣе и болѣе длинныя прогулки. И вотъ съ нимъ случилось нѣчто странное. Разъ какъ-то онъ прошелъ пѣшкомъ пять миль до сосѣдняго города. Тамъ онъ пошелъ къ доктору. Тотъ осмотрѣлъ его и нашелъ, что у него „необыкновенно сильный и здоровый организмъ". Онъ пошелъ домой. Мрачныя мысли одолѣвали его болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ вискахъ его стучало и горло пересохло. Подобно тому, какъ другіе дрожатъ отъ страха передъ непредотвратимой болѣзнью, такъ онъ дрожалъ отъ страха передъ своимъ здоровьемъ. Онъ совершилъ обратный путь безъ остановки. Подъ конецъ онъ свернулъ на дорогу, которая шла черезъ горы и черезъ лѣсъ. Онъ возвратился домой ночью, пройдя десять миль безъ отдыха и безъ устали. Теперь онъ только самъ почувствовалъ, сколько въ немъ было физической силы.

Но вѣдь и Флава была когда-то здоровая и сильная, она могла гулять и танцовать часами. Это онъ прошепталъ самому себѣ въ видѣ утѣшенія. Но на это какой-то таинственный голосъ прошепталъ ему въ отвѣтъ: „Но развѣ ты забылъ, какая у нея была одышка и какъ она держалась за грудь? Развѣ ты испытывалъ когда-нибудь что-нибудь подобное?" Да, это правда, онъ никогда не замѣчалъ у себя ни малѣйшаго утомленія. И теперь, послѣ этой усиленной ходьбы, онъ чувствовалъ только, какъ окрѣпли его мускулы, которые долго оставались въ покоѣ. Онъ чувствовалъ, какъ кровь широкой струей переливала въ его жилахъ.

О, какъ страстно онъ когда-то хотѣлъ испытать это. Но не цѣною лжи и позора.

XIV.

Наступала осень. Вечера стали темные, а дни короткіе. Въ саду отцвѣли послѣднія розы; но георгины стояли еще, печально поникнувъ головками, какъ бы не рѣшаясь поднять ихъ къ хму-

рому осеннему небу, да тамъ и сямъ пестрѣлъ еще макъ, яркій и скоропреходящій, какъ грѣховное наслажденіе. Въ домѣ Ольрика рано сгущалась тьма.

Теперь Альвъ уже не любилъ больше этотъ домъ. Пустыя комнаты стали навѣвать на него тоску. И всетаки онъ не могъ рѣшиться уѣхать. Что-то привязывало его къ этому мѣсту. Быть можетъ, его привязывала неувѣренность или, вѣрнѣе, скрытая истина?

Въ этомъ мрачномъ домѣ ходила тѣнь былыхъ временъ. Это была старая служанка Ульрика. Она была такъ стара, что почти ничего не дѣлала больше. Всю необходимую работу по дому исполняла молодая служанка, которую нанялъ Альвъ. Но старая Ульрика все еще бродила по дому, хотя она уже впала въ дѣтство и была слабая и дряхлая; она продолжала жить въ этомъ домѣ, несмотря на то, что у нея было прикоплено на черный день и она могла бы устроиться гдѣ угодно. Да и Альву было жутко одному въ этомъ домѣ и онъ не хотѣлъ отпускать ее. А кромѣ того, онъ питалъ къ ней нѣчто вродѣ страха. Когда она, ковыляя, входила къ нему въ комнату и смотрѣла на него своими маленькими проницательными глазками, то ему становились понятны разсказы о старыхъ служанкахъ, которыя властвовали надъ всѣмъ домомъ.

А Ульрика такъ безконечно долго жила въ этомъ домѣ, она знала все. Онъ боялся ея.

Иногда подъ предлогомъ хлопотъ по дому она входила въ комнату, гдѣ онъ сидѣлъ. Стоило ему тогда сдѣлать ей какой-нибудь самый безразличный вопросъ, какъ она сейчасъ же останавливалась и отвѣчала съ полной готовностью. И онъ продолжалъ болтать съ ней и спрашивалъ ее о чемъ-нибудь такомъ, что подзадоривало ея словоохотливость, и тогда ея болтовнѣ конца не было. Быть можетъ, она болтала даже слишкомъ много. Дрожащими губами она произносила одно слово за другимъ, и еще одно слово... казалось, будто ее связывало еще старое почтеніе къ Ольрику, передъ которымъ она трепетала.

Но потомъ она, вѣроятно, вспоминала, что стараго Ольрика уже не было больше на свѣтѣ, что она одна осталась съ тѣхъ старыхъ, добрыхъ временъ.

Разъ какъ-то она заболталась по своему обыкновенію. Она смаковала каждое слово, причмокивала губами и пришепетывала.

— Да, теперь здѣсь стало такъ тихо... здѣсь стало тихо задолго до того, какъ у насъ поселилась фру Сусанна... съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ умеръ молодой Ольрикъ... а это случилось

болѣе шестнадцати лѣтъ тому назадъ. Да, тогда-то въ сущности насталъ конецъ и старому Ольрику. Правда, онъ работалъ и занимался дѣлами до самой своей смерти, но стоило только вспомнить, какимъ онъ былъ до смерти сына! Тогда онъ былъ занятъ не только своей торговлей, онъ былъ также хорошимъ семьяниномъ и любилъ свой домъ... И какой онъ былъ хлѣбосольный! какіе пиры онъ задавалъ! Его пиры славились... онъ самъ выносилъ серебряную посуду... и онъ самъ выбиралъ стаканы, чтобы они звенѣли всѣ на одинъ ладъ. Хе, а иногда онъ, можетъ быть, выпивалъ лишній стаканъ и тогда онъ смѣялся... и при этомъ онъ отлично сознавалъ, что онъ богатый купецъ, который самъ добылъ для себя все это великолѣпіе. Да, но сынъ былъ его лучшей драгоцѣнностью! Стоило ему только появиться, и глаза отца сіяли счастьемъ. Да и сынъ, дѣйствительно, заслуживалъ любви отца!... о, да! Онъ былъ такой красивый и такой добрый... и притомъ онъ былъ работящій и положительный и отлично зналъ торговое дѣло... вѣдь онъ долженъ былъ унаслѣдовать послѣ отца всѣ его дѣла, да, да!

Она помолчала немного, потомъ грустно покачала головой и продолжала:

— Но вотъ однажды лѣтомъ молодой Ольрикъ умеръ. О, что за жестокость, что за безсмысленная жестокость! Многіе говорили даже, что это было прямо глупо со стороны Господа. У него сдѣлалось воспаленіе слѣпой кишки... можетъ быть, туда попало просто сѣмечко отъ яблока или отъ изюма,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ докторъ... и вотъ прекрасной молодой жизни насталъ конецъ! Это случилось такъ внезапно, что долго никто не могъ понять этого... Тогда-то отецъ сталъ вдругъ такимъ тихимъ. Когда умеръ сынъ, то у него сдѣлалось что-то вродѣ удара, какъ говорили. Но потомъ онъ оправился немного и сказалъ: „Пусть мой сынъ покоится въ мирѣ. Я буду нести свое горе съ достоинствомъ, какъ отецъ человѣка, на жизни котораго не было ни единаго пятна“. Да... но потомъ кое-что случилось, и я была свидѣтельницей этого. Не прошло и нѣсколькихъ мгновеній послѣ того, какъ господинъ Ольрикъ произнесъ эти слова, какъ въ домъ пришла одна женщина. Она была очень блѣдна... и казалась очень растерянной.

Старая Ульрика замолкла. Альвъ спросилъ:

— Что же эта женщина сдѣлала?

— Она попросила посмотрѣть на покойника; она просила объ этомъ, обливаясь слезами... Гм, должна признаться, что мнѣ было ее жалко. Она была очень красива, и я сейчасъ же увидала, что

она не принадлежала къ числу легкомысленныхъ женщинъ. Но я догадалась, что она страдаетъ отъ несчастной любви къ молодому Ольрику... Тутъ случилось нѣчто ужасное: старый Ольрикъ сталъ очень рѣзко говорить съ ней и хотѣлъ прогнать ее... Тогда она закричала и силою ворвалась въ комнату, гдѣ покойникъ лежалъ на соломѣ. Она бросилась къ нему и потеряла сознаніе, припавъ къ нему на грудь. Тогда старый Ольрикъ заперъ всѣ двери, и мнѣ показалось, что, оставшись наединѣ съ женщиной, онъ сталъ успокаивать ее... Подъ вечеръ она вышла изъ дома, но тогда лицо ея было покрыто густой вуалью, такъ что никто не могъ видѣть, кто она.

Ульрика замолчала. Въ комнатѣ было такъ темно, что Альвъ не могъ видѣть ея лица. Онъ видѣлъ только ея маленькую темную фигурку у двери.

Онъ спросилъ тихо, но твердо:

— Кто была эта женщина?

На нѣсколько мгновеній старая служанка словно замерла. Потомъ она отвѣтила громко и съ удареніемъ:

— Въ тотъ вечеръ я стояла въ конторѣ купца Ольрика, поднявъ три пальца вверхъ, и я поклялась никогда никому не говорить, кого я видѣла возлѣ покойника... И свою клятву я сдержала... никто не знаетъ этого... И пусть такъ и останется... ради памяти молодого Ольрика, а также и стараго... гмъ, а также и ради другихъ... гмъ, пусть мертвые покоятся въ мирѣ... во имя Іисуса Христа.

XV.

Тѣ слова, которыя должны были служить утѣшеніемъ для Альва,—слова его умирающей матери,—казались ему воплемъ. Воплемъ изъ того міра, который былъ для него невѣдомъ и который онъ не понималъ.

„Будь счастливъ и веселъ“. Но почему? Потому что свѣтъ съ его радостями раскрывалъ ему свои объятія.

Но какой свѣтъ? Гдѣ онъ? Онъ не зналъ этого свѣта, полнаго счастья и радости. Гнетущія мысли давно отогнали его отъ другихъ людей, заставили его собрать всю свою силу воли и построить свое жилище вдали отъ нихъ. Теперь это жилище было готово.

А его хотятъ заставить насильно вернуться къ людямъ, жить съ ними, улыбаться и разговаривать!

Онъ не могъ этого. Жизнь среди людей стала для него невы-

носимой. И вся его душа возмущалась и трепетала отъ отвращенія при мысли о томъ, что онъ дитя лжи и разнузданности. Какъ прекрасна, какъ возвышенна была участь умершихъ! Какъ онъ завидовалъ имъ. Онъ видѣлъ ихъ сомкнутыя вѣки, ихъ блѣдныя уста, умолкшія навѣки. А онъ? Онъ уже потерялъ право на ихъ прекрасный молчаливый міръ. Онъ принадлежалъ другому міру. Тому міру, который онъ ненавидѣлъ. Міру случайностей и грѣховныхъ наслажденій.

Та жизнь, которая ему была дана, не была для него жизнью! Онъ уже прожилъ раньше свою прекрасную, необыкновенную жизнь.

Да, да будетъ благословенна немощь его плоти! Да будетъ благословенна ея смерть!

Да будетъ проклято цвѣтущее здоровье его плоти! Да будетъ проклята ея сила, которая хуже смерти!

XIV.

Ему начало казаться, что онъ медленно задыхается въ своемъ мрачномъ домѣ.

Стоялъ прекрасный осенній день съ яснымъ, прозрачнымъ воздухомъ. Альвъ мечтательно смотрѣлъ на море, и вдругъ взоръ его остановился на двухъ корабляхъ, которые на всѣхъ парусахъ уносились въ широкую даль.

Ясный осенній день и уносящіеся въ даль корабли напомнили ему о томъ, что существовалъ широкій свѣтъ тамъ, гдѣ-то, далеко, свѣтъ съ миріадами жизней.

Онъ подумалъ о томъ, что единственное спасеніе для него— это странствовать и жить среди всѣхъ этихъ безчисленныхъ жизней въ широкомъ свѣтѣ.

Онъ хорошо зналъ всѣхъ судовладѣльцевъ и шкиперовъ въ городѣ и очень скоро нашелъ возможность отправиться въ путешествіе на одномъ изъ кораблей.

Больше мѣсяца онъ не покидалъ корабля. Морской вѣтеръ разсѣялъ всѣ его мрачныя мысли. Онъ любилъ гулять по палубѣ поздно вечеромъ. Онъ прислушивался, какъ бурлила вода у бортовъ корабля, онъ съ наслажденіемъ подставлялъ свое лицо подъ брызги морской пѣны и слушалъ, какъ свистѣлъ вѣтеръ въ его ушахъ... Онъ всматривался въ синее звѣздное небо и ласково мигающіе вдали маяки...

Послѣ продолжительнаго пути корабль причалилъ наконецъ къ Гамбургу. Здѣсь Альвъ распрощался съ капитаномъ и отпра-

вился въ глубь страны. Прибѣгая то къ помощи лодки, то коляски, то своихъ собственныхъ ногъ, онъ достигъ наконецъ Магдебурга. Отсюда онъ направился на югъ въ старую Германію, гдѣ онъ и поселился въ одномъ изъ глухихъ городковъ Оберъ-Пфальца. По городу медленно протекала рѣчка. По обоимъ берегамъ рѣчки разстилались виноградники. Альвъ пришелъ въ городокъ во время сбора винограда. Повсюду царило праздничное настроеніе. Церковные колокола звонили, народъ пѣлъ псалмы—такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Альву. Но когда онъ вглядѣлся ближе въ то, что происходило вокругъ него, то онъ понялъ, что торжественное пѣніе было не что иное, какъ пьяныя пѣсни, и онъ замѣтилъ также, что, несмотря на царившее веселье, въ разнузданности пившихъ была какая-то мистическая серьезность.

XVII.

Во время этого сбора винограда, Альвъ познакомился съ Андреасомъ Кернеромъ. Онъ уже нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ, но познакомился только позже.

Разъ какъ-то онъ гулялъ по окрестностямъ. Съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ на все, слушалъ колокольный звонъ и пѣніе. Онъ зашелъ далеко за городъ, навстрѣчу ему попадались мужчины и женщины, возвращающіеся съ работы; одни шли пѣшкомъ, распѣвая пѣсни, смѣясь, наслаждаясь радостями жизни, словно вся жизнь была естественной оргіей; другіе ѣхали на возахъ, наполненныхъ корзинами съ виноградомъ или ушатами съ виноградным сокомъ. Надъ дорогой стояли тучи густой пыли, Альвъ задыхался, но онъ тоже весело улыбался, глядя на всѣхъ этихъ беззаботныхъ людей. Одна молодая женщина протянула ему гроздь винограда, и онъ съ благодарностью принялъ ее; онъ поблагодарилъ также и пожилую женщину, которая оказалась матерью молодой, когда она предложила ему сѣсть въ ихъ телѣгу. Онѣ довезли его до самаго города; тутъ Альвъ соскочилъ съ телѣги, поблагодарилъ ихъ и пообѣщалъ имъ навѣстить ихъ въ городѣ по другую сторону рѣки. Но онъ сейчасъ же забылъ названіе того мѣста, гдѣ жили обѣ женщины.

Денной шумъ и суета утомили его. Онъ пошелъ въ одинъ старый винный погребъ. Въ сущности это была старинная башня, въ нее вела желѣзная дверь, которая съ трудомъ поворачивалась на своихъ ржавыхъ петляхъ. Внутри стѣны погребка были темныя и заплѣсневѣлыя. Здѣсь царила пріятная прохлада въ самые знойные дни, и какой тонкій винный запахъ обдавалъ каждаго входившаго туда!

Альвъ сталъ осматриваться кругомъ. Тутъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, которые за день добѣгались до полнаго изнеможенія. Здѣсь у стараго Кунца за стаканомъ хорошаго вина они искали тишины и покоя,—бурное веселье молодежи было имъ не по душѣ. Старый Кунцъ, хозяинъ погребка, также не принималъ участія въ празднествѣ. Онъ былъ увѣренъ въ своихъ обычныхъ кліентахъ и могъ держаться въ сторонѣ отъ шумнаго разгула. Вотъ и теперь онъ сидѣлъ въ углу и тихо бесѣдовалъ съ однимъ пожилымъ человѣкомъ. Альвъ сейчасъ же узналъ его: это былъ тотъ человѣкъ, который своеобразной внѣшностью своей уже не разъ привлекалъ на себя его вниманіе. Когда Альвъ вошелъ, то старый Кунцъ сейчасъ же подошелъ къ нему, чтобы узнать, что ему подать. При этомъ Альвъ замѣтилъ, что когда Кунцъ отходилъ отъ пожилого господина, то почтительно поклонился ему, что вообще не было въ его обычаяхъ.

Альву подали стаканъ рейнскаго вина, а потомъ еще одинъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какъ это произошло, но вскорѣ онъ вступилъ въ оживленный разговоръ съ человѣкомъ, который его такъ интересовалъ. Разговоръ касался колокольнаго звона и сбора винограда. Альвъ сказалъ, что онъ никогда не думалъ, что это можно соединить: у него на родинѣ вино считаютъ напиткомъ дьявола.

— Но вѣдь вы сѣверянинъ? Ну, да, вѣдь у васъ тамъ и виноградъ не растетъ! А здѣсь вино—это сама жизнь.

Взоръ Альва остановился случайно на противоположной стѣнѣ. На ней были написаны старинныя сентенціи о „сокѣ земли“, то-есть о винѣ. Были тамъ также умныя цитаты древнихъ нѣмецкихъ мудрецовъ и пѣвцовъ: о „винѣ и цвѣтахъ“ и о „винѣ и святой любви“. Не отсутствовала и извѣстная строфа Лютера о винѣ, женщинѣ и пѣснѣ. О, та радость, которой былъ напоенъ весь воздухъ здѣсь, была совсѣмъ иная, чѣмъ у него на родинѣ!

Было уже поздно. Посѣтители погребка соединились всѣ въ тѣсный кружокъ. Альвъ понялъ, что тотъ человѣкъ, съ которымъ онъ разговаривалъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Хозяинъ безпрестанно обращался къ нему и каждый разъ, когда онъ разговаривалъ съ нимъ, то остальные гости поднимали головы и прислушивались къ ихъ разговору.

Приближалась полночь. Въ погребокъ пришли новые запоздавшіе посѣтители, которые громко разговаривали. Царило всеобщее оживленіе, у всѣхъ было приподнятое настроеніе. Одинъ изъ посѣтителей посмотрѣлъ на Альва и спросилъ его:

— А у васъ нѣтъ съ собой дѣвушки?—и онъ посмотрѣлъ на

него съ состраданіемъ.—А вѣдь вы такой молодой и здоровый... О, во время сбора винограда такъ легко сойтись съ хорошенькой дѣвушкой...

Немного спустя Альвъ вышелъ изъ погребка въ обществѣ пожилого человѣка, съ которымъ онъ разговорился.

Долго они шли вмѣстѣ. Навстрѣчу имъ попадались запоздавшіе гуляки. Хорошенькая смуглая дѣвушка повисла вдругъ на рукѣ пожилого челокѣка и съ улыбкой протянула ему свои алыя губы:

— Поцѣлуйте меня, мэстеръ Андреасъ!

И онъ поцѣловалъ ее и назвалъ своей „милой рѣзвушкой"...

Дѣвушка весело разсмѣялась, кивнула головой, и не успѣли они оглянуться, какъ она уже исчезла. Всѣ кланялись ему: „Здравствуйте, мэстеръ". Или: „Какъ поживаете, мэстеръ Андреасъ?"

— Васъ тутъ всѣ знаютъ,—сказалъ Альвъ.

— О,—отвѣтилъ онъ небрежно,—вѣдь я живу здѣсь болѣе сорока лѣтъ. Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, когда я поселился здѣсь.

Стало уже свѣтать. Они шли далеко за городомъ по довольно пустынной дорогѣ. Альвъ не раскаивался въ томъ, что подошелъ провожать незнакомца. Все въ немъ—его низкій голосъ, его добродушная наружность—дѣйствовало на него успокоительно, и ему такъ не хотѣлось разставаться съ нимъ... Когда незнакомецъ наконецъ остановился и сказалъ:

— Я живу здѣсь... вонъ въ томъ домѣ—

Альвъ съ грустью протянулъ ему руку. Можетъ быть, тотъ замѣтилъ это. Съ минуту онъ подумалъ, потомъ крѣпко пожалъ руку Альва и сказалъ:

— Да, вамъ надо итти обратно той же дорогой, если вы хотите попасть домой. Но послушайте: я виноватъ въ томъ, что увлекъ васъ такъ далеко, и мнѣ какъ-то совѣстно отпускать васъ въ такую позднюю пору обратно въ городъ. Переночуйте у меня. Я не могу вамъ предложить пуховыхъ перинъ, вы получите только спартанское ложе, но чистыя простыни я могу вамъ дать и я буду радъ имѣть васъ своимъ гостемъ. Если вы согласны на такихъ условіяхъ переночевать у меня, то милости просимъ.

Альвъ отвѣтилъ съ улыбкой:

— Спасибо. Я дѣйствительно очень утомился за этотъ день.

Больше онъ ничего не сказалъ. Всѣ церемоніи были совершенно излишни съ этимъ человѣкомъ.

Они вошли въ просторную переднюю. Въ углу теплилась масляная лампада. Мэстеръ Кернеръ взялъ свѣчу съ полки и за-

жегъ ее. Потомъ онъ подошелъ къ большому сундуку и вынулъ изъ него простыни, подушки и одѣяло. Все это онъ разложилъ на широкой скамьѣ, которая шла вдоль стѣны. Потомъ онъ завѣсилъ окно, чтобы утренній свѣтъ не безпокоилъ гостя.

— Ну, спокойной ночи! Пріятнаго сна, утромъ мы увидимся.

Когда Альвъ проснулся, то долго не могъ сообразить, гдѣ онъ. Однако это ничуть не встревожило его; у него было чувство, словно съ нимъ случилось вчера что-то пріятное... Потомъ онъ вспомнилъ, гдѣ провелъ вечеръ и какъ попалъ сюда, и сообразилъ, что онъ находится въ домѣ того страннаго человѣка, который не разъ привлекалъ на себя его вниманіе.

Онъ всталъ. Онъ чувствовалъ приливъ бодрости послѣ хорошаго сна. Онъ отдернулъ занавѣсъ на окнѣ, и въ комнату сразу ворвались цѣлые снопы солнечныхъ лучей, наполняя комнату тепломъ и пѣніемъ птицъ.

Альвъ быстро одѣлся и вышелъ изъ комнаты. Онъ прошелъ черезъ три комнаты; всѣ онѣ были большія, но почти безъ мебели. Онъ вошелъ въ одну большую комнату, и его поразило неожиданное зрѣлище: мэстеръ Кернеръ стоялъ посреди комнаты и работалъ надъ большой статуей изъ глины.

Когда Альвъ вошелъ, то онъ быстро пошелъ къ нему навстрѣчу и спросилъ съ улыбкой:

— Ну, хорошо ли вы спали?... А вы спали долго.

Альвъ заговорилъ вполголоса. Онъ въ первый разъ очутился въ мастерской художника, и его невольно охватило чувство благоговѣнія. Онъ съ удивленіемъ осматривался по сторонамъ. Вокругъ него все жило. Его окружали лица, печальныя и веселыя. Тутъ же были человѣческія тѣла, въ позахъ которыхъ выражались страсти. Но больше всего его поразила громадная фигура, стоявшая посреди комнаты. Это былъ прекрасный гигантъ, который съ выраженіемъ глухой ярости и нестерпимаго страданія разрывалъ свою одежду.

— Это Гераклъ... Онъ замѣтилъ, что кровь его отравлена рубашкой изъ крапивы... Она жжетъ его. Посмотрите, онъ рычитъ отъ боли.

Альвъ не отрывалъ глазъ отъ статуи... Неужели же этотъ гигантъ не могъ проявить мужества? И онъ рычитъ, словно быкъ, котораго ведутъ на убой, словно левъ, который попался въ капканъ. Что за кулаки! Они исполнили столько тяжелыхъ работъ, а теперь они сжаты судорожно и безпомощно. А это тѣло съ прекрасными и чистыми линіями—оно судорожно вытягивается,

прежде чѣмъ окончательно обезсилѣть. Сколько страданія въ потухающихъ глазахъ! Сколько горестнаго выраженія въ углахъ рта, который искаженъ предсмертной судорогой.

Это было олицетвореніе гнѣва мужчины, сильнаго, грубаго, добродушнаго мужчины,—это была борьба со смертью...

Повидимому, мэстеръ Кернеръ былъ очень увлеченъ своимъ произведеніемъ. Онъ смотрѣлъ на него, не отрывая взора, оно поглощало все его вниманіе.

Наконецъ, онъ какъ бы насильно оторвался отъ него:

— Пойдемте, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ.—Я боролся съ этимъ гигантомъ въ теченіе почти двухъ часовъ и за это время ничего не ѣлъ. Пойдемте къ Дидриху Каселю, тутъ напротивъ, и позавтракаемъ. У него свѣжій хлѣбъ, хорошая зелень, свѣжія яйца и прекрасное вино... кусочекъ жаркого вы также можете получить, если хотите.

XVIII.

Существуетъ одно старое сказаніе, которое происходитъ изъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда только что начали строить готическіе храмы. Вотъ оно.

Одинъ знаменитый художникъ осматривалъ великолѣпную церковь съ картинами и скульптурой. Онъ былъ на самомъ верху и хотѣлъ уже спуститься внизъ, такъ какъ осмотрѣлъ все. Но тутъ онъ увидалъ вдругъ человѣка, который примостился на самомъ верху на подмосткахъ и высѣкалъ что-то изъ камня. Онъ подошелъ ближе и увидалъ, что этотъ человѣкъ усердно высѣкаетъ изъ камня одну изъ головъ, которыми обыкновенно украшаютъ церковные порталы. Но зачѣмъ онъ это дѣлалъ? Вѣдь никто не могъ увидать что-нибудь на такой высотѣ. Ужъ не высѣкаетъ ли онъ свое произведеніе для облаковъ или для ласточекъ? И знаменитый скульпторъ, искусство котораго дало ему богатство и почести и даже благоволеніе королей, покачалъ головой, глядя на этого безумца, который продолжалъ спокойно и усердно работать. Онъ сказалъ ему:

— Это произведеніе прекрасно; но для кого ты такъ безпокоишься? Вѣдь никто не увидитъ твоего произведенія.

Работающій посмотрѣлъ на знаменитаго скульптора и только тихо кивнулъ головой:

— Богъ увидитъ.

Мэстеръ Андреасъ могъ бы дать такой же отвѣтъ. За предѣлами его городка почти никто не зналъ его; но зато здѣсь всѣ

его знали, всѣ его любили и отзывались о немъ съ уваженіемъ и преданностью. Онъ былъ не только скульпторомъ, но также и мыслителемъ. Онъ былъ всесторонне образованъ, прекрасно зналъ анатомію и интересовался зоологіей. Кромѣ того, онъ нѣкоторое время изучалъ и теологію, въ особенности исторію церкви. Онъ знакомъ былъ даже съ астрономіей и алхиміей и одно время даже увлекался этими науками.

Альвъ часто навѣщалъ мэстера Кернера; онъ выбиралъ то время дня, когда тотъ не работалъ. Они гуляли вмѣстѣ и вели оживленныя бесѣды. Но если случалось, что Альвъ заставалъ мэстера Кернера за работой и въ нерѣшительности останавливался у дверей, тотъ кричалъ ему:

— Идите, идите! Садитесь! Вы не мѣшаете мнѣ!

И Альвъ садился въ углу и наблюдалъ за тѣмъ, какъ мэстеръ Кернеръ работалъ. Онъ видѣлъ только его спину, но эта спина говорила такъ много: теперь мэстеръ Кернеръ сидитъ спокойно, теперь онъ любуется на свое произведеніе.

Однажды Альвъ пришелъ въ мастерскую мэстера Кернера и, не заставъ его, сталъ ждать. Чтобы скоротать время, онъ взялъ кусокъ глины и вылѣпилъ изъ нея руками голову. Къ его удивленію, эта работа далась ему очень легко. Онъ объяснилъ это тѣмъ, что работа его никуда не годится.

И все время у него было такое чувство, словно пальцы его обладаютъ чувствомъ зрѣнія. Онъ могъ бы вылѣпить эту голову въ темнотѣ.

Онъ вылѣпилъ голову мужчины съ грубыми, но выразительными чертами лица.

„Хе, да вѣдь это настоящій норвежскій крестьянинъ съ горъ,— подумалъ онъ.—Наполовину земной рабъ, наполовину король“.

По правдѣ сказать, онъ самъ былъ удивленъ результатомъ своей работы.

„Да вѣдь онъ прямо живой!—бормоталъ онъ.—Но, конечно... это никуда не годится“.

Ради шутки онъ оставилъ этотъ бюстъ на столѣ, — ему хотѣлось услышать мнѣніе мэстера Кернера.

Немного спустя пришелъ мэстеръ Кернеръ. Нѣсколько времени они болтали другъ съ другомъ. Вдругъ взглядъ скульптора упалъ на бюстъ, вылѣпленный Альвомъ. Онъ сталъ разсматривать его.

— Что это?—спросилъ онъ.—Кто это сдѣлалъ?

Альвъ отвѣтилъ серьезно:

— Ахъ, да, я совсѣмъ забылъ вамъ сказать... это принесъ какой-то человѣкъ. Онъ хотѣлъ услышать ваше мнѣніе, мэстеръ Кернеръ. Онъ очень боялся показывать свою работу.

— Гмъ... интересный бюстъ, чертовская фантазія... Видно, что вылѣплено неопытными руками... но всетаки... тутъ есть глубина мысли и виденъ талантъ... Онъ хотѣлъ еще зайти?

— Да, онъ еще придетъ,—разсмѣялся Альвъ.—Ну, дорогой мэстеръ Андреасъ, вѣдь это сдѣлалъ я... я сидѣлъ тутъ и ждалъ васъ и со скуки вылѣпилъ бюстъ.

Мэстеръ Кернеръ кивнулъ головой и сказалъ спокойно:

— Гмъ... я, собственно, такъ и думалъ... вѣдь здѣсь никого нѣтъ... А кромѣ того, въ этомъ чувствуется что-то чужестранное...—Онъ еще разъ осмотрѣлъ бюстъ.—Да, это, дѣйствительно, очень недурно...

— Да вѣдь это только шутка.

— Шутка? Ну, хорошо... Но, во всякомъ случаѣ, вы представляете собою интересный типъ, разъ вы такъ шутите... Повторяю, я не говорю, что это совершенно. Это даже очень плохо, понимаете. Но это дѣйствуетъ на меня... хе-хе, а это значитъ, что это хорошо...

Такъ они болтали нѣкоторое время. Альвъ замѣтилъ, что мэстеръ Кернеръ время отъ времени поворачивалъ свою голову и смотрѣлъ на его бюстъ, который ярко выдѣлялся, какъ бы выступая изъ мрака.

Прежде чѣмъ разстаться съ мэстеромъ Кернеромъ, Альвъ разсказалъ ему про голову оборотня, которую онъ вырѣзалъ въ старомъ пнѣ, когда былъ еще мальчикомъ, и о портретахъ своихъ умершихъ родныхъ, которые онъ набросалъ на память.

Придя домой вечеромъ, онъ разыскалъ эти рисунки. Онъ сталъ разсматривать ихъ и былъ удивленъ тѣмъ волненіемъ, которое вызвали въ немъ эти рисунки. На слѣдующій день онъ снесъ ихъ къ мэстеру Кернеру. Тотъ смотрѣлъ поочередно то на нихъ, то на Альва, словно хиромантъ, который предсказываетъ по линіямъ руки.

— Какая глубина и какое обожаніе,—сказалъ онъ.—Я видѣлъ нѣчто подобное въ старинныхъ русскихъ картинахъ. Это нѣчто безпомощное и святое.

Странное чувство охватило Альва.

— У меня есть талантъ?—спросилъ онъ.

Мэстеръ Кернеръ отвѣтилъ:

— Да. Но въ эту минуту я не увѣренъ въ томъ, что̀ главнымъ образомъ дѣйствуетъ на меня: талантъ или то скрытое чувство, которымъ проникнуты эти рисунки.

Альвъ отвѣтилъ:

— Да, я это понимаю.

— Но,—продолжалъ мэстеръ Кернеръ,—приходите ко мнѣ и попробуйте поработать, тогда я сейчасъ же скажу вамъ, дурно это или хорошо.

Эти слова сильно подѣйствовали на Альва. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Онъ видѣлъ всѣ произведенія мэстера Кернера, начиная отъ самаго крупнаго и кончая самымъ мелкимъ изъ бронзы. Всѣ они носили печать выдающагося таланта, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ въ нихъ осуществленіе всѣхъ своихъ мыслей и мечтаній...

— Я хочу учиться у васъ, мэстеръ Кернеръ.

— Но имѣйте въ виду,—замѣтилъ мэстеръ Кернеръ,—что вы готовитесь къ тяжелой жизни, если хотите посвятить себя искусству. Это поприще такъ противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ о счастьѣ. Если принять во вниманіе особенности вашего характера, то мнѣ кажется, что вы останетесь одинокимъ... изолированнымъ. Тотъ богъ, которому вы хотите служить, потребуетъ васъ всего, цѣликомъ. По вашимъ взглядамъ на жизнь вы—мистикъ. Вы стремитесь заглянуть въ самую глубину... А впрочемъ, что бы вы ни выбрали, вы всегда останетесь одинокимъ. Но если вы выберете искусство, то этимъ самымъ вы сдѣлаете вызовъ самой судьбѣ. И сами пойдете на то, чего вы должны были бы, можетъ быть, избѣгать.

— Нѣтъ, мэстеръ Андреасъ, я не хочу избѣгать своей участи. Моя судьба предрѣшена уже давно. И я вѣрю, что моя работа на этомъ поприщѣ дастъ мнѣ удовлетвореніе. И вы должны помочь мнѣ!

— Хорошо, Альвъ, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ.

— Спасибо. Давно я уже стремлюсь къ тому, чтобы найти трудъ, который могъ бы меня удовлетворить и дать мнѣ хлѣбъ насущный. Я долго жилъ на средства, которыми я предпочиталъ бы не пользоваться. Теперь я поѣду домой и порву тамъ всѣ связи, чтобы душа моя была спокойна и чиста.

Мэстеръ Кернеръ сказалъ съ особеннымъ удареніемъ:

— Да... и помните: наша жизнь, быть можетъ, по мнѣнію многихъ, уединенна. И всетаки я люблю ее, потому что для меня она представляетъ неисчерпаемое богатство. И мой богъ безсмертенъ! Сколько королевствъ погибло! И одинъ основатель религіи осуждаетъ другого на адскія муки, а тотъ говоритъ, что онъ самъ дьяволъ. И философскія системы также измѣняютъ и пропадаютъ. А посмотрите, что дѣлается на всемъ свѣтѣ! Возьмите ста-

рую Ассирію и Вавилонъ, Египетъ, Элладу, Римъ, возьмите хотя нашу Германію: что осталось отъ всего былого и что свидѣтельствуетъ на землѣ о всѣхъ этихъ человѣческихъ жизняхъ? Объ этомъ свидѣтельствуетъ величіе ассирійскаго искусства, которое показываетъ намъ людей, поклонявшихся солнцу тысячу лѣтъ тому назадъ. Египетское искусство поражаетъ насъ своимъ оригинальнымъ богатствомъ. А свѣтлые боги Эллады наложили печать на всю культуру Европы. Римское искусство съ его жизнерадостной красотой облекло свѣтъ фантазіей и мечтами.

Альвъ сидѣлъ молча. Онъ чувствовалъ вокругъ себя какую-то новую атмосферу. Наконецъ онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Какъ я счастливъ! Когда я навѣщалъ васъ, мэстеръ Андреасъ, то я всегда думалъ: какой миръ царитъ здѣсь и въ то же время какая богатая жизнь чувствуется во всемъ. Какъ счастливъ тотъ, кто живетъ здѣсь и кто работаетъ, какъ мэстеръ Кернеръ. Заглядывать въ глубь своей жизни, отдаваться самымъ завѣтнымъ мечтамъ своей жизни! Съ тихой грустью думать о дорогихъ умершихъ! Любоваться изъ своей комнаты на цвѣтущія поля и прислушиваться къ веселому говору людей, а можетъ быть, даже и къ ихъ плачу. И чувствовать, что ничто, могущее заставить другихъ ликовать или рыдать, уже не подѣйствуетъ на тебя больше! Забыть свои горести, понять, что все въ жизни—мишура и суета. Отрѣшиться отъ этой мишуры и погрузиться въ вѣчную красоту, въ чистое созерцаніе жизни и ея истинныхъ цѣнностей!

Мэстеръ Андреасъ всталъ, быть можетъ, чтобы скрыть свое волненіе...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ одинъ прекрасный весенній день Альвъ возвратился на родину. Воздухъ былъ такой мягкій, а солнце сіяло такъ ослѣпительно, что на душѣ невольно становилось весело и легко. Это былъ одинъ изъ тѣхъ благодатныхъ дней, которые навѣваютъ покой и отраду. Послѣ долгаго скитанія по чужимъ краямъ Альва охватило какимъ-то особеннымъ уютомъ, когда онъ снова очутился въ родныхъ мѣстахъ.

Какъ обветшалъ домъ! Вѣдь въ немъ давно уже никто не жилъ. И онъ успѣлъ пріобрѣсти отпечатокъ нежилыхъ домовъ, покосившихся и запущенныхъ. Какая жуткая тишина царила въ немъ! Только когда съ моря налетали порывы вѣтра, въ старыхъ

деревянныхъ стѣнахъ раздавался скрипъ; но этотъ скрипъ былъ глухой и таинственный. Даже крысы исчезли изъ этого стараго дома; онѣ, вѣроятно, нашли, что въ такомъ заброшенномъ помѣщеніи и поживиться нечѣмъ. Однако онѣ не покинули этого мѣста до тѣхъ поръ, пока не уничтожили все, что только можетъ уничтожить крыса. Онѣ съѣли цѣлый сундукъ изъ тюленьей шкуры, оставивъ только одни желѣзные обручи, торчавшіе, словно ребра скелета. Онѣ изгрызли также почти всю доску, на которой когда-то рубили мясо, не говоря уже о такихъ лакомствахъ, какъ мѣхъ и смазные сапоги.

Альвъ снова увидѣлъ обитателей городка. Но въ сущности онъ зналъ немногихъ изъ нихъ. По большей части онъ ходилъ одинъ по улицамъ и обмѣнивался со знакомыми короткими привѣтствіями.

Но нѣсколько дней спустя послѣ своего возвращенія на родину онъ совершенно неожиданно встрѣтился съ однимъ старымъ знакомымъ. Это былъ Эдмундъ. За эти долгіе годы Альву пришлось пережить такъ много, онъ произвелъ переоцѣнку многимъ жизненнымъ цѣнностямъ, а потому когда Эдмундъ нѣсколько нерѣшительно остановился и поклонился ему, то Альвъ также остановился и совершенно спокойно сказалъ:

— Здравствуй, Эдмундъ!

Эдмундъ отвѣтилъ ему смущенно и радостно:

— Здравствуй, Альвъ! Добро пожаловать на родину.

Альвъ поблагодарилъ его такъ же спокойно, какъ и раньше:

— Спасибо... А ты живешь все тамъ же, у себя?

— Да... вѣдь имѣніе теперь принадлежитъ мнѣ.

— Ну, да, конечно.

Они продолжали болтать нѣкоторое время,—не какъ хорошіе друзья, а какъ добрые старые знакомые. Альву показалось, что Эдмундъ не особенно измѣнился за послѣднія десять лѣтъ, онъ нашелъ его все такимъ же красивымъ и прилизаннымъ, и онъ улыбнулся, вспомнивъ, какъ когда-то восхищался этимъ баловнемъ судьбы.

Вдругъ Эдмундъ прервалъ разговоръ и произнесъ любезнымъ тономъ:

— Кстати, Альвъ... Прости, пожалуйста... мое глупое поведеніе... въ тотъ разъ... знаешь, когда я такъ разозлился на тебя. Гмъ, вѣдь влюбленные юноши становятся необузданными и теряютъ разумъ... Но позже я сталъ поумнѣе... я понялъ, какъ оскорбилъ тебя... а у тебя еще такая чувствительная натура.

Эдмундъ произнесъ все это чуть ли не торжественнымъ то-

номъ; очень можетъ быть, что у него были добрыя намѣренія, но Альвъ предпочелъ бы, чтобы онъ не говорилъ съ нимъ такъ. Въ поведеніи Эдмунда ему почудилось нѣкоторое высокомѣріе. Онъ отвѣтилъ коротко и съ достоинствомъ:

— Стоитъ ли вспоминать старое... вѣдь это было такъ давно, Эдмундъ... не будемъ ворошить былое... забудемъ это.

— Да, да. Но ты долженъ знать... что я позже признался Лонѣ въ томъ, что поступилъ очень дурно...

— Ну, и прекрасно. Я былъ такимъ нелюдимымъ юношей, а ты родился въ сорочкѣ.

— Да, ты правъ. Я былъ избалованнымъ, здоровымъ юношей, а ты былъ застѣнчивый и чуткій. Такъ это и было.

— Ну... не будемъ больше говорить объ этомъ... Скажи лучше: гдѣ Лона?

Эдмундъ улыбнулся.

— Отгадай!—сказалъ онъ весело.—Нѣтъ, тебѣ не отгадать. А что, если я тебѣ скажу, что мы скоро увидимъ ее?

— Я этому, конечно, повѣрю. Такъ она здѣсь?

— Да, Альвъ. Вѣдь мы поженились... уже два года тому назадъ.

— Вотъ какъ, вы поженились?

Ясный весенній день, а можетъ быть, и прогулка по старымъ мѣстамъ подѣйствовали на Альва ободряющимъ образомъ; но теперь его радостное настроеніе омрачилось. Такъ, значитъ, Эдмундъ всетаки покорилъ ее. Ну, и прекрасно. На долю нѣкоторыхъ счастливцевъ выпадаетъ все. По всей вѣроятности, Эдмунду пошло впрокъ то, что онъ оклеветалъ своего друга, если не считать, что послѣ этого онъ сталъ заносчивымъ и гордымъ.

Съ болью въ сердцѣ Альвъ подумалъ о томъ, какимъ одинокимъ онъ всегда былъ. Навязчивость чужихъ людей очень непріятна; но полное одиночество тоже тяжело. О, если бы Лона всегда была съ нимъ, то онъ переносилъ бы жизненныя невзгоды несравненно легче!

Между тѣмъ Эдмундъ продолжалъ болтать: Альвъ не долженъ думать, что все это устроилось такъ легко. О, нѣтъ, не разъ между нимъ и Лоной все порывалось. Да, онъ долженъ признаться, что Лона единственный человѣкъ во всемъ мірѣ, передъ которымъ онъ, Эдмундъ, преклоняется и которому онъ покорился, да, онъ лежитъ передъ нею во прахѣ. Но какъ странно, что она не вышла къ нему навстрѣчу. Впрочемъ, до дома уже осталось недалеко, и Альвъ могъ бы пойти вмѣстѣ съ нимъ. Лона, навѣрное, будетъ очень рада увидѣть его.

Они прошли черезъ широкій дворъ. Нѣсколько собакъ съ лаемъ бросились къ нимъ навстрѣчу. Эдмундъ и Альвъ вошли въ переднюю.

— Милости просимъ, Альвъ. Вѣдь ты хорошо знаешь весь домъ. Войди пока въ гостиную... а я посмотрю... нѣтъ, Лоны здѣсь нѣтъ... Значитъ, она въ саду. Я схожу за нею и сейчасъ вернусь.

Альвъ вошелъ въ большую гостиную, которую онъ такъ хорошо зналъ. Имъ овладѣло волненіе, и онъ сѣлъ. Неужели онъ волнуется отъ предстоящаго свиданія съ Лоной? Можетъ быть... Ему была непріятна мысль, что Эдмундъ ходитъ и распоряжается здѣсь въ качествѣ хозяина. Альву вдругъ показалось, что лучше было бы не приходить сюда... Но онъ совсѣмъ растерялся, когда Эдмундъ такъ неожиданно сказалъ ему, что онъ сейчасъ увидитъ Лону... услышитъ ее... увидитъ ея лицо, ея глаза.

Онъ сталъ прислушиваться. Въ сосѣдней комнатѣ кто-то ходилъ. Дверь тихо растворилась... и она вошла.

Альвъ всталъ. Она подошла ближе. На ея лицѣ мелькала странная улыбка.

Они протянули другъ другу руки. Какая это была странная встрѣча! Альвъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ, его губы задрожали, какъ въ лихорадкѣ. Онъ произнесъ нѣсколько словъ, но ему показалось, что они прозвучали гдѣ-то рядомъ, словно это говорилъ кто-нибудь другой. Онъ не думалъ, что свиданіе съ Лоной такъ подѣйствуетъ на него. А она... можетъ быть, она только удивилась при видѣ его. Но она пристально смотрѣла на него, и ему показалось, что въ глазахъ ея промелькнуло такъ хорошо знакомое ему выраженіе.

Передъ нимъ стояла Лона! А вѣдь онъ думалъ, что уже совсѣмъ забылъ ее. Между тѣмъ оказалось, что воспоминаніе о ней глодало его все время, словно червь.

У него вырвалось:

— Такъ это ты, Лона! Какъ странно снова увидѣть тебя.

Какъ она измѣнилась! Она не походила больше на ту шаловливую дѣвочку, съ которою онъ встрѣтился въ Иванову ночь. Теперь она была цвѣтущей женщиной. И она не походила на провинціалку, это была элегантная свѣтская женщина. Она была вся въ черномъ. Во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то мягкое, вкрадчивое. Быть можетъ, Альвъ въ первый разъ замѣтилъ это теперь. А можетъ быть, это свойство ея особенно выдѣляло черное шелковое платье? Впрочемъ, это было не платье, а скорѣе хламида, которая граціозно обнажала ея шею и красиво оттѣняла блѣдное лицо.

Изъ сада возвратился Эдмундъ:

— Такъ ты ее засталъ здѣсь?—крикнулъ онъ.—Она, оказывается, была дома и забыла выйти навстрѣчу своему мужу.

Онъ былъ очень любезенъ и даже терпимъ. Онъ вышелъ ненадолго изъ комнаты, какъ бы желая подчеркнуть свое полное довѣріе. Онъ много говорилъ. И снова коснулся своего некрасиваго поступка, вспомнивъ, какъ онъ испугалъ Лону тѣмъ, что Альвъ приговоренъ къ смерти.

Альвъ бросилъ на него странный взглядъ и сказалъ очень серьезно:

— Оказывается, что ты тогда ошибся. Какъ видишь, я до сихъ поръ еще не умеръ.

Тогда Лона разсмѣялась и воскликнула:

— Это прямо смѣшно. Я увѣрена, что изъ насъ троихъ ты дальше всѣхъ отъ смерти.

Какъ странно она это произнесла, сколько нѣжности было въ ея „ты", въ тонѣ ея слышалось скрытое восхищеніе. *Такъ* это слово можетъ произнести только женщина.

Альвъ и Эдмундъ промолчали на ея слова.

Но Альвъ долго не оставался. Онъ вскорѣ всталъ и распрощался съ хозяевами.

Онъ пошелъ къ городу. Въ его головѣ вереницею проносились всевозможныя мысли. Онъ тяжело дышалъ. Когда онъ сказалъ Эдмунду: „Я не умеръ, какъ ты видишь", то имъ овладѣло чувство торжества. Въ первый разъ онъ понялъ это чувство. Прекрасная, бьющая ключомъ жизнь представилась ему во всемъ своемъ соблазнительномъ великолѣпіи. Онъ почувствовалъ себя сильнымъ, и онъ *хотѣлъ быть сильнымъ*.

Какъ Лона посмотрѣла на него! Какое у нея прелестное блѣдное лицо! Какой обворожительный ротъ! А эти прекрасные, искрящіеся глаза!

Но что это? Онъ не узнавалъ самого себя. Онъ не находилъ въ себѣ больше того одинокого человѣка, который печально бродилъ, погруженный въ свои мысли. Теперь у него впереди было нѣчто прекрасное. Небо стало какимъ-то особенно синимъ и яснымъ! А вокругъ него все ликовало и радовалось жизни.

Онъ рѣшилъ снова увидѣться съ Лоной. И какъ можно скорѣе. Въ ней одной сосредоточивалось все то счастье, которое его ожидало.

На другой день онъ былъ приглашенъ на балъ къ Эдмунду и Лонѣ. Это былъ большой весенній балъ, нѣчто вродѣ garden party. Ему приходилось изрѣдка бывать на балахъ и различныхъ

увеселеніяхъ. За границей онъ принималъ участіе въ маскарадахъ, которые устраивали цѣлые города, бывалъ онъ также на празднествахъ по случаю сбора винограда, гдѣ царило неудержимое веселье. Но такъ весело, какъ на балу у Эдмунда, ему еще никогда не бывало.

Въ этотъ вечеръ онъ познелъ упоеніе танцевъ. Лона пошла къ нему навстрѣчу съ полуоткрытымъ ртомъ и слегка поднимающейся грудью, и глаза ея искали его. Это вышло какъ-то само собою, онъ обнялъ ее и понесся въ вихрѣ головокружительнаго танца, въ которомъ тѣла танцующихъ такъ краснорѣчиво разговариваютъ другъ съ другомъ. Казалось, словно онъ уноситъ ее куда-то съ собою. Въ его движеніяхъ чувствовался властный крикъ:

— Лона, я тотъ человѣкъ, который владѣетъ тобою, которому ты принадлежишь!

А она, блѣдная и прекрасная, выражала ему покорность своимъ взоромъ, движеніями и какъ бы шептала въ отвѣтъ:

— Да, ты тотъ человѣкъ, который владѣетъ мною. Дай мнѣ ясно почувствовать силу твоей руки.

А глаза ея говорили:

— Ты оскорбляешь меня, но я позволяю тебѣ оскорблять меня.

Наконецъ, они остановились. Онъ повелъ ее къ ея мѣсту. Она тяжело опиралась на него. Онъ шепталъ ей какія-то слова. Онъ обезумѣлъ отъ счастья. Но со дна его души всетаки поднялось горькое чувство.

— О,—пробормоталъ онъ,—вѣдь ты единственная для меня на всемъ свѣтѣ!

Онъ сказалъ это серьезно и тихо.

Лона посмотрѣла на него.

— Какой ты сталъ вдругъ странный,—сказала она.—Тебя охватила какая-то торжествующая радость. Можно подумать, что ты только что началъ жить.

Онъ задумался надъ ея словами. Она сказала правду. Онъ только что началъ жить. И жизнь представилась ему праздникомъ. Онъ почувствовалъ, что долгая борьба со смертью дала ему такую силу, какою не обладаетъ никто другой, и дала ему право надъ тѣми, кто никогда этого не испыталъ.

Въ сердцѣ его поднялась глухая злоба противъ Эдмунда.

Лона посмотрѣла на него.

— Теперь у тебя злыя мысли, Альвъ,—прошептала она.

Онъ кивнулъ головой. Потомъ, помолчавъ немного, онъ спросилъ:

— Гдѣ ты была... прежде чѣмъ поселилась здѣсь... у Эдмунда?

— Я была дома.

— Подумать, что я не встрѣтился съ тобою тогда... пять лѣтъ тому назадъ... здѣсь въ городѣ.—Потомъ онъ прибавилъ:—Какъ знать, можетъ быть, ты и тогда побѣдила бы.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Побѣдила бы и тогда? Пять лѣтъ тому назадъ? Не тогда ли умерла твоя мать?

— Да, это было тогда... Я хотѣлъ только сказать, что если бы я встрѣтился тогда съ тобою, то, можетъ быть, та торжествующая радость, о которой ты говоришь... началась бы уже тогда. И мы могли бы быть всегда вмѣстѣ, Лона.

Быть можетъ, Альвъ произнесъ эти слова особеннымъ тономъ или же его слова пробудили въ ней дремавшія воспоминанія. Глаза ея стали влажными.

Они сидѣли въ отдаленномъ углу залы. Она осмотрѣлась по сторонамъ, потомъ быстро наклонилась къ нему, словно хотѣла сказать ему нѣсколько словъ. И вдругъ ея губы приблизились къ его губамъ, и она быстро поцѣловала его горячо и страстно. Въ слѣдующее мгновеніе они оба откинулись въ своихъ креслахъ и сидѣли въ какомъ-то сладостномъ полузабытьѣ.

Альвъ и Лона видѣлись часто то тутъ, то тамъ; съ ея стороны это было маленькимъ плутовствомъ или же она хотѣла избавиться отъ угрызеній совѣсти, но она постоянно говорила:

— Мы не будемъ назначать другъ другу свиданій, Альвъ.

И дѣйствительно, они никогда не сговаривались относительно свиданія, но оба всегда выходили изъ дому съ опредѣленной цѣлью встрѣтить другъ друга. И они встрѣчались.

Разъ она пришла даже къ нему въ его старый домъ.

И на этотъ разъ также, вѣроятно, подъ давленіемъ сознанія своей виновности они сперва болтали о всякихъ пустякахъ, какъ добрые хорошіе знакомые. Она никогда не была въ этомъ домѣ и съ интересомъ разсматривала его закоулки и „разбойничьи норы", какъ она называла комнаты.

— Это настоящій разбойничій притонъ,—смѣялась она.—Но все здѣсь очаровательно.

Наконецъ она встала, собираясь уходить. Онъ посмотрѣлъ на нее, и она отвѣтила на его взоръ. Она перестала смѣяться. Ея глаза стали еще темнѣе и тяжелыя вѣки полузакрыли ихъ. Она отдалась ему съ необузданной страстностью. Казалось, она отдавала ему свое послѣднее дыханіе, свою жизнь.

II.

Никто не видѣлъ, какъ Лона приходила къ нему. Сознаніе опасности научило ее хитрости. Однако ихъ поведеніе всетаки иногда обличало ихъ. Взгляды, которыми они обмѣнивались, походили на пламенныя объятія, въ ихъ шопотѣ слышалась страсть. Ихъ выдавало все—и голосъ, и прикосновеніе ихъ рукъ, которыя постоянно искали другъ друга.

Однако мало-по-малу она становилась все болѣе и болѣе смѣлой. Иногда она даже сердилась на Альва за то, что онъ избѣгалъ крайностей. Она чисто по-женски въ одно и то же время боялась городской сплетни и ненавидѣла городскихъ обывателей, которые уже насторожили уши и подглядывали за нею.

Для Альва она всегда была новой. Она была для него ангеломъ и въ то же время демономъ. Она могла проявлять безпредѣльную доброту, но временами ею овладѣвалъ какой-то злой геній. Да, у нея былъ сложный характеръ, у этой загадочной блѣдной женщины съ неутолимой жаждой жизни.

Альвъ и Эдмундъ часто разговаривали другъ съ другомъ. Альвъ ждалъ, что Эдмундъ заговоритъ съ нимъ о Лонѣ, но тотъ не упоминалъ имени своей жены.

Никогда Эдмундъ не бывалъ такъ ласковъ съ Альвомъ, какъ трперь. Ужъ не было ли это проявленіемъ его скрытой гордости и уязвленнаго самолюбія? Быть можетъ, онъ не хотѣлъ даже самому себѣ признаться въ истинномъ положеніи дѣлъ. Но неужели же онъ ничего не замѣчалъ? Неужели онъ былъ равнодушенъ ко всему? Альвъ не зналъ, что отвѣтить на это.

Во всякомъ случаѣ Эдмундъ очень измѣнился. Онъ сильно похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Временами на него находила молчаливость, которая была совершенно чужда его натурѣ.

Однажды ночью Лона, крадучись, пришла къ Альву. Альвъ не ожидалъ ея. Когда въ домѣ раздался звонокъ, то его охватила тревога. Отпирая дверь, онъ ожидалъ чего-то недобраго. А между тѣмъ передъ нимъ стояла Лона, блѣдная, съ горящими глазами. И въ рукахъ она держала цѣлый снопъ розъ. Это были краденыя розы! Она проходила мимо сада фогта; увидя розы, она перешагнула черезъ низкую изгородь и не могла удержаться, чтобы не нарвать цвѣтовъ.

— Понюхай, Альвъ, какъ онѣ пахнутъ!

Она осталась у него. Въ эту ночь, полную тревоги, минуты

казались ему безконечными и глубокими. Каждое мгновеніе было для него цѣлымъ міромъ. И *она* была съ нимъ! Да, въ его жизни было много рокового, но она была его счастьемъ, его великой радостью.

Она осталась у него. Потомъ она ушла. И Альвъ остался снова одинъ. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на ея розы.

Но вотъ онъ поднялъ голову. Онъ устремилъ пристальный взглядъ куда-то вдаль, словно въ головѣ у него родилось далекое воспоминаніе.

Потомъ онъ взялъ розы, которыя ему принесла Лона, сложилъ ихъ въ большой букетъ. Онъ надѣлъ шляпу и вышелъ изъ дому. Въ этотъ ранній утренній часъ онъ пошелъ на кладбище. На этотъ разъ онъ прошелъ мимо тѣхъ могилъ, которыя въ былые дни такъ часто навѣщалъ. Онъ едва ли не въ первый разъ остановился у могилы своей матери. И онъ опустился на колѣни и покрылъ могилу свѣжими алыми розами, которыя Лона дала ему въ эту ночь.

III.

Онъ возвратился на родину, чтобы затѣмъ разстаться съ нею навсегда. Онъ возвратился на родину, чтобы порвать всѣ связи, которыя у него еще оставались съ роднымъ городомъ.

А теперь... ему захотѣлось остаться здѣсь. И у него даже явилось желаніе остаться жить въ его заброшенномъ домѣ. Ему не хотѣлось снова отправляться въ чужіе края. Мэстеръ Кернеръ жилъ такъ далеко, и отъ его жизни вѣяло одиночествомъ... такимъ же одиночествомъ вѣяло и отъ его гигантскихъ произведеній. Ахъ, нѣтъ, Альвъ не хотѣлъ итти по его стопамъ. Онъ не стремится больше разгадать загадки жизни. Онъ забылъ обо всемъ этомъ на прекрасной груди Лоны, все это заглушилъ ея чарующій голосъ, которымъ она произносила: „Люблю тебя". Быть можетъ, именно этого-то голоса и нехватало тѣмъ пламеннымъ душамъ, которыя искали сокровище въ темной безднѣ?

Никто не научился, какъ онъ, любить жизнь, пройдя черезъ смертельный страхъ. Теперь онъ благословлялъ ту скорбь, которую познала въ юности. Какъ ослѣпительно сверкало счастье на темномъ фонѣ былого горя! Жизнь отмѣтила его божественной печатью. Она раскрыла передъ нимъ свои тайные источники.

Онъ не могъ прійти въ себя отъ счастья. Голова его кружилась. Но потомъ, когда онъ освоится съ этимъ ослѣпительнымъ блескомъ, то онъ пойдетъ впередъ рука объ руку съ Лоной и

будетъ работать. И онъ громко возвѣститъ всему міру о своемъ счастьѣ, которымъ будутъ проникнуты всѣ его драгоцѣнныя произведенія искусства. Но онъ не будетъ творить тяжеловѣсныхъ трагическихъ гигантовъ, которые когда-то привели его въ такое восхищеніе. Нѣтъ, его произведенія будутъ олицетвореніемъ счастья и свѣта. Онъ изобразитъ возвращеніе Люцифера на небеса!

Лона научила его всему. Она владѣла имъ всецѣло—и его душой, и его тѣломъ. И она дала ему познать свое тѣло и свою душу... она зажгла въ немъ пламя жизни.

IV.

Однажды Лона пришла къ нему днемъ. Она была очень блѣдна.

— Мы уѣзжаемъ,—сказала она.—Да, мы съ Эдмундомъ уѣзжаемъ. Я пришла, чтобы попрощаться съ тобою, Альвъ.

Она стояла передъ нимъ, высокая и блѣдная. Даже губы ея побѣлѣли. Только глаза ея казались еще темнѣе, чѣмъ раньше.

Альвъ спросилъ хриплымъ шопотомъ:

— Ты уѣзжаешь?

— Да, Альвъ... Но теперь выслушай меня.—Она взяла его за руку и серьезно посмотрѣла на него:—Ты не долженъ узнавать, куда я уѣхала.

— Ты не хочешь даже сказать, куда уѣдешь?

Она отвѣтила такъ же серьезно:

— Вотъ видишь ли, я хочу испытать себя... могу ли я быть ласковой съ Эдмундомъ..

— Ласковой съ Эдмундомъ?

— Да, Альвъ, вѣдь ему такъ тяжело.

— Я не понимаю тебя...

— Очень можетъ быть, что теперь ты не понимаешь меня, Альвъ... Но дѣло въ томъ, что за послѣднее время Эдмундъ такъ ужасно ослабѣлъ. Я не могла представить себѣ ничего подобнаго. Сегодня онъ сидѣлъ у стола и дѣлалъ видъ, будто читаетъ... вдругъ онъ какъ-то весь поникъ, а потомъ совсѣмъ упалъ. Скоро онъ пришелъ въ себя и тогда онъ въ смущеніи заговорилъ о томъ, что у него всегда было слабое сердце...—Она помолчала съ минуту, потомъ продолжала:—А потомъ... когда онъ лежалъ, я подошла къ нему и погладила его по волосамъ... и тогда онъ вдругъ вскочилъ: „Не надо этого!—крикнулъ онъ,—не надо этого!“ Затѣмъ онъ вдругъ спросилъ: „Лона, любишь ли ты меня еще хоть немного?“ Тонъ, которымъ онъ произнесъ эти слова, проникъ мнѣ въ самое сердце. И я тихо кивнула ему въ отвѣтъ головою.

Онъ посмотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами: „Уѣдемъ отсюда, Лона!... Богъ поможетъ намъ, Лона. Уѣдемъ отсюда“. Ахъ, Альвъ, онъ сказалъ это такъ странно. Я была растрогана: „Да, Эдмундъ, уѣдемъ отсюда“, отвѣтила я.

Лона замолчала и стояла, устремивъ на Альва печальный взоръ.

Онъ отвѣтилъ:

— Да, такіе люди, какъ Эдмундъ, всегда теряются и становятся безпомощными, когда на ихъ голову обрушивается несчастье... и они не гнушаются даже взывать къ состраданію.

Лона сидѣла, не двигаясь, и думала. Наконецъ, она отвѣтила.

— Да, я хорошо знаю, что ты никогда не попросилъ бы меня о чемъ-либо подобномъ. Скорѣе ты умеръ бы, чѣмъ попросилъ бы о снисхожденіи. Но по отношенію къ Эдмунду у меня какое-то странное чувство: когда онъ былъ веселъ и беззаботенъ, то мнѣ казалось даже иногда, что я не люблю его. Въ моей натурѣ было нѣчто такое, что требовало другого... того, что ты далъ мнѣ, Альвъ. Но сегодня... когда онъ лежалъ передо мною, такой смертельно блѣдный... у меня по отношенію къ нему явилось какое-то странное чувство.

Онъ отвѣтилъ ей:

— Такъ, значитъ, ты попытаешься забыть меня?

— О, нѣтъ, это была бы напрасная попытка. Я обѣщала ему только уѣхать съ нимъ на нѣкоторое время,—больше ничего. Но знай одно, Альвъ: если я теперь уѣду и увижу, что не могу жить безъ тебя, то я вернусь обратно... да, да, я вернусь къ тебѣ, полная ликованія, Альвъ, потому что тогда я буду знать, что я принадлежу тебѣ одному всецѣло, и тогда ты можешь взять меня съ собою... туда, откуда ты теперь пріѣхалъ... и тогда я больше уже никогда не разстанусь съ тобою. Наши жизни сплетутся воедино. Каждая минута жизни будетъ для насъ общей... каждое дыханіе.

— Ты вѣришь, что вернешься?

— Не спрашивай меня. Я боюсь думать объ этомъ. Но скоро ты получишь отвѣтъ на твой вопросъ. А теперь обѣщай, что не будешь разыскивать меня.

— Я обѣщаю тебѣ это. Прощай.

— Прощай.

Она быстро вышла, поникнувъ головою.

Альвъ бродилъ одинъ. Улицы сдѣлались вдругъ такими маленькими и сѣрыми...

Лона уѣхала. Но куда? За эти дни нѣсколько кораблей отправились на югъ. Отправились въ большіе свѣтлые города. По всей вѣроятности, Эдмундъ и Лона сѣли на одинъ изъ этихъ кораблей. Если они и не уѣхали далеко, то сошли гдѣ-нибудь на югѣ въ первомъ понравившемся имъ городѣ. А можетъ быть, чтобы разсѣять Лону, Эдмундъ остановилъ свой выборъ на одномъ изъ пестрыхъ городовъ на Средиземномъ морѣ. Альвъ такъ ясно представлялъ себѣ такой городъ: бѣлыя виллы, утопающія въ розовыхъ кустахъ, желтыя, извивающіяся по берегу моря дороги, прибой моря, разсказывающаго сказки юга... Можетъ быть, Лона и Эдмундъ сидятъ въ тавернѣ, и Лона съ наслажденіемъ вдыхаетъ ароматъ сладкаго вина. Она съ любопытствомъ осматривается по сторонамъ и восхищается тѣмъ, что видитъ. Она навѣрное чувствуетъ себя счастливой,—да и о чемъ ей тосковать?

Но зато какъ онъ тосковалъ!

Наступилъ уже октябрь; но лѣтняя пора какъ будто еще продолжалась. Одинъ теплый мягкій день слѣдовалъ за другимъ. Деревья сохранили еще свои листья. Говорили о вторичномъ цвѣтеніи плодовыхъ деревьевъ и о томъ, что перелетныя птицы не хотятъ улетать въ этомъ году.

Однажды Альву пришло въ голову уѣхать въ Даленъ. Какъ-то давно онъ ѣздилъ туда на баркѣ купца Ольрика. На этотъ разъ онъ рѣшилъ отправиться туда сухимъ путемъ и непремѣнно пѣшкомъ. Четыре года тому назадъ такая большая прогулка пѣшкомъ подѣйствовала на него очень благотворно; тогда онъ не находилъ себѣ покоя отъ мучительныхъ мыслей и онъ шелъ безъ конца, пока наконецъ не усталъ.

Онъ прошелъ пѣшкомъ черезъ весь Даленъ. По дорогѣ онъ любовался большими желтовато-зелеными лугами, чередовавшимися съ пригорками, поросшими бурымъ верескомъ; онъ проходилъ мимо нагроможденныхъ горныхъ массъ и скалъ, покрытыхъ сѣдымъ мохомъ. Вдали темнѣли лѣса, а иногда дорога шла по самому лѣсу.

Случалось, что онъ не успѣвалъ къ вечеру дойти до жилья, и тогда онъ ночевалъ подъ открытымъ небомъ. Однако по большей части онъ проводилъ ночь въ какомъ-нибудь крестьянскомъ дворѣ, гдѣ хозяева всегда очень радушно принимали его.

Разъ какъ-то раннимъ вечеромъ онъ пришелъ въ такой гостепріимный дворъ. Онъ разсказалъ хозяину, что идетъ издалека, и сказалъ, изъ какого города онъ; крестьянинъ предложилъ ему остаться ночевать и сообщилъ между прочимъ, что въ сосѣднемъ

дворѣ живутъ господа изъ того же города. Кто бы это могъ быть? Альвъ спросилъ это безъ особаго любопытства. Крестьянинъ не могъ отвѣтить на его вопросъ, но онъ видѣлъ этихъ господъ и кое-что разсказалъ про нихъ. А когда онъ сталъ описывать наружность мужа и жены, то Альвъ былъ пораженъ. Что?... Что такое?... Неужели это Эдмундъ и Лона? Нѣтъ, это невозможно! Отъ этой мысли его поочередно бросало въ жаръ и холодъ.

Немного погодя онъ вышелъ изъ дома. Онъ узналъ, гдѣ находился сосѣдній дворъ. Онъ рѣшилъ итти туда. Да, онъ рѣшилъ пойти туда во что бы то ни стало.

Было уже почти совсѣмъ темно, когда онъ увидѣлъ передъ собой домъ сосѣдней усадьбы. Онъ вошелъ въ сѣни, въ которыхъ ничего не было видно на разстояніи руки. Ощупью дошелъ онъ до двери, которую отворилъ какъ-то безсознательно. Онъ очутился почти въ пустой комнатѣ; въ ней царилъ полумракъ, такъ какъ черезъ окна входилъ слабый свѣтъ. Онъ подошелъ къ двери, ведущей въ смежную комнату и отворилъ ее. Тутъ онъ сразу остановился, какъ вкопанный,—передъ нимъ сидѣлъ Эдмундъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и, повидимому, разсматривалъ охотничье оружіе. При видѣ Альва онъ замеръ и устремилъ на него неподвижный взоръ. Онъ смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами. Альвъ продолжалъ стоять, не двигаясь. Онъ также не сводилъ взора съ Эдмунда. Это мгновеніе показалось ему вѣчностью.

Однако Эдмундъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и заговорилъ; но голосъ не слушался его, изъ его груди вырвался только вздохъ и какое-то невнятное бормотанье. Это могло означать: „Такъ это ты?“ или: „Такъ ты здѣсь?“ Альвъ подошелъ къ нему. Его голосъ дрожалъ, но онъ всетаки заставилъ себя произнести слова:

— Я не зналъ, что ты и Лона здѣсь.

Онъ произнесъ эти слова одно за другимъ, словно тяжкое признаніе. Эдмундъ только кивнулъ головой.

— Ты хочешь говорить съ Лоной?—спросилъ онъ тихо и такимъ равнодушнымъ голосомъ, какъ если бы это его совсѣмъ не касалось.—Она въ той комнатѣ.

Альвъ постучалъ и вошелъ въ смежную комнату. Лона сидѣла за столомъ и писала. Она подняла голову и равнодушно посмотрѣла на вошедшаго. При видѣ Альва глаза ея расширились, и она раскрыла ротъ, какъ бы собираясь крикнуть. Но изъ груди ея вырвался слабый стонъ. Она вскочила и бросилась къ нему:

— Это ты!—могла она только произнести.

Онъ прижалъ ее къ своей груди, онъ чувствовалъ теплоту ея тѣла, такого милаго и знакомаго и всетаки вѣчно новаго.

— Лона, я не зналъ, что ты здѣсь. Вѣрь мнѣ. Я не искалъ тебя.

Она прошептала ему въ отвѣтъ:

— Вотъ посмотри—я какъ разъ писала тебѣ письмо. Прочти его послѣ. Ты увидишь, что мы во всякомъ случаѣ очень скоро увидали бы другъ друга. Если бы ты не пришелъ ко мнѣ, то я пошла бы къ тебѣ.

Онъ долго смотрѣлъ на нее:

— Какъ ты блѣдна, Лона!

Она отвѣтила:

— Я тосковала.

И Альвъ повторилъ ея слова:

— Я тосковалъ.

Онъ сказалъ это съ полузакрытыми глазами и мечтательной улыбкой:

— Повтори еще разъ.

И она повторила еще разъ эти слова... Они забыли весь свѣтъ.

Быть можетъ, было бы лучше, если бы Эдмундъ увезъ Лону куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Если тебѣ непріятно быть наединѣ со мною, то скажи откровенно, и я буду знать, что ты измѣнилась ко мнѣ.

Вотъ какія слова онъ ей говорилъ, печальныя и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтскія. Но въ то же время онъ былъ всетаки доволенъ, потому что они всегда были вмѣстѣ и она была добра съ нимъ... Да, она старалась быть ласковой съ нимъ. Но долго она не могла бы перенести такой жизни. Объ этомъ она и писала Альву въ своемъ письмѣ, полномъ самой пылкой и безпредѣльной любви. Каждое слово было проникнуто жгучей страстью и живо напоминало о самыхъ интимныхъ минутахъ, проведенныхъ ими вмѣстѣ.

V.

Эдмундъ былъ всетаки гораздо загадочнѣе, чѣмъ Альву это сперва показалось. Часто Альву хотѣлось крикнуть ему: „Лона моя! Дай намъ уйти вмѣстѣ“. Но что-то непонятное мѣшало Эдмунду отпустить ихъ. А между тѣмъ онъ не мѣшалъ имъ встрѣчаться. И всегда они чувствовали, что онъ сидитъ тутъ же со своими тяжелыми мыслями.

А что означало вино, которое онъ поставилъ на столъ въ ту памятную ночь? Неужели онъ разсчитывалъ на то, что оно подѣйствуетъ на нихъ, и правда всплыветъ наружу.

Это была страшная ночь. Вечеромъ они пошли прогуляться. Послѣ прогулки Альвъ хотѣлъ пойти къ себѣ, но Эдмундъ попросилъ его зайти къ нимъ и выпить рюмку вина—нѣтъ, нѣсколько рюмокъ, прибавилъ онъ съ улыбкой.

Альвъ принялъ приглашеніе. Они сѣли за столъ и пили вино, искрящееся и какъ будто легкое, но въ сущности крѣпкое и опьяняющее.

То, что случилось въ этотъ вечеръ, было, конечно, непредотвратимо. Лона оживилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ стала очень измѣнчивой. Всѣ ея свойства чередовались одно за другимъ. На минуту въ ней какъ бы промелькнуло чувство состраданія, подъ вліяніемъ котораго она вдругъ нѣжно погладила Эдмунда по рукѣ; потомъ она какъ-то вся притихла, и въ ея глазахъ и углахъ рта появилось грустное выраженіе. А затѣмъ—или подъ вліяніемъ чьихъ-нибудь словъ, или своихъ собственныхъ мыслей—въ ней вдругъ загорѣлась злоба. Она сидѣла блѣдная съ выраженіемъ ожесточенія на лицѣ. Но эта злоба такъ же внезапно смѣнилась страстной нѣжностью къ Альву. Она наклонилась къ нему, и изъ ея устъ вырвались роковыя слова: „Я люблю тебя!“ Потомъ она обернулась къ Эдмунду и сказала спокойно:

— Да, да, знай это, я люблю Альва. Я полюбила его уже давно.

Она произнесла эти слова мягкимъ голосомъ, но несмотря на это, они наполнили обширную комнату ужасомъ. Послѣ нихъ какъ бы остался отзвукъ, который долго не замиралъ.

Она сама замерла и прислушивалась къ нимъ. Быть можетъ, ее охватилъ страхъ, и, чтобы разсѣять воцарившійся въ комнатѣ ужасъ, она продолжала говорить:

— Ну, да, ну, да. Я это сказала! И почему бы мнѣ этого не сказать? Вѣдь молчаніе ни къ чему не повело бы.—И она снова обратилась къ Эдмунду:—Вѣдь ты видишь меня каждый день—неужели же ты ничего не замѣчаешь? Неужели ты не можешь помочь мнѣ? Или ты дѣйствительно ничего не замѣчаешь? Я люблю его, и эта любовь прожигаетъ мнѣ душу... доводитъ меня до изступленія... потому что это выше моихъ силъ, это чудовищно, но безъ него для меня нѣтъ жизни.

Снова воцарилась зловѣщая тишина. Она легла свинцовой тяжестью на всѣхъ троихъ; но кромѣ нихъ въ комнатѣ, казалось, присутствовалъ еще четвертый,—черное существо, которое вынырнуло изъ темнаго угла. Которое говорило съ отдаленными отзвуками ужаса, которое играло на струнахъ отчаянія, которое вздыхало и молило въ мукахъ и страданіяхъ, которое стонало отъ ужаса и боли. Альвомъ овладѣло безуміе. Въ немъ вдругъ про-

снулись дикіе инстинкты. Онъ видѣлъ прелесть Лоны, онъ видѣлъ, что вся она по праву принадлежитъ ему.

— Да, это безуміе!—крикнулъ онъ.—Ты слишкомъ долго владѣлъ ею. Она принадлежитъ мнѣ! Я страдалъ долгіе годы, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты отнялъ ее у меня. Я переношу нечеловѣческія пытки каждый вечеръ, когда она уходитъ съ тобой домой. Это я, я мученикъ. Я жертва вопіющей несправедливости!

Эдмундъ всталъ. Онъ безнадежно осмотрѣлся кругомъ.

— Я не понимаю васъ!—крикнулъ онъ.

— И я не хочу васъ понимать! Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до васъ! Не смѣйте подходить ко мнѣ! Не смѣйте дотрогиваться до меня!... Никогда у меня не будетъ ничего общаго съ вами. Я ненавижу то, что вы любите.

Потомъ послѣ короткаго молчанія онъ сказалъ тихо, но рѣшительно:

— Пойдемъ, Лона!

Онъ взялъ ее за руку.

— Пойдемъ, Лона!

Она отрицательно покачала головой.

— Ты просишь у меня милостыни?—сказала она немного погодя.

— Нѣтъ, милостыни я не прошу.

Она подняла голову и посмотрѣла на него не то съ презрѣніемъ, не то съ состраданіемъ.

— Проси! Умоляй меня со слезами на глазахъ! Можетъ быть, ты еще разжалобишь меня.

Съ минуту онъ стоялъ, ничего не говоря. Потомъ онъ покачалъ головой и вышелъ.

Они остались одни и сидѣли словно въ какомъ-то дурманѣ, потрясенные и въ то же время огорченные. Они не ласкали другъ друга противъ обыкновенія. Они только держали другъ друга за руки. Они сидѣли съ закрытыми глазами. Въ наступившей мертвой тишинѣ ихъ любовь порождала такія чудовищныя грезы и желанія, которыя самыя безумныя ласки не только не поддержали бы, но даже разрушили бы. Только подъ утро, когда забрезжилъ свѣтъ, предвѣщавшій имъ осужденіе и кару,—только тогда они спустили шторы и, какъ бы ища мрака и забвенія, погрузились въ пучину сладострастія.

VI.

Когда они разставались другъ съ другомъ, то руки ихъ еще горѣли и дыханіе было прерывисто. Альвъ вышелъ на дворъ, и

его ослѣпило яркое утро, принесшее ему осужденіе. Да, въ этомъ холодномъ утреннемъ блескѣ была строгая чистота. Утро осудило его. Онъ, крадучись, пошелъ домой, ужасаясь своему грѣху.

Во многомъ было виновато вино, которое онъ выпилъ въ эту ужасную ночь. Золотистое, предательское вино. Оно еще давило его своей свинцовой тяжестью.

Не успѣлъ онъ прійти домой, какъ вслѣдъ за нимъ прибѣжала Лона съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами. Она сказала ему шопотомъ:

— Альвъ, Альвъ! Это былъ припадокъ безумія! Теперь я это понимаю! О, что мы любили другъ друга и видѣлись — это не большой грѣхъ; но непростительно то, какъ мы поступили съ Эдмундомъ въ эту ночь! Альвъ, Альвъ! Я должна отыскать его во что бы то ни стало.

Они вышли вмѣстѣ и стали искать Эдмунда. Они спрашивали о немъ въ нѣсколькихъ усадьбахъ: она пошла въ одну сторону, а Альвъ въ другую. Черезъ нѣсколько времени они снова сошлись и не сказали другъ другу ни слова, но на ихъ лицахъ можно было прочесть: „тщетно!“

Наконецъ Альвъ совсѣмъ потерялъ Лону изъ вида. Кто-то сказалъ ему, что она наняла троихъ крестьянъ и отправилась съ ними въ пустынныя мѣста, высоко въ горы... Повидимому, Эдмунда видѣли въ той сторонѣ.

Альвъ узналъ, въ какомъ направленіи пошла Лона, и рѣшилъ послѣдовать за нею. Онъ пошелъ быстро и вскорѣ очутился въ ненаселенныхъ мѣстахъ.

Онъ шелъ все впередъ часъ за часомъ. Въ ущельяхъ скалъ завывалъ вѣтеръ. Время отъ времени Альвъ останавливался и кричалъ. Но ему откликалось только призрачное эхо. Онъ осмотрѣлся кругомъ. Мѣстность была уединенная и совершенно пустынная. Зимою тутъ, навѣрное, бродятъ волки и барсукъ гоняется за отставшимъ отъ стада оленемъ.

Онъ снова остановился: куда ему итти? Начинало смеркаться. Неужели провести ночь въ этихъ пустынныхъ горахъ, которыя тѣснились вокругъ него, словно неприступныя стѣны? Нѣтъ, этого онъ не хотѣлъ. Во всякомъ случаѣ на эту ночь у него нехватило бы мужества. Въ этотъ вечеръ все наводило на него жуткое чувство. Вѣтеръ завывалъ такъ жалобно, и во всѣхъ темныхъ углахъ и разсѣлинахъ скалъ ему чудилось блѣдное лицо Эдмунда.

Но какъ ему возвратиться назадъ? Онъ не зналъ, въ какомъ направленіи итти, и пошелъ наугадъ. Онъ шелъ безъ конца. Ста-

новилось все темнѣе. Вдругъ совсѣмъ вблизи онъ увидѣлъ небольшой домъ. Онъ добрался до него съ нѣкоторымъ трудомъ и вошелъ. Обитатели домика дали ему ночлегъ, но онъ долго не могъ заснуть, и только подъ утро забылся.

На слѣдующее утро пріютившій его хозяинъ пошелъ его проводить. Они снова стали бродить по горамъ, и Альвъ упросилъ даже крестьянина переночевать съ нимъ подъ открытымъ небомъ. На слѣдующій день они снова пошли дальше. Наконецъ они пришли въ хижину, въ которой жили двое охотниковъ на оленей; они какъ разъ обѣдали. Альвъ сталъ ихъ разспрашивать, но они никого не видѣли.

Альву не оставалось ничего другого, какъ вернуться назадъ.

Черезъ два дня Альвъ вернулся въ ту усадьбу, гдѣ на время поселился. Онъ надѣялся, что найдетъ Лону тамъ; но комнаты, въ которыхъ жили она и Эдмундъ, оставались пустыми.

Альвъ продолжалъ бродить по окрестностямъ и все ждалъ. Онъ дѣлалъ далекія прогулки въ горы, разъ даже зашелъ въ сосѣдній приходъ...

Но гдѣ-нибудь они должны же быть! Наконецъ онъ встрѣтилъ однажды крестьянина изъ той усадьбы, гдѣ поселился Эдмундъ съ Лоной. Крестьянинъ многозначительно кивнулъ ему головою.

— Они вернулись!—сказалъ онъ тихо и какъ-то особенно выразительно.—Да, но они вернулись не сюда, а въ городъ,—продолжалъ онъ.—Гмъ, а мужъ-то вѣдь умеръ.

— Мужъ умеръ?

Крестьянинъ продолжалъ все тѣмъ же тономъ:

— Онъ убѣжалъ далеко и скитался въ горахъ, словно одержимый. Прошло четыре дня, прежде чѣмъ его нашли... Но тогда уже было поздно.

Неужели Эдмундъ умеръ?

Альвъ тихо пошелъ дальше. Что же это такое? Умеръ? Неужели Эдмундъ умеръ?... Какъ это случилось? Ужъ не убилъ ли его кто-нибудь? Онъ и Лона?... Двое безумныхъ... А вѣдь его, Альва, судьба должна была бы сдѣлать сострадательнымъ. Неужели же онъ проявилъ такую жестокость?... Онъ видѣлъ передъ собою мертвенно-блѣдное, растерянное лицо Эдмунда...

— Но вѣдь это вышло помимо меня самого... Я потерялъ разумъ, Эдмундъ! Иди ко мнѣ, я готовъ дать тебѣ отвѣтъ.

Онъ шелъ все дальше и дальше. Все мелькало передъ его глазами. И жуткая тишина, стоявшая вокругъ него, не прерывалась ни единымъ звукомъ. Онъ вошелъ въ тотъ домъ, гдѣ поселился на время.

— Прощайте,—сказалъ онъ.—Я ухожу отсюда.

Хозяева отвѣтили ему что-то, но онъ не слышалъ, что именно... Слова онъ слышалъ, но значенія ихъ онъ не понялъ.

— Прощайте,—повторилъ онъ.—Спасибо за гостепріимство.

Онъ пришелъ въ себя только, когда наступила вечерняя прохлада и сумерки окутали все кругомъ на далекомъ разстояніи. Онъ шелъ по дорогѣ, время отъ времени онъ принимался бѣжать... А когда наступила ночь, то онъ почти все время бѣжалъ. По его пятамъ гнался ужасъ, словно черный зловѣщій призракъ, на котораго онъ не смѣлъ оглядываться. Онъ думалъ про себя:

„Если онъ настигнетъ меня, то я убью его. Я не хочу видѣть его!...“

И среди этого ужаса онъ все время слышалъ нашоптываніе... и слова звучали такъ сладостно:

„Лона... Лона... она теперь свободна!... она твоя! Возьми ее и обладай ею безраздѣльно — она твоя, твоя! Вѣдь ты такъ давно тосковалъ по ней“.

Послѣ долгаго странствованія Альвъ очутился наконецъ у себя дома. Онъ пошелъ сейчасъ же къ Лонѣ. Лона вышла къ нему навстрѣчу и закричала на него. Она сказала немногое, но слова ея были хуже ея крика.

— Онъ любилъ меня. Онъ былъ веселый, красивый и жизнерадостный. И вотъ, случилось ужасное. Онъ потерялъ голову, онъ чувствовалъ только, что долженъ исчезнуть. А когда я наконецъ нашла его, то все уже было почти кончено. Но онъ узналъ меня и простилъ. „Не горюй, Лона,—сказалъ онъ.—Это все отъ сердца. Вѣдь у меня всегда было слабое сердце. У моей матери также было слабое сердце. Ты знаешь, какая она всегда была болѣзненная... и сердце мое... должно было разорваться... я это зналъ“.

Лона посмотрѣла на Альва.

— Ты лишилъ меня разсудка,—продолжала она.—Почему ты проявилъ такую власть надо мной? Или же ты подѣйствовалъ на тѣ мои качества, которыя я унаслѣдовала отъ моей бабушки?... Вѣдь она была изъ Португаліи... Мать всегда молила Бога, чтобы я не походила натурой на бабушку, имя которой мнѣ дали по желанію отца... И всетаки я похожу на нее... отъ нея унаслѣдовала я все то ужасное, что тебѣ удалось покорить во мнѣ... Но теперь кончено. Твоей власти надо мной насталъ конецъ. Ха, я не знаю даже, любила ли я тебя когда-нибудь какъ слѣдуетъ.

Перевела **М. П. Благовѣщенская.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

На алтарѣ лѣсномъ.

Прильну къ роднику полудремному,
Укроюсь въ глубь бездорожную!
Ангелъ ночи къ цвѣтамъ наклоняется
И съ крыльевъ роняетъ росу.
Мой легкій шагъ замедляется,
Впиваю радость тревожную:
И вершинамъ, и вереску темному
Я сердце, сердце несу!

Въ стволистой лѣсной обители
Совершаются въ полночь моленія,—
И напѣвы, и вздохи безбольные
Исходятъ отъ влажныхъ вѣтвей.
Струятся запахи смольные
И туманы-священнослужители
Въ бѣлодымномъ скользятъ облаченіи,
Подъ блескомъ небесныхъ свѣчей.

О, сердце, лѣсамъ принесенное
И съ ними трепетомъ слитое!
Ты раскрылось, какъ чаша цвѣточная,
И въ лунномъ горишь серебрѣ.
О, сердце мое безсонное,
Росой свѣтозарной омытое,
Ты—жертва, ты жертва полночная
На вѣщемъ лѣсномъ алтарѣ.

М. Пожарова.

ЛИЛИ.

Солнце било въ шелковыя шторы, наполняя большую спальню мягкимъ желтымъ свѣтомъ. Хотѣлось вскочить, отдернуть легкое кружево гардины и складки шелка и окунуться въ воздушный потокъ весеннихъ лучей.

Давно Елена Александровна не просыпалась съ такимъ бунтующимъ, гордымъ чувствомъ молодости. Вчера, впервые за нѣсколько мѣсяцевъ близости, ей показалось, что она до конца подчинила его себѣ. Точно растаяла льдинка, холодно и насмѣшливо блестѣвшая въ глубинѣ его свѣтлыхъ глазъ. Въ красной гостиной, гдѣ такъ сладко и обманно цвѣли большія бѣлыя лиліи, произошелъ поединокъ между страстной, охваченной пьяной волной, женщиной и человѣкомъ, всегда и всюду сохранявшимъ самообладаніе.

Она думала, что побѣдила, и была счастлива. Съ тщательной заботливостью женщины, привыкшей ластить свое тѣло, она неторопливо мылась, причесывалась, одѣвалась, внимательно разглядывая въ зеркало пышные черные волосы, свѣжее улыбающееся лицо. Она устояла противъ дешевыхъ соблазновъ косметики и любила похвастать этимъ, особенно въ присутствіи своихъ, болѣе или менѣе умѣло, разрисованныхъ пріятельницъ. Сколько разъ пытались онѣ, по дружбѣ, выпытать у молчаливой и быстрой Саши секретъ этой, по ихъ мнѣнію, неестественной свѣжести.

Но Саша нешутя была привязана къ барынѣ и вѣжливо, но упрямо, уклонялась отъ какихъ бы то ни было пересудовъ.

Въ это утро ея ловкія, привычныя руки работали хуже обыкновеннаго. Она уронила на полъ кружевной бантъ, чуть не опрокинула флаконъ духовъ и даже не сразу отвѣтила на вопросъ барыни:

— Что Лили? Гуляетъ?

Саша молчала, и Елена Александровна съ удивленіемъ спросила:

— Саша, что съ вами сегодня?

— Извините, Елена Александровна...

Саша стояла на колѣняхъ за спиной барыни и что-то прикрѣпляла иголкой. Елена Александровна быстро обернулась и, въ первый разъ за все утро, внимательно взглянула на свою горничную. Веснущатое круглое лицо было блѣдно. Вѣки покраснѣли и припухли.

— Вы плакали. О чемъ? Что-нибудь непріятное? Отчего вы не скажете?

Она положила руку на плечо молодой дѣвушки и съ удовольствіемъ замѣтила, какъ хорошо бѣлѣетъ нѣжная кожа, какъ блестятъ кольца на темномъ фонѣ платья. Полная радости, она и другихъ хотѣла видѣть счастливыми и готова была прійти на помощь этой глупенькой Сашѣ, которая стоитъ на колѣняхъ и плачетъ, и крупныя слезы висятъ на кончикѣ покраснѣвшаго вздернутаго носа.

— Ну, Саша, говорите! Я не хочу, чтобы вы плакали.

Въ ней было великодушное сознаніе своей власти, и участіе къ этой славной, преданной дѣвушкѣ, и просто любопытство.

Но дѣвушка еще ниже опустила голову, стала вся маленькая, какъ комочекъ, и, спрятавъ лицо въ передникъ, зарыдала.

— Что такое? Да говорите же толкомъ!—уже повелительно произнесла барыня.

Странныя рыданія совсѣмъ ненужнымъ диссонансомъ врывались въ ея солнечное, полное нѣги утро, незваными гостями бились въ этой комнатѣ, гдѣ дорогія, изысканныя вещи плотно врастали въ праздную, нарядную жизнь.

Что это съ Сашей? Вѣрно, больна. Надо ей дать отдыхъ.

На дворѣ мягко зашуршали колеса пролетки. Раздался тяжелый, быстрый стукъ копытъ. Досадно. Значитъ, она не успѣетъ поздороваться съ нимъ до того, какъ онъ пройдетъ въ кабинетъ.

— Въ чемъ же дѣло?—еще борясь съ досадой, повторила Елена Александровна.

— Вы извините, Елена Александровна, у меня тамъ племянникъ... Костя... Совсѣмъ мальчикъ... А курьеръ сегодня сказалъ...

Голосъ прерывался и всхлипывалъ, но молодая дѣвушка сдѣлала отчаянное усиліе и, съ трудомъ двигая вздрагивающими губами, докончила:

— Онъ сказалъ... ихъ повѣсятъ... Да какъ же?.... Да развѣ возможно?... барыня... Какъ же?... вѣдь молоденькій... совсѣмъ... Какъ же?...

Теперь она уже не плакала. Послѣдняя слеза скатилась и

остановилась въ углу рта. Саша не чувствовала ея горечи. Снизу вверхъ, прямо въ лицо хозяйки, смотрѣли омытые слезами глаза, полные тоски, ужаса и, какъ показалось Еленѣ Александровнѣ, упрека. Потухли искры нѣжности, только что горѣвшія въ карихъ глазахъ хозяйки. Между широкихъ бровей легла недружелюбная складка.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—медленно произнесла она и сняла руку съ плеча.—Я не знала, что у васъ тамъ родные.

— Костя у меня. Сестры сынъ. Ему девятнадцати нѣтъ... Тихій такой...

— Ну, знаете, тихіе въ такія дѣла не попадаются,—сухо возразила барыня.—Конечно, на скамьѣ подсудимыхъ всѣ стали тихими. А когда бунтовали, и грабили, и убивали...

Саша встала.

— Нашъ никого не убивалъ. Конечно, забастовку дѣлалъ. Такъ вѣдь всѣ... Какъ же противъ товарищей?...

Еленѣ Александровнѣ хотѣлось сказать:

— Ну такъ пусть съ товарищами и пропадаетъ.

Вслухъ она произнесла:

— Мнѣ очень жаль васъ, Саша. Но вы должны понять, что такія дѣла даромъ не проходятъ... И потомъ я ничего не могу сдѣлать...

Опять рыданья мелкой дрожью побѣжали по тѣлу дѣвушки.

— Такъ какъ же... Значитъ... Значитъ...

Шопотъ, глаза, все лицо были полны жуткаго непониманія.

— Ахъ, почемъ же я знаю, Саша! Вѣдь это меня не касается. Я, слава Богу, не судья. Я даже не знаю, какъ зовутъ вашего племянника и что онъ сдѣлалъ

Неловкимъ, прямымъ движеніемъ горничная упала на колѣни, точно кто-то сзади ударилъ ее палкой по ногамъ. Она схватилась за край юбки Елены Александровны и тянула ее къ себѣ.

— Ради Бога... Барыня... Ради Христа, ради Христа... Скажите генералу. Барыня, онъ васъ послушаетъ... Ради Христа Спасителя... Вѣдь молоденькій...

И стукнулась головой объ полъ, какъ дѣлаютъ бабы въ деревенской церкви. Барыня брезгливо поморщилась.

— Зачѣмъ это, Саша,—вы знаете, я этого терпѣть не могу. И что мы съ вами можемъ сдѣлать? Это мужское дѣло, а не наше.

Послѣдній доводъ ей самой показался очень убѣдительнымъ, и она повторила:

— Я не судья, что я могу?—и прибавила:—Конечно, это тяжело, но вѣдь еще ничего неизвѣстно...

А про себя подумала: „Какъ эти негодяи не жалѣли своихъ родныхъ. Вотъ ужъ люди безъ сердца, безъ чувства долга“.—И вздохнула.

— Успокойтесь, Саша...—Она знала, что надо еще что-то сказать, но не знала что̀ и торопилась уйти, и отгоняла отъ себя докучливое чужое горе, и уже отдавалась тѣмъ, другимъ, самымъ важнымъ для нея мыслямъ.

Торопясь уйти, она бросила на ходу: „Повѣрьте, Саша, что мнѣ васъ очень жаль, очень“.

Молодая дѣвушка осталась одна. Еще нѣсколько мгновеній простояла она на колѣняхъ. Припухшія губы кривились въ суровую и злую усмѣшку.

— Вотъ ужъ, какъ Костенька говорилъ—сосутъ насъ... Безстыжіе... Она тяжело поднялась съ ковра.

— Ваше превосходительство, я счелъ своимъ долгомъ показать вамъ это письмо, потому что...

— Совершенно напрасно, Григорій Григорьевичъ.—Голосъ генерала звучалъ глухо и надменно, и весь онъ, невысокій, съ дряблыми щеками и бурыми бровями, нависшими надъ глубоко запавшими глазками, былъ важный и глухой, точно его заперли на ключъ, а ключъ затеряли гдѣ-то въ пыльномъ углу.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій по другую сторону стола, слегка закусилъ пушистый, свѣтлый усъ. Солнце ласкало его спину, играло на серебрѣ погонъ, кружило вокругъ него легкую стаю пылинокъ. Въ этомъ освѣщеніи еще рѣзче выступала линія профиля съ выдавшейся впередъ средней частью лица. Лобъ и подбородокъ убѣгали назадъ, уступая мѣсто носу и верхней губѣ.

„Настоящая крыса,“ уже не въ первый разъ со злостью думалъ старикъ. Онъ не любилъ своего помощника, но что-то было во взглядѣ блѣдныхъ глазъ, въ увѣренномъ звукѣ холоднаго голоса, что незамѣтно подчиняло.

— Я знаю, Григорій Григорьевичъ, вашу преданность,—уже мягче сказалъ генералъ, чувствуя себя виноватымъ за скрытую, смутную, точащую враждебность,—я знаю, что вы человѣкъ долга, и умѣю это цѣнить. Но въ нашемъ положеніи нельзя поддаваться частнымъ воздѣйствіямъ.

Онъ выпрямился, точно хотѣлъ показать, что есть еще въ старыхъ плечахъ достаточно силы, чтобы донести тяжкое бремя власти.

— Ваше превосходительство, кто говоритъ о частномъ воздѣй-

ствіи? Конечно, по формѣ то, что̀ я счелъ своимъ долгомъ показать вамъ, есть только частное письмо. Но мы не можемъ забыть, какое положеніе занимаетъ мой cousin. Онъ пишетъ—молодой человѣкъ приподнялъ хрустящій листокъ бумаги, лежавшій рядомъ съ нимъ на столѣ, и, близко поднося его къ глазамъ, прочелъ:—„Мы должны помнить, что время мягкости еще не настало. Надо быть твердымъ до конца. И вообще милосердіе и прощеніе—это для старыхъ бабъ, а не для насъ, несущихъ отвѣтственность передъ богомъ и родиной“. Развѣ вы съ этимъ не согласны, ваше превосходительство?

Надъ верхней губой, полной и розовой, ерошились пушистые усы. Теперь онъ еще больше походилъ на грызуна, наряженнаго въ человѣческое платье. Старику показалось, что и усы, и губа, и глаза, и голосъ молодого человѣка полны скрытой насмѣшки и назойливой поучительности. Кровь медленной и тяжелой волной начала приливать къ его шеѣ, расправлять морщинистыя щеки, красить мясистыя съ сѣдымъ пушкомъ уши. Онъ всталъ и стукнулъ по столу длинными, желтыми ногтями.

— Я очень радъ, что вы, молодой человѣкъ, имѣете родню, которая можетъ вамъ помочь сдѣлать карьеру. Но я говорю вамъ, что поступать я буду такъ, какъ найду нужнымъ. Никакихъ указокъ. Ни въ какихъ я тамъ кузенахъ не нуждаюсь. Я имѣю честь носить званіе, которое меня отъ этого освобождаетъ.

Взгляды ихъ скрестились и боролись. Блѣдные глаза остались спокойными и затаенными. Бѣлокурая, коротко обстриженная, голова слегка наклонилась, точно почтительно соглашаясь. Потомъ опять выпрямилась.

— Прошу извиненія, ваше превосходительство.

И больше ни слова. Непріятная тишина наполнила просторный кабинетъ. Генералу уже стало неловко за свою вспышку. Изъ безцвѣтныхъ непроницаемыхъ глазъ лилось въ него что-то, что заставляло сомнѣваться въ своей правотѣ. Хотѣлось, чтобы онъ что-нибудь сказалъ, объяснилъ, переубѣдилъ. Но тотъ молчалъ, увѣренный и внѣшне почтительный. И генералъ прибавилъ, стараясь сохранить въ голосѣ категоричность, которой уже не было въ душѣ:

— Этотъ процессъ вотъ гдѣ у меня сидитъ.—Онъ показалъ рукой на жилистый, все еще красный затылокъ.—Чортъ знаетъ, когда все это было. Эти двѣ недѣли я все смотрю на этихъ сумасшедшихъ... Ужъ лица ихъ изучилъ... Ма-а-альчишки...

Онъ остановился, побарабанилъ опять ногтями по столу и вдругъ совсѣмъ другимъ голосомъ прибавилъ:

— Григорій Григорьевичъ, вѣдь это имъ негодяи агитаторы головы набили всякимъ вздоромъ. Сами, небось, за границу скрылись, а эти отдувайся. Я смотрю на нихъ и думаю: если бы этихъ самыхъ молодцовъ вò-время въ корпусъ отдать, отличные бы изъ нихъ ребята вышли, а?

Григорій Григорьевичъ чуть-чуть повелъ плечами.

— Извините меня, ваше превосходительство, но я совершенно другого мнѣнія. И не понимаю, какъ это вы, съ вашими принципами, съ вашей прямотой, съ вашей государственной зоркостью,— онъ даже не запнулся,—какъ это вы не видите, что это особенная порода? Имъ никого и ничего не жаль. Для нихъ нѣтъ ничего святого. Тутъ нѣтъ средняго пути: или они, или мы. И для меня нѣтъ сомнѣнія, выходъ одинъ.

— Какой?

— Ихъ надо истребить.

— Боже мой, какъ страшно! Кого?

Голосъ Елены Александровны вздрагивалъ молодыми, счастливыми нотками. И этотъ голосъ, и шелестъ ея платья, и запахъ духовъ, и блескъ большихъ, радостныхъ глазъ поколебали и раздвинули тяжелыя тучи, нависшія надъ парадно-дѣловитымъ кабинетомъ. Она протянула лѣвую руку мужу, а правую его помощнику и стояла между ними, не то связывая, не то разъединяя ихъ. Генералъ улыбался съ довѣрчивой нѣжностью. Улыбался и Григорій Григорьевичъ, но неподвижными и далекими оставались его глаза.

— Ахъ, Леночка, это все нашъ процессъ. Какъ я буду радъ, когда онъ кончится!

Лицо молодой женщины затуманилось. Она опустилась въ кресло мужа, окинула ихъ обоихъ быстрымъ взглядомъ и неопредѣленно сказала:

— Да, пора кончать. Тяжелое положеніе. Но все тяжелое надо дѣлать какъ можно скорѣе. Приговоръ сегодня?

— Да,—отвѣтилъ мужъ.—И вотъ мы споримъ. Григорій Григорьевичъ говоритъ, что пять смертныхъ казней неизбѣжны.

Съ какой-то странной надеждой старикъ смотрѣлъ на жену. Она опустила коричневыя вѣки, слегка приподняла круглыя брови и молчала. Только яркія губы плотно сжались, враждебныя и безпощадныя. Мужъ понялъ ихъ безмолвную рѣчь и, круто повернувшись, зашагалъ по толстому ковру. Коричневыя вѣки быстро поднялись, и блестящіе каріе глаза обмѣнялись торопливымъ и острымъ взглядомъ съ другими, блѣдными, холодными, глазами. Истомой дрогнули алыя губы женщины. Но когда старикъ опять

подошелъ къ столу, она внимательно расправляла тонкую кожу около выпуклыхъ ногтей.

И вдругъ молодой человѣкъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и приблизился къ старику. Что-то похожее на волненіе пробивалось сквозь обычную неподвижность его лица.

— Ваше превосходительство, вы меня извините, то, что я долженъ вамъ сказать... или объяснить... или...—онъ сбивался, не находилъ словъ, и это волновало еще раньше, чѣмъ ясенъ сталъ смыслъ его рѣчи.—Вы все думаете, что этихъ людей можно исправить. А я говорю, они не способны къ уваженію. Это грязные, низкіе люди...

Онъ торопливо разстегнулъ пуговицу сюртука, досталъ изъ кармана маленькую записную книжку, развернулъ ее и вдругъ остановился:

— Я не знаю... Смѣю ли я при Еленѣ Александровнѣ?... Это такіе негодяи...

Она смотрѣла съ удивленіемъ. Она понимала, что онъ ставитъ какую-то большую ставку. И впередъ вѣрила, и впередъ всей своей влюбленной душой тянулась къ нему на помощь. И тѣмъ поспѣшнѣе сказала:

— Нѣтъ. Я хочу знать. Читайте.

Тяжкое чувство слабости и безпомощности наползло откуда-то на старика. На мгновеніе ему показалось, что по какому-то непонятному соглашенію эти двое распоряжаются его судьбой. Онъ отогналъ эту глупую мысль и твердо сказалъ:

— Читайте.

— Это выдержка изъ письма одного изъ подсудимыхъ. Его перехватили.

— Гдѣ же самое письмо?

— Письмо? Его доставили по назначенію.

— Почему? Какъ они смѣли?

— Нельзя было иначе, ваше превосходительство. Это было необходимо, чтобы достать нѣкоторыя нити, ускользнувшія отъ слѣдствія. У меня здѣсь копія. И...

Онъ опять остановился, опустивъ глаза, не то колеблясь, не то смущаясь.

— Прошу продолжать.

„Прошу“ звучало начальническимъ нетерпѣніемъ. Молодой человѣкъ весь подобрался, точно во фронтъ сталъ, и поднесъ книжечку къ глазамъ. Бѣлые, слишкомъ бѣлые для мужчины, пальцы рѣзко круглились на аломъ сафьяновомъ переплетѣ. На темномъ сукнѣ мундира маленькая книжка багровѣла страннымъ и

тяжкимъ пятномъ. Ни старикъ съ нависшими бровями, ни его темноглазая жена не замѣчали этого. Оба они съ равнымъ и разнымъ нетерпѣніемъ ждали.

— „Защитники говорятъ,—все дѣло не въ генералѣ, а въ генеральшѣ. Эта Мессалина“...

— Довольно!—грубо оборвалъ старикъ и шагнулъ въ сторону молодого офицера.

Тотъ стоялъ неподвижно, опустивъ глаза, съ лицомъ, на которомъ застыла офиціальная готовность. Съ суевѣрнымъ чувствомъ удивленія передъ его дерзостью, съ ужасомъ и всетаки съ восхищеніемъ смотрѣла на него молодая женщина. Ей казалось, что сейчасъ произойдетъ что-то непоправимое и грозное. Стыда не было въ ней, только страхъ и жгучая злоба, обострившая гибкое и лукавое чувство самосохраненія.

— Пьеръ,—сказала она, и тихій голосъ былъ полонъ такой кротости, что генералъ вздрогнулъ,—Пьеръ, поди ко мнѣ...

Когда мужъ подошелъ, она схватила его тяжелую сухую руку и припала къ ней. Душистымъ тепломъ пахнуло на него отъ пышныхъ темныхъ волосъ, отъ круглаго плеча, едва прикрытаго тонкимъ шелкомъ. Въ голосѣ, въ томъ, какъ крѣпко прижалась она мягкой щекой къ его ладони, была дѣтская безпомощность и обида.

— Пьеръ,—повторила она еще разъ и коснулась губами его пальцевъ.

Свободной рукой мужъ охватилъ ея плечи. Что-то щекотало его горло, ныло въ груди, застилало глаза. Но онъ чувствовалъ за спиной чужого и старался скрыть волненіе.

— Полно, Леночка, полно, не разстраивай себя. Къ чистому никакая грязь не пристанетъ. Полно, родная.

Молодая женщина подняла голову. На выпуклыхъ глазахъ блестѣли непритворныя слезы. Щеки разгорѣлись и все лицо казалось молодымъ и невиннымъ.

— Пьеръ, ты такой добрый... Пьеръ, будь добръ и къ нимъ... Надо прощать.

Лицо старика круто измѣнилось. Щеки запрыгали, точно ихъ кто-то дергалъ изнутри.

— Ну, ужъ это, извини,—это, Леночка, не бабье дѣло. И... вообще довольно... Мнѣ пора...

Онъ взялъ со стола портфель, наклонился къ женѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ и, на ходу пожавъ руку Григорію Григорьевичу, направился къ двери. Кто-то постучался.

— Иди, иди, дѣтка,—ласково сказалъ генералъ.

Изъ-за портьеры вышла высокая дѣвочка съ длинными бѣлокурыми локонами, собранными къ одному виску большимъ синимъ бантомъ. У нея было узкое бѣлое лицо съ маленькимъ рѣзкимъ подбородкомъ и высокимъ крутымъ лбомъ. Голубые глаза радостно блеснули навстрѣчу отцу и, увидавъ тѣхъ двоихъ, сразу потухли.

— Здравствуй, Лили, мы еще не видались.

Голосъ матери звучалъ мягко, но что-то тревожное и виноватое метнулось въ глубинѣ ея глазъ, что-то суровое и негнущееся глянуло изъ большихъ зрачковъ дочери. Издали, высокомѣрно кивнула она головкой офицеру, низко, какъ передъ взрослой дамой, склонившемуся передъ ней. Трудно было понять, что̀ скрывается за благовоспитанной сдержанностью полу-ребенка, полудѣвушки—простая застѣнчивость или другое, болѣе голубокое, болѣе больное чувство.

Слегка коснувшись щекой щеки матери, Лили ушла вслѣдъ за отцомъ и еще слышала за спиной холодный молодой голосъ:

— Вы мнѣ позволите откланяться. Я тоже проѣду въ судъ.

Дверь закрылась. Отвѣта она уже не слыхала. Но судорога отвращенія исказила тонкое блѣдное личико. Не слыша и не видя, внутреннимъ, неусыпнымъ чутьемъ знала она, что̀ дѣлается въ кабинетѣ.

Елена Александровна крѣпко сжимала бѣлыя прохладныя руки офицера и опять вся сіяющая и восторженная смотрѣла на него.

— Не уходи, останься... Господи, какой ты смѣлый! Сегодня было такъ, точно мы оба прыгнули со скалы. Какъ я тебя люблю.

Она осыпала его руки поцѣлуями, покорными и жадными. Усталостью и высокомѣріемъ дрогнулъ подъ пышными усами твердый розовый ротъ.

„Вотъ Лили, навѣрное, никому не будетъ такъ руки лизать“, подумалъ онъ.

Нижняя губа еще дальше ушла подъ верхнюю, и все лицо, здоровое и спокойное, было жестко. Но когда женщина подняла голову, что-то похожее на ласку выглянуло изъ блѣдныхъ глазъ.

— Да, chérie, это была дерзкая игра. Я люблю рисковать. Иначе нельзя. Тутъ поставлена на карту вся карьера твоего мужа. Не можемъ мы съ тобой вѣчно оставаться въ этой дырѣ.

Онъ брезгливо повелъ плечами. Ей хотѣлось сказать, что, пока онъ ее любитъ, ей и здѣсь хорошо. Но она помнила, какъ презрительно онъ умѣлъ издѣваться надъ ея сантиментальностью. Крѣпкій запахъ табака и сладкихъ знакомыхъ духовъ обострялъ во всемъ тѣлѣ память о вчерашнихъ ласкахъ. Такъ хотѣлось

угодить ему. Она вся прижималась къ нему и терлась, какъ кошка, и тихо говорила:

— Да, да... Я хочу, чтобы тебѣ было хорошо... Надо поѣхать въ Петербургъ и устроить, наконецъ, переводъ.

Дрожь въ ея голосѣ, искры въ ея глазахъ вызывали въ немъ презрительное раздраженіе. Она была красива и порой умѣла будить въ немъ желаніе. Оно гасло, не оставляя въ его душѣ ни нѣжности, ни даже покровительственнаго снисхожденія, которымъ иногда прикрывается внутренній холодъ любовниковъ.

Но она была ему нужна. Онъ тихо провелъ пальцами по ея шеѣ, крѣпко поцѣловалъ ее въ губы и сказалъ:

— Надо итти, chérie. Я скажу старику, что ты раздавлена, что ты сдерживалась при немъ, а когда онъ ушелъ, ты разрыдалась.

Улыбка, сухая и злая, проползла по его лицу. Что-то кольнуло молодую женщину. Она попробовала пристальнѣе взглянуть на своего любовника, но увидала только бѣлые зубы, алый ротъ, нѣжную кожу, и не умѣла, и не хотѣла, и не могла прочесть то, что такъ явно, такъ несомнѣнно было для каждаго, кто смотрѣлъ на это лицо, гдѣ звѣриная жесткость челюсти и губъ сочеталась съ твердой и безпощадной человѣческой волей, выставлявшей свое отравленное лезвіе изъ глубины блѣдныхъ глазъ.

— Отчего ты такъ настаиваешь, Гриша? А я боюсь... Можетъ быть, это суевѣріе... Но мнѣ кажется... А если эти люди... А если это принесетъ намъ несчастіе? И потомъ...

Она хотѣла сказать, что ей жалко ихъ, и не сказала. Удержало что-то похожее на стыдъ передъ ненужной ложью. И робость передъ нимъ.

— Перестань! Ты не ребенокъ. За процессомъ слѣдятъ. Всякое послабленіе дорого обойдется старику. И за дѣло. Развѣ можно миндальничать съ этими господами? Чѣмъ скорѣе отъ нихъ избавиться, тѣмъ лучше. Прощай.

Онъ поцѣловалъ ея руку. Ей такъ не хотѣлось отпускать его. Но она знала, что удержать его нельзя.

— Да, вотъ еще что... Это письмо... Откуда такое...

Она не кончила. Передъ мужемъ она могла и лгать, и лицемѣрить, и притворяться, не испытывая ни неловкости, ни смущенія. А передъ Гришей нѣтъ. И когда онъ, въ отвѣтъ на ея слова, пристально и глубоко заглянулъ ей въ глаза, мучительная краска вырвалась откуда-то изъ груди и залила шею, щеки, лобъ, мелкими слезинками выступила на краю вѣкъ. Въ вихрѣ пронеслись передъ ней всѣ прежніе ея любовники, ихъ поцѣлуи, клятвы, объятія, страстныя рѣчи, ласки. Обнаженная и опозоренная сто-

яла она передъ острымъ, насквозь пронизавшимъ ее взглядомъ. Голосъ, насмѣшливый и равнодушный, бичомъ хлестнулъ ее.

— Ну, знаешь...—онъ замедлилъ, и она поняла, что онъ откровенно забавляется ея смущеньемъ,—ну, знаешь, развѣ эти люди дорожатъ женской честью.

Когда онъ ушелъ, она опустилась на диванъ и закрыла лицо руками. Пусто, одиноко и страшно стало ей. На мгновенье она почуяла всю чуждость этого человѣка, съ которымъ еще такъ недавно сливалась въ жгучей тѣлесной радости. По какой-то темной логикѣ она рѣшила, что въ этомъ виноваты тѣ, кого сейчасъ судитъ ея мужъ. Злоба, слѣпая злоба самки растоптала маленькую искру состраданія, какъ будто тлѣвшую въ ея душѣ.

Наутро опять то же ликующее весеннее солнце горѣло въ красной угловой гостиной. Елена Александровна сидѣла за стариннымъ столикомъ и писала письма петербургскимъ друзьямъ. Надо было подготовить почву для пріѣзда.

— Можно войти?

Голосъ за дверью, высокій и звонкій, звучалъ тревогой.

— Пожалуйста, Лидія Петровна, пожалуйста. Что такое?

Она встала навстрѣчу входившей. Въ черномъ, съ русыми гладкими волосами и свѣтлымъ гладкимъ лицомъ, учительница была похожа на монахиню. Къ такимъ женщинамъ Елена Александровна всегда испытывала высокомѣрную жалость.

— Садитесь, голубчикъ. Въ чемъ дѣло? Что-нибудь неладно съ Лили? Она стала какая-то странная...

— Лили? Нѣтъ. Я не объ этомъ.

Лидія Петровна смотрѣла въ лицо хозяйки, какъ будто стараясь прочесть на немъ что-то несомнѣнное и непонятное.

— Я должна поговорить съ вами, Елена Александровна, относительно приговора.

Румяное, привѣтливое лицо подобралось и замкнулось. Круглыя брови приподнялись недоумѣвающе и укоризненно.

— Да, вотъ вы о чемъ... Изъ-за этого процесса прямо житья нѣтъ. Сегодня утромъ Саша ушла. Бросила все и ушла. Поставила меня въ ужасное положеніе... Семь лѣтъ жила, и такъ уйти!

— Елена Александровна, пять смертныхъ приговоровъ. Вы понимаете?

Голосъ сорвался; узкія блѣдныя губы дрогнули въ безпомощной некрасивой гримасѣ. Молодая дѣвушка совладала съ собой.

— Мы всѣхъ ихъ знали. Это были наши товарищи, друзья...

— Напрасно!—вырвалось у генеральши.

Краска залила блѣдное лицо дѣвушки. Глаза стали большими и темными, и подъ ихъ негодующимъ взглядомъ неловко стало красивой нарядной женщинѣ.

— Да, друзья. И они столько же виноваты, сколько и мы. Тогда насъ всѣхъ надо посадить на скамью подсудимыхъ. И всѣхъ отправить на висѣлицу.

Гнѣвъ, несдержанный и грозный, клокоталъ въ ея голосѣ, дѣлалъ маленькую дѣвушку неузнаваемой и жуткой. Но она еще разъ переломила себя.

— Я пришла къ вамъ... Вы женщина... Попросите вашего мужа. Торжество правосудія отпраздновано. Пусть онъ отъ себя пошлетъ ходатайство о смягченіи. Вѣдь это же...

Она закусила губу и страшнымъ усиліемъ задержала правдивое, безпощадное слово.

Елена Александровна встала.

— Вы напрасно обращаетесь ко мнѣ. Мой мужъ не терпитъ никакого,—она подчеркнула,—никакого вмѣшательства въ свои служебныя обязанности.

Лидія Петровна окинула глазами ея статную фигуру, замѣтила безукоризненный покрой платья, кольца на рукѣ, бѣлую шею, темный пушокъ надъ губой и сочность алаго рта, и все это подняло въ ней острую, слѣпую личную ненависть.

„Выхоленное животное“, подумала она и едва не бросила эти слова вслухъ.

Еще одну попытку сдѣлала она.

— Елена Александровна, вѣдь это все молодежь. Есть такіе, что въ семнадцать лѣтъ уже арестованы. Передъ ними вся жизнь... А тутъ...

— Ну, знаете, они тогда натворили такихъ ужасовъ, что и старымъ не придумать отвратительнѣе...

— Да вѣдь сколько же на нихъ клеветали! Вѣдь на судѣ выяснилось...

— Все, что выяснилось на судѣ, судьи, конечно, знаютъ лучше, чѣмъ мы съ вами можемъ знать.

Голосъ генеральши звучалъ сухой надменностью. Молодая дѣвушка взглянула на нее и, стиснувъ зубы, въ безсильной злобѣ сжимая худые маленькіе кулаки, пошла къ двери. Тамъ она на минуту остановилась и глухимъ, чужимъ голосомъ, не поднимая глазъ отъ ковра, спросила:

— А скажите, Елена Александровна, вотъ у васъ Лили... Вамъ передъ ней не будетъ стыдно?

Теперь ея лицо было блѣдно. Глаза, потемнѣвшіе и запавшіе,

съ страстной злобой смотрѣли не въ карiе, тоже озлобившiеся глаза, а на этотъ сочный, красный ротъ, такъ легко произносившiй злыя, мертвящiя слова.

— Вы, вѣроятно, нездоровы?—Елена Александровна задыхалась, звуки съ трудомъ вылетали изъ груди.—Или, можетъ быть, тамъ вашего любовника приговорили? Вы говорите, тамъ все молодые... А? Во всякомъ случаѣ, больше не смѣйте показываться въ нашемъ домѣ. Не смѣйте!

Молодая дѣвушка равнодушно выслушала грубыя слова.

— Зачѣмъ это? Вѣдь вы же и такъ знали, что я не смогу протянуть вамъ руку. А дѣвочку мнѣ жаль... Очень...

Въ узкомъ полутемномъ коридорѣ ея руку схватила слабая горячая ручка.

— Лидiя Петровна... Я слышала... Я все слышала... Лидiя Петровна, возьмите меня съ собой... Я не могу...

Горячее дыханье, въ которомъ уже клокотали слезы, обдавало лицо молодой дѣвушки. Она охватила Лили за плечи и крѣпко прижала ее къ себѣ. Въ ея душѣ, полной негодованья и отвращенья, полной ужаса передъ судьбой тѣхъ пятерыхъ, не было словъ, чтобы успокоить и укрѣпить. И дальше звучалъ рыдающiй шопотъ.

— Я ненавижу ее. Она подлая, развратная... Я все знаю... Я давно все знаю... Я голоса ея слышать не могу... Зачѣмъ она мнѣ мать? Зачѣмъ? Когда она меня цѣлуетъ, мнѣ хочется ударить ее по лицу. И я когда-нибудь ударю.

Дѣвочка выпрямилась и, точно птица крыломъ взмахнула рукой. Лидiя Петровна опять прижала къ себѣ ея голову и тихо цѣловала мягкiе волосы. Смягчилась отъ ласки дѣтская душа, и безпомощно, и жалко зазвучалъ голосокъ:

— У меня папа былъ, только папа... Онъ старый, и мнѣ его было жалко. А теперь вѣдь это онъ, вѣдь это онъ...

Уже настоящiя рыданiя потрясали худенькое, стройное тѣло. Она опустилась на ящикъ и, припавъ головой къ пыльному ковру, плакала безшумными, безнадежными слезами, отъ которыхъ умирало дѣтство и гасло солнце.

Лидiя Петровна опустилась на колѣни рядомъ съ ней и ласкала, и говорила безсвязныя, нѣжныя слова. Надо было скорѣе уходить изъ этого проклятаго дома. Но тонкая рука такъ крѣпко обвилась вокругъ шеи, печаль ребенка такъ глубоко западала въ душу.

— Я знаю, вы сейчасъ уйдете, и я васъ больше не увижу,— чуть слышно шептала дѣвочка, прижимаясь мокрой щекой къ

учительницѣ,—но я вамъ обѣщаю, что, когда я выросту, я уйду отъ нихъ, и буду какъ вы, какъ вы всѣ, какъ тѣ... А не какъ они... И отомщу, отомщу имъ за всѣхъ...

Она выпрямилась. Въ полумракѣ ея лицо свѣтилось, точно вырвался изнутри давно сдерживаемый огонь. Лидія Петровна положила руку на высокій горячій лобъ и молча не то благословляла, не то молилась за этого ребенка, брошеннаго въ огонь недѣтской тоски.

— Не надо мести, родная, надо только...

Она остановилась. Сердце, полное гнѣва и боли, еще не находило разумныхъ, дающихъ крѣпость и спокойствіе словъ. Она еще разъ крѣпко обняла дѣвочку и торопливо ушла.

И часто потомъ, уязвленная отравой сомнѣній или злобы, когда колебалась вѣра въ людей, въ торжество истины, въ ту розовую заревую полоску, которая хоть смутно да мерещится вдали каждому, кто бережетъ въ себѣ душу живую,—въ эти минуты горечи и слабости она вспоминала узкій пыльный коридоръ и свѣтящееся лицо Лили и тверже шла по острымъ камнямъ жизни.

А. Тыркова.

СУДЬБА ДЕРИВА [1]).

Романъ изъ современныхъ нравовъ. Ж. Рони.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Насталъ день суда. Еще съ вечера въ Понъ-де-Люзѣ было замѣтно сильное оживленіе. Гостиницы переполнились пріѣзжими, и даже въ плохихъ отеляхъ трудно было найти свободный номеръ. На улицахъ прохожіе указывали другъ другу корреспондентовъ большихъ газетъ Парижа, Тулузы, Бордо. Было что-то праздничное въ этомъ всеобщемъ взволнованномъ подъемѣ любопытства, и крестьяне, съѣхавшіеся къ средѣ на базаръ, дивились повышенію цѣнъ на птицу, овощи и яйца.

Процессъ, назначенный на эту среду, возбуждалъ умы столько же крупностью преступленія, въ которомъ обвинялась Марсель Кальдъ, сколько ея красотой и туалетами. Всѣ, знавшіе ее лично, испытывали теперь особую гордость отъ этого знакомства. Въ мясныхъ, въ овощныхъ лавкахъ, въ кондитерскихъ можно было встрѣтить пріѣзжихъ, разспрашивающихъ о подробностяхъ жизни Марсели.

Цѣлыя вереницы любопытныхъ стекались въ „Тополя". Богатство Дерива вызывало двойственное отношеніе къ его участи. Ему завидывали и его униженію радовались, но это же богатство создавало ему ореолъ, въ блескѣ котораго кроется секретъ того невольнаго почтенія, съ какимъ принято встрѣчать богатыхъ. И утрата богатства, грозившая Дериву, въ глазахъ толпы была горемъ слишкомъ для нея близкимъ и понятнымъ, пробуждавшимъ непосредственное сочувствіе. Кольцо этой обидной жалости, этого слѣпого злорадства и осужденія сдавило жизнь

---

[1]) *Русская Мысль*, кн. VI—IX, 1910 г.

Дерива такъ тѣсно, какъ это бываетъ только въ маленькихъ городишкахъ, гдѣ нехватаетъ простору для господства различныхъ потоковъ общественнаго мнѣнія. Все теперь изъ его прошлаго вмѣнилось ему въ преступленіе—тѣ брачныя и денежныя надежды, какія на него возлагались и какія онъ не могъ оправдать, слишкомъ холодное рукопожатіе, недостаточно скоро отданный визитъ.

Жанна Ванель испытывала глубокое удовлетвореніе въ томъ, что человѣкъ, который не хотѣлъ на ней жениться, попалъ на скамью подсудимыхъ.

Она скрывала это и отъ другихъ, и отъ самой себя, подъ личиной кроткаго сожалѣнія. Но втайнѣ все въ ней ликовало при мысли о томъ, какимъ раскаяніемъ долженъ теперь терзаться Деривъ въ наказаніе за то, что промѣнялъ рай чистой любви, предстоявшій ему въ союзѣ съ Жанной, на свой адъ съ Марсель Кальдъ.

M-me Ванель была полна такими же мыслями, но къ нимъ присоединялось еще самое безпощадное осужденіе Марсели и глупости мужчинъ, которыхъ она дурачила.

Аргу не могъ простить Дериву его дружбы съ Витрювомъ и Лякавомъ. Ванель сталъ говорить о немъ съ величайшей осторожностью и сдержанностью. Втайнѣ онъ былъ очень склоненъ сослать его на каторжныя работы за его открытую связь съ женой должностного лица. Марбье былъ не чуждъ нѣкоторой снисходительности, которую онъ, впрочемъ, стѣснялся обнаруживать. Денуарфонтэнъ не вѣрилъ, чтобы судъ могъ обвинить человѣка въ такой степени богатаго. Діэзъ пытался высказывать мнѣніе, что Деривъ явился жертвой собственнаго идеализма, но m-me Діэзъ изо всѣхъ силъ возбуждала въ немъ ненависть къ обоимъ подсудимымъ, которые не давали ей спать—одна своей красотой, другой—своими милліонами.

Въ этомъ злобномъ концертѣ лишь изрѣдка прорывался голосъ, робко защищающій Дерива. Это былъ какой-нибудь лавочникъ, благодарный за человѣческое отношеніе къ нему со стороны богача, мелкій чиновникъ, гордившійся тѣмъ, что милліонеръ привѣтливо снималъ передъ нимъ шляпу. Но никто по-настоящему не вставалъ на его защиту.

Женщины, захлебываясь отъ низменнаго удовольствія, рылись въ подробностяхъ романа Андрэ и Марсели и не могли достаточно натѣшиться слѣпотой довѣрчиваго любовника.

Всѣ, буржуа и рабочіе, въ числѣ которыхъ былъ каменщикъ Нестрисъ, которому Деривъ сдѣлалъ много добра, перекидыва-

лись понимающими плутовскими взглядами, сами привыкшіе къ обману и вѣчно на него готовые, не допускающіе тѣни честности тамъ, гдѣ выгоднѣе быть безчестнымъ.

Вокругъ зданія суда, въ кафэ стоялъ непрерывный гулъ. Разгоряченные мясомъ и виномъ послѣ сытнаго обѣда понъ-де-люзцы объединились въ воинственномъ настроеніи, которое имъ важно было поскорѣе излить на обвиняемаго, какъ это нѣкогда было по отношенію къ Сократу, къ Бальи.

Витрювъ и Лякавъ среди этого враждебнаго потока бродили одинокіе и печальные, не зная, какъ убить томительные часы до начала засѣданія. Куда бы они ни направляли свои шаги, точно какая-то посторонняя сила снова влекла ихъ къ тюрьмѣ, которая помѣщалась рядомъ съ судомъ. Народъ уже началъ толпиться вокругъ этихъ зданій. Много было уличныхъ дѣтей, надѣявшихся потомъ продать свои мѣста. Между іонійскими колоннами дворца, гдѣ должны были судить Дерива, прогуливались члены суда съ папиросами во рту. При видѣ ихъ Витрювъ и Лякавъ почувствовали сильное волненіе и поспѣшили уйти подальше отъ этого зрѣлища.

Навстрѣчу имъ попадались хозяйки, расходившіяся по домамъ съ рынка; въ рукахъ у нихъ были корзины, полныя овощей, связанныхъ цыплятъ, висящихъ внизъ головой, судорожно взмахивающихъ крыльями. Рынокъ былъ наводненъ рыбой, и женщины наклонялись надъ ней, нюхали, пробовали на ощупь, иногда бросали обратно на прилавокъ похожую на темный плоскій языкъ рыбу. Подходили къ безголовой трескѣ, продававшейся на фунты, внимательно, любовно наклонившись, выбирали пожирнѣе кусокъ. Какой-то старикъ въ бѣлыхъ гетрахъ сердито спорилъ съ крестьянкой, не хотѣвшей спустить ему цѣну за ягненка. На ступеняхъ лѣстницы крытаго рынка толпились оборванцы, предлагая свои услуги донести хозяйкамъ ихъ корзины.

Эти обычныя сцены базарнаго дня показались обоимъ друзьямъ подъ вліяніемъ ихъ мрачнаго настроенія необыкновенно убогими и противными. Человѣческія лица поражали тупостью и безобразіемъ; одежды казались болѣе чѣмъ всегда грязными и горы пищевыхъ продуктовъ будили отвращеніе.

Витрювъ и Лякавъ повернули къ мосту и черезъ нѣсколько минутъ опять увидѣли себя передъ зданіемъ суда. Начинался съѣздъ публики. Нарядно одѣтыя женщины проносились мимо друзей Дерива, оставляя за собой струю модныхъ духовъ. Среди нихъ было много парижанокъ, проводившихъ лѣтніе мѣсяцы въ Біарриццѣ, По, Аркашонѣ. Молодые люди Понъ-де-Люза съ жад-

ностью ловили восхищенными взглядами ихъ манеры, походку, ихъ ослѣпительные туалеты, и шопотомъ называли имена наиболѣе извѣстныхъ красавицъ.

Въ этомъ зрѣлищѣ было что-то успокоившее тревогу и разогнавшее мракъ въ душѣ Витрюва.

— Какъ велика власть женской красоты!—сказалъ онъ.—При видѣ ея намъ кажется, что все грубое, жестокое должно исчезнуть подъ ея лучами. И сколько несчастливцевъ подходятъ къ этимъ восхитительнымъ созданіямъ именно съ такой иллюзіей. Несомнѣнно, что такія парижанки—очаровательные символы легкой, изящной, красивой жизни. Но къ нимъ, какъ къ солнцу, нужно поднимать глаза сквозь закопченое стекло, иначе можно ослѣпнуть. И это именно и случилось съ нашимъ бѣднымъ Деривомъ.

Мало-по-малу весь длинный коридоръ, всѣ лѣстницы и прихожая суда наполнились народомъ.

Аргу, Ванель, Денуарфонтэнъ, Марбье держались тѣсной группой, изъ которой до публики долеталъ по временамъ сдержанный смѣхъ. Выдѣлялся на общемъ фонѣ авторитетный голосъ Аргу, спокойно обсуждавшій вопросъ, заслуживаетъ или нѣтъ Деривъ смертной казни и есть ли надежда на смягченіе приговора.

Проходя мимо этой группы, сенаторъ Неллисъ и депутатъ Дье остановились для обмѣна привѣтствіями и рукопожатіями, возбудившими почтительную зависть въ окружающихъ. Вдругъ сильное движеніе всколыхнуло толпу: открылись двери, ведущія въ залу суда. Она была довольно просторна и шесть большихъ оконъ ея пропускали свѣтъ въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы разглядѣть со всей отчетливостью лоснившіяся отъ грязи бѣлыя кожаныя кресла присяжныхъ, темныя скамьи защиты съ потерявшими форму жалкими подушками для сидѣнья, застарѣлую пыль повсюду, слѣды человѣческаго пота на каждомъ предметѣ. Воздухъ былъ спертый и казался зараженнымъ тысячами дыханій когда-либо побывавшихъ въ этой залѣ людей.

— Это мѣсто, гдѣ совершается судъ надъ преступленіями, само является преступленіемъ по своему безобразію и неряшеству,—сказалъ Витрювъ.—И видъ его возбуждаетъ больше негодованія, чѣмъ всякое индивидуальное злодѣйство, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ коллективнымъ злодѣяніемъ.

— Вы совершенно правы,—сказалъ Лякавъ.—Тѣ, кто судитъ, судимы и осуждены здѣсь видомъ этой залы. Не должны ли бы такія зданія, какъ судъ, быть величавыми, чистыми и прекрасными?

Въ залѣ становилось тѣсно. У самой баллюстрады, раздѣляю-

щей трибуны и мѣста для публики, столпились отбросы Понъ-де-Люза, уличные мальчишки, уличныя дѣвушки, въ двадцать лѣтъ уже почти безволосыя, нестерпимо неряшливыя, съ воровскими бѣгающими взглядами, съ низкими лбами, съ уродливымъ черепомъ вырождающихся, съ вытянутыми по лошадиному лицами, съ отпечаткомъ истеріи, алкоголизма, сифилиса и глубокой порочности.

Позади этихъ дѣтей улицы, легко захватывающихъ лучшія мѣста, потому что всѣ гнушались ихъ близостью, вытягивали шеи мѣстные торговцы, чиновники, фермеры. Большой свѣтъ Понъ-де-Люза скопился въ ложахъ, откуда были видны уже m-me де-Піэ, m-me Робелла, Аттелэ, Діэзъ, супруги де-Брэй, Жанна Ванель съ матерью, виконтесса де-Терренуаръ, жена Лякава, жена Аргу, дѣвическія головки двухъ англичанокъ, Элленъ и Китти, и съ ними рядомъ Адель Фюзэнъ, по протекціи Аргу получившей мѣсто въ ложѣ.

Присяжные не спѣша размѣщались на своихъ двѣнадцати креслахъ. Это были жирные, неповоротливые люди, промышленники, фермеры, домовладѣльцы, съ тупыми лицами, съ вульгарными жестами неуклюжихъ рукъ, при каждомъ движеніи которыхъ внушительно блестѣли ихъ толстыя обручальныя кольца.

— Не безуміе ли, что такимъ господамъ порученъ судъ надъ тѣмъ, что творилось въ помыслахъ Дерива!—воскликнулъ Витрювъ.—Какъ могутъ они разобраться въ мысляхъ и чувствахъ, до которыхъ совершенно не доросли? Каждое слово Дерива будетъ истолковано ими сообразно уровню ихъ пониманія, иначе говоря, будетъ лишено настоящаго смысла и значенія. Они поймутъ и оправдаютъ Варраву, но Сократа они неизбѣжно должны осудить.

— Призываю всѣхъ къ молчанію!—раздался громкій голосъ экзекутора.

Секретарь поднялся съ кресла и началъ перекличку присяжныхъ. Вошли представители защиты, молодой Гренъ съ яснымъ лицомъ человѣка, довольнаго своей твердостью въ исполненіи долга, и Каннъ, адвокатъ Дерива, съ видомъ печальнымъ и встревоженнымъ.

Въ этотъ же моментъ экзекуторъ бросился къ двери, завѣшенной красной драпировкой позади предсѣдательскаго кресла, и крикнулъ изо всѣхъ силъ:

— Судъ идетъ!

Секретарь всталъ. Присяжные, защита и публика послѣдовали его примѣру, почтительно обнаживъ головы.

Судьи, въ своихъ бархатныхъ тогахъ, съ величавымъ видомъ приближались къ столу.

— Объявляю засѣданіе суда открытымъ!—возвѣстилъ предсѣдатель, наряженный въ кроваво-красныя одежды.—Пусть войдутъ подсудимые!—торжественно добавилъ онъ.

Въ публикѣ раздалось рычаніе нетерпѣливаго любопытства, когда въ дверяхъ показались Деривъ и Марсель въ сопровожденіи четырехъ жандармовъ.

Деривъ, сильно измѣнившійся, блѣдный, повидимому, съ трудомъ владѣлъ собой въ этомъ положеніи, которое дѣлало изъ него парію.

Въ самые худшіе часы своей жизни, въ самыхъ страшныхъ кошмарахъ онъ не испытывалъ ничего схожаго съ этимъ часомъ, когда его, униженнаго, растеряннаго, ослѣпленнаго внезапнымъ свѣтомъ шести громадныхъ оконъ, вывели на позорище передъ тысячью взглядами людей, которые встрѣтили его ропотомъ осужденія и сдержаннымъ смѣхомъ издѣвательства.

До этой минуты онъ даже не подозрѣвалъ, что можетъ существовать такая бездонность униженія.

Онъ чувствовалъ, что ему нехватаетъ воздуху для дыханія, хотѣлъ что-то сказать и тутъ же вспомнилъ о невозможности и безполезности словъ въ данную минуту.

Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ, онъ мало-по-малу похоронилъ всѣ свои иллюзіи. Все, чѣмъ жилъ онъ до этого, понемногу отмерло въ немъ, и теперь онъ почувствовалъ впервые до конца весь ужасъ своей опустошенности. Дѣтски-безпомощнымъ жестомъ поднеся къ губамъ руку, стоялъ онъ, щурясь отъ свѣта, подъ градомъ любопытныхъ, насмѣшливыхъ, злорадствующихъ взглядовъ. Замѣтивъ въ толпѣ Витрюва и Лякава, онъ не обрадовался, напротивъ, живѣе почувствовалъ ужасъ своего положенія, Уловивъ на ихъ лицахъ ободряющую дружескую улыбку, онъ сдѣлалъ страшное усиліе надъ собой, чтобы не разрыдаться; но послѣ этого тяжесть нѣсколько отлегла отъ его сердца, и онъ, овладѣвъ собой, спокойно и съ достоинствомъ опустился на скамью.

Марсель была совсѣмъ близко отъ него. Когда она откинула свой черный вдовій вуаль, на ея лицѣ никто не могъ прочесть ни слѣдовъ смущенія, ни усталости. Мраморно-блѣдное, оно хранило красивую трагическую неподвижность, и его красота вызвала дружный одобрительный шопотъ въ тѣхъ, кто видѣлъ подсудимую первый разъ.

Предсѣдатель обратился къ присяжнымъ съ рѣчью, разъясняю-

щею имъ ихъ обязанности, и въ концѣ ея произнесъ традиціонное приглашеніе:

„Передъ Богомъ и людьми клянитесь не руководиться ненавистью, злобой, страхомъ или какимъ-либо пристрастіемъ“...

Каждый изъ присяжныхъ, въ отвѣтъ на это, приподнявшись съ мѣста, произнесъ:

— Клянусь.

Послѣ этого предсѣдатель попросилъ подсудимыхъ быть внимательными и выслушать обвинительный актъ.

„Марсель-Эдмэ-Дивинъ-Тарнъ, вдова Кальда, родившаяся въ 1882 году въ Понъ-де-Люзѣ, дочь Жанъ-Маркъ-Николая-Тарна и Августины-Бланшъ-Фарбъ, состоявшихъ въ законномъ бракѣ.

„И Андрэ-Франсуа-Констанъ-Деривъ, родившійся въ 1869 году, сынъ Жанъ-Жозефа-Дерива и Маріи-Терезы-Антуанеты-Лефебвръ, состоявшихъ въ законномъ бракѣ, обвиняются—первая въ отравленіи мужа своего, свекрови и тетки; второй—въ соучастіи въ отравленіи мужа Марсели Кальдъ.

„Всѣ въ Понъ-де-Люзѣ хорошо знали семью Кальдовъ. Переѣхавъ недавно изъ Парижа въ нашъ городъ, Теодоръ-Жюль-Марсіаль-Кальдъ снялъ на Новой улицѣ особнякъ, обставленный съ большой роскошью. Красота и элегантность жены Кальда, такъ же какъ образованность и его привѣтливость скоро открыли передъ ними наиболѣе недоступные салоны города.

„Денежныя дѣла супруговъ Кальдъ съ самаго пріѣзда ихъ были чрезвычайно разстроены. Еще въ Парижѣ, поддаваясь вліянію молодой жены, Кальдъ велъ жизнь выше своихъ средствъ, появляясь въ первыхъ рядахъ театра, на скачкахъ, на верниссажахъ, участвуя во всѣхъ дорого стоящихъ увеселеніяхъ свѣтской жизни.

„Туалеты его жены возбуждали восхищеніе и зависть въ скромныхъ буржуазкахъ, когда Марсель Кальдъ появлялась въ ложѣ театра или въ концертной залѣ. Такіе туалеты стоили не малыхъ денегъ, и, чтобы добыть ихъ, бѣдный Кальдъ принужденъ былъ опутать себя долгами. Чаще всего онъ прибѣгалъ къ кошельку своей матери, которая была доведена этимъ способомъ до полнаго разоренія.

„Переѣздъ въ Понъ-де-Люзъ поправилъ дѣла молодой четы, но тутъ въ ихъ жизни начались новыя осложненія, гораздо болѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, какія были прежде.

„Покойный мужъ Марсели Кальдъ былъ человѣкъ развитой и образованный, увлекавшійся искусствами и литературой. Его можно бы обвинить въ нѣкоторомъ снобизмѣ, но это свойство

соединялось въ немъ съ несомнѣнной искренностью дружелюбнаго отношенія къ окружающимъ его людямъ, съ блестящимъ краснорѣчіемъ, съ серьезнымъ отношеніемъ къ общественнымъ дѣламъ. Онъ пользовался всеобщей симпатіей въ городѣ, былъ выбранъ директоромъ клуба и кандидатура его въ муниципальный совѣтъ была встрѣчена общественнымъ мнѣніемъ одобрительно.

„Въ самомъ недалекомъ будущемъ онъ долженъ былъ получить орденъ Почетнаго Легіона. Это былъ безупречно честный человѣкъ, мужественно боровшійся съ трудностями своей жизни. Понемногу долги его уменьшились, и m-me Кальдъ, казалось, вошла въ рамки сравнительно скромнаго провинціальнаго обихода. Какъ разъ въ это время въ Понъ-де-Люзъ переѣхалъ на жительство Андрэ Деривъ.

„Андрэ Деривъ представляетъ собой болѣе сложную личность, чѣмъ каждый изъ супруговъ Кальдъ. Докторъ естественныхъ наукъ, оставленный при университетѣ для физико-математическихъ изысканій, онъ является передъ нами, какъ человѣкъ исключительныхъ способностей. Получивъ огромное наслѣдство отъ недавно умершаго дяди, онъ немедленно переселяется въ Понъ-де-Люзъ для того, чтобы на свободѣ въ провинціальной глуши всецѣло предаться своимъ научнымъ трудамъ. Раньше, когда онъ жилъ въ Парижѣ, почти десять лѣтъ онъ провелъ въ бездѣйствіи, съ головой, поглощенный своей страстью къ одной актрисѣ второго разряда.

„Только тогда, когда любовница покидаетъ его и выходитъ замужъ, онъ дѣлаетъ рядъ серьезныхъ усилій, добивается докторскаго диплома и изъ лѣнтяя превращается въ трудолюбиваго ученаго.

„Необходимо отмѣтить въ немъ эту плачевную способность быть Геркулесомъ у ногъ Омфалы.

„Только что переселившись въ Понъ-де-Люзъ, онъ быстро сходится съ семьей Кальдовъ, становится своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ, и, конечно, это дѣлается не изъ-за прекрасныхъ глазъ покойнаго Теодора Кальда, а, какъ это легко догадаться, изъ-за красоты его жены, сразу поразившей воображеніе Дерива, который очень скоро становится ея любовникомъ.

„Мы имѣемъ въ нашихъ рукахъ достаточно доказательствъ, что Марсель Кальдъ не отличалась неприступной добродѣтелью, и весьма возможно, что она первая пошла навстрѣчу его милліонамъ, заранѣе убѣжденная въ неотразимости своихъ чаръ. Необходимо помнить при этомъ, что положеніе супруговъ Кальдъ съ

матеріальной стороны въ это время снова обострилось, такъ какъ съ этимъ періодомъ совпадаютъ новыя траты жены на туалеты, мебель, драгоцѣнности, пріемы и что траты эти несомнѣнно превышаютъ доходы мужа. Денежной поддержкой Андрэ Дерива m-me Кальдъ не пользовалась, боясь, вѣроятно, чтобы онъ не усомнился въ безкорыстности ея чувствъ.

„На выручку изъ этого положенія является смерть матери Теодора Кальдъ, жизнь которой за два мѣсяца передъ этимъ была застрахована въ двадцать пять тысячъ франковъ. Когда покойная свекровь Марсели Кальдъ внезапно занемогла, мы видимъ, что невѣстка всѣми силами старается не допустить къ ея постели никого, даже собственнаго ея сына, подъ предлогомъ, что онъ не умѣетъ ухаживать за больными. Она сама приготовляетъ питье больной, сама даетъ лѣкарство, и больная послѣ характерныхъ для отравленія гастрическихъ припадковъ (которыхъ домашній докторъ не распозналъ лишь потому, что былъ слишкомъ далекъ отъ этой мысли) умираетъ, оставивъ страховую премію въ двадцать пять тысячъ франковъ на поправленіе наиболѣе тяжелыхъ долговъ Марсели Кальдъ.

„Почти наканунѣ дня этой смерти прислуга застаетъ обвиняемую въ объятіяхъ Андрэ Дерива, соучастіе котораго въ данномъ случаѣ объясняется боязнью, что старая m-me Кальдъ, вѣроятно, догадавшаяся о характерѣ отношеній между нимъ и ея невѣсткой, можетъ вмѣшательствомъ своимъ разбить ихъ счастье.

„Достовѣрно извѣстно, что въ ночь, когда Деривъ получилъ сообщеніе отъ своихъ друзей объ арестѣ Марсели Кальдъ, онъ поспѣшилъ сжечь ея письма

„Участь старой m-me Кальдъ постигла и другого свидѣтеля преступной связи между обвиняемыми, тетку подсудимой Аделаиду-Маргариту Паки. Всѣ, знавшіе близко эту превосходную женщину, съ единодушной похвалой отзываются о прекрасныхъ свойствахъ ея характера, о ея кротости, сострадательности и великодушіи Жизнь ея была цѣликомъ посвящена племянницѣ, Марсели Кальдъ, которую она обожала, и маленькой дочери Кальдовъ, Сюзаннѣ, а также дѣламъ благотворительности, которыми покойная занималась съ неусыпнымъ рвеніемъ въ очень широкихъ размѣрахъ. Несмотря на показаніе подсудимой, что m-me Паки покровительствовала ея роману съ Андрэ Деривомъ, трудно, зная строгіе моральные устои покойной и ея безупречную жизнь, допустить, чтобы она отнеслась такимъ образомъ къ преступной связи племянницы.

„Гораздо правдоподобнѣе другое предположеніе, что, узнавъ

о романѣ племянницы съ Деривомъ, m-me Паки, вѣроятно, употребила все свое вліяніе, чтобы вернуть ее къ мужу. Результатомъ чего и является этотъ внезапный отъѣздъ подсудимой въ Баньеръ, откуда она пишетъ длинныя письма Дериву до того момента, пока тамъ не завязывается у нея мимолетный романъ съ однимъ пріѣзжимъ высокопоставленнымъ лицомъ. За этотъ промежутокъ молчанія Деривъ успѣлъ достаточно возненавидѣть бѣдную тетушку Паки, которая такъ явно для него вела племянницу къ разрыву съ нимъ. И когда Марсель Кальдъ вернулась изъ Баньера, докучная бдительность тетки, старавшейся ни на минуту не упускать изъ виду влюбленную чету, должна была наталкивать его на мысль, что хорошо бы избавиться и отъ этого свидѣтеля.

„Очень скоро послѣ возвращенія m-me Кальдъ тетушка Паки заболѣваетъ. Загадочная болѣзнь желудка и кишечника неумолимо прогрессируетъ, несмотря на строгую діэту, на самый лучшій уходъ и на крѣпкое здоровье покойной. До самаго дня смерти m-me Паки не перестаетъ навѣщать своихъ бѣдныхъ, которые смотрѣли на нее, какъ на своего добраго генія, и, умирая, завѣщаетъ все свое состояніе маленькой Сюзаннѣ Кальдъ, что несомнѣнно подтверждаетъ фактъ существованія съ ея стороны неодобрительнаго отношенія къ поведенію Марсели Кальдъ.

„Когда изъ жизни влюбленныхъ исчезаетъ этотъ второй свидѣтель, очередь доходитъ до Теодора Кальда, который и является главной причиной этихъ двухъ предшествующихъ преступленій. Удалить его раньше, чѣмъ были удалены эти два свидѣтеля, не было возможности. И только когда съ этой стороны было обезпечено молчаніе, совершонъ былъ приговоръ надъ мужемъ, стоявшимъ главной помѣхой къ цѣли, намѣченной m-me Кальдъ—стать женой Дерива и обладательницей его милліоновъ.

„28 октября Теодоръ Кальдъ, молодой и необычайно здоровый человѣкъ, внезапно заболѣваетъ. Но онъ борется съ болѣзнью, продолжаетъ работать и посѣщать клубъ. Тогда вмѣшиваются въ его жизнь друзья, у которыхъ впервые проскальзываетъ подозрѣніе объ отравленіи. По настояніямъ ихъ Кальда увозятъ какъ будто для отдыха и поправки въ деревню, адреса которой не даютъ его женѣ. Тамъ онъ быстро оправляется. А жена его въ это время предается сатурналіямъ съ его другомъ Деривомъ, причемъ не стѣсняется, бравируя общественнымъ мнѣніемъ, открыто пріѣзжать къ нему въ „Тополя“. Мужъ получаетъ сообщеніе объ этомъ анонимнымъ письмомъ и разъяренный, какъ левъ, внезапно возвращается домой. Но жена встрѣчаетъ его съ тѣмъ не-

виннымъ видомъ, какой свойственепъ женамъ, искуснымъ въ обманываніи мужей, и онъ разубѣждается въ своихъ подозрѣніяхъ. Въ этотъ же день послѣ обѣда Марсель Кальдъ посѣщаетъ „Тополя", достаетъ у Дерива ядъ, и черезъ два часа Кальдъ умираетъ.

„Толки, распространившіеся въ публикѣ по поводу этой внезапной смерти, а также многочисленныя анонимныя письма, полученныя властями города, повели къ тому, что оба виновныхъ были арестованы.

„Послѣ разслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ дѣла Марсель-Эдмэ-Дивинъ-Тарнъ, вдова Кальда, обвиняется:

„Въ покушеніи на жизнь свекрови своей, Терезы Санбрессъ, вдовы Кальдъ, окончившемся смертью послѣдней въ августѣ 1908 года.

„Въ покушеніи на жизнь своей тетки Аделаиды-Маргариты Паки, окончившемся смертью послѣдней въ октябрѣ 1908 года.

„Въ покушеніи на жизнь мужа своего Теодора Кальда, окончившемся смертью послѣдняго въ ноябрѣ 1908 года, каковыя преступленія должны быть судимы и наказуемы по ст. 301 и 302 кодекса уложенія о наказаніяхъ.

„Андрэ-Жозефъ-Франсуа Деривъ, въ возрастѣ сорока лѣтъ, обвиняется:

„Въ соучастіи въ преступленіи Марсель Кальдъ, покушавшейся на жизнь мужа своего, въ результатѣ чего произошла смерть послѣдняго, каковое преступленіе должно быть судимо и наказуемо по ст. 301 и 302 кодекса уложенія о наказаніяхъ".

Залъ былъ погруженъ въ ненарушимую тишину при чтеніи обвинительнаго акта. Марсель оставалась недвижимой, какъ статуя, у Дерива же вырывался временами жестъ негодованія, презрѣнія или худо скрытой душевной боли.

Прокуроръ передалъ предсѣдателю опросный листъ, чтобъ приступить къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Послѣ этого предсѣдатель приказалъ свидѣтелямъ удалиться изъ залы. Проходя мимо Дерива, Витрювъ постарался встрѣтиться съ нимъ глазами. И отъ одного этого дружескаго взгляда Андрэ почувствовалъ, какъ сильный токъ энергіи и мужества влился въ его душу и сердце забилось отъ теплаго прилива благодарности и гордости, что онъ сумѣлъ завоевать подобную дружбу. Лякавъ, уходя изъ залы, также обмѣнялся съ нимъ печальнымъ и преданнымъ взглядомъ.

Допросъ начался. Предсѣдатель обратился къ Марсель Кальдъ:

— Вы учились въ пансіонѣ при монастырѣ урсулинокъ. Тамъ вы находились въ избранномъ обществѣ дѣтей изъ аристократическихъ фамилій. Въ самой ранней юности вы мечтали уже о

туалетахъ и брилліантахъ. Въ то время васъ однажды обвинили, что вы присвоили себѣ кольцо одной изъ вашихъ товарокъ. Что вы скажете по поводу этого обвиненія?

— Это кольцо, дѣйствительно, нашли въ моемъ пюпитрѣ, но мнѣ кажется, это слишкомъ очевидно, что его подбросили туда.

— Васъ подозрѣвали тоже въ похищеніи расшитой голубой ленты изъ часовни Богоматери, находившейся при пансіонѣ. Два года спустя послѣ выхода вашего изъ монастыря, одна изъ монахинь видѣла на васъ эту ленту, встрѣтившись съ вами въ городѣ.

— Мать Марія ошибается: это была другая лента.

— Подъ видомъ скромности вы и тогда хранили въ себѣ зародыши дикой жестокости: одна изъ вашихъ школьныхъ подругъ разсказываетъ, что вы поранили ее однажды булавкой отъ шляпы.

— Я дѣйствительно припоминаю этотъ случай, но въ немъ не было ничего преднамѣреннаго. Луиза Ланьонъ сама наткнулась на мою булавку.

— Разсказываютъ также, что вы однажды выкололи глаза ручному скворцу.

— Это была одна изъ общихъ пансіонскихъ шалостей.

— Въ пятнадцать лѣтъ вы, согласно показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, уже состояли въ связи съ однимъ поручикомъ.

— Я не стану отвѣчать на подобныя обвиненія.

— Нѣсколько позже вы состояли подъ покровительствомъ одного престарѣлаго господина, отъ котораго старались получить какъ можно больше подарковъ: это извѣстно со словъ его жены, которая обнаружила эту связь.

— Обратитесь къ моему защитнику—эти вопросы оскорбляютъ меня.

— Съ семнадцатилѣтняго возраста вы отличались такой элегантностью туалетовъ, которая явно превосходила средства вашей семьи.

— Это вопросъ личной оцѣнки, г-нъ предсѣдатель.

— Когда Теодоръ Кальдъ началъ ухаживать за вами, несмотря на то, что онъ былъ много старше васъ, вы очень скоро отвѣтили ему взаимностью—не потому ли это, что онъ занималъ выгодное положеніе въ Понъ-де-Люзѣ?

— Я просто полюбила его, какъ и онъ меня.

— Ваша покойная свекровь, знавшая ваше прошлое, всѣми силами старалась воспрепятствовать этому браку, но ей пришлось уступить, когда она узнала, что вы беременны. Послѣ свадьбы все ея состояніе мало-по-малу ушло на ваши туалеты. Позже,

когда поднялся вопросъ о страховкѣ ея жизни, она была долго противъ этого, предвидя ваши намѣренія. Но вы умѣли всегда настаивать на своемъ, и на этотъ разъ бѣдная женщина покорилась своей участи.

Марсель Кальдъ молчала. Деривъ со страннымъ чувствомъ слѣдилъ за этимъ медленно развертывающимся свиткомъ жизни, которая была такъ тѣсно слита съ его жизнью, что почти исчезла раздѣляющая грань. Дивные часы ихъ счастья превратились здѣсь въ позоръ и обманъ на глазахъ у сотенъ зрителей, собравшихся сюда, чтобы насладиться ихъ униженіемъ.

Предсѣдатель продолжалъ ставить вопросы. Они касались поведенія Марсели въ Парижѣ, счетовъ, оплаченныхъ ея любовниками, посѣщенія домовъ свиданій. Деривъ услышалъ намеки, набрасывающіе тѣнь на дружбу его возлюбленной съ нѣкоторыми изъ понъ-де-люзцевъ, выслушалъ вопросъ о томъ, не былъ ли онъ самъ избранъ ею исключительно изъ-за его богатства.

На все это Марсель отвѣчала молчаніемъ, исполненнымъ холоднаго презрѣнія. Положеніе, въ которомъ всякая другая женщина совершенно потерялась бы, она переносила съ такой стойкостью, какая не могла не импонировать публикѣ. Она ни на минуту не забывала о своей элегантности, красотѣ, граціи, объ изысканности своего языка, и это придавало ей силы держаться подобно оскорбляемой королевѣ. Публика начинала испытывать къ ней нѣчто вродѣ благодарности за хорошо выполненную роль, и элегантныя парижанки уже готовы были, какъ нѣкогда древнія римлянки, поднять палецъ въ защиту ея.

Когда допросъ окончился, она опустилась на мѣсто съ легкимъ вздохомъ и съ такой непринужденной граціей, какая заставила забиться сердце не одного юноши. Лицо Дерива между тѣмъ нѣсколько разъ уже смѣнило мертвенную блѣдность на лихорадочный румянецъ. Услышавъ приглашеніе предсѣдателя встать, онъ поднялся съ преувеличенной быстротой. Предсѣдатель обратился къ нему мягкимъ тономъ, два или три раза съ ясно подчеркнутымъ оттѣнкомъ уваженія, что возбудило негодованіе Аргу.

Главнымъ пунктомъ допроса было то обстоятельство, тайно или нѣтъ унесла Марсель изъ лабораторіи Дерива флаконъ съ аконитомъ, который онъ незадолго передъ тѣмъ выписалъ изъ Парижа.

— Утверждаете ли вы, что Марсель Кальдъ взяла флаконъ безъ вашего вѣдома?—спросилъ предсѣдатель.

— Я хотѣлъ бы не отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Слѣдовательно, можно предполагать, что вы сами передали его обвиняемой?

— Я ничего не передавалъ ей.

— Но она утверждаетъ противное.

— Я прощаю тѣмъ, кто научилъ ее утверждать это.

— Взвѣсьте, Деривъ, ваши слова. Вы не отрицаете, что въ вашемъ распоряженіи былъ флаконъ съ аконитомъ?

— Я вовсе не хочу этого отрицать.

— Гдѣ же этотъ флаконъ?

— Этого я не знаю.

— М-r Витрювъ объяснилъ на предварительномъ дознаніи, что Марсель Кальдъ унесла у васъ этотъ флаконъ въ то время, какъ вы спали. Когда онъ посѣтилъ васъ послѣ ухода m-me Кальдъ, ключъ отъ шкафа съ ядами валялся на каминѣ. Онъ отперъ шкафъ и констатировалъ отсутствіе яда, который видѣлъ тамъ наканунѣ. Онъ разсказывалъ также, какъ спѣшилъ отъ васъ въ Понъ-де-Люзъ, чтобы попасть къ Кальдамъ до катастрофы. Правдивость этого заявленія не внушаетъ мнѣ сомнѣній. Усомнитесь ли вы въ ней?

— Правдивость Витрюва мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна. Этотъ человѣкъ не говоритъ ничего, кромѣ правды, и презираетъ ложь.

— Тогда какъ объясняете вы исчезновеніе флакона съ ядомъ, внезапную смерть Кальда и показанія Витрюва?

— Я уклоняюсь отъ объясненій.

— Вы компрометируете себя, выгораживая обвиняемую; она же нисколько не щадитъ васъ. По ея словамъ, вы пускали въ ходъ все ваше вліяніе, чтобы склонить ее къ убійству мужа. Наканунѣ вашего ареста вы сожгли письма Марсели Кальдъ. Между тѣмъ именно они могли бы возстановить вашу невиновность; уничтоживъ ихъ, вы невольно возбудили подозрѣніе въ вашей причастности къ преступленію.

— Мужчина долженъ умѣть нести послѣдствія своихъ ошибокъ. Письма любимой женщины не должны обращаться ни при какихъ случаяхъ въ оружіе, направленное противъ нея, и еще менѣе должны стать достояніемъ общественнаго любопытства. Къ тому же, когда я сжигалъ эти письма, я былъ въ иномъ настроеніи, чѣмъ теперь. Но, впрочемъ, я и теперь не жалѣю объ этомъ.

— Вашъ другъ Витрювъ, который читалъ эти письма, утверждаетъ, что они могли бы доказать вашу невиновность.

— Я и на самомъ дѣлѣ не виновенъ.

— Показанія вашего друга не имѣютъ полной цѣны, такъ какъ онъ не включенъ въ число оффиціальныхъ свидѣтелей по этому дѣлу. Судъ поставилъ его въ сторонѣ, какъ слишкомъ интимно связаннаго съ вами человѣка.

— Мы дѣйствительно тѣсно связаны нашей дружбой.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь признать, что Марсель Кальдъ взяла у васъ флаконъ съ аконитомъ?

— Рѣшительно отказываюсь признать это.

— Но она увѣряетъ, что сама вернула потомъ этотъ флаконъ.

— Она ошибается.

— Подумайте о себѣ еще разъ: вашъ способъ защиты губителенъ для васъ.

— Тѣмъ не менѣе онъ совершенно соотвѣтствуетъ моей волѣ и моему разуму.

Въ это время Гренъ обратился съ просьбой поставить вопросъ обвиняемому. Получивъ разрѣшеніе, онъ обратился къ Дериву:

— Не припомнитъ ли обвиняемый, какъ однажды онъ высказывалъ мнѣніе, что преступленіе, совершонное подъ вліяніемъ страсти, кажется ему заслуживающимъ оправданія?

Деривъ, сильно поблѣднѣвъ, сказалъ, что не намѣренъ отвѣчать на подобные вопросы.

Предсѣдатель обратился къ Грену съ просьбой не осложнять задачи суда.

— Господинъ предсѣдатель,—началъ Деривъ,—я глубоко признателенъ вамъ за ваши послѣднія слова. Гренъ, который былъ моимъ пріятелемъ, моимъ другомъ почти, знаетъ, что крылось подъ моими мыслями, что жило въ самой глубинѣ моего сердца. Обращаясь ко мнѣ съ подобнымъ вопросомъ, онъ оскорбляетъ и меня, и здравый смыслъ. Я любилъ великою любовью, которую— увы!—самъ хотѣлъ бы видѣть отлившейся въ болѣе благородныя формы. Но я смѣло могу утверждать, что ни разу идея преступленія не коснулась меня. У меня бывали дурныя мысли о томъ, что смерть Кальда соединила бы жизнь его жены съ моей жизнью, но даже самое отдаленное, самое смутное желаніе чѣмъ-нибудь ускорить эту смерть не зарождалось ни въ моемъ умѣ, ни въ сердцѣ. И Гренъ такъ же знаетъ это, какъ другіе мои друзья, Лякавъ и Витрювъ, единственные люди во всемъ городѣ, въ которыхъ я почувствовалъ настоящую нравственную силу и умъ, занятый высшими проблемами жизни. Отвѣчать же Грену, который такъ близко подходилъ къ намъ, что его интимная честь должна бы сдѣлать невозможнымъ подобный вопросъ, я не могу.

— Моя честь,—вскричалъ Гренъ пренебрежительно—выше этихъ іереміадъ обвиняемаго. Я прошу, чтобы Деривъ просто отвѣтилъ мнѣ на вопросъ, такъ какъ считаю долгомъ во что бы то ни стало дойти по слѣдамъ звѣря до его берлоги, гдѣ онъ думаетъ укрыться.

Дружный взрывъ одобренія въ залѣ для публики покрылъ слова адвоката. Предсѣдатель долженъ былъ призвать всѣхъ къ молчанію, подъ угрозой приказа очистить залъ.

— Я попросилъ бы васъ,—обратился предсѣдатель къ Грену,—осторожнѣе выбирать выраженія.

— Я не могу позволить, чтобы меня оскорбляли,—возмущенно отозвался Гренъ.

— Но слова обвиняемаго,—замѣтилъ предсѣдатель,—находились въ точномъ соотвѣтствіи съ формой и содержаніемъ заданнаго вами вопроса.

— Онъ задѣлъ мою честь.

— Онъ говорилъ объ интимной чести, о тѣхъ неуловимыхъ обязанностяхъ дружбы, какія человѣкъ беретъ на себя безсознательно и какія не имѣютъ ничего общаго съ установленными обществомъ законами чести. Такъ ли я понялъ вашу мысль, Деривъ?

— Да, это моя мысль, господинъ предсѣдатель. Но я хотѣлъ бы еще прибавить, что если Грену дозволено вести процессъ противъ меня, это означаетъ, что само общество совершаетъ нарушеніе правъ этой интимной чести, о которой я говорилъ.

— Будьте и вы осторожнѣе въ вашихъ умозаключеніяхъ, Деривъ. Приступайте къ вашимъ вопросамъ, maître Гренъ.

— Въ одномъ частномъ разговорѣ,—настойчиво проговорилъ Гренъ,—не утверждалъ ли обвиняемый, что преступленія, совершонныя подъ вліяніемъ страсти, достойны состраданія?

— Этотъ вопросъ вы раньше не такъ формулировали,—сказалъ Деривъ.—Зачѣмъ вы измѣнили его форму?

— Вы не имѣете права задавать мнѣ такихъ вопросовъ,—замѣтилъ Гренъ.

— Но я долженъ знать, въ чемъ меня обвиняютъ—сказалъ ли я о милосердіи или объ оправданіи?

— Вотъ этотъ именно вопросъ я и задаю вамъ.

— Ни того, ни другого я не могу припомнить съ ясностью. Но я чувствую себя способнымъ къ состраданію по отношенію къ тѣмъ, кто совершилъ преступленіе подъ вліяніемъ страсти, оправдывать же ихъ я бы не сталъ.

— Это дѣло суда опредѣлить разстояніе между милосердіемъ и оправданіемъ, такъ же какъ и то, подъ вліяніемъ какой именно изъ страстей эта граница совсѣмъ можетъ быть стерта.

— Это вашъ послѣдній вопросъ?—спросилъ предсѣдатель.

Гренъ сдѣлалъ утвердительный знакъ. Предсѣдатель приказалъ ввести перваго свидѣтеля. Это была старшая изъ сестеръ

Грегуаръ. Цѣлый градъ обвиненій посыпался на подсудимую, и нѣкоторыя изъ нихъ поражали своей тонкостью. Чувствовалось, что она здѣсь больше въ своей сферѣ, чѣмъ любой изъ адвокатовъ. Самъ Аргу затрепеталъ при мысли о томъ, какія разоблаченія она могла бы сдѣлать на его счетъ, если бы занялась имъ такъ прилежно, какъ жизнью своей сосѣдки. Нѣсколько разъ въ продолженіе ея рѣчи судьи казались пораженными той сѣтью сближеній и неожиданныхъ уликъ, какими она съ неподражаемымъ искусствомъ опутывала свою жертву. Такое же впечатлѣніе произвели на судей и на публику показанія младшей сестры Грегуаръ.

Другія свидѣтельницы жизни Марсели, ея пансіонскія подруги также съ большимъ жаромъ распространились о ея пансіонскихъ шалостяхъ и порокахъ.

Свидѣтели, вызванные Греномъ, старались всячески смягчить невыгодное впечатлѣніе этихъ показаній. Нѣкоторыя изъ монастырскихъ воспитательницъ Марсели дали по просьбѣ Грена добрые отзывы о подсудимой, припомнивъ о ней все хорошее, что могли. Одна изъ свидѣтельницъ m-me Первинкьеръ, лѣчившаяся въ Баньерѣ одновременно съ Марселью, показала, что поведеніе послѣдней было тамъ безупречно.

Адвокатъ Дерива, maître Каннъ, вызвалъ многочисленныхъ свидѣтелей, всячески восхвалявшихъ благородство Теодора Кальда. Это очень удивило всѣхъ, такъ какъ трудно было понять, почему защитникъ Дерива такъ занялся личностью покойнаго Кальда. Были вызваны двое или трое парижскихъ друзей подсудимаго, отозвавшихся съ самой лучшей стороны о его нравственныхъ качествахъ.

Среди свидѣтелей, вызванныхъ прокуроромъ, была служанка отеля въ Баньерѣ и одна изъ курортныхъ львицъ. Онѣ обѣ показали, что Марсель вступила въ связь съ однимъ знатнымъ иностранцемъ въ концѣ своего пребыванія въ водолѣчебницѣ.

Парижскія модистки показали, что нѣкоторые счета Марсели были уплачены мужчинами съ разными фамиліями. Было установлено также посѣщеніе Марселью дома свиданій на улицѣ Миромениль.

За этимъ послѣдовалъ рядъ свидѣтелей, обличавшихъ безнравственное поведеніе Марсели и Дерива въ Понъ-де-Люзѣ. Нѣкоторые изъ нихъ заодно спѣшили забросать грязью и друзей подсудимаго—Лякава и Витрюва.

Лякавъ сильно волновался. Задѣтый преднамѣренными колкостями прокурора, намекавшими на его соціализмъ, онъ не вы-

держалъ и разразился тирадой, выражавшей его соціальные взгляды. Въ концѣ ея онъ громко прокричалъ, что Деривъ— лучшій изъ людей и что губитъ его только собственная деликатность и великодушіе.

Предсѣдатель приказалъ ввести Витрюва. Движеніе напряженнаго любопытства всколыхнуло публику. О Витрювѣ уже всѣ пріѣзжіе слышали, какъ о человѣкѣ крайне независимаго ума, рѣзкихъ сужденій, идущаго вразрѣзъ со вкусами и симпатіями понъ-де-люзскаго общества.

Допросъ Витрюва свелся къ выясненію соучастія его друга Дерива въ отравленіи Теодора Кальда и тетки Паки.

Витрювъ заговорилъ о томъ, что самымъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу невиновности Дерива было бы какое-нибудь вещественное доказательство его непричастности къ преступленію.

И тутъ, къ удивленію суда и публики, онъ предложилъ для прочтенія письмо Марсели къ Дериву, которое по предусмотрительности профессора незамѣтно для обвиняемаго было спасено отъ сожженія.

— Почему же не передали вы этого письма для пріобщенія къ дѣлу при слѣдствіи?—спросилъ предсѣдатель.

— Я нашелъ, что слѣдствіе ведется съ явнымъ предубѣжденіемъ противъ Дерива. И я счелъ своимъ долгомъ спрятать отъ нихъ до времени тотъ свѣтъ, котораго они избѣгали.

— Я протестую,—вскричалъ прокуроръ.

— Этотъ протестъ только увеличитъ уже достаточное число такихъ протестовъ въ настоящемъ дѣлѣ, — спокойно сказалъ Витрювъ.

— Но чѣмъ докажете вы подлинность этихъ писемъ?—вмѣшался Гренъ.

— Я попрошу господина предсѣдателя прочесть ихъ вслухъ,— проговорилъ Каннъ,—и на Марсель Кальдъ будетъ возложена обязанность признать или отрицать ихъ подлинность.

Гренъ въ тревогѣ нагнулся къ подсудимой. Предсѣдатель прочелъ указанную выдержку изъ письма:

„Я прячу лицо въ листки вашего письма и замираю вся отъ этой единственной ласки, которой я въ правѣ ждать отъ васъ. Отъ моихъ поцѣлуевъ ваши письма скоро обратятся въ прахъ. А между тѣмъ это такія благоразумныя, добродѣтельныя письма.

И дальше:

„Вы правы тысячу разъ; мой мужъ прекрасный человѣкъ, и я не должна губить ваши съ нимъ дружескія отношенія...

. . . .

„Но тогда—это значитъ отказаться отъ вашей любви, удовольствоваться тѣмъ, на чемъ врядъ ли когда-нибудь я смогу помириться—быть только другомъ вашимъ“...

Предсѣдатель обратился къ Марсели:

— Станете ли вы отрицать подлинность этихъ писемъ?

Марсель взяла письмо въ руки, посмотрѣла на него и слабымъ голосомъ проговорила:

— Я не стану отрицать, что это мое письмо, но я не считаю нужнымъ согласиться съ толкованіемъ, какое ему тутъ дали.

— Господинъ предсѣдатель,—сказалъ Витрювъ,—не прочелъ еще одной фразы, которая находится подъ послѣдней строчкой прочитанной здѣсь выдержки.

Гренъ вскочилъ съ мѣста.

— Надѣюсь,—воскликнулъ онъ,—что господа судьи сумѣютъ по достоинству оцѣнить, чего стоятъ подобныя ловушки.

Предсѣдатель прочелъ указанныя Витрювомъ строки:

„Я перечла ваши письма и ясно увидала, въ чемъ лежитъ нашъ долгъ. Не вершина ли это счастья—одно сознаніе, что вы меня любите?“

Этотъ инцидентъ привелъ въ неописуемое волненіе всю залу суда. Оно возросло до своей высшей точки, когда защитникъ Дерива потребовалъ, чтобы вызвали экстренно для свидѣтельскихъ показаній фармацевта Бозіаса, котораго не оказалось въ залѣ.

Настала очередь для прокурора поставить вопросы свидѣтелямъ.

— Я хотѣлъ бы знать,—обратился онъ къ Витрюву,—ваше мнѣніе о личности подсудимой.

— Я считаю ее очень несчастной,—отвѣтилъ профессоръ.

— Я нахожу,—ядовито сказалъ прокуроръ,—вашъ отзывъ объ отравительницѣ черезчуръ мягкимъ.

— Эта отравительница сама была отравлена.

— Кѣмъ же это?

— Господствующими мнѣніями. Атмосфера этихъ мнѣній, низкая, распущенная, преступная, создала вокругъ нея воздухъ, которымъ она дышала.

— Такъ можно оправдать каждое преступленіе.

— Я и не приписываю никогда преступленія исключительно тому, кто совершилъ его.

— Вы настаиваете, слѣдовательно, на личной безотвѣтственности преступниковъ и на безсмысліи судебнаго преслѣдованія? Вѣроятно, это очень понравилось бы всѣмъ преступникамъ.

— Преслѣдованіе я считаю необходимымъ, но думаю, что милосердіе вноситъ въ него необходимую поправку.

— Я попросилъ бы предсѣдателя,—вмѣшался прокуроръ,— предоставить господину Витрюву развить передъ нами свою оригинальную теорію въ надеждѣ, что присяжные засѣдатели оцѣнятъ ее по достоинству.

— Я присоединяюсь къ просьбѣ господина прокурора,—поспѣшно заявилъ Гренъ.—Роль идей занимаетъ не послѣднее мѣсто въ этомъ дѣлѣ.

— Хотите ли вы, господинъ Витрювъ, нѣсколько развить ваше мнѣніе о Марсели Кальдъ?—спросилъ предсѣдатель.

— Я думаю,—заговорилъ Витрювъ,—что женщина, чье назначеніе состоитъ, главнымъ образомъ, въ увѣковѣченіи соціальнаго типа, въ высшей степени испытываетъ на себѣ давленіе господствующаго въ обществѣ духа. Лживость Марсели Кальдъ въ каждой чертѣ своей соотвѣтствуетъ всеобщей лжи, какой пропитано наше общество. Кажущійся высокій уровень ея развитія основанъ на томъ, что она усвоила нѣсколько чисто внѣшнихъ, поверхностныхъ штриховъ цивилизаціи. Животное въ ней далеко не покорено крѣпко обоснованными нравственными мотивами высшаго существа. Оно свободно и лишь слегка опутано хрупкой сѣтью плохо понятыхъ ею самой прописныхъ правилъ. Для нея важно только, чтобы была соблюдена видимость поступковъ, какая требуется общественнымъ мнѣніемъ. У Марсели Кальдъ нѣтъ души въ томъ смыслѣ, въ какомъ должно употребляться это слово, въ ней нѣтъ личности, способной дать отпоръ окружающей средѣ и воспринять высшія моральныя вліянія. Она подчинялась тѣмъ же импульсамъ, которыми движется все общество отъ самыхъ верховъ его до подонковъ, гдѣ эти пружины замѣтнѣе лишь потому, что онѣ плохо замаскированы и доводятъ людей до скамьи подсудимыхъ. Марсель Кальдъ хотѣла, подобно тому, какъ это дѣлаютъ министры, судьи, академики, генералы, добиться своихъ цѣлей съ помощью низменныхъ средствъ, освященныхъ обычаемъ, съ тою разницей, что одни добиваются своего, пуская въ ходъ ордена, титулы, цвѣты краснорѣчія, она же пускала въ ходъ, главнымъ образомъ, свои кружевныя юбки.

— Милостивый государь,—воскликнулъ предсѣдатель искренно огорченный,—вы превысили, наконецъ, всякую мѣру. Я не могу допустить больше подобныхъ словъ, оскорбляющихъ все, что люди привыкли считать священнымъ. Мнѣ хотѣлось бы думать, что вы уже сожалѣете о вырвавшихся у васъ словахъ.

— Я сожалѣю лишь о томъ, что слова мои доставили вамъ непріятность.

— Господа присяжные припомнятъ впослѣдствіи эту рѣчь,—

зловѣще произнесъ прокуроръ.—И поймутъ, можетъ быть, что не однихъ представителей власти громитъ, такимъ образомъ, профессоръ Витрювъ.

— Инцидентъ исчерпанъ,—сказалъ предсѣдатель.— M-r Витрювъ можетъ удалиться. Пусть введутъ слѣдующаго свидѣтеля.

Вошла лавочница m-me Вагуа, которая дала показанія въ пользу обоихъ друзей. Затѣмъ вошли слуги Дерива.

Августъ путался въ показаніяхъ до того, что Каннъ долженъ былъ поставить ему это на видъ. Онъ утверждалъ, что выслѣдилъ связь своего господина съ Марселью Кальдъ уже давно, что засталъ ихъ въ глубинѣ парка въ интимной сценѣ въ самомъ началѣ ихъ знакомства. Горничная подтвердила показанія лакея. M-me Констанъ опровергала ихъ, но горничная приводила такія доказательства, которыя даются обыкновенно при закрытыхъ дверяхъ.

Когда выступилъ со своими показаніями Аргу, понъ-де-люзцы встрѣтили его шопотомъ одобренія. Нѣсколько разъ его прерывали дружными рукоплесканіями. Онъ громилъ Дерива и особенно профессора со всѣмъ пыломъ оскорбленнаго стража добродѣтели. Восхвалялъ покойнаго друга своего, Кальда, разсказалъ по совѣту Грена попытку Дерива обольстить Адель Фюзэнъ.

„Но мать дѣвушки, святая женщина, неусыпно бодрствовала надъ доброй нравственностью своей дочери и разрушила во́-время козни гнуснаго соблазнителя“, съ благородной дрожью въ голосѣ закончилъ онъ свою длинную рѣчь.

За этимъ послѣдовали показанія медицинской экспертизы, изслѣдовавшей вырытые изъ земли останки всѣхъ трехъ жертвъ Марсели. Во всѣхъ трупахъ констатировано было присутствіе мышьяковистыхъ препаратовъ.

Спрошены были доктора-гинекологи относительно результатовъ осмотра подсудимой.

Они заявили, что, какъ женщина, подсудимая отличается превосходнымъ здоровьемъ и въ органическомъ строеніи ея нѣтъ никакихъ уклоненій отъ нормы.

Ничто на этомъ длинномъ скорбномъ пути не сказало Дериву такъ ясно о его исключеніи изъ міра живыхъ людей, какъ это безстыдное упоминаніе предъ многочисленной толпой объ органахъ женщины, символизировавшей для него самую чистую и великую любовь.

Даже Марсель не выдержала въ эту минуту своей живописной горделивой недвижности. Она вздрогнула, и лицо ея, вспыхнувъ, исказилось страдальческой гримасой.

Деривъ, чувствовавшій себя уничтоженнымъ, раздавленнымъ въ конецъ, не смѣлъ поднять глаза ни на подругу по несчастію, сидѣвшую рядомъ съ нимъ, ни на судей, ни на публику. Ему казалось, что въ людяхъ погасла послѣдняя искра человѣчности.

Наступалъ вечеръ. Въ залѣ вспыхнули газовые рожки, а передъ судьями и защитниками поставили керосиновыя лампы и свѣчи. Эта жизненная подробность больно уязвила Дерива. Она говорила о жизни, изъ которой онъ былъ изгнанъ, и эта жизнь неизмѣнностью своихъ повседневныхъ маленькихъ событій какъ будто насмѣхалась надъ нимъ. Нетерпѣливая жажда послушать до конца эту драму, героемъ которой былъ онъ самъ, овладѣла имъ до тоски, и въ то же время ему стало уже почти все равно, каковъ бы этотъ конецъ ни оказался.

Предсѣдатель, руководясь общимъ желаніемъ суда, рѣшилъ закончить дѣло въ теченіе одного дня. Объявивъ объ этомъ публикѣ, онъ предоставилъ слово прокурору. Тотъ высказался за достаточность данныхъ для обвиненія Марсели во всемъ характерѣ ея поведенія. Обвиненіе Дерива онъ обосновывалъ на фактѣ исчезновенія аконита. Относительно мышьяка, найденнаго въ трупахъ, онъ высказалъ сожалѣніе, что нельзя установить, откуда достала его подсудимая.

Когда онъ кончилъ, слово было дано адвокату Грену. Онъ всталъ и голосомъ, полнымъ драматическаго негодованія, началъ свою рѣчь:

— Господа присяжные засѣдатели! Когда весною въ прошломъ году я присутствовалъ на оживленномъ празднествѣ въ домѣ Кальдовъ, какъ далека была эта страшная дѣйствительность сегодняшняго дня, какъ даже отдаленно нельзя было вообразить, что эту женщину, молодую, прекрасную, полную чарующей граціи, ума, остроумія, доброты и мягкости, будутъ обвинять въ столь ужасныхъ преступленіяхъ.

— Coelo tonantem credidimus Jovem,—сказалъ Горацій.

Мнѣ трудно было повѣрить своимъ глазамъ, когда я увидѣлъ за рѣшоткой тюрьмы Марсель Кальдъ. Но если бы въ самый день прошлогодняго празднества, о которомъ я упоминалъ, когда она блистала между нами, какъ царица красоты и молодости, я сумѣлъ прямо поглядѣть въ глаза ужасной очевидности, я понялъ бы, что въ рай этой царицы уже вползъ змій искуситель и что недалеко то время, когда онъ увлечетъ ее въ бездну позора и отчаянія. Я видѣлъ подсудимаго въ этотъ день среди другихъ гостей, видѣлъ, какъ онъ своей низкой страстью преслѣдуетъ эту

очаровательную, но слабую женщину. Склоняя ее къ преступной связи, кто знаетъ, не предначерталъ ли онъ уже мысленно тѣхъ преступленій, черезъ какія заставилъ потомъ пройти ее? Я настаиваю, на основаніи словъ самого Дерива, что преступленіе, совершонное подъ вліяніемъ страсти, кажется ему заслуживающимъ всяческаго снисхожденія, быть можетъ, въ его глазахъ является даже не преступленіемъ, а просто неизбѣжнымъ, роковымъ концомъ драмы, созданной совокупностью обстоятельствъ.

Настоящій убійца старой m-me Кальдъ, Аделаиды Паки и Теодора Кальда думаетъ уклониться отъ возмездія за баррикадами діалектики, на высотѣ своего несуществующаго величія, поддерживаемый подозрительно преданными друзьями и ихъ философскими и политическими теоріями. Но предсказываю ему, что онъ ошибется въ расчетѣ и проиграетъ эту игру. Здравый инстинктъ массъ недаромъ поднялся дружнымъ ропотомъ противъ него съ перваго дня послѣ преступленія.

И достаточно будетъ скромныхъ усилій безызвѣстнаго провинціальнаго адвоката, дебютанта, воодушевленнаго лишь однимъ желаніемъ внести свѣтъ правды въ темныя ухищренія людей, старающихся затемнить это дѣло, чтобы правда восторжествовала.

Прежде всего, милостивые государи, не будемъ скрывать отъ себя, что передъ нами не простой уголовный процессъ. Здѣсь борются крупные общественные элементы, и борьба ихъ является фактомъ огромной соціальной важности. Всѣ злобныя разрушительныя силы, стремящіяся подорвать основы нашего общества, служатъ могучей поддержкой обвиняемаго, защита его—защита соціализма и анархіи.

Именно потому я и счелъ своимъ долгомъ взяться за это дѣло, что хорошо знаю его подкладку. Я одинъ сумѣю разобраться, что̀ можно отнести въ немъ къ человѣческой слабости, что̀ къ нечеловѣческой гордости подсудимаго и группы стоящихъ за нимъ лицъ.

Близкій свидѣтель жизни Дерива, я наблюдалъ въ ней событія, значеніе которыхъ для меня выяснилось лишь теперь, слышалъ слова, смыслъ которыхъ оцѣнилъ лишь теперь, когда увидѣлъ его на скамьѣ подсудимыхъ.

Когда же ко мнѣ явились съ просьбой взять на себя защиту Марсели Кальдъ и я увидѣлъ въ скорбномъ, недоумѣвающемъ взглядѣ этой жертвы Дерива мольбу помочь ей разобраться въ томъ, что она сама въ себѣ не понимала, я не счелъ себя въ правѣ уклониться отъ этого.

Здѣсь только что нарисовали намъ портретъ Марсели Кальдъ

съ такимъ искусствомъ, которое дѣлаетъ честь художнику. Но, къ сожалѣнію, краски этого портрета слишкомъ сгущены, и для возстановленія истины намъ придется имѣть дѣло съ менѣе грандіознымъ, но зато, вѣроятно, и менѣе ужаснымъ женскимъ образомъ.

Начать съ того, что изъ монастыря Марсель Кальдъ вышла не готовой ко всѣмъ порокамъ, нравственно извращенной и жаждущей одной роскоши и блеска дѣвушкой, какъ это могло показаться послѣ обвинительной рѣчи прокурора. Мы слышали здѣсь свидѣтельства сестеръ, воспитывавшихъ ее, что она была вполнѣ невиннымъ ребенкомъ въ пятнадцать лѣтъ, добрымъ, послушнымъ, умнымъ и способнымъ. Нелѣпыя обвиненія подругъ въ жестокости также слишкомъ явно свелись къ неосторожности или дѣтской шалости.

Прокуратура все время старалась доказать, что обвиняемая—прирожденная преступница, что, несмотря на прекрасное воспитаніе и на дальнѣйшія превосходныя условія жизни, она тянулась къ разврату, ко лжи и наконецъ къ убійству. Медицинская экспертиза выяснила между тѣмъ, что обвиняемая не представляетъ никакихъ уклоненій отъ нормы. Но она недостаточно подчеркнула, что передъ нею было существо со слабой волей и съ высшей степенью внушаемости.

Когда она выходитъ замужъ за Теодора Кальда, мы видимъ, что она заражается его снобизмомъ, которымъ несомнѣнно страдалъ въ большой степени этотъ превосходный человѣкъ. Онъ всегда боялся отстать отъ вѣка во всѣхъ вопросахъ вкуса и моды, и не удивительно, что молодая женщина, недавно вышедшая изъ аристократическаго пансіона, гдѣ она все время страдала отъ матеріальнаго неравенства со своими подругами, всецѣло раздѣлила увлеченіе мужа модой и внѣшностью.

У меня въ рукахъ находятся сейчасъ письма покойнаго Кальда къ женѣ. Ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ни единаго упрека въ расточительности. И у насъ нѣтъ основанія предполагать, что денежныя затрудненія Кальда не происходили главнымъ образомъ отъ его собственной расточительности. Я позволю себѣ привести вамъ выдержки изъ двухъ его писемъ. Первое изъ нихъ относится къ тому времени, когда Теодоръ Кальдъ былъ еще женихомъ Марсели:

„Дорогая Марсель, какъ я счастливъ послѣ вчерашняго дня! Наконецъ-то я нашелъ въ Понъ-де-Люзѣ существо, способное раздѣлить мои вкусы. Я радъ, что вы любите Аннунціо такъ же, какъ я его люблю. Еще мнѣ хочется прибавить, что вы были вчера

очень красивы. У васъ много прирожденнаго вкуса, который, конечно, нуждается въ развитіи, и я надѣюсь, что когда мы женимся, вы превратитесь въ королеву изящества. Меня много упрекають въ томъ, что я слишкомъ придаю значеніе внѣшности, что я люблю платья, сшитыя у лучшихъ портныхъ, картины лучшихъ мастеровъ, книги, безупречныя по формѣ. И я сознаюсь, что дѣйствительно люблю все это и что мнѣ кажется, что я не рожденъ для участи чиновника, что у меня душа артиста. Съ вами, моя дорогая Марсель, у меня нѣтъ страха остаться непонятымъ".

Изъ этого письма вы видите сами, что Теодоръ Кальдъ до свадьбы не находилъ избранницу своего сердца достаточно элегантной. Онъ сознательно собирался привить ей свои вкусы, свои привычки къ роскоши, свою погоню за модой. И черезъ годъ послѣ свадьбы мы видимъ уже, что онъ достигъ своей цѣли. Я позволю себѣ прочесть выдержку изъ второго письма:

„Дорогая моя, какъ ты была прекрасна на вечерѣ у Г.! Какое изумительное платье! Я думаю, что одѣваться можно только у Раканъ. Фасонъ былъ безукоризненъ и краски подобраны съ необыкновеннымъ вкусомъ. Надѣюсь, ты примешь приглашеніе m-me Дори на слѣдующей недѣлѣ. Пусть поблѣднѣютъ отъ зависти при видѣ твоего туалета. Это будетъ маленькое мщеніе за тѣ унизительныя минуты, какія намъ пришлось пережить недавно. Постараемся, дорогая, забыть ихъ"...

Въ этомъ письмѣ намъ невольно бросается въ глаза, что мужъ, который настолько старше жены, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы она заплатила цѣною униженія за элегантное платье.

Что же касается до того униженія, о которомъ упоминается въ письмѣ, оно состояло въ слѣдующемъ. Марсель Кальдъ и въ тѣ годы, какъ и теперь, отличалась выдающейся красотой. Одинъ знаменитый портной предложилъ молодой женщинѣ за четверть цѣны сдѣлать великолѣпное вечернее платье, послѣдній крикъ роскоши и моды, съ тѣмъ, чтобы она нашла случай показаться въ немъ нѣсколькимъ богатымъ американкамъ. Это одинъ изъ видовъ рекламы, съ помощью какихъ привлекаются новые кліенты знаменитаго портного. Мужъ находитъ, что это небольшое униженіе и, можетъ быть, въ глубинѣ души онъ даже польщенъ этимъ, какъ торжествомъ красоты своей жены. Не будемъ строго судить покойнаго Кальда. Но не будемъ также послѣ этого утверждать, что жена толкала его на разорительный путь погони за модой и успѣхомъ. Теодоръ Кальдъ зналъ силу красоты своей жены. Мы видимъ ихъ обоихъ среди легкихъ нравовъ парижскаго общества, гдѣ каждый наступающій день стираетъ безъ слѣда то, что было

наканунѣ, гдѣ жизнь лихорадочно пульсируетъ и гдѣ все въ ней цѣнится по внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Моральные устои, привезенные Кальдомъ изъ провинціи, легко могли потерпѣть здѣсь крушеніе. Я хочу прочесть вамъ сейчасъ третье письмо Кальда. Въ то время, когда онъ писалъ его, они переселились уже въ провинцію, но поддерживали столичный образъ жизни, съ парижской роскошью, съ неустанной погоней за малѣйшими измѣненіями, за модой. Вотъ что пишетъ онъ женѣ изъ Парижа:

„Моя обожаемая Марсель, я очень огорченъ тѣмъ, что не могъ получить сразу деньги для уплаты X. Съ большимъ трудомъ мнѣ пришлось возобновить вексель. Я уже думалъ о томъ, чтобы занять эту сумму у Нуартье—онъ всегда былъ къ тебѣ неравнодушенъ. Но потомъ я удержался отъ этого. Не по излишней щепетильности—ты знаешь мои взгляды на это. Для меня все, что ты дѣлаешь, всегда будетъ прекрасно. И Богъ знаетъ, какъ я былъ тебѣ благодаренъ за погашеніе этого несноснаго долга у Z. Съ какой ловкостью ты дѣйствовала. Когда я останавливаюсь на этомъ мыслью, я ревную тебя, но ревность моя успокаивается, когда я думаю о томъ, что это съ твоей стороны лишь тяжелая жертва. Я жалѣю тебя, жалѣю насъ обоихъ, но вѣдь неправда ли, несмотря на всю грязь жизни, черезъ какую намъ приходится проходить, твоя красота, твое сердце, твой умъ въ концѣ-концовъ принадлежатъ мнѣ одному? И можно ли считать насъ виновными? Развѣ всѣ мы, люди, не во власти Рока, управляющаго нами? Мы съ тобой слишкомъ любимъ все прекрасное, все изящное, все великое, и это наша единственная вина. Ангелъ мой, обнимаю тебя, поцѣлуями стираю позоръ съ твоихъ устъ, прошу у тебя прощенія“...

Вѣрите ли вы мнѣ, что когда я читалъ это письмо, я самъ въ тѣ минуты подпалъ подъ власть его убѣжденнаго тона. И не отразилась ли въ немъ, какъ въ зеркалѣ, болѣзнь нашей эпохи, эта невѣроятная хрупкость морали, эта дерзость, съ какой низвергаются ея вѣковѣчные устои въ наше время и устанавливается, какъ единственная мѣра вещей, благо нашего Я. Попавшій въ потокъ этихъ модныхъ въ наше время идей Теодоръ Кальдъ былъ унесенъ имъ до того рубежа, гдѣ уже самъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до положенія мужа, эксплоатирующаго красоту своей жены, и жена не замѣтила, какъ стала женщиной легкихъ нравовъ. Я не хочу сказать, что это произошло безъ протеста, безъ гнѣва и слезъ. Навѣрное все это было и съ той, и съ другой стороны, но фактъ остается фактомъ, что супруги пришли къ тому положенію дѣлъ, какое чувствуется въ послѣднемъ письмѣ.

Туалеты жены, о которыхъ такъ заботился мужъ, вызывали зависть и восхищеніе. То, чѣмъ они оплачивались, оставалось въ тѣни, у посвященныхъ же въ эту тайну вызывало скорѣе сочувствіе, изрѣдка улыбку, и никогда ни одного взрыва честнаго негодованія или презрѣнія. Мнѣ понятенъ гнѣвный ропотъ публики, въ особенности друзей Кальда. Но если кому-нибудь кажется, что въ моей характеристикѣ покойнаго Кальда есть какое-либо преувеличеніе, пусть дозволятъ мнѣ прочесть слѣдующее письмо.

„Моя обожаемая Марсель, судебный приставъ, который былъ у насъ вчера, возвратится черезъ нѣсколько дней. Подумай, какой ужасъ, какой позоръ! Мнѣ безконечно жаль тебя, я знаю, что Ляблакъ тебѣ противенъ, но я знаю также, что для тебя онъ сдѣлаетъ то, чего никогда не сдѣлаетъ для меня. Въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ съ этой просьбой.—Подумай о томъ позорѣ, когда на глазахъ у всѣхъ насъ выгонятъ изъ нашей квартиры, потомъ продадутъ нашу мебель. Всю нашу судьбу ты держишь теперь въ твоихъ прелестныхъ лапкахъ, которыя я хотѣлъ бы безъ конца цѣловать вмѣсто того, чтобы уступить ихъ грязнымъ поцѣлуямъ Ляблака“.

Можетъ быть, это письмо убѣдило уже почтенныхъ слушателей, что я въ моей рѣчи не сгущалъ краски для характеристики отношеній Теодора Кальда къ его женѣ. Но вотъ еще совсѣмъ краткія, но краснорѣчивыя строчки:

„Моя возлюбленная, Нуартье придетъ завтра въ то время, какъ меня не будетъ дома. Въ министерствѣ у него обширныя связи“...

Въ настоящей моей рѣчи я задался цѣлью выяснить передъ вами, что, во-первыхъ, Марсель Кальдъ не является отъ рожденія преступной натурой и что монастырское воспитаніе не могло испортить ее и, во-вторыхъ, что не она совратила съ пути истиннаго покойнаго Кальда. Я оставляю на вашей совѣсти вопросъ, не была ли она сама совращена Кальдомъ, человѣкомъ гораздо болѣе опытнымъ, чѣмъ была она, когда только сошла съ пансіонской скамьи.

Припомнимъ слова поэта:

О чаша свѣтлая, прозрачнѣйшій хрусталь!
Любовникъ твой вольетъ въ тебя вино какое—
Пурпурно-красное иль нѣжно-золотое?

Такой кристально-чистой чашей была Марсель Тарнъ по выходѣ изъ пансіона. Если бы она встрѣтила вмѣсто Теодора Кальда стойкаго и мужественнаго человѣка или просто человѣка богатаго, которому не приходилось бы бороться за положеніе свое въ

обществѣ, она и осталась бы такой чистой до конца. Съ ея слабой волей, легко поддающейся всякому внушенію, она несомнѣнно подчинилась бы всякой сильной мужской волѣ. И тогда ея брачный союзъ остался бы святымъ и не оскверненнымъ. Въ глубинѣ женской натуры таится неискоренимая склонность къ подчиненію, такая же сильная, какъ инстинктъ любви.

Марсель Кальдъ представляетъ собою болѣе сложный и тонкій инструментъ, чѣмъ другія женщины, и я понимаю, что Теодоръ Кальдъ искренно преклонялся передъ утонченностью ея ума и чувства. Эгоистъ и дилетантъ, занятый поисками новыхъ ощущеній, онъ сразу понялъ, сколько наслажденій можетъ принести близость такой женщины.

Но и при всей развитости душевнаго міра Марсели Кальдъ у нея не могло быть иной морали, кромѣ морали ея мужа и позже ея любовника. Любовникъ въ сущности у нея былъ только одинъ— Андре Деривъ. Всѣ другіе были приведены къ ней ея собственнымъ мужемъ. До встрѣчи же съ Деривомъ она любила только мужа, и ей не приходило въ голову критиковать его поступки.

Теперь передо мной лежитъ послѣдняя и самая важная часть моей задачи. Я постараюсь разыскать въ густомъ мракѣ, окутывающемъ этотъ процессъ, руку, направлявшую это преступленіе. Нужно сознаться, что мы имѣемъ дѣло съ очень ловкими людьми. Тѣмъ не менѣе мы постараемся найти руководящую нить, для того, чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ. Главными документами въ этомъ случаѣ являются письма Андре Дерива. Васъ, можетъ быть, удивитъ, что письма эти очень немногочисленны, но это происходитъ оттого, что Марсель Кальдъ и Деривъ разлучались всего одинъ только разъ, когда подсудимая уѣзжала въ Баньеръ. Марсель писала Дериву изъ Баньера очень длинныя письма. Онъ уничтожилъ ихъ. Я очень сожалѣю объ этомъ. Въ этихъ письмахъ навѣрное были слѣды борьбы, которую она тогда переживала. Изъ ея признаній я знаю, что она намѣревалась тогда порвать эту связь. Но страсть, овладѣвшая ею, была сильнѣе ея воли. Послѣ того письма, которое здѣсь читалось, гдѣ онъ говоритъ съ Марселью, какъ съ женщиной, которая ему никогда не принадлежала, мы вдругъ встрѣчаемъ въ его послѣдующемъ письмѣ такое выраженіе:

„...Дорогой другъ, я отдаю вамъ мою жизнь и взамѣнъ хочу только одного, чтобы вы были счастливы и свободны“.

Не будемъ говорить о словѣ „счастливы“—у него могутъ быть разные оттѣнки, но что можетъ значить въ данномъ случаѣ слово „свободны“? Марсель Кальдъ не могла быть свободной, пока жилъ

ея мужъ Теодоръ Кальдъ. И не ясно ли теперь, что этой фразой Деривъ призывалъ жену своего друга вырваться на свободу такимъ путемъ, на какой она и рѣшилась подъ его вліяніемъ.

Тутъ рѣчь Грена была прервана гнѣвнымъ восклицаніемъ Дерива:

— М-г Гренъ, вы—низкій клеветникъ!

Публика при этихъ словахъ такъ сильно заволновалась, что многіе встали съ своихъ мѣстъ. Деривъ сидѣлъ блѣдный, съ гордымъ презрѣніемъ встрѣчая устремленные на него враждебные взоры. Нѣкоторыя дамы въ своемъ яростномъ возбужденіи дошли до того, что принялись бросать въ него фруктами, коробками изъ-подъ конфетъ. Предсѣдатель снова пригрозилъ публикѣ приказомъ очистить залъ. Послѣ этого водворилась тишина, и предсѣдатель обратился къ Дериву съ слѣдующими словами:

— Вы сильно вредите себѣ вашей выходкой, Деривъ. Я прошу васъ не мѣшать г-ну Грену развивать его аргументацію.

— Это не аргументація, а сплошное инсинуированіе,—съ дрожью въ голосѣ воскликнулъ Деривъ.

— Вы знаете законы,—строго остановилъ его предсѣдатель, и я призываю васъ къ уваженію ихъ.—Вы не должны прерывать адвоката m-me Кальдъ. Продолжайте вашу рѣчь, maître Гренъ.

— Я ничуть не удивленъ тѣмъ, что моя рѣчь была прервана такимъ замѣчаніемъ,—началъ саркастически Гренъ.—Тѣмъ не менѣе для меня попрежнему остается яснымъ, что свобода Марсели Кальдъ могла быть получена только цѣною смерти ея мужа и свекрови.

— Я говорилъ не объ этой свободѣ,—снова раздался голосъ Дерива, прерванный настоятельнымъ призывомъ къ молчанію со стороны предсѣдателя.

— Опять-таки я ничуть не удивляюсь и не сержусь, что слова мои задѣваютъ подсудимаго за живое. Настаиваю, что Дериву нужна была свобода Марсели Кальдъ. Если нужны новыя доказательства—вотъ еще строка изъ его письма:

„Любить васъ, какъ я люблю, это слишкомъ мало. И любовь моя не будетъ заслуживать этого имени, пока какою бы то ни было цѣною я не сумѣю принести вамъ окончательное успокоеніе“.

Обратили ли мои слушатели достаточное вниманіе на слово „окончательное“? Деривъ пишетъ литературнымъ слогомъ, онъ умѣетъ выбирать выраженія, и что другое могутъ значить слова „окончательное успокоеніе“, какъ не покой могилы, гдѣ спитъ теперь Теодоръ Кальдъ?

Послѣ этого, замѣтьте, онъ прибавляетъ: „какою бы то ни было цѣною“. Эти слова освѣщаютъ всѣ тайныя пружины дальнѣйшихъ событій. Криминалисты знаютъ, что въ преступникѣ всегда скрывается маньякъ. Какъ бы ловокъ и сдержанъ ни былъ человѣкъ, одержимый преступнымъ желаніемъ, всегда бываетъ такъ, что одержимость его рано или поздно скажется неосторожнымъ словомъ въ разговорѣ или въ письмѣ. Когда у Дерива вырвались слова: „какою бы то ни было цѣною“, онъ зналъ уже, что это будетъ цѣна трехъ жизней.

Марсель была въ это время въ томъ состояніи сознанія, когда исключена всякая возможность размышленія и критики. Тѣло и душа ея уже всецѣло принадлежали этому человѣку, который подѣлился съ ней своимъ ужаснымъ замысломъ. Что же касается до другого письма, которымъ его друзья старались здѣсь обѣлить Дерива—неестественность этого призыва къ добродѣтели, когда легче всего было совсѣмъ не писать, разъ онъ рѣшился на разрывъ, сама говоритъ за себя Но несомнѣнно, что за этимъ добродѣтельнымъ письмомъ кроется адскій умыселъ. Онъ еще больше оттѣняется тѣмъ фактомъ предусмотрительнаго спасенія письма—одного изъ цѣлой связки сожженныхъ писемъ Марсели—письма, спасеннаго профессоромъ Витрювомъ, благопріятнаго для обвиняемаго и сваливающаго всю тяжесть вины на женщину, которую онъ самъ толкнулъ въ пропасть.

Это поступокъ, вполнѣ объяснимый человѣческой слабостью. Но одного я не понимаю, обвиняемый Деривъ, это вашей ненависти къ женщинѣ, которая, какъ бы то ни было, любила васъ, принадлежала вамъ не только тѣломъ, но и душою вплоть до того, что стала послушнымъ орудіемъ вашей воли.

Другой выводъ, какой можно сдѣлать изъ настоящаго письма—это необычайная ловкость лицъ, подготовлявшихъ драму. Изъ всѣхъ истребленныхъ писемъ уцѣлѣваетъ только одно—именно такое, которое можетъ свидѣтельствовать въ пользу Дерива. Для Теодора Кальда заготовлено два яда—мышьякъ и аконитъ. Слѣды мышьяка обнаружены въ домѣ,—флаконъ съ аконитомъ исчезаетъ безслѣдно. Въ ночь, когда Марсель сидитъ у изголовья умирающаго мужа, Деривъ, другъ семьи, постоянно проводившій тамъ цѣлые часы, на этотъ разъ не ѣдетъ самъ навѣстить Кальда, а посылаетъ съ этой цѣлью пріятеля своего, Витрюва. Все время въ подготовительномъ процессѣ преступленія мы наблюдаемъ этотъ искусный маневръ руки, желающей скрыть свое участіе въ этомъ дѣлѣ.

Теперь я постараюсь выяснить, насколько это орудіе въ умѣ-

лыхъ рукахъ могло оказаться пригоднымъ въ исполненіи какого угодно преступнаго плана. Дѣло въ томъ, что мы не должны забывать о томъ, что Марсель Кальдъ является субъектомъ, въ высшей степени поддающимся внушенію. Ея горничная такъ разсказываетъ объ этомъ:

— Иногда барыня очень пугала меня. Она смотрѣла во всѣ глаза, но не узнавала меня. Бродила изъ комнаты въ комнату со свѣчой въ рукѣ, не отвѣчала на вопросы. Бывало и такъ, что она долго сидѣла безъ движенія, уставившись въ одну точку.

Я трепещу при мысли о томъ, сколько разъ эта женщина могла безсознательно подчиниться грубымъ желаніямъ преслѣдовавшихъ ее мужчинъ, которые такъ и оставались въ невѣдѣніи, что обладали лишь тѣломъ безъ всякаго участія ея души. Но этимъ свойствомъ бѣдной женщины превращаться по временамъ въ сомнамбулу никто не злоупотребилъ такимъ чудовищнымъ образомъ, какъ тотъ единственный человѣкъ, котораго она любила, Андрэ Деривъ. На почвѣ этого свойства своей несчастной жертвы онъ воздвигъ цѣлый маккіавелевскій планъ, въ которомъ помогали ему еще болѣе умѣлыя, болѣе злодѣйскія по существу своему силы.

Это все, что я могъ сказать здѣсь для раскрытія истины. Мнѣ осталось прибавить нѣсколько словъ для судей. Передъ вами, господа присяжные засѣдатели, молодое и прекрасное созданіе, жертва своей молодости и красоты. Если бы Марсель не встрѣтила на пути своемъ Дерива, она продолжала бы царить въ обществѣ, была бы счастливой и всѣми уважаемой женщиной, несмотря на нѣкоторыя тѣни своей жизни. Но въ эту жизнь входитъ мужчина и, воспользовавшись ея болѣзненной внушаемостью, заставляетъ ее совершить рядъ ужасныхъ поступковъ, о которыхъ она даже не помнитъ. Гдѣ же тутъ виновный? Предлагаю подумать объ этомъ вамъ самимъ.

Марсель Кальдъ не можетъ быть признана невмѣняемой въ узкомъ смыслѣ этого слова, но она обречена по временамъ быть исполнительницей чужой воли, такъ какъ есть часы, которые легко подготовить и искусственнымъ способомъ, когда она совершенно теряетъ свою волю. Отсюда не вытекаетъ ли, что Марсель Кальдъ невиновна въ приписываемыхъ ей преступленіяхъ и что послѣднія нужно всецѣло отнести къ рукѣ, направлявшей ее.

Выбирайте же теперь сами между этой слабой женщиной, уже сраженной тѣмъ, что, какъ она узнала за это время, она была орудіемъ смерти трехъ близкихъ ей существъ, женщины плачущей и объ утратѣ ихъ и о злодѣйской низости человѣка, кото-

рому она такъ безгранично довѣряла, выбирайте между нею и этимъ человѣкомъ, который сидитъ съ гордо поднятой головой, съ сухими глазами, сохраняя полную ясность ума и чувствъ и не обнаруживая въ то же время ни одной искры раскаянія во всемъ совершонномъ имъ. Надѣюсь, что вы сумѣете сдѣлать выборъ.

Конецъ рѣчи Грена утонулъ въ бурныхъ оваціяхъ, долго не смолкавшихъ, несмотря на звонокъ предсѣдателя и призывы къ тишинѣ. Марсель плакала, закрывъ лицо руками, и въ публикѣ было видно, какъ вздрагиваютъ ея плечи отъ рыданій.

Адвокатъ Дерива Каннъ началъ свою рѣчь среди волненія публики, еще не справившейся съ впечатлѣніемъ отъ рѣчи Грена.

— Господа присяжные засѣдатели, здѣсь много говорили о вліяніи Дерива на Марсель Кальдъ. Но какъ примирить тогда это вліяніе съ этими чертами слабой, глубокой и робкой натуры, которая помѣшала Дериву стать любовникомъ этой женщины, которая далеко не отличалась неприступной добродѣтелью.

Нужно прійти, наконецъ, къ тому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло вовсе не съ опытнымъ, неотразимымъ соблазнителемъ, парижскимъ Донъ-Жуаномъ, которому ничего не стоитъ побѣдить любую провинціальную красавицу. Въ лицѣ подсудимаго мы видимъ типичный образъ робкаго любовника, способнаго безмолвно вздыхать въ отдаленіи, долго не смѣющаго приблизиться къ предмету своей страсти, всецѣло подпадающаго подъ вліяніе любимой женщины.

Письмо, которое было прочтено здѣсь, въ высшей степени характерно для моего кліента.

Въ интересахъ моей защиты я долженъ буду добавить здѣсь нѣсколько штриховъ къ портрету Марсели Кальдъ, нарисованному моимъ противникомъ. Я очень хотѣлъ бы не ограничиваться только этими слабыми штрихами—и для этого у меня достаточно данныхъ: но я далъ слово моему кліенту съ возможною бережностью касаться репутаціи этой женщины, которую онъ такъ любилъ.

Медицинская экспертиза установила, что въ подсудимой не нашлось никакихъ признаковъ вырожденія и невроза. Тѣмъ не менѣе maître Гренъ силился доказать, что она является субъектомъ съ сильно повышенной внушаемостью, въ силу чего Дериву и оказалось будто бы возможно злоупотребить своимъ вліяніемъ на нее въ такой степени, что она совершила, сама не зная для чего и какъ, три отравленія. Обвинительный же актъ разсматривалъ ее просто, какъ легкомысленную женщину, обуреваемую жаждой роскоши и наслажденій и ради этого готовой на все.

Я думаю, что всѣ эти мнѣнія несутъ въ себѣ долю правды. Но главная правда, по-моему, лежитъ въ другомъ.

Припомнимъ слова профессора Витрюва:

— Марсель Кальдъ—ложь, находящаяся въ полномъ соотвѣтствіи съ общественной ложью.

И я настаиваю на томъ, что Марсель Кальдъ прежде всего—ложь, ложь по отношенію къ своему мужу, къ свѣту и къ любовнику.

Часто такою именно ложью характеризуется истерія, но дни этого медицинскаго термина въ томъ значеніи, которое до сихъ поръ ему придавалось, сочтены. Сложность человѣческихъ типовъ не вмѣщается въ это слово. Тайна женской натуры оказывается не столь простой, чтобы ее можно было цѣликомъ выводить изъ внѣшнихъ физіологическихъ признаковъ. И если правы тѣ, кто утверждаетъ, что въ сущности всѣ женщины истеричны, это уже означаетъ, что истерія не просто болѣзнь и не наслѣдственное предрасположеніе, а глубокое органическое свойство женской природы, вѣками выработанная форма самозащиты и нападенія. Современнаго человѣка въ его любви влекутъ къ женщинѣ именно эти стороны ея природы, которыя медицина называетъ истеріей—смѣна настроеній, слабость, тысячи причудъ, вѣроломство, часто не сознающее само себя. На этихъ именно свойствахъ Марсели Кальдъ зиждется разгадка ея неодолимаго очарованія для Дерива. На каждомъ шагу она окружала его атмосферой своего существа, убаюкивающей въ немъ высшую жизнь духа и пробуждающую простые инстинкты, жажду ощущеній и наслажденій.

И паденіе Дерива состоитъ не въ томъ, что онъ вступилъ въ связь съ этой женщиной, но въ томъ, что придалъ этой связи столь огромное значеніе.

Мнѣ вспомнились сейчасъ слова Витрюва о его другѣ:

— Сколько разъ,—говорилъ онъ,—я былъ на волосокъ отъ того, чтобы открыть глаза моему бѣдному другу. Но я самъ не предвидѣлъ тогда еще, что дѣло дойдетъ до преступленія, и безъ достаточныхъ причинъ не рѣшался вмѣшиваться въ его жизнь. Тѣмъ болѣе, что онъ могъ бы и не повѣрить мнѣ, какъ не повѣрилъ Лякаву, и это могло бы повести къ разрыву нашей дружбы, которой я такъ глубоко дорожилъ. Кромѣ того, я держусь того мнѣнія, что каждый долженъ выпить до дна свою чашу, и въ концѣ-концовъ эта любовь казалась мнѣ не болѣе опасной, чѣмъ любовь вообще.

— Если бы Деривъ поступалъ такъ, какъ всѣ другіе мужчины, имѣвшіе счастье добиться благосклонности m-me Кальдъ,

если бы онъ подобно имъ руководился однимъ эгоизмомъ, никогда бы онъ не попалъ на скамью подсудимыхъ. Но, къ сожалѣнію, онъ отдался своему чувству съ такой глубиной и страстью, на какія способны не многіе. Онъ долго боролся съ этимъ чувствомъ, бѣжалъ отъ счастья, насколько хватало человѣческихъ силъ, мечталъ навѣки отказаться отъ Марсели. Мы видимъ, что m-me Кальдъ какъ будто бы раздѣляетъ эти его настроенія. На самомъ же дѣлѣ у насъ есть доказательства, что она въ это же время почти открыто насмѣхалась надъ нимъ. Развѣ не отдавалась она другимъ мужчинамъ, разыгрывая сцены неприступной добродѣтели передъ довѣрчивымъ Деривомъ? Тутъ приходится опять говорить о сферѣ безсознательнаго, о томъ, что принято соединять съ терминомъ „истерія". И обманывала, и отдавалась она очень часто почти безъ расчета, и не по какой-нибудь исключительной чудовищной безнравственности, а лишь потому, что слѣпо, безъ всякаго отпора, повиновалась своимъ темнымъ инстинктамъ чувственности и лжи, и тѣмъ обстоятельствамъ, которыя толкали ее къ паденію.

Свою собственную жизнь она ощущаетъ только въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ. Ей во что бы то ни стало нужно производить впечатлѣніе красоты, развитости, образованности и добродѣтельности. Но, какъ уже говорилъ здѣсь Витрювъ, не таково ли породившее ее общество? Не нужна ли ему прежде всего также лишь видимость этихъ качествъ? Уважаетъ ли оно по-настоящему истинное благородство, истинную честность?

Марсель Кальдъ и ея исторія является живымъ символомъ общественнаго упадка. Мы находимъ въ ней всѣ стороны, которыя грозятъ опасностью нашему обществу: неумѣнье серьезно углубиться мыслью ни въ одно явленіе, отсутствіе вниманія, отсутствіе способности къ волевому усилію, скуку, жажду внѣшнихъ впечатлѣній.

Отсюда вытекаетъ праздное существованіе, главное содержаніе котораго заключается въ томъ, чтобы забавлять и забавляться, погоня за успѣхомъ, за немедленнымъ результатомъ всякаго дѣйствія, за легкими тріумфами, за наслажденіями, которыя не обязываютъ ни къ участію мысли, ни къ нравственной отвѣтственности. Господа присяжные засѣдатели простятъ мнѣ эту экскурсію въ область философіи,—но мои противники сами сдѣлали этотъ процессъ процессомъ идеи. И они правы въ томъ, что необходимо выяснить взгляды и мнѣнія человѣка раньше, чѣмъ судить ихъ на основаніи собственныхъ взглядовъ и мнѣній.

И теперь для насъ ясно, что во всемъ процессѣ нѣтъ ни

одного обстоятельства, которое можно было бы истолковать въ сторону обвиненія Дерива, если вы познакомитесь съ его нравственнымъ обликомъ и съ характеромъ его идей.

Мнѣ стыдно защищать Дерива отъ тѣхъ инсинуацій, какими заклеймили его парижскую жизнь. Его отношенія къ той актрисѣ, о которой здѣсь упоминалось какъ объ Омфалѣ, державшей его въ гибельномъ плѣну—были большой и чистой любовью, разбившейся не по его винѣ, а потому, что эта актриса вышла замужъ за очень богатаго человѣка въ то время, какъ Деривъ былъ почти бѣднякомъ. Когда она была уже замужемъ, онъ продолжалъ любить ее. Ему легко было бы снова появиться на горизонтѣ любимой женщины, смутить ея покой и склонить ее къ обману мужа,—но мы не видимъ ни одной подобной попытки. Онъ честно и рѣшительно порываетъ съ прошлымъ и безстрашно смотритъ въ неизвѣстность будущаго. А между тѣмъ въ этомъ будущемъ не намѣтилось еще ни одной свѣтлой точки—онъ совершенно одинокъ, бѣденъ. Дядюшка Барбанъ былъ тогда еще живъ и здоровъ, и наслѣдство его было гадательно.

Деривъ мужественно выносилъ свою суровую одинокую жизнь, полную лишеній, борьбы и труда. И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ добивается каѳедры въ Лиллѣ, дядюшка Барбанъ умираетъ. Такова исторія его жизни до появленія его въ Понъ-де-Люзѣ.

Утверждать, что такой человѣкъ, какъ онъ, могъ стать соучастникомъ отравленія, это значитъ совершенно не считаться ни съ его прошлымъ, ни съ его личными свойствами, ни съ уровнемъ его нравственнаго развитія. Не говоря уже о томъ, насколько безсмысленно было бы съ его стороны употреблять свое вліяніе на любимую женщину въ томъ направленіи, чтобы она совершила эти преступленія.

Защитнику Марсели Кальдъ понадобилось это утвержденіе лишь затѣмъ, чтобы снять главную тяжесть вины со своей кліентки. Но на дѣлѣ она вовсе не нуждалась въ такомъ внушеніи и подстрекательствѣ для отравленія, такъ какъ по предшествующимъ двумъ случаямъ—съ ея свекровью и теткой—мы видимъ, что она сама очень хорошо задумала и выполнила эти злодѣянія.

Когда старая m-me Кальдъ умерла, Деривъ не былъ еще любовникомъ Марсели, что мы видимъ изъ характера его писемъ, преданныхъ здѣсь гласности.

Maître Гренъ высказалъ здѣсь ничѣмъ не мотивированное мнѣніе, что въ письмѣ этомъ Деривъ преднамѣренно скрываетъ свои настоящія чувства, преднамѣренно маскируетъ истинный характеръ своихъ отношеній къ Марсели.

Изъ этого слабаго человѣка, который, по его же мнѣнію, не умѣлъ скрывать своихъ страстей, ни управлять ими, maître Гренъ неожиданно дѣлаетъ какого-то Кромвеля, легендарнаго героя сознательнаго лицемѣрія. Замѣтьте также, что человѣкъ этотъ, который такъ непостижимо хорошо умѣетъ составить лицемѣрное письмо, что даже получаетъ въ отвѣтъ на него признаніе Марсели, что она не была его любовницей, этотъ же самый человѣкъ, вступивъ въ связь съ любимой женщиной, вдругъ забываетъ всѣ прежнія адскія ухищренія и предосторожности, когда именно теперь-то имъ и слѣдовало бы усилиться въ интересахъ обоихъ любовниковъ!

Между тѣмъ ихъ связь становится скоро изъ-за его неосторожности баснею всего города. Неосторожность эту легко объяснить тѣмъ угаромъ страсти, который захватилъ Дерива въ первые дни обладанія такъ долго желаемой и такъ сильно и уже почти безнадежно любимой женщиной. Такого рода неосторожности многіе изъ насъ могутъ, вѣроятно, найти въ своемъ прошломъ, если пороются хорошенько въ своей памяти.

Мы должны перейти теперь къ загадочному исчезновенію аконита. Здѣсь старались доказать, что мой кліентъ самъ далъ его Марсели. Но у насъ есть свидѣтель, который можетъ доказать, что флаконъ этотъ взятъ безъ вѣдома Дерива.

Профессоръ Витрювъ хорошо описалъ эту сцену, когда Марсель, какъ бы машинально, опустила руку, зажавъ въ ладони флаконъ съ аконитомъ. Тогда онъ взялъ этотъ пузырекъ у нея изъ рукъ и заперъ его въ шкафъ вмѣстѣ съ другими ядами. Когда Витрювъ вечеромъ въ этотъ же день снова пришелъ въ „Тополя“, онъ сейчасъ же бросился къ шкафу провѣрить, на мѣстѣ ли всѣ пузырьки: флаконъ съ аконитомъ исчезъ. Профессоръ ни минуты не сомнѣвался, что его унесла Марсель. Нельзя утверждать, что она взяла его съ цѣлью употребить въ дѣло въ этотъ же вечеръ. Она вѣдь даже не знала о томъ, что Кальдъ такъ скоро вернется. Взяла она флаконъ съ аконитомъ на всякій случай, какъ раньше доставала мышьякъ, еще не зная навѣрное, какъ и когда воспользуется имъ.

Maître Гренъ придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что слѣды мышьяка открыты, слѣды же аконита исчезли. Онъ утверждаетъ, что тотъ, кто внушилъ Марсели ея злодѣянія, высказалъ здѣсь дьявольскую предусмотрительность, позаботившись о томъ, чтобы не осталось уликъ его участія. Но если мы всмотримся въ этотъ маккіавелевскій планъ, мы сразу поймемъ его наивность. Передъ нами одержимый страстью человѣкъ, готовый

на преступленія, чтобы овладѣть женщиной, которую онъ любитъ. Сама логика событій, казалось бы, требовала, чтобы онъ позаботился и объ этой женщинѣ. Вѣдь и самое-то преступленіе совершилось только изъ-за нея! Но вмѣсто этого, что же мы видимъ? Деривъ озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы не нашли флаконъ съ аконитомъ, о спасеніи же Марсели совершенно не думаетъ. Найдутъ или не найдутъ у нея мышьякъ—это для него все равно.

Мы видимъ, на какомъ пескѣ построено все зданіе обвиненія противъ Дерива. Сознательно разработавши весь планъ отравленія, Деривъ, руководимый къ тому же злымъ геніемъ, развращающимъ его своими теоріями, профессоромъ Витрювомъ, оба, какъ маленькія дѣти, совершенно не думаютъ о томъ, чтобы скрыть получше слѣды преступленія, и все время заботятся только о флаконѣ съ аконитомъ. Все въ этомъ сплетеніи обвиненія сшито бѣлыми нитками. Деривъ, убивши Кальда для того, чтобы взять себѣ его жену, не дѣлаетъ ни одного шага съ цѣлью спасти ее. Выходитъ, что онъ отравилъ Кальда какъ бы только для своего удовольствія. Вотъ къ чему приводятъ допущенія, основанныя на абсурдѣ.

Истина далека отъ того, что мы видимъ въ этихъ обвиненіяхъ. Деривъ, человѣкъ съ довѣрчивымъ и чистымъ сердцемъ, былъ обманутъ чарующей внѣшностью женщины, которая явилась на его пути, когда онъ былъ свободенъ, богатъ, вѣрилъ въ счастье и ждалъ его.

По глубокой деликатности и застѣнчивости своей натуры онъ даже не позволялъ себѣ мечтать о женѣ человѣка, котораго уважалъ. Марсель первая пошла къ нему навстрѣчу и пустила въ ходъ весь арсеналъ своего кокетства, чтобы завоевать этого милліонера, котораго такъ неожиданно послала ей судьба.

Не желая наносить оскорбленія подсудимой, нужно всетаки упомянуть здѣсь, что она не отличалась неприступностью, что много разъ до появленія Дерива въ ея жизни она обманывала своего мужа. Съ Деривомъ же, какъ мы видимъ, она ведетъ игру, притворившись прежде всего женщиной самыхъ строгихъ нравовъ, примѣрнѣйшей женой. Вѣрнымъ женскимъ инстинктомъ она разгадала, что для такой натуры, какъ Деривъ, въ любви необходимы иллюзія чистоты и безкорыстія.

Андрэ Деривъ, любившій до этого всего лишь одну женщину, которая отличалась вдобавокъ истиннымъ благородствомъ души, не допускалъ мысли о такомъ чудовищномъ обманѣ и расчетѣ, какой проявила по отношенію къ нему Марсель Кальдъ.

Пусть не подумаютъ, что я клевещу на эту женщину. У насъ

собрано множество доказательствъ, что она обманывала Кальда всю свою жизнь. Существуютъ также доказательства и того факта, что, разыгрывая комедію добродѣтели передъ влюбленнымъ въ нее Деривомъ, она въ то же время была гораздо менѣе строга съ другимъ своимъ поклонникомъ.

Мы слышали, какъ оскорбляли здѣсь память покойнаго Кальда. Но въ нашихъ глазахъ онъ попрежнему остается простодушнымъ человѣкомъ, даже отдаленно не подозрѣвавшимъ о продѣлкахъ своей жены. Если судить по его письмамъ, мы не можемъ не признать въ немъ нѣкоторой ограниченности. И ею-то объясняются довѣріе Кальда къ постояннымъ баснямъ Марсели о портныхъ, шьющихъ ей платья за четверть цѣны, и о томъ, что дѣла его съ кредиторами и векселями она улаживала лишь магической силой своей красоты. Ни въ одномъ изъ писемъ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что Кальдъ зналъ, какой цѣной достаются ей туалеты. Здѣсь были прочитаны письма, гдѣ, какъ это могло показаться при поверхностномъ взглядѣ, онъ вынуждалъ Марсель къ безчестнымъ поступкамъ. Но эти письма не были прочитаны до конца, изъ которыхъ могъ выясниться ихъ настоящій смыслъ. И не было прочтено ни одно изъ такихъ писемъ, въ которомъ бы дѣйствительно отражалась истинная личность покойнаго. Къ счастью, сохранилось письмо, которое онъ писалъ къ Марсели въ Баньеръ, послѣ смерти матери:

„Дорогое дитя, всѣ дни мои заняты теперь мыслью о той, которой ужъ нѣтъ съ нами. Мы должны сплотиться теперь какъ можно тѣснѣе послѣ этой страшной потери. Какое счастье, что ты есть у меня, моя обожаемая крошка Марсель, ты, моя вѣрная, любящая жена, и что у насъ обоихъ есть безцѣнное сокровище, наша Сюзанна. Я вѣрю, что какъ и ты, она будетъ прекрасна, добра и умна. Когда я оглядываюсь на наше прошлое и взвѣшиваю всѣ трудности нашей жизни, черезъ которыя тебѣ пришлось пройти, я преклоняюсь передъ силой твоей любви, которая не только не уменьшилась, но возросла за это время. Матушка бранила тебя иногда за расточительность. Увы, дорогая моя, мы оба не созданы для сѣраго существованія: твоя красота, твоя утонченность, всѣ твои вкусы, такъ же какъ и мои вкусы неотвратимо влекутъ насъ къ роскоши.

„Меня, какъ преступленіе, мучитъ сознаніе, что я не могъ до сихъ поръ окружить тебя той роскошью, какой твоя красота заслуживаетъ. Когда я думаю, что среди всѣхъ соблазновъ свѣта ты всетаки осталась вѣрной и преданной женой, я вижу, что всей любви моей еще мало, чтобы вознаградить тебя за это. Я вѣрю,

что мы всегда будемъ крѣпко держаться другъ за друга, будемъ вѣрить другъ другу до конца.

„Окружающіе добры ко мнѣ. Деривъ послѣ твоего отъѣзда не разъ приглашалъ насъ обѣдать—меня, тетушку Паки и Сюзанну. И всегда присылалъ за ними карету“.

Я вижу, какъ мой кліентъ блѣднѣетъ отъ этихъ воспоминаній. Какъ бы ни были свободны и широки наши взгляды на жизнь, совѣсть наша не прощаетъ нарушенія элементарныхъ правилъ честности. И совѣсть Дерива укоряетъ его въ данномъ случаѣ не въ томъ, что онъ нѣкогда оскорбилъ честь Кальда, но въ томъ, что обманулъ такое великое, такое младенческое довѣріе. Для смягченія вины подсудимаго въ этомъ случаѣ я позволю себѣ напомнить ему, какую трудную борьбу выдержалъ онъ съ самимъ собою и съ любимой женщиной раньше, чѣмъ рѣшиться на этотъ обманъ. И какъ возмездіе и искупленіе, его ждало предательство этой женщины, въ объятія которой онъ бросился съ такимъ безграничнымъ довѣріемъ и которая такъ же обманывала его, какъ Теодора Кальда. Оправданіемъ Дериву послужитъ и то, что руководило имъ не мимолетное чувственное увлеченіе, а большая серьезная страсть, драма, перевернувшая все въ его существованіи. И самое главное смягчающее обстоятельство, можетъ быть, заключается въ томъ, что самый обманъ былъ допущенъ Деривомъ лишь изъ боязни принести страданія Кальду, котораго онъ не переставалъ любить и уважать до самаго конца его дней.

Я не согласенъ съ профессоромъ Витрювомъ въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ утверждаетъ, что было бы страннымъ вмѣшиваться въ дѣла Дерива и открывать ему глаза на поведеніе Марсели. Ему хотѣлось, чтобы другъ его поскорѣе выпилъ до дна эту чашу и самъ оттолкнулъ ее, убѣдившись въ нечистотѣ сосуда, утолившаго его жажду.

Онъ помучился бы нѣкоторое время отъ уязвленной гордости, еще вчера говорилъ мнѣ Витрювъ, но въ самомъ страданіи этомъ нашелъ бы для себя источникъ душевнаго обновленія. Винить же его въ томъ, что онъ отнялъ жену у Кальда, я не могъ, такъ какъ считалъ этотъ бракъ давно разрушеннымъ внутренно.

Я лично смотрю на это иначе. Чувства покойнаго Кальда къ Марсели кажутся мнѣ достойными уваженія; такъ же, какъ и вина Дерива, тайно отнимающаго жену у пріятеля, остается виною, несмотря на смягчающія обстоятельства.

Мнѣ кажется, здѣсь ужъ слишкомъ долго тревожили тѣнь покойнаго Кальда. Тѣмъ болѣе, что сколько бы мы ни переворачи-

вали его жизнь, трудно сдѣлать изъ этого, хотя и ограниченнаго, но честнаго, мягкаго, простодушнаго человѣка то нравственное чудовище, какимъ является онъ въ описаніи maître Грэна. Я могъ бы одну за другой прослѣдить тѣ бѣлыя нитки, которыми сметано обвиненіе его въ гнусной торговлѣ собственной женой. Но мнѣ жаль тратить на это время, такъ какъ я надѣюсь, что и безъ этого сами господа судьи, хорошо знавшіе Кальда, считаютъ его вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Но если во всемъ этомъ дѣлѣ Кальдъ явился лишь пострадавшимъ лицомъ, справедливо установить эту же точку зрѣнію и по отношенію къ подсудимому.

Постараемся вообразить, что̀ пережилъ этотъ человѣкъ, начиная съ того дня, когда передъ нимъ раскрылась вся пропасть его заблужденія относительно Марсели Кальдъ.

Передъ этимъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ прошелъ черезъ всѣ фазы самой пылкой и трагической любви.

Онъ зналъ всю прелесть очарованія молодой, прекрасной женщины, изящной, съ утонченнымъ умомъ, съ изысканной граціей движеній, съ той литературной начитанностью, которая при гибкости женскаго ума часто принимаетъ видъ серьезной образованности и настоящаго душевнаго развитія.

Кабинетный ученый, серьезно относящійся къ жизни, скромный и чистый по натурѣ, Деривъ уже и тогда, когда подпалъ подъ власть Марсели, не смѣлъ желать замужней женщины, жены друга своего. Онъ спѣшитъ отойти подальше отъ соблазна. Мечтаетъ о женитьбѣ. Въ немъ цѣлы и крѣпки старыя фламандскія традиціи мистическаго уваженія къ семейному очагу. Тотъ разгулъ и мимолетныя увлеченія, какими часто наполняется жизнь холостяковъ, не имѣютъ въ его глазахъ ничего привлекательнаго.

Но Деривъ еще самъ не зналъ тогда, въ какой степени завладѣло имъ чувство къ Марсели. Ни одна женщина не можетъ уже вытѣснить ее. Особенно ясно онъ это чувствуетъ, когда послѣ искусственно созданной имъ разлуки встрѣчается съ m-me Кальдъ. Долго сдерживаемое чувство подъ вліяніемъ этой встрѣчи вспыхиваетъ цѣлымъ пожаромъ. И судьба Дерива отнынѣ рѣшена.

Напрасны отнынѣ его попытки дальнѣйшей борьбы съ охватившей стихійной силой страсти. Когда Марсель уѣзжаетъ въ Баньеръ и пишетъ ему оттуда длинныя, полныя влюбленнаго бреда письма, онъ находитъ еще въ себѣ мужество отвѣчать ей въ тонѣ благоразумія. Но когда она возвращается, всякое благоразуміе покидаетъ Дерива и, какъ это издревле ведется, побѣду одерживаетъ не оно, а любовь. Потому что любовь сильнѣе насъ. Со дня возвращенія Марсели у Дерива нѣтъ иной мысли, иного

желанія, кромѣ стремленія назвать наконецъ своею безумно-любимую женщину. Но и въ это время онъ ставитъ ее на недосягаемую высоту, разукрашиваетъ ее въ своемъ воображеніи тысячью добродѣтелей.

Марсель Кальдъ превосходно чувствуетъ себя въ этой новой роли и проводитъ ее съ той же ловкостью, съ какой разыгрывала раньше другія роли, посылаемыя ей судьбой. Нѣсколько времени Деривъ довольствуется сладкимъ сознаніемъ, что онъ любимъ, частыми встрѣчами, долгими бесѣдами, ласками, не переходящими границъ братской близости. Только послѣ смерти тетушки Паки Марсель отдается Дериву, и это уноситъ его въ такой вихрь счастья, гдѣ уже нѣтъ мѣста ни размышленіямъ, ни морали. Лякавъ однажды хотѣлъ открыть ему глаза на темныя стороны его счастья. Но Деривъ уже потерялъ способность трезво смотрѣть на Марсель. Этотъ разговоръ его съ Лякавомъ повелъ лишь къ тому, что они едва не разошлись. Такъ же безрезультатна была бесѣда его съ Витрювомъ на эту тему.

Витрювъ, видя слѣпоту друга, удваиваетъ свою бдительность, у него нѣтъ еще прямыхъ уликъ, но двѣ внезапныя смерти— старой m-me Кальдъ и тетушки Паки, послѣдовавшія одна за другою на разстояніи мѣсяца, пробуждаютъ въ немъ тревожныя подозрѣнія. И когда заболѣваетъ Кальдъ, подозрѣнія Витрюва уже настолько сильны, что онъ пускаетъ въ ходъ самое рѣшительное вмѣшательство въ жизнь Кальдовъ, чтобы изолировать больного.

Если бы послѣдній не вернулся внезапно изъ деревни, гдѣ его организмъ уже почти совсѣмъ справился съ послѣдствіями отравленія, новая катастрофа была бы предотвращена дальнѣйшимъ вмѣшательствомъ Витрюва, который сумѣлъ бы дать понять Марсели, что разгадалъ ея планы и, можетъ быть, открылъ бы, наконецъ, глаза и Дериву, на что способна любимая имъ женщина.

На другой день послѣ гибели Теодора Кальда, грянулъ громъ и надъ головой Дерива. Какъ облако дыма, какъ миражъ, уносится все счастье его жизни. Сначала до него долетаютъ глухіе слухи, которымъ онъ не смѣетъ вѣрить. Марсель для него еще неприкосновенно чиста. Развѣ можетъ быть виновной она, образецъ всѣхъ совершенствъ, божество любви, красоты, граціи? Деривъ гнѣвно отрицаетъ это. Онъ открыто возмущается, что могли заподозрѣть Марсель въ такихъ ужасахъ. Онъ говоритъ о своемъ намѣреніи увезти ее куда-нибудь въ далекія страны и тамъ подождать ея оправданія. Но завтрашній день несетъ ему самому

страшное обвиненіе, какъ соучастнику преступленій Марсели. Тутъ передъ нимъ разверзается вся глубина пропасти, въ такую эта женщина хочетъ увлечь его за собою, весь ужасъ ея коварства, ея лжи и предательства. Душевное состояніе Дерива въ тотъ моментъ хорошо отразилось въ его письмѣ ко мнѣ, которое я сохранилъ, какъ одинъ изъ психологическихъ документовъ этого дѣла.

— Вчера вечеромъ я переступилъ порогъ тюрьмы. Впервые ощутилъ я надъ собой всю тяжесть низкаго тюремнаго свода, подъ которымъ мнѣ суждено задохнуться, и который, вѣроятно, задавитъ меня. Впрочемъ, и теперь уже я вычеркнутъ изъ списка живыхъ. Душа моя раздавлена. Въ этомъ крушеніи погибло все, кромѣ нѣсколькихъ словъ Витрюва, которыми онъ клеймилъ человѣческую ложь, этотъ вѣчный маскарадъ словъ, искажающій, поглощающій, дѣлающій ненужной для насъ правду жизни. Нерѣдко я негодовалъ на него за сухость, горечь и мракъ его рѣчей; теперь, на днѣ отчаянія, я лишь въ нихъ обрѣтаю поддержку. Лишь благодаря этому сильному и мудрому другу, который, можетъ быть, давно уже предвидѣлъ отвратительный позоръ моего вчерашняго дня, мой разсудокъ уцѣлѣлъ. Я былъ сожженъ стыдомъ, отвращеніемъ, страхомъ чернаго будущаго, но у меня осталась, какъ единственная свѣтлая точка въ темнотѣ, надежда на участіе въ томъ мудромъ мірѣ высшихъ идей, гдѣ живетъ мой другъ, и гдѣ я разсчитывалъ также найти пріютъ, изгнанный изъ жизни живыхъ. Не сразу оказался доступнымъ для меня входъ въ этотъ міръ. Первые дни разрушительной работы души не оставили во мнѣ камня на камнѣ. И любовь моя, которую я тогда убивалъ въ себѣ, вопила и металась въ моей груди, какъ дикій звѣрь. Но свершилась, наконецъ, ея агонія. Насталъ часъ, когда угасла въ ней послѣдняя искра жизни. Тогда я вернулся къ себѣ нагимъ, какъ первый человѣкъ послѣ грѣхопаденія и изгнанія изъ рая.

Голосъ Maître Канна почти прервался отъ волненія, когда онъ произносилъ послѣднія слова. Онъ опустился на свое мѣсто среди зловѣщаго молчанія публики.

Въ это время къ нему подошелъ секретарь и передалъ записку отъ Витрюва. Онъ быстро пробѣжалъ записку глазами.

— Господинъ предсѣдатель,—дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ онъ,—я очень извиняюсь, что мнѣ приходится прибѣгать къ вашему предсѣдательскому праву выйти изъ рамокъ формалистики. Но въ данномъ случаѣ такъ сильно затронуты интересы раскрытія истины, что я безъ колебанія обращаюсь къ вамъ съ просьбой допустить экстренное показаніе фар-

мацевта Бозіаза, который былъ вызванъ вами, но оказался въ то время внѣ залы суда.

— Я протестую!—громко воскрикнулъ Гренъ.—Я считаю недопустимыми эти показанія, которыя изъ судебнаго разбирательства дѣлаютъ процессъ предварительнаго слѣдствія.

Но этотъ протестъ не встрѣтилъ отклика въ предсѣдателѣ. Раздался приказъ ввести фармацевта Бозіаса для экстренныхъ показаній.

Онъ вошелъ смущеннымъ колеблющимся шагомъ, видимо страдая отъ сотенъ внимательно устремленныхъ на него взоровъ.

— Я прошу г. предсѣдателя извинить меня,—началъ онъ слабымъ голосомъ.—Я былъ въ залѣ съ начала дѣла, но не отвѣтилъ на первый призывъ Maître Канна. Мнѣ очень не хотѣлось быть замѣшаннымъ въ этомъ процессѣ. У меня жена, дѣти...

— Говорите громче,—сказалъ предсѣдатель.—И вы должны обращаться только къ присяжнымъ засѣдателямъ. Ваши показанія не имѣютъ значенія свидѣтельства, но присяжные могутъ принять ихъ во вниманіе, если они прольютъ свѣтъ на это дѣло.

Бозіасъ подвинулся ближе къ рѣшеткѣ, отдѣляющей отъ него кресла присяжныхъ и, насколько могъ, усилилъ свой слабый голосъ:

— Господа присяжные засѣдатели, можетъ быть, поймутъ, какъ я мучился все зто время. У меня жена, дѣти. Я фармацевтъ. Я думалъ, что въ этомъ дѣлѣ мое свидѣтельство немногого стоитъ. Мнѣ не хотѣлось причинять напраснаго горя домашнимъ. Но письма, которыя я получилъ, заставили меня попросить слова. Я чувствую теперь и самъ, что мой долгъ объявить о мышьяковистой кислотѣ, которою пользовалась Марсель Кальдъ для отравленія, что кислота эта взята у меня.

— Вы хотите сказать, что подсудимая похитила ее у васъ?—спросилъ предсѣдатель.

— Да,—сказалъ Бозіасъ.—Въ маѣ и въ іюнѣ я замѣчалъ, что пакетики съ мышьяковистой кислотой стали у меня пропадать. Тогда у меня не было еще никакого подозрѣнія на m-me Кальдъ. Но за двѣ недѣли до смерти Теодора Кальда у меня пропалъ флаконъ стрихнина. Уже ходили въ это время безпокойные толки о m-me Кальдъ, и я самъ почувствовалъ безпокойство...

— Много вамъ обѣщалъ Деривъ изъ своихъ милліоновъ за это показаніе?—выйдя изъ себя, закричалъ Гренъ.

Но бѣдный Бозіасъ былъ слишкомъ подавленъ всѣмъ происходящимъ, чтобы обратить вниманіе на это оскорбленіе.

— Нѣтъ,—наивно отвѣтилъ онъ,—меня вынудилъ къ этому г. Витрювъ и отчасти моя собственная совѣсть.

— Не говорилъ ли я, что всѣмъ этимъ дѣломъ управляетъ рука Витрюва!—воскликнулъ Гренъ.

— При какихъ обстоятельствахъ m-me Кальдъ унесла у васъ этотъ пакетъ?—спросилъ предсѣдатель.

— Это было вечеромъ въ моей лабораторіи при аптекѣ.

— Довольно странно, что m-me Кальдъ проникла туда.

— M-me Кальдъ и я—мы были въ интимныхъ отношеніяхъ,—глухо пробормоталъ Бозіасъ.

— Въ которомъ часу это произошло?

— Утромъ. Но пропажу я замѣтилъ только на другой день. Тогда я поставилъ это на видъ m-me Кальдъ. Она расхохоталась мнѣ въ лицо. Тогда я повѣрилъ, что это не она. Но скоро умеръ Кальдъ. И тутъ я не на шутку испугался. Я выждалъ, чтобы отъ нихъ ушелъ д-ръ Шаспэ и прибѣжалъ къ Марсели. Она была одна возлѣ покойника. Я, какъ вошелъ, сказалъ ей, что она отравила мужа. Она разыграла комедію, что я оскорбилъ ее, стала причитать, что я хочу ее погубить, указала на діагнозъ д-ра Шаспэ. Это меня успокоило только наполовину. Тогда она побѣжала въ другую комнату и принесла флаконъ со стрихниномъ. Онъ былъ нетронутый, завязанный и запечатанный.—„Я унесла его, это правда,—сказала она,—но это лишь для того, чтобы вывести изъ дому крысъ“. На этотъ разъ я повѣрилъ ей, и попросилъ прощенія. Она стала плакать, и чтобы утѣшить ее, я обѣщалъ ей молчать объ этомъ случаѣ. Въ тѣ минуты я вѣрилъ діагнозу д-ра Шаспэ. Позже я узналъ исторію объ исчезновеніи аконита у г. Дерива. Но я такъ уже боялся попасть въ это дѣло, что рѣшилъ молчать. Къ тому же мнѣ казалось, что здѣсь дѣло не обошлось безъ участія Дерива. Такъ я и порѣшилъ, что разъ никто о стрихнинѣ ничего не знаетъ, незачѣмъ и мнѣ это дѣло доводить до суда. Къ тому же и честное слово, которое я далъ Марсели, что-нибудь да значитъ. Какъ вдругъ является ко мнѣ профессоръ Витрювъ. Пришелъ онъ такой сердитый и видъ у него былъ угрожающій.

— Почему же вы не разсказали все это раньше? — спросилъ предсѣдатель.

— Но, вѣдь, я уже говорилъ, что мои показанія казались мнѣ для сути дѣла неважными.

Предсѣдатель отпустилъ Бозіаса и обратился къ Витрюву.

— Потрудитесь изъяснить тѣ обстоятельства, которыя заста-

вили васъ заподозрить прикосновенность къ этому дѣлу фармацевта Бозіаса?

— Сначала у меня были только смутныя подозрѣнія, —сказалъ Витрювъ.—Въ ночь преступленія, когда я шелъ по улицѣ съ докторомъ Шаспэ, я замѣтилъ человѣческую фигуру, направлявшуюся къ дому Кальдовъ. Мнѣ показалось, что это фармацевтъ Бозіасъ, но тогда я не придалъ никакого значенія его визиту. Только гораздо позже, въ разгарѣ слѣдствія я узналъ объ отношеніяхъ Бозіаса съ Марселью Кальдъ, и меня особенно поразило то, что Марсели понадобилось приблизить къ себѣ фармацевта Бозіаса именно въ то время, когда она подготовляла отравленіе. Я немедленно посѣтилъ Бозіаса и вызвалъ его на разговоръ по поводу этого дѣла. Онъ упорно отрицалъ свою прикосновенность къ нему. Смущеніе, какое онъ обнаружилъ при этомъ, легко было приписать его боязни, что я могу коснуться ихъ отношеній съ m-me Кальдъ. Но послѣ самой непродолжительной бесѣды мнѣ стало уже ясно, что мышьякъ взятъ изъ его аптеки. Вначалѣ у меня мелькнула мысль, что я имѣю дѣло съ участникомъ преступленія; но очень скоро я пришелъ къ заключенію, что Марсель такъ же, какъ взяла аконитъ у Дерива, у Бозіаса могла тайно унести мышьякъ. Въ самый день суда я предупредилъ Бозіаса, что донесу на него, если онъ не рѣшится разсказать всю правду передъ судомъ. Онъ обѣщалъ, но не сдержалъ своего обѣщанія. Тогда я послалъ ему записку еще болѣе категорическаго содержанія, послѣ которой онъ далъ это показаніе.

Когда Витрювъ кончилъ говорить и опустился на мѣсто, прокуроръ всталъ и съ несдержаннымъ гнѣвомъ сказалъ:

— Эти свидѣтельскія показанія impromptus и in extremis созданы для того, чтобы вносить путаницу въ обвиненіе. Я предоставляю господамъ присяжнымъ засѣдателямъ оцѣнить по достоинству всю неумѣстность ихъ.

— Что вы имѣете сказать въ свою защиту?—обратился предсѣдатель къ Марсели.

— Я невиновна, — сказала она, — роковое стеченіе обстоятельствъ...

Она не смогла кончить и, зарыдавъ, опустилась на свое мѣсто.

— Обвиняемый Деривъ, не имѣете ли вы что-нибудь прибавить къ сказанному вами?

— Я прошу у господъ присяжныхъ засѣдателей милосердія для этой бѣдной женщины.

— Вы сами нуждаетесь въ немъ,—не вытерпѣвъ крикнулъ Аргу съ своего мѣста.

— Да, да!—подхватили съ разныхъ сторонъ женскіе голоса.

Разсерженный предсѣдатель отдалъ приказъ вывести изъ залы тѣхъ, кто позволяетъ себѣ возвышать голосъ. Это подѣйствовало, и въ залѣ сразу водворилось молчаніе.

Среди глубокой тишины предсѣдатель сдѣлалъ обычныя разъясненія присяжнымъ, послѣ которыхъ они удалились въ залъ совѣщанія. Вышли и судьи. По приказанію предсѣдателя, жандармы увели обвиняемыхъ.

На эстрадѣ остался только огромный зеленый столъ, въ которомъ было теперь что-то напоминающее объ игорныхъ залахъ, о слѣпыхъ приговорахъ судьбы въ сторону проигрыша и выигрыша.

Публика растеклась по кулуарамъ. Когда мимо проходили Витрювъ и Лякавъ, большинство беззастѣнчиво указывало на нихъ пальцами, громко называя ихъ имена. Часто слышался смѣхъ, похожій на звѣриное рычаніе. Въ такихъ случаяхъ Лякавъ оборачивался и смотрѣлъ прямо въ лицо смѣявшемуся. И смѣхъ мгновенно умолкалъ.

По внѣшнему виду Витрюва нельзя было даже отдаленно догадаться о терзающей его тревогѣ. Онъ боялся, что присяжные все, что говорилось о Деривѣ, примутъ лишь какъ смягчающія вину обстоятельства, но приговорятъ его къ тюремному заключенію.

Лякавъ былъ блѣденъ, какъ воротникъ его рубашки, и больше наэлектризованъ гнѣвомъ, чѣмъ тревогой.

Они въ первыя минуты послѣ выхода изъ зала не обмѣнялись ни однимъ словомъ.

Вокругъ нихъ гудѣлъ оживленный разговоръ публики, мелькали жестикулирующія руки, вспыхивали огоньки папиросъ, раздавались шутки, возлѣ дамъ быстро образовалась атмосфера флирта.

Элегантныя парижанки граціозно двигались въ платьяхъ, обтягивающихъ ихъ сообразно съ модой такимъ образомъ, что въ ихъ наружности прежде всего бросались въ глаза животы и бедра.

Невольно прислушиваясь къ разговорамъ, Витрювъ подивился тому ожесточенному презрѣнію, съ какимъ онѣ говорили о Деривѣ. Казалось, каждая изъ нихъ мститъ ему за то, что онъ былъ не у ея ногъ.

Горячо и хвалебно обсуждали рѣчь Грена, пророчили ему славное будущее. Изрѣдка раздавалась сдержанная похвала Канну, котораго, впрочемъ, сейчасъ же признавали гораздо менѣе даровитымъ, чѣмъ Гренъ.

— Бѣдный Каннъ, — сказалъ Витрювъ, — онъ именно потому

не долженъ имѣть сейчасъ успѣха, что стоитъ неизмѣримо выше Грена. Но у толпы всегда былъ и будетъ совершенно опредѣленный вкусъ къ плоской посредственности.

— Какъ вы думаете, оправдаютъ его или нѣтъ?—спросилъ съ тоской Лякавъ, ни на минуту не покидавшій въ своихъ мысляхъ Дерива.

— Заранѣе тутъ ничего нельзя знать,—печально проговорилъ Витрювъ.—Вы не видѣли развѣ, какъ всѣ темныя силы буржуазнаго уклада жизни вспѣнились и забушевали вокругъ него. Быть можетъ, Бозіасъ своимъ разоблаченіемъ укажетъ вѣрный путь ихъ догадкамъ.

Друзья прошли черезъ вестибюль и спустились по большой лѣстницѣ. Вездѣ были тѣ же лица, любопытныя, жадныя къ скандалу, рисующіяся другъ передъ другомъ, безжалостныя, бездушныя. Профили, напоминающіе то барановъ, то свиней, отвисшія губы, губы злобно поджатыя въ одну тонкую черту, сѣдыя бороды, бороды черныя какъ смоль—все слилось въ одно мало-человѣческое лицо, мимо котораго хотѣлось пройти, закрывъ глаза.

Та же ребячески легкомысленная и по-звѣриному жестокая болтовня, пестрящая смертными приговорами осужденнымъ, среди шутокъ, флирта, улыбокъ и шелковаго шелеста платьевъ, подчеркивающихъ животы и бедра парижанокъ.

Было ясно, что каждаго занимаетъ уже его собственный интересъ ближайшей минуты или непосредственно ощущенія минуты настоящей и что вся судьба обвиняемыхъ превратилась для этихъ людей въ интересъ простой игры, а иныхъ и совсѣмъ уже перестала интересовать.

Во всѣхъ этихъ лицахъ, во всѣхъ жестахъ и словахъ Витрюва болѣзненно поражала ихъ машинообразная безсознательность, страшный автоматизмъ, уподобляющій ихъ колесамъ однажды пущенной въ ходъ соціальной машины. Машина для расплющиванія, машина для раздробленія—и кто не хочетъ быть расплющеннымъ и раздробленнымъ, изловчается, чтобы расплющить и раздробить другихъ, добывая за ихъ счетъ возможно большую сумму комфорта и наслажденій.

Самое же опасное—это протянуть живую руку, живымъ движеніемъ вмѣшаться въ бездушный ходъ, нарушающій обычныя движенія этихъ приводныхъ ремней, винтовъ и колесъ.

Деривъ погибъ, несмотря на крѣпость изъ своихъ милліоновъ, за которую онъ спрятался отъ жизни.

Погибъ оттого, что повѣрилъ въ химеру любви и безкорыстія, давно исчезнувшую изъ обихода машины.

Если бы онъ былъ не мыслитель, не философъ-идеалистъ, съ юношески мечтательной мягкой душой, а Неронъ по жестокости и развращенности, механизмъ машины нашелъ бы для него мѣсто при наличности могучихъ рычаговъ его богатства.

Всѣ лупонары открылись бы гостепріимно передъ нимъ—всѣ дома свиданій, куда свѣтскія, замужнія женщины приходятъ продавать честь своего мужа и свою честность замужней женщины. Тысячи женщинъ бросились бы къ нему навстрѣчу отъ скуки, отъ жажды наслажденія или денегъ, отъ развращенности или по легкомыслію.

Онъ могъ бы спокойно обольщать еще невинныхъ продавщицъ и работницъ, отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе въ деревню, или, смотря по его желанію, выбрасывать ихъ вмѣстѣ съ матерью на улицу. Все это было доступно ему, какъ богатому человѣку. Онъ могъ жить независимо и горделиво, какъ живутъ другіе богачи въ то время какъ артистъ и художникъ сжигаетъ для нихъ свой мозгъ среди нищеты и творческаго эксцесса, изобрѣтатель ломаетъ голову надъ тѣмъ, какъ расширить ихъ удобства и забавы, въ то время какъ писатель приноситъ имъ свою мысль, адвокатъ продаетъ свою совѣсть, въ то время какъ чиновники, чистящіе и настраивающіе систему колесъ, задыхаются въ прахѣ бездушныхъ бумагъ.

Выбравъ этотъ жребій, Деривъ сдѣлался бы однимъ изъ тѣхъ, для кого дробятся и расплющиваются человѣческія жизни въ соціальной машинѣ.

Ему надо было жениться на богатой куклѣ, какъ это дѣлаютъ всѣ, не задумываясь о томъ, любятъ или не любятъ они другъ друга. Въ его жизнь вошла бы маріонетка съ роскошнымъ гардеробомъ, и это было бы просто и спокойно—какъ у всѣхъ. Они связаны были бы похотью тѣла и общностью денежныхъ интересовъ. Это такая могучая, прочная связь.

Почему не пошелъ онъ этой дорогой? Не по тому ли загадочному инстинкту, который влечетъ избранныхъ ко всему трудному, опасному, сложному и гибельному? Какимъ выйдетъ онъ теперь изъ этого рѣдкаго для милліонера положенія, — со скамьи подсудимаго? Будетъ ли онъ ненавидѣть жизнь? Или будетъ бояться ея? Не потускнѣетъ ли его ясная душа, спустившись въ темную пропасть эгоизма, не утратитъ ли въ ней того, за что полюбилъ ее Витрювъ?

Витрювъ съ печалью чувствовалъ, что не смѣетъ пожелать своему другу остаться на этой ступени сознанія и воли, гдѣ человѣка на-ряду съ высшими радостями духа ждутъ такія скорби,

о какихъ онъ раньше и не подозрѣвалъ. Среди всеобщей пошлости, глупости, низости и инертности не лучше ли, не спокойнѣйшій ли удѣлъ отстраниться, замкнуться въ скорлупѣ эгоизма, уйти отъ нихъ? И не самый ли спокойный выходъ—стать, какъ они?

У зданія суда толпился массами народъ, ожидающій вердикта присяжныхъ. Снова были переполнены всѣ кафе, всѣ подъѣзды домовъ и прилегающіе къ суду тротуары. Тѣ, кто не могъ протолкнуться поближе, наслаждались издали общимъ праздничнымъ возбужденіемъ, охватившимъ сонный Понъ-де-Люзъ благодаря тройному убійству, совершонному молодой элегантной женщиной, и зрѣлищу милліонера на скамьѣ подсудимыхъ.

Витрювъ и Лякавъ, едва пробившись черезъ толпу, пошли внизъ по Новой улицѣ, туда, гдѣ она терялась въ темнотѣ, и въ мирномъ безмолвіи ночи оба они въ одну и ту же минуту подумали, какимъ сладостнымъ, какимъ милосерднымъ покажется это молчаніе ночи ихъ другу, если его освободятъ и онъ вырвется, наконецъ, изъ этого дикаго шабаша правосудія.

Витрювъ остановился и повернулъ голову туда, откуда слабо несся къ нимъ нестройный гулъ человѣческихъ голосовъ.

— И всетаки, Лякавъ, въ этомъ пока еще почти безсмысленномъ гулѣ—всѣ залоги нашего будущаго, вся возможность жизни,—торжественно сказалъ онъ.—Это голосъ ихъ первичныхъ потребностей, эта еще звѣриная жестокость ихъ желаній, эти еще получеловѣческія слова, вырывающіяся изъ пасти толпы—единственная база, на которой мы строимъ храмъ нашихъ идеаловъ. И надо сознаться себѣ въ этомъ для того, чтобы имѣть силы терпѣть и надѣяться, для того, чтобы не захлебнуться въ такой волнѣ, какая теперь на насъ хлынула, чтобы вынести вотъ этотъ часъ и сохранить вѣру въ другой, когда иныя силы воцарятся въ мірѣ.

Когда друзья вернулись въ зданіе суда, публика уже была на мѣстахъ и весь залъ притаился въ грозномъ молчаніи, ожидая вердикта.

Раздался звонокъ.

— Судъ идетъ.

Всѣ въ залѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, наэлектризованные любопытствомъ, поблѣднѣвшіе.

— Объявляю засѣданіе суда открытымъ,—сказалъ предсѣдатель.

Старикъ присяжный, съ внушительной сѣдой бородой, поднялся съ своего кресла и, стараясь говорить какъ можно громче, сказалъ:

— По совѣсти и чести, передъ Богомъ и людьми, объявляю вердиктъ присяжныхъ засѣдателей:

На первый вопросъ:

Да, обвиняемая признана виновною, по большинству голосовъ, но заслуживающей снисхожденія въ виду смягчающихъ вину обстоятельствъ.

Дружный ропотъ помѣшалъ старику читать дальше. Подождавъ, пока волненіе улеглось, онъ продолжалъ чтеніе вердикта относительно виновности Дерива и, когда дошелъ до словъ:

— Нѣтъ, обвиняемый признанъ невиновнымъ,—
шумъ недовольства, возгласы ненависти и гнѣва покрыли голосъ предсѣдателя, который напрасно призывалъ публику къ порядку.

По его приказанію, въ залъ ввели обвиняемыхъ для выслушанія приговора.

Деривъ и Марсель вошли и заняли мѣста на своихъ скамьяхъ. Секретарь прочелъ имъ вердиктъ присяжныхъ.

Витрювъ и Лякавъ въ порывѣ несдержанной радости бросились къ Дериву. Онъ былъ странно спокоенъ, хотя сердце его сильно билось, и онъ отвѣтилъ улыбкой на поздравленіе друзей. Марсель была близка къ обмороку.

Предсѣдатель обратился къ ней съ вопросомъ: что она можетъ прибавить въ свое оправданіе.

— Я невиновна,—проговорила она.

Тогда прочли изъ уголовнаго кодекса статьи 295, 301 и 302, съ присоединеніемъ статьи 463 о смягчающихъ вину обстоятельствахъ, и изъ этихъ статей Марсель, упорно и искренно считавшая себя невиновной—потому что ни разу не испытала чувства вины и отвѣтственности—узнала, что она приговорена къ каторжнымъ работамъ на вѣчныя времена.

И со страннымъ, новымъ для него чувствомъ вины за всѣхъ и за все, Деривъ выслушалъ, что съ него снято обвиненіе и что онъ немедленно будетъ отпущенъ на свободу, которой онъ не смѣлъ уже радоваться.

Перевела **В. Г. Малахіева-Мировичъ.**

Агни.

Красные кони, красные кони, красные кони—кони мои.
Ярки ихъ гривы, вьются извивы, пламенны взрывы, ржутъ въ забытьи.

Ржутъ что есть мочи, дрогнули ночи, конскія очи — молнійный свѣтъ.
Спятъ водоемы, будутъ имъ громы, рухнутъ хоромы вышнихъ примѣтъ.

Жаркіе кони, яркіе кони, жаркіе копи—кони мои.
Топнутъ о камень, топнутъ — и пламень выросъ и взвился проворнѣй змѣи.

Звонки подковы, златы и новы, пышны покровы красныхъ попонъ.
Въ мірѣ—вѣщанье, капель жужжанье, рѣзвое ржанье, хохотъ и стонъ.

Бѣлый—рождаясь, красный—взметаясь, весь расцвѣчаясь въ пропастяхъ дня,
Я у порога Мрака-Зловрога. Знаешь ты бога? Видишь меня?

К. Бальмонтъ.

ИЗЪ „НЕОБЫЧНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ“.

Вилье де-Лиль-Адана [1]).

1. Героизмъ доктора Галлидонхиля.

Убивать, чтобы исцѣлять!
Принципъ доктора Бруссэ.

Необычное дѣло доктора Галлидонхиля будетъ вскорѣ разсматриваться судомъ въ Лондонѣ. Вотъ обстоятельства дѣла:

20 мая текущаго года двѣ обширныя пріемныя знаменитаго специалиста, который исцѣляетъ все, безъ всякаго исключенія, легочныя заболѣванія, были, по обыкновенію, переполнены посѣтителями, ожидавшими своей очереди съ номерками въ рукахъ.

Въ длинномъ черномъ сюртукѣ находился у входа особый кассиръ, провѣрявшій достоинство монетъ: отъ каждаго посѣтителя онъ неукоснительно получалъ двѣ гинеи и пробовалъ ихъ на роскошной наковаленкѣ ударомъ молотка, автоматически выкрикивая: all right.

Докторъ Галлидонхиль, маленькій, суровый, только что сѣлъ за столъ въ своемъ кабинетѣ, почти цѣликомъ стеклянномъ,

---

1) „Необычные разсказы“ („Histoires insolites“) Вилье де-Лиль-Адана впервые были изданы отдѣльной книгой въ 1888 г. Это изданіе давно стало книжной рѣдкостью, и „Необычные разсказы“, какъ, впрочемъ, и многія другія произведенія того же автора, долгое время оставались неизвѣстными широкимъ кругамъ читателей. Все усиливающійся за послѣднее время интересъ къ творчеству Вилье де-Лиль-Адана, которое было столь легкомысленно и столь несправедливо пренебрежено его современниками, вызвалъ, за самые послѣдніе годы, переизданіе многихъ изъ его книгъ. Въ томъ числѣ вышли въ издательствѣ „Mercure de France“ и „Необычные разсказы“, которые являются для громаднаго большинства читателей вполнѣ новостью. Напомнимъ, что на русскомъ языкѣ имѣется переводъ (подъ ред. В. Я. Брюсова) избранныхъ „Жестокихъ разсказовъ“ Вилье де-Лиль-Адана (1-ое изд. к-ва „Пантеонъ“, 2-ое изд. к-ва „Польза“) и предпринято (к-вомъ „Заря“) полное собраніе сочиненій Вилье де-Лиль-Адана.

обставленномъ по стѣнамъ громадными тропическими растеніями въ просторныхъ японскихъ вазахъ. Около доктора, за маленькимъ столикомъ, секретарь стенографировалъ прописываемые рецепты. У косяка двери, обитой краснымъ бархатомъ съ золочеными гвоздиками, высился величественнаго вида лакей, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы переносить одного за другимъ шатающихся чахоточныхъ на площадку выходной лѣстницы, откуда лифтъ, въ особо приспособленномъ креслѣ, спускалъ ихъ внизъ (послѣ того какъ было произнесено священное слово: „Слѣдующій!“)

Паціенты входили съ туманнымъ, стекловиднымъ взоромъ, полуобнаживъ корпусъ, спустивъ одежду на руки; тотчасъ же къ спинѣ и къ груди входящихъ прикладывались плессиметръ и трубка.

— Тикъ-тикъ! пафъ! Дышите!... Пафъ!... Хорошо.

Слѣдовало врачебное предписаніе, которое диктовалось нѣсколько секундъ, и затѣмъ знаменитое: „Слѣдующій!“

И въ теченіе трехъ лѣтъ каждое утро дефилировала эта процессія паціентовъ, такимъ же точно образомъ отъ девяти утра ровно до полдня.

Но вотъ, въ тотъ день, 20 мая, едва пробило девять часовъ, вдругъ появилось въ кабинетѣ доктора что-то вродѣ длиннаго скелета, съ вращающимися зрачками, съ ввалившимися щеками, соприкасающимися подъ нёбомъ, съ обнаженнымъ торсомъ, похожимъ на клѣтку, обтянутую дряблымъ пергаментомъ, и вздымающимся отъ затрудненнаго дыханія, прерываемаго надтреснутымъ кашлемъ,—однимъ словомъ, человѣкъ, о которомъ можно было сомнѣваться, не мертвецъ ли это; мѣхъ голубой лисицы сгибался на одной изъ его, совсѣмъ лишенныхъ мяса, рукъ, и, попытавшись ускорить движеніе своихъ бедеръ, вошедшій долженъ былъ употребить усиліе, чтобы не повалиться на длинныя листья тропическихъ растеній.

— Тикъ-тикъ! пафъ! Ничего нельзя сдѣлать! — проворчалъ сквозь зубы докторъ Галлидонхиль.—Что я полицейскій чиновникъ, что ли, который долженъ констатировать смерть? Въ восемь дней вы покончите съ послѣдними остатками лѣваго легкаго, а правое уже все въ дырахъ!... Слѣдующій!

Уже лакей готовъ былъ „отправить кліента“, какъ вдругъ, ударивъ себя по лбу, знаменитый терапевтъ, съ загадочной усмѣшкой, вдругъ добавилъ:

— А вы богаты?

— Ар-хи-милліонеръ!—прохрипѣлъ, заливаясь слезами, тотъ

несчастный, котораго докторъ Галлидонхиль въ столь краткихъ словахъ увольнялъ съ этой планеты.

— Въ такомъ случаѣ, пусть ваша карета съ постелью немедленно доставитъ васъ на вокзалъ-Викторія. Экспрессъ въ 11 часовъ на Дувръ! Оттуда пароходомъ! Далѣе, отъ Калэ до Марселя, спальный вагонъ съ отопленіемъ! И—въ Ниццу! Тамъ шесть мѣсяцевъ—лѣченіе крессомъ, день и ночь, ни хлѣба, ни вина, ни плодовъ, ни мяса. Ложку іодированной дождевой воды разъ въ два дня. И крессъ, крессъ, крессъ, толченый, тертый, въ своемъ соку,—единственное средство... да и то! Это средство, которымъ мнѣ уши прожужжали, кажется мнѣ болѣе чѣмъ нелѣпымъ; безнадежному больному я могу его предложить, но самъ въ него не вѣрю ни минуты. Впрочемъ, все возможно... Слѣдующій!

Чахоточный богачъ былъ со всей осторожностью помѣщенъ на мягкія подушки лифта, и обычная процессія легочныхъ больныхъ, бронхитиковъ и цынготныхъ началась.

Шесть мѣсяцевъ спустя, 3 ноября, когда часы били девять, ринувшись, какъ живая бомба, сквозь скорбные ряды паціентовъ доктора Галлидонхиля, въ самое святилище этого князя науки, ворвался безъ номера гигантскій толстякъ, весь въ дорогихъ мѣхахъ, нѣчто вродѣ настоящаго великана, съ громовымъ и ликующимъ голосомъ, отъ раскатовъ котораго задрожали стекла консультаціоннаго кабинета и закачались листья тропическихъ растеній. Докторъ Галлидонхиль, одѣтый, какъ всегда, во все черное, строгій и холодный, только что занялъ свое мѣсто за столомъ, но гигантъ схватилъ доктора поперекъ тѣла, поднялъ его, какъ перышко, и, обливая, въ молчаніи, умильными слезами его блѣдныя, бритыя щеки, безъ счета цѣловалъ ихъ звонкими поцѣлуями, словно пресловутая нормандская кормилица.

Наконецъ, гигантъ опустилъ знаменитаго практика, полузадохшагося и чуть не потерявшаго сознаніе, въ его зеленое кресло.

— Два милліона? Хотите? Хотите три?—ревѣлъ великанъ, какъ живая и ужасающая реклама.—Вы дали мнѣ дыханіе, солнце, славные обѣды, безудержныя страсти, самую жизнь, все! Требуйте же вознагражденія неслыханнаго: меня душитъ жажда отблагодарить васъ!

— Но что? Кто этотъ сумасшедшій? Выведете его!...—слабо пролепеталъ докторъ, оправляясь отъ своего безчувствія.

— Да нѣтъ же! да нѣтъ же!—гремѣлъ гигантъ, бросая такой взглядъ боксера на лакея, что тотъ долженъ былъ попятиться.—Ну, да, я понимаю, что вы тотъ самый, кто меня спасъ, не

узнаете меня. Я—человѣкъ кресса! я—тотъ скелетъ, приговоренный, погибшій! Ницца! крессъ, крессъ, крессъ! Я продѣлалъ курсъ въ шесть мѣсяцевъ, и вотъ созданіе вашихъ рукъ. Вотъ, послушайте это!

И онъ барабанилъ по грудной клѣткѣ кулаками, которые способны были бы раздробить черепъ премированнымъ миддльсекскимъ быкамъ.

— Что?—закричалъ докторъ, вскакивая на ноги,—вы... Какъ! такъ это тотъ полумертвецъ...

— Да, тысячу разъ да, это—я!—рычалъ великанъ.—Со вчерашняго вечера, едва высадившись, я заказалъ вашу бронзовую статую, и я сумѣю добиться для вашего гроба мѣста въ Вестминстерѣ!

Бросившись на широкую софу, всѣ пружины которой заскрежетали и застонали,—

— А что за прелесть—жизнь!—громко вздохнулъ онъ, съ блаженной улыбкой мирнаго экстаза.

Пара быстрыхъ словъ, вполголоса произнесенныхъ докторомъ, и его секретарь вмѣстѣ съ лакеемъ удалились изъ комнаты. Оставшись наединѣ съ своимъ воскресшимъ паціентомъ, докторъ Галлидонхиль, сдержанный, холодный и блѣдный, смотрѣлъ нѣсколько мгновеній на гиганта нервнымъ взглядомъ, молча, потомъ, вдругъ:

— Позвольте мнѣ прежде всего,—страннымъ тономъ пробормоталъ онъ,—смахнуть у васъ съ виска вотъ эту муху!

Устремившись къ софѣ, докторъ вынулъ изъ кармана маленькій бульдогъ и одинъ за другимъ выпустилъ два заряда прямо въ лѣвую височную артерію бывшаго больного.

Костная коробка была раздроблена, и гигантъ повалился, заливая струей своего признательнаго мозга коверъ, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ судорожно бился руками...

Нѣсколько взмаховъ ножницъ, и мѣховая куртка, одежда и бѣлье разрѣзаны какъ попало, обнаживъ грудь упавшаго, которую знаменитый операторъ, однимъ ударомъ широкаго бистурія, безъ промедленія, разсѣкъ сверху донизу.

Когда, четверть часа спустя, вошелъ въ кабинетъ констэбль и попросилъ доктора Галлидонхиля быть столь любезнымъ послѣдовать за нимъ,—докторъ, совершенно спокойный, сидѣлъ за столомъ съ сильной лупой въ рукахъ и внимательно изслѣдовалъ пару огромныхъ легкихъ, растянутыхъ передъ нимъ на окровавленномъ пюпитрѣ. Научный геній пытался черезъ этого человѣка отдать себѣ отчетъ въ изумительнѣйшемъ дѣйствіи кресса, обновляющемъ и воскрешающемъ.

— Господинъ констэбль,—сказалъ докторъ, вставая,—я почелъ нужнымъ принести въ жертву этого человѣка, ибо немедленное вскрытіе его тѣла могло дать мнѣ новыя свѣдѣнія, полезныя для больныхъ дыхательныхъ путей человѣческаго рода; вотъ почему я не поколебался, сознаюсь въ томъ, *пожертвовать здѣсь своей совѣстью... во имя своего долга.*

Нечего добавлять, что знаменитый докторъ былъ тотчасъ выпущенъ на свободу, по чисто-формальному поручительству, ибо его свобода была гораздо полезнѣе людямъ, чѣмъ его содержаніе въ тюрьмѣ. Теперь это странное дѣло переходитъ въ англійскій судъ. О! что за удивительныя судебныя рѣчи прочтетъ вскорѣ Европа!

Все позволяетъ надѣяться, что благородный проступокъ доктора Галлидонхиля не будетъ ему стоить ньюгетской висѣлицы, ибо англичане, такъ же хорошо какъ мы, понимаютъ, что исключительная любовь къ будущему человѣчеству, при совершенномъ презрѣніи ко всякому нынѣ существующему индивидууму, должна быть въ наши дни единственнымъ побужденіемъ къ дѣятельности, которое оправдываетъ, что бы то ни было, великодушную готовность людей Науки все доводить до послѣднихъ предѣловъ.

2. Попечитель.

И позналъ я, что все—суета суетъ и что самое слово это—суета.

Экклезіастъ.

Весной 1887 года въ столицѣ проявилась настоящая эпидемія чувствительности и всѣхъ приводила въ отчаянье до самыхъ каникулъ. Какое-то повѣтріе элегической нервозности заражало людей самаго суроваго темперамента и съ особой напряженностью свирѣпствовало среди обрученныхъ, любовниковъ и даже супруговъ, которыхъ разлучала внезапная смерть. Безумныя сцены „отчаянья“, совершенно недостойныя современнаго человѣка, разыгрывались ежедневно на тѣхъ или другихъ похоронахъ, и на кладбищѣ онѣ иногда до того смущали могильщиковъ, что тѣ были не въ силахъ продолжать свое дѣло. Происходили прямо рукопашныя схватки между ними и нѣкоторыми изъ этихъ неутѣшныхъ горевателей.

Газеты только и говорили, что о любовникахъ и супругахъ, до того потрясенныхъ волненіемъ, что они бросались въ могилу дорогого покойника, отказывались выйти изъ нея и, обнимая гробъ, умоляли, чтобы ихъ похоронили вмѣстѣ. Эти припадки от-

чаянья, эти трагическія аріи, оскорблявшія, безспорно, и благопристойность и добрый порядокъ, сдѣлались, наконецъ, столь частыми, что похоронные служители буквально не знали, куда имъ дѣваться, отчего происходили всякаго рода промедленія, безпорядки, подмѣны и т. п.

А между тѣмъ, какъ можно было воспретить или объявить преступными тѣ проявленія, которыя, какъ бы ни были они безпорядочны, все же были невольными и достойными уваженія?

Одно время, съ той цѣлью, чтобы бороться, насколько то возможно, съ этими неумѣстными причудами, обратились къ знаменитой „Свободной Академіи неограниченныхъ нововведеній“. Ея предсѣдатель-учредитель, Жюстъ Ромэнъ, молодой, но весьма серьезный инженеръ-поссибилистъ (прогрессивный образъ мыслей котораго, а также лишенный предразсудковъ и прямо идущій къ цѣли умъ не нуждаются въ похвалахъ), не замедлилъ отвѣтить, что Академія займется этимъ дѣломъ. Но фантазія Академіи на этотъ разъ оказалась, противъ всякихъ ожиданій, весьма тихоходной, неплодной и постоянно ищущей отсрочекъ, такъ что, по необходимости (ибо Парка не ждетъ) пришлось принять, за неимѣніемъ лучшихъ, нѣкоторыя мѣры.

Такъ были пущены въ ходъ тѣ приспособленія, единый видъ которыхъ, какъ кажется, для того и предназначенъ, чтобы охлаждать слишкомъ лирическія изъявленія печали у людей, отставшихъ отъ вѣка. Мы говоримъ о замѣчательныхъ машинахъ, называемыхъ фюникюлерами, которыя нынѣ можно видѣть въ дѣйствіи на всѣхъ нашихъ главныхъ кладбищахъ и при помощи которыхъ насъ теперь хоронятъ механическимъ способомъ,—что, конечно, гораздо быстрѣе и чище, чѣмъ ручной способъ погребенія, а также и болѣе современно. Тремя поворотами домкрата особый блокъ опускаетъ васъ, вмѣстѣ съ вашимъ гробомъ, въ яму, какъ простой тюкъ съ товаромъ; кракъ! откидывается кузовъ съ грязнымъ мусоромъ, и рррр!—все кончено. Васъ нѣтъ болѣе. Потомъ машина катится къ сосѣдней ямѣ. Слѣдующій! и повторяется то же самое. Можно еще замѣтить, что безъ такой стремительности управленіе кладбищъ, очевидно, переутомило бы напрасно всѣхъ своихъ служащихъ: въ виду притока населенія и его возрастающаго числа, обществамъ похоронныхъ процессій не могло бы хватить ихъ зловѣщаго персонала, что дурно отозвалось бы на ихъ службѣ.

Тѣмъ не менѣе всѣ общія, и притомъ *внѣшнія* средства оказались въ настоящихъ случаяхъ ощутительно безсильными. Цѣлый рядъ происшествій сдѣлалъ настоятельно нужными (по край-

ней мѣрѣ, при исключительныхъ обстоятельствахъ) примѣненія чего-либо „другого"; это „другое" усердно разыскивалось, и есть слухъ, что, за послѣднее время, какой-то неизвѣстный геній сдѣлалъ подходящее изобрѣтеніе...

. . . .

Вскорѣ послѣ тѣхъ дней, о которыхъ мы говоримъ, свѣжимъ, солнцемъ позолоченнымъ утромъ, вдоль длинныхъ зеленѣющихъ откосовъ, усаженныхъ тополями, тихо проѣзжала на колесницѣ, запряженной парой траурныхъ лошадей, груда фіалокъ, бѣлаго вереску, вѣнковъ изъ чайныхъ розъ и незабудокъ. То было по дорогѣ на кладбище, въ одной изъ дачныхъ мѣстностей.

Бахрома погребальнаго балдахина, какъ серебряный иней, блистала вокругъ этого двигающагося цвѣтника, вокругъ этого букета-монстръ, въ который была обращена печальная колесница, а за колесницей, на три шага впереди длинной вереницы пѣшеходовъ и каретъ, съ обнаженной головой, съ платкомъ у лица, шелъ—кто же? самъ Жюстъ Ромэнъ. Онъ тоже подвергся испытанію: менѣе чѣмъ въ сутки его жена, нѣжно любимая жена, скончалась.

Въ глазахъ свѣта считается не совсѣмъ пристойнымъ самому итти за похороннымъ кортежомъ своей возлюбленной жены, но Жюсту Ромэну мало было дѣла въ ту минуту до свѣта... Едва послѣ пяти мѣсяцевъ супружескихъ радостей потерять свою лучшую, свою единственную половину, свою страстно любимую подругу,— а! не лучше ли ему просто уклониться отъ жизни, если отнынѣ она не представляетъ для него никакого интереса!...

Горе до такой степени мутило его разумъ, что даже занимаемыя имъ общественныя должности въ его глазахъ не заслуживали ничего, кромѣ горькой насмѣшки. Что было ему за дѣло теперь до мостовъ и дорогъ! Какъ человѣкъ нервный, онъ испытывалъ порывы мучительной тоски при безчисленныхъ воспоминаніяхъ о навсегда погибшихъ радостяхъ. И его горе еще усиливалось, удесятерялось, получало новую жизнь отъ окружавшей его торжественной обстановки, отъ того первенствующаго положенія, которое онъ имѣлъ *честь* занимать, будучи выдѣленъ изъ числа всѣхъ остальныхъ участниковъ процессіи, идя непосредственно за этой исключительно пышной колесницей, съ которой какъ будто вѣяло величіемъ Смерти на него самого и на его скорбь, „поэтизируя" ее. Эти театральныя чувства, съ каждымъ новымъ шагомъ искажали непосредственную простоту его горести, пропитывали ее ядомъ, дѣлали ее нестерпимой. Въ концѣ-

концовъ приподнятость его тщеславной безутѣшности начинала производить непріятное впечатлѣніе чего-то смѣшного.

Однако Ромэнъ держался хорошо, и хотя отъ волненія ноги его были нетверды, онъ нѣсколько разъ во время пути почти нетерпѣливымъ: „Нѣтъ, оставьте меня!“ отвергъ предлагавшуюся ему поддержку. Но такъ какъ теперь уже приближались къ концу дороги, то, посматривая на него, шедшіе впереди высказывали опасенія, какъ бы нѣкоторыя послѣднія подробности церемоніи (напримѣръ, тотъ особенный звукъ, какой производитъ первая горсть земли и камней, брошенныхъ на доски гроба) не произвели на него впечатлѣнія слишкомъ опаснаго. Уже видны были вдалекѣ очертанія различныхъ склеповъ, памятниковъ... Безпокоились...

Вдругъ изъ рядовъ процессіи выступилъ юноша, по виду лѣтъ двадцати. Одѣтый въ изящный траурный костюмъ, онъ устремился впередъ, въ рукахъ съ букетомъ огненныхъ розъ, окруженныхъ иммортелями. Золотые волосы, стройная фигура, полные слезъ глаза располагали въ его пользу. Опередивъ предсѣдателя „Свободной Академіи неограниченныхъ нововведеній“, незнакомецъ приблизился къ самой, покрытой цвѣтами, колесницѣ, потерявъ повидимому обладаніе своей скорбью. Положивъ свой букетъ среди другихъ цвѣтовъ, но именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось изголовье покойной, юноша схватился за носилки и оперся на нихъ, тогда какъ рыданія потрясали ему грудь.

Изумленіе, какое испыталъ инженеръ при видѣ того, что какой-то незнакомецъ раздѣляетъ всю напряженность его горя, заставило его тотчасъ взять себя въ руки и, приподнявъ брови, вытереть рѣсницы, сразу ставшія менѣе влажными. Притомъ, изысканный обликъ незнакомца (неизвѣстно почему) съ перваго взгляда непріятно задѣлъ г. Ромэна, вмѣсто того, чтобы возбудить его симпатію.

— Это, должно быть, одинъ изъ родственниковъ, о которомъ Виктюрньенъ не случалось мнѣ разсказывать,—подумалъ онъ.

Прошли нѣсколько шаговъ, а такъ какъ всхлипыванія юнаго „родственника“ не пріостанавливались, совершенно наперекоръ поведенію мужа, который вдругъ успокоился, словно по волшебству, этотъ послѣдній пробормоталъ, нѣсколько стиснувъ зубы:

— Все равно! Странно, что я никогда не видѣлъ его у насъ!

И, приблизившись къ прекрасному незнакомцу:

— Извините,—спросилъ онъ вполголоса,—вы, вѣроятно, двоюродный братъ... покойной?

— Увы! болѣе, чѣмъ братъ!—пролепеталъ юноша, голубые глаза котораго были устремлены въ одну точку.—Какъ мы другъ друга любили! Какое очарованіе! Какая потеря! Что это была за красота! И что за вѣрное сердце!... А! Не будь этого печальнаго брака по расчету, который... Но что я говорю! Мысли мои такъ спутаны.

— Я—мужъ покойной, а кто такой вы?—отчеканилъ, не повышая голоса, но постепенно блѣднѣя, Жюстъ Ромэнъ.

Эти простыя слова произвели на бѣлокураго пришельца такое впечатлѣніе, словно ударъ вольтова столба. Онъ сразу овладѣлъ собой, изумленный, холодный.

Уже ни одинъ изъ двухъ не плакалъ.

— Что? Какъ? такъ вы... Это вы... А! какъ мнѣ извиниться передъ вами... Я полагалъ, что вы, какъ это принято, дома, у себя... Позже, сегодня вечеромъ, я вамъ, конечно, все объясню... я... простите тысячу разъ, но...

Мимо проѣзжалъ кабріолетъ. Неосторожный юнецъ прыгнулъ въ него и крикнулъ кучеру на ухо:

— Поѣзжайте дальше! Галопомъ! Прямо! Десять франковъ на водку!

Совершенно ошеломленный, не имѣя возможности оставить свое горестное мѣсто и преслѣдовать быстро удаляющагося сантиментальнаго Донъ-Жуана, предсѣдатель Академіи нововведеній успѣлъ таки, благодаря той остротѣ зрѣнія, которая свойственна опечаленнымъ супругамъ, замѣтить и запомнить № кабріолета.

Когда дошли, наконецъ, до мѣста послѣднихъ успокоеній, толпѣ, окружившей засыпанную цвѣтами могилу, пришлось изумляться той спокойной и твердой выдержкѣ г. Ромэна при исполненіи послѣднихъ, наиболѣе тягостныхъ обрядовъ, на что не смѣли надѣяться даже его друзья. Всѣ были поражены проявленнымъ имъ самообладаніемъ. За нимъ и прежде была слава человѣка серьезнаго, но теперь она возросла въ такой степени, что многіе тогда же порѣшили поручать ему въ будущемъ веденіе своихъ дѣлъ,—и неизбѣжный на всякомъ собраніи „простякъ", тронутый мужествомъ г. Ромэна, весьма необдуманно обратился къ нему по этому поводу съ поздравленіями, по меньшей мѣрѣ несвоевременными.

Нечего и говорить, что почтенный инженеръ, при первой возможности, поспѣшилъ по-англійски разстаться со своей свитой, бросился къ выходу, вскочилъ въ карету, крикнулъ кучеру свой адресъ и поднялъ стекла въ окнахъ; въ теченіе пути онъ, по меньшей мѣрѣ, двадцать разъ то складывалъ, то раскладывалъ ноги.

Когда онъ вошелъ къ себѣ, первое, что встрѣтилъ его блуждающій взоръ, былъ лежавшій въ гостиной на столѣ большой квадратный конвертъ, на которомъ было написано крупными буквами: „Весьма нужное сообщеніе“.

Разорвать его было дѣломъ одной минуты. Вотъ что тамъ содержалось.

Парижъ, 1 апрѣля 1887 г.

Управленіе Общества
похоронныхъ процессій.
Кабинетъ директора.

М. г. Въ силу распоряженія М. В. Д. отъ 31 февраля 1887 года, считаемъ долгомъ увѣдомить васъ, что управленіе образовало на текущій годъ особый штатъ служащихъ, такъ называемыхъ „попечителей“ или „распорядителей“, долженствующихъ функціонировать на церемоніяхъ погребенія, порученныхъ нашему Обществу. Настоящая мѣра, вполнѣ современная, будучи нововведеніемъ крайне гуманитарнымъ, являлась настоятельно необходимой и была принята нами на основаніи заключенія, даннаго физіологическимъ отдѣленіемъ медицинскаго факультета, одобреннаго видными парижскими юристами и намъ сообщеннаго того же числа.

При наличности эндемическаго невроза, имѣющаго наклонность переходить въ истерію, который свирѣпствуетъ нынѣ среди населенія, и съ цѣлью также избѣжать его, напримѣръ, у молодыхъ вдовцовъ, обычно пораженныхъ слишкомъ острой скорбью о потерянной супругѣ, и которые, противъ обыкновенія, отваживаются лично присутствовать при тяжелыхъ перипетіяхъ погребенія,—было постановлено, чтобы, по указанію врача, командируемаго Обществомъ на похоронныя церемоніи, если онъ найдетъ, что оставшійся въ живыхъ супругъ слишкомъ переоцѣнилъ свои силы и чтобы избавить его отъ нервнаго припадка, мозгового потрясенія, обморока, судорогъ и возможной комы, короче, отъ всякихъ безполезно драматическихъ проявленій чувства, которыя могутъ повлечь за собой разнообразные безпорядки вплоть до нарушенія самаго совершенія погребенія,—одинъ изъ этихъ новыхъ служащихъ, называемыхъ „попечителями“, былъ бы немедленно отправленъ къ нему, дабы произвести въ немъ, сообразно съ темпераментомъ каждаго отдѣльнаго лица, нѣкоторую моральную диверсію (аналогично съ употребленіемъ отвлекающихъ средствъ и такъ называемой „моксы“ при лѣченіи физическихъ болѣзней). Эта диверсія, поражая воображеніе оставшагося въ живыхъ супруга и возбуждая въ немъ неожиданныя чувства,

позволяетъ ему холодно спокойно, какъ подобаетъ мужественному человѣку, выполнить печальныя обязанности своего положенія.

Такимъ образомъ, м. г., бѣлокурый юноша, котораго вы видѣли утромъ, не кто другой, какъ такой „попечитель". Безполезно добавлять, что онъ никогда не былъ знакомъ съ той, которую вы отнынѣ можете, на полной свободѣ, оплакивать у себя дома, уже не причиняя никакого неудобства для общественнаго порядка.

Добавимъ, что наши кліенты не уплачиваютъ намъ никакого дополнительнаго вознагражденія въ пользу „попечителей", такъ какъ ихъ гонораръ включенъ, въ нашемъ счетѣ, въ общіе расходы.

Примите и пр.

За директора: *Пуассонъ*.

Оправившись отъ того оцѣпенѣнія, которое его охватило послѣ чтенія этого циркуляра, суровый инженеръ-поссибилистъ г. Жюстъ Ромэнъ, не обративъ вниманія на многозначительныя даты письма, тутъ же, безъ малѣйшаго колебанія, отправилъ заказнымъ письмомъ въ „Свободную Академію неограниченныхъ нововведеній" свой отказъ отъ званія предсѣдателя.

Послѣ того онъ намѣревался вызвать на дуэль, безъ всякой пощады, министра внутреннихъ дѣлъ и директора общества похоронныхъ процессій, задушивъ предварительно бѣлокураго юношу...

Но развѣ время и размышленіе не улаживаютъ всего на свѣтѣ?

Перевелъ **Аврелій**.

Ѳ. Н. Плевако.

(Лекція, прочитанная въ маѣ 1909 года въ Петербургѣ въ Обществѣ любителей ораторскаго искусства [1]).

Мое сообщеніе требуетъ нѣкотораго предисловія и, пожалуй, оправданія; оно или преждевременно, или запоздало. Запоздало, если его цѣль— только почтить память Плевако; преждевременно, если оно — попытка дать характеристику его, какъ оратора.

И не только потому, что сейчасъ мы находимся подъ тѣмъ свѣжимъ его впечатлѣніемъ, которое объективному анализу не помогаетъ; но потому, что у насъ еще нѣтъ самаго необходимаго—изданія его рѣчей и статей. Много разъ при жизни и онъ самъ, и его помощники затѣвали такое изданіе; оно оставалось затѣей и постоянно откладывалось. Теперь этого не будетъ; ждать больше нельзя, и изданіе въ хорошихъ рукахъ [2]); всякій, кому на долю не выпало случая знать Плевако лично, слышать его говорящимъ, прочтетъ его рѣчи и тѣмъ безпристрастнѣе поможетъ намъ понять, чтò онъ былъ какъ ораторъ. Мое изложеніе покажетъ, впрочемъ, что я такою цѣлью не задаюсь: я имѣю въ виду дать только то, что носитъ общее названіе „матеріаловъ“; характеристика будетъ дѣломъ другого. Лицо, которое было хорошо поставлено для наблюденія, должно не смущаясь давать все, что можетъ; его оправданіе въ томъ, что онъ видѣлъ то, чего, можетъ быть, другіе не видѣли.

---

[1]) Настоящая лекція была прочитана въ засѣданіи Общества любителей ораторскаго искусства, посвященномъ памяти Ѳ. Н. Плевако, вмѣстѣ съ сообщеніемъ А. Ѳ. Кони (напечатаннымъ позднѣе въ *Нивѣ*), П. М. Невѣжина и друг. Подобное же чествованіе предполагалось и въ Москвѣ; въ виду этого, разсчитывая принять въ немъ участіе, я не хотѣлъ печатать того доклада, который былъ только первой и потому нѣсколько поспѣшной данью памяти покойнаго. Однако въ Москвѣ до сихъ поръ ничего не устроилось, и я помѣщаю этотъ теперь уже запоздалый докладъ въ надеждѣ, что несмотря на поспѣшность, онъ всетаки нѣкоторый интересъ можетъ представить.

[2]) Въ настоящее время вышло уже два тома его рѣчей подъ редакціей Н. К. Муравьева.

Потомъ само собой опредѣлится, были ли его наблюденія цѣнны; судить объ этомъ труднѣе всего именно ему самому. А я былъ какъ разъ въ такомъ положеніи; я зналъ Плевако не долго, лѣтъ 10—12, но зато зналъ очень близко, видалъ иногда по нѣскольку разъ въ одинъ день; видалъ съ разныхъ сторонъ; не только, какъ онъ исполнялъ свое дѣло, но и какъ къ нему подготовлялся. Я хотѣлъ бы поэтому безхитростно передать мои наблюденія, которыя касаются одной стороны сложной фигуры Плевако—его, какъ оратора; и если я иногда не смогу удержаться отъ выводовъ, то пусть этого мнѣ не ставятъ въ вину; это только невольная уступка слабости ума человѣка, который не умѣетъ наблюдать и, особенно, излагать не обобщая.

Выдѣляя эту сторону фигуры Плевако—его значенія, какъ оратора, я не руководствуюсь только назначеніемъ общества, среди котораго я имѣю честь говорить; репутація оратора давно сочеталась съ Плевако какъ его главное свойство, почти какъ его синонимъ.

Что Плевако былъ превосходнымъ юристомъ и, какъ говорятъ компетентные люди, тонкимъ богословомъ, знаютъ не всѣ, но всѣ знаютъ, что ораторомъ онъ былъ несравненнымъ, внѣ конкурса. Репутацію эту онъ сумѣлъ сдѣлать народной. Въ тѣ времена, когда слово „ораторъ“ было еще неизвѣстно народному языку, не было брошено революціонной волной въ оборотъ въ смыслѣ митинговаго агитатора, а терминъ „адвокатъ“, передѣланный въ „аблакатъ“, вызывалъ представленіе о продажномъ, подпольномъ ходатаѣ, народный языкъ уже начиналъ усвоивать новое слово „плевака“, какъ исключительнаго мастера слова и судебнаго дѣла. „Найду другого Плеваку“, говорили и писали безъ всякой ироніи, и это отмѣчало то смутное, но глубокое впечатлѣніе, которое искусство и громкая слава Плевако успѣли произвести на народное воображеніе; и народная мысль, которая такъ жадно ищетъ національныхъ героевъ, которой это новое дѣло—публичное слово—было мало знакомо, тѣмъ не менѣе, какъ исключеніе, именно за это непонятное дѣло уже заносила Плевако въ число народныхъ избранниковъ.

Она отмѣтила его и другимъ свойствомъ, которымъ надѣляетъ любимцевъ: сдѣлала его героемъ легендъ, анекдотовъ и розсказней. Личность Плевако сдѣлалась легендарной, ни о комъ не ходило столько сплетенъ и миѳовъ. Они заполнили его некрологи, ими болѣе всего наполнены всѣ о немъ воспоминанія. Бо́льшая часть ихъ—досужіе вымыслы, и они характерны только какъ показатель того интереса и обаянія, которые вызывала къ себѣ его личность.

Но Плевако былъ популяренъ не только въ народной толпѣ; мы должны то же сказать про болѣе тѣсный кругъ, про образованное, читающее общество. Его нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы оно къ народнымъ любимцамъ относилось безъ критики. Критики не избѣгъ и

Плевако. Всегда и особенно въ послѣднее время, какъ расплодилось такъ много ораторовъ, и старыхъ и молодыхъ, было въ модѣ къ Плевако относиться нѣсколько свысока; стало общимъ мѣстомъ указывать на безсодержательность его рѣчей, недостаточное знаніе дѣла, недостаточную его разработку. Во всемъ этомъ есть правда. Его рѣчи часто и даже обыкновенно вопроса до конца не исчерпываютъ, въ нихъ нерѣдко сквозитъ плохое знаніе подробностей дѣла и т. д. Не трудно найти ораторовъ и особенно отдѣльныя рѣчи, которыя можно поставить выше его по разнообразію и силѣ аргументовъ, по ясности и точности языка, по стройности плана. Все это такъ. Но и тѣ великолѣпные ораторы, которые его критикуютъ, не будутъ отрицать одного: совершенно исключительной, загадочной силы рѣчи Плевако.

Было бы ошибкой думать, что причина лежитъ въ какомъ-либо особомъ талантѣ произнесенія рѣчи,—далеко нѣтъ. Я думаю даже, что такого особаго таланта и не было; много его соперниковъ съ этой стороны были одарены природой лучше. Исключительная сила Плевако лежала въ оригинальномъ, не похожемъ на что-либо другое, содержаніи его рѣчи, въ своеобразномъ впечатлѣніи, подъ которымъ онъ оставлялъ своихъ слушателей; понять Плевако можно только тогда, когда поймешь сущность этого *своеобразія*.

А что оно было, показываетъ не только простое, непосредственное впечатлѣніе, а объективные факты. Сколько лѣтъ онъ жилъ, сколько работалъ, сколько прошло около него учениковъ и помощниковъ, и ничего похожаго на школу онъ не оставилъ. Среди нашей адвокатуры онъ стоитъ одинокимъ и единственнымъ. Учиться у него, подражать ему—безнадежно и вредно. Научиться у него можно только дурнымъ привычкамъ, подражать—выйдетъ смѣшно и забавно. Какъ ясно видимъ мы школы другихъ корифеевъ адвокатуры, вліяніе ихъ примѣра, преемственность пріемовъ и свойствъ. Ничего подобнаго не осталось послѣ Плевако. Мало кто его хоть слегка напоминаетъ и навѣрное никто не замѣнитъ.

И потому-то такъ полезно вникнуть въ основныя черты его краснорѣчія; онѣ поучительнѣе, чѣмъ можетъ казаться, и не съ точки зрѣнія ораторства только: онѣ даютъ нѣкоторый ключъ къ уразумѣнію величайшей психологической тайны, власти надъ народной душой.

Говоря объ ораторѣ, особенно въ нашемъ обществѣ, нельзя обойти перваго, внѣшняго свойства оратора, техники рѣчи. Но дѣлаю это съ оговоркой и большой неохотой. Давно пора признать, что все это второстепенное, что считать это главнымъ—все равно, что главнымъ въ книгѣ считать тотъ шрифтъ, которымъ она напечатана. Болѣе того: увлеченіе внѣшней красотой рѣчи, забота о ней могутъ быть прямо губительны. Не говоря о томъ, что стремленіе развить въ себѣ это

свойство, если оно не дано отъ природы, отвлекаетъ заботы, силы и время отъ того, что несравненно нужнѣе. Я знаю примѣры и могъ бы назвать имена многимъ извѣстныя, гдѣ это свойство—природное или пріобрѣтенное—губило людей. Они невольно подпадали подъ гипнозъ своего краснорѣчія, особенно благодаря легковѣснымъ похваламъ поспѣшныхъ цѣнителей, считали себя ораторами только оттого, что говорили красиво, и, увѣренные въ томъ, что языкъ ихъ не выдастъ, что онъ не остановится, нанизывали фразы на фразу, не давая себѣ труда задуматься надъ содержаніемъ рѣчи. Какъ бы выиграли они, если бы у нихъ не было этого совершеннаго механизма, если бы они чувствовали, что ихъ слово немедленно запнется тамъ, гдѣ затуманится мысль! И какъ неразумно и нерасчетливо видѣть задачу и силу оратора въ этой внѣшней сторонѣ его рѣчи, имѣя образцы и примѣры тѣхъ, кто умѣлъ потрясать слушателей непослушнымъ, заплетающимся языкомъ, какъ Спасовичъ, какъ Бисмаркъ!

Но если переоцѣнка этого дара—опасный соблазнъ, то это все же даръ, и Плевако онъ былъ данъ въ изобиліи; и онъ получилъ его отъ природы, безъ малѣйшей заботы о немъ, не понимая даже, какое въ немъ преимущество.

Онъ обладалъ прежде всего поистинѣ изумительною свободою рѣчи, т.-е. умѣніемъ безъ запинокъ, безъ остановокъ находить нужныя слова, располагать ихъ въ правильныя и плавныя фразы. Въ наше разговорное и болтливое время, когда всѣ научились легко говорить, это свойство покажется безразличнымъ; но съ перваго взгляда трудно оцѣнить, какимъ трудомъ и, главное, за чей счетъ это достигнуто многими. Я говорю трудомъ, ибо многіе достигаютъ его тщательной работой, обдумываніемъ, запоминаніемъ самаго текста произносимыхъ рѣчей; это бываетъ гораздо чаще, чѣмъ можно судить по ссылкамъ на это. Эта работа обыкновенно сознательно скрывается или инстинктивно преуменьшается. Всѣмъ больше нравятся лавры Моцарта, чѣмъ Сальери, и болѣе лестно слыть талантливымъ бездѣльникомъ, чѣмъ научившимся труженикомъ. Многіе наивно лукавятъ и съ собой и съ другими, тщательно скрывая эту работу. Еще менѣе видна та своеобразная дань, которую многіе платятъ за свободную рѣчь. Она часто требуетъ извѣстныхъ сопутствующихъ условій, внѣ которыхъ она исчезаетъ. Всѣмъ извѣстны факты, какъ люди блистающіе остроуміемъ, живостью и образностью рѣчи въ обыкновенномъ разговорѣ, т.-е. при полномъ спокойствіи и непринужденности, утрачивали эти свойства при томъ волненіи, которое испытываетъ всякій произносящій публичное слово. Въ Москвѣ былъ, покойный нынѣ, профессоръ, увлекательный собесѣдникъ, который до старости терялъ на каѳедрѣ всѣ свои привычныя свойства и могъ только читать по написанному. Можетъ быть, менѣе извѣстно обратное, когда

для гладкой рѣчи необходимо то нервное напряженіе, которое даетъ самому привычному оратору многочисленная аудиторія. Безъ нея онъ теряетъ власть надъ словомъ, рѣчь становится прерывистой, неправильной и затрудненной. Когда мы встрѣчаемъ людей, которые въ обыкновенномъ разговорѣ говорятъ приподнятымъ языкомъ, говорятъ, какъ пишутъ, слишкомъ правильно и торжественно, мы, вышучивая это, какъ дурную привычку, часто не понимаемъ, что не отсутствіе вкуса, а инстинктивное взвинчиваніе себя для того, чтобы овладѣть своей рѣчью, причина этой привычки. У другихъ бываютъ иныя причуды: чтобы говорить свободно и плавно одному нужно говорить быстро и громко; этимъ онъ поднимаетъ себя до того напряженія, при которомъ можетъ владѣть своимъ словомъ. Иной можетъ говорить только стоя и затрудняется сидя; иному нужна широкая жестикуляція, и онъ безсиленъ при неподвижности. Ошибочно думать, что всѣ эти свойства—громогласность, жесты, быстрота, все это случайныя привычки, отъ которыхъ при желаніи можно отдѣлаться; это часто дорогая цѣна, которую ораторъ уплачиваетъ за обладаніе словомъ. Конечно, многія изъ нихъ сами по себѣ ему не мѣшаютъ, и самъ онъ, и другіе скоро къ нимъ привыкаютъ. Но все же онѣ стѣсняютъ свободу; даже больше: такъ какъ голосъ, жесты, темпъ вмѣстѣ съ содержаніемъ составляютъ то цѣльное, что называется тономъ, то погоня за плавностью рѣчи, для того, кто ей, какъ таковой, дорожитъ, незамѣтно отзывается и на содержаніи, на общемъ духѣ сказанной рѣчи; есть ораторы, которые постоянно горячатся и негодуютъ даже безъ всякаго къ этому повода только потому, что иначе ихъ языкъ не послушается и рѣчь гладкой не выйдетъ.

Всѣ эти затрудненія не были знакомы Плевако; онъ обладалъ совершенно безусловной, поистинѣ завидной свободою рѣчи. Она не покидала его никогда и нигдѣ, не стоила ему ни малѣйшаго напряженія, давалась даромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. За адвокатскимъ пюпитромъ и въ застольной бесѣдѣ, передъ тысячью людей или съ глазу на глазъ, стоя, сидя или лежа, жестикулируя, или руки по швамъ, громко или шопотомъ, поучая или балагуря, воодушевляясь или просто диктуя, онъ былъ все тѣмъ же; не искалъ словъ, не обдумывалъ фразы; слова послушной толпой, сами собой слагались въ правильныя предложенія, точно выражающія мысль. Какъ нашъ языкъ самъ собой, безъ участія сознанія или воли, находитъ тѣ движенія, которыя издаютъ желательный звукъ, нужный для слова, такъ это свойство у Плевако шло дальше, и слова такъ же инстинктивно складывались въ фразу, нужную для выраженія мысли. Ему не требовалось ни малѣйшаго труда, чтобы этого достигнуть; потому у него и не являлось сомнѣнія, что слово можетъ ему измѣнить. Что это было такъ, я сужу не только по внѣшнимъ впечатлѣніямъ, это подтверждается разнообразными наблюденіями.

Это доказываетъ прежде всего его подготовка къ рѣчамъ. Онъ часто писалъ черновики для рѣчей, и тѣ великолѣпные ораторы, которые дарятъ насъ однѣми импровизаціями, нерѣдко утверждаютъ, будто всякая плевакинская рѣчь заранѣе до тонкости обдумана, всѣ остроты предварительно приготовлены и записаны. У меня въ рукахъ было много его черновиковъ, и не могу не пожалѣть, что я недостаточно ими дорожилъ и ни одного не сохранилъ. Всякій, кому случалось сидѣть съ Плевако на дѣлѣ, помнитъ, что любимымъ его занятіемъ, пока сотрудники задавали вопросы, было писаніе рѣчи; онъ ихъ писалъ обыкновенно на длинныхъ полулистахъ, которые потомъ склеивалъ въ ленты; писалъ по нѣскольку разъ, бросая то, что написано, и начиная вновь. Онѣ были разнообразны по формѣ. Иногда, хотя рѣдко, это была цѣлая подробная рѣчь, которая могла бы быть въ такомъ видѣ и сказана; иногда это были полунамеки, отдѣльныя, часто загадочныя слова. Одно можно было замѣтить почти постоянно: то, что потомъ было сказано, мало соотвѣтствовало тому, что было написано; часто мѣнялся и планъ, и все расположеніе рѣчи, и не было уже рѣшительно никакого сходства въ способахъ выраженія мысли, въ самой редакціи рѣчи. Если иногда, быть можетъ, и сохранялись какія-либо отдѣльныя, удачныя выраженія, даже остроты или эфектныя фразы, то это было тѣмъ исключеніемъ, которое только подтверждаетъ общее правило: текста рѣчи Плевако не готовилъ, и если писалъ его, то не затѣмъ, чтобы его повторить.

Очевидно, писаніе рѣчи имѣло другой смыслъ и цѣль. Готовить текстъ ему было просто не нужно, у него не могло явиться сомнѣнія, что необходимыя слова въ соотвѣтственную минуту найдутся. Это обнаруживалось иногда съ большою наглядностью. Помню, какъ однажды мы вмѣстѣ защищали дѣло о поджогѣ въ гор. Троицкѣ, Оренбургской губерніи, его родинѣ, куда онъ поѣхалъ на защиту, чтобы увидать городъ, гдѣ родился и который покинулъ ребенкомъ. Дѣло было съ очень сложнымъ матеріаломъ: тутъ были и противорѣчивые свидѣтели, обличавшіе другъ друга и во лжи, и въ продажности, какъ это часто бываетъ у восточныхъ людей, была и экспертиза, выяснявшая стоимость сгорѣвшаго хлѣба, и т. д. Предоставивъ своимъ товарищамъ говорить первымъ и поручивъ имъ исчерпать весь матеріалъ, Плевако оставилъ за собой задачу подвести итогъ, подчеркнуть основные спорные пункты процесса. Передъ нимъ лежалъ его обыкновенный черновичокъ: отдѣльными словами, краткими фразами тамъ были намѣчены тѣ вопросы, которыхъ онъ собирался коснуться. Но вотъ въ концѣ своей рѣчи прокуроръ обратился къ судьямъ съ довольно банальнымъ призывомъ. Обвиняемымъ былъ богатый и вліятельный по мѣсту киргизъ, и прокуроръ кончилъ просьбой показать своимъ приговоромъ, что судъ не боится богатыхъ. Плевако немедленно отмѣтилъ эту фразу въ своемъ черновикѣ, и за-

тѣмъ поставилъ около нея одно слово: фейерверкъ, дважды его подчеркнувши. И онъ скоро показалъ, что̀ это значило. Дойдя до этого мѣста къ концу своей рѣчи и указавъ, что прокуроръ проситъ обвинительнаго приговора не потому, что передъ нимъ завѣдомо виноватый, а чтобы доказать силу суда, Плевако разразился такою тирадой, которую дѣйствительно нельзя лучше назвать, какъ „фейерверкъ". Тутъ были и цитаты изъ Евангелія, и ссылка на суд. уставы, и примѣры Запада, и воззваніе къ памятнику Александра II, стоявшаго передъ зданіемъ и т. д. Я не дѣлаю попытки ни вспомнить, ни возстановить этотъ фейерверкъ мыслей и словъ, который захватилъ и залу и судей; я только указываю, какъ Плевако къ нему подготовился. Вѣдь подобная вспышка среди рѣчи бываетъ у всякаго; иногда она заготовлена и обдумана заранѣе, какъ эфектное мѣсто, иногда создается сама собой подъ вліяніемъ захватившаго оратора воодушевленія. Для Плевако она не была неожиданностью; онъ заранѣе почуялъ ея необходимость, выбралъ для нея подходящее мѣсто и поводъ. Но сдѣлавъ это, онъ больше къ ней не готовился. Онъ зналъ, что фейерверкъ у него всегда готовъ, сто̀итъ только захотѣть; сто̀итъ открыть кранъ, и фонтанъ неминуемо брызнетъ. Не трудно, конечно, рѣшить, что доводовъ прокурора безъ отвѣта оставить не слѣдуетъ; отвѣтъ слишкомъ легокъ и отмѣтить его въ конспектѣ не лишнее. Но Плевако хотѣлъ не только надлежащаго отвѣта, а „фейерверка", т.-е. чего-то исключительнаго по блеску, по красотѣ, по формѣ. И если *и въ этомъ случаѣ* онъ ничего не готовилъ заранѣе, предоставивъ все вдохновенію, увѣренный, что оно ему не измѣнитъ, то ясно, какъ мало могъ онъ нуждаться въ приготовленіи текста для спокойной, дѣловой части рѣчей. Ему не приходило въ голову, что „фейерверкъ" долженъ быть приготовленъ, что яркія, красивыя мѣста, увлекающія слушателей, могутъ не явиться сами собой, что осторожнѣе убѣдиться заранѣе, что и слова, и цитаты, и образы, и сравненія найдутся въ желанномъ количествѣ, что „фейерверкъ" не окажется тусклымъ повтореніемъ одного и того же. Въ этомъ онъ былъ такъ же твердо увѣренъ, какъ каждый, кто не заикается, увѣренъ въ томъ, что онъ легко скажетъ то слово, которое пожелаетъ.

Исключительная свобода плевакинской рѣчи сказывалась и въ той легкости, съ которой онъ одно и то же могъ говорить въ совсѣмъ другихъ выраженіяхъ; это показываетъ, что слова, которыя были имъ сказаны, онъ употреблялъ случайно, не потому, чтобы иначе онъ выразиться не сумѣлъ бы, чтобы онъ инстинктивно остановился на нихъ, какъ на единственной или даже просто лучшей изъ доступныхъ ему формъ выраженія мысли. Я помню, напримѣръ, какъ онъ вернулся съ Кавказа послѣ знаменитаго процесса объ убійствѣ адвоката Старосельскаго, гдѣ ему удалось оправдать Бакиханова. Онъ вернулся довольный

и возбужденный, и по своей привычкѣ охотно всѣмъ и каждому разсказывалъ всѣ перипетіи процесса. Вся его рѣчь тамъ, повидимому, свелась къ одному фейерверку. Онъ защищалъ не одинъ, а съ покойнымъ П. Г. Мироновымъ. Мироновъ говорилъ первый и произнесъ очень обстоятельную рѣчь, разобравъ всѣ улики. Плевако разсказывалъ, что разбирать улики онъ отказался; это значило, будто бы сказалъ онъ, дѣлать имъ слишкомъ много чести. Онъ не унизится до того, чтобы *такія* негодныя по происхожденію улики удостоивать критики. Но зато онъ коснулся нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ процесса и кончилъ эфектнымъ обращеніемъ къ покойному Старосельскому. Мысль была та, что съ перваго взгляда можетъ удивить, что адвокатъ защищаетъ убійцу товарища по профессіи; но онъ защищаетъ невиннаго, т.-е. продолжаетъ то дѣло, которому служилъ и покойный, и если ему удастся сейчасъ спасти судъ отъ судебной ошибки, то это будетъ лучшій вѣнокъ, который онъ можетъ возложить на могилу убитаго. Эта несложная мысль была облечена въ такую красивую форму, съ прямымъ обращеніемъ къ Старосельскому: Товарищъ, спящій во гробѣ!—что потрясла слушателей. Въ залѣ послышались рыданія, заплакалъ одинъ изъ судей; о необычайномъ впечатлѣніи говорили газеты, о немъ передавалъ мнѣ и покойный Мироновъ. И вотъ по возвращеніи Плевако разсказывалъ объ этомъ и пересказывалъ свои слова, свой „фейерверкъ“. Онъ разсказалъ его мнѣ, при мнѣ повторялъ вновь приходящимъ, одному за другимъ, наконецъ, я прочелъ его рѣчь и этотъ конецъ ея въ мѣстныхъ газетахъ. И любопытно, что хотя мысль, изложенная въ этомъ концѣ, какъ она ни красива, все же настолько проста, что, казалось, на ней лишнихъ узоровъ не вышьешь, хотя, передавая ее нѣсколько разъ, онъ долженъ былъ въ концѣ-концовъ ее выучить наизусть, я все же слышалъ отъ него, въ одинъ и тотъ же день и позже, все новые и новые варіанты и версіи. И не могу сказать, чтобы они выходили все лучше и лучше, чтобы шло инстинктивное ихъ усовершенствованіе. Напротивъ, часто я замѣчалъ, какъ какое-нибудь выраженіе, сочетаніе словъ, эпитетъ, который особенно мнѣ понравился, исчезалъ въ позднѣйшемъ пересказѣ, замѣняясь другимъ болѣе блѣднымъ; мнѣ случалось съ досадой останавливать его, напоминать ему прежнюю редакцію. Онъ добродушно шутилъ, что я лучше его знаю, что онъ говорилъ, и потомъ передавалъ все еще иначе. Слова, очевидно, давались ему настолько безъ труда, что, несмотря на его богатую память, даже не запоминались по произнесеніи; среди массы словъ, послушно находившихся въ его распоряженіи, одинаково ему доступныхъ, его рѣчь даже инстинктивно не придерживалась испытанной знакомой дороги; такъ крѣпкій на ноги путникъ смѣло идетъ цѣликомъ, пренебрегая готовой тропинкой.

И этотъ завидный даръ импровизаціи шелъ дальше способности на-

ходить нужныя слова; также легко и свободно ему давался и планъ его рѣчи; и этотъ планъ былъ тоже не результатомъ обдумыванія, а порывомъ инстинкта, чутья. Однажды по моей просьбѣ Плевако написалъ за меня кассаціонную жалобу. Поводъ былъ несложный, нарушеніе пресловутой 572 ст. уст. угол. суд. Обвинялась дѣтоубійца, изъ Ясной Поляны, въ Крапивнѣ; предсказанія по составу присяжныхъ были самыя неутѣшительныя. Я имѣлъ осторожность запастись кассаціоннымъ поводомъ и просилъ отложить слушаніе дѣла за несоблюденіемъ ст. 572 [1]). Судъ, понимая въ чемъ дѣло, мнѣ отказалъ на томъ основаніи, что бумаги пріѣхали за 5 дней до разбора дѣла и что этого, по его мнѣнію, было достаточно. Приговоръ былъ обвинительный, и Плевако взялся за кассаціонную жалобу. Очевидно, надлежало только указать, что соображеніе суда о достаточности 5 дней для подготовки незаконно и неосновательно. Это было лѣтомъ. Плевако жилъ въ деревнѣ, и жалобу послали оттуда. Интересуясь дѣломъ, я просилъ его родныхъ выслать мнѣ или копію, или, по крайней мѣрѣ, черновикъ; въ отвѣтъ я получилъ цѣлую пачку бумагъ. Разобравшись въ нихъ, я увидѣлъ, что мнѣ прислали 5 или 6 экземпляровъ неоконченной жалобы; всѣ онѣ писаны на Ремингтонѣ, прямо набѣло, но ни одна не была окончена; оконченный экземпляръ былъ посланъ прямо въ сенатъ. Сравнивъ между собой эти 5 набросковъ, я убѣдился, что это одно и то же. Тѣ же самыя мысли и доводы, которые изложены въ разныхъ выраженіяхъ и отчасти въ разномъ порядкѣ, но не доведены до конца. Меня удивило это обиліе черновиковъ, этотъ излишекъ труда, и я, встрѣтивъ Плевако, просилъ его объяснить, зачѣмъ онъ такъ много писалъ. Онъ небрежно отвѣтилъ на это, самъ не придавая значенія тому, что говорилъ: „да въ деревнѣ постоянно мѣшаютъ, начнешь писать, а кто-нибудь явится и оторветъ". Я спрашиваю, зачѣмъ же онъ потомъ писалъ сначала, а не продолжалъ съ того мѣста, гдѣ остановился. На это онъ такъ же небрежно отвѣтилъ: „ну ужъ я такъ не умѣю; какъ меня оторвутъ, изъ головы выскочитъ; мнѣ легче начать съ начала". Наблюдая Плевако потомъ, я могъ убѣдиться, что это совершенная правда, и прошу вникнуть, какъ она характерна. Кто изъ насъ предпочтетъ писать сначала, дѣлать вновь то же дѣло, сочинять новый текстъ, вмѣсто того, чтобы просто продолжать начатое? Кто изъ насъ настолько щедръ, чтобы выбросить безъ необходимости то, что было обдумано и написано, и безъ всякой надобности *то же* сочинять второй

---

[1]) Ст. 572 уст. угол. суд.: каждое дѣло, за *недѣлю* до слушанія, должно быть доставлено туда, гдѣ предполагается открыть судебное засѣданіе.

Рѣшенія угол. кас. деп. сената за № 314, 72 г.: несвоевременное доставленіе дѣла на мѣсто не имѣетъ значенія, если объ этомъ не было сдѣлано заявленія до открытія судебнаго разбирательства и не было заявлено ходатайство объ отсрочкѣ по этой причинѣ судебнаго засѣданія.

разъ? Кто сознательно не облегчаетъ себѣ работы тѣмъ, что разбиваетъ ее на части и по частямъ исполняетъ? Но Плевако этого не умѣлъ. Вся его рѣчь, будь то произнесенная имъ или написанная, и слова, и самое расположеніе мыслей, выливалось изъ его головы какъ нѣчто цѣлое, законченное и недѣлимое; когда его прерывали, все пропадало, и ему было проще начинать съ начала, чѣмъ достроивать начатое. Какъ богатый человѣкъ не считаетъ денегъ, которыя онъ бросаетъ на вѣтеръ, онъ не жалѣлъ того, что было написано, что далось ему безъ труда, не дорожилъ удачной фразой, счастливымъ оборотомъ словъ и мыслей; онъ бросалъ все это, отдавался новому порыву, не заботясь о томъ, что онъ, можетъ быть, не будетъ такъ хорошъ и удаченъ.

Отсюда еще одна особенность плевакинскихъ черновиковъ, Плевако, какъ писателя. Въ нихъ не было слѣдовъ работы надъ текстомъ, исправленій, помарокъ и т. п. Они всегда имѣли видъ написанныхъ набѣло: Плевако могъ бросить то, что ему не понравилось, и написать сызнова; но онъ *никогда не исправлялъ*. Онъ не имѣлъ понятія о той работѣ, которую наши лучшіе писатели, наши величайшіе стилисты производили надъ текстомъ своихъ сочиненій, о томъ трудѣ, которымъ они доводили этотъ текстъ до совершенства. Плевако былъ чуждъ этой заботы. Можно сказать больше. Онъ избѣгалъ ее сознательно и умышленно. Написанный текстъ для него являлся чѣмъ-то вродѣ произнесеннаго слова, которое взять назадъ невозможно. Мнѣ по этому поводу вспоминается одно его замѣчаніе, которое по какому-то капризу запало въ память. Еще въ студенческую пору я какъ-то былъ у Плевако продавать ему концертный билетъ. Я засталъ его въ кабинетѣ, пишущимъ на машинѣ. Въ это время машины были еще рѣдкостью и Плевако былъ однимъ изъ первыхъ въ Москвѣ, который сталъ писать на нихъ; онъ писалъ очень хорошо и быстро, несмотря на то, что имѣлъ мало подвижную руку. Я спросилъ его, зачѣмъ онъ пишетъ на такой неудобной машинѣ. Съ той словоохотливостью, съ которой Плевако разговаривалъ со всякимъ, иногда посвящая перваго встрѣчнаго въ свои задушевныя тайны, Плевако сталъ объяснять мнѣ, студенту, почему онъ такъ дѣлаетъ; разсказалъ, что если много писать, то машина менѣе утомляетъ, и кромѣ того указалъ на одно ея свойство, которое запомнилось, вѣроятно, болѣе всего потому, что показалось тогда парадоксомъ. Онъ сказалъ, что машина удобнѣе потому, что не видишь написаннаго текста, что невольно его не перечитываешь, не сопоставляешь съ тѣмъ, что пишешь дальше; что такимъ способомъ писать правильнѣе, такъ какъ онъ ближе къ тому, какъ человѣку свойственно думать. И несомнѣнно, что эти слова вполнѣ отвѣчали манерѣ писать самого Плевако, который вовсе не находилъ полезнымъ и нужнымъ пользоваться преимуществами письменной формы для исправленія и отдѣлки написаннаго.

Всѣ эти мелкіе факты указываютъ, какъ это было сказано выше, на поразительную свободу и легкость плевакинской рѣчи, напоминающую такую же легкость Гамбетты; ему не было нужно заботиться о томъ, что является если не камнемъ преткновенія, то предметомъ упорнаго труда для другихъ, надъ подготовкой къ *произнесенію* рѣчи. Черновики, которые онъ писалъ, имѣли другой характеръ и другую цѣль; они были не столько подготовкой будущей рѣчи, сколько способомъ убѣдиться, что для рѣчи у него достаточно матеріала, что въ ней не окажется пробѣловъ и пропусковъ, попыткой сведенія матеріаловъ въ систему. Если планъ его не удовлетворялъ и написанной рѣчью онъ былъ недоволенъ, хотя бы только концомъ ея, онъ немедленно писалъ ее сызнова; когда она казалась удачной, онъ на ней останавливался и на ней вышивалъ узоры импровизаціи. И если по какой-либо причинѣ въ серединѣ рѣчи мысль толкала его на новый путь, онъ бросалъ свой планъ безъ сожалѣнія и безъ страха, безъ боязни запутаться, не свести съ концами концовъ; онъ не былъ рабомъ того, что было имъ приготовлено, и въ тѣхъ случаяхъ, когда этому свойству онъ измѣнялъ, онъ только проигрывалъ. Рѣчь, которую онъ говорилъ по новому плану, подвернувшемуся въ процессѣ, плану, который далеко не всегда былъ лучше того, что было задумано, сохраняла зато прелесть непосредственности и естественности, хотя бы въ ущербъ цѣльности и полнотѣ.

Есть различныя системы подготовляться; одни, и далеко не худшіе, ораторы (напримѣръ, покойный Н. В. Муравьевъ) готовятъ весь текстъ, всю редакцію; другіе сосредоточиваютъ подготовку на скелетѣ рѣчи, на ея планѣ; ихъ рѣчи не написаны, но всегда строго обдуманы. Плевако не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Не только текстъ рѣчи, но въ значительной степени построеніе было дѣломъ минуты, капризомъ даннаго вдохновенія.

Конечно, это завидный даръ, облегчавшій его работу, сберегавшій его время отъ лишняго труда, для другого болѣе важнаго. Но онъ имѣлъ и тѣневую, обратную сторону. Я не хочу много останавливаться на неудобствахъ, проистекавшихъ отъ импровизаціи самого плана. Такой планъ по вдохновенію бывалъ иногда неудаченъ и навлекалъ на его рѣчь справедливый, хотя и преувеличенный упрекъ въ безсодержательности. Я называю его преувеличеннымъ, во-первыхъ, потому, что его слишкомъ поспѣшно обобщали. Вдохновеніе капризно всегда и плоды его, конечно, не одноцѣнны. Всякаго человѣка, всякаго мастера надо судить по той высотѣ, на которую онъ способенъ подняться, а не по тѣмъ неудачамъ, которыя его могутъ постигнуть. На-ряду съ рѣчами, прелестная форма которыхъ не скрываетъ малой ихъ содержательности, мы имѣемъ другія, гдѣ разработка вопроса безукоризненна. Но онъ преувеличенъ даже поскольку имъ хотятъ указать на несистематичность

плана, неравномѣрность частей. Это часто встрѣчается: не всѣ доводы развиты одинаково, не всѣ и затронуты. Но нельзя забывать, что часто это объяснялось не недостаточной обдуманностью рѣчи, а той своеобразной оцѣнкой доводовъ, которая коренилась въ существѣ плевакинскаго міровоззрѣнія, составляя оригинальность содержанія рѣчи. Но хотя эти упреки преувеличены, доля справедливаго въ нихъ всетаки есть, и вина за это лежитъ въ значительной мѣрѣ на той смѣлости, съ которой Плевако рѣшался импровизировать по сложнымъ вопросамъ, полагаясь на одно вдохновеніе. Но говоря о тѣневой сторонѣ его дарованія, я имѣлъ въ виду не дефекты плана, вызванные условіями импровизаціи; интереснѣе представляются тѣ послѣдствія, которыя непосредственно вытекали изъ этого дара Плевако, свободы и богатства его языка. Эта свобода сдѣлала то, во-первыхъ, что Плевако пренебрегъ этимъ даромъ, никогда не работалъ надъ нимъ. Какъ бы великъ онъ ни былъ, безъ работы онъ остался въ стадіи возможности, а не расцвѣта. Въ Плевако были задатки стать несравненнымъ стилистомъ, рѣчи котораго можно было бы запоминать наизусть, какъ, напр., рѣчи А. Ф. Кони. Но онъ остался къ этому вполнѣ равнодушенъ, никогда не исправлялъ ни рѣчей, ни статей съ тѣмъ, чтобы отдѣлать, очистить свой стиль; и если этотъ великій талантъ его не былъ зарытъ въ землю, онъ не былъ и пріумноженъ. Но исключительная свобода его рѣчи, во-вторыхъ, имѣла и худшую сторону; она невольно вела къ многословію, къ напыщенности, къ искусственности языка, къ своеобразному кокетству обиліемъ и разнообразіемъ словъ. Ему вѣчно грозила опасность инстинктивнаго злоупотребленія тѣмъ даромъ, которымъ его надѣлила природа; ему было слишкомъ легко говорить, чтобы говорить ровно столько, сколько было нужно по дѣлу. Въ изустной рѣчи отъ этой опасности его спасало непосредственное вліяніе слушателей. Всякій ораторъ въ зависимости отъ большей или меньшей чуткости организаціи болѣе или менѣе ясно чуетъ ту грань, гдѣ ослабѣваетъ вниманіе слушателей. На рѣдкость здоровый и тѣломъ и нервами Плевако не былъ толстокожимъ, который не поддается вліянію создающейся вокругъ ней атмосферы. Произнесеніе рѣчи, несмотря на его громадный опытъ, всегда его волновало, приводило въ то напряженіе, въ которомъ человѣкъ такъ сливается съ окружающими, такъ чувствуетъ ихъ настроеніе. И это обостреніе нервной воспріимчивости спасало его отъ соблазновъ риторики и многословія. Чѣмъ болѣе онъ волновался, чѣмъ болѣе захватывало его настроеніе, тѣмъ рѣчь его была проще, короче, сильнѣй и красивѣй. Условія эти въ значительной степени исчезали, когда спокойно, у себя въ кабинетѣ, онъ писалъ на своемъ Ремингтонѣ, не контролируемый ощущаемой имъ нетерпѣливостью слушателя. Здѣсь часто поддавался онъ искушенію своего мастерства, и мысль его выли-

валась въ красивыхъ, но длинныхъ, напыщенныхъ, витіеватыхъ періодахъ. Они часто увлекательны и всегда такъ своеобразны, что мало-мальски привыкшій къ его языку ихъ узнаетъ повсюду; но эта красота лишена той силы, съ которой хватаютъ за сердце его простенькія, короткія фразы. И, можетъ быть, оттого между прочимъ, даже просто, какъ стилистъ, Плевако-писатель—слабѣе Плевако-оратора. Но это зло сказывалось не только въ немъ, какъ писателѣ; иногда, хотя рѣже, отъ него страдалъ и ораторъ. Какъ ни исключительно богато былъ одаренъ Плевако умѣніемъ говорить безъ подготовки, и у него, какъ у всякаго, бывали тѣ минуты пониженной дѣятельности, которымъ мы даемъ общее названіе: быть „не въ ударѣ"; оно могло проистекать не только изъ самыхъ разнообразныхъ, но и противоположныхъ причинъ: какъ отъ того, что онъ недостаточно овладѣлъ, заинтересовался предметомъ, такъ и оттого наоборотъ, что былъ имъ слишкомъ взволнованъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ менѣе свободно отдавался вдохновенію и поневолѣ охотнѣе и ближе держался того, что было задумано и приготовлено. И это всегда было къ невыгодѣ впечатлѣнія. Я помню одинъ типичный образчикъ такой неудачи, въ знаменитомъ процессѣ Стаховича и кн. Мещерскаго. Какъ ни расхвалили газеты его рѣчь по этому дѣлу, я смѣло причисляю ее къ неудачнымъ; это былъ succès d'estime, при которомъ отсутствіе восхищенія со стороны газетныхъ репортеровъ требовало извѣстнаго мужества. Что рѣчь была неудачна, я сужу не только по отзывамъ тѣхъ, кто хорошо зналъ Плевако и для сужденія объ этой рѣчи имѣлъ точки сравненія, но и по его личной оцѣнкѣ; долгое время онъ не любилъ о ней говорить и потомъ признавался, что остался собой недоволенъ. А между тѣмъ къ рѣдкой защитѣ онъ приготовлялся такъ тщательно; онъ много разъ писалъ и переписывалъ рѣчь, и послѣдній ея черновикъ былъ не рядомъ отдѣльныхъ словъ и намековъ, а совершенно законченнымъ текстомъ. Онъ и былъ напечатанъ въ газетахъ; кстати добавлю: всѣ тѣ рѣчи, которыя печатались отъ его имени и подлинность которыхъ можно узнать по его своеобразному языку, обыкновенно бывали имъ самимъ написаны; записать за нимъ, съ сохраненіемъ его слога, было выше силъ человѣческихъ. Обыкновенно послѣ процесса репортеры осаждали его просьбами дать ему рѣчь, и онъ, когда не лѣнился, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ писалъ ее на Ремингтонѣ; это бывала несомнѣнно его, плевакинская рѣчь, но излишне повторять, что она была только подобіемъ сказаннаго, однимъ изъ ея возможныхъ варіантовъ. Въ данномъ же процессѣ Стаховича Плевако при мнѣ отдалъ репортеру тотъ самый черновикъ, который имѣлъ, и онъ былъ полностью напечатанъ. Передъ процессомъ Плевако волновался такъ сильно, что вопреки своей привычкѣ, наканунѣ суда просилъ меня со всѣми подробностями разсказать ему, что

я буду говорить, и, что еще менѣе было на него похоже, просилъ вы пустить или смягчить нѣкоторыя мѣста, чтобы съ нимъ не разойтись. Я думаю, что его волновала не столько сенсаціонность процесса, сколько совсѣмъ непривычный и даже непріятный ему ея политическій характеръ съ массой деликатныхъ моментовъ, требовавшихъ политическаго такта и дипломатической осторожности. И вотъ поздно вечеромъ передъ засѣданіемъ онъ пришелъ ко мнѣ въ номеръ и прочелъ напечатанную имъ на Ремингтонѣ рѣчь. Зная по опыту, какъ измѣняетъ онъ все то, что говоритъ, и интересуясь не формой, а содержаніемъ, отдѣльными блестящими мыслями, я, прослушавъ его рѣчь, былъ увѣренъ, что она будетъ chef d'oeuvre'омъ, и предвкушалъ наслажденіе ее выслушать. Здѣсь меня и постигло разочарованіе. Плевако не справился съ волненіемъ; его замѣтили всѣ даже неопытные наблюдатели; онъ дошелъ до того, что нѣсколько разъ путалъ слова, говорилъ кн. Стаховичъ и г. Мещерскій. Усомнившись въ себѣ, онъ боялся оторваться отъ готоваго текста, и вмѣсто свободной импровизаціи я услышалъ близкій пересказъ того, что было написано. Спора нѣтъ, что и это было очень хорошо; это вовсе не было проваломъ и могло бы доставить заслуженные лавры другому. Но всѣ слабыя стороны плевакинской написанной рѣчи, ея длинноты, вычурность языка, выступили такъ рельефно, до того ослабили впечатлѣніе, что мнѣ вмѣсто радости рѣчь принесла одно страданіе, а слушателей далеко не захватила такъ, какъ онъ умѣлъ ихъ захватывать. Такое же отношеніе импровизаціи и рѣчи написанной или, по крайней мѣрѣ, заранѣе обдуманной можно иногда наблюдать и при другихъ обстоятельствахъ. Я не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія, напримѣръ, что характернымъ образчикомъ такого сопоставленія можетъ быть знаменитая защитительная рѣчь по дѣлу кн. Грузинскаго; оговариваюсь, что это только предположеніе, основанное на знакомствѣ съ текстомъ, и что съ самимъ Плевако я про это не говорилъ. Рѣчь въ защиту кн. Грузинскаго въ большей своей части является, несомнѣнно, импровизаціей; объ этомъ онъ самъ свидѣтельствовалъ въ началѣ, и это не фраза, не риторическій пріемъ простого бахвальства; кто изучилъ обстоятельства дѣла, тотъ согласится, что при самомъ причудливомъ воображеніи нельзя было предвидѣть той постановки обвиненія, которое было изобрѣтено прокуроромъ. Итакъ, Плевако начинаетъ импровизировать на тему, которая не была имъ обдумана; и дѣлаетъ это передъ труднымъ составомъ присяжныхъ, передъ сѣрымъ составомъ, какъ онъ это самъ говорилъ. И нельзя достаточно налюбоваться мастерствомъ этой работы, образнымъ, яркимъ, сильнымъ и доступнымъ языкомъ, который ничего не потерялъ ни въ своемъ благородствѣ, ни въ своей литературности, отъ приспосабливанія къ пониманію темныхъ людей; нельзя не восхищаться той смѣлостью и прямотой, съ которыми онъ самъ задѣвалъ самыя опасныя стороны дѣла.

Не могу удержаться отъ удовольствія привести вамъ начало этой рѣчи: „Какъ это обыкновенно дѣлаютъ защитники, я по настоящему дѣлу прочиталъ бумаги, бесѣдовалъ съ подсудимымъ и вызвалъ его на искреннюю исповѣдь души, прислушался къ доказательствамъ и составилъ себѣ программу, замѣтки, о чемъ, какъ, что и зачѣмъ говорить предъ вами. Думалось и догадывалось, о чемъ будемъ говорить прокуроръ, на что будетъ особенно ударять, гдѣ въ нашемъ дѣлѣ будетъ мѣсто горячему спору,—и свои мысли держалъ я про запасъ, чтобы на его слово былъ отвѣтъ, на его ударъ отраженье.

„Но вотъ теперь, когда г. прокуроръ свое дѣло сдѣлалъ, вижу я, что мнѣ мои замѣтки надо бросить, программу изорвать. Я такого содержанія рѣчи не ожидалъ.

„Много можно было прокурору спорить, что поступокъ князя не можетъ быть ему отпущенъ, что князь задумалъ, а не вдругъ рѣшился на дѣло, что никакого безпамятства не было, что думать о томъ, что Шмидтъ со своей стороны готовитъ кровавую встрѣчу и подъ этой думой стрѣлять въ Шмидта—князю не приходилось. Все это спорныя мѣста, сразу убѣдиться въ нихъ трудно, о нихъ можно потягаться.

„Но подымать вопросъ, что князь жены не любилъ, оскорбленія не чувствовалъ, говорить, что дѣти тутъ не при чемъ, что дѣло тутъ другое, воля ваша,—смѣло и врядъ ли основательно. И уже совсѣмъ не хорошно, совсѣмъ непонятно объяснять исторію со Шмидтомъ письмами къ Ѳенѣ, строгостью князя съ крестьянами и его презрѣніемъ къ меньшей братіи—къ крестьянамъ и людямъ, вродѣ нѣмца Шмидта, потому что онъ свѣтлѣйшій потомокъ царственнаго грузинскаго дома.

„Все это ново, неожиданно, и я, бросивъ задуманное слово, попытаюсь отвѣтить прокурору такъ, какъ меня наталкиваетъ сердце, возбужденное слышаннымъ и боязнью за будущее моего дѣтища-подсудимаго. Я очень радъ, что судьбу князя рѣшаете вы, по виду вашему—пахари и промышленники, что судьбу человѣка изъ важнаго рода отдали въ руки ваши.

„Равенство всѣхъ предъ закономъ и вѣра въ правосудіе людей, не несущихъ съ собой въ судъ ничего, кромѣ простоты и чистоты сердца,—сегодня явны въ настоящемъ дѣлѣ. Сегодня, въ сторонѣ большого свѣта, въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ нѣтъ крупныхъ интересовъ, гдѣ всѣ вы заняты своимъ дѣломъ, не мечтая о великихъ дѣлахъ и безсмертіи имени, на скамью обвиненіемъ посаженъ человѣкъ, котораго упрекаютъ въ презрѣніи къ вамъ, упрекаютъ въ томъ, что онъ изъ стародавней, нѣкогда властвовавшей надъ Грузіей фамиліи... И вамъ же предаютъ его на судъ!

„Но мы этого не боимся и, не краснѣя за свое происхожденіе, не страшась за вашу власть, лучшаго суда, чѣмъ вашъ, не желаемъ, вполнѣ надѣясь, что вы насъ разсудите въ правду и въ милость, разсудите по-

человѣчески, себя на его мѣсто поставите, а не по фарисейской правдѣ, видящей у ближняго въ глазу спицу, у себя не видящей и бревна, на людей возлагающей бремя закона, а себѣ оставляющей легкія ноши".

Останавливаюсь здѣсь только потому, что когда-либо надо остановиться. Въ такомъ же стилѣ ведется она и дальше, и поистинѣ трудно отъ нея оторваться.

Но хотя, какъ говорилъ Плевако, онъ записку разорвалъ и бросилъ, однако записка у него была, и по какому-то капризу оратора, онъ нижданно къ ней возвращается; мы узнаемъ сейчасъ это не живое, не живущее мѣсто, отзывающееся хладнокровнымъ творчествомъ кабинета. Готовясь къ дѣлу, не зная присяжныхъ, еще не предчувствуя той атмосферы, которая создастся, растянуто и блѣдно, не согрѣтый пламенемъ конкретнаго случая, какъ бы только теоретически, абстрактно, Плевако готовился разъяснить присяжнымъ различную степень и виды афектовъ, ненаказуемость неполной вмѣняемости и т. д. Все это было обдумано и навѣрно написано. Я не берусь судить, дѣйствительно ли это сказалъ Плевако въ своей рѣчи, или это потомъ по его запискѣ вставилъ репортеръ, я увѣренъ только, что эта часть написанной рѣчи—плодъ не нервнаго слова, а кабинетная выдумка, и что она лежитъ блѣдной заплатой на яркомъ фонѣ импровизаціи. Вотъ для иллюстраціи нѣсколько фразъ этой вставки:

„Часто извиняютъ преступленія страсти, разсуждая, что душа, ею одержимая, не властна въ себѣ.

„Но если проступокъ былъ необходимъ, то самая страсть, когда она зарождалась въ душѣ, вызывала осужденія нравственнаго чувства. Павшій могъ бы избѣжать зла, если бы своевременно обуздывалъ страсть. Отсюда—преступленіе страсти всетаки грѣхъ, всетаки нѣчто, обусловленное уступкой злу, пороку, слабости. Такъ, грѣхъ Каина—результатъ овладѣвшей имъ страсти—зависти. Онъ не повиненъ, ибо совѣсть укоряла его, когда страсть, еще не рѣшившаяся на братоубійство, изгоняла изъ души его любовь къ брату.

„Но есть иное состояніе вещей: есть моменты, когда душа возмущается неправдой, чужими грѣхами, возмущается законно, возмущается во имя нравственныхъ правилъ, въ которыя вѣруетъ, которыми живетъ, и, возмущенная, поражаетъ того, кѣмъ возмущена...

„Такъ, Петръ поражаетъ раба, оскорбляющаго его Учителя. Тутъ всетаки есть вина,—несдержанность, недостатокъ любви къ падшему, но вина извинительнѣе первой, ибо поступокъ обусловленъ не слабостью, не самолюбіемъ, а ревнивой любовью къ правдѣ и справедливости".

Я не хочу слишкомъ долго останавливаться на примѣрахъ, но, проглядывая то, что напечатано изъ его рѣчей, мнѣ кажется, я отчетливо вижу двухъ различныхъ Плевако: Плевако—говорящаго, будь то въ не-

принужденной бесѣдѣ и разговорѣ, или въ нервномъ напряженіи защитника, не тратящаго лишнихъ словъ, не дающаго ослабѣть вниманію и впечатлѣнію, и Плевако спокойно и неторопливо стучащаго на своемъ Ремингтонѣ и перваго подпадающаго подъ власть своего опаснаго дарованія. И я увѣренъ дальше,—и тамъ, гдѣ я могъ, я это провѣрилъ,—что тѣ рѣчи, которыя изданы, какъ рѣчи Плевако, и были имъ исправлены или, вѣрнѣе, написаны, такъ какъ я не могу представить себѣ Плевако исправляющимъ что-либо, что эти рѣчи все же даютъ о немъ, какъ объ ораторѣ, невѣрное или, по крайней мѣрѣ, неполное представленіе;—въ большинствѣ случаевъ онѣ писались ремингтоннымъ стилемъ, кромѣ тѣхъ, которыя были записаны стенографически или когда Плевако, переписывая ихъ, находился еще самъ подъ властью настроенія, которое ихъ диктовало. Потому-то эти рѣчи, этотъ сборникъ, давая возможность судить о Плевако, какъ объ ораторѣ, по содержанію, часто можетъ ввести въ заблужденіе, если говорить о немъ, какъ о стилистѣ.

Но я не хотѣлъ бы всѣмъ раньше сказаннымъ дать поводъ предположить, будто я считаю слогъ Плевако въ общемъ блѣднымъ и многословнымъ. Этого я не хотѣлъ говорить. Я отмѣчаю только, что изумительная свобода его рѣчи, позволивъ и даже внушивъ ему дурную привычку никогда не исправлять того, что написано, сослужила плохую службу ему, какъ *стилисту*, въ рѣдкомъ случаѣ въ качествѣ оратора, чаще—писателя. Конечно, это нисколько не отражается на общей оцѣнкѣ его, ибо сила Плевако не въ стилѣ. Только съ точки зрѣнія чисто литературной, любителей россійской словесности, можно пожалѣть, что судьба допустила остаться безъ развитія и обработки эту часть его громаднаго дарованія. Но и здѣсь можно жалѣть только о томъ, что Плевако не далъ всего, что дать могъ. Здѣсь жалѣешь о погибшей возможности, ибо и въ этомъ отношеніи Плевако былъ одаренъ феноменально; свобода рѣчи была только однимъ изъ его свойствъ, другимъ была рѣдкая колоритность, яркость, выразительность его языка. Все это прорывалось въ его рѣчи, и болѣе всего тогда, когда онъ объ этомъ менѣе всего помышлялъ; стилистическими красотами, которымъ мѣсто въ христоматіяхъ, были полны его разсказы и споры въ повседневной бесѣдѣ, за чайнымъ столомъ; вы ихъ найдете на любой страницѣ сборника его произведеній; онѣ такъ и блещутъ въ тѣхъ счастливыхъ мѣстахъ, гдѣ чувствуется подъемъ охватившаго его настроенія, гдѣ о стилѣ онъ совсѣмъ забывалъ, весь устремляясь къ дѣлу, живя съ слушателями однимъ напряженіемъ. Перечтите такіе перлы его краснорѣчія, какъ знаменитое дѣло люторичскихъ крестьянъ, забудьте о содержаніи, объ оригинальномъ юридическомъ построеніи, оцѣните одинъ только стиль, одну литературную внѣшность!

Я не хотѣлъ бы въ этомъ направленіи итти слишкомъ далеко; я не-

вольно вспоминаю то отвращеніе, которое мой гимназическій учитель сумѣлъ внушить намъ къ Горацію только тѣмъ, что подвергалъ тончайшему анализу его стиль, отыскивая и классифицируя его красоты. Но чтобы оцѣнить прелесть плевакинскаго языка, прослѣдите его мастерство въ пользованіи двумя, тремя пріемами литературнаго изложенія. Возьмите, напримѣръ, мѣткость и силу эпитета. Въ рѣчи о люторичскихъ крестьянахъ, описывая крестьянскій надѣлъ, Плевако говоритъ: „особенность этого имѣнія, это—ничтожный надѣлъ, даровой, какъ его именуетъ законъ, нищенскій, какъ его обзываютъ въ литературѣ, кошачій по мѣткому выраженію русскаго *голодающаго остроумія*". Какъ много сказано сочетаніемъ этихъ словъ—голодающее остроуміе!

Я невольно припоминаю другого стилиста и мастера эпитетовъ, нашего москвича Ключевскаго; и у него тотъ же яркій, образный стиль, который ни на кого не похожъ, котораго послѣ нѣсколькихъ строчекъ повсюду узнаешь безъ подписи. Мѣстами Плевако напоминаетъ его, но Ключевскій при всемъ своемъ талантѣ былъ человѣкомъ упорной, медленной работы; его статьи и лекціи строго обдуманы; въ нихъ импровизаціи нѣтъ. Плевако же кидалъ свои эпитеты *походя,* въ простомъ разговорѣ, забывая про нихъ; онъ могъ ихъ сказать въ своей рѣчи и, воспроизводя ее потомъ на ремингтонѣ, опустить ихъ, такъ какъ это былъ мимолетный капризъ дивнаго языка, а не плодъ внимательной мысли. Потому въ отличіе отъ Ключевскаго, въ языкѣ котораго по банальному, но вѣрному выраженію ни одного слова нельзя ни прибавить, ни выкинуть, стиль Плевако невыдержанъ и неровенъ, покрытъ какъ бы блестками, ярко свидѣтельствующими о могучемъ талантѣ, но вызывающими нерѣдко самонадѣянное желаніе заняться его коректурой.

Посмотрите еще на одинъ изъ труднѣйшихъ литературныхъ пріемовъ—опредѣленія.

„Деревенская община,—говорилъ Плевако въ той же рѣчи о люторичскихъ крестьянахъ,—юридическое лицо. Она думаетъ на сходкѣ и, по условіямъ юридическаго лица, она иначе не можетъ думать, какъ вслухъ и рѣчами. Сильные голоса того и другого на сходкѣ, это—*рельефныя мысли думающей юридической личности.* Если среди шумящаго люда и раздавались бранныя слова,—говорилъ онъ дальше,—то не судите за это строго: *бранное слово—это междометіе народнаго языка*".

Однимъ изъ любимыхъ пріемовъ Плевако, къ которымъ онъ прибѣгалъ очень часто, и всегда очень удачно, было сравненіе: ими кишитъ его рѣчь, часто оно замѣняетъ цѣлый доводъ, является единственнымъ аргументомъ. Въ нихъ онъ всегда великолѣпенъ. Я помню, что когда бывало—будь то въ рѣчи или разговорѣ—Плевако вдругъ возьмется за сравненіе, то раньше, чѣмъ онъ его сыщетъ, уже радостно пред-

вкушаешь что-то блестящее и неожиданное. И онъ сыпалъ ими такъ же небрежно, щедро, какъ другими перлами своего несравненнаго языка. Ихъ много и въ тѣхъ рѣчахъ, которыя напечатаны. Возьмемъ то же дѣло люторичскихъ крестьянъ. Плевако цитируетъ статистику дѣлъ, возбужденныхъ экономіей гр. Бобринскаго противъ крестьянъ. „Въ 1866 году г. Фишеръ предъявляетъ всего два дѣла—на 150 р.; на слѣдующій годъ уже 7 дѣлъ, и взыскано долгу и неустойки 1,542 р.; въ 1869 г. 5 дѣлъ и 103 р.; въ 1870 г. разыгрывается аппетитъ г. Фишера, и онъ вчиняетъ 51 дѣло и получаетъ 9,937 руб.; въ 1871 г.—54 дѣла и 13,032 р.; въ 1872 г.—28 дѣлъ и 7,858 р. взысканія. Въ 1873 г. настало затишье—*рука бьющаго устала* и вчинила только 5 дѣлъ и только 1,309 р. взыскано. Но миръ былъ недологъ. Съ слѣдующимъ годомъ вспыхнуло новое гоненіе: 20 дѣлъ и 6,588 р. въ 1874 г.".

Какая мѣткость и неожиданность сравненія: „рука бьющаго устала"! Ясно, что оно ничего не объяснило, не затѣмъ оно было и сказано. Но паденіе цифры дѣлъ въ 1873 г. пройти молчаніемъ было нельзя; Плевако прибѣгъ къ сравненію и однимъ словомъ нарисовалъ картину, въ которой это случайное уменьшеніе дѣлъ только усилило общее впечатлѣніе. Въ той же рѣчи онъ возражаетъ противъ обвиненія въ подстрекательствѣ; его усматривали въ одновременности сопротивленія со стороны всѣхъ крестьянъ. „Войдите въ звѣринецъ, когда настанетъ часъ бросать пищу оголодавшимъ звѣрямъ; войдите въ дѣтскую, гдѣ проснувшіяся дѣти не видятъ няни. Тамъ одновременное рычаніе, здѣсь—одновременный плачъ. Поищите между ними подстрекателя... И онъ найдется не въ отдѣльномъ звѣрѣ, не въ старшемъ или младшемъ ребенкѣ, а найдете его въ голодѣ или страхѣ, охватившемъ всѣхъ одновременно"...

Возьмемъ другую, превосходную рѣчь въ защиту А. Е. Максименко, любопытную съ самыхъ различныхъ сторонъ. Обвинитель рисовалъ прошлое подсудимой черными красками; другой защитникъ протестовалъ противъ этого пріема, находилъ его неправильнымъ и незаконнымъ и просилъ присяжныхъ забыть то, что было имъ сказано. Но Плевако этимъ не довольствуется: „Одной просьбой о забвеніи этой страницы дѣла ничего не сдѣлаешь: она уже прошла передъ глазами присяжныхъ. Просьбы о забвеніи остались бы неисполненными и даже возбуждали бы особое вниманіе къ исключаемымъ фактамъ.

„Такъ безплодна просьба матери, которая, давая дочери своей какой-либо модный романъ, предлагаетъ ей не читать нѣкоторыхъ отмѣченныхъ краснымъ карандашомъ страницъ: онѣ будутъ прочитаны, прочитаны ранѣе другихъ, и только сильнѣе запечатлѣются въ молодомъ мозгу.

„Нѣтъ, я мирюсь съ пріемомъ прокурора и, выслушавъ его обличительную рѣчь о далекомъ прошломъ подсудимой, принимаю вызовъ“.

И въ слѣдующемъ за тѣмъ образцовомъ по силѣ и яркости описаніи прошлаго подсудимой находится рядъ красивыхъ сравненій. Подсудимую обвиняютъ въ легкомысліи, распущенности. Указываютъ на увлеченія до брака. „Кто изъ насъ, имѣя въ семьѣ молодыхъ дѣвушекъ, сестеръ или дочерей, не знаетъ, что серьезному чувству, которое ведетъ ихъ къ алтарю, предшествуютъ, *какъ эскизы предшествуютъ картинѣ,* мимолетныя вспышки нѣжности, скоро проходящія печали молодого сердца“?...

А вотъ еще сравненіе, которое пришлось слышать мнѣ самому, въ одной изъ послѣднихъ рѣчей Плевако о безпорядкахъ на фабрикѣ Коншина. Рѣчь идетъ о характерѣ массовыхъ преступленій.

„Толпа—зданіе, лица—кирпичи. Изъ однихъ и тѣхъ же кирпичей созидается и храмъ Богу, и тюрьма—жилище отверженныхъ. Передъ первымъ вы склоняете колѣни, отъ второй бѣжите съ ужасомъ.

„Но разрушьте тюрьму, и изъ кирпичей, оставшихся цѣлыми отъ разрушенія, вы снова построите храмъ“.

Такъ въ простомъ образѣ Плевако резюмируетъ цѣлое ученіе о толпѣ, о ея вліяніи на человѣка, объ его уменьшенной вмѣняемости, о несправедливости по одиночкѣ карать тѣхъ, кто былъ преступенъ только съ толпой.

Укажу еще на одну сильную сторону таланта, на картинность его описаній.

Нарисовавъ краснорѣчиваго Рудина, Тургеневъ прибавляетъ, что онъ не умѣлъ описывать, что для этого у него нехватало красокъ. Этого нельзя было сказать о Плевако. Описанія удавались ему превосходно въ самыхъ яркихъ и жизненныхъ тонахъ. Приводить примѣры этого въ видѣ цитатъ было бы невозможно, это заняло бы слишкомъ много мѣста и времени; я сошлюсь только на рѣчи, гдѣ можно видѣть такія описанія: это—то же дѣло люторичскихъ крестьянъ, гдѣ описанъ ходъ безпорядковъ, дѣло Максименко, гдѣ описано прошлое дѣвушки, дѣло Ильяшевича, Висновской и много другихъ. По самому свойству дѣла *описанію* всегда отводится въ *судебныхъ* рѣчахъ меньше мѣста, чѣмъ *разсужденію.* Но кто зналъ лично Плевако, знаетъ, какой мастеръ былъ онъ разсказывать и описывать. Послѣ него осталось начало его автобіографіи; когда она будетъ напечатана, вы увидите, что въ Плевако скрывался и погибъ помимо всего прочаго и несравненный художникъ.

Добавлю еще, что онъ былъ неистощимъ въ остротахъ, каламбурахъ, превосходно владѣлъ стихомъ и риѳмой, могъ импровизировать стихами, могъ пародировать любого писателя; такъ при своемъ глубокомъ знаніи писанія и богослуженія, онъ въ минуты добродушнаго ду-

рачества пародировалъ эктеньи, проповѣди, самую Библію; короче, что онъ былъ тѣмъ хозяиномъ слова, для котораго въ этой области нѣтъ ничего недоступнаго, который владѣетъ имъ такъ, какъ другой владѣетъ мыслью. И если бы Плевако этимъ дорожилъ, надъ этимъ работалъ, то онъ оставилъ бы намъ классическіе, недосягаемые образцы силы и прелести русскаго языка. Но онъ объ этомъ не думалъ. Все это было для него только орудіемъ, а не цѣлью; онъ довольствовался тѣмъ, что ему было дано, не заботясь отточить, украсить это орудіе. И если отъ этого потеряла русская литература и при чтеніи его рѣчей не такъ легко бросается въ глаза обаяніе слога, то Плевако, какъ ораторъ, отъ этого выигралъ. Онъ не принужденъ былъ разбрасывать силы, тратить время и вниманіе на заботы о внѣшности; ему не грозила опасность стать слугой и даже рабомъ собственнаго своего краснорѣчія. Плевако начиналъ тамъ, гдѣ другіе кончаютъ; въ то время, какъ другіе уже считаютъ себя ораторами только потому, что добились умѣнья говорить не только гладко и правильно, но и красивыми фразами по всѣмъ рецептамъ риторики, Плевако имѣлъ это отъ Бога, и притомъ въ такомъ изобиліи, что не могъ понять, какъ объ этомъ можно заботиться и почему это можно цѣнить.

Работа его ушла на другое, и, конечно, нельзя сомнѣваться, что ушла на болѣе важное.

И интересенъ вопросъ: на что она ушла, въ чемъ была его подготовка, что дало ему его воспитаніе?

Ходячій упрекъ, который обыкновенно дѣлаютъ Плевако, заключается въ томъ, что онъ мало работалъ, не зналъ дѣлъ, спасался только талантомъ. Въ этомъ упрекѣ есть доля правды, хотя ее слѣдуетъ заключить въ надлежащія рамки. Во-первыхъ, не надо преувеличивать; если Плевако меньше, чѣмъ другіе, тратилъ времени на изученіе дѣлъ, то не надо упускать изъ виду, что онъ обладалъ удивительной памятью и рѣдкимъ умѣніемъ сразу схватить суть всякаго казуса. Кромѣ того, въ дѣлѣ, особенно уголовномъ, онъ рѣдко пользовался всѣмъ матеріаломъ; онъ отбиралъ нѣсколько основныхъ положеній, главныхъ мотивовъ, и мало интересовался тѣмъ, что не имѣло къ нимъ отношенія. Но какъ бы то ни было, къ дѣламъ онъ дѣйствительно часто готовился недостаточно; узнавалъ ихъ наскоро и, что еще хуже, по пересказу помощниковъ. Но не чтеніемъ „дѣлъ“ ограничивается подготовка оратора, и было бы грустно, если бы время такого ума, главнымъ образомъ, уходило на это. Интереснѣй вопросъ, вообще умѣлъ ли *работать* Плевако, или онъ былъ „праздный гуляка“, котораго въ нужныя минуты осѣняло вдохновеніе свыше? Конечно, Плевако не могъ служить образцомъ трудолюбія; онъ былъ слишкомъ мало европейцемъ, чтобы умѣть устроить регулярную жизнь,

умѣть работать систематично; по общительности его характера масса времени у него уходила на разговоры, на гостей, на балагурство, на всѣ эти язвы русскаго общежитія. Онъ работалъ по-русски, порывами: то, наглухо отъ всѣхъ запершись, просиживая надъ бумагами ночи, то заставляя дѣла и кліентовъ ждать терпѣливо, пока онъ тратитъ нужное время въ гостиной, за картами, за чайнымъ столомъ. Все это естественно порождало толки о его лѣни, безпечности и легкомысліи. Впрочемъ, и здѣсь надо опасаться преувеличенія. На склонѣ лѣтъ всѣ живутъ болѣе запасами прошлаго, съ годами растутъ не знанія, только опытъ, и всѣ болѣе или менѣе отстаютъ и опускаются. Общей участи не избѣгъ и Плевако. Чтобы судить о томъ, какъ и надъ чѣмъ онъ работалъ, справедливѣе взять его въ молодости. И мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы утверждать, что Плевако былъ совсѣмъ не лѣнивъ, что онъ много работалъ, что репутація „безумца, гуляки празднаго" была имъ совсѣмъ не зазаслужена, и не одинъ Божій даръ сдѣлалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ.

Однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ, „вещественныхъ" доказательствъ работы Плевако была его библіотека. Она не была собраніемъ книгъ, которыя покупаютъ сразу, по случаю, украшая ими кабинетныя полки. Въ громадной части она пріобрѣталась постепенно самимъ Плевако, въ то время, когда онъ не былъ настолько богатъ, чтобы тратить деньги на ненужную книгу. И Плевако не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто довольствуется пріобрѣтеніемъ книги и, ставя ее на полку, этимъ ограничиваетъ свое отношеніе къ ней. Его книги носили ясный слѣдъ изученія; масса подчеркиваній, значковъ, иногда всѣ поля кругомъ исписаны. И, что еще интереснѣе, связь Плевако и книги не прекращалась и послѣ прочтенія. Въ общемъ онъ былъ человѣкъ разсѣянный и безпорядочный, который все терялъ и забывалъ. Но стоило у него попросить какую-нибудь книгу, и онъ всегда безъ ошибки указывалъ, гдѣ ее найти. А это было совсѣмъ не такъ просто. У Плевако была одна удивительная страсть, которой судьба не давала ходу: переѣзжать съ квартиры на квартиру. Такъ какъ онъ жилъ въ своемъ домѣ, то это для него было ненужно; онъ мѣнялъ тогда квартиру въ предѣлахъ того же самаго дома; на моей памяти онъ перемѣнилъ 4 квартиры въ домѣ на Новинскомъ бульварѣ. Но и этого ему было мало; тогда онъ измѣнялъ расположеніе комнатъ, переѣзжалъ въ другой кабинетъ. За невозможностью дѣлать и это, онъ переставлялъ мебель, и особенно часто переставлялъ книги на полкахъ, располагая ихъ по новому плану.

Я часто видалъ его за этимъ занятіемъ; для него онъ забывалъ все остальное, кліентовъ, дѣла, сроки и обѣщанія. Его можно было видѣть на лѣстницѣ съ книгой въ рукахъ, бѣгло ее перелистывающаго; стоило войти въ это время, и онъ тотчасъ начиналъ говорить о книгѣ, раз-

сказывать анекдоты о томъ, какъ, почему и зачѣмъ онъ ее пріобрѣлъ, что его въ ней поразило и т. д. Если при переборкѣ книгъ оказывалось, что какая-нибудь изъ нихъ не на мѣстѣ, онъ всегда это замѣчалъ, волновался, начиналъ подозрѣвать своихъ завсегдатаевъ, посылалъ къ нимъ за справками, и обыкновенно ее находилъ. Словомъ, его библіотека была нѣчто съ нимъ крѣпко сроднившееся, глубоко имъ пережитое, стала частью его личности или, по крайней мѣрѣ, его біографіи.

Это дѣлаетъ очевиднымъ, что въ свое время Плевако много работалъ, и, какъ ни условны всѣ выводы, которые можно дѣлать о человѣкѣ по составу его библіотеки, она всетаки открываетъ кое-что характерное.

Она прежде всего была довольно случайной, несистематичной; въ этомъ отразилась несистематичность его образованія; онъ не проходилъ правильной школы подъ чьимъ-либо руководствомъ: если онъ былъ самородкомъ по дарованію, то остался самоучкой по воспитанію; на немъ не замѣчалось слѣдовъ учителя, вліянія извѣстнаго направленія. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова эклектикомъ; читалъ все, что понравилось или что было почему-либо нужно въ данный моментъ. Онъ запасался самыми разнообразными точками зрѣнія, самыми противоположными доводами и аргументами; всѣ ихъ усваивалъ, запоминалъ, но именно отсутствіе школы, руководителя позволило ему сохранить всю свою индивидуальность, не поработотить ея въ угоду учителю. Отсюда вышла та изумительная находчивость, изобрѣтательность, творчество, которыя въ обыкновенныхъ умахъ развиваются всегда въ ущербъ знаніямъ, памяти: память и творчество—основныя свойства ума человѣка, но они только у избранныхъ натуръ идутъ рядомъ; обыкновенно человѣкъ творитъ, покуда не знаетъ, пока запасъ свѣдѣній не сковываетъ его вдохновенія; по мѣрѣ того, какъ онъ усваиваетъ „умъ чужой“, онъ теряетъ способность творить и идетъ послушно за нимъ. Плевако избѣгъ этой опасности: онъ нимало не подчинилъ себя чужому уму; онъ бралъ у другихъ образчики мыслей, разсужденій, ошибокъ; учился тому, *какъ* можно думать, какъ можно разсуждать. Онъ познавалъ воочію всю относительность истины, всю условность авторитетовъ; отношеніе къ наукѣ было у него диллетантскимъ: онъ ею любовался, какъ высшимъ мастерствомъ ума человѣческаго. Но, изощривъ его умъ, отточивъ его, какъ орудіе, наука не дала и не могла дать ему тѣхъ незыблемыхъ положеній, которыя бы сковали его мысль, наложили ярмо опредѣленной доктрины. Онъ остался свободнымъ.

Составъ его библіотеки былъ любопытенъ еще и съ другой стороны: она не носила профессіональнаго отпечатка. Если исключить тѣ настольныя руководства, которыя всюду выдаютъ практика-юриста,

сборники законовъ и кассаціонныхъ рѣшеній, едва ли кто, ознакомившись съ его библіотекой, могъ хотя приблизительно догадаться, чѣмъ занимается ея собственникъ. Конечно, у него было много книгъ по юриспруденціи; онѣ какъ будто обнаруживаютъ юриста; однако, еще болѣе книгъ было у него по богословію, по религіозной исторіи. И этотъ отдѣлъ былъ не только систематичнѣе, онъ былъ болѣе въ употребленіи; книги этого рода не сходили у него со стола; многія изъ нихъ переплетались вперемежку съ бѣлыми страницами, которыя онъ покрывалъ комментаріями. Но юриспруденція адвоката не обличала. Возьмемъ, напр., область гражданскаго права; многими повторялось, что Плевако былъ плохимъ цивилистомъ. И если посмотрѣть, что̀ онъ читалъ по гражданскому праву, то съ перваго взгляда можно подумать, что у него къ нему дѣйствительно нѣтъ интереса: обычныя руководства къ X тому стояли почти неразрѣзанными; но работа его въ этой области неожиданно раскрывалась съ другой стороны. Оказывалось, что онъ много занимался тѣмъ, чѣмъ юристы-практики обыкновенно не интересуются,— изученіемъ римскаго права. Въ молодости онъ перевелъ Пухту съ нѣмецкаго, и это не было простымъ средствомъ заработка. Интересъ къ римскому праву онъ сохранилъ и позднѣе и перенесъ впослѣдствіи на аналогичный ему памятникъ современнаго права на Code civil: въ его библіотекѣ были многотомные комментаріи Лорана и Демоломба; оба принадлежали къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя онъ читалъ постоянно; рѣдкая страница не была вся кругомъ исписана и перечеркнута. Болѣе того. Мнѣ какъ-то случилось сказать ему, что вышелъ трудъ новѣйшаго комментатора, 4-томный комментарій Baudry-Lacontinière'a: онъ немедленно его пріобрѣлъ, и я засталъ его за его изученіемъ. Итакъ, не интересуясь тѣми настольными книгами, которыя такъ облегчали трудъ для практика, которыя разжевывали и клали въ ротъ все, что адвокату нужно знать по гражданскому праву, Плевако занимался тѣмъ, что имѣло къ всему этому только очень отдаленное отношеніе, изученіемъ научныхъ основъ римскаго и гражданскаго права, то-есть шелъ тѣмъ путемъ, какимъ обыкновенно не идутъ люди, стремящіеся скорѣе стать мастерами какого бы то ни было ремесла.

Это и наложило отпечатокъ на него, какъ на адвоката; онъ мало зналъ и дѣйствующіе законы и еще меньше кассаціонную практику. Въ умѣніи аргументировать нумерами рѣшеній онъ пасовалъ передъ многими... Но если онъ не былъ законникомъ, то зато былъ превосходнымъ юристомъ, глубоко чувствующимъ и понимающимъ, чего требуетъ здоровое право. Быть можетъ, потому онъ и склоненъ быть легко относиться къ закону, что слишкомъ живо ощущалъ велѣніе *права*.

Никто поэтому лучше его не умѣлъ ни разрѣшить вопроса, въ законѣ не предусмотрѣннаго, ни найти опоры своему взгляду въ велѣніи

разума, а не банальномъ примѣрѣ существующей практики. Глубоко имъ усвоенное ощущеніе права, духа законовъ иногда замѣняло ему самое знаніе ихъ. Онъ самъ разсказывалъ, какъ иногда, не зная закона, инстинктомъ угадывалъ, какой при данныхъ условіяхъ законъ можетъ быть и гдѣ его должно найти. У меня не сохранилось въ памяти всѣхъ подробностей одного подобнаго случая, о которомъ онъ мнѣ говорилъ. Случилось, что по дѣлу о разводѣ какой-то военный не послушался требованія консисторіи; Побѣдоносцевъ изъ доклада консисторіи усмотрѣлъ въ этомъ неуваженіе къ Церкви, поднялъ скандалъ и добился грознаго Высочайшаго запроса, почему консисторіи не послушались. Полковникъ, чуя бѣду, прибѣжалъ къ Плевако за помощью: что отвѣчать. И вотъ, говорилъ онъ, когда онъ узналъ дѣло, ему показалось, что требованіе консисторіи противорѣчитъ духу военныхъ законовъ (сколько помню, рѣчь шла о допросѣ офицеровъ, какъ свидѣтелей по бракоразводному дѣлу), что въ военныхъ постановленіяхъ должны быть гдѣ-нибудь правила, которыя указываютъ для консисторскихъ требованій особый порядокъ, который не былъ ею соблюденъ. Стали искать, рыться въ постановленіяхъ, и такой законъ, хотя и не примѣняемый, дѣйствительно оказался. Полковникъ на него сослался, и выговоръ вмѣсто него получила консисторія.

Вотъ примѣръ того, какъ юридически образованный умъ своимъ чутьемъ оказался сильнѣе спеціальныхъ законниковъ; и это чутье, находчивость хорошаго юриста, проникнутаго ощущеніемъ права, воспитавшагося на его идейныхъ началахъ, на сознаніи его внутренней логической стройности, а не на злободневныхъ перемѣнчивыхъ требованіяхъ текущаго законодательства, это чутье въ юриспруденціи было главной силой Плевако.

Нѣкоторая доля пренебреженія къ положительному законодательству и существующей практикѣ, конечно, проходила не безнаказанно. Ему случалось дѣлать грубые промахи, ошибки, видные даже помощнику. И товарищи его по профессіи охотно любили о нихъ всюду разсказывать. Но зато эта же свобода творчества и ума подсказывали ему тѣ оригинальныя построенія, которыми ему удавалось спасать самое безнадежное дѣло. Онъ не воспиталъ въ себѣ человѣка ремесла; остался въ юриспруденціи тѣмъ поэтомъ-художникомъ, которымъ поневолѣ любуются, но котораго, какъ въ старину Фидія, сапожникъ могъ удачно поймать на неправильномъ изображеніи обуви.

Но библіотека Плевако интересна еще съ другой стороны, съ точки зрѣнія того, чего въ ней не было; и самымъ любопытнымъ пробѣломъ ея была современная беллетристика. Беллетристика вообще, даже классическая, не была любимымъ чтеніемъ Плевако. Онъ ее зналъ, многое любилъ, но у него не было потребности и привычки ее перечитывать.

Я имѣлъ въ этомъ отношеніи любопытное наблюденіе. Мнѣ случалось съ нимъ путешествовать. Обыкновенно на это время мы беремъ особаго рода литературу, беллетристику, легкое чтеніе. Плевако бралъ съ собой Куно-Фишера, Канта, Менгера, Еллинека. Сначала я думалъ, что это случайность, предлагалъ ему что-либо изъ того, что было со мною. Онъ бралъ, развертывалъ, но потомъ опять принимался за Канта; и на мой вопросъ о странномъ выборѣ книгъ для вагона, небрежно отвѣтилъ: „Правда, но я другого чтенія не люблю".

Итакъ, онъ вообще не любилъ беллетристики; самое тяжеловѣсное чтеніе его не утомляло, не требовало особыхъ условій или особаго настроенія. Перечитывать образцы художественной литературы ему поэтому не было ни времени, ни охоты: разъ прочтя подобную книгу, съ ней ознакомившись, онъ не видѣлъ нужды снова къ ней возвращаться. Но онъ ея не чуждался. Иное приходится сказать про беллетристику современную и про такъ называемое легкое чтеніе. Ея онъ избѣгалъ; случайно иногда онъ бралъ что-нибудь новенькое у своихъ дѣтей или знакомыхъ, но скоро бросалъ ихъ съ какой-то досадой. И чѣмъ рѣзче, правдивѣе и безпощаднѣе описывалась въ нихъ современная жизнь, тѣмъ болѣе она отталкивала, почти пугала его. И это представляется мнѣ любопытнымъ потому, что это согласно съ его общимъ обликомъ, его интересами. Право, философія, исторія, героическая повѣсть религіозной исторіи, крупные люди, крупныя событія, міровыя идеи—таковъ былъ тотъ міръ понятій и образовъ, въ которомъ онъ жилъ, на которомъ онъ воспитался, который привлекалъ къ себѣ его мысль и вниманіе; эти интересы и помыслы настраивали его на болѣе высокій тонъ, чѣмъ тонъ обыденной дѣйствительности, внушали ему другія точки зрѣнія, другія оцѣнки, чѣмъ тѣ, на которыхъ строится современность; онъ жилъ какъ бы въ иномъ мірѣ, былъ оторванъ отъ жизни, утрачивалъ часто ключъ къ ея пониманію. И это можно было замѣтить на его отношеніи къ людямъ, на его оцѣнкѣ людей.

Принято думать, что Плевако, какъ искусный уголовный защитникъ, былъ тонкимъ психологомъ, знатокомъ человѣческаго сердца. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого взгляда. Плевако былъ великій мастеръ изображать человѣческую душу—это правда. Но онъ не имѣлъ дара въ нее проникать; мало было людей, кого было такъ легко обмануть и кого такъ много обманывали; онъ долгіе годы не замѣчалъ, что у него дѣлалось подъ глазами, какіе люди имѣли его довѣріе. Онъ недаромъ жилъ въ мірѣ героевъ и чуждался современной литературы, этого зеркала дѣйствительности, какъ цѣломудренныя женщины инстинктивно чуждаются фривольнаго чтенія. Въ оцѣнкѣ людей онъ былъ человѣкомъ прежняго вѣка; несмотря на всю жизнерадостность и веселость, я готовъ назвать его трагикомъ. Онъ не понималъ ничтожества

причинъ и мотивовъ, которые ведутъ къ большимъ результатамъ, мелочности человѣческаго духа и человѣческихъ ощущеній. Мнѣ приходилось видѣть это непониманіе, искреннее и недоумѣвающее; приходилось наблюдать, какія сложныя объясненія онъ придумывалъ для того, чтобы объяснить себѣ то, что, къ несчастью, было такъ просто. Онъ былъ неисправимымъ оптимистомъ человѣческой природы. Ему всюду мерещилась драма; и если онъ простой фарсъ иногда превращалъ въ драму, то, конечно, никогда у него, подобно другимъ, драма не становилась фарсомъ. Въ самомъ обыкновенномъ фактѣ онъ ухитрялся видѣть красивый поступокъ, усматривалъ порывъ добра въ простой трусости или дальновидномъ расчетѣ. Онъ былъ поразительный мастеръ въ описаніи любовныхъ исторій, понималъ все—страсть, ревность, измѣну, обманъ, преступленіе, обольщенія. Но онъ не могъ бы понять одного: холоднаго спокойнаго разврата, какъ героиня Марселя Прево не понимала хладнокровнаго адюльтера молоденькой внучки. Въ равнодушномъ и осторожномъ эгоизмѣ людей ему чудилась и душевная борьба, и страданія, и катастрофа паденія. Тотъ исключительный міръ, въ которомъ онъ воспитался и жилъ, научилъ его на дѣйствительность смотрѣть иными глазами; всѣ свойства людей представлялись ему ярче, чѣмъ были; изъ всѣхъ красокъ, которыя должны быть на палитрѣ художника, ему нехватало только сѣрой, излюбленной краски нашего времени. Самъ человѣкъ крупнаго калибра, широкаго размаха, одинъ изъ тѣхъ, про кого поэтъ говорилъ: наши силы неравныя, я ни въ чемъ середины не зналъ,—Плевако невольно всѣхъ мѣрилъ на тотъ же аршинъ, и въ его описаніи каждый человѣкъ оказывался или могъ оказаться героемъ трагедіи. И когда онъ встрѣчалъ скупца, то онъ сразу видѣлъ въ немъ „Скупого рыцаря“, а не Плюшкина.

Таковъ былъ складъ ума Плевако, поскольку онъ былъ данъ ему отъ природы и дополненъ образованіемъ. Но это еще не опредѣляетъ оратора; все это средства. L'esprit est toujours la dupe du coeur—говорилъ великій скептикъ и пессимистъ Larochefoucauld. Чтобы понять оратора, особенность его краснорѣчія, надо понять его личность, его характеръ и вкусы; и личность Плевако такъ своеобразна, что это было бы страшно трудной задачей, если-бъ она не облегчилась недавно съ неожиданной стороны.

Въ этомъ году вышла коллективная работа подъ общимъ названіемъ *Вѣхи,* поставившая цѣлью нарисовать образъ русскаго интеллигента, какимъ онъ создался нашей исторіей. Я не осложняю своей темы вступленіемъ въ эту полемику; не сужу, тактично ли было издавать эту книгу въ настоящій моментъ, нѣтъ ли въ ней страстныхъ преувеличеній и т. д. Обо всемъ этомъ можно спорить. Но едва ли и противникъ книги не согласится, что много основныхъ чертъ русскаго интеллигента

въ ней подмѣчены вѣрно. И эти черты могутъ быть реактивами для оцѣнки Плевако. Стоитъ спросить себя, были ли онѣ и въ Плевако, чтобы понять, въ чемъ было его своеобразіе. Да, онъ былъ воплощеннымъ противорѣчіемъ. Глубоко русскій человѣкъ по духу, котораго своимъ призналъ голосъ народа, Плевако былъ по крови инородецъ; русской крови въ немъ не было ни капли; отецъ его былъ полякъ, мать—башкирка Оренбургской орды. Человѣкъ, который добился своего положенія не связями, не наслѣдственнымъ богатствомъ, не покровительствомъ, вся сила котораго въ талантѣ, умѣ, знаніи, въ интеллигентной профессіи, словомъ, типичный интеллигентъ, онъ былъ другой рѣдкостью: интеллигентомъ безъ интеллигентскаго облика. Русскій не русской крови, интеллигентъ безъ интеллигентнаго типа, въ связи съ тѣмъ орудіемъ воздѣйствія на людей, которымъ его одѣлила природа,—таково было то своеобразное сочетаніе свойствъ, которое породило „Плеваку". Я не берусь за его полную характеристику. Она вышла бы за рамки доклада; но она сдѣлана за меня. Перечтите характеристику русскаго интеллигента въ *Вѣхахъ* съ его достоинствами и недостатками и возьмите въ ней антипода,—вы получите фигуру Плевако.

Я позволю себѣ привести только два-три примѣра, чтобы пояснить мою мысль.

Нашу интеллигенцію обвиняютъ въ нерелигіозности; я не буду входить въ вопросъ, насколько это обвиненіе правильно. Пусть это ошибка или по крайней мѣрѣ преувеличеніе. Мнѣ достаточно указать, насколько къ Плевако этотъ упрекъ ни въ какомъ случаѣ относиться не могъ бы. Религіозность была одной изъ основныхъ чертъ его личности; и не только въ общемъ философскомъ смыслѣ исканія Бога, не только въ томъ религіозномъ настроеніи, которое, какъ у Льва Толстого, мирится съ отрицаніемъ Церкви и даже ведетъ къ ея отрицанію, но въ смыслѣ гораздо болѣе узкомъ; онъ былъ церковникомъ, православнымъ, вѣрующимъ, преданнымъ и послушнымъ сыномъ своей Церкви.

Это чувство онъ пронесъ черезъ всю жизнь, до старости, до смерти. Оно было у него въ раннемъ дѣтствѣ; было и тогда не пассивнымъ состояніемъ ума, а мотивомъ, побуждавшимъ къ поступкамъ; онъ разсказывалъ какъ-то, какъ однажды въ дѣтствѣ это чувство вылилось у него въ комическую форму, создало цѣлый инцидентъ. Увѣренный, что внѣ христіанства нѣтъ спасенія, онъ, еще мальчишкой въ Троицкѣ, рѣшилъ спасти своихъ сверстниковъ, друзей-татарчатъ; купаясь съ ними въ рѣкѣ, онъ затѣялъ какую-то игру, по которой всѣ ребята должны были трижды нырнуть. Ничего не подозрѣвая, они это исполнили, онъ же въ это время быстро произносилъ—во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, а по окончаніи игры поздравилъ ихъ съ окрещеніемъ. Мальчики подняли ревъ, ихъ отцы ходили жаловаться отцу Плевако, чиновнику,

и Плевако довелось въ очень нѣжную пору стать не только проповѣдникомъ, но и мученикомъ. Религіозная экзальтація въ дѣтскіе годы—не рѣдкость; но Плевако сохранилъ ее въ юности, когда обыкновенно человѣческая душа проходитъ полосу невѣрія и отрицанія; его товарищи по студенчеству помнили, какъ и въ ту пору Плевако покидалъ пирушки для церкви, любилъ вставать съ пѣтухами, чтобы не опоздать къ ранней обѣднѣ. Позднѣе я видѣлъ самъ проявленіе этой глубокой религіозности; видѣлъ, какъ онъ возилъ съ собой маленькій образъ, вѣшая его надъ постелью даже на желѣзной дорогѣ; по дурной привычкѣ, входя въ его комнату, не дожидаясь отвѣта на стукъ, не разъ заставалъ его въ позѣ, которая не оставляла сомнѣнія въ томъ, что̀ онъ дѣлалъ; видалъ, какъ онъ уходилъ помолиться въ маленькую церковь, гдѣ бы его не узнали, гдѣ бы онъ могъ остаться никѣмъ не замѣченнымъ. Въ оставшихся послѣ его смерти бумагахъ можно найти много молитвенныхъ изліяній, изъ которыхъ ясно становится, что молитва была для него душевной потребностью и отрадой.

Это настроеніе не ограничилось областью чувства; оно не боялось изученія, критики. Богословскій, историко-религіозный отдѣлъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ и любимѣйшихъ въ его библіотекѣ; этого рода книги съ его стола не сходили. Свѣдѣнія его по этой части были громадны. Правда, онъ ими не пользовался; не торопился ни высказать своихъ знаній, ни ихъ эксплоатировать; многое, очень многое съ нимъ и погибло, безъ слѣда и безъ пользы, если не считать того вліянія, которое оно могло оказать на весь его складъ. Только невзначай можно было убѣдиться, какъ много онъ зналъ въ этой отрасли; случалось о чемъ-либо спросить его, и съ обычной словоохотливостью отвѣчая на вопросъ, онъ немедленно увлекался, разсказывалъ больше, чѣмъ нужно, массу цитировалъ наизусть и показывалъ, какъ много матеріала было въ немъ скрыто, но всегда наготовѣ.

Но эта религіозность, скажу яснѣе, „церковность“, единеніе съ Церковью, какъ учрежденіемъ, полное единомысліе съ ней въ условной формѣ общенія съ Богомъ, глубокая вѣра въ то, что въ Церкви вся истина, не заслонила въ немъ сознанія, что религіозное достоинство человѣка въ исканіи истины, въ искренности, въ полной свободѣ. Никто не относился съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ религіозному образу мыслей другого, какимъ бы это ни казалось заблужденіемъ, и съ бо̀льшимъ отвращеніемъ не глядѣлъ на всякое насиліе въ этой области. Онъ былъ другомъ Побѣдоносцева, передалъ синоду около милліона Медынцевскихъ денегъ. Все это правда. Но онъ же былъ ревностнымъ защитникомъ старообрядчества, отстаивалъ ихъ права и на проповѣдь, и на имущество, воюя противъ притязаній воинствующаго православія—и дѣлалъ это не по безпринципности, какъ многіе гово-

рили, а, напротивъ, во имя того самаго принципа, которымъ было для него его религіозное чувство. Уваженіе къ старообрядцамъ сидѣло въ немъ очень глубоко; я помню, какъ задолго до указа 17 апрѣля, совѣтуясь съ нимъ по какому-то дѣлу, я нѣсколько разъ употребилъ слово „раскольникъ"; онъ мнѣ сказалъ: „Вотъ слово, которое я никогда не употребляю и совѣтую вамъ изъ словаря исключить. Говорите просто: старообрядецъ—это и правильнѣе, и приличнѣе". Указъ 17 апрѣля былъ для него истиннымъ праздникомъ; и если бы онъ дожилъ до обсужденія въ Думѣ закона о старообрядцахъ, то—всѣ это чувствовали—онъ сказалъ бы одну изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ выливается все существо, любимѣйшее убѣжденіе человѣка.

И не къ одному старообрядчеству, исконной формѣ нашего православія, онъ относился съ такой любовью и уваженіемъ; такимъ было его отношеніе ко всякой религіи. Когда онъ былъ въ Римѣ—уже въ 1904 г.,—то былъ на пріемѣ у папы. Идучи къ нему, онъ передавалъ мнѣ то, что собирался сказать ему, если бы ему пришлось говорить; это былъ варіантъ на его любимую тему, что вѣра одна, что Богъ одинъ, что и католики, и православные не могутъ чувствовать себя ни врагами, ни даже соперниками.

И, можетъ быть, ни въ чемъ это глубокое уваженіе къ чужой вѣрѣ и мнѣнію не сказалось такъ ярко, какъ въ его отношеніи къ такому отрицателю Церкви, какъ Левъ Толстой; православіе Плевако не мѣшало ему благоговѣть передъ Толстымъ даже въ его богословскихъ трудахъ. Онъ говорилъ про сочиненіе „Въ чемъ моя вѣра", что Толстой—самый настоящій, истинный христіанинъ, ибо болѣзненно страстно вѣритъ въ Христово ученіе, хочетъ его постичь и исполнить. Язвительныя насмѣшки надъ обрядами и таинствами въ „Воскресеніи" его огорчили; онѣ были ему непріятны; здѣсь было задѣто, умышленно и зло задѣто, чужое религіозное убѣжденіе. Это не похоже на Толстого, говорилъ онъ; и прежде всего—это не художественно. Но тотъ же Плевако пришелъ въ еще большее огорченіе отъ попытки синода отлучить Толстого отъ Церкви; дѣлая уступку своему православному настроенію, онъ признавалъ, что синодъ могъ осудить толстовскіе взгляды, чтобы помѣшать соблазну другихъ, но онъ не долженъ былъ нападать на его личность. И когда вслѣдъ за синодскимъ рѣшеніемъ появилось письмо къ митрополиту Антонію граф. С. А. Толстой и оно распространялось рукописнымъ способомъ, нѣсколько экземпляровъ такого письма были собственноручно написаны самимъ Плевако на Ремингтонѣ.

Да, онъ былъ религіозенъ, и именно потому, въ предреволюціонное время, когда священникамъ было предписано для охраненія порядка заняться политическими проповѣдями и когда онъ увидѣлъ въ этомъ то, что ненавидѣлъ всю жизнь, подчиненіе Церкви политикѣ, онъ, Пле-

вако, протестовалъ противъ этого мотивированнымъ сложеніемъ съ себя званія церковнаго старосты.

Такъ былъ онъ не похожъ на оба противоположные и наиболѣе распространенные типа: на проповѣдниковъ свободы совѣсти изъ интеллигентскаго индиферентизма, и на насильниковъ совѣсти изъ религіознаго фанатизма. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ, но тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ представителей страстнаго религіознаго чувства, которые во имя его самого отреклись отъ насилія и понятнымъ для вѣрующихъ христіанъ языкомъ говорятъ для нихъ къ сожалѣнію непривычныя вещи.

Другая черта, въ которой упрекаютъ интеллигенцію, это—космополитизмъ, отсутствіе живого національнаго чувства. И опять Плевако былъ полной и яркой противоположностью такому упреку. И не въ томъ дѣло, что онъ былъ патріотомъ, который всѣмъ сердцемъ болѣлъ о судьбѣ русскаго государства, страдалъ отъ его униженія; я помню, какъ рано утромъ, въ халатѣ онъ поднялъ меня съ постели и съ ужасомъ и какимъ-то отчаяніемъ принесъ вѣсть о гибели Петропавловска; помню, съ какимъ непохожимъ на него негодованіемъ онъ мнѣ писалъ изъ-за границы (при началѣ войны онъ былъ тамъ) о ходившей въ то время сплетнѣ о сочувственной телеграммѣ студентовъ микадо.

Не это типично; кромѣ этого обычнаго патріотизма, который во время войны запылалъ даже у Льва Толстого, несмотря на принципіальное его отрицаніе, у Плевако былъ тотъ націонализмъ, та непреодолимая любовь къ своему, мирная и трогательная, которую такъ чудно выразилъ Лермонтовъ въ стихотвореніи „Люблю отчизну я, но странною любовью“. Плевако любилъ русскую жизнь, русскую природу, русскую душу; любилъ типичное, своеобразное проявленіе нашего національнаго склада. Его инстинктивно тянуло туда, гдѣ этотъ складъ наиболѣе сохранился, былъ наименѣе затушеванъ общей культурой, гдѣ было легче сказать: здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ. Не изъ-за одной религіозности, а также изъ-за того чувства онъ любилъ жизнь нашего духовенства, монастырскій чинъ и порядокъ. Среди нихъ онъ былъ свой человѣкъ; и если онъ былъ охотникъ втихомолку, незамѣтно забрести въ церковь и помолиться, то не менѣе любилъ на торжественномъ праздникѣ отстоять церковную службу, пойти на чай или завтракъ къ игумену или игуменьѣ, съ умиленнымъ, радостнымъ выраженіемъ на лицѣ смотрѣть на почетныхъ гостей, вести чинные разговоры. Онъ любилъ наше купечество; не новую, европейски образованную буржуазію. Ея, напротивъ, онъ не любилъ; конечно, какъ всегда, нелюбовь къ классу не мѣшала ему любить и уважать отдѣльныхъ ея представителей. Но класса онъ не любилъ; среди немногихъ политическихъ и соціальныхъ взглядовъ, которые у него были, я отъ него всего чаще слышалъ одинъ:

что наша буржуазія хуже дворянства, что она больше его сдѣлаетъ зла мужику. Быть можетъ, и въ этомъ сказывалось инстинктивное предпочтеніе національнаго бытового явленія, съ его своеобразною формою, порожденію космополитическаго капитализма; но зато онъ любилъ вымирающій купеческій типъ, съ его патріархальными вкусами, любовью къ старинѣ, неуклюжестью въ перениманіи европейскихъ привычекъ; любилъ это противорѣчіе между скромностью одежды и жилища и колоссальнымъ богатствомъ, недостатокъ образованія, замѣняемый природною смѣткой, отсутствіе лоска и воспитанія. И больше всего любилъ русскую крестьянскую жизнь; человѣкъ, жившій въ относительной роскоши (сытый, давно сытый человѣкъ,—сказалъ онъ про себя въ рѣчи о люторичскихъ крестьянахъ), умершій дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Плевако остался самымъ глубокимъ демократомъ не по убѣжденію, а по инстинкту, по всему складу характера и міровоззрѣнія. Будучи принципіальнымъ сторонникомъ культуры, разорявшійся на сельскохозяйственныхъ улучшеніяхъ, Плевако даже къ отсталости, къ некультурности нашего мужика чувствовалъ ту трогательную любовную нѣжность, которую мать питаетъ къ шалостямъ и недостаткамъ дѣтей. Русское „авось“ и „небось“, практическую неумѣлость, наивную, недальновидную недобросовѣстность, недовѣріе къ новизнѣ, даже пьяный разгулъ осуждалъ онъ умомъ, а не чувствомъ; они вызывали въ немъ не негодованіе, не досаду, а какую-то добродушную снисходительность, какъ къ чему-то родному и милому.

Помню, какъ однажды, по дорогѣ въ Крапивну, на защиту, зимой, мы остановились среди поля, такъ какъ у мужика, который насъ везъ, развязалась вся упряжь; пока мужикъ, охая и кряхтя, недоумѣвалъ, что̀ такое случилось, а я злился не только на то, что мы принуждены зябнуть среди поля, но особенно, что все это случилось близко отъ станціи, гдѣ было время пересмотрѣть, хорошо ли было запряжено, Плевако началъ комично описывать, какъ этотъ мужикъ утромъ всталъ, какъ онъ видѣлъ, что упряжка плоха, но понадѣялся, что до станціи довезетъ, какъ на станціи онъ замѣтилъ, что она еле держится, но понадѣялся, что доѣдетъ до кузни и т. д. И все это описывалъ безъ всякой досады, съ такой нѣжностью, съ такимъ добродушіемъ, что было видно, что это русское разсужденіе для него много милѣе, чѣмъ американская предпріимчивость или нѣмецкая аккуратность. Помню, какъ на одномъ фабричномъ процессѣ, гдѣ рабочіе разнесли и фабрику, и кабакъ, онъ съ какой-то лаской, даже сочувствіемъ разспрашивалъ ихъ, какъ это случилось, вмѣстѣ съ ними добродушно смѣясь надъ тѣмъ, что они сдѣлали. И если онъ такъ относился къ отрицательнымъ сторонамъ русской жизни, потому только, что онѣ были глубоко, истинно русскими, то можно судить, какъ смотрѣлъ онъ на другія положитель-

ныя ея проявленія: на хозяйственность, религіозность, семейственность; какъ любилъ онъ поговорить съ такимъ мужикомъ, посидѣть у него въ избѣ, попить чаю, разспросить обо всемъ, что онъ думалъ, что слышалъ, на что онъ надѣется; какъ скоро они понимали другъ друга, какъ много общаго находили другъ въ другѣ, несмотря на всю разницу положенія, образованія. До какой степени не чувствовалось у него съ крестьянами никакой натянутости, никакой фальши, никакой преграды между бариномъ и мужикомъ! Не оттого ли ни по какимъ дѣламъ Плевако не боялся „сѣрыхъ" составовъ присяжныхъ, не боялся, что доводы его не подѣйствуютъ, не будутъ усвоены, что между нимъ и присяжными окажется пропасть и они не смогутъ понять того, что мы понимаемъ?

Любилъ Плевако и типичныя проявленія русской семейной жизни, любилъ всякія домашнія торжества, свадьбы, именины, крестины. На своемъ вѣку онъ крестилъ сотни дѣтей всякихъ состояній и ранговъ. Въ городѣ Троицкѣ мы пробыли 4 дня на процессѣ, но крестника онъ тамъ всетаки пріобрѣлъ.

Человѣкъ, который такъ много любитъ, не можетъ долго сердиться; и въ самой тѣсной связи съ этимъ свойствомъ Плевако стоитъ та особенность его характера, въ которой рѣзче, чѣмъ въ чемъ-либо, сказывается его отличіе отъ типичнаго интеллигента. Авторы *Вѣхъ* указали, что главнымъ мотивомъ дѣятельности интеллигента является злоба, ненависть, отрицаніе. Можетъ быть, это сужденіе преувеличено, но было бы несправедливо его отрицать; мы создали понятіе „святая ненависть"; нашъ поэтъ говорилъ: „то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть".

Этого чувства не только нельзя отрицать, его не слѣдуетъ и осуждать. Въ такой ненависти часто здоровый корень, она безконечно выше безразличія и равнодушія. Однако было бы ошибочно думать, что желаніе лучшаго, любовь къ идеалу съ „святою ненавистью" неразлучно: чтобы любовь къ „дальнему" непремѣнно предполагала ненависть къ ближнему.

Конечно, бываетъ и часто бываетъ, что, любя идеалъ, т.-е. созданіе собственной мысли, искренно ненавидишь дѣйствительность за то, что она этому идеалу не соотвѣтствуетъ; это отношеніе доктринеровъ-политиковъ, отношеніе честныхъ и добросовѣстныхъ педагоговъ; всѣ они достойны глубокаго уваженія, но кромѣ вреда рѣдко что дѣлаютъ. Но всегда такое проявленіе любви къ идеалу не обязательно; и любящіе родители могутъ видѣть недостатки дѣтей, могутъ навѣрное не менѣе педагоговъ желать приближенія своихъ дѣтей къ совершенству; но ненавидѣть ихъ за это не станутъ. Отъ этого ихъ спасетъ неразумная, инстинктивная привязанность къ дѣйствительнымъ дѣтямъ, съ ихъ слабостями и ихъ недостатками. То же самое было съ Плевако. Было бы

неправильно думать, что онъ не имѣлъ идеала; правда, онъ гораздо менѣе интересовался порядками, чѣмъ человѣкомъ; но тотъ идеалъ, въ которомъ онъ видѣлъ назначеніе человѣка, былъ, конечно, не ниже того, который большинство носитъ въ душѣ. Дѣйствительный человѣкъ, дѣйствительная жизнь мало ему соотвѣтствуетъ. Но у Плевако было нѣчто другое, кромѣ любви къ идеалу; въ немъ была любовь къ дѣйствительности, духовная близость, родство, сходство съ этой дѣйствительностью. Эта любовь не дала развиться злобному чувству. Чувство „святой ненависти" Плевако органически не понималъ. Онъ самъ сознавалъ, что въ этомъ пунктѣ цѣлая пропасть отдѣляетъ его отъ другихъ. Задолго до того, какъ были написаны *Вѣхи* и серьезными и честными людьми былъ поставленъ вопросъ о дефектахъ интеллигенціи, Плевако говорилъ про ея типичныхъ представителей, про ту молодую адвокатуру, съ которой онъ сблизился на склонѣ жизни и дѣятельности. „Удивительное дѣло,—говорилъ онъ,—вы прекрасно защищаете, но только тогда, когда можете обрушиться на кого-нибудь; только это чувство васъ и вдохновляетъ, безъ этого у васъ ничего не выходитъ". Онъ не могъ не замѣтить этого, такъ какъ въ этомъ была его главная оригинальность. И никогда, быть можетъ, эта черта его характера не проявлялась такъ ясно, какъ когда событія и люди затащили его въ политическую дѣятельность, и притомъ въ то трудное время, когда вся эта дѣятельность свелась къ междоусобію и перебранкѣ. Этого онъ не умѣлъ. Въ самый разгаръ политической распри, когда родные изъ-за политики ссорились и расходились врагами, Плевако никого не разлюбилъ, ни съ кѣмъ не поссорился. Я помню, какъ во время выборной агитаціи передъ 3-й Думой, мы какъ противники выступали съ нимъ на различныхъ собраніяхъ, и онъ самъ заходилъ за мной, и мы вмѣстѣ пріѣзжали и уѣзжали на его лошади. Своей терпимостью, благодушіемъ, уваженіемъ къ противоположному взгляду онъ обезоруживалъ противниковъ и огорчалъ друзей и союзниковъ. Впрочемъ, самая мысль сдѣлать его членомъ партіи и особенно агитаторомъ могла исходить только отъ людей, которые его недостаточно знали, и если знали, то недостаточно оцѣнили.

И мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ объ этой полосѣ его жизни, о Плевако, какъ о политикѣ, такъ какъ ничто не можетъ внушить такого невѣрнаго о немъ представленія, какъ посмертное восхваленіе его партійной и вообще политической дѣятельности.

Онъ никогда близко не интересовался политикой; для этого онъ былъ слишкомъ христіанинъ. Онъ интересовался, какъ я уже сказалъ, не порядками, а людьми; порядками только поскольку въ нихъ принуждена была проявляться душа человѣка. Съ государственнымъ правомъ онъ былъ знакомъ, какъ со всякимъ правомъ; но это былъ больше теоретическій интересъ. Онъ врядъ ли имѣлъ опредѣленный взглядъ на то,

какая реформа въ политическомъ строѣ нужна Россіи, врядъ ли и задумывался серьезно надъ этимъ. Онъ пробовалъ заниматься общественной дѣятельностью, въ мѣстномъ самоуправленіи, и земскомъ, и городскомъ. Его тамъ любили, какъ его любили всѣ, кто его зналъ; но онъ ничѣмъ тамъ не выдвинулся и вліянія не имѣлъ. Но политическая горячка освобожденія захватила и его, какъ многихъ самыхъ равнодушныхъ къ политикѣ. Самый манифестъ 17 октября привелъ его въ восхищеніе; онъ услышалъ дорогія слова о свободѣ и о законности. Въ этотъ моментъ ему казалось, что политическая дѣятельность стала долгомъ каждаго; съ какой-то дѣтской радостью, несмотря на болѣзнь, онъ мечталъ стать депутатомъ. Путь туда шелъ черезъ партіи, и вотъ по ироніи судьбы, такъ какъ первой открытой партіей, образованной послѣ 17 октября была партія его позднѣйшихъ противниковъ, партія народной свободы, то едва она опубликовала программу, какъ онъ пришелъ ко мнѣ просить записать его въ ея члены. Я его отговаривалъ; Плевако—и политическая партія и партійная дисциплина были contradictio in adjecto. Онъ отшучивался противъ моихъ возраженій и настаивалъ. Но отдѣлаться отъ него всегда было очень легко. Я не поддерживалъ этого разговора, а онъ про него скоро забылъ. А черезъ нѣсколько времени пришелъ ко мнѣ торжественно заявить, что его пригласили вступить въ партію октябристовъ.

Я думаю, что даже недобросовѣстные полемисты не заподозрятъ меня въ желаніи оттягать Плевако отъ октябристовъ и сдѣлать его посмертнымъ кадетомъ; конечно, никогда онъ кадетомъ не былъ и быть не могъ, и его просьба не означала ничего, кромѣ желанія куда-нибудь приписаться: когда онъ объ этомъ просилъ, да и позже, о кадетской программѣ онъ имѣлъ самое смутное представленіе; представленіе это, впрочемъ, соотвѣтствовало и степени его интереса къ программамъ. Интересоваться онъ могъ развѣ только людьми, которые въ этой партіи дѣйствовали. Итакъ, кадетомъ онъ не былъ, но былъ и совершенно такимъ же октябристомъ. Горячимъ поклонникомъ манифеста онъ былъ—это правда; съ любовью и уваженіемъ относился ко многимъ дѣятелямъ октябристовъ—тоже правда. Но этимъ и ограничивалось его отношеніе къ партіи; ея программу, тактику, цѣль онъ зналъ только, поскольку ему про нихъ разсказали, и забывалъ, какъ только услышалъ.

Онъ и не могъ быть не только партійнымъ, но и вообще политическимъ, государственнымъ дѣятелемъ; ничто не было такъ чуждо всему его облику и характеру; эта дѣятельность требуетъ извѣстной жестокости и безпощадности, способности во имя *общаго* блага причинять зло и огорченіе *личности*. Для нея нужна если не „святая ненависть", то всетаки умѣнье не руководствоваться болѣе всего жалостью и состраданіемъ къ отдѣльному человѣку. Это было бы слишкомъ тяжело

для Плевако. Ибо основной, главной чертой его отношенія къ людямъ были сердечный къ нимъ интересъ, неизмѣнное дружелюбіе и доброжелательность. Въ немъ не было ничего, что могло бы заставить его пожертвовать человѣкомъ: ни вѣры въ исключительную спасительность опредѣленныхъ государственныхъ формъ, ни преданности доктринѣ, ни происходящей отъ нея нетерпимости. Онъ дружилъ съ людьми самыхъ противоположныхъ взглядовъ и общественныхъ положеній; находилъ въ каждомъ нѣчто достойное интереса и уваженія и просто не замѣчалъ того, что раздѣляло другихъ. Терпимость его доходила до неразборчивости; для него было совсѣмъ просто и естественно любить Побѣдоносцева и быть закадычнымъ другомъ гонимыхъ имъ старообрядцевъ. Онъ не понималъ, что̀ могло быть страннаго въ этомъ, какъ можно было чуждаться человѣка изъ-за несогласія съ нимъ. Я могъ убѣдиться, что этого онъ дѣйствительно не *понималъ*. Припоминаю страницу изъ прошлаго: я зналъ Плевако еще со студенчества, такъ какъ онъ былъ друженъ съ моимъ покойнымъ отцомъ. Когда я поступилъ въ адвокатуру, то нашелъ въ извѣстной части ея рѣзко отрицательное къ нему отношеніе; въ то время были партіи въ адвокатурѣ, которыя трудно назвать, еще труднѣе опредѣлить. Одна изъ этихъ партій, старая, совѣтская, реакціонная, какъ тогда говорили, считала Плевако своимъ, другая, партія молодой радикальной адвокатуры была къ нему враждебно настроена. Враждебность эта дошла до того, что когда Плевако однажды черезъ меня предложилъ молодой, организованной въ такъ называемый „бродячій клубъ“ адвокатурѣ прочесть имъ рядъ лекцій подъ общимъ заглавіемъ „адвокатская тактика“, то объ этомъ нѣсколько вечеровъ подъ рядъ шли оживленныя пренія, закончившіяся постановленіемъ отъ этого предложенія отказаться. Въ исторіи нашей русской нетерпимости я не знаю примѣра болѣе характернаго. Въ числѣ принимавшихъ участіе въ этомъ рѣшеніи почти никто Плевако не зналъ; въ числѣ доводовъ противъ него приводили такіе, что онъ былъ „защитникомъ“ игуменьи Митрофаніи. Ясно, что причиной этого была только партійная нетерпимость, то клеймо, штемпель, который стоялъ на Плевако. И въ этомъ случаѣ мнѣ пришлось видѣть, какъ самъ Плевако относился къ этимъ вопросамъ. Судьба избавила меня отъ неловкости сообщить ему странный отвѣтъ на его предложеніе; Плевако также забывалъ свои предложенія, какъ и свои обѣщанія; онъ забылъ и про это раньше, чѣмъ узналъ, какъ его приняли. Но въ связи съ этимъ мнѣ пришлось говорить съ нимъ о партіяхъ въ адвокатурѣ. Я могъ самымъ нагляднымъ образомъ убѣдиться, какое недоразумѣніе было его причисленіе къ партіи. Самъ онъ не былъ въ этомъ повиненъ; имъ распоряжались другіе; одни безъ всякаго права его объявили своимъ, другіе тоже безъ основаній его признали врагомъ. Ко всему, что дѣлали съ его именемъ,

онъ относился совсѣмъ безразлично; онъ ровно столько же соглашался съ противниками, сколько расходился съ своими; при выборахъ голосовалъ за многія имена противоположнаго списка. Все дѣло для него было не въ партіи, не въ программѣ, а въ лицахъ; онъ не могъ понять вражды и отрицательнаго отношенія къ человѣку только изъ-за того, что онъ другой партіи. Онъ не видѣлъ ничего страннаго въ томъ, что обратился съ своимъ предложеніемъ лекцій къ своимъ партійнымъ врагамъ; ему не пришло въ голову, что этимъ онъ создаетъ какой-то партійный вопросъ, что его могутъ тамъ не любить. И если бы онъ узналъ про рѣшеніе, которое тамъ состоялось, то я не сомнѣваюсь въ одномъ: при всемъ напряженіи мысли онъ бы понять его не сумѣлъ.

Но было мало сказать, что партійныя соображенія его отъ людей не отталкивали; такое свойство было бы лишь отрицательнымъ. Отношеніе его къ людямъ было другое; онъ былъ полонъ дружелюбія, доброжелательности, говоря проще, *любви къ человѣку*. Ничего не могло въ немъ этого чувства уменьшить. Въ немъ не было ни желанія властвовать, ни зависти къ чужому добру и успѣху, ни мелочного тщеславія. Весь его характеръ привлекалъ его къ людямъ, не къ вымыслу, не къ „дальнему человѣку“, а къ живымъ, существующимъ людямъ, въ разнообразіи ихъ недостатковъ и качествъ.

Онъ легко сходился съ людьми, скоро къ нимъ привыкалъ, къ нимъ привязывался, радовался ихъ успѣхамъ и счастью, цѣнилъ все то хорошее, что въ нихъ открывалъ, легко прощалъ имъ всякія слабости. Ему никогда ни съ кѣмъ не было скучно; онъ быстро входилъ въ кругъ чужихъ интересовъ и нуждъ, разузнавалъ всю ихъ жизнь и съ такой же легкостью и наивностью, за которую не разъ бывалъ жестоко наказанъ, проникался къ нимъ откровенностью, раскрывалъ имъ и свои задушевныя тайны. Рѣдкая его экспансивность въ связи съ способностью совершенно чистосердечно все и у себя и у другихъ преувеличивать, конечно, имѣла свою обратную сторону; никакой человѣкъ не можетъ вмѣщать въ себѣ столько разнообразныхъ увлеченій, интересовъ, заботъ; поэтому они проходили такъ же быстро, какъ приходили. Увлеченіе однимъ человѣкомъ уступало мѣсто другому. Пословица „съ глазъ долой—изъ сердца вонъ“ не ошибалась. Тѣ, которые принимали его интересъ къ себѣ, какъ нѣчто должное и окончательное, вѣрили въ серьезъ тѣмъ обѣщаніямъ, на которыя онъ былъ щедръ до безконечности, полагались на его слово—постоянно рисковали попасть въ положеніе Вальмажура, довѣрившагося Нумѣ Руместану. Разсѣянность и неаккуратность его были анекдотичны. Помню, какъ однажды, заставъ у себя въ пріемной трехъ человѣкъ, пришедшихъ по его приглашенію, онъ извинился, что принять ихъ не можетъ, и тутъ же назначилъ имъ свиданіе въ одинъ и тотъ же часъ въ трехъ разныхъ мѣстахъ, у Тѣ-

стова, въ Славянскомъ Базарѣ и еще не помню гдѣ. Пообѣщавъ каждому не опоздать, быть вполнѣ пунктуальнымъ, онъ вновь убѣжалъ, а они остались въ недоумѣніи, вопросительными глазами глядя другъ на друга. „Кто же изъ нихъ будетъ обманутъ?“ Онъ ихъ примирилъ. Обманулъ одинаково всѣхъ, и въ назначенный часъ былъ въ четвертомъ мѣстѣ, гдѣ его никто не ждалъ и не звалъ. Эти свойства создавали ему много враговъ, рождали много нелестныхъ легендъ; но сердиться за нихъ на него могъ только тотъ, кто его ближе не зналъ. Онъ забывалъ то, что самъ обѣщалъ, такъ же легко, какъ и то, что ему обѣщали другіе; ни отъ кого не требовалъ большаго, чѣмъ давалъ самъ другому. Его многіе не умѣли понять и платились за это—это правда; но зато другіе хорошо поняли, и искусно этимъ воспользовались.

Не эти качества всетаки дѣлаютъ партійныхъ лидеровъ и вообще политическихъ дѣятелей; нѣтъ сомнѣнія, что если бы Плевако не умеръ такъ рано, онъ ушелъ бы изъ Думы, не сжился съ ней, съ ея атмосферой. Онъ не могъ бы понять, почему люди ненавидятъ другъ друга, не говорятъ того, что думаютъ, руководятся какими-то скрытыми соображеніями; въ немъ скоро изсякъ бы интересъ къ этой дѣятельности, и онъ ушелъ бы отъ нея туда, гдѣ была его сила, гдѣ онъ могъ быть самимъ собой, гдѣ всѣ тѣ свойства, которыя вредили ему, какъ политику, служили на пользу ему. Плевако не ошибся профессіей; великое счастье, что онъ жилъ въ эпоху введенія новыхъ судовъ. Быть защитникомъ, уголовнымъ защитникомъ—было его призваніемъ. Всѣ его особенности и даже его недостатки помогали ему въ этой дѣятельности. Настоящимъ дѣломъ, въ которомъ проявлялась вся его мощь и все его своеобразіе, было предстательство за того, кто былъ виноватъ, кто совершилъ преступленіе. Плевако не такъ интересенъ, когда онъ толкуетъ законъ или разбираетъ улики, доказываетъ ошибочность обвиненія; здѣсь онъ можетъ быть и находчивымъ, и сильнымъ, и убѣдительнымъ, но не въ этомъ исключительность его дарованія. Она проявлялась тогда, когда дѣло было не въ уликахъ, не въ спорѣ о доказательствахъ,—когда все было ясно, преступленіе несомнѣнно, преступникъ изобличенъ и шла рѣчь о возмездіи, о наказаніи.

Въ эти минуты Плевако былъ незамѣнимъ; не тѣмъ, что не ломая себя, не по заказу, а по склонности и привычкѣ онъ умѣлъ проникаться интересомъ, горемъ, страданіемъ того, кого защищалъ; не тѣмъ, что опять-таки не по расчету, а только оставаясь самимъ собой, онъ сразу въ каждомъ видѣлъ то хорошее, что, можетъ быть, другимъ не было видно; а болѣе всего тѣмъ, что вся его манера, міровоззрѣніе, личность создавали своеобразную атмосферу, которая имъ вносилась въ каждый процессъ.

Онъ не зналъ тѣхъ пристрастій, отъ которыхъ мѣняется оцѣнка

человѣческихъ дѣйствій и личности; не понималъ, чтобы то, что было дозволено въ однѣхъ цѣляхъ, было запрещено для другихъ, чтобы мы сами могли дѣлать то, что въ другихъ осуждали. Та мораль готтентота, надъ которой всѣ смѣются, но которой всѣ слѣдуютъ не только въ политической, но во всякой борьбѣ, была ему совершенно чужда. Да и вся манера его вести судебный процессъ не напоминала борьбы; онъ не смотрѣлъ на другихъ, какъ на противниковъ, не умѣлъ считать себя стороной. Подсудимый и прокуроръ, любилъ онъ говорить,—вотъ это стороны. Себя же я считаю 13 присяжнымъ съ совѣщательнымъ голосомъ, говорю не отъ имени подсудимаго, а какъ судья долженъ думать и говорить на моемъ мѣстѣ.

Эта манера, естественная и непридуманная, вносила въ процессъ, гдѣ онъ участвовалъ, совсѣмъ исключительное настроеніе спокойствія и общаго доброжелательства. Оно сказывалось, во-первыхъ, въ отношеніяхъ съ судьями. Критики Плевако часто указываютъ, что благодаря его положенію, имени, связямъ отношенія судей къ нему были совершенно иныя, что ему позволялось то, чего не позволялось другимъ. Здѣсь есть доля правды; но она неполна. Вѣдь ту же уступчивость судьи обнаруживаютъ часто и къ другимъ знаменитостямъ; но въ отношеніи ихъ къ Плевако было нѣчто особое, что больше всего объяснялось тѣмъ, что это отношеніе было взаимно. Самъ Плевако не сумѣлъ бы настроить себя на враждебное, недовѣрчивое къ нимъ отношеніе; онъ всегда искренно и глубоко вѣрилъ въ ихъ справедливость, безпристрастность, добросовѣстность, непредвзятое отношеніе къ дѣлу. Въ немъ никогда не было того, что мы постоянно замѣчаемъ въ себѣ: опасенія, что у судей уже готовъ приговоръ, что онъ ему продиктованъ. Плевако никогда не принималъ участія въ обсужденіи вопроса, кого надо отвести, кого нужно бояться. Онъ всегда считалъ всѣхъ людей справедливыми, а ихъ приговоръ добросовѣстнымъ; и если онъ это говорилъ въ своей рѣчи, какъ я цитировалъ въ рѣчи по дѣлу кн. Грузинскаго, то это не было ни лестью, ни риторической „captatio benevolentiae"; это было искреннимъ убѣжденіемъ. Какъ часто мы говоримъ тѣ же слова, но говоримъ однимъ языкомъ, не придавая имъ вѣры; мы знаемъ, что есть судьи тенденціозные, пристрастные и запуганные. Мы готовы повсюду видѣть доказательства этого. Приговоръ для насъ непріятный мы нерѣдко объясняемъ этой причиной и искренно на него негодуемъ. Совершенно не таковъ былъ Плевако. Какъ до процесса онъ вѣрилъ судьѣ, такъ и послѣ него онъ приговоромъ не возмущался. Онъ могъ съ нимъ не соглашаться, и не больше; помню я одинъ громкій гражданскій процессъ, проигранный имъ вмѣстѣ съ другимъ адвокатомъ, тоже человѣкомъ очень опытнымъ и вліятельнымъ; въ то время какъ тотъ выходилъ изъ себя, искренно убѣжденный, что судьи были упро-

шены, что дѣло не обошлось безъ вліянія, Плевако съ какой-то досадой открещивался отъ такихъ объясненій и ни на минуту не потерялъ къ тѣмъ, кто рѣшилъ противъ него, ни капли прежняго уваженія. И все это чувствовалось и устанавливало на судѣ ту атмосферу дружелюбія, вниманія и взаимнаго довѣрія, при которой дозволяется много болѣе, чѣмъ въ моментъ открытой или затаенной борьбы.

И та же атмосфера мира распространялась и на другихъ участниковъ процесса—и на прокурора и на свидѣтелей.

Отношеніе Плевако къ послѣднимъ было крайне характерно; онъ относился къ нимъ безъ всякаго предубѣжденія, независимо отъ того, кто ихъ вызвалъ, кому они нужны въ процессѣ. У него не было обычая раздѣленія ихъ на двѣ группы, смотря по тому, въ чью они пользу показываютъ, съ полнымъ довѣріемъ къ одной группѣ и недовѣріемъ къ другой. Онъ былъ всегда убѣжденъ, что свидѣтель говоритъ искренно. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не могъ принять его показанія, онъ старался объ одномъ: понять, почему онъ ошибся. Ему чужды были обычные пріемы ихъ обличенія; рѣдко прибѣгалъ онъ къ шаблонному средству—оглашенію прежняго показанія. И это не только потому, что онъ обыкновенно плохо зналъ дѣло; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему на это указывали, онъ отвѣчалъ: „Чего же вы хотите; времени прошло много, онъ могъ позабыть“. „Я не понимаю,—говорилъ онъ мнѣ однажды,—чего вы добиваетесь, уличая свидѣтелей такимъ образомъ, только открываете прокурору дорогу дѣйствовать тѣмъ же путемъ“. И въ этомъ замѣчаніи сказывался весь Плевако, который не допускалъ, чтобы одинъ и тотъ же вопросъ о преимуществѣ предварительнаго или судебнаго слѣдствія могъ разрѣшаться неодинаково оттого, что было нужно по ходу процесса. Показанія свидѣтелей, даже самыхъ опасныхъ, въ немъ не возбуждали досады; ни въ способѣ допроса, ни даже въ тонѣ не сказывалось желанія ихъ вышутить, высмѣять, опровергнуть. Я не говорю о тѣхъ рѣдкихъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда становилось ясно, что мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ лжесвидѣтелемъ, когда Плевако могъ это утверждать прямо, не намекая; онъ тогда и дѣлалъ это открыто, не полунамеками, не экивоками. Но когда этого онъ не могъ, то вся манера его показывала, что онъ имъ вѣритъ всецѣло, хочетъ знать всю правду, какова бы она ни была. Вообще при судебномъ слѣдствіи онъ не былъ многорѣчивъ; задавалъ не много вопросовъ. Но онъ никогда не заботился о томъ, чтобы получить только тотъ отвѣтъ, котораго ждалъ, который вошелъ въ планъ защиты; сюрпризовъ, которыхъ даетъ слишкомъ упорный допросъ, онъ никогда не боялся. „Почему вы боитесь правды?“—отвѣтилъ онъ мнѣ разъ, когда я совѣтовалъ ему поскорѣй отпустить свидѣтеля, чтобы онъ не испортилъ произведеннаго впечатлѣнія. „Вамъ непремѣнно хочется, чтобы она была тамъ, гдѣ вы ее

видите, а вы берите ее, гдѣ она есть". И это довѣрчивое, полное вниманія, полное уваженія отношеніе Плевако ко всякому свидѣтельскому показанію, какъ бы ни казалось оно враждебно его интересамъ, подкупало не только судей, но и самихъ свидѣтелей; даже тѣ, показанія которыхъ онъ потомъ безпощадно разбивалъ въ своей рѣчи, сохраняли къ нему не досаду, не непріязнь, а благодарное чувство.

Нужно ли говорить, что еще въ большей степени это сказывалось въ его отношеніи къ обвинителямъ? Плевако былъ совершеннымъ джентельменомъ въ пріемахъ судебнаго спора; шелъ навстрѣчу всякому желанію, не старался ни подловить, ни использовать малѣйшаго промаха; никогда не возражалъ тамъ, гдѣ имѣлъ право не возражать. Это невольно вынуждало на подобное же и къ себѣ отношеніе. Тѣмъ большее впечатлѣніе производили тѣ рѣдкіе случаи, когда, выведенный изъ себя явной несправедливостью, онъ обрушивался на прокурора. Таковъ, напр., финалъ рѣчи въ защиту кн. Оболенскаго, направленный имъ на знаменитаго обвинителя А. А. Іогансона: „Ввѣряя мечъ на защиту закона своему „оку",—говоритъ Плевако,—государство считало, что хранитель самъ соблюдетъ тѣ правила рыцарской морали, которыя требуютъ условій равноправія въ борьбѣ и битвѣ на равномъ оружіи. Судъ — не война. Тамъ, озабоченная сокрушеніемъ вражьей дерзости, величіемъ и славой отечества, государственная власть возводитъ въ подвигъ всѣ мѣры, отъ минъ и подкоповъ до засадъ и вылазокъ, которыми разумный военачальникъ сокрушаетъ непріятеля и охраняетъ жизнь ввѣренныхъ ему защитниковъ отечества. Но въ судебномъ бою другія условія: подсудимый—сынъ своей страны и, можетъ быть, нашъ несчастный, можетъ быть, еще гонимый братъ. Законъ столь же думаетъ о немъ, сколь и о необходимости кары дѣйствительному злодѣю. Отсюда его забота о дарованіи подсудимому всѣхъ средствъ оправданія, отсюда его милосердіе, растворяющее строгость кары. Процессъ принимаетъ видъ не истребленія, а поединка между охраной закона и охраной личной чести. Допускаемыя въ бою мины и засады, вылазки и диверсіи здѣсь не у мѣста".

Въ полной гармоніи со всѣмъ вышесказаннымъ было и отношеніе его къ подзащитному; трудно оцѣнить въ достаточной мѣрѣ, какъ подкупала въ Плевако эта ровность, одинаковость въ отношеніи къ людямъ. Когда защитникъ хвалитъ достоинства своего подзащитнаго, предлагаетъ вѣрить его объясненіямъ, превозноситъ ихъ искренность и въ то же время относится съ негодованіемъ къ прокурору, съ подозрительностью къ свидѣтелямъ, съ недовѣріемъ къ судьямъ, когда по всему его поведенію ясно, что изъ всѣхъ находящихся въ залѣ—кромѣ себя самого—онъ считаетъ достойнымъ уваженія только одного подсудимаго—такое отношеніе всегда подозрительно; имъ нельзя никого заразить.

Иное было съ Плевако. Тотъ же проникнутый уваженіемъ къ человѣку взглядъ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на другихъ, на тѣхъ, съ кѣмъ спорилъ, кто вышелъ ему возражать, тотъ же взглядъ съ тѣмъ же сочувствіемъ и довѣріемъ онъ устремлялъ и на того, съ кѣмъ случилась бѣда, на подсудимаго. И для этого ему не нужно было никакого насилія надъ собой; такъ онъ смотрѣлъ на всѣхъ, иначе смотрѣть не умѣлъ; всякій участникъ процесса чувствовалъ, что не поставленная передъ адвокатомъ задача опредѣлила его слова или мысли. Онъ былъ только самимъ собой и то, что онъ говорилъ про подсудимаго, было лишь естественнымъ отраженіемъ его общаго взгляда.

А этотъ взглядъ былъ таковъ, что прощеніе виноватаго казалось не милосердіемъ, а самымъ простымъ и радостнымъ дѣломъ. Къ согрѣшившему и кающемуся человѣку Плевако не могъ не чувствовать искренней жалости. Онъ зналъ, по себѣ зналъ силу страстей, ихъ непреодолимую власть надъ слабостью самой благонамѣренной воли; помню, какъ въ одномъ процессѣ, при закрытыхъ дверяхъ, онъ съ убѣжденіемъ напоминалъ присяжнымъ, что и царь Давидъ не устоялъ передъ соблазнами Варсавіи. Какъ человѣкъ глубоко, всѣмъ своимъ складомъ, религіозный, онъ вѣрилъ, что и несчастье и преступленье—попущеніе свыше, что они посланы Тѣмъ Руководителемъ нашей судьбы, безъ воли Котораго съ головы не падаетъ волоса; вѣрилъ, что никогда не поздно покаяться, что преступленіе—часто спасительный переломъ нашей жизни, залогъ возрожденія; что величайшіе дѣятели добра иногда выходили изъ рядовъ поборниковъ зла; что,—какъ любилъ говорить онъ,—Савлы часто становятся Павлами. Онъ смотрѣлъ на жизнь и людей съ высоты такого идеала, передъ которымъ всѣ одинаково грѣшны, одинаково жалки, гдѣ бросать камень, пожалуй, и некому, гдѣ чувство злобы поневолѣ смѣняется участіемъ и состраданіемъ. Согрѣшившій, но покаявшійся человѣкъ, обезвреженный, въ мощныхъ рукахъ государства, казался ему уже искупленіемъ того зла, которое онъ совершилъ. Онъ не переносилъ только тѣхъ, кто не каялся, не признавался, кто надѣялся ловкостью или связями обмануть правосудіе, тѣхъ, чье оправданіе было бы вторичнымъ торжествомъ преступленія. Въ этихъ случаяхъ добродушіе и милосердіе его пропадали, онъ выходилъ гражданскимъ истцомъ и гнѣвно срывалъ съ виноватыхъ лицемѣрныя маски,—какъ въ дѣлѣ игуменіи Митрофаніи, Булахъ.

Пощада виновному, милосердіе, жалость — все это не только почтенныя, но понятныя чувства; но противъ нихъ разумъ выдвигаетъ рядъ аргументовъ столь же неотразимыхъ умомъ; интересъ государственнаго порядка, общественной безопасности, уваженіе къ закону и праву. Но Плевако не нужно было, какъ другимъ, въ угоду хорошему чувству на мгновеніе заглушать голосъ разума. Его христіанское міро-

созерцаніе устраняло трагизмъ такого конфликта. Личность, душа человѣка была для него въ центрѣ всего. Принести *ее* въ жертву нельзя ничему, ни во имя чего. О, онъ не затруднился бы отвѣтить на тотъ вопросъ о дозволенной жертвѣ съ цѣлью „осчастливить людей“, дать имъ „миръ и покой“, которымъ Иванъ Карамазовъ пыталъ Алексѣя.

Жизнь одного человѣка, — говоритъ онъ въ дѣлѣ Кострубо-Карацкаго,—дороже судьбы всякихъ реформъ; и это была не фраза, не риторическій оборотъ, это былъ настоящій Плевако. Самъ государственный порядокъ переставалъ быть цѣнностью, благомъ, когда онъ калѣчилъ человѣческую душу, права нашей природы. Онъ защищалъ одни фабричные безпорядки въ Орлѣ. Причина ихъ была слѣдующая. Стражникъ по неосторожности убилъ мальчика на заводѣ; его трупъ былъ отнесенъ въ казармы и волновалъ населеніе. Чтобы прекратить возбужденіе, полиція пришла взять трупъ у родителей. Возникъ такимъ образомъ конфликтъ между чувствомъ матери и интересами государства. „И вы думаете, — сказалъ палатѣ Плевако, — что такихъ предписаній слушаютъ? *Два дня не простоитъ государство, гдѣ такія требованія исполнялись бы!*“ Недаромъ Плевако много занимался религіозной исторіей, смѣнами и паденіемъ царствъ. Условную цѣнность государственнаго благополучія онъ не могъ ставить выше безусловной цѣнности человѣческой личности; никакое государственное благо не могло сравниться съ долгомъ спасти погибающаго, съ счастьемъ прощенія. Пощада преступнику для него была не сантиментальностью слабонервнаго человѣка, не жестокой чувствительностью, по мѣткому выраженію Кони; это было сущностью того міровоззрѣнія, которое покоилось на всемъ складѣ его мышленія, опредѣляло и его интересы и его отношеніе къ людямъ; было не пріемомъ ad hoc, не софистическимъ ухищреніемъ; эта точка зрѣнія родилась далеко отъ судебной борьбы, на тѣхъ высотахъ религіознаго пониманія міра, къ которымъ всѣмъ своимъ существомъ тяготѣлъ и жилъ духомъ Плевако.

И это больше, чѣмъ могучій даръ его слова, давало силу ему. Если строить защиту на безполезности наказанія, на христіанскомъ прощеніи, аргументировать этими доводами, ставя точки на і,—это отклика на судѣ не найдетъ; это покажется безшабашностью адвоката, который не останавливается ни передъ чѣмъ для пользы кліента. И такая рѣчь была бы безъ затрудненія остановлена предсѣдателемъ. Плевако этого и не говорилъ; его взглядъ былъ не столько связной доктриной, сколько непосредственнымъ чувствомъ; по инстинкту, по чувству онъ былъ анархистомъ, хотя умомъ признавалъ и государство, и необходимость суда и только въ каждомъ данномъ случаѣ отстаивалъ его право на милосердіе, его право слушаться голоса совѣсти. И къ этой совѣсти онъ обращался не рѣчью, не доводами, а всѣмъ своимъ поведеніемъ, своимъ отношеніемъ къ врагамъ и союзникамъ. Слушатели поражались

не отдѣльными словами, не аргументами; они наталкивались на цѣлое пониманіе и, что самое главное, воочію видѣли его живого носителя. Онъ могъ многаго не говорить; судьи имѣли примѣръ нагляднаго обученія; изъ всѣхъ мелочей его поведенія они узнавали и усваивали его точку зрѣнія, проникались его настроеніемъ. Они невольно сами приходили туда, къ первоисточнику, откуда вытекало то міровоззрѣніе, которое они созерцали. Онъ съ мѣста отрывалъ ихъ отъ привычныхъ житейскихъ пріемовъ мышленія, поднималъ на ту высоту, съ которой самъ смотрѣлъ на людей, гдѣ милосердіе становится не государственной слабостью, не равнодушіемъ ко злу, а дорогой и радостной потребностью человѣческой совѣсти. Его рѣчь производила успокоительное и отрадное впечатлѣніе; она уносила туда, гдѣ можно было жалѣть подсудимаго, не ссорясь съ правосудіемъ, гдѣ роковой конфликтъ между государственнымъ долгомъ и закономъ любви и прощенія переставалъ безпокоить, и обычный взглядъ на необходимость возмездія начиналъ казаться чѣмъ-то мелкимъ и жалкимъ.

Во всѣхъ пріемахъ защиты Плевако обращался къ лучшимъ человѣческимъ чувствамъ; но этого мало; онъ на время дѣлалъ самихъ слушателей лучше, чѣмъ они были, заставлялъ ихъ переживать минуты того высокаго настроенія, которое мы испытываемъ только изрѣдка, въ тѣ незабываемые моменты душевныхъ подъемовъ, въ которые каждый изъ насъ познаетъ то дорогое и лучшее, чѣмъ могла бы и должна бы была быть жизнь человѣка. Плевако умѣлъ открывать въ человѣкѣ то, что въ немъ было закрыто отъ него самого; его слушатели вдругъ освобождались отъ будничныхъ взглядовъ, постигали, что счастье и благо не тамъ, гдѣ они его видѣли, что, по слову Евангелія, нѣтъ пользы тому, кто весь міръ пріобрѣтетъ, а душу погубитъ; въ нихъ ослабѣвало желаніе мести, злоба на виноватаго, даже тревога за порядокъ и безопасность; они начинали испытывать ту радость собственнаго просвѣтлѣнія, которое даютъ человѣку минуты душевныхъ потрясеній, молитва, моральный экстазъ. Обычная жизнь съ ея суетой заглушаетъ въ насъ и эти чувства и эту способность; Плевако властно воскрешалъ ее въ самыхъ заскорузлыхъ сердцахъ; этого ему не забывали. И когда его слушателей въ этотъ моментъ спрашивали, нужно ли казнить и наказывать, они радостно отъ всей души отвѣчали: не нужно. И то чувство, съ которымъ его покидали судьи, имъ убѣжденные, было не только восхищеніе передъ талантомъ, а радостная и умиленная къ нему благодарность за счастье, ими испытанное.

Это умѣнье создало не только чарующую, неотразимую силу оратора, его доступность простой народной душѣ, съ которой у него было такъ много общаго; оно создало его своеобразіе. Можно многому научиться, и логикѣ, и риторикѣ, и настоящему краснорѣчію. Но нельзя научиться такому пониманію жизни, такому отношенію къ людямъ; чтобы

быть такимъ ораторомъ, какимъ былъ Плевако, надо было быть такимъ, какъ онъ, человѣкомъ, не по таланту, не по дару слова—все это второстепенное,—а по его духовному облику, любви къ человѣку, неспособности къ святой и даже простительной ненависти, по тому умѣнью смотрѣть на вещи глазами не отъ міра сего, которые дѣлали его такимъ непохожимъ на прочихъ.

Онъ долго останется какой-то загадкой, чѣмъ-то единственнымъ, чуждымъ намъ по душевному складу, но и безконечно дорогимъ, волшебникомъ, умѣвшимъ навѣвать на насъ настроеніе, которое жизнь въ насъ задавила, ключъ къ которому мы потеряли, но которымъ мы съ радостнымъ и благодарнымъ изумленіемъ вдругъ на время отъ него заражались.

На этомъ я кончу мое сообщеніе; знаю, что оно далеко не исчерпало вопроса, не исчерпало даже того, что я самъ могъ о немъ разсказать. Но я не задавался цѣлью дать что-либо цѣльное. И притомъ личность Плевако такъ слюжна, что одолѣть ее одному не подъ силу. Но пока живы воспоминанія, не надо дать имъ остыть. Въ концѣ-концовъ, быть можетъ, только они помогутъ разгадать ту загадку, которую являлъ собою Плевако. Жизнь его сопровождалась внѣшнимъ успѣхомъ. Изъ полунищаго юноши, прибывшаго въ Москву изъ Оренбургской губерніи съ неграмотной матерью, онъ сумѣлъ стать знаменитостью, первымъ адвокатомъ Россіи, добиться и дворянства, и генеральскаго чина. И тѣмъ не менѣе этотъ внѣшній успѣхъ всетаки не уничтожилъ сознанія, что онъ далъ не все, что могъ дать; что его жизнь—эмблема нашей дѣйствительности, которая одинаково показываетъ, и какъ могуче можетъ быть дарованіе, и какъ оно можетъ не найти примѣненія. Несмотря на всѣ тріумфы свои, Плевако остался показателемъ скорѣе возможности, чѣмъ осуществленія. Онъ стоилъ всетаки дороже, чѣмъ его оцѣнила русская жизнь. Какія свойства его или современнаго общества были причиной тому, я судить не хочу; это могло бы быть темой другого доклада. Я отмѣчаю только, что это такъ было. Его фигура была такъ своеобразна, необычна, что, несмотря на все обиліе друзей и знакомыхъ, онъ жилъ одинокимъ и умеръ однимъ. И какіе бы круги и теченія послѣ его смерти ни предъявили на него своихъ притязаній, ни одному изъ нихъ онъ не принадлежалъ; всякое клеймо испортитъ обаяніе его оригинальной фигуры. Она еще жива въ памяти людей его знавшихъ; но время и на нее наведетъ свой шаблонъ. Видѣть въ Плевако типичнаго адвоката или политическаго дѣятеля—какъ это уже писали въ его некрологахъ—значитъ не понимать, что̀ такое онъ былъ. И если о немъ сохранится только подобная память, это будетъ равносильно забвенію. И мнѣ хотѣлось пока закрѣпить нѣсколько штриховъ или черточекъ, которые скорѣе всего унесены будутъ временемъ.

В. Маклаковъ.

Н. А. Римскій-Корсаковъ.

Философскіе мотивы въ его творчествѣ.

Въ исторіи музыки есть свои, такъ сказать, имманентные этому искусству законы развитія, и тѣмъ не менѣе музыкальное творчество находится въ постоянномъ соотвѣтствіи съ господствующими настроеніями и идеями своего времени. Эта „предустановленная гармонія“ въ значительной степени осуществляется помимо воли и сознанія музыкантовъ и происходитъ вслѣдствіе принадлежности музыканта той же культурной средѣ, тому же духу вѣка, выразителями котораго, съ другой стороны, являются поэты и философы. Каждое философское міровоззрѣніе, каждое крупное литературное теченіе представляетъ не только извѣстную систему идей, но косвеннымъ образомъ бываетъ связано и съ извѣстной совокупностью преобладающихъ, излюбленныхъ настроеній и чувствованій. А такъ какъ музыка не есть простая звуковая арабеска, лишенная всякаго психологическаго содержанія, но „непрестанный комментарій душевнаго волненія къ предложеніямъ разума“, то становится понятнымъ, какими средствами музыка можетъ косвеннымъ образомъ отражать философскіе идеалы своего времени. Глубокій моральный энтузіазмъ, восторженное преклоненіе передъ идеей нравственнаго долга, призывъ къ титанической борьбѣ съ препятствіями, полагаемыми оправданію добра, провозглашеніе „священности человѣчества“, пламенныя мечты о торжествѣ демократіи, о наступленіи вѣчнаго мира,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся,—

всѣ эти настроенія и стремленія, преобладающія въ философіи Канта, нашли себѣ безподобное воплощеніе въ музыкѣ Бетховена. Апоѳеоза моральнаго героизма въ III-ей симфоніи, изображеніе титанической борьбы свободной человѣческой личности противъ слѣпого фатума въ V-ой, восторженный призывъ къ всечеловѣческому братству въ IX-ой—все это слѣдуетъ относить не на счетъ знакомства Бетховена съ моральной фило-

софіи Канта, но, главнымъ образомъ, на счетъ конгеніальности двухъ великихъ натуръ, хотя несомнѣненъ тотъ фактъ, что Бетховенъ не только всегда увлекался этическимъ ригоризмомъ Канта, но наиболѣе патетическія мѣста изъ „Критики практическаго разума“ вписаны имъ въ партитуру IX-ой симфоніи. Подобнымъ же образомъ можно охарактеризовать и отношеніе Вагнера къ Шопенгауэру. Многое въ философіи послѣдняго находитъ себѣ частью преднамѣренное, главнымъ же образомъ самопроизвольное эмоціональное отраженіе въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ великаго музыканта. И тамъ, и здѣсь пессимизмъ, хотя далеко не безусловный, сходная метафизика любви, то же отрицаніе воли къ жизни и „искупленіе“, царство благодати и Монсальватъ. Приложимы ли вышеприведенныя соображенія и къ тому геніальному художнику, какимъ былъ Н. А. Римскій-Корсаковъ? Нельзя ли въ художественномъ наслѣдіи, которое онъ намъ оставилъ, найти отзвучіе современныхъ философскихъ и литературныхъ исканій? Я думаю, что въ виду необычайной *цѣлостности* того міра прекрасныхъ образовъ, который создалъ Римскій-Корсаковъ, нельзя отрицать въ основѣ его творчества извѣстнаго идейнаго единства міропониманія. Мнѣ думается только, что для раскрытія и оцѣнки этого единства представляются слѣдующія трудности. *Во-первыхъ,* еще не существуетъ ни біографіи, ни подробнаго музыкальнаго анализа произведеній незабвеннаго Н. А. *Во-вторыхъ,* въ большинствѣ случаевъ Н. А. писалъ свои произведенія на готовый текстъ въ противоположность Вагнеру, который всегда самъ писалъ свои либретто, что давало, повидимому, бо́льшій просторъ для внесенія въ музыкальное произведеніе сознательнаго философскаго элемента. *Въ-третьихъ,* самъ Н. А. относился весьма скептически къ мысли о возможности для музыканта сознательно вносить въ свои произведенія философскій элементъ, полагая, что такое сознательное участіе разсудочнаго элемента чуждо интересамъ музыкальнаго творчества. *Въ-четвертыхъ,* творчество Н. А. совпадаетъ съ періодомъ переходнымъ въ области философскихъ и литературныхъ теченій—послѣдняя четверть XIX в., время необыкновенно сильнаго умственнаго броженія, но не время великихъ архитектоническихъ философскихъ построеній, какими изобиловала первая половина XIX вѣка—отъ Канта до Гегеля и Шопенгауэра. По поводу этихъ четырехъ соображеній можно замѣтить слѣдующее. Отсутствіе біографіи Н. А., дѣйствительно, представляетъ огромное затрудненіе и дѣлаетъ всѣ догадки о преобладающихъ философскихъ элементахъ его творчества лишь болѣе или менѣе вѣроятными. Но недавно вышла въ свѣтъ превосходная книга—родъ музыкальной автобіографіи Римскаго-Корсакова—„Лѣтопись моей музыкальной жизни“, произведеніе, изъ котораго можно почерпнуть весьма важныя данныя, касающіяся затронутаго нами вопроса. (Книга эта уже вышла вторымъ изданіемъ.

Обстоятельный анализъ ея былъ сдѣланъ въ *Русской Мысли* (авг., 1909 г.) Г. Н. Тимоѳеевымъ. Слѣдуетъ отмѣтить также статью Н. Финдейзена въ *Русской Музыкальной Газетѣ*, фельетонъ Энгеля въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и статью Н. Гнѣсиной въ *Бодромъ Словѣ*, 1909 г., № 8.) Вторая же и третья трудности отпадаютъ, такъ какъ, повторяю, въ интересующемъ насъ вопросѣ рѣчь идетъ *не о сознательномъ* проведенiи извѣстныхъ философскихъ идей въ музыкальномъ произведенiи, а о безотчетномъ тяготѣнiи къ извѣстнымъ óбразамъ, настроенiямъ, ситуацiямъ, т.-е. о преобладающемъ психологическомъ содержанiи произведенiй, объ извѣстномъ господствующемъ душевномъ строѣ, который можетъ оказаться въ гармонiи съ извѣстными философскими идеалами *помимо воли и даже вѣдома* художника. Что же касается точекъ соприкосновенiя съ современной философiей, то рѣчь можетъ итти объ общности музыкальныхъ стремленiй съ нѣкоторыми особенностями въ преобладающихъ литературно-философскихъ теченiяхъ современности, а, разумѣется, не о соотвѣтствiи тѣмъ или другимъ законченнымъ систематическимъ построенiямъ. Сознательно-разсудочное внесенiе философiи въ музыку есть проявленiе искусственной литературщины въ музыкѣ. Музыкантъ „примощаетъ" свое произведенiе къ философской темѣ великаго мудреца, отчасти вслѣдствiе своего односторонняго интеллектуализма, отчасти потому, что, по ироническому выраженiю Н. А., музыканту „лестно быть въ хорошей компанiи".

Римскiй-Корсаковъ вдохновлялся поэтическими сюжетами Пушкина и Гоголя, Мея и Островскаго, А. Толстого и Майкова, но при всемъ разнообразiи литературныхъ темъ, затронутыхъ въ его произведенiяхъ, его творчество отъ начала до конца проникнуто замѣчательнымъ *единствомъ настроенiя*—оперныя либретто, тексты романсовъ являлись лишь канвою, поводомъ для развитiя и освѣщенiя какой-нибудь стороны въ этомъ основномъ моментѣ творчества, который я назвалъ бы *религiознымъ моментомъ*. Таковымъ является извѣстное *афективное отношенiе къ мiру, какъ цѣлому*. „Оперы мои,—говорилъ Н. А. В. В. Ястребцову,—уже по самой сущности своей—самыя религiозныя, такъ какъ я всюду въ нихъ поклонялся природѣ или же воспѣвалъ это поклоненiе" (15 авг. 1895 г.). Едва ли случайность тотъ особенный интересъ къ пантеизму Спинозы и къ эволюцiонному оптимизму Спенсера, который обнаружилъ Римскiй-Корсаковъ въ занятiяхъ философiей. Римскiй-Корсаковъ—величайшiй пѣвецъ *вселенскаго чувства, космической эмоцiи*. Его муза, являющаяся посмѣнно въ „вѣчно-женственныхъ" образахъ Снѣгурочки, Нимфы, Волховы, Царевны Лебеди и т. д., это—та же мiровая душа, присутствiе которой въ своей душѣ такъ живо ощущалъ великiй музыкантъ. Это вселенское чувство проявляется у него, главнымъ образомъ, въ трехъ формахъ, которыя мы и разсмо-

тримъ послѣдовательно: апоѳеоза природы и любви, апоѳеоза художественнаго творчества и апоѳеоза моральнаго героизма. Можно сказать, что *„Снѣгурочка", „Садко" и „Китежъ" образуютъ какъ бы трилогію*, гдѣ, несмотря на различіе сюжетовъ, чувствуется глубокое внутреннее единство въ видѣ прославленія природы, человѣческаго генія и нравственнаго самоотреченія во имя человѣчества.

Остановимся прежде всего на апоѳеозѣ *природы* въ музыкѣ Римскаго-Корсакова. Иногда высказывалось мнѣніе, будто Римскій-Корсаковъ *объективный* художникъ, будто онъ болѣе удѣляетъ мѣста въ своемъ творчествѣ „изображенію" внѣшнихъ явленій природы, чѣмъ своего внутренняго міра, и потому онъ-де холодный, лишенный паѳоса художникъ. Это истинно „обывательская" точка зрѣнія на Римскаго-Корсакова, такъ разсуждаетъ мѣщанинъ, которому доступны лишь внѣшнія поверхностныя впечатлѣнія, которому понятны лишь проявленія грубыхъ эмоцій въ музыкѣ, но который отнюдь не постигаетъ сущности самыхъ глубокихъ и тонкихъ движеній человѣческой души, направленныхъ на сверхличное, на природу и человѣчество. Вѣдь еще Тургеневъ замѣтилъ по поводу непониманія пантеистической поэзіи Тютчева: „Фіалка не разитъ на двадцать шаговъ, надо приблизиться къ ней, чтобы ощутить ея благоуханіе". Дѣленіе художниковъ на объективныхъ и субъективныхъ основывается не на томъ, что первые описываютъ внѣшнее, а вторые—внутреннее, но на томъ, что первые проявляютъ бо́льшую способность къ *расширенію* своей личности, къ перевоплощенію себя въ другія личности, въ чужую психику, другіе же *эгоцентричны* и раскрываютъ въ своихъ произведеніяхъ преимущественно свою собственную личную духовную природу. Мусоргскій можетъ служить примѣромъ перваго типа, Чайковскій—второго [1]). Въ музыкѣ „описаніе" природы заключается не въ близости къ изображаемому явленію, а совсѣмъ въ

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, что здѣсь рѣчь идетъ объ эгоцентризмѣ эстетическомъ, а не нравственномъ. Чайковскій былъ, какъ извѣстно, поразительно чуткою въ этомъ послѣднемъ смыслѣ натурой. И къ природѣ Чайковскій испытывалъ восторженное чувство. Это видно изъ такихъ удивительныхъ картинъ природы, какія онъ далъ въ „Бурѣ" въ видѣ изображенія океана, въ Манфредѣ—въ видѣ изображенія водопада въ гротѣ феи, но такія картины являются все же въ его музыкѣ рѣдкимъ исключеніемъ. Въ немъ не было способности закрѣплять въ художественныхъ формахъ подобныя переживанія, или, лучше сказать, не было рѣзко выраженной потребности дѣлать это, что не мѣшало ему поразительно тонко чувствовать красоты природы. „Только въ одиночествѣ и на лонѣ природы,—говоритъ онъ,—можно испытать минуты дѣйствительнаго счастья. Даже искусство не можетъ дать тѣхъ моментовъ *экстатическаго восторга*, которые даетъ природа" („Жизнь П. И. Чайковскаго", II, 299). „Пребываніе въ Симакахъ и преизобиліе чудныхъ счастливыхъ минутъ собесѣдованія съ матерью-природой наполнило все мое нравственное существо какимъ-то неопредѣленнымъ и неодолимымъ влеченіемъ къ *красотѣ*" (ib., 413).

иномъ, именно въ эстетическомъ „вчувствованіи“. *Вчувствованіе*[1]) (Einfühlung) есть проекція, перенесеніе психики на изображаемые объекты. Эта проекція осуществляется въ музыкѣ при помощи цѣлой системы пріемовъ, гдѣ главную роль играетъ не прямое звукоподражаніе, а извѣстный *символизмъ*, основанный, между прочимъ, и на звукоподражаніи. Не шумъ моря, какъ таковой, „изображается“ въ „Садкѣ“ или „Шехеразадѣ“, но *эмоціональныя отзвучія,* вызываемыя въ воображеніи художника и слушателя картиною моря. Между движеніями волнъ и мѣрнымъ теченіемъ музыки есть только *аналогія,* но въ силу ея мы какъ бы ассимилируемъ природу съ нашимъ „я“, мы начинаемъ ощущать съ особенной живостью родство между внѣшнею стихіею и внутренними переживаніями. Въ различныхъ настроеніяхъ мы чувствуемъ свое родство съ различными моментами въ жизни моря: нашей душѣ сродни то шумящее, то спокойное море („Дробится и плещетъ, и брызжетъ волна“, „Не пѣнится море“). Звукоподражаніе является здѣсь лишь опорнымъ пунктомъ для симпатическаго расширенія нашего „я“, для включенія въ него всей окружающей природы. Подобный музыкальный символизмъ можетъ быть раздвинутъ и распространиться на „изображеніе“ не только звуковъ, но: 1) *движеній* быстрыхъ и медленныхъ, 2) *формъ* грандіозныхъ и миніатюрныхъ, 3) *разстояній* близкихъ и дальнихъ, 4) *контрастовъ* свѣта и мрака, холода и тепла и т. д., и т. д. Психологическій секретъ подобнаго символизма заключается въ пользованіи *принципомъ аналогіи между различными родами ощущеній.* Между быстро восходящей гаммой и полетомъ вверхъ стрѣлы, между тембромъ деревянныхъ духовыхъ и ощущеніемъ холода, между звуками колокольчиковъ и блескомъ свѣтляковъ, между низкими тонами и мракомъ; между разрастаніемъ лѣса и прогрессивно увеличивающимся сплетеніемъ голосовъ въ музыкѣ нѣтъ не только отношенія изображаемаго къ изображающему, но даже нѣтъ никакого прямого сходства, между ними есть только *аналогія* въ ихъ воздѣйствіи на наше чувство. Здѣсь имѣется налицо явленіе параллельное такимъ языковымъ метафорамъ, какъ: *яркій* голосъ соловья (Пушкинъ), *прозрачный* звонъ копытъ (Левъ Толстой). Спорадически описанный музыкальный символизмъ встрѣчается въ музыкѣ весьма часто и можно найти его детальную характеристику, напримѣръ, у Вёльфлина и у Combarieu. Вёльфлинъ въ мемуарахъ баварской академіи наукъ даетъ историческій анализъ звукоподражаній въ музыкѣ (изображеніе непогоды, пѣнія птицъ и колокольнаго звона). Комбарьё же разсматриваетъ музыкальный символизмъ въ собственномъ смыслѣ слова. Имъ широко пользуется Римскій-Корсаковъ, и это, послѣ вышесказаннаго, становится для насъ психологически вполнѣ понятнымъ. Му-

---

[1]) Подробности о „вчувствованіи“ см. мою книгу: „Проблема „чужого я“. 1911 г.

зыкальный символизмъ есть главное техническое орудіе для проекціи нашихъ чувствованій на внѣшнюю природу и обратно для симпатической ассимиляціи внѣшнихъ впечатлѣній душою. „Все во мнѣ и я во всемъ“. Макрокосмъ и микрокосмъ взаимно проникаютъ другъ друга:

И какъ въ росинкѣ чуть замѣтной
Весь солнца ликъ ты узнаешь,
Такъ слитно въ глубинѣ завѣтной
Все мірозданье ты найдешь.

Органическая связь слуховыхъ впечатлѣній со зрительными въ творчествѣ Римскаго-Корсакова составляетъ секретъ той необычайной колоритности и образности его музыки, которая побудила одного современнаго французскаго критика сказать про нее: „Ce n'est pas seulement pour l'oreille mais presque pour les yeux même qu'elle est un enchantement. A l'écouter on se demande avec Tristan: „Höre ich nicht das Licht?“ (Camille Bellaige. Revue des deux mondes, 1907). До какой степени у Римскаго-Корсакова эта черта составляла одно изъ коренныхъ, органическихъ свойствъ его художнической натуры, можно видѣть изъ наличности въ его творческихъ пріемахъ одной особенности, которая могла бы, сама по себѣ взятая, казаться просто индивидуальною причудою, идіосинкразіею, не имѣющею никакого принципіальнаго значенія, между тѣмъ какъ послѣ сказаннаго становится вполнѣ естественной: наличность у Н. А. такъ называемаго цвѣтового слуха или цвѣтного звукосозерцанія, по выраженію В. В. Ястребцова, посвятившаго этому вопросу весьма интересную статью [1]). Оказывается, у Н. А. была наличность весьма прочныхъ ассоціацій между извѣстною окраскою и извѣстными тональностями, такъ что музыку, сопровождающую картины извѣстной преобладающей окраски, онъ всегда предпочиталъ сочинять въ опредѣленной для даннаго цвѣта тональности (напримѣръ, E-dur для синей, темно-лазурной окраски неба или моря). Такимъ образомъ, для опредѣленной тональности и окраски существовалъ извѣстный постоянный общій эмоціональный коэффиціентъ, что давало возможность приводить въ особенно интимную, тѣсную связь впечатлѣнія внѣшней природы съ внутренними движеніями души.

Космическое чувство слiянія съ природой проявляется во многихъ произведеніяхъ Н. А., но нигдѣ оно не достигаетъ такой цѣльности и полноты, какъ въ „Снѣгурочкѣ“, гдѣ вмѣстѣ съ нарастаніемъ тепла оно нарастаетъ непрерывно вплоть до самаго патетическаго момента таянія Снѣгурочки, которое какъ бы символизируетъ симпатическій, радостный порывъ души къ сліянію съ космосомъ.

---

[1]) „О звуковомъ цвѣтосозерцаніи Римскаго-Корсакова“. *Русская Музыкальная Газета*, 1908 г.

И въ этихъ грезъ міровомъ дуновеньи,
Какъ дымъ несусь я и *таю невольно*,
И въ этомъ прозрѣніи, и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.

Это чувство слiянія съ природой зарождается въ Снѣгурочкѣ вмѣстѣ съ зарожденіемъ любви въ ея сердцѣ. Она говоритъ: „Какой красой зеленый лѣсъ одѣлся, трава манитъ, кусты манятъ, а небо, мама, небо!“ Музыка неподражаемо передаетъ это внезапное *измѣненіе всей природы* въ глазахъ любящаго существа. Здѣсь рѣчь идетъ не о фантастическихъ душевныхъ метаморфозахъ, но о реальномъ психологическомъ фактѣ, который я позволю себѣ иллюстрировать однимъ мѣстомъ изъ повѣсти Л. Н. Толстого „Семейное счастье“: „*Весь этотъ міръ, это небо, этотъ садъ, этотъ воздухъ были не тѣ, которые я знала.* Когда я смотрѣла впередъ по аллеѣ, по которой мы шли, мнѣ все казалось, что туда дальше нельзя было итти, что тамъ кончался міръ возможнаго, что все это навсегда должно быть заковано въ своей красотѣ“. А вотъ переживанія влюбленнаго и счастливаго Левина: ...„Что онъ увидѣлъ тогда, того онъ послѣ уже никогда не видалъ. Въ особенности дѣти, шедшія въ школу, голуби сизые, слетѣвшіе съ крыши на тротуаръ, и сайки, посыпанныя мукою, которыя выставили невидимыя руки, тронули его. *Эти сайки, голуби и два мальчика были неземныя существа.* Все это случилось въ одно время: мальчикъ подбѣжалъ къ голубю и, улыбаясь, взглянулъ на Левина; голубь затрещалъ крыльями и отпорхнулъ, блестя на солнцѣ дрожащими въ воздухѣ пылинками снѣга, а изъ окошка пахнуло духомъ печенаго хлѣба и выставились сайки. Все это вмѣстѣ было такъ необычайно хорошо, что Левинъ засмѣялся и заплакалъ отъ радости“.

Вотъ что разсказываетъ Н. А. о сочиненіи „Снѣгурочки“. Пьеса Островскаго, прежде мало его интересовавшая, при перечитываніи зимой 1879—80 года сразу увлекла его. „Мнѣ сразу захотѣлось писать оперу на этотъ сюжетъ и по мѣрѣ того, какъ я задумывался надъ этимъ намѣреніемъ, я чувствовалъ себя все болѣе влюбленнымъ въ сказку Островскаго. Проявлявшееся понемногу во мнѣ тяготѣніе къ древнему русскому обычаю и *языческому пантеизму* вспыхнуло теперь яркимъ пламенемъ. Не было для меня на свѣтѣ лучшаго сюжета, не было для меня лучшихъ поэтическихъ образовъ, какъ Снѣгурочка, Лель или Весна, не было лучше царства, какъ царство Берендеевъ съ ихъ чуднымъ царемъ, не было лучше міросозерцанія и религіи, какъ поклоненіе Ярилѣ-Солнцу“. „Снѣгурочка“ была сочинена съ необычайной быстротой ($2^1/_2$ мѣсяца) въ деревенской глуши, которая приводила Римскаго-Корсакова въ восторгъ. „Отличный садъ со множествомъ вишневыхъ деревьевъ и яблонь, смородиной, земляникой, клубникой, крыжовникомъ, съ цвѣтущей сиренью, множествомъ полевыхъ цвѣтовъ и неумолкаемымъ пѣніемъ

птицъ—все какъ-то особенно гармонировало съ моимъ тогдашнимъ пантеистическимъ настроеніемъ и съ влюбленностью въ сюжетъ „Снѣгурочки".

„Снѣгурочка" есть пантеистическій гимнъ природѣ и въ то же время свѣтлая апоѳеоза любви. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она представляетъ достойный pendant къ „Тристану". Есть глубокая аналогія въ мистическомъ экстазѣ, предваряющемъ гибель Снѣгурочки и смерть Изольды, но въ то же время есть и глубокое различіе—первая завершается гимномъ солнцу, свѣту, утвержденію воли къ жизни, вторая предваряется гимномъ ночи, Нирванѣ, отрицанію воли къ жизни. То же влеченіе къ природѣ и вчувствованію въ нее мы наблюдаемъ въ лирикѣ Римскаго-Корсакова. Въ добрую половину его романсовъ входитъ описаніе природы. Кюи въ исторіи русскаго романса указываетъ, что Н. А.—создатель „пейзажнаго" романса.

Человѣкъ лицомъ къ лицу съ природой нерѣдко ощущаетъ рѣзкій мучительный *дуализмъ* въ отношеніи къ ней: его „я" не расширяется, чтобы охватить природу, но, наоборотъ, какъ бы сжимается до точки, которая живо ощущаетъ свое абсолютное ничтожество передъ грознымъ, безконечнымъ Космосомъ. Такъ возникаетъ своеобразное чувство, которое Овсянико-Куликовскій [1]) называетъ „страхомъ передъ Космосомъ". Вотъ двѣ иллюстраціи этого чувства, первая—изъ Тургенева, вторая—изъ Чехова: 1) „Неизмѣнный мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо, и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанія молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи, нѣтъ, вся душа его никнетъ и замираетъ и чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли—и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣткахъ". 2) „Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на голубое небо, то почему-то мысли и душа сливаются въ сознаніе одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одинокимъ, и все то, что считалъ раньше близкимъ и роднымъ, становится безконечно далекимъ и неимѣющимъ цѣны. Звѣзды, глядящія съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное небо и мгла, равнодушныя къ короткой жизни человѣка, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ и стараешься постигнуть ихъ смыслъ, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ; приходитъ на мысль то оди-

[1]) См. превосходную статью проф. Овсянико-Куликовскаго: „Идея безконечности въ положительныхъ наукахъ и въ искусствѣ". Сборникъ „Вопросы теоріи и психологіи творчества", 1907 г.

ночество, которое ждетъ каждаго изъ насъ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной“ [1]). Помочь человѣчеству преодолѣть этотъ „страхъ передъ Космосомъ“ можетъ творческій геній художника. Художникъ есть связующее звено между природой и человѣкомъ, такъ живо ощущающимъ свое одиночество. Ассимилируя въ себѣ весь міръ, „безконечное въ конечномъ“, по выраженію Шеллинга, художникъ можетъ и другимъ людямъ сообщить *чувство безконечнаго*. Его роднитъ съ природою стихійный творческій порывъ; выражаясь фигурально, можно сказать, что міровая душа подобна Космическому Зодчему, Деміургу, а художникъ подобенъ богу. Этотъ образъ художника, какъ посредника между природою и человѣкомъ, какъ выразителя космическаго чувства, одинъ изъ любимыхъ образовъ Римскаго-Корсакова. Онъ появляется то въ видѣ безыскусственнаго пѣвца Левко, причастнаго стихійнымъ силамъ природы и приносящаго избавленіе страждущей Панночкѣ, то въ видѣ Леля-Аполлона, который носитъ въ своей душѣ стихійное творческое начало, роднящее его съ солнцемъ. Онъ говоритъ про солнце:

Лелѣяло измлада оно меня: учило пѣсни пѣть,
Тепло его въ рѣчахъ моихъ и пѣсняхъ,
Тепло его въ крови моей и въ сердцѣ
И теплится въ лицѣ румянцемъ смуглымъ,
И свѣтится весенней сладкой нѣгой изъ глазъ моихъ.

Такимъ же посредникомъ между Космосомъ и человѣкомъ является и Садко. И въ народной былинѣ, и въ ея переработкѣ въ либретто Садко недаромъ изображается одновременно и мореходомъ, и пѣвцомъ: море и небо по преимуществу являются подходящимъ символомъ безконечнаго Космоса. Художественный даръ сообщаетъ Садку волшебную силу (добываніе золота и золотыхъ рыбокъ), которая послѣ Lamento на берегу Ильмень-озера приводитъ его къ величайшему Trionfo передъ народомъ. Народъ признаетъ въ его геніи сродство со стихіями природы („видно любитъ его грозный Царь морской“) и проникается чувствомъ безконечнаго въ восторженномъ гимнѣ:

Высота, высота поднебесная,
Глубота, глубота Окіянъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Замѣчу въ скобкахъ: весьма вѣроятно, что въ любви Н. А. къ изображенію моря и неба сыграли роль и впечатлѣнія, полученныя изъ

---

[1]) Подобное настроеніе одиночества геніально передано въ музыкѣ Чайковскимъ, напримѣръ, въ его романсѣ:

Снова, какъ прежде, одинъ,
Снова объятъ я тоской.

кругосвѣтнаго плаванія. „Чудесенъ тропическій океанъ со своей лазурью и фосфорическимъ свѣтомъ, чудесны тропическое солнце и облака, но ночное тропическое небо на океанѣ чудеснѣе всего на свѣтѣ“.

Эта глубокая связь художника, съ одной стороны—съ природою, съ другой—съ народомъ, составляютъ всю суть былины; для Садка творчество есть стихійная сила не индивидуальная, но сверхличная, связующая его съ человѣчествомъ. Вотъ почему странно слышать сожалѣнія, отчего Садко не погибъ на днѣ моря, но вернулся, чтобы служить пѣсней Новугороду. Въ такомъ случаѣ Садко былъ бы какою-то жалкою пародіею на Генриха въ „Потонувшемъ колоколѣ“ Гауптманна, Волхова уподобилась бы Раутенделейнъ, Любава—Магдѣ, Морской Царь—водяному и т. д. Подобно „Мейстерзингерамъ“ Вагнера, „Садко“ есть великая апоѳеоза народнаго искусства. Четвертая картина въ „Садкѣ“ представляетъ единственное въ своемъ родѣ изображеніе „души толпы“ во всемъ ея красочномъ разнообразіи.

Если у Вагнера на общемъ ликующемъ, свѣтломъ фонѣ „Мейстерзингеровъ“ обрисовывается личная трагедія художника, то подобной же трагедіи художника посвящено одно изъ совершеннѣйшихъ созданій Римскаго-Корсакова, гдѣ снова героемъ является геніальный музыкантъ. Я говорю о „Моцартъ и Сальери“. Если великій творецъ музыкальной драмы долго подвергался нападенію Бекмессеровъ, то и его геніальнаго преемника напутствовали въ могилу возгласы доморощенныхъ Сальери: „Что пользы въ немъ!“ Далѣе, въ оперѣ „Царь Салтанъ“, представляющей сценическую переработку пушкинской сказки, сходной по сюжету съ „Зимней сказкой“ Шекспира, талантливый либреттистъ В. Бѣльскій въ очевидномъ согласіи съ намѣреніями композитора выдвигаетъ мысль объ искусствѣ и творчествѣ генія, какъ средствахъ къ „преодолѣнію трагедіи“. Царевна-Лебедь—это символъ творческой фантазіи, которая одушевляетъ насъ вѣрою въ осуществимость того, что кажется невозможнымъ:

Для живыхъ чудесъ
Я сошла съ небесъ
И живу украдкой
Въ милыхъ мнѣ сердцахъ.
Свѣтелъ имъ со мной
Жеребій земной,
Горе сладко въ пѣснѣ,
Въ сказкѣ милъ и страхъ.
Солнце имъ яснѣй,
Вешній цвѣтъ краснѣй,
Говоръ волнъ понятенъ,
Птичья рѣчь въ лѣсахъ.

Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ романсовъ мы находимъ у Н. А. изображеніе внутренняго міра художника.

Перехожу къ третьему моменту въ творчествѣ Римскаго-Корсакова—къ апоѳеозѣ этическаго героизма. Если подъ религіозностью разумѣть вѣру въ постоянныя цѣнности, въ *оправданіе* добра, красоты и истины, то, очевидно, абсолютный пессимизмъ исключаетъ религіозность. Тѣмъ не менѣе возможна вѣра въ торжество добра, съ бо́льшимъ наклономъ то въ сторону оптимизма, то въ сторону пессимизма. Существуетъ религіозный типъ людей со свѣтлымъ темпераментомъ и съ темнымъ темпераментомъ [1]). Характерною особенностью послѣднихъ является повышенная сосредоточенность вниманія на темныхъ сторонахъ жизни—ихъ глубоко мучитъ трагедія грѣха и трагедія смерти. Эта трагедія ощущается и первымъ оптимистическимъ типомъ, но въ его сознаніи свѣтлыя стороны жизни заслоняютъ и смягчаютъ мучительность проблемы. Онъ „принимаетъ міръ", одушевляемый пламенной надеждой, что въ *дѣятельной любви* лежитъ начало, освобождающее насъ отъ ужаса передъ зломъ, мукъ раскаянія и страха смерти.

Среди музыкантовъ къ первому пессимистическому типу я отнесъ бы Вагнера и Чайковскаго. У перваго черезъ все его творчество отъ „Моряка-скитальца" до „Парсифаля" красной нитью проходитъ проблема *искупленія*. Второй съ особенной тревогой останавливается передъ трагедіей смерти, не изъ личнаго страха передъ *„курносою гадиной"*, но вслѣдствіе мучительной боли, вызываемой смертью окружающихъ людей: мы встрѣчаемъ въ музыкѣ Чайковскаго цѣлый рядъ поразительныхъ изображеній смерти и всего, что̀ съ ней связано, и притомъ изображеній глубоко субъективнаго характера (квартетъ op. 30, тріо, „Воевода", „Манфредъ", „Гамлетъ", „Пиковая дама", шестая симфонія). Къ этой же категоріи настроеній слѣдуетъ отнести описаніе мукъ раскаянія, душевнаго ада въ „Франческѣ", греческой пѣснѣ „Въ темномъ адѣ подъ землей" и 1-й части IV-й симфоніи [2]). Чайковскій могъ бы сказать про свои пѣсни то же, что и Шелли: „Our sweetest songs are those that tell of saddest thought", элегическое творчество было для него, какъ для Гейне, средствомъ къ преодолѣнію жизненной трагедіи:

Klingt das Lied auch nicht ergötzlich,
Hat's mich doch von Angst befreit.

Религія Римскаго-Корсакова есть пантеизмъ въ ярко-оптимистической окраскѣ. Только въ первый періодъ его творчества въ этомъ пан-

---

[1]) См. превосходную книгу Джэмса: „The varieties of religious experience". Русскій переводъ 1910 г. подъ ред. Лурье, изд. *Русской Мысли* „Многообразіе религіознаго опыта".

[2]) Мусоргскій — другой геніальный художникъ, изобразившій трагедію грѣха въ „Борисѣ" и трагедію смерти въ 5-мъ актѣ „Хованщины" и въ „Пѣсняхъ и пляскахъ смерти", но въ гораздо болѣе объективномъ видѣ, какъ драматургъ, не какъ лирикъ.

теизмѣ преобладала *эстетическая* черта, въ послѣднемъ же *этическая.* Тамъ выступала на первый планъ идея сліянія съ природой, здѣсь—идея сліянія съ Великимъ Существомъ, Человѣчествомъ, при чемъ и эстетическій моментъ не упразднялся, но гармонически сочетался съ первымъ. Въ церковномъ христіанствѣ Римскаго-Корсакова, какъ художника, привлекала *исключительно поэзія обряда* въ такой же мѣрѣ, какъ и поэзія языческихъ обрядовъ. Зато съ христіанской мистикой у него, какъ и у Достоевскаго, есть глубокія общія черты, именно потому, что эта мистика близка по духу пантеизму.

Вотъ что сообщаетъ В. В. Ястребцовъ въ своихъ замѣчательныхъ еще не опубликованныхъ воспоминаніяхъ о Римскомъ-Корсаковѣ относительно религіозныхъ взглядовъ Н. А. въ эпоху сочиненія „Снѣгурочки“. „Въ ту пору онъ, сызмалу всегда склонный къ пантеизму, благодаря чудному сюжету „Снѣгурочки“, дававшему полный просторъ всему „обрядовому“, сталъ окончательно „*молиться природѣ*“—какому-нибудь старому кривому, вывороченному пню, какому-нибудь ракитнику или вѣковому дубу, лѣсному ручью, озеру...“ „Я во всемъ этомъ,—сказалъ Римскій-Корсаковъ,—усматривалъ нѣчто особенное, сверхъестественное. Мнѣ по временамъ казалось, что именно животныя, птицы и даже деревья и цвѣты, разъ дѣло касалось чего-либо волшебнаго, фантастическаго, болѣе свѣдущи, чѣмъ сами люди, что имъ гораздо понятнѣе языкъ природы. Согласитесь,—заключилъ онъ,—все это было страшно нелогично, и однако мнѣ казалось, что это на самомъ дѣлѣ такъ!! Я всему этому горячо вѣрилъ, какъ ребенокъ, какъ мечтатель, отдававшійся весь своимъ грёзамъ, и однако, что странно, *въ эти минуты міръ мнѣ казался ближе, понятнѣе, я какъ бы сливался съ нимъ!* Даже теперь, когда солнечный купальскій эпосъ для меня уже отчасти утратилъ прежнее обаяніе, *я всетаки не могу вполнѣ отрѣшиться* отъ всякаго рода „*пантеистическихъ идей*“, и, будучи отнюдь не изъ клерикаловъ, тѣмъ болѣе, что мои религіозныя убѣжденія довольно условны, я тѣмъ не менѣе, какъ художникъ, искренно восхищаюсь всею обрядовой, такъ сказать, языческой стороной религіи: я, напримѣръ, глубоко люблю ее въ другихъ и положительно усматриваю красоту и въ крестныхъ ходахъ, и въ похоронныхъ тризнахъ, хотя, повторяю, самъ лично ни въ процессіяхъ принимать участія не стану, ни поминальныхъ блиновъ ѣсть не буду“.

У Римскаго-Корсакова не менѣе часто, чѣмъ у Чайковскаго встрѣчается изображеніе смерти, но почти всегда съ радостной, свѣтлой стороны. „Млада“ (особенно третье дѣйствіе) представляетъ музыкальную поэму на тему: „Любовь сильнѣе смерти“, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ „Клару Миличъ“ Тургенева. О „свѣтломъ праздникѣ“ нашъ художникъ пишетъ слѣдующее: „Въ увертюрѣ соединились воспоминанія

о древнемъ пророчествѣ, о евангельскомъ повѣствованіи и общая картина пасхальной службы съ ея „языческимъ веселіемъ". Скаканіе и плясаніе библейскаго царя Давида передъ ковчегомъ развѣ не выражаетъ собой настроенія одинаковаго порядка съ настроеніемъ идоложертвенной пляски? Развѣ русскій православный трезвонъ не есть плясовая церковная инструментальная музыка? Развѣ трясущіяся бороды поповъ и дьячковъ въ бѣлыхъ ризахъ и стихаряхъ, поющихъ въ темпѣ allegro vivo „Пасха красная" и т. д., не переносятъ воображеніе въ языческія времена? А всѣ пасхи и куличи, эти зажженныя свѣчи... Какъ все это далеко отъ философскаго и соціалистическаго ученія Христа! Вотъ эту-то легендарную и языческую сторону праздника, этотъ переходъ отъ мрачнаго и таинственнаго вечера страстной субботы къ какому-то необузданному языческо-религіозному веселію утра Свѣтлаго Воскресенія мнѣ хотѣлось изобразить въ увертюрѣ".

Умираніе Мареы, смерть Серviліи, смерть Февроньи—все это „блаженныя кончины", гдѣ нѣтъ мѣста отчаянію и ужасу, гдѣ изображенъ моментъ наивысшаго духовнаго просвѣтлѣнія и примиренія съ жизнью.

Символическое изображеніе *зла* имѣетъ у Римскаго-Корсакова часто юмористическій оттѣнокъ, подъ вліяніемъ народныхъ представленій. Часто нашего художника привлекаетъ изображеніе обаянія и прелести зла, „цвѣтовъ зла". Въ „Младѣ" дано противопоставленіе Афродиты земной и небесной въ образахъ Клеопатры и Млады. Въ „Кащеѣ" сила демоническихъ чаръ Кащеевны побѣждается любовью. Въ „Золотомъ пѣтушкѣ", этой яркой музыкальной сатирѣ, изображено саморазложеніе царства деспотизма, и здѣсь снова выступаетъ злое начало въ образѣ плѣнительной Шемаханской царицы, чары которой приводятъ къ гибели царя Додона.

Однако ни въ одномъ произведеніи Римскаго-Корсакова не обрисовывается такъ ярко этическая сторона его пантеизма, какъ въ „Китежѣ". Благодаря счастливому случаю, Римскій-Корсаковъ нашелъ въ В. И. Бѣльскомъ либреттиста чрезвычайно талантливаго и чуткаго къ характернымъ особенностямъ своего творчества. Либретто „Китежа" само по себѣ яркое поэтическое произведеніе. Авторъ сказанія и композиторъ даютъ здѣсь антитезу двухъ религіозныхъ міросозерцаній: традиціонно-церковнаго съ его суровымъ аскетизмомъ и пессимистическимъ взглядомъ на земную жизнь въ лицѣ стараго князя Юрія и новаго свободнаго индивидуальнаго, которое заключается въ свѣтломъ любовномъ отношеніи къ міру и гармонически сочетаетъ въ себѣ глубину этическаго настроенія съ мистическимъ поклоненіемъ красотѣ въ природѣ. Февронія, главное лицо въ этой религіозной мистеріи, молится Богу въ природѣ: она живетъ въ лѣсу въ тѣсномъ единеніи съ „зеленымъ царствомъ", съ животнымъ міромъ, къ которому, какъ братъ Зосимы у До-

стоевскаго, она преисполнена нѣжной любви. Ей не нужна церковная обстановка для общенія съ Богомъ. Она говоритъ князю Всеволоду про окружающій ее лѣсъ: „Богъ-то не вездѣ ли, ты вотъ, мыслишь, здѣсь пустое мѣсто“,

Анъ же нѣтъ—великая здѣсь церковь!
Оглянися умными очами,
День и ночь у насъ служба воскресная,
Днемъ и ночью темьяны да ладаны,
Днемъ сіяетъ намъ солнышко ясное,
Ночью звѣзды, какъ свѣчки, затеплятся,
День и ночь у насъ пѣнье умильное,
Что на всѣ голоса ликованіе,
Птицы, звѣри, дыханіе всякое
Воспѣваютъ прекрасенъ Господенъ свѣтъ.
Тебѣ слава во вѣкъ, небо свѣтлое,
Богу Господу чуденъ высокъ престолъ,
Та же слава тебѣ, земля матушка,
Ты для Бога подножіе крѣпкое.

Ея нравственный идеалъ—дѣятельная любовь къ людямъ, вѣчная готовность съ радостью пожертвовать собой. Эта готовность даетъ ей высшее прозрѣніе въ міръ, приводитъ ее въ мистическій экстазъ, въ которомъ она побѣждаетъ ужасъ зла и смерти. Она говоритъ:

Милый, какъ безъ радости прожить,
Безъ веселья краснаго пробыть?
Посмотри, играютъ пташки всѣ,
Веселится, скачетъ звѣрь рыскучій,
Вѣрь, не та спасеная слеза,
Что съ тоски кручинушки течетъ,
Только та спасеная слеза,
Что отъ Божьей радости росится,
И грѣха, мой милый, ты не бойсь,
Всякаго возлюбимъ, какъ онъ есть;
Тяжкій грѣшникъ, праведникъ ли онъ,
Въ каждой душенькѣ краса Господня,
Всякъ, кто стрѣлся, того Богъ послалъ,
Въ скорби онъ такъ намъ еще нужнѣй.
Приласкай, хотя-бъ былъ лиходѣй,
Радостью небесною обрадуй.
А и сбудется небывалое,
Красотою все разукрасится,
Словно дивный садъ процвѣтетъ земля,
И распустятся крины райскіе,
Прилетятъ сюда птицы чудныя,
Птицы радости, птицы жалости,
Воспоютъ въ древахъ гласомъ ангельскимъ,
А съ небесъ святыхъ звонъ малиновый
Изъ-за облаковъ несказанный свѣтъ.

Ея предчувствія сбываются: въ моментъ героической смерти она субъективно переживаетъ осуществленіе своихъ ожиданій, она испытываетъ высшее блаженство и полное примиреніе съ жизнью. Въ двухъ

послѣднихъ картинахъ „Китежа“ Корсаковъ даетъ поистинѣ геніальное изображеніе того *расширенія человѣческаго я*, которое человѣкъ можетъ испытывать въ минуты моральнаго энтузіазма. Для исключительныхъ натуръ невидимый градъ Китежъ есть *реальность, но не физическая, а психологическая*. Вотъ человѣческій документъ, краснорѣчиво подтверждающій сказанное. Я приведу его заключительныя строки: „Знаете ли, что значитъ въ одно... мгновенье почувствовать величайшее единство всего міра? Тончайшую и красивѣйшую связь между самой отдаленной звѣздой и вотъ этой микроскопической пылинкой, что лежитъ на крышкѣ моего стола... между величайшимъ геніемъ человѣчества и зачаткомъ нервной системы какого-нибудь червя; между мной и маленькой бѣлой тончайшей структуры и красоты снѣжинкой... лучомъ весенняго солнца, ростомъ травы, зеленой пѣнистой волной, клѣточкой живой протоплазмы или психикой какого-нибудь Петра, Ивана, живущаго на томъ концѣ свѣта... Знаете ли вы, что значитъ видѣть всю жизнь, какъ на ладони? Знаете ли вы, что значитъ съ нѣжною внимательностью любоваться всей этой громадой, трепетно и страстно любить каждое движеніе, каждое біеніе пульса молодой, только что развернувшейся жизни? И знать, что ни одна секунда не властна надъ тобой, что однимъ словомъ, безъ страха, безъ сожалѣнія ты можешь прервать ее, навѣки покончить съ сознаніемъ“. Это не литературное произведеніе. Это—конецъ письма передъ казнью Климовой.

Чтобы быть великимъ выразителемъ соціальныхъ чувствъ въ искусствѣ, надо обладать исключительной способностью къ *перевоплощенію*. У различныхъ художниковъ то, что я назвалъ бы *коэффиціэнтомъ эстетической перевоплощаемости*, бываетъ различно. У однихъ онъ малъ; таковы художники индивидуалистическаго типа, какъ, напримѣръ, Кюи и Чайковскій; у другихъ чрезвычайно великъ: къ таковымъ я отнесъ бы авторовъ „Бориса“ и „Псковитянки“. Оба типа творчества имѣютъ равное право на существованіе въ искусствѣ, но изображеніе жизни народныхъ массъ составляетъ преимущественную особенность второго типа, и въ этомъ смыслѣ великая соціальная задача искусства, которую геніально разрѣшилъ Римскій-Корсаковъ, всего лучше опредѣляется слѣдующими прекрасными словами Мусоргскаго: „Въ человѣческихъ массахъ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, всегда есть тончайшія черты, ускользающія отъ хватки, никѣмъ не тронутыя. Подмѣчать и изучать ихъ въ чтеніи, въ наблюденіи, по догадкамъ, всѣмъ нутромъ изучать и кормить ими человѣчество, какъ здоровымъ блюдомъ, котораго еще не пробовали,—вотъ задача-то, восторгъ и присно восторгъ. Къ новымъ берегамъ! Безстрашно, сквозь бури, мели и подводные камни, къ новымъ берегамъ!“

И. Лапшинъ.

„За предѣлами Европы".

Письмо изъ Испаніи.

Когда, покидая послѣднюю французскую станцію Андай, поѣздъ прибываетъ, наконецъ, въ Ирунъ, на испанскую территорію,—получается впечатлѣніе, что не только Франція, но и вся Европа со всею ея культурой и цивилизаціей осталась гдѣ-то далеко позади, а вмѣсто нея начинается что-то совершенно новое, особенное и своеобразное.

Вначалѣ, впрочемъ, это только смутное впечатлѣніе, и если вы попробуете дать себѣ ясный отчетъ въ его происхожденіи, оно значительно поблѣднѣетъ и даже, пожалуй, совсѣмъ изгладится. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ признаки культурной европейской страны здѣсь, повидимому, налицо. Васъ не безпокоили разспросами о вашей личности и не требовали вашихъ документовъ; васъ не очень обшаривали при таможенномъ досмотрѣ и чиновники были все время вѣжливы и даже любезны; затѣмъ вы очень недурно пообѣдали въ вокзальномъ ресторанѣ и теперь скоро помчитесь дальше съ тою же приблизительно быстротой, что и раньше, и съ тѣми же удобствами или неудобствами, какія зависѣли до сихъ поръ исключительно отъ вашихъ матеріальныхъ средствъ. Но чѣмъ дальше вы будете продвигаться въ глубь страны, тѣмъ настойчивѣе и настойчивѣе васъ будетъ преслѣдовать ваше первое впечатлѣніе и все больше и больше вамъ будетъ казаться, что весь этотъ кажущійся европеизмъ, вся эта внѣшняя цивилизація—не больше, какъ неладно скроенный и плохо сшитый парадный костюмъ, наброшенный второпяхъ на обычное національное одѣяніе и не скрывающій ни его убожества, ни живописности.

Уже въ самомъ началѣ пути вы замѣтите, какъ рѣзко измѣнился составъ публики какъ въ самомъ поѣздѣ, такъ и на станціяхъ, измѣнились костюмы, измѣнился общій тонъ желѣзнодорожной жизни. Вмѣсто холодной и дѣловитой суетни большихъ европейскихъ вокзаловъ воцаряется патріархальное спокойствіе и медлительность. Поѣзда слиш-

комъ долго простаиваютъ на станціяхъ, пассажиры не спѣшатъ уходить въ вагоны, въ ожиданіи сигнальныхъ звонковъ, отъ которыхъ вы уже успѣли отвыкнуть во Франціи и Германіи, на платформѣ всегда много гуляющей публики, въ особенности женщинъ, съ острымъ любопытствомъ разсматривающихъ проѣзжихъ иностранцевъ,—и все это такъ просто, по-домашнему. Правда, излишне даже суетятся газетчики, шпыряютъ взадъ и впередъ какіе-то смуглые остроглазые мальчуганы, пронзительно предлагая свои товары совершенно къ нимъ равнодушнымъ путешественникамъ,—но чувствуется, что вся эта сутолка происходитъ „зря", „въ пустую", что никого она не захватываетъ и не увлекаетъ и ни въ коемъ случаѣ не производитъ впечатлѣнія „дѣла".

То же позже видите вы и въ городахъ и даже въ самой столицѣ Испаніи—въ Мадридѣ. Впрочемъ, здѣсь этотъ внѣшній шумъ и суета можетъ еще обманывать нѣкоторое время и создавать иллюзію дѣловитости и лихорадочнаго темпа мадридской жизни. Въ особенности, въ центральной части города въ опредѣленные часы вы можете быть введены въ такое заблужденіе, можете даже на минуту подумать, что находитесь въ Парижѣ. Пестрая разряженная толпа на тротуарахъ, оглушающій звонъ трамвайныхъ колокольчиковъ, не менѣе оглушающіе выкрики „камло" и уличныхъ торговцевъ, ярко освѣщенныя кафе и окна магазиновъ и рядъ разбѣгающихся во всѣ стороны шумныхъ и оживленныхъ улицъ,—вотъ что представляетъ собою центральная городская площадь, *Puerta del Sol*, часу въ 8-омъ, 9-омъ вечера, когда туда стекается мадридская молодежь во время прогулокъ. Впрочемъ, даже и въ этотъ наиболѣе оживленный періодъ времени васъ поразитъ слишкомъ незначительное количество экипажей (вмѣсто лошадей часто запряжены мулы) и, въ особенности, автомобилей. Въ другіе же часы та же Puerta del Sol имѣетъ довольно скромный и даже печальный видъ и, благодаря помѣщающемуся на ней казарменнаго вида зданію министерства внутреннихъ дѣлъ, поразительно напоминаетъ собою площадь какого-нибудь нашего большого губернскаго города.

И тонъ жизни здѣсь глубоко провинціальный, „домашній". Живутъ здѣсь не торопясь, „съ прохладцей", предпочитая наладившійся уже порядокъ жизни и отношеній всякаго рода рискованнымъ „новшествамъ". Коммерція основана на принципѣ: „не обманешь—не продашь", и даже почти во всѣхъ большихъ магазинахъ надо жестоко торговаться, чтобы не переплатить лишнее; хозяева промышленныхъ предпріятій предпочитаютъ увеличивать свои доходы за счетъ рабочей платы, чѣмъ путемъ совершенствованія и удешевленія самаго производства; въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ царятъ обычно самые патріархальные порядки, и считается совершенно въ порядкѣ вещей на почтѣ, напримѣръ, чтобы чиновникъ заставлялъ ждать публику, если онъ за-

нятъ разговоромъ съ пріятелями. И всюду такъ. Всюду слишкомъ медленный темпъ жизни, полное отсутствіе дѣловой и лихорадочной поспѣшности передовыхъ странъ. Лѣтомъ, въ особенности, когда видишь эти полуприкрытыя двери, спущенныя жалюзи на окнахъ, почти совершенно опустѣвшія улицы и сонныя, задумчивыя фигуры въ кафе и тавернахъ,—начинаетъ казаться, Мадридъ сладко дремлетъ и грезитъ о своемъ быломъ величіи.

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня...

Конечно, это—не такъ, это—преувеличеніе, это лишь мимолетное впечатлѣніе, навѣянное, быть можетъ, воспоминаніями о быломъ господствѣ арабской культуры. Но основная мысль вѣрна. Въ Испаніи нѣтъ той интенсивности жизни безразлично какъ въ работѣ, такъ и въ наслажденіяхъ, какую мы видимъ по ту сторону Пиренеевъ. Испанецъ не торопится ни съ тѣмъ, ни съ другимъ: ему чужда и лихорадочная взвинченность француза и желѣзная энергія англо-саксонской расы, и трудолюбіе, и добросовѣстность нѣмца. Онъ не понимаетъ остроты напряженныхъ нервныхъ переживаній; спокойныя неприхотливыя наслажденія его удовлетворяютъ и онъ не желаетъ портить себѣ жизни чрезмѣрнымъ трудомъ въ призрачной погонѣ за дорогими и рафинированными удовольствіями. Испанецъ далекъ отъ всякихъ утонченностей, и не будетъ слишкомъ большою смѣлостью сказать, что онъ—грубоватъ и элементаренъ. Его душевная жизнь не сложна и не запутана. Она сводится, быть можетъ, всего къ двумъ-тремъ основнымъ нотамъ, но ноты эти необыкновенно сильны и звучны и даютъ совершенно оригинальный и ни съ чѣмъ не сравнимый аккордъ.

Могутъ возразить, что нельзя говорить объ испанцахъ, объ испанской душѣ и характерѣ, какъ о чемъ-то единомъ и цѣльномъ. Испанія слишкомъ неоднородна, скажутъ намъ, и подѣлена и географически и исторически на цѣлый рядъ совершенно не сходныхъ между собою провинцій. Какъ можно, напримѣръ, сравнивать грубыхъ и суровыхъ басковъ съ мечтательными и томными дѣтьми Андалузіи? Какъ соединить воедино пламеннаго каталонца съ холоднымъ и трезвымъ кастильцемъ, или равно далекимъ отъ нихъ обоихъ галиціаниномъ? И вѣдь не только нравы, обычаи и наклонности,—самый языкъ, на которомъ говорятъ въ этихъ провинціяхъ, слишкомъ различенъ и неоднороденъ, такъ что кастильцы съ трудомъ лишь понимаютъ андалузское или каталонское нарѣчіе, а андалузцы и каталонцы не могутъ сговориться съ галиціанами. Все это вѣрно; но какъ не отказываются отъ обобщеній ни во Франціи, несмотря на рѣзкую разницу между сѣверомъ, особенно Бретанью и Лангедокомъ, ни въ Германіи, несмотря на сосуществованіе такихъ несходныхъ государствъ, какъ Пруссія и Баварія,—точно также и для Испа-

нiи позволительно дать общiя черты характера народнаго вообще, независимо отъ степени яркости его выраженiя въ различныхъ частяхъ государства.

Преобладающимъ испанскимъ типомъ, по справедливости, считается Кастилiя и сходныя съ ней провинцiи, точно такъ же, какъ кастильское нарѣчiе является господствующимъ и въ литературѣ, и въ общежитiи, и потому наиболѣе яркаго и цѣльнаго выраженiя испанскаго характера надо искать именно въ этой провинцiи.

Кастилiя, это—угрюмая и суровая по своей природѣ страна, расположенная въ центрѣ Испанiи на плоскогорiи, перерѣзанномъ мѣстами цѣпями горъ. Суровый и дикiй характеръ ея природы въ особенности рѣзко поражаетъ послѣ радостныхъ веселыхъ и смѣющихся пейзажей прекраснаго юга Францiи и всего Бискайскаго побережья, гдѣ пролегалъ желѣзнодорожный путь, истиннаго подобiя земного рая. Лишь только вы минуете Санъ-Себастьянъ и по тяжелому и замедленному ходу поѣзда почувствуете, что поднимаетесь выше и выше,—вы уже начинаете видѣть настоящую Испанiю—дикую, печальную и величественную. И чѣмъ дальше, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ она передъ вами.

На всемъ пространствѣ, которое охватываетъ вашъ глазъ, передъ вами разстилается сѣрая каменистая пустыня, еле прикрытая жалкими кустарниками и какой-то жесткой и колючей травою. Въ чистомъ и прозрачномъ воздухѣ плоскогорiя съ необыкновенной отчетливостью вырисовываются небольшiе причудливой формы холмы и черныя продолговатыя пятна долинъ. Мрачно, нелюдимо и дико. Какимъ-то смѣшнымъ, жалкимъ и даже неприличнымъ кажется здѣсь и вашъ поѣздъ, и казарменнаго вида маленькiя станцiи, изрѣдка попадающiяся по дорогѣ, и весь этотъ надоѣдливый шумъ цивилизацiи. Въ вашемъ воображенiи здѣсь встаютъ совершенно иныя картины—картины далекаго прошлаго: костры, на которыхъ „для вящшей славы Божiей“ сжигаютъ старыхъ сѣдыхъ колдуновъ и прекрасныхъ колдунiй, одѣтыхъ въ уродливыя позорныя одѣянiя, съ страшными шутовскими колпаками на головахъ; фанатическiя и изувѣрскiя процессiи темныхъ крестьянъ, дикихъ и ужасныхъ въ своемъ религiозномъ изступленiи; убогiя пещеры суровыхъ иноковъ и аскетовъ, тщетно усмиряющихъ непокорную бунтующую плоть и ведущихъ непрерывную борьбу съ искушающимъ ихъ дiаволомъ,—словомъ, все то, что является главнѣйшимъ содержанiемъ картинъ великихъ испанскихъ мастеровъ, Гойи, Грекко и Риберы [1]), и что вы видите позднѣе въ великой сокровищницѣ испанскаго искусства—въ музеѣ Прадо.

---

[1]) Въ картинахъ двухъ другихъ знаменитыхъ художниковъ—Веласкеса и Мурильо преобладаетъ уже иное, болѣе „свѣтлое“ настроенiе.

Встрѣчающіяся изрѣдка деревни не разнообразятъ и не оживляютъ пейзажа. Грязноватые нелюдимые домики имѣютъ видъ маленькихъ крѣпостей, а неизбѣжно возвышающаяся надъ всѣмъ селеніемъ церковная колокольня, похожая на башню средневѣкового замка, какъ бы говоритъ вамъ о бренности и суетности земного существованія и всѣмъ непокорнымъ своимъ сынамъ грозитъ страшными муками ада. Только тамъ, на небесахъ, существуетъ настоящая праведная жизнь; здѣсь же все—тлѣнъ, прахъ и суета суетъ.

Такъ же мрачны и суровы, какъ природа ихъ страны, и обитатели кастильскихъ деревень, мѣстечекъ и даже городовъ. Молчаливые, сосредоточенные и замкнутые въ себѣ испанскіе крестьяне до мозга костей консервативны и пропитаны всяческими предразсудками. Къ тому же они глубоко невѣжественны и всецѣло находятся во власти духовенства. Захвативши теперь, повидимому, довольно сильно народные низы, республиканское и соціалистическое движеніе привилось однако пока лишь въ городахъ, и если мѣстами и проникло въ деревню, то не имѣетъ тамъ глубокихъ корней и часто основано на недоразумѣніи. Испанское крестьянство въ массѣ слишкомъ мало сознательно политически и глубоко равнодушно ко всему тому, что выходитъ за предѣлы ихъ селенія. По внушенію мѣстнаго духовенства крестьяне могутъ быть и карлистами, и приверженцами царствующаго дома, и даже либералами,—но по существу они всегда настроены враждебно ко всякому правительству, какъ къ чему-то глубоко чуждому имъ и далекому, но властно вмѣшивающемуся временами въ дѣла ихъ родного уголка. Враждебность эта, особенно въ карлистскихъ провинціяхъ, достигаетъ иногда такихъ предѣловъ, что правительство вынуждено бываетъ посылать въ эти мятежныя деревни на постой солдатъ, какъ это, напримѣръ, описано въ „Доньѣ Перфектѣ“ Пересомъ Гальдосомъ.

Однако такого рода экспедиціи—явленіе довольно рѣдкое; обычно же правительственные агенты въ деревняхъ играютъ слишкомъ незначительную, чтобы не сказать жалкую, роль. Испанскій романистъ Піо Бароха въ одной изъ своихъ новеллъ („Camino de perfeccion“) разсказываетъ о злоключеніяхъ одного мадридскаго художника, задумавшаго по примѣру несравненнаго Донъ-Кихота предпринять небольшое путешествіе по Испаніи. Художникъ этотъ подвергся въ одной изъ деревенскихъ тавернъ грубому и неожиданному нападенію какого-то деревенскаго парня, только потому лишь одному, что онъ—не ихній, чужой и потому всѣмъ своимъ видомъ, одеждой, манерами возбуждаетъ злобу и раздраженіе. Спасшись благодаря счастливой случайности отъ неминуемыхъ и жестокихъ побоевъ, наивный горожанинъ спѣшитъ къ мѣстному полицейскому чину съ своими протестами и требованіемъ наказать обидчика.

— Все, что я могу вамъ посовѣтовать, дорогой сеньеръ,—отвѣчаетъ

ему блюститель порядка и закона,—это—осѣдлать какъ можно скорѣе вашего мула и выѣхать, по возможности, незамѣченнымъ изъ деревни. Вашъ обидчикъ—сынъ богатаго и вліятельнаго крестьянина, и васъ могутъ не только серьезно покалѣчить, но и убить. О, это очень опасно для васъ, что вы съ нимъ поссорились.

Далѣе слишкомъ любознательному горожанину отказываютъ въ ночлегѣ; въ другихъ мѣстахъ не хотятъ продать ничего съѣстного, „потому что кромѣ хлѣба у насъ ничего нѣтъ, а хлѣба мы не продаемъ: каждый долженъ дѣлать его самъ“ и т. д., и т. д.

Понятно, что такой консерватизмъ и закоснѣлость не могутъ не отразиться и на самыхъ способахъ хозяйствованія и вообще на благосостояніи крестьянина. Я не знакомился спеціально съ аграрнымъ вопросомъ въ Испаніи, но изъ журнальныхъ, газетныхъ статей и разговоровъ получилъ общее представленіе о примитивности земледѣльческой культуры въ Испаніи и бѣдности деревенскаго населенія. Это замѣтно, впрочемъ, по громадному количеству нищихъ въ городахъ, не тѣхъ профессіоналовъ, съ вывихнутыми руками и ногами, съ страшными уродствами и язвами (ихъ такая масса въ Мадридѣ, и на самыхъ людныхъ улицахъ), но нищихъ-крестьянъ, неловкихъ и наивныхъ, неопытныхъ еще въ ремеслѣ попрошайничества, которыхъ, повидимому, лишь горькая нужда выгнала изъ деревни. Во всякомъ случаѣ разница между Испаніей и Франціей въ этомъ отношеніи замѣтна сразу даже и для неопытнаго взгляда. За Пиренеями вы уже не встрѣтите прекрасныхъ, тщательно воздѣланныхъ французскихъ пашенъ, хлѣба не такъ высоки и буйны, и на печальныхъ поляхъ угрюмой Кастиліи лежитъ печать какого-то унынія и явной заброшенности. Что же касается самаго качества земледѣльческихъ продуктовъ, то оно очень непріятно поражаетъ васъ, въ особенности, послѣ Франціи. Хлѣбъ—невкусенъ, грубъ и тяжелъ для пищеваренія, картофель съ какимъ-то непріятнымъ привкусомъ; бобы (judias) нельзя даже сравнить съ самымъ низкимъ сортомъ французской фасоли; что же касается другихъ болѣе тонкихъ сортовъ овощей, требующихъ высокой, сравнительно, огородной культуры, то ихъ можно найти лишь въ самыхъ дорогихъ ресторанахъ, спеціально разсчитанныхъ на иностранцевъ. Плохо также и вино (я говорю о винѣ низшихъ сортовъ, подаваемомъ къ столу)—невкусно и слишкомъ обильно алкоголемъ. Единственной прекрасной вещью являются въ Испаніи фрукты,—необыкновенно вкусные, сочные, ароматные и баснословно дешевые. Но и здѣсь дѣло не столько въ умѣньѣ и заботливости хозяевъ, сколько въ жгучемъ солнцѣ Андалузіи и Валенсіи.

Кстати, мимоходомъ, объ испанской кухнѣ вообще. Она слишкомъ груба, не изысканна и мало разнообразна. Ужаснѣйшее національное

блюдо „*cocida española*",—представляющее собою маленькіе кусочки говядины, тушоной въ свиномъ салѣ съ огромнымъ количествомъ варенаго картофеля и бобовъ—до такой степени тяжело и неудобоваримо, а главное—безвкусно, что даже при самомъ сильномъ голодѣ надо имѣть большое мужество, чтобы включить его въ свое меню. Испанцы не признаютъ также обычая закусывать чѣмъ-нибудь соленымъ или острымъ передъ первымъ блюдомъ (французское hors d'oeuvre), почти совершенно не знаютъ тонкихъ и разнообразныхъ французскихъ сыровъ, а на десертъ подаютъ почти исключительно фрукты.

Впрочемъ... „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ", хотя тонкость и разнообразіе стола почти всегда служатъ показателемъ степени высоты культуры народа.

Но чѣмъ же духовно живетъ средній испанецъ, тотъ самый, который представляетъ собою средне-зажиточную массу въ городахъ, въ значительной степени уже затронутую европейской культурой, и на котораго главнымъ образомъ опирается и возлагаетъ свои надежды испанскій либерализмъ? Если оставить въ сторонѣ религію, имѣющую и здѣсь огромное значеніе, но занимающую совершенно особое мѣсто, то на первый планъ надо безусловно поставить бои быковъ и затѣмъ политику.

Но и быковъ (*corrida de toros*) еще до сихъ поръ не утеряли своего значенія и остаются любимѣйшимъ изъ національныхъ развлеченій. Не только крупная буржуазія и аристократія, но даже королевская семья не гнушается этого рода удовольствіями и посѣщаетъ время отъ времени предназначенный для этой цѣли огромный амфитеатръ, расположенный за городомъ. Вопросы о достоинствахъ или недостаткахъ того или иного быка служатъ обычно предметомъ самыхъ страстныхъ и самыхъ ожесточенныхъ дебатовъ; пріѣздъ какого-нибудь извѣстнаго тореадора возбуждаетъ цѣлую сенсацію, а особенно мѣткій ударъ или несчастіе къ кѣмъ-либо изъ участниковъ этого зрѣлища волнуютъ городъ до такой степени, что заставляютъ забывать о всѣхъ прочихъ злобахъ дня. Теперь кое-гдѣ, особенно въ республиканскихъ кругахъ, поговариваютъ о томъ, что не мѣшало бы воспретить эту дикую и кровавую забаву, но можно сказать съ увѣренностью, что если даже вопросъ объ эмансипаціи отъ папской власти представляетъ столько трудностей и осложненій, то запрещеніе боевъ съ быками прямо-таки можетъ повести къ революціи. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ живо интересуется нація этими зрѣлищами, взгляните, какое мѣсто посвящаютъ имъ газеты (рѣшительно всѣ газеты), содержащія обычно особыхъ корреспондентовъ спеціалистовъ и знатоковъ этого дѣла; полюбопытствуйте познакомиться съ спеціальными „бычачьими" газетами, не занимающимися ничѣмъ инымъ, кромѣ быковъ и тореадоровъ, поговорите, наконецъ, съ любымъ испан-

цемъ, даже изъ тѣхъ, кто теоретически протестуетъ противъ этихъ увеселеній, и вы убѣдитесь, что Испанія „безъ быковъ“ еще немыслима.

Объ испанскихъ бояхъ быковъ у насъ принято говорить не иначе, какъ съ глубокимъ порицаніемъ или недоумѣніемъ. Какимъ образомъ, спрашиваютъ, столь дикое и кровавое зрѣлище можетъ привлекать не только простой народъ, но и болѣе культурные слои населенія и вызывать такой энтузіазмъ? Развѣ не страшно и не отвратительно видѣть этихъ лошадей, раненыхъ на смерть, съ висящими внутренностями, которыхъ ударами бича поднимаютъ вновь, чтобы „использовать“ ихъ до конца? Развѣ не дико присутствовать при агоніи животнаго, котораго мучатъ и травятъ на всѣ лады въ продолженіе почти получаса, и дрожать каждую минуту за судьбу матадоровъ, пикадоровъ и бандеріеровъ? Все это вѣрно, конечно, и культурному человѣку, европейцу всегда приходится нѣсколько пересилить себя, чтобы не покинуть амфитеатръ съ перваго же момента. Зрѣлище дѣйствительно и дико и жестоко и однако въ то же время оно необыкновенно живописно. Хорошъ, прежде всего, и самый амфитеатръ, построенный весь изъ камня по римскому образцу, сплошь усѣянный пестрой разряженной толпою, то замирающей въ тревожномъ ожиданіи, то бѣшено ревущей отъ восторга или негодованія. Хороши и тореадоры въ ихъ живописныхъ старо-испанскихъ костюмахъ, дразнящіе быка своими красными плащами. Страшная игра! Сколько здѣсь нужно хладнокровія, выдержки и чисто акробатической ловкости. Сколько разъ кажется, что вотъ-вотъ свирѣпое разъяренное животное запоретъ своими страшными рогами какого-нибудь зарвавшагося смѣльчака, безстрашно вертящагося передъ нимъ съ кускомъ красной матеріи,—но все сходитъ благополучно, „игра“ продолжается, и одураченнымъ остается только быкъ. Быкъ тоже чрезвычайно хорошъ; сначала всегда какъ будто немного растерявшійся, но свирѣпый и страшный, онъ носится по аренѣ, какъ олицетвореніе слѣпой стихійной разрушительной силы, съ одного удара на смерть убиваетъ лошадей, заставляетъ прислужниковъ вразсыпную перескакивать черезъ ограду и свирѣпѣетъ все болѣе и болѣе, раздражаемый яркимъ свѣтомъ, ревомъ толпы и ранами, которыя ему наносятъ пикадоры и бандеріеры. „Дѣло“ бандеріеровъ, по-моему, самое страшное. Правда, рискуетъ и пикадоръ, но пикадоръ самое большее лишь крѣпко ушибается, когда быкъ валитъ подъ нимъ лошадь. Бандеріеръ же выступаетъ пѣшій и поистинѣ продѣлываетъ чудеса гимнастики и неустрашимости. Съ двумя коротенькими и тонкими остроконечными палочками, которыя онъ долженъ вонзить въ загривокъ быку, идетъ онъ ему навстрѣчу, раздразнивая его и возбуждая. Быкъ съ яростью мчится на него. Вотъ онъ уже совсѣмъ, совсѣмъ близко, и, кажется, еще моментъ — и несчастный бандеріеръ будетъ поднятъ на воздухъ, но какой-то невѣроятный кунстштюкъ, „невозможность въ дѣйствіи“, какъ говорятъ герои

Глѣба Успенскаго, и бандеріеръ съ особой граціей, свойственной этому сорту людей, раскланивается уже передъ рукоплещущей публикой, а раненый быкъ бѣшеными прыжками тщетно старается сбросить раздражающія его и жгущія *banderillas*. Но самая рискованная роль выпадаетъ всетаки матадору (мы привыкли больше къ слову тореадоръ, но это не совсѣмъ правильно), хотя по внѣшности это не такъ замѣтно. Когда быкъ уже достаточно и раздраженъ и утомленъ, музыка возвѣщаетъ о выходѣ матадора, салютующаго предсѣдателя празднества и „прекрасныхъ мадрилянокъ". Снова предварительная „игра", опять нѣсколько ловкихъ прыжковъ, но вотъ, наконецъ, моментъ избранъ, быкъ приготовился къ прыжку,—матадоръ къ удару. Еще мгновеніе, и шпага вошла по рукоять туда, далеко прямо въ сердце. Быкъ дѣлаетъ еще нѣсколько невѣрныхъ шаговъ, шатается и всею тяжестью валится на песокъ, окрашивая его въ ярко алый цвѣтъ бьющей изъ раны фонтаномъ кровью. Но далеко не всегда удары бываютъ удачны: три или четыре раза вонзаетъ матадоръ свою шпагу, и зрѣлище пріобрѣтаетъ тяжелый характеръ. Въ такихъ случаяхъ негодованіе толпы доходитъ до высшихъ предѣловъ.—„Tuera, fuera", т.-е. „вонъ, долой" кричатъ негодующіе зрители, и на арену летятъ разные несовсѣмъ пріятные предметы, вродѣ помидоровъ и т. п. Звѣрѣетъ публика, звѣрѣютъ и тореадоры. Видишь совершенно одичалыя лица, хищнымъ, плотояднымъ огнемъ горящіе глаза, слышишь отрывистыя проклятія, которыя матадоръ адресуетъ животному. Дико, но живописно необыкновенно. И уходишь съ этого зрѣлища точно зачарованный, съ сознаніемъ, что видѣлъ нѣчто хотя и глубоко несоотвѣтствующее и даже враждебное твоимъ привычкамъ и вкусамъ, но невольно плѣняющее какою-то дикой прелестью.

Но довольно крови, довольно варварства. Испанецъ утомленъ, пресыщенъ слишкомъ обильной дозою слишкомъ сильныхъ впечатлѣній и идетъ мирно закончить вечеръ съ пріятелями за чашкой кофе въ какомъ-нибудь ресторанѣ. Теперь онъ уже европеецъ и, такъ сказать, сынъ своего вѣка. Теперь его интересуютъ вопросы цивилизаціи и культуры и прежде всего политика. Вечернія газеты принесли какую-нибудь свѣжую, часто совсѣмъ пустую новость. Возлѣ нея возгорается самый оживленный, самый страстный, а главное самый безпорядочный споръ. Говорятъ часто, что мы, русскіе, не умѣемъ спорить: не слушаемъ противника, говоримъ всѣ сразу и легко теряемъ нить спора. Но развѣ наши самыя безпорядочныя и безтолковыя собранія могутъ итти въ сравненіи съ „испанскимъ методомъ". Мнѣ приходилось иногда въ мадридскомъ „Ateneo", куда стекается доподлинная интеллигенція, слышать такой ужасающій и безпардонный гвалтъ (лучшаго слова не подберу), что начинала болѣть голова и хотѣлось скорѣе на воздухъ.

— Каналехасъ обманщикъ, карьеристъ; это перелицованный Маура,—

кричитъ какой-нибудь неистово жестикулирующій республиканецъ съ совершенно краснымъ, какъ кирпичъ, лицомъ и угрожающе шевелящимися усами.

— Карьеристъ—Моретъ,—кричитъ другой спорщикъ;—только изъ личныхъ видовъ онъ ставитъ теперь препятствія Каналехасу.—И т. д. и т. д.

Температура собранія поднимается до высшей точки, и кажется, вотъ-вотъ произойдетъ какой-нибудь скандалъ, а то и прямо свалка.

— Вы думаете, что все это въ серьезъ?—съ добродушной улыбкой сказалъ мнѣ однажды мой пріятель испанецъ, когда мы имѣли удовольствіе присутствовать на одной изъ такихъ „коллективныхъ бесѣдъ“.—Ничуть не бывало. Все это видимое раздраженіе и повышенный тонъ, это—просто наша манера спорить. Вы увидите, что черезъ полчаса всѣ они будутъ попрежнему хорошими пріятелями: и моретисты, и каналехисты, и республиканцы.

И дѣйствительно, возвращаясь изъ читальнаго зала, я видѣлъ всѣхъ недавнихъ враговъ и противниковъ въ самомъ миломъ и добродушномъ единеніи, очень картинно похлопывающихъ другъ друга по колѣнкамъ и обсуждающихъ проекты лѣтнихъ поѣздокъ на море.

Приведенная сценка очень типична для „политическихъ“ споровъ и разговоровъ въ Испаніи. Политика здѣсь не серьезное и насущное дѣло, а своего рода спортъ, развлеченіе и даже моціонъ. Или что-то въ этомъ родѣ. Захватываютъ и возбуждаютъ не серьезные государственные вопросы, не реформы сами по себѣ, а различныя мелочи, не выходящія обычно изъ предѣловъ политической сплетни и касающіяся главнымъ образомъ опредѣленныхъ политическихъ фигуръ, выступающихъ въ данный моментъ на политической сценѣ. И это понятно, потому что до послѣдняго времени (да даже еще и теперь) Испанію нельзя было назвать настоящей конституціонной страною. Всѣ политическія пружины сосредоточивались не въ парламентѣ и не въ кабинетѣ министровъ, а во дворцѣ, преимущественно въ аппартаментахъ императрицы-матери. А отсюда ожесточенная закулисная борьба отдѣльныхъ личностей, широкая практика интригъ, атмосфера ненависти и вражды, той страшной вражды, на которую способенъ лишь испанецъ, которая, напримѣръ, такъ ярко характеризуетъ отношенія Мауры къ Морету и которая по общераспространенному убѣжденію явилась причиной паденія бывшаго главы либеральнаго кабинета.

И эта-то именно политика кулисъ и политической интриги и является излюбленной темой разговоровъ почти всѣхъ классовъ общества. Кто только не занятъ политикой въ Испаніи? И крестьяне, и рабочіе, и коммерсанты, и люди свободныхъ профессій, и католики, и свободомыслящіе,—рѣшительно всѣ съ увлеченіемъ пускаются ежедневно въ лаби-

ринты всевозможныхъ догадокъ и предположеній и сложнѣйшія политическія комбинаціи. Въ одной изъ испанскихъ *сарсуэлъ* (нѣчто вродѣ оперетки) очень мило и остроумно высмѣивается эта всеобщая страсть испанцевъ къ политикѣ. Дѣло происходитъ ночью, часу приблизительно во второмъ, когда уважающіе себя горожане покидаютъ свои кафе и расходятся по домамъ. (Образъ жизни въ Мадридѣ весьма нерегулярный: поздно ложатся, поздно встаютъ и т. п.) Одинъ изъ такихъ запоздалыхъ прохожихъ подходитъ къ своему дому и зоветъ *серено*, ночного сторожа своего участка, у котораго хранятся ключи отъ входныхъ дверей всѣхъ домовъ. Но серено занятъ на противоположномъ концѣ улицы разговоромъ съ пріятелями, которымъ онъ съ убѣжденіемъ доказываетъ, что настоящее министерство никуда не годится, что оно возмутительно бездѣйствуетъ и что, наконецъ, всѣ признаки его близкаго паденія имѣются уже налицо.—„Серено, серено!“ съ отчаяніемъ въ голосѣ взываетъ за сценой запоздалый горожанинъ, но серено слишкомъ увлеченъ и не можетъ уйти, не исчерпавъ предварительно весь сложный запасъ своихъ неопровержимыхъ аргументовъ. Продержавъ такимъ образомъ своего кліента добрую четверть часа въ тоскливомъ и тщетномъ ожиданіи, серено забираетъ, наконецъ, атрибуты своего званія: связку ключей, фонарь и палку и бѣжитъ по направленію криковъ. Но, позвольте, онъ забылъ привести еще одинъ очень важный доводъ, которымъ онъ окончательно уничтожитъ противниковъ, и серено, боясь потерять нить своихъ мыслей, круто поворачиваетъ назадъ и оставляетъ вновь несчастнаго на произволъ судьбы.

Но было бы, конечно, преувеличеніемъ ограничивать духовные интересы испанца лишь боями быковъ и политическими спорами. Они, правда, стоятъ на первомъ мѣстѣ и наиболѣе характерны для общаго тона испанской жизни. Но въ Испаніи увлекаются также и литературой, и живописью, и театромъ, и, въ особенности, музыкой. Не только въ большомъ королевскомъ театрѣ, гдѣ идетъ опера, но и въ другихъ болѣе второстепенныхъ ставятся преимущественно вещи, заключающія въ себѣ музыкальные нумера, такъ называемыя *сарсуэлы*. Сарсуэла, это—смѣсь музыки и танцевъ на фонѣ небольшой комедіи, а чаще водевиля и даже фарса. Сарсуэла очень близко напоминаетъ наши малороссійскія оперетки: та же простенькая, незамысловатая фабула, тотъ же хоръ, національные костюмы и т. п., вплоть до залихватскихъ нумеровъ съ танцами. Огромная лишь разница въ тонахъ, въ настроеніи. Ни въ малороссійскихъ мотивахъ, ни въ танцахъ нѣтъ той захватывающей невыразимо-тяжелой и мучительной страстности, какъ у испанцевъ. Здѣсь уже вы чувствуете востокъ: что-то удушливо-знойное, полное глубокой и серьезной тоски, слышится и въ медлительныхъ мотивахъ и ритмическихъ тѣлодвиженіяхъ. Танецъ и музыка здѣсь—не легкое удовольствіе,

не радостное выраженіе избытка силъ молодого тѣла, а мученіе и страданіе. И въ необыкновенныхъ переливахъ глухого испанскаго контральто и въ серьезности и даже суровости движеній танцующихъ чувствуется безумное клокотаніе страсти, огромной, слѣпой и сильной, томящей и душу и тѣло и не находящей выхода. Испанская *хота*, даже въ ея городскомъ уже рафинированномъ выраженіи прямо-таки давитъ и мучитъ зрителя этой своею мрачною силою,—въ деревняхъ же въ своихъ примитивныхъ формахъ это прямо что-то необыкновенное.

Впрочемъ, въ Испаніи, кромѣ этой мрачной, суровой и гнетущей своей силой музыки есть еще и другая—мечтательная и милая, но тоже всегда немного печальная и грустная. Часто часу въ 11-мъ или 12-мъ ночи, когда заперли уже повсюду двери домовъ и уличный шумъ становится все слабѣе и слабѣе, вдругъ въ ваше окно мягкими волнами врываются звуки маленькаго струннаго оркестра бродячихъ музыкантовъ. Играютъ обыкновенно какой-нибудь очень популярный мотивъ изъ какой-нибудь сарсуэлы—играютъ мягко, не громко, не спѣшно, и въ тиши знойной испанской ночи музыка эта, несмотря на всю ея простоту, производитъ чарующее впечатлѣніе. Выйдете вы на балконъ,—тоже дивно; все такъ гармонируетъ съ создавшимся настроеніемъ: полупустынная улица, залитая невѣрнымъ луннымъ свѣтомъ, внизу четыре темныхъ фигуры съ гитарами и скрипками, неподвижныя какъ изваянія, на сосѣднихъ балконахъ женщины съ темными глубокими глазами и спокойными блѣдными лицами. И мечтаютъ ли онѣ о чемъ, тоскуютъ ли, вспоминаютъ ли что,—кто ихъ вѣдаетъ?

Но несмотря на преобладаніе въ испанскомъ характерѣ глубины и страстности и какой-то особой задумчивой серьезности, испанцы всетаки продолжаютъ оставаться наивными дѣтьми юга, слишкомъ жадными до зрѣлищъ, и слишкомъ падкими на приманки дешеваго европеизма. Въ числѣ этихъ приманокъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить—увы!—побѣдоносный всюду синематографъ, вытѣсняющій постепенно и національную музыку и другіе виды народнаго искусства. Понятно при этомъ, что содержаніе ставящихся картинъ стоитъ ниже всякой критики. Это—или грубые шаржи, или же варіаціи на мотивы изъ Шерлока Холмса съ болѣе сильнымъ лишь подчеркиваніемъ разныхъ кровавыхъ моментовъ въ соотвѣтствіи съ запросами публики. Пока ни въ испанской прессѣ, ни въ общественныхъ кругахъ не слышно еще тѣхъ раздраженныхъ жалобъ, какія раздаются теперь на этотъ счетъ въ Германіи, въ Англіи и даже въ Италіи; Испанія продолжаетъ оставаться мирною и патріархальною страною [1]), гдѣ люди еще вѣруютъ въ Бога и стра-

[1]) Первое впечатлѣніе можетъ получиться какъ разъ обратное. Слишкомъ много полиціи; поѣзда сопровождаются двумя солдатами муниципальной гвардіи въ полномъ

шатся загробныхъ мукъ, которыми грозитъ ихъ мѣстный священникъ. Но въ будущемъ, когда народныя массы освободятся отъ вліянія церкви и городская жизнь получитъ болѣе широкое развитіе, систематическое разнуздываніе низшихъ инстинктовъ еще дастъ себя знать и доставитъ не мало заботъ будущимъ государственнымъ дѣятелямъ.

Плохую услугу въ этомъ отношеніи оказываетъ также и вводимая сюда изъ Франціи, а также фабрикуемая и отечественными средствами специфически бульварная литература. Всѣ эти „современные герои", непремѣнно, конечно, высшаго общества, награжденные всѣми возможными и даже невозможными пороками, всѣ эти „экзотическія" женщины съ извращенными инстинктами — „женщины-тигрицы", „женщины-змѣи" и вообще вся грубо „суздальская" манера письма, разсчитанная на дешевый рынокъ и неприхотливаго читателя,—все это воспитываетъ дурные вкусы и разрушаетъ прирожденное чувство изящнаго, такъ ярко выразившееся въ различныхъ областяхъ *народнаго* творчества.

Дѣйствительно изящную литературу, къ сожалѣнію, читаютъ мало. Я не говорю, конечно, объ интеллигенціи и вообще о культурныхъ слояхъ населенія, а опять-таки о массахъ. Народъ очень слабо знакомъ не только со старыми испанскими писателями, среди которыхъ такъ своеобразно выдѣляется величественная фигура автора „Донъ-Кихота", но и съ такими извѣстными современными, какъ Бласко Ибаньесъ или Пересъ Гальдосъ. Что же касается „молодыхъ" (теперь уже, впрочемъ, весьма относительной молодости), то они почти совсѣмъ неизвѣстны. Имена: Піо Бароха, Романъ Валлесъ Инеланъ, Сихесъ Апарисіо, графиня Пардо Басанъ и даже Паласіо Валдесъ почти ничего не говорятъ народу. Причина, впрочемъ, отчасти кроется во враждебности и противодѣйствіи клерикализма, не допускающаго „безбожной и безнравственной" литературы ни въ вокзальные кіоски, ни въ другія подобныя имъ мѣста.

Тѣмъ же холодомъ и враждебностью встрѣчаетъ клерикальная и консервативная Испанія и новаторовъ-художниковъ, даже такихъ извѣстныхъ какъ Салоага, про котораго квасные патріоты говорятъ, что онъ изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ не настоящую, а существующую лишь въ его воображеніи Испанію. Благодаря этому, Мадридъ имѣетъ всего одну или двѣ картины этого художника, а большинство другихъ его произведеній находится въ гостепріимной Франціи, всегда умѣющей оцѣнить все выдающееся и талантливое. Роскошное изданіе одного изъ номеровъ *Figaro Illustré* посвящено исключительно Салоагѣ и въ великолѣпныхъ репродукціяхъ даетъ представленіе о силѣ и оригинальности его художественнаго таланта.

вооруженіи, съ винтовками „для защиты пассажировъ въ случаѣ нападенія разбойниковъ". Той же цѣли долженъ удовлетворять институтъ *серено*—ночныхъ сторожей. Но это „родной обычай старины", съ которымъ никакъ не могутъ разстаться.

Неудивительно поэтому, что все молодое, талантливое и свѣжее плохо уживается у себя на родинѣ и всегда стремится за границу, преимущественно во Францію, въ Парижъ. За границей свободнѣе, интереснѣе, за границей есть чему поучиться, а главное, не чувствуется этого гнетущаго провинціализма, этой узости и замкнутости мадридской жизни. Теперь это тяготѣніе, пожалуй, еще болѣе усилилось, благодаря тѣмъ причинамъ общаго характера, которыя заставляютъ лучшихъ людей Испаніи серьезно подумывать о возрожденіи страны. Взоры ихъ все чаще и чаще обращаются теперь на Европу, въ которой хотятъ искать образчиковъ для будущихъ преобразованій. Повысился интересъ къ изученію языковъ, и молодые люди усердно изучаютъ и французскій, и нѣмецкій, и даже англійскій языкъ и мечтаютъ о поѣздкахъ въ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ и т. п. Старый черезчуръ спокойный и, такъ сказать, домашній укладъ жизни уже не удовлетворяетъ болѣе живые элементы, и характернымъ признакомъ времени являются попытки испанскихъ женщинъ завоевать себѣ право на трудъ наравнѣ съ мужчиной въ области такъ называемыхъ либеральныхъ профессій. Правда, такого рода смѣлыхъ піонерокъ приходится насчитывать даже не десятками, а единицами и группируются онѣ покамѣстъ лишь около медицинскаго факультета, но для Испаніи и это совершенно небывалый фактъ, внушающій хранителямъ старыхъ традицій самыя живыя опасенія.

Здѣсь мы подошли къ одному изъ наиболѣе интересныхъ фактовъ испанской жизни—положенію женщины въ Испаніи. Въ этой области значительно явственнѣе, чѣмъ въ другихъ, проступаетъ вліяніе восточной (арабской) культуры. Въ Испаніи женщина—почти затворница какъ до замужества, такъ и впослѣдствіи, вплоть до того возраста, когда она перестаетъ уже быть интересной. Заботы о хозяйствѣ, о мужѣ, о дѣтяхъ—вотъ тѣсныя рамки ея дѣятельности; вы почти не увидите женщинъ ни въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, ни въ банкахъ, конторахъ и т. п. Женскій трудъ въ этихъ областяхъ еще считается предосудительнымъ, и большинство родителей и мужей предпочтутъ скорѣе терпѣть денежную нужду, чѣмъ допустятъ, чтобы ихъ дочери или жены подолгу оставались внѣ дома безъ присмотра. Въ особенности поражаетъ этотъ порядокъ вещей послѣ Франціи, гдѣ женщина безъ громкихъ фразъ и политической шумихи дѣйствительно сумѣла завоевать себѣ и право на трудъ и право на любовь, не утерявъ при этомъ рѣшительно ничего изъ своей женственности и привлекательности. И жизнь испанки съ французской точки зрѣнія несомнѣнно представляется убогой и скудной. Тоскливое затворничество въ родительскомъ домѣ, прерываемое краткимъ періодомъ „жениховства“, смѣняется затворничествомъ въ домѣ мужа. Да и слишкомъ коротокъ и бѣденъ красками и этотъ промежуточный періодъ. Молодыхъ людей обыкновенно

рѣдко оставляютъ вдвоемъ, видятся они тоже не Богъ вѣсть какъ часто, и, Боже сохрани, чтобы они вышли безъ присмотра родителей куда-нибудь на бульвары или въ другое общественное мѣсто. И дѣло здѣсь по существу не въ опасностяхъ, которыя могутъ грозить невинности молодой дѣвушки, а въ томъ, что скажутъ сосѣди и т. д.

Но во всякомъ случаѣ періодъ „жениховства"—самое радостное и поэтическое воспоминаніе для испанской женщины, потому что послѣ замужества начинается самая обыденная, самая сѣрая проза. Весь день проходитъ въ мелочныхъ прозаическихъ заботахъ; затѣмъ, немножко политики и очень много религіи, обстоятельные разговоры о пустякахъ съ сосѣдками и знакомыми, изрѣдка театръ или концертъ—вотъ и все содержаніе жизни. Но главное не въ этомъ, а въ томъ унизительно подчиненномъ положеніи, въ какомъ она находится въ домѣ своего мужа. Въ Испаніи нѣтъ даже тѣни той деликатности и того рыцарскаго отношенія къ женщинѣ, какое выработала французская или польская культура. Женщина здѣсь не предметъ ухаживанія и поклоненія, даже не подруга, а слуга своего мужа, почти раба. Въ прекрасномъ романѣ Паласіо Вальдеса „Allegria del capitan Rabot" есть напримѣръ, такая сцена. Одинъ изъ валенсіанскихъ старожиловъ, человѣкъ вполнѣ культурный и даже нѣсколько выдѣляющійся изъ общаго уровня, встрѣчаетъ на улицѣ капитана Работа, отъ имени котораго ведется разсказъ, приглашаетъ его на минуту къ себѣ въ домъ, и проситъ у него позволенія переодѣться въ его присутствіи, потому что они собираются еще къ одному пріятелю. Получивъ его согласіе, онъ зоветъ свою жену, которую только что представилъ Работу, и съ ея помощью дѣлаетъ свой туалетъ, начинающійся, между прочимъ, съ нижняго бѣлья. И въ то время какъ бѣдная женщина натягиваетъ своему мужу чулки, застегиваетъ разныя пуговицы и завязываетъ галстукъ, пріятели продолжаютъ какой-то интересующій ихъ разговоръ, начатый еще на улицѣ, такъ же мало стѣсняясь ея присутствіемъ, какъ если бы это былъ камердинеръ. Впрочемъ, мнѣ лично приходилось видать сценки, подобныя вышеописанной. По дорогѣ во Францію, мнѣ пришлось ѣхать въ одномъ отдѣленіи съ супружеской четой, людьми среднихъ лѣтъ, повидимому, сравнительно зажиточными, отправлявшимися на лѣтнее пребываніе на море. Нужно было видѣть, съ какой чисто восточной угодливостью и подобострастіемъ жена прислуживала своему „властелину и повелителю", съ какой тщательностью укрывала она его пледомъ, когда онъ ложился на диванчикъ вагона, оправляла подушку, заботилась, чтобы его не безпокоилъ свѣтъ, и т. д. Въ особенности возмутительно было видѣть, какъ она снимала съ полокъ довольно тяжелыя вещи, въ то время какъ мужъ, здоровый и крѣпкій мужчина, ограничивался лишь краткими и небрежными указаніями. Изъ этихъ фактовъ, конечно, не слѣдуетъ, что

испанцы не любятъ своихъ женъ и не питаютъ къ нимъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ. Скорѣе наоборотъ: они обычно хорошіе семьяне и вѣрные мужья, но они считаютъ неприличнымъ и несоотвѣтствующимъ своему мужскому достоинству демонстрировать на публикѣ эти чувства и проявлять вниманіе и заботливость къ своимъ женамъ [1]). „Мужчина долженъ быть свирѣпъ“, гласитъ приведенная еще Тургеневымъ испанская пословица.

Конечно, всѣ эти суровые обычаи не исключаютъ возможности самой страстной и горячей любви, самыхъ трагическихъ коллизій, — недаромъ въ жилахъ большинства испанцевъ течетъ мавританская кровь и недаромъ въ ихъ музыкѣ и танцахъ эта восточная страстность запечатлѣлась съ такой необыкновенною силой. Но любовь эта нѣсколько примитивна и элементарна. Въ ней нѣтъ той сложности и утонченности переживаній, какъ въ любви французской женщины, и она не принимаетъ тѣхъ сложныхъ, причудливыхъ и часто неожиданныхъ формъ, какія даютъ поводы моралистамъ бичевать нравы „порочнаго Парижа“. Точно такъ же нѣтъ въ Испаніи и той чисто французской откровенности внѣшнихъ формъ любви, такъ часто шокирующихъ въ Парижѣ иностранцевъ. Въ Испаніи вы уже не увидите ни нѣжно обнявшихся парочекъ въ тѣни бульваровъ, ни откровенныхъ поцѣлуевъ супруговъ и любовниковъ. Впрочемъ, „парочки“ здѣсь вообще не приняты,—всегда есть кто-нибудь „третій“. А чаще всего полное раздѣленіе половъ: мужчины держатся отдѣльно, женщины тоже. Зато васъ поразитъ въ Мадридѣ слѣдующій обычай. Почти повсюду по вечерамъ вы увидите нѣмой разговоръ знаками (какъ у насъ переговариваются въ тюрьмахъ): „она“ съ балкона, а „онъ“ снизу, съ тротуара. Лишь немногіе смѣльчаки отваживаются говорить вслухъ, но опять-таки оставаясь раздѣленными нѣсколькими этажами и балконной рѣшеткой. Однако въ этихъ таинственныхъ манипуляціяхъ обычно нѣтъ ничего особенно запретнаго и предосудительнаго: по большей части это novios (женихи) бесѣдуютъ съ своими novias (невѣстами). Но такова сила предразсудковъ и лицемѣрія, что молодымъ людямъ не разрѣшается даже говорить по-человѣчески.

Понятно, что благодаря всѣмъ этимъ условностямъ и чисто азіатскимъ строгостямъ испанскія женщины обычно въ достаточной степени невѣжественны и пропитаны всяческими предразсудками. Женщины главнымъ образомъ являются въ Испаніи оплотомъ реакціи и слѣпыми сторонницами стараго уклада жизни. Клерикализмъ имѣетъ обычно въ ихъ

---

[1]) Укажемъ для курьеза, что даже вечернія прогулки супружескихъ паръ представляютъ изъ себя здѣсь что-то экстраординарное. Мужъ обычно уходитъ одинъ, а жена остается дома. Поэтому въ мадридскомъ кафе, въ противоположность французскимъ, почти совсѣмъ не видно женщинъ, исключая женщинъ легкаго поведенія. Впрочемъ, и тѣхъ не много.

лицѣ послушныхъ и безпрекословныхъ исполнительницъ его желаній и пользуется всегда ихъ безграничной преданностью въ своихъ цѣляхъ.

Все это не мѣшаетъ однако испанкамъ быть чрезвычайно красивыми. Не говоря уже о ихъ стройности, правильности и благородствѣ чертъ лица, о прекрасныхъ большихъ глазахъ, оттѣненныхъ длинными рѣсницами, испанки обладаютъ еще необыкновенной граціозностью, придающей ихъ красотѣ особую прелесть. Это не „chic“ и не „élégance“ француженокъ, а что-то простое, милое, очень наивное и неотразимо-привлекательное. Въ особенности это поражаетъ въ женщинахъ изъ народа, въ многочисленномъ классѣ модистокъ, продавщицъ въ магазинахъ и т. п. Большое значеніе при этомъ имѣютъ атрибуты ихъ національнаго костюма: неизбѣжная кружевная косынка на волосахъ *(mantilla)*, неизбѣжный вѣеръ, которымъ онѣ все время граціозно обмахиваются, длинная шаль на плечахъ и щегольскія ботинки. „Дамы изъ общества“ уже не производятъ этого милаго впечатлѣнія. Ихъ туалеты и ихъ манера держать себя „подъ Парижъ“ только сильнѣе подчеркиваютъ ея несоотвѣтствіе съ испанскимъ характеромъ. За рѣдкими исключеніями ни въ претенціозныхъ шляпкахъ, ни въ модныхъ костюмахъ нѣтъ той законченности, пластичности и совершенства, какія поражаютъ въ дѣйствительно настоящихъ парижскихъ издѣліяхъ, да и то при условіи умѣнья ихъ носить. И неудивительно, что парижская смѣлость и размахъ превращаются здѣсь въ безвкусицу и принимаютъ даже смѣшныя формы.

Впрочемъ, это не только въ дамскихъ туалетахъ, но и во всемъ остальномъ. Парижскій жанръ, считающійся страшно моднымъ въ Испаніи, совершенно не подходитъ ни къ укладу жизни, ни къ характеру народа. Суровому и немного угрюмому испанцу совсѣмъ не къ лицу ни французская элегантность, ни французское легкомысліе. Онъ перенимаетъ лишь крикливую и вульгарную внѣшность, тонкости же и нюансы отъ него ускользаютъ. И потому-то французская корректность здѣсь превращается въ смѣшную чопорность, французскій изящный скептицизмъ—въ тяжелое резонированіе, а легкая и пикантная гривуазность—въ откровенную и безвкусную порнографію.

А между тѣмъ въ особенности теперь, въ связи съ протекающими политическими событіями, усиливается это стремленіе къ некритической замѣнѣ національной культуры французскою, и патріоты недаромъ бьютъ тревогу. Я вполнѣ понимаю ихъ. Несмотря на всѣ тѣ блага, какія несетъ теперь все поднимающаяся и поднимающая политическая волна, является опасеніе, не слишкомъ ли будетъ губителенъ ея разбѣгъ для всего того своеобразнаго и оригинальнаго, что составляетъ духъ и сущность испанскаго народа, и становится невольно жаль старой величественной и гордой Испаніи, многочисленные памятники которой разсѣяны

по всей странѣ и которая живетъ еще въ преданіяхъ, нравахъ и обычаяхъ народа.

Что дастъ ей на смѣну Испанія новая? Найдетъ ли она въ себѣ достаточно вкуса, чутья и благоразумія, чтобы въ критическій періодъ переоцѣнки національныхъ цѣнностей не выбросить за бортъ вмѣстѣ съ ненужнымъ и вреднымъ чего-либо дорогого ей и необходимаго? Найдетъ ли она въ себѣ достаточно творческихъ силъ, чтобы и при новыхъ политическихъ условіяхъ пойти самостоятельнымъ путемъ и сохранить свою національную оригинальность, не ограничиваясь однимъ лишь рабскимъ подражаніемъ заграницѣ?

А. Щепетевъ.

Императоръ Александръ I и Джефферсонъ.

По архивнымъ даннымъ.

Работая въ американскихъ архивахъ, мы напали на интересные слѣды письменныхъ сношеній между имп. Александромъ I и творцомъ американской демократіи, тогдашнимъ президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Джефферсономъ. Переписка эта представляетъ любопытную иллюстрацію къ тому интересу, который Александръ обнаруживалъ въ различные моменты своей жизни къ принципамъ федерализма. Существуютъ указанія на то, что этотъ интересъ не носилъ чисто теоретическаго, отвлеченнаго характера. Недаромъ составленный Новосильцевымъ по порученію Александра проектъ конституціи для Россійской имперіи явно построенъ на федералистическомъ началѣ. Мысль о возможности примѣненія федеративныхъ началъ къ политическому строю Россіи несомнѣнно не въ малой степени занимала умъ Александра. Тѣмъ интереснѣе бросить взглядъ на попытку Александра завязать непосредственныя отношенія съ знаменитымъ президентомъ заатлантической федеративной республики.

I.

Изъ письма Александра къ Лагарпу отъ 27 сентября 1797 г. [1]) извѣстно, что, будучи наслѣдникомъ престола, Александръ, глубоко неудовлетворенный всѣмъ, происходившимъ въ его отечествѣ, носился съ мыслью о введеніи въ Россіи конституціонныхъ учрежденій. Съ цѣлью подготовки русскаго общества къ этой реформѣ Александръ, совмѣстно съ друзьями своей молодости—Новосильцевымъ, Строгановымъ, Чарторижскимъ, рѣшилъ организовать переводъ на русскій языкъ цѣлаго ряда полезныхъ сочиненій по вопросамъ государственнаго устройства. Этотъ-то проектъ и послужилъ начальнымъ поводомъ къ попыткѣ Але-

---

[1]) *Шильдеръ:* „Императоръ Александръ I“, т. I, стр. 280.

ксандра сблизиться съ Джефферсономъ,—попыткѣ, осуществленной уже по воцареніи Александра.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ черезъ посредство Лагарпа и англійскаго книгопродавца Стона, который переслалъ извѣстному химику и философу Пристлею [1]) письмо, полное величайшихъ надеждъ на послѣдствія сближенія между этими главами двухъ націй.

Вотъ текстъ письма, полученнаго Пристлеемъ:

„Я только что получилъ ваше интересное сообщеніе черезъ г. Фенвика. Оно способствовало лишь усиленію моего уваженія и удивленія къ вашему президенту. Мы имѣемъ нынѣ въ мірѣ двухъ людей, на которыхъ смотримъ съ смѣшаннымъ чувствомъ уваженія и лихорадочнаго нетерпѣнія.

„Люди эти помѣщены на двухъ противоположныхъ пунктахъ земного шара; но ихъ принципы, ихъ чувства, ихъ поведеніе связаны, какъ кажется, тѣснѣйшей симпатіей...

„Вамъ, можетъ быть, показалось бы страннымъ, что я помѣщаю рядомъ самодержца Россіи съ вашимъ президентомъ, если бы я уже въ предшествующихъ письмахъ не далъ вамъ нѣкоторыхъ указаній относительно расположенія духа перваго. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ вамъ послѣдній разъ, г. Лагарпъ, который воспитывалъ этого юношу, возвратился изъ Петербурга въ Парижъ, вблизи котораго онъ живетъ.

„Было бы слишкомъ долго повторять вамъ все, что онъ мнѣ разсказывалъ о своемъ воспитанникѣ, но нѣсколько штриховъ дадутъ вамъ понятіе о всей картинѣ.

„Въ теченіе цѣлаго года бесѣдъ съ императоромъ Лагарпъ никогда не слышалъ отъ него слова: *подданные* или *царство*. Каждый разъ когда Александръ говорилъ о русскихъ, онъ называлъ ихъ „соотечественниками“ или „согражданами“ (compatriotes, concitoyens); когда онъ говорилъ о Россіи, то называлъ ее „своимъ отечествомъ“; когда говорилъ о себѣ, употреблялъ выраженія: „постъ“, „мѣсто“, „должность“, какъ будто былъ выборнымъ должностнымъ лицомъ.

„Идея абсолютной власти такъ далека отъ его ума, что въ теченіе непринужденныхъ бесѣдъ ни одно слово, намекающее на эту идею, не соскользнуло съ его устъ. Непріятными для него моментами были тѣ, когда формы придворнаго церемоніала напоминали ему его верховное положеніе. Въ эти моменты не могъ онъ вынести, чтобы Лагарпъ былъ

---

[1]) Іосифъ Пристлей родился въ 1733 г. въ Англіи; умеръ въ Филадельфіи въ 1804 г. Этотъ извѣстный ученый и философъ, открывшій кислородъ и его выдѣленіе растеніями, авторъ многихъ философскихъ сочиненій, былъ поклонникомъ французской революціи и горячимъ республиканцемъ. Въ концѣ XVIII столѣтія онъ покинулъ родину и переселился въ Америку, коей свободныя учрежденія лучше соотвѣтствовали его идеаламъ и свободомыслію.

свидѣтелемъ того, что онъ называлъ униженіемъ человѣчества... Но эти мысли не связаны у него съ дикими или чудаческими представленіями о свободѣ. Въ его движеніяхъ нѣтъ энтузіазма, а если онъ рѣшается на актъ расширенія благодѣяній, онъ старательно укрываетъ его подъ старыми формами, такъ, чтобы по возможности устранить мысль о нововведеніи. Такъ, напримѣръ, онъ допустилъ къ праву собственности классъ лицъ, который до сихъ поръ въ Россіи былъ лишенъ этого права: это тотъ самый ударъ, который Генрихъ VII англ. нанесъ нѣкогда феодальной системѣ. На земляхъ, принадлежащихъ коронѣ, онъ не позволяетъ ни продавать, ни покупать рабовъ или подданныхъ (slave or serf). Онъ далъ понять, что хотя онъ не думаетъ вторгаться въ право собственности какого бы то ни было рода, но что лично онъ не обязанъ слѣдовать варварскимъ обычаямъ своихъ непросвѣщенныхъ предковъ. Намекъ былъ понятъ, и газеты, столбцы которыхъ были до сихъ поръ наполнены объявленіями объ этого рода работорговлѣ, нынѣ совершенно свободны отъ такихъ объявленій, ибо никто не желаетъ быть причисленнымъ къ потомкамъ варваровъ...

„Какъ видите, этотъ молодой человѣкъ почти съ такимъ же макіавелизмомъ выкрадываетъ деспотизмъ у своихъ подданныхъ, съ какимъ другіе государи въ Европѣ выкрадываютъ свободу у своихъ согражданъ. Чувство справедливости есть тотъ могучій двигатель, который овладѣлъ его умомъ. Въ принципахъ онъ непоколебимъ: ничто не можетъ отвлечь его отъ нихъ...

„Легко догадаться, что онъ сталъ предметомъ обожанія со стороны русскаго народа. Это тотъ родъ чувствъ, которыя для него наиболѣе желательны. Вамъ извѣстна церемонія земныхъ поклоновъ („prostration“), совершаемая каждый разъ, когда встрѣчаются съ императоромъ даже ѣдущіе въ экипажахъ. Павелъ требовалъ исполненія этого правила весьма сурово. Александръ сначала далъ понять, что такого рода проявленія чувствъ непріятны ему, но, видя что они продолжаются, принужденъ былъ воспретить ихъ указомъ. Результатъ былъ настолько благопріятенъ, что теперь онъ можетъ свободно прогуливаться по улицамъ и публичнымъ мѣстамъ съ своей женой, не подвергаясь болѣе этого рода непріятностямъ. Онъ всегда выѣзжаетъ безъ гвардіи и безъ другого сопровожденія, кромѣ служителя, сидящаго позади его экипажа, или же ѣздитъ верхомъ, если выѣзжаетъ за городъ.

„Въ настоящую минуту онъ серьезно занятъ устройствомъ механизма свободнаго правленія, преобразовывая администрацію такимъ образомъ, чтобы она стала сначала носителемъ просвѣщенія, а затѣмъ вводила понятія гражданской свободы. Это дѣло требуетъ большого труда и продолжительнаго времени, а также мужества и упорства. Онъ неутомимъ въ изысканіяхъ и имѣетъ помощниковъ столь же серьезныхъ

и дѣятельныхъ, какъ ихъ руководитель. Въ двухъ словахъ результатъ будетъ тотъ, что государство, которое полстолѣтія назадъ не было еще извѣстно въ системѣ европейскихъ державъ, быстро возносится къ тому, чтобы занять возвышенное мѣсто среди нихъ и, если дѣло будетъ продолжаться, какъ начато, его вліяніе скоро станетъ болѣе преобладающимъ, чѣмъ это было бы желательно для нѣкоторыхъ равныхъ Александру могуществомъ, но безконечно ниже его стоящихъ по мудрости и добротѣ [1]).

„Среди нынѣшнихъ правителей вашъ президентъ пользуется высочайшимъ уваженіемъ и доброжелательствомъ Александра. Онъ говоритъ всегда о г. Джефферсонѣ, какъ о человѣкѣ, съ высокимъ уваженіемъ, и съ величайшимъ удивленіемъ объ его управленіи. Если бы размѣры письма допускали это, я бы постарался убѣдить васъ, что этотъ молодой императоръ не недостоинъ взаимности въ этихъ чувствахъ со стороны главы вашей республики. Я только что упоминалъ вамъ, что императоръ весьма серьезно озабоченъ изысканіемъ средствъ образованія хорошей администраціи. Я убѣжденъ, что онъ былъ бы весьма благодаренъ за свѣдѣнія о внутреннемъ управленіи Соединенныхъ Штатовъ. Я имѣю въ виду самый механизмъ управленія, т.-е. порядокъ отношеній между президентомъ и его министрами, между отдѣльными министрами и ихъ канцеляріями, между министерствами и низшими органами администраціи, а также о движеніи дѣлъ по инстанціямъ. Въ такомъ очеркѣ, какъ вы видите, не было бы ничего имѣющаго политическій характеръ, и я думаю не будетъ затрудненій въ доставленіи этихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ, большія услуги могутъ быть оказаны безъ большихъ хлопотъ. Я бы могъ освѣдомиться объ этомъ у Джоэля Барло, но я предполагаю, что онъ недостаточно знакомъ съ подробностями. Вашъ посланникъ можетъ быть лучше знакомъ съ этимъ, но я никогда не обращаюсь за свѣдѣніями къ дипломатамъ“ [2]).

Письмо это было переслано Пристлеемъ Джефферсону 29 октября 1802 г. Отвѣтъ Джефферсона помѣченъ (изъ Вашингтона) 29 ноября того же года. Вотъ его содержаніе:

„Милостивый государь [3])!

„Ваше письмо отъ 29 октября получено было своевременно и я очень вамъ благодаренъ за выдержки изъ письма г. Стона, касающіяся имп. Александра. Появленіе такого человѣка на тронѣ представляетъ одинъ изъ феноменовъ, который выдѣлитъ нашу эпоху, столь замѣчательную въ исторіи человѣчества. Однако онъ имѣетъ передъ собою геркуле-

---

[1]) Намекъ на Наполеона.

[2]) Рукописи Джефферсона, сер. 2, томъ 2, листъ 12.

[3]) Мы такъ переводимъ выраженіе Dear Sir, которое безразлично употребляется англичанами и американцами даже тогда, когда пишутъ къ незнакомому.

совскую задачу: обдумать и учредить средства, обезпечивающія свободу и счастье тѣмъ, которые неспособны сами заботиться о себѣ. Мнѣ кажется, что необходима нѣкоторая подготовительная работа для того, чтобы сдѣлать народъ способнымъ къ самоуправленію. Кто могъ бы подумать, что французскій народъ неспособенъ къ этому [1])?

„Александръ несомнѣнно начнетъ дѣло съ надлежащей стороны, если рѣшитъ предпринять средства къ распространенію просвѣщенія среди народныхъ массъ, а одновременно освободитъ ихъ отъ существующихъ притѣсненій.

„Мнѣ было бы затруднительно найти лицо, способное приготовить для него короткое аналитическое обозрѣніе нашей конституціи, какъ вы предлагаете. Такая работа была бы кратка, но трудна для исполненія. Сочиненіе Купера подъ заглавіемъ „Предложенія, касающіяся основъ гражданскаго управленія“; ваша статья „Объ основныхъ принципахъ правительства“; „Очерки принциповъ правительства“ Чипмана, а также *Федералистъ* [2]) представятъ достаточное изложеніе принциповъ нашей конституціи и ихъ примѣненія къ различнымъ частямъ управленія. Мнѣ кажется сомнительнымъ, чтобы подобная работа могла быть хорошо выполнена для указанной цѣли кѣмъ-либо инымъ, кромѣ русскаго, который могъ бы изложить ее наиболѣе удобопонятнымъ образомъ для своихъ соотечественниковъ. Легко было бы назвать нѣсколько лицъ, которыя бы могли дать прекрасный общій взглядъ на наши учрежденія, приспособленный къ пониманію англичанина или американца; но по всей вѣроятности имъ было бы трудно при этомъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ особыхъ своихъ цѣлей [3]). Однако можетъ быть это дѣло и удастся устроить, если о немъ позаботиться“.

Дѣло пока ограничилось этими „увертюрами“, говоря дипломатическимъ языкомъ: представленіемъ Александра Джефферсону въ самомъ благопріятномъ освѣщеніи и подчеркиваніемъ его симпатіи къ Джефферсону; съ другой—литературными указаніями и обѣщаніемъ поискать.

Видя неудовлетворительность косвенныхъ намековъ, а быть можетъ побуждаемый къ тому Александромъ, Лагарпъ рѣшилъ приступить къ дѣлу откровеннѣе. Вотъ что писалъ Лагарпъ одному изъ своихъ друзей:

„Дорогой гражданинъ!

---

[1]) Не надо забывать, что это писано было послѣ перехода Франціи отъ республики къ военному деспотизму перваго консула.

[2]) Журналъ, издававшійся въ эпоху формированія американской конституціи.

[3]) Джефферсонъ имѣетъ въ виду объективность изложенія. Въ то время общественное мнѣніе Америки дѣлилось на двѣ партіи: федералистовъ и антифедералистовъ, между которыми велись горячіе споры относительно предѣловъ компетенціи союзной власти сравнительно съ властью отдѣльныхъ штатовъ. Каждый авторъ, смотря по тому къ какой принадлежалъ партіи, придавалъ бы изложенію партійное освѣщеніе.

„Вамъ извѣстны мои чувства по отношенію къ разумной свободѣ. Я считаю нынѣшняго главу американскаго союза однимъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ благороднаго общества людей, которые являются друзьями своихъ ближнихъ и которые желаютъ просвѣщенія и свободы для всѣхъ. На другомъ концѣ земного шара существуетъ другой вождь могущественнаго народа, который, хотя и рожденъ на тронѣ, носитъ въ сердцѣ всѣ чувства, составляющія сущность гражданина и друга человѣчества. Этотъ человѣкъ, еще очень молодой, въ ближайшемъ времени оправдаетъ то, что я говорю о немъ здѣсь. Читалъ онъ въ свое время рѣчь президента Джефферсона, которая находилась въ моихъ рукахъ, и восхищался ею, а уваженіе, питаемое имъ къ этому выдающемуся гражданину, таково, что, какъ мнѣ кажется, было бы чрезвычайно полезно для обоихъ, равно какъ и для счастья человѣчества, чтобы они могли сблизиться между собою. Вотъ что пишетъ онъ мнѣ въ послѣднемъ письмѣ: *„Я бы вамъ былъ очень благодаренъ, если бы вы могли способствовать ближайшему знакомству моему съ Джефферсономъ, и я бы почиталъ себя этимъ очень польщеннымъ*“.

„Если бы вы имѣли какой-нибудь путь надежный и подходящій для сообщенія этого г. Джефферсону, я думаю, что это было бы доброе дѣло.

„Мысль о томъ, что я способствовалъ сближенію этихъ двухъ лицъ, которыя могутъ такъ сильно повліять на судьбы значительной части человѣчества, придаетъ мнѣ новыя силы и мнѣ будетъ пріятнѣе копать землю въ моемъ садикѣ, съ мыслью о томъ, что удалось сдѣлать, по крайней мѣрѣ, одинъ шагъ въ сторону осуществленія общаго блага.

„Я очень жалѣю, что не имѣю никакихъ способовъ къ тому, чтобы непосредственно сообщить все это г. Джефферсону. Безвѣстный солдатъ общаго дѣла, я буду счастливъ, если мои желанія осуществятся хотя частично. Привѣтствую васъ сердечно.

„Плесси-Пике 27 вандэміера XII года (20 октября 1803 г.).

Фридрихъ Цезарь Лагарпъ“ [1]).

Письмо это было адресовано къ англійскому книгопродавцу Стону, который обратился къ посредничеству живущаго во Франціи поэта и республиканца Джоэля Барло [2]) для пересылки его Джефферсону.

---

[1]) Рукописи Джефферсона, сер. 2, т. 2, № 12 (оригиналъ по-французски).

[2]) Джоэль Барло—это одна изъ тѣхъ оригинальныхъ всесторонних и космополитическихъ (въ хорошемъ смыслѣ) личностей, которыхъ такъ много создала эпоха великой революціи—личностей духовно родственныхъ съ Пристлеемъ, Лагарпомъ, Маццеи.

Барло родился въ Ридингѣ (штатъ Коннектикутъ) въ 1775 г., а умеръ въ Жарновцахъ, въ еврейской корчмѣ близъ Кракова въ 1812 г., призванный Наполеономъ (онъ былъ въ это время американскимъ консуломъ во Франціи) въ Польшу для свиданія. Окончивши теологическій факультетъ, онъ поступилъ какъ капитанъ въ революціонную американскую армію въ 1778 г.; писалъ здѣсь патріотическія пѣсни и сочи-

Барло переслалъ письма Стона и Лагарпа Джефферсону (отправивъ ихъ изъ Парижа 11 февраля 1804 г.), вмѣстѣ съ собственнымъ письмомъ. Отрекомендовавъ Джефферсону Лагарпа, Барло говоритъ затѣмъ объ имп. Александрѣ, какъ о государѣ, имѣющемъ горячее желаніе улучшить положеніе человѣчества. „Александръ,—писалъ далѣе Барло,—хорошо знакомъ съ англійской литературой и языкомъ, съ нашей революціей и исторіей, съ вашимъ характеромъ, принципами и управленіемъ. Онъ упоминалъ о васъ съ особеннымъ уваженіемъ въ нѣсколькихъ письмахъ своихъ, а выдержка, приведенная здѣсь изъ одного изъ нихъ, высказана была, какъ увѣряетъ меня Лагарпъ, съ искреннимъ желаніемъ со стороны императора какъ приглашеніе или первый шагъ къ тому, чтобы завязать съ вами непосредственныя письменныя сношенія. Его глубокое уваженіе къ вашему характеру не допустило бы, чтобы онъ началъ эту переписку, не убѣдившись предварительно, что она будетъ для васъ пріятна. Если это расположеніе къ общенію съ вами будетъ поддержано съ вашей стороны, оно можетъ привести къ весьма благодѣтельнымъ послѣдствіямъ".

Распространившись о томъ, насколько важно воздѣйствовать на монарха громадной имперіи, утверждая его въ здравыхъ политическихъ принципахъ, Барло затѣмъ продолжаетъ:

„Зная ваше свободомысліе и будучи убѣжденъ, что вы не сомнѣваетесь въ чистотѣ моихъ намѣреній, я увѣренъ, что вы извините меня, если я позволю себѣ намѣтить нѣкоторые пункты, по отношенію къ которымъ ваша переписка съ молодымъ императоромъ можетъ, какъ мнѣ кажется, произвести наилучшее вліяніе.

„Я считаю его человѣкомъ хорошихъ намѣреній, стремящимся къ тому, чтобы сдѣлать все хорошее, что отъ него зависитъ; но его положеніе чрезвычайно щекотливо. Для него было бы нецѣлесообразнымъ возбуждать опасенія среди привилегированныхъ сословій, пытаясь создать сейчасъ что-либо вродѣ свободнаго представительнаго правленія, быть можетъ даже нецѣлесообразнымъ было бы обнаружить желаніе полнаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Но существуютъ иные принципы, ведущіе непосредственно къ цивилизаціи, которыхъ развитіе

нялъ воззванія. По окончаніи войны за независимость въ 1783 г. основалъ журналъ *The American Mercury* и издалъ нѣсколько поэмъ, изъ которыхъ наиболѣе популярно „Видѣніе Колумба" („The Vision of Columbus", 1787). Въ слѣдующемъ году Барло очутился уже въ Европѣ, а въ началѣ французской революціи издалъ „Совѣтъ привилегированнымъ сословіямъ" и „Письмо къ конвенту" (1791 г.). Будучи членомъ лондонскаго конституціоннаго общества, представилъ отъ его имени адресъ конвенту, получилъ французское гражданство и должность въ Савойѣ. Въ 1805 году, обогатившись спекуляціями, возвратился въ Америку, а въ 1811 году высланъ былъ въ качествѣ консула во Францію.

идетъ медленно и которые уже въ нѣкоторой степени приняты въ Европѣ, а потому не будутъ въ такой степени страшить дворянства и духовенства. Таковы свобода прессы и всеобщее народное просвѣщеніе.

„Что касается внутреннихъ экономическихъ учрежденій, то здѣсь образцами для подражанія могутъ служить ваши пути сообщенія, мосты, каналы, покровительство земледѣлію и промышленности, учрежденіе новыхъ промысловъ, рабочіе дома для бѣдныхъ и стариковъ, тюрьмы для преступниковъ, соединенныя съ рабочими домами, какъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ штатовъ; наконецъ, общая реформа и усовершенствованіе уголовнаго судопроизводства. Полная свобода внутренней торговли на всемъ протяженіи имперіи, отъ одного конца до другого, могла бы также быть позаимствована отъ насъ; но особенно близокъ его сердцу вопросъ о свободѣ морей“.

Далѣе продолжаетъ онъ:

„Существуетъ одинъ предметъ, очень хорошо знакомый американцамъ, но оцѣниваемый въ надлежащей степени лишь немногими мыслящими людьми. Я имѣю въ виду *федералистическій* строй нашего государства. Его совершенно не понимаютъ въ Европѣ, даже въ теоріи. Лучшіе писатели этой страны не знаютъ, что̀ мы подъ этимъ понимаемъ, и мнѣ кажется, что даже въ Америкѣ достоинства его рѣдко бываютъ замѣчаемы, часто недостаточно понимаемы и не оцѣниваемы по заслугамъ.

„Что касается до меня, я вижу въ немъ такой существенный элементъ политической свободы, что я не представляю себѣ, какимъ образомъ самые исконные и основные принципы нашей жизни могли бы быть сохранены безъ федерализма. Если бы принципъ этотъ былъ лучше понимаемъ философами въ Европѣ, мы бы не были свидѣтелями того, какъ многіе утрачиваютъ свою прежнюю вѣру въ постепенное усовершенствованіе общественной жизни. Если бы принципъ этотъ былъ лучше понятъ въ Америкѣ, мы бы не слушали болѣе такъ часто повторяемой кощунственной ереси объ обособленности штатовъ, разрывѣ союза и т. д., и расширеніе нашей власти мирными и честными путями за Миссисипи и даже до Восточнаго океана не возбуждало бы никакихъ опасеній въ нашихъ согражданахъ.

„Прошу васъ извините меня за столь длинное письмо и примите выраженіе моего совершеннаго уваженія.

Джоэль Барло“.

„Можете съ полнымъ довѣріемъ посылать ваши письма къ императору, адресуя „г. Лагарпъ, въ Плесси-Пикэ, близъ Парижа“ и заключая въ конвертъ къ здѣшнему американскому агенту [1]), давая ему указаніе,

[1]) Т.-е. консулу.

если онъ не знаетъ Лагарпа, чтобы обратился къ г. Стону, аглійскому книгопродавцу. Пишите по-англійски или по-французски, какъ найдете болѣе удобнымъ".

II.

Переписка Александра съ Джефферсономъ.

По всей вѣроятности, именно подъ вліяніемъ этого письма Джефферсонъ воспользовался первымъ же случайнымъ поводомъ для того, чтобы завязать сношенія съ Александромъ.

Американскій фрегатъ потерпѣлъ крушеніе у береговъ Триполи. Экипажъ этого судна былъ, по обыкновенію, захваченъ триполитанцами. Александръ, принимавшій къ сердцу безопасность морей, а быть можетъ и въ интересѣ сближенія съ Джефферсономъ, употребилъ свое вліяніе, чтобы заставить правительство Триполи возвратить свободу американскимъ гражданамъ.

Выраженіе благодарности со стороны Джефферсона являлось въ этомъ случаѣ естественнымъ и даже необходимымъ. Такъ возникло первое письмо Джефферсона къ Александру, котораго дословный переводъ мы здѣсь приводимъ:

Джефферсонъ къ Александру.

„Великій и добрый другъ! [1]).

„Ваше дружеское посредничество въ дѣлѣ освобожденія экипажа американскаго фрегата, разбившагося у береговъ Триполи, дошло лишь недавно до моего свѣдѣнія. За этотъ актъ доброжелательства, за доказательство вашего дружескаго расположенія къ нашей республикѣ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ пересылаетъ офиціальное выраженіе ея благодарности. Но я бы не удовлетворилъ моихъ собственныхъ чувствъ, если бы не присоединилъ выраженій своей личной признательности за любезность, облегчающую мою обязанность по управленію дѣлами моей страны.

„Берберійцамъ, которыхъ обычное нарушеніе естественнаго права подало поводъ къ этой дружеской услугѣ съ вашей стороны, мы переслали выраженія совершенно иныхъ чувствъ въ видѣ флотиліи, которая только что покинула наши порты, направляясь къ ихъ странѣ. Если командующій этой эскадрой найдетъ, что вслѣдствіе ходатайства вашего величества они уже добровольно отдали намъ должное, онъ предоставитъ имъ быть должниками вашей любезности за наше воздержаніе отъ всякаго акта силы. Въ противномъ случаѣ онъ постарается убѣдить ихъ

[1]) „Great and good friend".

средствами, отданными въ его распоряженіе, что въ ихъ интересѣ не наносить намъ болѣе обидъ.

„Я вижу съ большимъ удовольствіемъ возрастаніе размѣровъ торговли между вашей страной и моей. Мы не пошли по стопамъ безплодной политики многихъ другихъ государствъ, заключающихъ многочисленные торговые договоры. Между народами, какъ и между единичными лицами свободно-добровольныя отношенія, быть можетъ, болѣе прочны, нежели основанныя на буквѣ договоровъ. Коль скоро договоръ такой становится тягостью, стараются извратить его искусственнымъ толкованіемъ, текстъ его является предметомъ спора, который можетъ довести до войны. Но вашъ флагъ найдетъ всегда въ нашихъ пристаняхъ гостепріимство, дружбу и покровительство, а ваши подданные будутъ пользоваться всѣми привилегіями наиболѣе дружеской націи. Благосклонное принятіе нашего консула въ Петербургѣ и дружескія чувства, пересланныя черезъ посредство вашего министра иностранныхъ дѣлъ, представляютъ серьезное ручательство въ томъ, что и наши купцы будутъ принимаемы съ надлежащимъ доброжелательствомъ въ вашихъ портахъ.

„Я пользуюсь этимъ случаемъ для выраженія высокой радости, которую я испыталъ, слѣдя за различными актами вашего управленія за краткое время вашего пребыванія на престолѣ и видя въ нихъ проявленія добродѣтели и мудрости, изъ которыхъ они вытекаютъ. Сколь многаго можетъ ожидать ваша страна отъ столь много обѣщающаго начала вашего правленія! Разумные принципы, вводимые устойчиво, осуществляющіе добро постепенно въ той мѣрѣ, въ какой народъ вашъ подготовленъ для его воспріятія и удержанія, неминуемо поведутъ и его, и васъ самихъ далеко по пути исправленія его положенія въ теченіе вашей жизни. Я молю Бога, чтобы она продолжалась долго, для счастья вашей страны и для вашей славы, а также, чтобы Онъ всегда имѣлъ васъ въ своемъ надежномъ и святомъ попеченіи.

Томасъ Джефферсонъ".

Вашингтонъ, 15 іюня 1804 г. [1]).

Отвѣтъ Александра, къ сожалѣнію, не находится въ рукописяхъ Джефферсона, такъ же точно, какъ и слѣдующее письмо Джефферсона къ Александру. Первое извѣстное намъ письмо Александра къ Джефферсону напечатано въ новомъ, недавно изданномъ собраніи сочиненій Джефферсона подъ редакціею Форда. Мы видимъ изъ этого письма, что предшествующее письмо Александра къ президенту Соединенныхъ Штатовъ было помѣчено 20 августа 1805 года.

Нельзя предположить, чтобы Александръ такъ долго не отвѣчалъ на

---

[1]) Рукописи Джефферсона въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Вашингтонѣ, серія I, томъ X, № 96.

первое письмо Джефферсона. Правда, сношенія съ Америкой были въ то время весьма медленны вслѣдствіе условій паруснаго судоходства и необходимости иногда долгое время ждать случая къ посылкѣ письма. Между письмомъ, напечатаннымъ у Форда, помѣченнымъ 19 апрѣля 1806 г., и отвѣтомъ Джефферсона, найденнымъ нами въ Вашингтонѣ съ помѣткой 10 августа 1806 г., протекло около пяти мѣсяцевъ. Принимая это за норму, можемъ предположить, что въ промежуткѣ времени, протекшемъ отъ вышеприведеннаго письма Джефферсона до нижеслѣдующаго, произошелъ еще одинъ обмѣнъ писемъ, такъ что, вѣроятно, два письма Александра и одно Джефферсона затеряны, а быть можетъ находятся въ петербургскихъ архивахъ.

Вотъ, что писалъ Джефферсонъ 19 апрѣля 1806 года.

Джефферсонъ къ Александру.

„Я остаюсь должникомъ вашего императорскаго величества за великое удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ письмомъ отъ 20 августа 1805 г., и пользуюсь случаемъ, который оно мнѣ доставило къ выраженію искренняго уваженія и удивленія, питаемаго мною къ вашему характеру. Однимъ изъ послѣднихъ и наиболѣе успокоительныхъ утѣшеній моей жизни будетъ то, что я видѣлъ во главѣ управленія столь обширной частью земли и въ столь раннемъ періодѣ его жизни правителя, котораго главною страстью является способствованіе счастью и благоденствію своего народа и не только своего народа, но могущаго распространить свой взглядъ и свою добрую волю на далекую и молодую націю, никому не вредящую въ своемъ развитіи, лишенную честолюбія въ своихъ стремленіяхъ [1]).

„Событія въ Европѣ доходятъ до нашего свѣдѣнія такъ поздно и въ столь неточной формѣ, что замѣчанія, ихъ касающіяся, по необходимости, являются устарѣлыми и далекими отъ текущаго положенія дѣлъ. Однако изъ общаго ихъ вида я заключаю, что вмѣшательство вашего величества въ эти дѣла было безкорыстно и великодушно, имѣя въ виду лишь общее благо великой европейской семьи [2]).

„Когда вы приступите къ установленію мира, то-есть къ возстановленію мирныхъ сношеній и торговли, то же самое расположеніе ума приведетъ васъ къ мысли объ общихъ сношеніяхъ между народами и къ принятію тѣхъ средствъ къ ихъ сохраненію, которыя такъ нужны были въ прошломъ.

„Націи сѣверной Европы, во главѣ которыхъ ваше величество занимаетъ столь выдающееся мѣсто, имѣютъ мирныя наклонности. Въ той

---

[1]) Т.-е. Соединенные Штаты Америки.

[2]) Джефферсонъ имѣетъ въ виду выступленіе Александра противъ Наполеона, котораго Америка по примѣру Англіи считала величайшимъ врагомъ свободы.

же самой степени привязаны къ миру и Соединенные Штаты Америки. Мы имѣемъ такимъ образомъ общій интересъ въ сохраненіи правъ нейтралитета. Каждая нація на континентѣ Европы, ведущая войну или нейтральная, заинтересована въ поддержкѣ этихъ правъ, въ ихъ постепенномъ расширеніи по мѣрѣ прогресса наукъ и утонченности нравственностей, а также въ освобожденіи ихъ отъ тѣхъ стѣсненій, которыя при развитіи искусствъ уже давно стали неразумны и докучливы.

„Въ Европѣ находятся два лица,—изъ нихъ одно—ваше величество,—во власти которыхъ лежитъ оказать величайшія услуги всѣмъ націямъ, внося въ мирный договоръ точное опредѣленіе правъ нейтральныхъ державъ на открытомъ морѣ. Такое опредѣленіе, принятое всѣми державами, недавно ведшими войну или нынѣ ее ведущими, дало бы выше поименованнымъ правамъ точность и извѣстность, покрыло бы ихъ авторитетомъ, который предохранилъ бы ихъ въ будущемъ въ значительной мѣрѣ отъ нарушеній; а если бы необходима была дальнѣйшая гарантія, то исключеніе націи, нарушающей права, изъ коммерческихъ сношеній со всѣми другими было бы предпочтительнѣе войнѣ, какъ болѣе аналогичное съ характеромъ проступка и болѣе удобоисполнимое. Главные пункты правъ, о которыхъ идетъ рѣчь, столь немногочисленны и столь просты, что легко ихъ начертать.

„Такъ какъ мы не принимали участія въ прошедшихъ или продолжающихся волненіяхъ Европы, мы не имѣемъ также роли въ ея умиротвореніи. Но такъ какъ въ этомъ актѣ могутъ быть установлены принципы, глубоко насъ затрогивающіе, то для насъ составляетъ большое счастье, что переговоры эти находятся подъ покровительствомъ монарха, который, выходя за узкіе предѣлы отдѣльной націи, возьметъ подъ защиту своей справедливости права отсутствующихъ и неимѣющихъ представительства.

„Мѣропріятія, направленныя къ прогрессу и благосостоянію націи, могутъ быть предпринимаемы отъ времени до времени лишь благодаря счастливому стеченію добрыхъ характеровъ и благопріятныхъ обстоятельствъ. Если настоящій случай будетъ благопріятенъ, я увѣренъ, что характеръ вашего величества не будетъ препятствіемъ къ тому, чтобы міръ воспользовался этимъ. Да станетъ жизнь ваша, благодаря памяти о подобныхъ услугахъ, эпохой въ исторіи улучшенія положенія человѣчества и да воздастъ вамъ Тотъ, который былъ ея творцомъ для блага человѣческой семьи, долгіе дни и успѣхъ и да хранитъ васъ всегда въ своемъ святомъ попеченіи".

Изъ письма Джефферсона къ Гаррису [1]), писаннаго днемъ раньше (18 апрѣля) 1806 г., мы узнаемъ, что какой-то бюстъ (вѣроятно, его

[1]) Американскому консулу въ Петербургѣ.

собственный) былъ переслань Александромъ Джефферсону. Послѣднiй пишетъ, что принимаетъ его изъ уваженiя къ Александру, вопреки своему правилу—не принимать никакихъ подарковъ. Въ этомъ же письмѣ онъ добавляетъ:

„Незадолго передъ смертью докторъ Пристлей увѣдомилъ меня о томъ, что изъ источника, вполнѣ заслуживающаго довѣрiя, онъ получилъ извѣстiе, что императоръ желалъ бы ознакомиться съ нашей конституцiей. Въ виду этого я избралъ два лучшiя сочиненiя, которыя мы имѣемъ по этому предмету, для которыхъ прошу васъ попросить мѣста въ его библiотекѣ“.

Книги эти были переданы Александру при слѣдующемъ письмѣ Гарриса къ Бутбергу, министру иностранныхъ дѣлъ, помѣченномъ 4 августа 1806 г.:

„Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, узнавъ, что его и. в. желаетъ познакомиться съ американской конституцiей въ ея подробностяхъ, сдѣлалъ выборъ лучшихъ сочиненiй, имѣющихся у насъ по этому предмету и поручилъ мнѣ передать ихъ отъ своего имени его и. в. съ просьбою дать имъ мѣсто въ своей библiотекѣ.

„Быть можетъ, они слишкомъ объемисты и будутъ требовать слишкомъ большого труда для ознакомленiя со всѣми ихъ подробностями; но очень легко можно будетъ сдѣлать изъ нихъ извлеченiя, сопоставляющiя важнѣйшiе пункты, которыхъ чтенiе не представитъ ничего утомительнаго для его и. величества.

„Соблаговолите принять ихъ для императора, а вмѣстѣ съ тѣмъ выраженiя моего глубокаго уваженiя“ и т. д.

Сообщая объ этомъ Джефферсону, Гаррисъ добавляетъ, что вмѣстѣ съ своимъ письмомъ посылаетъ письмо Александра къ Джефферсону.

Это былъ отвѣтъ на вышеприведенное письмо Джефферсона, писанный Александромъ собственноручно на французскомъ языкѣ [1]).

Александръ къ Джефферсону.

„Господинъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ Америки.

„Г. Гаррисъ сообщилъ мнѣ письмо, которое вы ему поручили для меня, а также интересныя сочиненiя о конституцiи вашей страны, высланныя одновременно. Я спѣшу выразить вамъ наскоро черезъ курьера, посылаемаго вамъ г. Гаррисомъ, всю чувствительность, съ которою я получилъ эти новыя доказательства вашей дружбы. Вы высказали обо мнѣ сужденiе [2]), которымъ я чувствую себя дѣйствительно польщеннымъ,— доказывая посылкой этихъ сочиненiй, касающихся вашей страны, что вамъ извѣстно, какой интересъ она во мнѣ возбуждаетъ. Если бы это

---

[1]) Письмо Джефферсона писано было по-англiйски.

[2]) „Vous m'avez rendu une justice“—буквально: вы отдали мнѣ должное.

чтеніе могло его увеличить, оно бы лишь удвоило удовольствіе, съ какимъ я вижу, что ея счастье ввѣрено вашему патріотизму и вашей мудрости, а также мои горячія желанія объ ея неизмѣнномъ благоденствіи.

„Я не упоминалъ вамъ еще о вашемъ письмѣ. Я началъ съ благодарности за ваши книги, чтобы имѣть возможность высказать вамъ затѣмъ безъ перерыва, какой радостью наполнили меня выраженныя въ этомъ письмѣ чувства и лестное обо мнѣ мнѣніе, которое оно заключаетъ. Мнѣ очень пріятно присоединить къ свидѣтельству моей совѣсти то сужденіе, которое вы выражаете о моихъ намѣреніяхъ, а чувство это должно вамъ служить гарантіей, что намѣренія эти никогда не измѣнятся. Если они будутъ увѣнчаны успѣхомъ, къ которому стремятся всѣ мои усилія, то ваше мнѣніе будетъ одной изъ наградъ, ожидаемыхъ мною; ибо нація, во главѣ которой вы находитесь, будетъ также пользоваться благами, вытекающими изъ нихъ. Я не имѣю иллюзій относительно размѣровъ препятствій, стоящихъ на пути къ возстановленію порядка вещей, согласнаго съ общимъ благомъ всѣхъ цивилизованныхъ націй и солидно гарантированнаго противъ усилій честолюбія и жадности. Но цѣль эта слишкомъ прекрасна и слишкомъ дорога моему сердцу, чтобы затрудненія, стоящія на ея пути, могли оттолкнуть меня отъ нея. Въ сужденіи, которое высказываете вы о моихъ взглядахъ, я нахожу могущественную поддержку моимъ усиліямъ, а ваши письма тѣмъ болѣе дороги для меня, вслѣдствіе этого и я не могу выразить вамъ лучше удовольствія, съ какимъ я ихъ получаю, какъ прося объ ихъ продолженіи. На семъ кончая, я прошу Бога, г. президентъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, чтобы Онъ имѣлъ васъ въ своемъ святомъ и достойномъ попеченіи.

Александръ".

„С.-Петербургъ, 10 августа 1806 г." [1]).

Въ письмѣ, сопровождающемъ этотъ отвѣтъ, Гаррисъ пишетъ, что вручилъ императору лично письмо Джефферсона и сообщилъ ему о пересылкѣ книгъ. Изъ этого же письма мы видимъ, что Джефферсонъ собираетъ сочиненія, касающіяся Россіи, ея природы и торговыхъ сношеній. Гаррисъ пишетъ, что не могъ достать сочиненія Палласа (описаніе Сибири), но что посылаетъ ему сочиненія: Румянцова „Tableau du commerce de la Russie 1802—4 гг." и Потоцкаго „L'Histoire ancienne des provinces de l'empire de Russie" [2]).

Изъ помѣтки рукой Джефферсона на оборотѣ письма императора видно, что оно было получено 19 ноября 1808 г. На немъ, какъ ка-

1) Рукописи Джефферсона, серія 2, томъ 2, № 12.

2) Рукописи Джефферсона, серія 2, томъ 42, № 4—5.

жется, прервалась переписка между этими двумя главами государствъ. 4 марта 1809 года окончилась вторая президентура Джефферсона, что естественнымъ образомъ устраняло условія для дальнѣйшихъ непосредственныхъ сношеній.

Это событіе дало, однако, поводъ къ выраженію чувствъ со стороны Александра, хотя и не непосредственно.

Извѣстіе объ отказѣ Джефферсона выставить вновь свою кандидатуру дошло до Петербурга уже въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года, и американскій посланникъ, Гаррисъ, въ письмѣ, помѣченномъ 12 (24) іюля 1807 г., пишетъ къ Джефферсону, что министры выражали ему соболѣзнованіе по этому поводу и что ему переданы были слѣдующія слова Александра: „Я узнаю съ большимъ сожалѣніемъ о рѣшеніи, принятомъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, покинуть эту должность. Уваженіе, которое онъ пріобрѣлъ у всѣхъ кабинетовъ Европы, заставляетъ меня особенно желать, чтобы управленіе его было продолжено, а мое личное къ нему уваженіе склоняетъ меня къ желанію, чтобы оно продолжилось такъ же долго, какъ и мое“ [1]).

На эту любезность отвѣтилъ Джефферсонъ равнымъ образомъ черезъ Гарриса, въ письмѣ, помѣченномъ 3 августа 1807 г. изъ Монтиселло, частнаго имѣнія своего въ Виргиніи:

„Я очень польщенъ,—пишетъ въ этомъ письмѣ Джефферсонъ,—замѣчаніемъ императора. Я дѣйствовалъ на скромномъ поприщѣ, стремясь къ миру и предоставляя трудолюбію всѣ его пріобрѣтенія; императоръ направлялъ судьбы міра и, я убѣжденъ въ томъ, улучшилъ ихъ настолько, насколько менѣе добродѣтельные сотрудники позволили это сдѣлать. Онъ молодъ, способенъ, добръ и имѣетъ еще долгіе годы передъ собою, чтобы заслужить отъ потомства горячую благодарность небу за то, что жилъ подобный правитель“.

Этимъ закончились непосредственныя сношенія Александра и Джефферсона. Долгое время спустя оба они сохраняли другъ о другѣ самое высокое мнѣніе. Въ 1817 г. Гаррисъ, покидая постъ посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, передавалъ Джефферсону, что Александръ во время прощальной аудіенціи много говорилъ о своемъ глубокомъ уваженіи къ возвышенному характеру Джефферсона. Съ своей стороны и Джефферсонъ еще въ 1818 г. высказывалъ Гаррису, какъ высоко ставитъ онъ Александра I, какъ умиротворителя Европы. Но уже послѣ лайбахскаго конгресса въ отзывахъ Джефферсона начинаютъ звучать иныя ноты. 12 декабря 1818 г. Джефферсонъ пишетъ Гаррису:

„Я опасаюсь, что нашъ прежній любимецъ Александръ уклонился

---

[1]) Рукописи Джефферсона, серія 2, т. 45, № 80.

отъ истинной вѣры. Его участіе въ мнимо-священномъ союзѣ, антинаціональные принципы, высказанные имъ отдѣльно, его положеніе во главѣ союза, стремящагося приковать человѣчество на вѣчныя времена къ угнетеніямъ, свойственнымъ самимъ варварскимъ эпохамъ—все это кладетъ тѣни на его характеръ, которыя не легко будетъ устранить. Но это все задачи для болѣе молодыхъ умовъ, чѣмъ мой. Вы увидите ихъ рѣшеніе и сообщите мнѣ о немъ въ иномъ мірѣ“ [1]).

Еще болѣе грустныя размышленія вызываетъ поведеніе Александра въ это время въ умѣ Лагарпа. 26 октября 1824 года Лагарпъ писалъ къ Стапферсу:

„Я обольщался надеждой, что воспиталъ Марка Аврелія для 50-ти милліоновъ населенія и въ теченіе лучшихъ двѣнадцати лѣтъ своей жизни я отрекся отъ всякихъ другихъ занятій. Я имѣлъ, правда, послѣ того минутную радость высокаго достоинства, но она исчезла безвозвратно и бездонная пропасть поглотила плоды моихъ трудовъ со всѣми моими надеждами“ [2]).

Этотъ вопль отчаянія вырвался у Лагарпа лишь въ послѣдній годъ царствованія Александра. До того времени Лагарпъ не переставалъ вѣрить и надѣяться, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя его письма къ тому же другу, находящіяся въ той же коллекціи.

Въ концѣ царствованія Александра интересъ его къ федералистическимъ началамъ нашелъ свое выраженіе въ конституціи, данной въ 1815 г. возстановленному Царству Польскому и въ проектѣ конституціи для россійской имперіи, составленномъ Новосильцевымъ [3]). Этотъ проектъ былъ одобренъ Александромъ въ октябрѣ 1819 г., а въ 1820 г. Новосильцевымъ былъ заготовленъ и манифестъ о введеніи его въ дѣйствіе. Не трудно установить въ новосильцевскомъ проектѣ рядъ самыхъ близкихъ заимствованій изъ польской конституціи 1815 г. Ярко выражена въ этомъ проектѣ и заимствованная изъ Америки федералистическая основа государственнаго устройства. Однако, какъ идея народнаго представительства, такъ и идея федераціи проведены въ этомъ проектѣ въ искаженной формѣ и переплетаются съ автократической и централистической традиціей.

Проектъ Новосильцева напоминаетъ въ концѣ-концовъ тѣ модели perpetuum mobile, изобрѣтаемыя невѣжественными самоучками, которыя на дѣлѣ оказываются неспособными не только къ вѣчному, но и вообще къ какому-либо движенію.

---

[1]) Рукописи Джефферсона, серія 2, т. 45, № 89.

[2]) „Le gouverneur d'un prince“ (Frid. Cesar Laharpe) (безымянно). Лозанна, 1902 г., стр. 170.

[3]) *Шильдеръ:* „Александръ I и его царствованіе“. Т. 4. Приложеніе.

Составляя свой проектъ, Новосильцевъ въ то же время выработалъ проектъ закона объ отмѣнѣ польской конституціи 1815 г. и о распространеніи на Польшу новой общеимперской конституціонной хартіи [1]). Такъ, вопреки обѣщанію распространить на всю Россію блага польской конституціи,—въ 20-хъ годахъ разрабатывался обратный планъ о подчиненіи Польши той конституціи, которая подготовлялась Новосильцевымъ для всей Россіи и въ которой начала федерализма и народнаго представительства не нашли себѣ настоящаго выраженія.

В. М. Козловскій.

---

[1]) *Askenazy:* „Rosya-Polska 1815—30". Львовъ, 1907 г., стр. 188.

Современная Францiя въ изображенiи романиста-мыслителя.

Ромэнъ Ролланъ: „Jean Christophe à Paris“, „La Foire sur la Plau“—1 vol., „Dans la maison“—1 vol.

I.

Давно уже въ интеллектуальной жизни Францiи не было такого событiя, какъ появленiе послѣднихъ романовъ Ромэнъ Роллана. Правда, оно прошло до сихъ поръ мало замѣченнымъ. Не принадлежа ни къ какому чисто литературному кружку, начавъ совершенно самобытнымъ образомъ съ попытокъ воскрешенiя исторiи въ драматической формѣ наподобiе шекспировскихъ трагедiй, отдавшись затѣмъ исторiи музыки въ связи съ другими формами умственнаго и художественнаго творчества, онъ шелъ слишкомъ своеобразною стезею, чтобы быть сразу понятымъ и оцѣненнымъ [1]). Поэтому, когда онъ пришелъ къ повѣствовательной формѣ и началъ, съ 1904 года, печатанiе своего „Жанъ-Кристофа“, не только читающая публика, но и критика осталась въ недоумѣнiи: что это—романъ? автобiографiя? историческiй этюдъ? Герой его—типъ современнаго Бетховена—непонятый генiй съ титанической силой духа и дѣтски-нѣжной впечатлительностью, жилъ не только собственной, индивидуальной жизнью: онъ переживалъ на себѣ все, что характеризуетъ общественную жизнь, сначала у себя на родинѣ, въ прирейнскомъ городкѣ Германiи, а затѣмъ въ мiровомъ центрѣ, въ Парижѣ. Съ точки зрѣнiя литературной формы тутъ есть дѣйствительно и неопредѣленность и недостатки. Какъ романъ, „Жанъ-Кристофъ“ страдаетъ безспорно излишней растянутостью. Не будучи еще доведенъ до конца, онъ представляетъ уже семь книжекъ. Въ отдѣльныхъ частяхъ чувствуется нѣкоторая искусственность: авторъ какъ бы нарочно сталкиваетъ своего героя съ раз-

---

[1]) О Ромэнѣ Ролланѣ, какъ драматургѣ, и о его книгѣ о народномъ театрѣ см. статью В. Я. Брюсова, *Русская Мысль*, 1909 г., кн. V. *Прим. ред.*

ными типами женщинъ, а затѣмъ заставляетъ дефилировать передъ нимъ различные круги общества. Но всѣ эти внѣшніе недостатки стушевываются передъ силою отдѣльныхъ картинъ и смѣлостью произносимыхъ имъ сужденій. Тутъ открывается та истина жизни, которая въ нашъ вѣкъ мѣняется очень быстро и которую, по отношенію къ настоящему моменту, никто еще не обнажалъ такъ смѣло, какъ РомэнъРолланъ.

Весь романъ дѣлится на двѣ части. Первая, озаглавленная просто „Жанъ-Кристофъ“, состоитъ изъ четырехъ томовъ: „Заря“, „Утро“, „Юноша“ и „Возмущеніе“, и повѣствуетъ исторію первыхъ лѣтъ героя, пробужденіе его музыкальнаго генія и жизнь въ Германіи до того почти фатальнаго столкновенія съ обществомъ и властями, которое заставляетъ его бѣжать на чужбину. Какъ романъ, она представляетъ безспорный интересъ, во-первыхъ, созданіемъ чрезвычайно живого и цѣльнаго типа, во-вторыхъ, попыткою передать развитіе личности, начиная съ первыхъ полусознательныхъ ощущеній, наконецъ, изображеніемъ нѣмецкой провинціи, въ которомъ авторъ обнаруживаетъ поразительное для Франціи знакомство съ Германіей и рѣдкое по своему безпристрастію и критическому смыслу отношеніе къ ней. Тѣмъ не менѣе интересъ этой первой части значительно уступаетъ второй, въ которой онъ переноситъ своего героя во Францію. Какъ ни проницательно, какъ ни правдиво его сужденіе о Германіи, оно не можетъ сравниться съ психологической глубиною и смѣлостью тѣхъ картинъ, которыя онъ открываетъ во Франціи. Тутъ мы находимъ матеріалы психологическаго и соціологическаго характера, передъ которыми самый романъ отступаетъ на второе мѣсто. Можно смѣло утверждать, что никогда еще французъ не говорилъ о своей странѣ съ такою силою самоанализа и самобичеванія, а если прибавить къ этому безспорный талантъ, умѣніе схватывать всѣ характерныя черты, соединяя ихъ въ сжатые, но рельефные образы, и въ то же время глубокій, искренній патріотизмъ, стремящійся найти подъ этой сатирой опредѣленный, положительный синтезъ,—то станетъ яснымъ, какой исключительный интересъ представляетъ эта вторая часть для всякаго интересующагося современной Франціей. Въ настоящемъ видѣ она представляетъ изъ себя три книжки, объединенныя общимъ названіемъ—„Жанъ-Кристофъ въ Парижѣ“: „Базаръ на площади“, „Антуанетта“ и „Въ домѣ“. „Антуанетта“—это эпизодъ, примыкающій всецѣло къ роману, къ исторіи любовныхъ увлеченій Жанъ-Кристофа, которыхъ мы не будемъ касаться. Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду выдвинуть лишь то, что представляетъ общественно-политическій интересъ, что даетъ намъ понятіе о современной Франціи. Съ этой точки зрѣнія первая и третья книжки „Жанъ-Кристофа въ Парижѣ“ представляютъ яркій антитезисъ. Самыя названія подобраны чрезвычайно удачно. „Базаръ на площади“—это общественная жизнь, „struggle for life“, то, что бросается въ глаза

извнѣ, снаружи. „Въ домѣ"—это внутренняя жизнь націи, которая сначала ускользаетъ отъ взора наблюдателя, это—семья, работа, внутреннее міросозерцаніе, существенное дополненіе первой и необходимый элементъ для учета ея будущаго.

Попытка Ромэнъ Роллана напоминаетъ замыселъ Гоголя въ „Мертвыхъ душахъ": дать сначала отрицательную картину, вывести наружу всѣ недостатки современнаго общества, а затѣмъ намѣтить внутренній, положительный синтезъ національнаго характера; но она отличается своимъ выполненіемъ настолько же, насколько современный французъ отличается отъ широкой натуры поэта-славянина. „Нація химиковъ", говоритъ въ одномъ мѣстѣ Ромэнъ Ролланъ про французовъ, намекая на свойственную имъ черту мелкаго, сухого, точнаго анализа. Соотвѣтственно съ этимъ и картины Ромэнъ Роллана написаны не сочными масляными красками, а точно выгравлены на стали рукою Ропса или Бёрдслея, талантъ которыхъ нуждается въ глубокомъ пониманіи и многихъ комментаріяхъ. Вотъ почему я считаю возможнымъ, ничуть не затрагивая интереса самаго романа, выдѣлить эти картины, и увѣренъ, что при детальномъ, внимательномъ разсмотрѣніи онѣ представятъ исключительный интересъ,—интересъ творчества, синтетизирующаго жизнь Франціи въ ея новыхъ и еще неуловленныхъ проявленіяхъ.

Но для того, чтобы понять ихъ, надо всетаки познакомиться съ самимъ наблюдателемъ. Кто такой самъ Жанъ-Кристофъ? Жанъ-Кристофъ, какъ я уже сказалъ—типъ современнаго Бетховена по силѣ своего музыкальнаго чувства. Сынъ и внукъ музыкантовъ изъ придворнаго оркестра маленькаго прирейнскаго герцогства, онъ соединяетъ въ себѣ атавизмъ музыкальной силы съ свѣжестью молодой и сильной расы. Эта послѣдняя черта особенно интересна для насъ, потому что она опредѣляетъ его отношеніе къ окружающему міру. Благодаря ей гармонія звуковъ, наполняя его существо, не повергаетъ его въ тѣ или иные эксцессы, а лишь удваиваетъ его силы, поднимаетъ его надъ толпой. Она поднимаетъ его въ двоякомъ смыслѣ: сообщая ему непреодолимую энергію—среди самыхъ тяжелыхъ невзгодъ—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно широкій, гуманный взглядъ на вещи. Кристофъ—прежде всего сынъ могучей германской расы. Онъ инстинктивно симпатизируетъ всякому проявленію здоровой, сильной личности, отвергая съ одинаковымъ презрѣніемъ и унижающій ее порокъ и лицемѣрныя узы, накладываемыя на нее обществомъ. Его мораль—мораль здоровья и гармоническаго развитія личности. Отсюда понятно, насколько онъ является свободнымъ отъ предразсудковъ и интереснымъ наблюдателемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно себѣ представить, въ какой конфликтъ онъ попадаетъ съ нѣмецкимъ провинціальнымъ обществомъ. Шагъ за шагомъ онъ возстановляетъ противъ себя буржуазные круги, музыкальную публику, прессу и, на-

конецъ, даже своего покровителя—герцога, такъ что когда съ нимъ случается бѣда—столкновеніе съ солдатами, грозящее судомъ и тюрьмою, ему дѣйствительно остается лишь одно—бѣжать.

Скажемъ еще въ дополненіе этой характеристики, что Кристофъ, несмотря на свою моральную силу и религіозныя убѣжденія, далеко не святоша. Онъ допускаетъ всѣ увлеченія, разъ они искренни, и самъ неоднократно увлекается свободною любовью. Это надо имѣть въ виду, чтобы понять тѣ ощущенія, которыя ждутъ его въ Парижѣ.

II.

Первое же впечатлѣніе его пріѣзда въ Парижъ поражаетъ своимъ захватывающимъ реализмомъ. Выбравъ одинъ изъ грязныхъ, подозрительныхъ отелей, которые окружаютъ станцію восточной ж. д. со всѣхъ сторонъ, и почувствовавъ себя сразу задыхающимся въ атмосферѣ темнаго, узкаго какъ колодезь двора, Жанъ-Кристофъ сложилъ свои скромные пожитки и поспѣшилъ выйти на улицу. „Густой октябрьскій туманъ хваталъ сразу за горло и отдавалъ тѣмъ приторнымъ запахомъ Парижа, въ которомъ смѣшиваются испаренія пригородныхъ фабрикъ съ тяжелымъ дыханіемъ города. На разстояніи десяти шаговъ нельзя было ничего видѣть. Свѣтъ газовыхъ фонарей дрожалъ какъ свѣча, которая вотъ-вотъ потухнетъ. Въ этомъ полумракѣ двигалась толпа двумя встрѣчными волнами. Въ серединѣ поминутно скрещивались экипажи, прерывая и задерживая движеніе. Лошади скользили въ мерзлой грязи. Ругательства кучеровъ, свистки и звонки трамваевъ производили оглушительный шумъ. Этотъ шумъ, это движеніе, этотъ запахъ ударили Кристофу въ голову и сердце. Онъ остановился на минуту, но почувствовалъ тотчасъ, что его толкали сзади, и былъ моментально увлеченъ теченіемъ. Онъ шелъ по Страсбургскому бульвару, не различая ничего, наталкиваясь на прохожихъ. Съ самаго утра у него не было ничего во рту. Кафе, которые попадались на каждомъ шагу, пугали и отталкивали его своей публикой. Онъ обратился было къ городовому, но такъ медленно подыскивалъ слова, что послѣдній не сталъ даже его слушать и, пожавъ плечами, отвернулся. Кристофъ пошелъ машинально далѣе.

„Передъ однимъ изъ магазиновъ толпились люди, и онъ остановился вмѣстѣ съ толпою. Это былъ магазинъ фотографій и открытокъ: онѣ изображали дѣвицъ въ рубашкахъ и безъ оныхъ; иллюстрированные журналы пестрѣли безстыдными шутками. Дѣти, молодыя женщины разсматривали все это совершенно спокойно. Какая-то худая дѣвица съ рыжими волосами, замѣтивъ Кристофа, обратилась къ нему съ предложеніемъ. Онъ смотрѣлъ на нее, не понимая; тогда она взяла его подъ руку съ глупой улыбкой. Кристофъ покраснѣлъ отъ досады, выдернулъ руку и пошелъ

далѣе. Кафе-шантаны слѣдовали одинъ за другимъ; у входа красовались громадныя афиши, на которыхъ паясничали актеры и актрисы. Толпа становилась все гуще. Кристофъ былъ пораженъ количествомъ попадавшихся среди нея преступныхъ типовъ, подозрительныхъ бродягъ, оборванцевъ, дѣвокъ съ намазанными лицами и приторнымъ запахомъ дешевыхъ духовъ. Онъ чувствовалъ себя обледенѣлымъ. Усталость, слабость и какое-то ужасное отвращеніе вызывали въ немъ головокруженіе. Онъ стиснулъ зубы и пошелъ быстрѣе. По мѣрѣ приближенія къ Сенѣ туманъ становился все гуще, масса экипажей все неприступнѣе. Одна изъ лошадей поскользнулась, упала набокъ; кучеръ началъ ее бить бичомъ, не сходя съ козелъ; несчастное животное дѣлало усиліе, чтобы подняться, но, будучи стянуто постромками, падало снова, какъ убитое. Это банальное зрѣлище явилось для Кристофа каплею, которая переполнила его душу. Конвульсіи этого несчастнаго созданія среди равнодушныхъ взоровъ толпы дали ему почувствовать съ такою силою свое собственное ничтожество, а отвращеніе, которое онъ тщетно пытался подавить въ себѣ къ этому людскому стаду, къ этой изгаженной атмосферѣ, къ этому враждебному для него міру, поднялось снова съ такимъ напоромъ, что онъ едва не задохнулся. Къ горлу подступили рыданія. Прохожіе смотрѣли съ изумленіемъ на этого высокаго малаго, съ лицомъ, искаженнымъ отъ боли, а онъ шелъ все дальше быстрыми шагами, не пытаясь даже удерживать слезъ, которыя текли по щекамъ".

Эта картина поражаетъ своей глубокой жизненною правдой. Такова, дѣйствительно, оборотная сторона Парижа, которая мелькаетъ лишь минутнымъ видѣніемъ передъ пріѣзжими, уносящимися прямо съ вокзала въ роскошные кварталы центра, для большинства же, для рабочей массы, представляетъ повседневную реальность, ту цѣну жизни, которой покупается роскошь и вкусъ міровой столицы.

Но это первое разочарованіе ничуть не подорвало энергіи молодого Кристофа. Его поддерживала сила молодой, здоровой расы и вѣра въ собственный геній. На другой же день онъ пустился на поиски двухъ единственныхъ людей, которыхъ зналъ въ милліонномъ населеніи Парижа, двухъ соотечественниковъ: Динера, который былъ когда-то однимъ изъ первыхъ друзей его дѣтства, и Сильвэна Кона, бывшаго товарища по школѣ. И вотъ вслѣдъ за первой уличной фреской развертываются передъ читателемъ двѣ маленькія картины дѣлового Парижа. Динеръ—прежній скромный, сантиментальный Динеръ—оказывается тучнымъ и важнымъ ассосье владѣльца суконной лавки. Онъ пытается отдѣлаться отъ Кристофа, предложивъ ему пятьдесятъ франковъ, которые послѣдній съ негодованіемъ отвергаетъ, отвѣчая однимъ лишь словомъ: свинья! Съ Сильвэномъ Кономъ мы попадаемъ въ болѣе интересную среду, въ литературный міръ. Самъ онъ называется уже не Кономъ, а Гамильтономъ и,

несмотря на свое еврейско-нѣмецкое происхожденіе, оказывается хроникеромъ парижской моды и арбитромъ французскаго вкуса. Въ противоположность Динеру маленькій Конъ, который его постоянно дразнилъ и получалъ отъ него лишь затрещены въ школѣ, принимаетъ его съ распростертыми объятіями, чувствуя въ немъ будущую силу. Онъ разсыпается въ обѣщаніяхъ рекомендацій, уроковъ и т. п. Но отъ словъ до дѣла еще далеко. Кристофу пришлось немало поголодать, прежде чѣмъ Конъ оказалъ ему дѣйствительную помощь.

Я пропускаю полныя горечи и униженія сцены посѣщенія съ Коном издателя музыкальныхъ произведеній Гехта, жалкіе уроки музыки, которые ему пришлось давать въ семьѣ мясника, и всѣ перипетіи борьбы за существованіе въ чужомъ городѣ—для того, чтобы перейти сразу къ болѣе полному изображенію литературно-музыкальныхъ круговъ Парижа. Однажды Конъ взялъ его съ собою на литературный обѣдъ. „Они вошли въ одинъ изъ большихъ бульварныхъ ресторановъ, поднялись въ первый этажъ и оказались посреди цѣлой группы молодыхъ людей въ возрастѣ отъ двадцати до тридцати пяти лѣтъ, разговаривавшихъ съ большимъ оживленіемъ. Конъ представилъ его какъ бѣжавшаго изъ нѣмецкой тюрьмы, но они не обратили на него ни малѣйшаго вниманія и не прервали даже ни на минуту своего страстнаго спора, въ который Конъ тотчасъ же окунулся съ головой. Кристофъ, сконфуженный столь избраннымъ обществомъ, молчалъ и весь ушелъ въ слухъ. Онъ никакъ не могъ уловить, вслѣдствіе быстроты рѣчи, чтó за важные вопросы, очевидно, художественнаго характера, подлежали обсужденію. Какъ онъ ни напрягался, до него долетали лишь отдѣльныя странныя слова,—трёстъ, захватъ, пониженіе цѣнъ, цифра дохода,—перемежаясь съ другими, болѣе знакомыми—честь искусства, права писателя и т. д. Онъ понялъ, наконецъ, что споръ шелъ о коммерческихъ расчетахъ. Часть присутствовавшихъ, принадлежавшая къ одной издательской фирмѣ, возмущалась попытками создать другую, которая грозила имъ конкуренціей. Отпаденіе нѣкоторыхъ изъ ихъ компаньоновъ, перешедшихъ къ противнику, повергало ихъ въ бѣшенство. Они говорили чуть ли не о публичной казни измѣнниковъ. „Позоръ... предательство... продались“ такъ и сыпалось со всѣхъ сторонъ. Другіе не ограничивались нападками на живыхъ: они нападали также на покойниковъ, произведенія которыхъ, сдѣлавшись общественнымъ достояніемъ, загромождали рынокъ. Такъ, между прочимъ, ихъ возмущалъ Мюссе, сочиненія котораго, по ихъ словамъ, расходились въ слишкомъ большомъ числѣ. Они требовали энергичной протекціи, обложенія тяжелыми пошлинами шедевровъ прошлаго, которые, расходясь по дешевой цѣнѣ, создавали возмутительную конкуренцію произведеніямъ современныхъ писателей.

„Затѣмъ они вдругъ прервали другъ друга, интересуясь извѣстіемъ

о сборѣ, сдѣланномъ наканунѣ какою-то пьесою. Всѣ стали превозносить счастье одного изъ ветерановъ драматическаго искусства, котораго они презирали, но которому не могли не завидовать. Отъ доходовъ писателей они перешли къ заработку критиковъ и стали наперерывъ разсказывать объ одномъ изъ самыхъ видныхъ, который, получая по договору за каждое первое представленіе новой пьесы, по ихъ словамъ, устраивался такъ, чтобы своими похвалами ускорить ея провалъ и постановку новой. Этотъ разсказъ вызвалъ общій смѣхъ, но не удивилъ никого.

„Среди всего этого раздавались громкія фразы о „поэзіи", объ „искусствѣ для искусства", но онѣ звучали какъ „искусство для денегъ". Кристофъ былъ глубоко возмущенъ этими новыми для него нравами дѣльцовъ. Не понимая ничего въ деньгахъ, онъ пересталъ было слѣдить за нитью разговора, какъ вдругъ онъ услыхалъ имя Виктора Гюго и снова насторожился.

„Вопросъ заключался въ томъ, былъ ли онъ обманутъ женою?

„Они долго разсуждали о романѣ г-жи Гюго съ Сентъ-Бёвомъ, затѣмъ перешли къ любовникамъ Жоржъ-Зандъ, разбирая достоинства каждаго изъ нихъ. Это была одна изъ первыхъ задачъ литературной критики того времени. Покончивъ съ изслѣдованіемъ всей обстановки великихъ людей, перерывъ всѣ ихъ комоды и ящики, они принялись за альковы.

„Такъ называемая литературная критика старалась принять позу герцога Лозена—подъ кроватью г-жи де Монтеспанъ—и большинство участниковъ обѣда доказало, что оно было одержимо этой маніей. Они знали мельчайшіи подробности сценъ, которыя обыкновенно происходятъ безъ свидѣтелей, какъ будто дѣйствующія лица сами сообщили имъ эти свѣдѣнія...

„Кристофъ, чувствуя себя все болѣе и болѣе сконфуженнымъ, пытался заговорить о чемъ-нибудь другомъ со своими сосѣдями, но никто не хотѣлъ заниматься съ нимъ. Они, правда, обратились къ нему съ двумя-тремя вопросами о Германіи,—вопросами, которые обнаружили съ ихъ стороны поразительное невѣжество... но это было сдѣлано изъ любезности, а не изъ любознательности; любознательности у нихъ не было ни на грошъ, и едва разслышавъ его отвѣты, они тотчасъ же обращались снова къ занимавшимъ все остальное общество злобамъ дня парижской жизни".

Эти нравы дѣльцовъ, этотъ индиферентизмъ ко всему, что не соприкасается съ мѣстными, парижскими интересами, эта страсть къ скабрёзнымъ деталямъ схвачены поразительно вѣрно. Такъ, именно, встрѣчаетъ современная парижская интеллигенція всякаго свѣжаго человѣка, этими впечатлѣніями и создается сразу непроходимая пропасть тамъ, гдѣ можно было ожидать массу культурныхъ связей и симпатій. Но это лишь первое внѣшнее впечатлѣніе.

Вскорѣ послѣ того Кристофу удается проникнуть въ отдѣльные круги этой интеллигенціи. За недостаткомъ истинной дружбы ему помогаетъ въ этомъ тотъ интересъ, который внушаетъ его бросающееся въ глаза дарованіе. Такимъ образомъ, онъ привлекаетъ къ себѣ на-ряду съ Сильвэномъ Кономъ музыкальнаго критика Гужара, депутата-соціалиста Руссэна и богатую, космополитическую семью Стевенсовъ, которые, представляя изъ себя передовые элементы общества, бросаются съ жадностью на все новое, на все обѣщающее будущіе успѣхи. Благодаря имъ онъ знакомится съ музыкальнымъ міромъ, съ журнализмомъ, съ театромъ, съ свѣтскими и, наконецъ, съ политическими кругами Парижа, которые возстаютъ передъ читателемъ въ цѣломъ рядѣ не менѣе сильныхъ и талантливыхъ картинъ.

Что касается перваго—музыкальнаго міра—авторъ обрисовываетъ его съ той безусловной компетенціей, которая дала ему права на спеціальную каѳедру въ Сорбоннѣ по исторіи музыки, но вдается при этомъ въ детали, представляющія чисто музыкальный интересъ и выходящія изъ предѣловъ настоящей статьи. Въ этомъ отношеніи я могу лишь отослать читателей, интересующихся современной французской музыкой, къ тѣмъ главамъ, въ которыхъ онъ описываетъ симфоническіе концерты, тенденціи и задачи молодыхъ композиторовъ и общество, именуемое „Schola Cantorum".

Съ точки зрѣнія общей характеристики слѣдуетъ лишь подчеркнуть ту склонность къ формализму, къ преобладанію техники надъ чувствомъ, которая поражаетъ Кристофа какъ у композиторовъ, такъ и у критиковъ, и ту слабость темперамента, которая проявляется въ единственномъ, по его мнѣнію, цѣльномъ и оригинальномъ теченіи французской музыки—въ школѣ Дебюсси. Первые извели его своимъ педантизмомъ. „У нихъ никогда не было другого разговора, какъ о формѣ. О чувствѣ, о характерѣ, о жизни—ни слова. Ни одинъ изъ нихъ не подозрѣвалъ, что настоящій музыкантъ живетъ въ мірѣ звуковъ, какъ другіе въ мірѣ формъ, и что его дни текутъ какъ волны музыки. Музыка—въ воздухѣ, которымъ онъ дышитъ, въ небѣ, которое надъ нимъ разстилается. Природа отражается въ его душѣ въ формѣ музыки. Сама душа его не что иное, какъ музыка; музыка—все, что онъ любитъ или ненавидитъ, все, отъ чего онъ страдаетъ, на что надѣется или чего боится. Эта внутренняя музыка тысячу разъ богаче той, которая ее выражаетъ... У французовъ же, этой націи химиковъ, музыка, казалось, сводилась къ искусству комбинировать звуки". Единственное творчество, въ которомъ Кристофъ призналъ настоящее, оригинальное вдохновеніе, было творчество Дебюсси. Но съ какимъ слабымъ, утомленнымъ темпераментомъ! „Казалось, французскій композиторъ поставилъ себѣ задачею, чтобы всѣ самыя страстныя чувства были выражены вполголоса. Лю-

бовь, смерть—безъ малѣйшаго крика. Самыя глубокія душевныя драмы передавались чуть замѣтнымъ колебаніемъ мелодіи, чуть замѣтнымъ трепетомъ, который пробѣгалъ по оркестру... На протяженіи пяти актовъ, которые развертывались въ постоянныхъ сумеркахъ,—въ лѣсахъ, въ пещерахъ, въ подземельяхъ—боролись, бились и щебетали крохотныя заморскія птички". Кристофу, этому молодому здоровому тевтону, казалось, что „вотъ-вотъ раздастся громъ пушекъ, который покончитъ съ этой истощенной цивилизаціей, съ этимъ отблескомъ Греціи при послѣднемъ издыханіи".

Правда, авторъ прибавляетъ, что это лишь офиціальная, общепризнанная музыка и что отъ Кристофа должны были неминуемо ускользнуть тѣ настоящіе художники, которые живутъ въ одиночествѣ въ неизвѣстности, какъ жилъ Цезарь Франкъ, пока ихъ не откроетъ какой-нибудь журналистъ,—тѣмъ не менѣе нарисованная имъ картина очень живо характеризуетъ музыкальное настроеніе націи и, какъ мы увидимъ далѣе, вполнѣ гармонируетъ съ ея психологіей.

Отъ музыки мы переходимъ къ литературѣ. „Съ литературой Кристофъ познакомился, какъ и милліоны людей въ Европѣ, прежде всего при помощи газетъ. „Желая какъ можно скорѣе освоиться съ парижской мыслью, а въ то же время и усовершенствоваться въ языкѣ, онъ заставилъ себя читать ежедневно газеты, которыя ему назвали наиболѣе распространенными. Въ первый же день онъ прочелъ среди разныхъ происшествій, наполнявшихъ своими ужасными подробностями и фотографическими снимками нѣсколько страницъ, разсказъ про отца, который находился въ любовной связи съ своей пятнадцатилѣтней дочерью. Этотъ фактъ изображался какъ нѣчто вполнѣ понятное и даже трогательное. На второй день онъ прочелъ въ той же газетѣ про отца, который имѣлъ одну любовницу съ своимъ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ. На третій день—про брата, который находился въ связи съ сестрой. На четвертый—про двухъ сестеръ, которыя питали другъ къ другу противоестественныя чувства. На пятый... онъ бросилъ газету въ сторону съ отвращеніемъ и сказалъ Кону: „Что это значитъ? Мнѣ кажется, вы всѣ больные. „Послѣдній разсмѣялся въ отвѣтъ: „Ничуть,—сказалъ онъ,—въ этихъ разсказахъ много художественнаго". И онъ показалъ Кристофу цѣлую анкету по вопросу объ отношеніи искусства къ морали, изъ которой вытекало, что „любовь освящаетъ все", что „чувственность есть стимулъ искусства", что „искусство не можетъ быть безнравственнымъ" и что „страсть выше всего". Цѣлый рядъ писемъ удостовѣрялъ въ одной изъ газетъ художественный характеръ романа, изображавшій нравы сутенёровъ, и среди подписей были самыя извѣстныя имена, самые серьезные критики..."

Это тоже очень характерное явленіе, которое до сихъ поръ не было

освѣщено съ должной стороны. Эта чувственная фантазія представляетъ отличительную черту современной бульварной прессы. И черту, которая особенно развилась за послѣднее время. Въ Парижѣ есть распространеннѣйшія газеты, какъ, напримѣръ *Journal* и *Matin,* которыя не обходятся ни одного дня безъ скабрезнаго разсказа. Это входитъ въ меню читателя: или адюльтеръ, или любовный діалогъ, или просто игривая картинка. Быть можетъ, въ извѣстной мѣрѣ чувственность и нормальна, какъ естественное свойство южной, латинской расы; извѣстная игривость мысли также понятна, какъ природная веселость тона; но нельзя признать нормальнымъ, что пресса эксплоатируетъ и разжигаетъ эту склонность. А между тѣмъ это фактъ. Въ извѣстныхъ большихъ органахъ порнографія играетъ роль необходимой, ежедневной приправы, противовѣса серьезнымъ статьямъ. „Самое ужасное было видѣть, что порядочные люди и писатели, снискавшіе себѣ уже заслуженную извѣстность въ литературѣ, упражнялись въ этомъ ремеслѣ. Нѣкоторые изъ нихъ истощали свой мозгъ въ изобрѣтеніи пакостей, которыя газета продавала затѣмъ по кускамъ. Они высиживали это регулярно, въ опредѣленные дни, разъ или два въ недѣлю; и такъ годами. Они ломали себѣ голову, не зная болѣе, что сказать, что выдумать новаго, болѣе страннаго, болѣе оригинальнаго: потому что публика въ своемъ пресыщеніи находила приторными продукты самой развращенной фантазіи; она требовала новаго, вѣчно новаго, и они выбрасывали всю свою кровь, всѣ свои внутренности; это было жалкое и въ то же время карикатурное зрѣлище“.

Надо ли приводить примѣры? Надо ли цитировать имена? Достаточно указать на одного изъ самыхъ сильныхъ мыслителей нашего времени, Поля Адана (Paul Adam), который годами поставлялъ въ одну изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ такого рода разсказы. Въ дальнѣйшемъ авторъ сознается, что отъ Кристофа, какъ и отъ всякаго иностранца, должны были ускользнуть настоящія произведенія французскаго генія, которыя терялись среди массы книгъ и сопровождавшей ее шумной рекламы. До него едва лишь дошли нѣкоторые романы Анатоля Франса и Мориса Барреса. Но дѣло въ томъ, что въ такомъ же положеніи было большинство читателей. Универсальный скептицизмъ перваго и рафинированная эстетика второго были доступны лишь немногимъ не только за границей, но и въ самой Франціи. Для большинства же внѣ прессы существовала лишь безконечная эпопея адюльтера, которая поразила его своею „женственностью“.

„Съ этихъ равнинъ, затопленныхъ реализмомъ, поднимался специфическій запахъ—„odor di femina“. Литература была наводнена не только женщинами, но и женственными мужчинами. Нельзя не привѣтствовать женщинъ-писательницъ, когда онѣ описываютъ то, чего ни

одинъ мужчина не можетъ видѣть: глубину женской души. Но это дѣлали лишь немногія изъ нихъ; большею частью женщины писали для того, чтобы привлекать къ себѣ мужчинъ, и были столь же лживы въ своихъ книгахъ, какъ въ своихъ салонахъ; онѣ румянились и кокетничали съ читателемъ. Съ тѣхъ поръ какъ онѣ отказались отъ ханжества и отъ услугъ исповѣдника, онѣ стали исповѣдывать свои грѣшки публикѣ. И на послѣднюю полился цѣлый градъ романовъ, по большей части скабрёзныхъ, написанныхъ манернымъ, шепелявящимъ языкомъ, съ чрезмѣрнымъ количествомъ цвѣтовъ, духовъ,—то слишкомъ тонкихъ, а то и дешевыхъ—и того вѣчнаго, неотвязчиваго аромата любви, который становился приторнымъ, какъ сладкій и теплый напитокъ. Кристофъ думалъ, какъ Гёте: „Пусть женщины дѣлаютъ, что хотятъ, со своимъ писательствомъ, лишь бы мужчины не писали, какъ женщины“. И онъ не могъ смотрѣть безъ отвращенія на это манерничанье, на это сомнительное кокетство, на эту чувствительность, расточаемую по адресу людей, наименѣе достойныхъ сочувствія, на эту смѣсь утонченности и грубости, на этихъ ломовиковъ, которые пытались быть психологами“.

Посмотрите на витрины книжныхъ лавокъ, на количество женскихъ романовъ съ заманчивыми названіями въ жанрѣ Jane de la Vaudère, на количество молодыхъ романистовъ, трактующихъ о свѣтской и полусвѣтской любви съ слащавымъ изяществомъ René Maiseroy, загляните за рядъ новыхъ обложекъ, и вы поймете, какъ мѣтко схвачена въ этихъ строкахъ модная бульварная беллетристика.

Кристофъ сознавалъ, что онъ не можетъ быть хорошимъ судьею вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ языкомъ, но и французъ не могъ бы разобраться въ той массѣ книгъ, которая ежегодно выбрасывалась на рынокъ и на поверхности которой красовалась эта беллетристика. „Единственное, что оставалось, это впечатлѣніе, что всѣ писали: мужчины, женщины, дѣти, офицеры, актеры, свѣтскіе львы и даже каторжники. Это была настоящая эпидемія“.

III.

Потерявъ надежду разобраться въ литературѣ, Кристофъ обратился къ театру, и тутъ передъ нимъ открывается новая фреска. „Театръ занималъ въ Парижѣ огромное мѣсто. Это была какая-то чудовищная кухня, какой-то гигантскій ресторанъ, который едва успѣвалъ утолить аппетитъ двухъ милліоновъ обывателей. До тридцати большихъ театровъ—не считая театровъ отдаленныхъ кварталовъ, кафе-шантановъ и другихъ зрѣлищъ—играли каждый вечеръ и каждый вечеръ были полны... Парижъ гремѣлъ славою актеровъ. На каждомъ шагу безчисленныя фотографіи, рисунки и карикатуры повторяли ихъ жесты, граммофоны

воспроизводили ихъ голосъ, газеты—ихъ сужденія объ искусствѣ и политикѣ. У нихъ была своя спеціальная пресса. Они издавали свои мемуары въ героическомъ или фамильярномъ тонѣ. Среди другихъ парижанъ—вѣчныхъ дѣтей, проводящихъ жизнь въ фланированіи и обезьяньичаньи, эти настоящія обезьяны чувствовали себя царями; а драматурги были ихъ министрами".

Подъ руководствомъ Сильвэна Кона театръ представился ему съ той же рекламной, модной стороны, какъ и литература. „Среди этихъ торговцевъ развлеченіями было двѣ школы. Одна была добрая старая школа національнаго веселья, т.-е. сальныхъ исторій съ низкопробнымъ комизмомъ, съ казарменными шутками, съ мужчинами въ кальсонахъ, съ намеками на бискъ, на перецъ, на всякія пикантности,—однимъ словомъ, тотъ „откровенный реализмъ", въ которомъ, по увѣренію авторовъ, веселье совмѣщается съ моралью—потому, должно быть, что послѣ цѣлаго ряда случайностей жена оказывается въ кровати своего собственнаго мужа; мораль, которая охраняетъ бракъ, придавая ему характеръ адюльтера.

„Другая школа—„modern style"—была значительно утонченнѣе, но несмотря на это претила гораздо больше. Офранцузившіеся евреи и еврействующіе христіане, которыхъ такъ много среди драматурговъ, вносили въ нее своеобразную смѣсь чувствъ, которая характеризуетъ ихъ космополитизмъ. Эти сыновья, отрекшіеся отъ своихъ отцовъ, старались отречься и отъ традицій своей расы—и успѣвали въ этомъ какъ нельзя лучше. Скинувъ съ себя свой собственный атавизмъ, они легко могли играть умственными и нравственными цѣнностями другихъ расъ. Они дѣлали изъ нихъ какой-то маседуанъ, какую-то „olla podrida". Эти корифеи парижскихъ театровъ умѣли какъ нельзя лучше сбивать въ одинъ соусъ отвращеніе и симпатію, придавать добродѣтели ароматъ порока, пороку—ароматъ добродѣтели, извращать всѣ отношенія родства, пола и возраста. Они производили такимъ образомъ смѣсь, которая пахла въ то же время и хорошо, и дурно—и называли это „аморализмомъ".

Нельзя себѣ представить болѣе мѣткой и сильной сатиры на театръ послѣднихъ лѣтъ, чѣмъ та, которая заключается въ этихъ строкахъ. Вѣдь въ сущности оптимизмъ Капюса, остроуміе де-Флера и Кайовэ, утонченная психологія Ромэнъ Колюса представляютъ не что иное, какъ подобное смѣшеніе нравственныхъ началъ. На нихъ прямо и указываютъ дальнѣйшія строки. „Излюбленнымъ героемъ этихъ писателей былъ влюбленный старикъ. Онъ былъ представленъ въ ихъ театрѣ цѣлой галлереей портретовъ, въ которыхъ они находили возможнымъ открыть тысячу нюансовъ. То этотъ старикъ дѣлалъ собственную дочь повѣренной своихъ слабостей; онъ говорилъ ей про свою содержанку; она разсказывала ему про своихъ любовниковъ; они давали другъ другу

совѣты; добрый отецъ помогалъ дочери въ ея адюльтерахъ; добрая дочь выступала посредницей между отцомъ и кокоткой, уговаривая послѣднюю вернуться къ нему. То почтенный старецъ дѣлался самъ повѣреннымъ своей любовницы; онъ разговаривалъ съ нею про своихъ соперниковъ, довольствуясь, за неимѣніемъ лучшаго, разсказомъ объ ихъ оргіяхъ, доходя до того, что находилъ въ этомъ даже нѣкоторое наслажденіе. Въ другихъ пьесахъ джентльмены высшаго круга, потерявъ состояніе, поступали управляющими къ своимъ бывшимъ любовницамъ, завѣдывали ихъ связями и доходами; свѣтскія дамы оказывались воровками; мужчины—сводниками, барышни—лесбіанками. Все это въ лучшемъ обществѣ,—въ обществѣ богатыхъ людей, которое одно только и представляло интересъ, потому что позволяло подносить этотъ сомнительный товаръ въ роскошной обстановкѣ".

„Ихъ слогъ былъ не менѣе смѣшанъ, чѣмъ ихъ чувства. Они создали себѣ особый языкъ изъ подхваченныхъ ими словечекъ разныхъ классовъ и странъ; смѣсь прибаутокъ, миндальничанья, грубости и остроумія, которая отдавала какимъ-то иностраннымъ акцентомъ. При богатомъ запасѣ ироніи и юмора у нихъ не было природнаго ума, но они замѣчательно ловко создавали подобіе послѣдняго, которое въ Парижѣ сходитъ за чистую монету. Наблюдательность у нихъ была безспорная, но какая-то близорукая, какъ будто глаза ихъ были испорчены вѣковою работою за прилавкомъ; они разсматривали чувства въ лупу, преувеличивая ничтожныя детали, не замѣчая крупныхъ, останавливаясь съ любовью на внѣшности. И все это было направлено къ одному лишь: къ изображенію того, что имъ казалось идеаломъ элегантнаго общества, а именно кучки виверовъ и авантюристовъ, боровшихся за обладаніе награбленнымъ состояніемъ или продажной женщиной.

„Иногда, впрочемъ, настоящая натура этихъ писателей пробуждалась, вставала изъ глубины ихъ существа по поводу какого-нибудь слова или ощущенія. Тогда сквозь амальгаму вѣковъ и расъ проникалъ вихрь пустыни, наполнялъ парижскіе альковы отголоскомъ турецкихъ базаровъ, видѣніями жгучаго востока, какою-то бѣшеной чувственностью, которая грозила все уничтожить; она разражалась ругательствами, истерикою, конвульсіями, какъ Самсонъ послѣ вѣкового сидѣнія потрясалъ своды храма на себя самого и на своихъ враговъ".

Кто не узнаетъ въ этихъ словахъ намекъ на необузданную силу Бернштейна, которая представляетъ столь яркій контрастъ съ декадентскимъ оптимизмомъ другихъ драматурговъ? „Тутъ есть сила,—сказалъ Кристофъ своему компаньону,—но она воняетъ; покажи мнѣ что-нибудь другое".

Сильвэнъ Конъ повелъ его въ „Comédie Française", гдѣ давали одну изъ пьесъ современнаго репертуара. Но тутъ онъ почувствовалъ себя

совершенно оторваннымъ отъ жизни. „Съ начала до конца—впечатлѣніе часового механизма, математической задачи, сухой схемы съ искусственными, книжными фразами... Героиня пьесы, разведенная съ недостойнымъ ея мужемъ, отъ котораго она имѣетъ ребенка, вышла вторично замужъ за порядочнаго и любимаго ею человѣка. Задача въ томъ, чтобы доказать, что даже при такихъ условіяхъ разводъ недопустимъ и осужденъ самой природой. Это достигается какъ нельзя легче: авторъ устраивается такъ, чтобы первый мужъ снова, сюрпризомъ, овладѣлъ женою. А затѣмъ вмѣсто того, чтобы раскаяніе и стыдъ повергли ее къ ногамъ того, котораго она дѣйствительно любитъ, ею овладѣваетъ героическая, сверхъестественная добродѣтель, которая заставляетъ отказаться отъ обоихъ“. Такова дѣйствительно одна изъ пьесъ Эрвье—кажется, „Le Dédale“,—которую, впрочемъ, легко смѣшать съ другими—„Le Torrent“, „L'Enigme“ и т. д., представляющими такія же искусственныя психологическія проблемы. И Кристофъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ, во-первыхъ, что французскіе драматурги не умѣютъ обходиться съ добродѣтелью; они всегда пересаливаютъ, когда хотятъ вывести ее на сцену; во-вторыхъ, что дѣйствующія лица такъ же далеки отъ большинства публики, какъ герои Корнеля и Расина; развѣ не своего рода короли всѣ эти несчастные милліонеры, эти героини, обладающія по меньшей мѣрѣ особнякомъ въ Парижѣ и двумя-тремя „châteaux“ въ провинціи? Какъ будто для драматурговъ, какъ и для публики, богатство—тоже своего рода добродѣтель“.—„Нѣтъ, это не добродѣтель,—сказалъ Кристофъ,—а риторика“.

Несравненно выше былъ классическій репертуаръ, но, за исключеніемъ Мольера, послѣдній былъ ему совершенно недоступенъ. Кристофъ находилъ трагедію XVII вѣка „скучною, холодною, сухою, претящею своимъ манерничаньемъ и педантизмомъ“. Не будучи знакомъ съ исторіей французской литературы и языка, онъ не могъ оцѣнить того прогресса, который она осуществила въ смыслѣ простоты, изящества и вкуса въ обрисовкѣ чувствъ и характеровъ. Онъ не могъ оцѣнить также той связи, которая въ ней выражалась между цѣлымъ рядомъ поколѣній и которая дѣлала ее болѣе понятною любому буржуа XX вѣка, чѣмъ самыя универсальныя произведенія современныхъ ему иностранныхъ писателей. Но въ отношеніи къ ней зрителей и критики онъ увидѣлъ ту же узость взгляда, ту же оторванность отъ жизни, которая поразила его въ современномъ репертуарѣ этого театра. „Они не переставали безконечно обсуждать достоинства „Тартюфа“ или „Федры“. Они смотрѣли въ сотый разъ тѣ же пьесы, восторгались тѣми же словами, смѣялись тѣмъ же шуткамъ, которыя приводили ихъ въ восторгъ дѣтьми. Ни одна страна въ мірѣ не питала такого культа къ своимъ

предкамъ. Остальной же міръ оставлялъ ихъ совершенно равнодушными". На Кристофа это замкнутое въ себѣ искусство нагоняло сонъ.

Тогда Сильвэнъ Конъ предложилъ ему пойти въ театры особаго рода, представлявшіе уже не памятники стараго искусства и не широкіе пути современной драматургіи, а поиски новаго. „Тамъ можно было видѣть сцены убійства, насилія, сумасшествія, пытокъ, вырыванія глазъ, распарыванія животовъ—однимъ словомъ, все, что могло потрясти нервы и доставить удовлетвореніе скрытымъ инстинктамъ избранныхъ круговъ, достигшихъ уже гипертрофіи цивилизаціи".

Надо ли пояснять, что дѣло идетъ объ извѣстномъ парижскомъ театрѣ „Grand Guignol"? „Эти зрѣлища привлекали свѣтскихъ кавалеровъ и изящныхъ женщинъ,—тѣхъ самыхъ, которыя днемъ набивали залы суда, чтобы слѣдить за перипетіями скандальныхъ процессовъ, болтая, смѣясь и истребляя конфеты. Но Кристофъ отказался съ негодованіемъ. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ эти сферы, тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ запахъ, который съ первыхъ шаговъ схватилъ его за горло, а теперь становился все болѣе навязчивымъ, все болѣе удушливымъ: запахъ смерти.

Смерть... да, она скрывалась вездѣ подъ этой роскошью и подъ этимъ шумомъ. Кристофъ понималъ теперь отвращеніе, которое онъ сразу почувствовалъ къ нѣкоторымъ вещамъ. Его шокировала не безнравственность. Нравственность, безнравственность, нравственный индиферентизмъ—всѣ эти слова для него ничего не значили. Онъ не создавалъ себѣ никакихъ теорій нравственности; онъ любилъ въ прошломъ великихъ поэтовъ и великихъ музыкантовъ, которые далеко не были святыми; при встрѣчѣ съ крупнымъ художникомъ онъ не задавался вопросомъ, былъ ли тотъ у исповѣди, а спрашивалъ лишь одно: „здоровъ ли ты?" Быть здоровымъ—въ этомъ все дѣло. „Если поэтъ боленъ,—говорилъ Гёте,—пусть онъ сначала вылѣчится". Парижскіе литераторы представлялись ему больными... Ихъ болѣзнь выражалась не въ той или иной тенденціи ихъ искусства: не въ любви наслажденій, не въ крайней свободѣ мысли, не въ критикѣ, которая была готова переоцѣнивать всѣ цѣнности. Всѣ эти тенденціи могли быть—смотря по обстоятельствамъ—здоровыми или болѣзненными. Если въ нихъ чувствовалась смерть, то это происходило не отъ самихъ силъ, а отъ того, какъ ими пользовались люди, она была въ самихъ людяхъ. Кристофъ тоже любилъ наслажденія. Онъ тоже любилъ свободу. Онъ возбудилъ противъ себя общественное мнѣніе своего родного города тою откровенностью, съ которой онъ защищалъ идеи, проповѣдуемыя этими самыми парижанами; а въ устахъ парижанъ эти самыя идеи производили теперь на него отталкивающее впечатлѣніе. Это были тѣ же самыя идеи, но онѣ звучали не одинаково у парижанъ и у него. Когда Кристофъ въ своемъ нетер-

пѣніи сбрасывалъ авторитетъ великихъ людей прошлаго, когда онъ возставалъ противъ фарисейской эстетики и морали, это не была игра для него; онъ былъ серьезенъ, страшно серьезенъ; онъ возмущался, имѣлъ въ виду жизнь,—жизнь плодотворную, чреватую будущими вѣками. У этихъ же людей все было направлено къ безплодному, минутному наслажденію. Вотъ въ чемъ былъ ключъ загадки. Безплодная оргія мысли и чувствъ. Искусство, полное блеска, остроумія, техники; красивое по формѣ, благодаря традиціи красоты, которая еще удерживалась, несмотря на иностранные наносы; съ настоящимъ театромъ, съ настоящимъ стилемъ, съ авторами, которые знали свое дѣло, съ писателями, которые умѣли писать,—однимъ словомъ, весь остовъ искусства и мысли громадной силы. Но одинъ лишь остовъ, скелетъ. Слова звенѣли, фразы звучали, идеи скрещивались въ пространствѣ съ металлическимъ звукомъ лезвій, но все это остроуміе, вся эта насыщенная чувственностью фантазія, все это резонерство было направлено къ одной лишь цѣли—къ минутному эгоистическому наслажденію. Все это шло къ смерти. Это было такъ же ужасно, какъ то уменьшеніе во Франціи прироста населенія, которое Европа молча констатировала и, быть можетъ, уже учитывала. Весь этотъ умъ, вся эта утонченная культура растрачивалась въ какомъ-то позорномъ онанизмѣ".

Приговоръ страшный, но, по крайней мѣрѣ, поскольку онъ касается Парижа и верхнихъ, передовыхъ слоевъ націи, глубоко вѣрный. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что Ромэнъ Ролланъ не теряетъ надежды на дремлющія въ ней силы. Но это вопросъ будущаго. Что же касается настоящаго, того настоящаго, которое концентрируется въ жизни и творчествѣ ея столицы, оно не можетъ быть схвачено съ большею силой и вѣрностью. Безплодность,—это не простой символъ, за нимъ скрывается глубоко реальный смыслъ. Безплодность—въ смыслѣ отсутствія всякаго идеала, всякаго стремленія къ идеалу. Правда, есть еще исключенія, есть даже фанатики. Есть и фанатики католицизма и фанатики монархическаго идеала. Развѣ не фанатики пресловутые „камло короля", которые врываются въ Сорбонну, чтобы прервать лекціи Таламаса, обезображиваютъ статуи республиканскихъ дѣятелей и т. д.? Но ихъ все меньше, манифестаціи ихъ все уродливѣе, а кругомъ нихъ все болѣе захлестываетъ волна самаго мелочнаго практическаго индиферентизма. „Мы потушили огни на небѣ", сказалъ Вивіани въ одной изъ своихъ рѣчей по поводу отдѣленія церкви отъ государства. Къ сожалѣнію, онъ не могъ прибавить, что они перенесли эти огни на землю. Вотъ въ чемъ печаль и даже трагизмъ настоящаго положенія. Трагизмъ тѣмъ болѣе глубокій, что и соціальные идеалы теперь тухнутъ. Сто лѣтъ тому назадъ такимъ свѣточемъ была республика, идеалъ свободы, равенства и братства. Что осталось отъ этого идеала? Какое равенство, какое братство при существованіи эко-

номической борьбы? Новый идеалъ, идеалъ соціализма уже куда слабѣе прежняго! Оно обѣщаетъ уже не свободное братство, а лишь самое прозаическое обузданіе личныхъ интересовъ. И чѣмъ дальше идетъ французская демократія, тѣмъ болѣе стушевывается въ ней идеалъ человѣчества, тѣмъ сильнѣе проступаютъ черты узко-эгоистической буржуазіи. Оказывается, идеалъ не можетъ жить въ атмосферѣ однихъ лишь повседневныхъ интересовъ, а безъ него жизнь все болѣе и болѣе превращается въ мелкую борьбу страстей, въ поиски минутнаго, эгоистическаго наслажденія.

IV.

Впечатлѣніе, вынесенное Кристофомъ отъ литературы, еще укрѣплялось при знакомствѣ съ парижскимъ „свѣтомъ“. Тутъ это безплодное жуирство воплощалось нагляднымъ образомъ въ женщинѣ. По мѣрѣ того, какъ Кристофъ присматривался къ парижской жизни, ему становилось все яснѣе, что женщина занимала въ ней какое-то „абсурдное, преувеличенное до крайности мѣсто“. „Она уже не довольствовалась тѣмъ, чтобы быть подругой мужчины, ни даже равноправіемъ съ нимъ. Ей хотѣлось, чтобы ея наслажденіе было первымъ закономъ для него, какъ и для нея. И мужчина подчинялся этому закону. Когда народъ начинаетъ старѣть, онъ отдаетъ свою волю, свою вѣру, весь смыслъ своей жизни въ руки той, которая доставляетъ ему наслажденіе... „Вѣчно женственное“ начало во всѣ эпохи проявляло экзальтирующее вліяніе на лучшихъ; но для толпы и въ періоды утомленія общества проявляется другая „женственность“, столь же вѣчная, которая тянетъ ихъ внизъ. Эта „женственность“ была владычицей парижской мысли, настоящей королевой республики“.

Этого мужчину, сосредоточеннаго на добываніи денегъ, и женщину, поглощенную одной лишь заботой—нравиться и покорять, можно встрѣтить въ Парижѣ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, но болѣе всего въ салонахъ плутократіи. Сильвэнъ Конъ ввелъ его въ нѣкоторые изъ этихъ салоновъ, гдѣ онъ былъ принятъ съ интересомъ, который вызываетъ у этихъ людей всякая сильная личность. „Кристофъ встрѣчалъ тамъ за столомъ финансистовъ, инженеровъ, издателей газетъ, международныхъ маклеровъ, колоніальныхъ дѣятелей, напоминавшихъ прежнихъ рабовладѣльцевъ,—однимъ словомъ, дѣльцовъ Третьей Республики. Они производили впечатлѣніе проницательныхъ и энергичныхъ людей, но глубоко равнодушныхъ ко всѣмъ другимъ; любезныхъ, но замкнутыхъ. Кристофу иногда казалось, что за этими лбами, въ прошломъ и въ будущемъ этихъ людей, сидящихъ среди цвѣтовъ, винъ и роскошныхъ обнаженныхъ плечъ, скрывались преступленія. Почти всѣ были

некрасивы. Но группа женщинъ—въ ансамблѣ и на извѣстномъ разстояніи—производила блестящее впечатлѣніе. Не надо было смотрѣть лишь слишкомъ близко: у большинства краски были грубоваты, но онѣ брали извѣстнымъ блескомъ, впечатлѣніемъ физической, чувственной силы, красивымъ бюстомъ и необычайнымъ искусствомъ дѣлать изъ своей красоты—и даже изъ своихъ недостатковъ—ловушку для мужчинъ. Художникъ нашелъ бы у нѣкоторыхъ изъ нихъ древне-римскій типъ, типъ женщинъ временъ Нерона или Адріана. Попадались также типы венеціанокъ въ жанрѣ Palma Vecchio съ чувственнымъ выраженіемъ лица, съ тяжелымъ подбородкомъ, не лишенныя извѣстной животной красоты. Другія привлекали взоръ громадными завитыми куафюрами и смѣлымъ, жгучимъ взоромъ: въ нихъ сразу чувствовались утонченныя, гибкія натуры, готовыя на все, по силѣ не уступающія мужчинамъ, но въ то же время еще болѣе женственныя. Среди этой массы выдѣлялся то здѣсь, то тамъ болѣе одухотворенный профиль. Тонкія, нѣжныя черты лица заставляли перенестись мысленно за Римъ въ восточныя царства, въ страну Ливана; въ нихъ чувствовалась поэзія глубокой тишины, пустыни. Но когда Кристофъ приближался и прислушивался къ разговору этой Ревекки съ римлянкой Фаустиной или св. Варварой Пальмы Vecchio, онъ находилъ на ея мѣстѣ парижскую еврейку, еще болѣе искусственную, болѣе испорченную, чѣмъ настоящая парижанка, злословящую самымъ спокойнымъ образомъ и раздѣвающую—глазами Мадонны—душу и тѣло всѣхъ окружающихъ".

Послѣ этой блестящей характеристики женщинъ вотъ еще нѣсколько дополнительныхъ штриховъ по адресу мужчинъ. „Кристофъ бродилъ отъ одной группы къ другой, не находя возможности пристать къ нимъ. Мужчины болтали объ охотѣ съ какимъ-то свирѣпымъ увлеченіемъ, о любви—съ поразительной грубостью, объ однихъ лишь деньгахъ—точно, спокойно и увѣренно. Въ „fumoir'ѣ" нѣкоторые уже записывали дѣловыя цифры. Про одного господина съ розеткой въ петлицѣ, который развязно проходилъ между креслами и, картавя, говорилъ любезности дамамъ, спрашивали: какъ, развѣ онъ на свободѣ?"

Надо пожить въ Парижѣ, надо присмотрѣться къ парижскому обществу—и притомъ извнѣ, глазами иностранца,—чтобы оцѣнить всю вѣрность этой картины. Она рѣзко противорѣчитъ ходячему мнѣнію о французахъ, какъ объ утонченно-вѣжливыхъ, общительныхъ и притомъ универсальныхъ людяхъ. Она противорѣчитъ ожиданію, что во Франціи, которая интеллектуально родственна всѣмъ культурнымъ странамъ, всякій будетъ чувствовать себя какъ дома. Такими были французы еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда у нихъ доминировала либеральная буржуазія, а родовая аристократія, уступивъ ей политическое первенство, еще давала тонъ жизни. Теперь же всѣ эти идеалы и традиціи

ступевались подъ напоромъ новыхъ слоевъ—безъ религіи, безъ воспитанія, одушевляемыхъ одной лишь жаждой власти и наживы. Прежнюю вѣжливость смѣнилъ чисто дѣловой лаконизмъ рѣчи, съ массой техническихъ или спортивныхъ выраженій, гуманитарныя идеи уступили мѣсто прямо противоположному явленію—сухому индиферентизму по отношенію ко всему постороннему, и иностранецъ сталъ себя чувствовать совершенно чужимъ среди этой толпы узкихъ спеціалистовъ.

Такова теперь главная масса общества, по которой обыкновенно судятъ о характерѣ всей націи. Конечно, этимъ отрицательнымъ чертамъ соотвѣтствовалъ цѣлый рядъ положительныхъ и очень цѣнныхъ съ точки зрѣнія узко-національнаго прогресса: поразительная энергія, трудоспособность, точность и быстрота мышленія, холодный и практическій расчетъ...

Но это было уже не то, это дѣлало французовъ—съ международной точки зрѣнія—совсѣмъ другою расою. И эта новая физіономія чрезвычайно вѣрно схвачена Ромэнъ Ролланомъ.

Совершенно инымъ, но столь же неожиданнымъ представляется его сужденіе о руководителяхъ этой массы. Если французовъ привыкли считать въ общемъ чрезвычайно симпатичными, то о политическихъ, а главнымъ образомъ парламентскихъ кругахъ Франціи сложилось довольно неблагопріятное мнѣніе. Ихъ очень легко называютъ политиканами, приписывая ихъ эгоизму и интригамъ всѣ неудачи республиканской политики. И тутъ Ромэнъ Ролланъ разошелся съ ходячимъ мнѣніемъ, давъ имъ совсѣмъ иную и гораздо болѣе вѣрную оцѣнку. На-ряду съ космополитической семьей Стевенсовъ Кристофъ, какъ было уже сказано выше, сблизился съ семьею вліятельнаго депутата крайней лѣвой, Ахилла Руссэна, въ которомъ нетрудно узнать портретъ Жореса. „У Руссэновъ онъ встрѣчалъ другого рода общественныхъ дѣятелей, бывшихъ или будущихъ министровъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ ему было бы интересно поболтать, если бы эти знаменитости удостоили его своимъ разговоромъ. Въ противоположность обще-принятому взгляду онъ находилъ ихъ общество болѣе интереснымъ, чѣмъ другіе круги французовъ. Ихъ мышленіе было обыкновенно болѣе живое, болѣе страстное и болѣе доступное обще-человѣческимъ интересамъ. Блестящіе собесѣдники—по большей части южане,—они были къ тому же удивительными дилетантами... Конечно, въ искусствѣ они мало понимали, особенно въ иностранномъ, но всѣ болѣе или менѣе претендовали на знакомство съ нимъ и многіе питали къ нему настоящую страсть. Нѣкоторые кабинеты напоминали прямо-таки редакціи молодыхъ „revues“; одинъ былъ драматургомъ, другой пиликалъ на скрипкѣ и былъ отъявленнымъ вагнеріанцемъ, третій увлекался живописью—всѣ коллекціонировали полотна импрессіонистовъ, читали декадентскія книги и проявляли какое-то своеобразное

кокетство въ увлеченіи ультра-аристократическимъ искусствомъ, прямымъ врагомъ ихъ соціальныхъ идей. Кристофъ чувствовалъ себя даже сконфуженнымъ передъ этими радикалами и соціалистами, защитниками обездоленныхъ и голодныхъ массъ, которые оказывались знатоками самыхъ рафинированныхъ ощущеній".

Между тѣмъ это совершенно понятно: среди новыхъ слоевъ должна была образоваться своя аристократія, и на десятки интригановъ, державшихся лишь пролазливостью и принадлежностью къ партіи, приходились отдѣльныя дѣйствительно выдающіяся личности, которыя силою своихъ молодыхъ дарованій поднимались сразу до уровня высокой культуры и въ то же время представлялись болѣе доступными новымъ вліяніямъ, чѣмъ отрѣзанные отъ жизни представители старой аристократіи. Не удивительно поэтому, что только тутъ и можно было найти тѣ универсальные культурные типы французовъ, которые ждалъ встрѣтить иностранецъ. Къ сожалѣнію, они были таковыми лишь въ минуты досуга. Какъ только они переходили къ дѣйствію, инстинктъ бралъ верхъ надъ интеллектуальными тенденціями, и они становились совсѣмъ иными. „Всѣ эти люди, которые въ частномъ разговорѣ были скептиками, сенсуалистами, нигилистами, анархистами, при переходѣ къ дѣйствію становились настоящими фанатиками. Тѣ самые, которые казались болѣе всего проникнутыми дилетантизмомъ, становясь у кормила власти, обнаруживали свойства азіатскихъ деспотовъ. Ими овладѣвала манія все регулировать, ничего не оставлять безъ надзора. Они соединяли въ себѣ скептицизмъ мышленія съ чисто тираническимъ темпераментомъ и не могли устоять отъ искушенія передъ механизмомъ административной централизаціи, который былъ созданъ во Франціи однимъ изъ величайшихъ деспотовъ. Это порождало своего рода республиканскій имперіализмъ, къ которому за послѣднее время присоединился не менѣе своеобразный атеистическій догматизмъ".

Ромэнъ Ролланъ чрезвычайно вѣрно схватилъ эту двойственность въ характерѣ французовъ, этотъ антагонизмъ между разумомъ и инстинктомъ, который у нихъ, какъ и у евреевъ, является результатомъ очень старой культуры. Для того, чтобы понять это явленіе, надо имѣть въ виду постепенный переходъ сознательныхъ дѣйствій въ автоматическія, постепенное обогащеніе организма инстинктами и передачу ихъ путемъ наслѣдственности. Такимъ образомъ у нѣкоторыхъ наиболѣе сильныхъ расъ, которыхъ не разрушаетъ ни алкоголизмъ, ни чрезмѣрно жаркій климатъ, одновременно съ диференціацiей чувствительности, обусловливающей свободную, творческую дѣятельность мозга, идетъ развитіе автоматизма, обогащающаго ихъ индивидуальными и соціальными инстинктами. Благодаря этому французъ, какъ и еврей, можетъ быть интеллектуально анархистомъ и въ то же время практически

въ высшей степени дисциплинированной личностью. Скажемъ болѣе: безъ объясненія этой двойственности нельзя понять современнаго поколѣнія французовъ. Дѣло въ томъ, что упорная экономическая борьба, приведшая къ торжеству третьяго и четвертаго сословія, обогатила ихъ организмъ инстинктами, которые находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тою любовью свободы, которая вдохновила революцію 1789 года. Инстинктами узкаго, практическаго эгоизма, партійной дисциплины, нетерпимости. Инстинктами, которые дѣйствовали совершенно независимо отъ разума и реагировали не только на дѣйствія, но и на образъ мыслей другихъ людей. Вотъ что объясняетъ проявившуюся уже въ республиканской партіи политическую и религіозную нетерпимость, которая зачастую вызываетъ такъ странно звучащія во Франціи нападки на префектовъ или на мэровъ то за преслѣдованіе политическихъ противниковъ, то за стѣсненіе религіознаго культа. Эти нападки на пустое брюзжаніе отживающихъ свой вѣкъ реакціонеровъ указываютъ на нѣчто совершенно реальное, на вторую, новую натуру, развившуюся съ подъемомъ демократіи и находящуюся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ либерализмомъ спекулятивнаго мышленія. Снизу доверху общественной лѣстницы во французѣ можетъ ужиться скептикъ, циникъ и даже анархистъ мысли съ фанатикомъ дѣйствія. Яркимъ примѣромъ этому служатъ поборники свободной мысли (libres penseurs), образовавшіе масонскія ложи, члены которыхъ подчинены рабской дисциплинѣ и настолько сжились съ послѣдней, что не останавливаются даже передъ шпіонствомъ и доносами на лицъ противоположныхъ взглядовъ и убѣжденій. Всѣмъ извѣстны доносы на провинціальныхъ чиновниковъ и на офицеровъ за посѣщеніе ими церкви, доносы, возведенные нѣкоторыми министрами въ систему для борьбы съ реакціоннымъ духомъ.

Въ результатѣ образъ дѣйствія франъ-масоновъ болѣе всего напоминаетъ деспотизмъ клерикаловъ въ эпоху Реставраціи. „Кристофъ встрѣчалъ у Руссэна нѣкоторыхъ изъ этихъ фанатиковъ. Они какъ будто старались перещеголять другъ друга въ фетишизмѣ. Послѣднимъ подвигомъ ихъ было удаленіе распятія изъ залъ суда—какъ будто снявъ нѣсколько кусковъ дерева или слоновой кости, они уничтожили самую религію. Другіе нападали на Жанну д'Аркъ и хвастались тѣмъ, что вырвали ея стягъ у католиковъ. Одинъ изъ отцовъ новой церкви умудрился произнести антиклерикальную рѣчь на торжествѣ открытія памятника... Верцингеториксу; онъ прославлялъ въ лицѣ галльскаго Бренна одного изъ первыхъ борцовъ Франціи противъ Рима (читай между строкъ: римской церкви). Морской министръ—очевидно, чтобы очистить флотъ и выразить свое отвращеніе къ войнѣ—давалъ броненосцамъ имена Декарта и Эрнеста Ренана. Другіе свободомыслящіе старались очистить французскихъ классиковъ XVII вѣка: они не допускали, чтобы имя Бога

оскверняло басни Лафонтэна. Они не допускали его даже въ старинной музыкѣ, и Кристофу пришлось однажды самому слышать, какъ одинъ „старый радикалъ“ возмущался присутствіемъ въ программѣ популярнаго концерта „религіозныхъ пѣсней“ Бетховена. Онъ требовалъ, чтобы текстъ ихъ былъ замѣненъ другимъ. „Чѣмъ же вы хотите его замѣнить,—вырвалось у Кристофа,—возмущеннаго до глубины души.—Республикой, что ли?“

Этотъ деспотизмъ напоминалъ извѣстныя „idées fixes“, которыя овладѣваютъ человѣкомъ, разсуждающимъ во всемъ остальномъ совершенно здраво. Дѣйствительно это была своего рода манія,—манія политическихъ или соціальныхъ теорій, дѣйствіе которой смягчалось лишь скептицизмомъ общаго мышленія. „Французскіе политики находились въ состояніи безпрерывнаго колебанія между однимъ и другимъ полюсомъ ихъ мышленія, между анархизмомъ и фанатизмомъ. Видя, что самые рѣзкіе, тираническіе акты исходили отъ людей съ такимъ шаткимъ характеромъ, Кристофъ однажды спросилъ Руссэна, какимъ образомъ нація не встряхнется и не выброситъ ихъ за бортъ“. Руссэнъ засмѣялся и отвѣтилъ: „Конечно, вы или я сдѣлали бы это. Но отъ французской націи этого не ждите. Въ массѣ она неспособна ни на какое проявленіе энергіи; она умѣетъ лишь жаловаться и ворчать. Аристократія совсѣмъ пропала — въ состояніи рамолисмѐнта; отупѣвъ въ клубахъ и разнаго рода спортахъ, продавшись американцамъ и евреямъ, она доказываетъ свой модернизмъ лишь тѣмъ, что восторгается пьесами, въ которыхъ ее высмѣиваютъ, и аплодируетъ своимъ поносителямъ. Буржуазія погрязла въ апатіи и ворчливости; ничего не читаетъ, ничего не понимаетъ, ничего не хочетъ понять; умѣетъ только хулить—злостно, безъ всякихъ видовъ на будущее, безъ всякой пользы и для себя, и для другихъ. У нея одна лишь страсть: спать, покоиться на денежномъ мѣшкѣ, съ ненавистью ко всѣмъ, кто можетъ ее побезпокоить, и даже къ тѣмъ, кто не поступаетъ, какъ она: потому что ее безпокоитъ, что другіе работаютъ, пока она спитъ. Ахъ, если бы вы знали этихъ людей, вы нашли бы насъ симпатичными“.

Для Кристофа это не было еще достаточнымъ аргументомъ. Въ его глазахъ низость притѣсняемыхъ не служила еще извиненіемъ для притѣснителей. Но онъ понялъ, на чемъ основывалась власть республиканской партіи. „Изъ трехъ сословій, которыя составляли Францію въ 1789 г., первое было уничтожено; второе находилось въ изгнаніи или подъ подозрѣніемъ; третье, насытившись своею побѣдой, отдыхало. Что же касается четвертаго сословія, которое съ тѣхъ поръ выступило на арену, смотря на нихъ враждебно и завистливо, съ нимъ нетрудно было справиться. Буржуазная республика обращалась съ нимъ, какъ римская имперія временъ упадка съ варварами, которыхъ она не имѣла силы отбросить за

предѣлы своей территоріи. Послѣдняя поглощала ихъ, дѣлала изъ нихъ самыхъ надежныхъ сторожевыхъ собакъ. Точно также и буржуазные министры, называвшіе себя соціалистами, привлекали исподтишка къ буржуазіи самыхъ умныхъ и сильныхъ членовъ рабочей партіи; они отнимали у пролетаріата его вождей, обновлялись на его счетъ и насыщали его взамѣнъ своей несваримой наукой и буржуазной идеологіей".

Все это было такъ далеко отъ того представленія, которое было раньше у Кристофа о Франціи и французахъ, что онъ неоднократно спрашивалъ Кона: „неужели это настоящая Франція?" На что Конъ совершенно искренне и даже со смѣхомъ отвѣчалъ „да", будучи увѣренъ, что онъ и его друзья—такъ называемая „élite parisienne"—воплощаютъ всю Францію.

Но это было не такъ, и Кристофъ убѣдился въ противномъ, лишь только ему удалось оторвать взоръ отъ „базара на площади", отъ всѣхъ этихъ фигляровъ, кривлявшихся передъ толпой, и заглянуть внутрь, „въ домъ".

V.

Однажды на одномъ изъ музыкальныхъ собраній у Руссэновъ Кристофъ встрѣтилъ молодого человѣка, который своимъ прямымъ и свѣтлымъ взглядомъ, пронизывавшимъ человѣка насквозь и смягчавшимся лишь скромностью манеръ, привлекъ сразу его вниманіе. Они разговорились и въ короткое время почувствовали себя друзьями. Оливье Жаненъ—такъ звали его новаго друга—былъ такъ же бѣденъ, какъ Кристофъ, но не обладалъ и десятой долей его энергіи. Несмотря на недюжинное литературное дарованіе, онъ съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу въ маленькихъ „revues" и большею частью жилъ уроками. Кристофъ сразу почувствовалъ, что его чуткая, впечатлительная натура нуждается въ поддержкѣ и безъ труда уговорилъ его поселиться вмѣстѣ. Для него же самого эта дружба явилась ключомъ къ пониманію внутренняго міра Франціи, который до сихъ поръ казался ему загадкою. Послѣ первыхъ же изліяній Оливье понялъ, какое дурное мнѣніе составилъ себѣ Кристофъ о французахъ, понялъ, насколько оно одностороннe, и возгорѣлся желаніемъ реабилитировать ихъ въ глазахъ друга.

Задача нелегкая послѣ той ѣдкой и проницательной сатиры, которая была представлена въ первомъ томѣ. Трудность ея увеличивается еще тѣмъ, что положительныя стороны современной жизни—талантъ, творчество, добродѣтель — гораздо менѣе поддаются описанію, чѣмъ отрицательныя. Тутъ надо цитировать имена, приводить произведенія, оцѣнка которыхъ—въ полной мѣрѣ—принадлежитъ лишь будущему,

между тѣмъ какъ оцѣнка отрицательныхъ фактовъ совершается гораздо скорѣе. Несмотря на это Ромэнъ Ролланъ справился со своею задачей очень удачно. Опять-таки съ точки зрѣнія конструкціи романа нельзя сказать, чтобы это было совершенство. Въ его пріемахъ можно критиковать нѣкоторую искусственность. Знатительная часть реабилитаціи влагается въ уста Оливье Жанена, который является такимъ же придуманнымъ „ad hoc“ чичероне, какимъ былъ Сильвэнъ Конъ. Остальное укладывается въ стѣны того дома, въ которомъ живетъ Кристофъ и который является для него, такъ сказать, микрокосмомъ Франціи. Пріемъ дѣйствительно очень условный. Тѣмъ не менѣе аргументы и факты, предложенные этимъ путемъ, въ высшей степени интересны.

Оливье, конечно, прежде всего возражаетъ, что онъ видѣлъ далеко не всю Францію, а лишь поверхностный и по большей части наносный слой населенія, паразитовъ, которыхъ привлекаетъ его богатство. „Ты видѣлъ лишь миріады осъ, которыхъ привлекаетъ роскошь нашей осени и плодородіе садовъ; ты не замѣтилъ ульевъ съ трудолюбивыми пчелами, съ ихъ рвеніемъ къ знанію и работѣ... Ты не видалъ ни нашихъ ученыхъ, ни нашихъ поэтовъ; ты не видалъ ни настоящихъ художниковъ, которые истощаютъ свои силы въ гордомъ одиночествѣ, ни пылающій идеализмомъ очагъ нашихъ революціонеровъ. Ты не видалъ ни одного носителя вѣры, ни одного дѣйствительно крупнаго отрицателя. Что же касается народа, о немъ нечего и говорить. Развѣ ты встрѣчалъ его гдѣ-нибудь, за исключеніемъ той бѣдной женщины, которая ухаживала за тобою во время твоей болѣзни? Знаешь ли ты парижанъ, живущихъ выше третьяго и четвертаго этажа? Если нѣтъ, то ты не знаешь Франціи. Ты не можешь себѣ представить, сколько есть въ бѣдныхъ жилищахъ, на чердакахъ, въ безмолвной провинціи искреннихъ и горячихъ сердецъ, которыя остаются всю жизнь преданными идеалу, подчиненными ежедневному самопожертвованію, составляющими настоящую церковь—маленькую церковь, которая всегда существовала во Франціи рядомъ съ большой,—маленькую лишь по числу, но великую по духу, незамѣтную извнѣ, но воплощающую въ себѣ всю силу Франціи, ту силу, которая не убываетъ, между тѣмъ какъ снаружи гніетъ и обновляется то, что вы называете цвѣтомъ націи. Ты удивляешься, что нашелся французъ, который живетъ не для наслажденія, не для того, чтобы добиться его какою угодно цѣною, а для того, чтобы исполнять свой долгъ и служить своему идеалу. Но такихъ есть тысячи и болѣе достойныхъ, чѣмъ я, еще болѣе скромныхъ, которые до самой своей смерти не перестаютъ служить безмолвному божеству... Ты не знаешь народа съ его поразительными качествами экономіи, настойчивости, трудолюбія и тѣмъ скрытымъ огнемъ, который дремлетъ въ его сердцѣ... Ты видишь тѣни и отблески, а не видишь внутренняго свѣта,—

нашей тысячелѣтней души. Пытался ли ты когда-нибудь понять ее? Пытался ли ты окинуть взоромъ нашу героическую эпопею—отъ крестовыхъ походовъ до коммуны? Пытался ли ты постичь нашъ трагизмъ, нагнуться надъ бездной Паскаля? Имѣешь ли ты право хулить народъ, который трижды преобразовалъ міръ по своему подобію — готикой, XVII вѣкомъ и Великой Революціей,—который двадцать разъ прошелъ сквозь огонь и двадцать разъ вышелъ изъ него съ новыми силами...“

Какой красивый и гордый отвѣтъ! Но тутъ же Оливье принужденъ признаться, что въ настоящее время этотъ народный духъ скрытъ подъ корою наносныхъ элементовъ, подъ напоромъ пришельцевъ, привлеченныхъ богатствомъ Франціи и занявшихъ доминирующее положеніе благодаря измѣнѣ тѣхъ, которые должны были бы ее защищать. „Носители этого духа, генія французской расы, въ настоящее время потерялись между продавшейся врагу аристократіей и индиферентнымъ къ нему народомъ“. Глубокая, трагически-вѣрная фраза! Она даетъ намъ ключъ разгадки, почему такъ измѣнился характеръ французовъ, по крайней мѣрѣ, въ верхнихъ, внѣшнихъ слояхъ общества. Аристократія—не въ смыслѣ родовой знати, а въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—передовые слои націи заразились космополитическими вліяніями, безпочвеннымъ эгоизмомъ пришельцевъ, ихъ страстью къ наживѣ и къ наслажденіямъ, ихъ разрушительнымъ скептицизмомъ. И сами того не замѣчая, они сдѣлались врагами прежней Франціи. Въ настоящее время, говорилъ Оливье, „враги захватили все: газеты, журналы, театры. Пресса избѣгаетъ сильной мысли, допускаетъ ее лишь для развлеченія публики или какъ орудіе политической партіи. Разные кружки и группы пропускаютъ ее лишь при условіи подчиненія ихъ взглядамъ. Мы истощаемся нуждою и завалены непомѣрной работой“. А снизу, какъ послѣдствіе старой, вѣковой культуры, мы встрѣчаемъ лишь какое-то странное оцѣпенѣніе. „Буржуазія, погрязшая въ своемъ эгоизмѣ, смотритъ равнодушными глазами на наше умираніе. Народъ насъ игнорируетъ; и даже тѣ, кто борются, какъ мы, противъ наносныхъ вліяній, не знаютъ о нашемъ существованіи. Злосчастное вліяніе Парижа! Конечно, онъ сдѣлалъ много добра, объединивъ всѣ силы французской мысли, но зло, которое онъ теперь дѣлаетъ, по меньшей мѣрѣ равносильно этому добру. Самое объединеніе въ такую эпоху, какъ наша, обращается во вредъ. Благодаря ему псевдо-аристократія, овладѣвшая Парижемъ, заглушаетъ своею трубою голоса̀ всей остальной Франціи. Болѣе того: сама Франція, оглушенная ею, умолкаетъ и боязливо скрываетъ свою мысль“...

Тѣмъ не менѣе эта мысль, этотъ духъ, эта преемственность прежней культуры существуютъ, и Оливье увѣренъ, что она переживаетъ наважденіе.

Но гдѣ и какъ она сохраняется? Онъ указываетъ ея присутствіе въ идеализмѣ поэтовъ, въ вдохновеніи нѣкоторыхъ композиторовъ, въ поразительной свободѣ мысли ученыхъ и философовъ. Все это чрезвычайно вѣрно. Дѣйствительно, несмотря на грубо-матеріальныя тенденціи вѣка число поэтовъ во Франціи не убываетъ и настроеніе ихъ не только не падаетъ, но замыкается въ поразительно чистомъ и недоступномъ идеализмѣ. Несмотря на оглушительный успѣхъ вагнеровскихъ оперъ, молодые композиторы не перестаютъ преслѣдовать чисто французскій идеалъ красоты и гармоніи. Но, какъ я сказалъ уже раньше, оцѣнка тѣхъ и другихъ въ настоящіе моменты довольно затруднительна; довольно трудно доказать, что это не послѣдніе отпрыски, а новыя, сильныя вѣтви искусства. Гораздо яснѣе и рельефнѣе проявляется преемственность французскаго генія въ мышленіи ученыхъ и философовъ. Всякій, кто знакомъ съ трудами Ле-Дантека, Бергсона, Пуанкаре, д'Арсонваля и многихъ другихъ, находящихся лишь на зарѣ своего творчества, признаетъ, что въ нихъ живетъ духъ ихъ безсмертныхъ предшественниковъ—Клодъ Бернара, Брока, Гюйо—духъ неутомимаго, безкорыстнаго изслѣдованія и спокойнаго, стоическаго синтеза. Какъ бы ни были безутѣшны ихъ концепціи съ точки зрѣнія роли и назначенія человѣка, они ни на минуту не уклоняются въ сторону эгоистическаго эпикуреизма. Это спокойствіе передъ не-бытіемъ дѣлаетъ ихъ дѣйствительно самыми свободными людьми міра.

„На этихъ высотахъ мысли воздухъ былъ такъ чистъ, такъ разрѣженъ, что Кристофъ едва могъ дышать имъ. Тамъ были художники, претендовавшіе на абсолютную свободу мечты, убѣжденные идеалисты, презиравшіе, по выраженію Флобера, „животныхъ, которыя вѣрятъ въ реальность міра"; тамъ были философы, мысль которыхъ, слѣдя за безконечнымъ потокомъ вещей и не находя нигдѣ точки опоры, передавала, по словамъ Монтэня, „не бытіе, а переходъ"—вѣчный переходъ бытія; тамъ были ученые, которые, сознавая ничтожность и безцѣльность бытія, изъ котораго человѣкъ выковываетъ свою мысль, своего Бога, свое искусство, свою науку, не переставали однако создавать свой собственный міръ съ его законами—мечту одного дня. Они не спрашивали у науки ни спокойствія, ни счастія, ни абсолютной истины, сомнѣваясь, чтобы послѣдняя была достижима; они любили науку ради нея самой, какъ высшую, дѣйствительную красоту. На этихъ вершинахъ мысли эти ученые, страстные скептики, презирая всякое страданіе, всякое разочарованіе и даже само бытіе, слушали съ закрытыми глазами безгласный концертъ душъ, тончайшую гармонію чиселъ и формъ. Эти великіе математики, эти философы, достигшіе абсолютной свободы путемъ самаго точнаго и положительнаго мышленія, находились на границѣ мистическаго экстаза. Они чертили вокругъ себя абсолютное пространство,

наклоняясь надъ бездной, упивались ея притяженіемъ и среди вѣчной ночи наслаждались сіяніемъ своей собственной мысли".

Трудно найти болѣе возвышенныя и въ то же время болѣе мѣткія выраженія, чтобы характеризовать состояніе духа этихъ мыслителей, одинъ изъ которыхъ, потративъ свои силы до полнаго истощенія здоровья на созданіе цѣлостной философской концепціи, заканчиваетъ свой трудъ словами: „И въ концѣ-концовъ всѣ наши усилія пройдутъ безъ слѣда" [1]).

Въ этихъ людяхъ можно было дѣйствительно узнать преемственность французскаго генія, одареннаго поразительной способностью обобщенія и синтеза и готоваго преслѣдовать свои выводы до полнаго самоотреченія. Но какъ ни высоко было послѣднее его проявленіе, съ общественной точки зрѣнія оно было безплодно и даже вредно. Это сознаніе абсолютной свободы и безцѣльности бытія должно было неминуемо парализовать личность, остановить ея творческія усилія. „Ваше наслажденіе—обманъ,—воскликнулъ Кристофъ;—это—сонъ курильщика опіума. Упиваясь свободой, вы забываете жизнь. Абсолютная свобода—это помѣшательство для ума, анархія для государства". Къ счастью, эта свобода была лишь на верхахъ, и Оливье показалъ ему внизу совершенно другую картину: народъ. „Кристофъ смотрѣлъ. Внизу, насколько простирался взоръ, вдоль дороги, вокругъ болотъ, по скалистымъ уклонамъ, даже среди полей сраженія и развалинъ творчества, все было обработано; все цвѣло; это былъ садъ европейской цивилизаціи. И его несравнимая прелесть зависѣла не столько отъ природнаго плодородія, сколько отъ неустаннаго труда этого народа, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ не переставалъ перекапывать, засѣивать и улучшать его культуру".

Тутъ тоже была преемственность духа и традицій.

Но между первою и второю не было никакой связи. Напротивъ, существовавшее между ними разстояніе увеличивалось, какъ будто высшая интеллектуальная культура старалась совершенно отдѣлиться отъ народнаго духа. Это сразу бросилось въ глаза Кристофу. „Чѣмъ болѣе Франція демократизировалась, тѣмъ аристократичнѣе становилась ея мысль, ея искусство и наука. Послѣдняя, скрываясь въ глубинѣ своихъ святилищъ за тайною спеціальныхъ терминовъ и за тройнымъ вуалемъ долгаго „посвященія", была гораздо менѣе доступна, чѣмъ во времена Бюффона и энциклопедистовъ. Искусство—по крайней мѣрѣ то, которое уважало себя и питало дѣйствительный культъ красоты—было не менѣе замкнуто; оно презирало народъ. Даже среди писателей, дававшихъ предпочтеніе дѣйствію надъ созерцаніемъ, морали надъ эстетикой, господствовалъ какъ-то странный аристократизмъ. Они какъ будто забо-

[1]) Le Dantec.

тились о сохраненіи для себя своего внутренняго пламени, а не о сообщеніи его другимъ, какъ будто стремились къ провозглашенію своихъ идей, а не къ торжеству ихъ. Среди нихъ, правда, были нѣкоторые, пытавшіеся создать искусство для народа, но они или бросали въ него анархическія, разрушительныя идеи,—истины, которыя могли быть благодѣтельными черезъ сто лѣтъ или двѣсти, пока же лишь зажигали пламя ненависти,—или преподносили ему горькія, ироническія пьесы, отнимавшія у него послѣднія иллюзіи".

Этотъ расколъ объяснялся въ концѣ-концовъ одною характерной чертою французской жизни: ея крайнимъ индивидуализмомъ. Тутъ мы касаемся опять одного изъ наиболѣе важныхъ факторовъ, которые удалось открыть Ромэнъ Роллану. Слѣдующія строки представляютъ единственный въ своемъ родѣ документъ по вѣрности наблюденія и силѣ психологическаго анализа. „Индивидуализмъ царилъ во Франціи во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности", начиная отъ науки и кончая торговлей, гдѣ онъ препятствовалъ соглашенію между хозяевами предпріятій и образованію ими патрональныхъ синдикатовъ. Индивидуализмъ, происходящій не отъ чрезмѣрнаго развитія личности, а, наоборотъ, отъ упорнаго удаленія и сжатія послѣдней. Быть отдѣленнымъ отъ другихъ, независимымъ, не смѣшиваться съ другими изъ опасенія почувствовать ихъ превосходство, не нарушать спокойствія, которое даетъ горделивое одиночество—вотъ что было въ головѣ у всѣхъ этихъ людей, основывавшихъ новыя „revues", новые театры, новыя группы, которыя зачастую не имѣли иной „raison d'être" кромѣ желанія не быть съ другими...

„Это явленіе имѣло многообразныя причины, въ которыхъ самимъ французамъ было нелегко разобраться. Прежде всего нельзя не приписать извѣстнаго вліянія гипертрофіи критическаго смысла,—слишкомъ ясному сознанію индивидуальныхъ различій, и чрезмѣрному интеллектуализму, который приписываетъ этимъ различіямъ слишкомъ большое значеніе; двѣ черты, указывающія на недостатокъ простой, искренней симпатіи, которая не можетъ жить безъ любви и не можетъ любить, не отдаваясь. Быть можетъ, также извѣстную роль играло тутъ ежедневное утомленіе—слишкомъ напряженная борьба за существованіе, слишкомъ большое умственное возбужденіе, которое вечеромъ по окончаніи трудового дня не оставляло уже силъ для дружеской бесѣды. Наконецъ, особое, ужасное чувство, въ которомъ французъ боится сознаться даже себѣ самому, но которое часто поднимается изъ глубины его существа: чувство, что они *не той же расы,* что они принадлежатъ къ разнымъ расамъ, осѣвшимъ въ разныя эпохи на французской почвѣ и имѣющимъ, несмотря на внѣшнее объединеніе, весьма мало общихъ мыслей. А поверхъ всего—упоительная и опасная манія свободы, которая такъ сильна, что, разъ вкусивъ ея, ей все приносятъ въ жертву...

„Рядомъ съ этимъ горделивымъ уединенiемъ встрѣчается уединенiе, клонящееся къ самоотреченiю. Сколько есть во Францiи порядочныхъ людей, которыхъ эта самая порядочность, доброта и серьезность доводитъ до отказа отъ жизни! Тысячи препятствiй встаютъ передъ ними. У однихъ—излишняя покорность, скромность, сила привычки; у другихъ—чрезмѣрная совѣстливость, боязнь насмѣшки, нежеланiе выдвигаться, привлекать къ себѣ вниманiе, опасенiе, что ихъ безкорыстнымъ дѣйствiямъ припишутъ корыстные мотивы. Одинъ не хочетъ принимать участiе въ политической и соцiальной борьбѣ, другая уклоняется отъ филантропическихъ обществъ изъ опасенiя быть причисленной къ шарлатанамъ, которые обдѣлываютъ въ нихъ свои дѣлишки. Почти всѣ останавливаются передъ боязнью устать, наткнуться на страданiя, на глупость, на физическое безобразiе, передъ рискомъ, отвѣтственностью и ужаснымъ: „стóитъ ли?“, которое парализуетъ энергiю столькихъ французовъ. Они слишкомъ умны (но безъ подъема духа), слишкомъ ясно видятъ всѣ мотивы за и противъ. Нехватаетъ жизненной энергiи! Кто живетъ полной жизнью, не спрашиваетъ себя, зачѣмъ онъ живетъ: живетъ, чтобы жить, потому что жизнь—славная штука!

„Наконецъ, у лучшихъ индивидуализмъ находилъ свое основанiе въ рядѣ очень симпатичныхъ, но невысокихъ свойствъ: въ извѣстномъ философскомъ квiетизмѣ, въ умѣренности желанiй, въ привязанности къ своей семьѣ, къ своему углу, въ чрезмѣрной деликатности, въ нежеланiи навязываться, боязни стѣснить другихъ, въ постоянной сдержанности чувствъ. Всѣ эти свойства могли соединяться въ извѣстныхъ случаяхъ съ высотою духа, съ смѣлостью и даже съ жизнерадостностью, но они *всетаки указывали на обѣднѣнiе крови, на постепенный упадокъ жизненной энергiи во французской нацiи*“.

Вотъ, наконецъ, рѣшительная фраза, позволяющая намъ коснуться до дна и измѣрить всю глубину явленiя. Если генiй расы оказывался безсильнымъ стряхнуть наносные элементы, если внизу онъ погружался въ какое-то странное оцѣпенѣнiе, проникаясь все болѣе и болѣе усталымъ и равнодушнымъ консерватизмомъ, а наверху все болѣе и болѣе удалялся отъ дѣйствительной жизни, если повсюду сверху донизу онъ дробился на замкнутые въ себѣ кружки и отдѣльныя личности, то это имѣло свое первое основанiе въ обѣднѣнiи крови и дряхлости нацiи. Вотъ отчего враги торжествовали, „шумъ на площади“ заглушалъ всѣ внутреннiе голоса и вся Францiя принимала совсѣмъ иной видъ, чѣмъ тотъ, который рисовало воображенiе на основанiи ея прошлаго. Кристофъ, видя эту слабость, приходилъ въ отчаянiе. Его пессимизмъ еще усиливался по мѣрѣ знакомства съ другими жильцами дома, которые, несмотря на свои симпатичныя стороны и даже на общность нѣкоторыхъ интересовъ, жили въ полномъ разъединенiи. Мы не будемъ останавли-

ваться на деталяхъ этой картины, которая, несмотря на условность замысла—создать какъ бы микрокосмъ Франціи,—можетъ быть названа очень живой и удачной. Тутъ пришлось бы передавать все, а въ такомъ случаѣ лучше прочесть самую книгу. Для нашей же цѣли достаточно будетъ намѣтить, что наверху, въ сосѣдней съ Кристофомъ и Оливье квартирѣ, жилъ старикъ-аббатъ Корнейль, бывшій профессоръ католической семинаріи, получившій изъ Рима отставку за свои слишкомъ прогрессивныя идеи; подъ ними, въ одной изъ квартиръ четвертаго этажа, инженеръ Эльсбергеръ съ женой и двумя дѣвочками, а въ другой, поменьше, механикъ Оберъ. Эльсбергеры—протестанты съ эльзасской границы—были тоже наполовину разбитые жизнью люди, потерявъ положеніе и связи изъ-за дѣла Дрейфуса; Оберъ же, наоборотъ, человѣкъ, всецѣло обращенный впередъ, экзальтированный соціальными теоріями, соціализмомъ, синдикализмомъ, торжествомъ міра и братствомъ народовъ. Еще ниже—въ третьемъ этажѣ—большую квартиру занимала вдова, г-жа Жерменъ, потерявшая мужа и маленькую дочь и замкнувшаяся въ своемъ нѣмомъ горѣ, а маленькую—таинственный г-нъ Вателе, котораго называли анархистомъ, революціонеромъ, то русскимъ, то бельгійцемъ по происхожденію, въ дѣйствительности же просто французъ, но большой оригиналъ. Замѣшанный въ коммунѣ, но потерявшій въ ней большую часть своихъ иллюзій, онъ посвящалъ остатокъ жизни воспитанію дѣвочки-пріемыша, лѣченію бѣдныхъ дѣтей да разработкѣ универсальной методы для преподаванія музыки. Во второмъ этажѣ одна квартира была занята домохозяиномъ, бывшимъ коммерсантомъ, проводившимъ большую часть года внѣ Парижа—то въ Ниццѣ, то въ Нормандіи, другая—молодымъ профессоромъ Арно съ женою, жившими очень замкнутою жизнью, жена помогая мужу въ приготовленіи кропотливыхъ, плохо оплачиваемыхъ лекцій. Бель-этажъ былъ весь снятъ богатой еврейской четой—г-номъ и г-жой Вейль, которые тоже полгода проводили въ имѣніи и, несмотря на то, что жили въ домѣ уже 20 лѣтъ, казались совершенно чужими. Мужъ былъ извѣстный ассиріологъ и сверхъ того интересовался тысячью предметами—искусствомъ, литературой, соціальными вопросами,—но безъ всякой сердечности; своимъ скептицизмомъ онъ подрывалъ свои же собственныя теоріи и убѣжденія. Жена, не имѣя ни дѣтей, ни особыхъ увлеченій, посвящала большую часть своего времени добрымъ дѣламъ, на которыя иронія мужа налагала тотъ же холодный отпечатокъ. Въ результатѣ, несмотря на безспорныя внутреннія качества, они не внушали кругомъ себя симпатій. Наконецъ, въ rez-de-chaussée жилъ полковникъ Шабранъ съ дочерью, вышедши въ отставку послѣ блестящихъ кампаній въ Суданѣ и на Мадагаскарѣ, когда въ армію проникла политика шпіонства и преслѣдованія католиковъ.

Мнѣ кажется, этого краткаго перечня достаточно, чтобы характери-

зовать полноту и яркость картины, представленной авторомъ. Дѣйствительно, въ ней соединены самыя выдающіяся теченія французской жизни—антиклерикализмъ, дрейфусизмъ, кризисъ, переживаемый арміей—съ характернымъ явленіемъ столичнаго быта — стеченіемъ самыхъ разнообразныхъ профессій и мышленій. Легко представить себѣ, сколь многочисленныя преграды возникаютъ между всѣми этими лицами и какою живою атмосферою страстей облекается индивидуализмъ каждаго. Но для насъ это лишь детали того общаго положенія, которое уже столь ярко формулировано авторомъ. Для насъ не имѣетъ существеннаго значенія и тотъ случайный выходъ, который онъ находитъ въ событіяхъ послѣдняго времени, въ внезапной вспышкѣ патріотизма при обостреніи франко-германскихъ отношеній. Конечно, съ французской точки зрѣнія этотъ фактъ всетаки весьма утѣшителенъ, и картина того единодушія, которое вдругъ объединяетъ всѣхъ жильцовъ дома и обращаетъ ихъ противъ самого же Кристофа, представляетъ счастливый антитезисъ первой части книги, но все же это не имѣетъ такого значенія, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Если это единодушіе наступаетъ лишь въ крайній моментъ передъ лицомъ внѣшней опасности, оно не можетъ сдѣлаться нормальнымъ факторомъ народной жизни. Негодованіе, овладѣвающее и синдикалистомъ Эльсбергеромъ, и гуманитарнымъ мечтателемъ Оберомъ противъ „нѣмца“, есть не что иное, какъ афектъ, какъ вспышка ослабѣвшаго уже инстинкта, который не въ состояніи остановить управляемаго ими въ нормальной жизни процесса разложенія. Всѣмъ ясно, что, лишь только германскій императоръ вложитъ мечъ въ ножны, этотъ процессъ возобновится съ прежнею силою.

Съ этой точки зрѣнія гораздо интереснѣе и важнѣе тѣ убѣжденія, которыя авторъ влагаетъ въ уста Оливье до вспышки марокскаго инцидента—по поводу исхода внутренней борьбы и будущаго французской расы. На негодующій вопросъ Кристофа, почему французская интеллигенція, сохранившая истинныя традиціи расы, не возбудитъ призывъ къ объединенію противъ развращающаго вліянія пришельцевъ, Оливье отвѣчаетъ: „Вступать съ ними въ драку?—нѣтъ это не наше дѣло. Насиліе намъ органически противно. Да къ тому же намъ слишкомъ хорошо извѣстно, что́ изъ этого бы вышло. Всѣ неудачники, всѣ недоросли роялистскаго лагеря примкнули бы къ намъ и испортили бы наше дѣло. Неужели ты предлагаешь поднять старый кличъ: „Fuori Barbari“ или „Франція для французовъ!“ Нѣтъ, это звучитъ не по-французски. Напрасно пытаются у насъ распространить эту мысль подъ флагомъ патріотизма. Это годится для варварскихъ странъ, наша же не создана для ненависти. *Нашъ геній проявляется не въ отрицаніи и не въ разрушеніи, а въ поглощеніи другихъ.* Пусть идетъ къ намъ и туманный сѣверъ, и болтливый югъ... И ядовитый востокъ?—И ядовитый востокъ: мы и не то

переваривали. Мнѣ смѣшно смотрѣть на торжествующія мины его дѣтей и на боязливость нѣкоторыхъ изъ моихъ соотечественниковъ. Они воображаютъ, что покорили насъ, разгуливаютъ павлинами на нашихъ бульварахъ, на нашихъ театральныхъ и политическихъ сценахъ... О, простота людская! Они уже покорены и выдѣлятся сами собою, отдавъ намъ все, что въ нихъ есть питательнаго... У галловъ желудокъ силенъ; на протяженіи двадцати вѣковъ они переварили не одну цивилизацію... Мы не боимся яда. Это вамъ, нѣмцамъ, слѣдуетъ бояться. Вы должны сохраниться чистыми или погибнуть. *Для насъ же важна не чистота расы, а ея универсальность.* У васъ есть императоръ; Великобританія называетъ себя имперіей; *въ дѣйствительности же имперіализмъ есть черта нашего, латинскаго генія.* Мы—граждане міровой столицы, Urbis—Orbis".

— „Все это хорошо,—возразилъ Кристофъ,—пока нація находится въ цвѣтѣ силъ и здоровья, но въ извѣстный моментъ энергія начинаетъ падать, и тогда она рискуетъ быть затоплена наносными элементами. Между нами, не кажется ли тебѣ, что этотъ день уже пришелъ?"— „Сколько разъ уже говорили это въ теченіе нашей вѣковой исторіи, и всякій разъ она опровергала опасенія,—воскликнулъ Оливье.—Мы прошли и не черезъ такія испытанія со временъ Орлеанской Дѣвы, когда въ Парижѣ, среди развалинъ, бродили волки. Ни безнравственность, ни апатія и анархія настоящаго момента, ни всеобщій порывъ къ наслажденіямъ не способны испугать меня... Это—проказа роскоши, это—паразиты нашего умственнаго и матеріальнаго богатства. Все это пройдетъ... А если бы и не прошло, если бы эти послѣднія испытанія грозили намъ смертью, то я видѣлъ бы въ этомъ лишь новое основаніе остаться вѣрнымъ нашему міровому назначенію. Я не хочу видѣть Францію замкнувшеюся, какъ больной въ свою комнату. Я не стремлюсь къ тому, чтобы продолжить ей страдальческое существованіе. Когда нація была велика, какъ наша, она должна скорѣе умереть, чѣмъ отречься отъ своего существа. *Пусть же мысль всего міра врывается въ нашу душу.* Я не боюсь ея. Волна отхлынетъ сама собою, удобривъ нашу землю своимъ иломъ".

Все остальное стушевывается передъ высотою мысли, содержащейся въ этихъ строкахъ. Ромэнъ Роллану удалось достичь въ нихъ высшаго, на что можетъ претендовать писатель: опредѣлить народное самосознаніе, опредѣлить его во всей полнотѣ, указавъ не только недостатки настоящей эпохи, но и то, что составляетъ среди этихъ недостатковъ его силу и его надежду. Въ апологетахъ и льстецахъ никогда не было недостатка у великой націи, даже въ періоды ея упадка. Человѣка же, судящаго безпристрастно и говорящаго ей правду, гораздо труднѣе найти, особенно среди ея собственныхъ дѣтей. Съ этой точки зрѣнія Ромэнъ

Роллапъ представляетъ рѣдчайшее явленіе. Тѣмъ болѣе рѣдкое, что во Франціи эта правда представляется въ настоящій моментъ затемненною жизненными бурями. Напоминая объ универсальномъ характерѣ французскаго генія, онъ даетъ болѣе чѣмъ простое опредѣленіе, онъ воскрешаетъ дремлющее самосознаніе, которое одно лишь въ состояніи отвѣтить какъ на сомнѣнія самой націи, такъ и на обвиненія ея враговъ. Дѣйствительно, по своему прошлому, по количеству идей, которыя она сообщила міру, по тому вліянію, которое она оказала на развитіе другихъ націй, Франція—новый Римъ. Пускай ее разъѣдаютъ пришельцы, пускай ея сенаторы, купцы и вольноотпущенники не похожи на полководцевъ, трибуновъ и гражданъ прошлаго, пускай рядомъ съ ней поднимается новая Византія, она остается и должна остаться Римомъ. Вотъ отвѣтъ одновременно и націоналистамъ съ ихъ узкой, завистливой политикой, и тѣмъ иноземнымъ критикамъ, которые за слабостями настоящей минуты не различаютъ длящагося величія.

Исторія Кристофа обрывается на постороннемъ его дружбѣ съ Оливье и жизни въ Парижѣ эпизодѣ: на смерти его матери, которая заставляетъ его тайно вернуться въ родной прирейнскій городъ и вновь бѣжать оттуда на чужбину. Этимъ кончается послѣдній томъ: „Въ домѣ“. Увидимъ ли мы новую эпоху въ его жизни,—вопросъ, представляющій безспорно психологическій и литературный интересъ. Личность его слишкомъ своеобразна и интересна, чтобы на этомъ должно было оборваться вдохновеніе автора [1]). Что же касается соціально-политической задачи, она можетъ считаться законченной, и приведенныя двѣ книжки Ромэнъ Роллана могутъ быть выдѣлены какъ единственное въ своемъ родѣ руководство для пониманія современной Франціи.

Н. Костылевъ.

---

[1]) Настоящая статья уже была написана, когда появился новый томъ романа Ромэна Роллана: „Les Amies“. *Прим. ред.*

Рѣчь Рузвельта въ Сорбоннѣ [1]).

Изъ всѣхъ рѣчей, которыми виднѣйшій американецъ нашихъ дней ознаменовалъ свое тріумфальное путешествіе по крупнѣйшимъ центрамъ Европы, особенно выдѣляется та рѣчь, которую 10 апрѣля (н. с.) онъ произнесъ въ Сорбоннѣ. Французскіе шутники и карикатуристы поспѣшили вырвать изъ этой рѣчи отдѣльныя фразы и высмѣять ихъ въ легкомъ юморѣ парижскихъ журналовъ. Но это была лишь своеобразная дань всеобщаго вниманія, которое выпало въ Европѣ на долю Рузвельта. Каждый спѣшилъ по-своему отозваться на его пріѣздъ, на его рѣчи. Газеты всѣхъ странъ передали его слова милліонамъ читателей; во всѣ концы міра разнеслась молва о его необычайномъ успѣхѣ.

Рѣчь Рузвельта въ Сорбоннѣ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что она даетъ извѣстное представленіе о его взглядѣ на будущее своей страны и вообще на будущее демократическихъ государствъ. Въ наше время общаго разочарованія въ политикѣ, когда всюду замѣтны признаки кризиса недавнихъ политическихъ вѣрованій, интересно узнать, что думаетъ обо всемъ этомъ вдохновитель и вождь величайшей изъ современныхъ демократій. Мы перечитываемъ его рѣчь, и первое, что насъ поражаетъ въ ней, это удивительная бодрость и свѣжесть духа, полное отсутствіе пессимистическихъ жалобъ и тревогъ. Самъ практическій дѣятель, онъ слишкомъ хорошо знакомъ съ подводными камнями современной политики, но онъ ни однимъ словомъ не обнаруживаетъ страха за будущее, боязни непреодолимыхъ затрудненій. Любопытно видѣть, какъ у него, еще недавно бывшаго на вершинѣ власти, еще недавно руководившаго дѣлами одного изъ самыхъ сложныхъ и передовыхъ политическихъ союзовъ міра, слышится что-то простосердечное, патріархальное. Какъ будто и до сихъ поръ на немъ почіетъ духъ необозримыхъ дѣвственныхъ степей Запада, гдѣ въ молодости онъ вла-

---

1) Почти полный текстъ этой рѣчи былъ данъ въ русскомъ переводѣ газетой *Рѣчь* (11 апрѣля 1910 г.). Въ настоящей статьѣ я пользуюсь этимъ переводомъ.

дѣлъ большою фермой и стадами. Его дѣятельная, исполненная здоровой энергіи воля не знаетъ утонченныхъ сомнѣній и тревожнаго анализа. Голосъ самой жизни, голосъ неустаннаго историческаго созиданія слышится намъ, когда онъ говоритъ:

„Вѣрить нужно не критикамъ, а тѣмъ, кто всегда находится на аренѣ борьбы, чье лицо покрыто пылью, пóтомъ и кровью, кто доблестно борется, кто, спотыкаясь, подымается и идетъ впередъ, твердо зная, что безъ ошибокъ нѣтъ успѣха, кто исполненъ энтузіазмомъ и чувствомъ самопожертвованія, кто цѣликомъ отдаетъ себя достойному дѣлу, кто въ случаѣ удачи получаетъ тріумфъ, а въ случаѣ неудачи замѣнитъ себя своими приверженцами, кто никогда не займетъ мѣста среди робкихъ душъ, не знающихъ ни пораженія, ни побѣды!“

Но во что же вѣритъ, на что полагается онъ, какъ на основу дальнѣйшаго прогресса своей страны? Нельзя не признать характернымъ, что онъ не говоритъ много о величіи демократическихъ учрежденій. Называя демократическую республику „величайшимъ изъ мыслимыхъ соціальныхъ экспериментовъ“, онъ самымъ настойчивымъ образомъ указываетъ на то, что все благополучіе республики зависитъ отъ качества гражданъ. „Рѣка не можетъ течь выше своего истока. А главный источникъ національнаго могущества и величія сосредоточенъ въ среднихъ гражданахъ націи. Поэтому уровень среднихъ гражданъ-властителей долженъ быть возможно высокъ“. Какой именно высоты требуетъ Рузвельтъ отъ гражданъ великаго государства, мы можемъ видѣть изъ другого мѣста его рѣчи, гдѣ онъ говоритъ: „въ демократическомъ государствѣ не должно быть мѣста робкимъ душамъ, тихимъ гражданамъ. Тотъ, кто не дѣлаетъ зла только изъ-за отсутствія дѣйственной силы, намъ не нуженъ, ибо онъ иммунизированъ и отъ доблестныхъ актовъ. Гражданинъ республики долженъ умѣть постоять за свои идеи!“

Я считаю чрезвычайно интереснымъ это указаніе одного изъ крупнѣйшихъ современныхъ политиковъ на необходимость живой и мужественной доблести гражданъ. Сто лѣтъ тому назадъ можно было говорить о зиждительной силѣ демократическихъ учрежденій. Теперь, послѣ долговременнаго дѣйствія этихъ учрежденій, естественно переложить центръ тяжести на гражданъ и ждать дальнѣйшихъ успѣховъ государства отъ ихъ доблести. Рузвельтъ повторяетъ здѣсь тотъ самый лозунгъ, который такъ часто слышится теперь во Франціи: „avant tout les hommes, les citoyens, le peuple lui-même“. Въ этомъ лозунгѣ, съ перваго взгляда слишкомъ общемъ и отвлеченномъ, скрывается на самомъ дѣлѣ глубокое поученіе, вытекающее изъ опыта примѣненія демократической формы.

Не менѣе интересно и указаніе Рузвельта на то, въ чемъ полагаетъ онъ признакъ истинной свободы, которая должна процвѣтать въ демо-

кратіи. „Истинная любовь къ свободѣ въ каждой странѣ можетъ быть доказана совершенно наглядно: для этого слѣдуетъ только посмотрѣть, какъ государство относится къ меньшинствамъ. Государство должно предоставить меньшинству свободу не только въ области религіи и мысли, но и во всѣхъ областяхъ жизни". Въ этой формулѣ, совершенно не приходившей въ голову первымъ поборникамъ демократіи, мы снова видимъ въ высшей степени важное поученіе современной политики. Старымъ теоретикамъ и вождямъ демократическихъ государствъ приходилось прежде всего утвердить въ жизни права большинства и власть народа; теперь, когда эти требованія уже осуществлены, выдвигается новая задача: надо отстоять права меньшинства противъ возможной тираніи большинства. Нельзя не признать чрезвычайно характернымъ того факта, что вслѣдъ за европейскими теоретиками это новое требованіе съ такою ясностью формулируетъ выдающійся практическій дѣятель той страны, которую со временъ Токвиля обвиняли въ неизбѣжной склонности къ тираніи массы надъ личностью. Старая доктрина народнаго суверенитета находитъ здѣсь свой естественный коррективъ и съ этой стороны должна получить необходимое преобразованіе.

Было бы однако ошибочно считать Рузвельта индивидуалистомъ въ томъ старомъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ понимался со временъ Бентама и въ какомъ еще не такъ давно хотѣлъ понимать его Спенсеръ. „Я индивидуалистъ по убѣжденію, воспитанію и наслѣдственности,—заявляетъ о себѣ Рузвельтъ,—но здравый смыслъ велитъ мнѣ признать, что во многихъ отрасляхъ жизни монополія государства имѣетъ громадное преимущество передъ индивидуальной свободой торговли и промышленности. Индивидуализмъ, находившій свое выраженіе въ грубой физической силѣ, теперь, съ ростомъ культуры, принялъ другія формы. Государство борется съ тѣмъ индивидуализмомъ, который даетъ возможность сильному порабощать слабаго". Очевидно, индивидуализмъ Рузвельта—это тотъ новый индивидуализмъ, который одновременно торжествуетъ свою побѣду и въ современной Европѣ.

Рузвельтъ не боится упрековъ въ томъ, что защита слабыхъ противъ сильныхъ, которая повсюду приводитъ въ наше время къ системѣ соціальныхъ реформъ, будетъ принята за сотрудничество съ соціалистами. „Какой дѣйствительный эфектъ можетъ произвести логическое примѣненіе крайней соціалистической системы на государство, мы не знаемъ, опытовъ такихъ не было. Быть можетъ, эта система принесла бы больше зла и аморальности, чѣмъ нынѣ существующая система. Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны отказываться отъ совмѣстной работы съ тѣми, кто открыто называетъ себя соціалистами: лишь бы только цѣль работы и методъ ея былъ одобренъ нами. Бояться совмѣстной работы—значитъ только обнаруживать свою слабость". Но онъ не

хочетъ также, чтобы его приняли за мечтателя и утописта. „Рисуя высокіе идеалы, слѣдуетъ указывать пути ихъ достиженія. Безпочвенные мечтатели, пренебрегая практической стороной дѣятельности, часто являются злѣйшими врагами реформаторовъ-реалистовъ, которые, по мѣрѣ силъ своихъ, спотыкаясь, падая и всетаки подымаясь, ведутъ массы къ достижимому благу. Горе тому идеологу и доктринеру, который вмѣсто того, чтобы облегчить человѣку дѣла его задачу, выступаетъ противъ него и препятствуетъ ему“.

Въ этихъ словахъ весь Рузвельтъ,—человѣкъ дѣла, который въ самыхъ смѣлыхъ планахъ своихъ прежде всего хочетъ видѣть *путь достиженія.* И когда мы читаемъ далѣе въ его рѣчи, что всѣ пути политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней, должны быть основаны *на правдѣ и правѣ,* мы чувствуемъ, что передъ нами одинъ изъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые призваны оздоровлять политическую атмосферу, вносить въ нее начала свѣта и разума и этимъ путемъ достигать великихъ результатовъ.

Въ программѣ Рузвельта, чуждой широковѣщательныхъ перспективъ, мы находимъ важныя и великія начала, которыя, быть можетъ, одни только способны помочь удачѣ того „величайшаго изъ мыслимыхъ соціальныхъ экспериментовъ“, какимъ Рузвельтъ считаетъ демократическую республику. Дальнѣйшее развитіе правъ свободы, въ смыслѣ охраны личности отъ деспотизма массъ, и осуществленіе соціальныхъ реформъ, въ смыслѣ болѣе вѣрной защиты слабыхъ отъ сильныхъ,—таковы требованія современнаго правосознанія, къ которымъ всецѣло примыкаетъ Рузвельтъ. Удастся ли ему, если онъ снова будетъ призванъ къ власти, добиться дѣйствительнаго успѣха въ этомъ отношеніи, или же ему придется, въ случаѣ неудачи, „замѣнить себя своими приверженцами“, это покажетъ дальнѣйшій ходъ событій. Но для насъ совершенно ясно, что внѣ этихъ путей болѣе полнаго раскрытія и утвержденія идеи права ни американская, ни какая-либо другая демократія не имѣютъ будущности.

П. Новгородцевъ.

Памяти Антона Дорна, основателя неаполитанской зоологической станціи.

По личнымъ воспоминаніямъ.

Въ Мюнхенѣ 13/26 сентября прошлаго года скончался, послѣ продолжительной, сложной и жестокой болѣзни, профессоръ Антонъ Дорнъ, инициаторъ зоологическихъ станцій на земномъ шарѣ, создатель и руководитель въ теченіе 30-ти слишкомъ лѣтъ, перваго и по времени основанія и по цѣлесообразности научныхъ приспособленій учрежденія этого рода. Оно находится въ Неаполѣ, и, съ самаго основанія станціи, на ней, одинъ за другимъ, работали и работаютъ русскіе ученые.

Когда Дорнъ окончилъ курсъ въ университетѣ и въ ученыхъ германскихъ сферахъ стало извѣстно о его намѣреніи создать спеціальное учрежденіе для изслѣдованія органической жизни на глубинѣ морей, то покойный Фридрихъ III, тогда еще наслѣдникъ престола, очень заинтересовался этимъ дѣломъ, познакомился съ Дорномъ, и потомъ, всегда высоко цѣня его умъ, познанія, содѣйствовалъ практическому развитію начинанія Дорна. Зато желѣзный канцлеръ не жаловалъ покойнаго профессора, съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ его имя стало пріобрѣтать извѣстность, и не жаловалъ именно какъ иниціатора зоологическихъ станцій: старый Бисмаркъ считалъ это праздной мечтой, ни къ чему не нужной затѣей, почти бредомъ увлекающагося естествознаніемъ фантазера.

У Дорна тогда уже было много не только профессіональныхъ, но и тепло-дружескихъ связей съ учеными всей Европы, особенно Германіи и Англіи. Слѣдуетъ отмѣтить, что тѣ натуралисты, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ въ своей ранней молодости, вскорѣ послѣ выхода изъ университета (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ), невзирая на то, что сами давно мечтали объ организаціи зоологическихъ станцій, сомнѣвались въ возможности осуществить эту мечту практически.

Почти всѣ они сознавали важность постоянныхъ зоологическихъ лабораторій. Всѣ они сами пережили тяжкую борьбу съ препятствіями, за-

частую непреодолимыми. Пріѣдутъ, напримѣръ, на берегъ моря, гдѣ фауна интересуетъ науку, и сидятъ у моря, какъ Танталы, не имѣя возможности извлечь изъ него того, чего жаждутъ. Добыча матеріала и затруднительна, и дорога; сохранять добытые организмы—негдѣ; приспособленій для опытовъ и кабинетныхъ работъ—никакихъ; всю хрупкую посуду, всѣ реактивы—надо привозить съ собой; чего нехватаетъ, что испортится—замѣнить нечѣмъ. Чтобы добиться самыхъ скромныхъ результатовъ, надо было затратить массу энергіи, времени и денегъ. Для людей съ ограниченными средствами (составляющихъ огромное большинство молодыхъ, начинающихъ ученыхъ) эти изслѣдованія были просто недоступны. Но и опытные ученые—напримѣръ, Дю-Буа-Реймонъ, Дарвинъ и др.—давно стремились устранить всѣ эти препятствія. Когда молодой Антонъ Дорнъ, долго колебавшійся между музыкой и естествознаніемъ, избралъ, наконецъ, послѣднее (впрочемъ, до конца своей жизни онъ продолжалъ любить и глубоко понимать музыку) и замыслилъ основать первую зоологическую станцію, то многіе его старѣйшіе коллеги отнеслись скептически къ этому намѣренію.

Но Дорнъ настойчиво повторялъ своимъ друзьямъ-пессимистамъ: „вы увидите: не только возможно осуществить нашу общую мечту, но лѣтъ черезъ двадцать весь земной шаръ будетъ покрытъ сѣтью зоологическихъ станцій, и всякому натуралисту, располагающему самыми ничтожнѣйшими средствами, будетъ доставлена возможность раскрывать глубочайшія тайны природы, прочно устанавливать доселѣ неизвѣстные факты и раскрывать исторію развитія жизни на нашей планетѣ“.

Такъ по его слову и совершилось. Когда въ 1897 г. его дѣтище—неаполитанская зоологическая станція—праздновала свой 25-лѣтній юбилей, то не оставалось на свѣтѣ ни одной страны, не имѣвшей уже своей (или своихъ) зоологической станціи, возникшихъ по образу и подобію дорновской. Въ Австраліи, въ Японіи, въ Америкѣ и въ Индіи, не говоря уже о европейскихъ странахъ, существовали такія учрежденія.

На юбилей неаполитанской зоологической станціи въ 1897 году итальянскій король Умбертъ I прислалъ военный корабль для салютовъ юбиляру и министра народнаго просвѣщенія для возложенія на него ордена 1 степени. Вильгельмъ II поручилъ своему послу въ Римѣ—тогда былъ князь Бюловъ — лично отъ его, императора, имени поздравить профессора и передать ему награду. Многіе другіе государи прислали тоже поздравленія и награды. Явились отъ имени своихъ правительствъ или монарховъ представители другихъ націй, если не посланники, то консулы (кромѣ русскаго [1]), не говоря уже о депутаціяхъ ученыхъ.

[1]) Когда послѣ юбилея я спросилъ нашего добрѣйшаго и наивнѣйшаго генер. кон-

Но близко знавъ покойнаго многіе годы, я имѣю основаніе утверждать, что всѣ эти и другія почести далеко не такъ глубоко трогали юбиляра, какъ тысячи телеграммъ и писемъ отъ ученыхъ учрежденій, слетѣвшіяся буквально со всѣхъ концовъ міра въ Неаполь. Большинство этихъ документовъ—я ихъ просматривалъ—были написаны просто и тепло; они выражали благодарность юбиляру за мощный толчекъ, данный наукѣ учрежденіемъ зоологическихъ станцій и лабораторій.

Я никогда не видалъ Дорна столь счастливымъ—почти до слезъ счастливымъ,—какъ въ ту минуту, когда онъ, показывая мнѣ присланные ко дню юбилея почетные дипломы разныхъ университетовъ (въ томъ числѣ нашихъ: Московскаго и Казанскаго), указалъ мнѣ молча на мотивы, вписанные въ документы, исходившіе отъ нѣкоторыхъ учрежденій, присвоившихъ ему званіе *почетнаго доктора медицины.* Эти мотивы сводились къ тому, что учрежденіе, основанное имъ, дало и даетъ возможность наукѣ также разрѣшать медицинскіе вопросы великой важности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я, по желанію знакомыхъ мнѣ русскихъ профессоровъ, напечаталъ въ газетѣ *Русскія Вѣдомости* статьи объ устройствѣ и научномъ значеніи Неаполитанской станціи. Желали же этого мои знакомые потому, что русское министерство народнаго просвѣщенія угрожало имъ (по страннымъ экономическимъ соображеніямъ) закрыть доступъ въ лабораторіи неаполитанской зоологической станціи; т.-е. русское министерство народнаго просвѣщенія собиралось отказаться оплачивать два русскихъ рабочихъ стола на неаполитанской зоологической станціи. „Помилуйте!"—вопіяли наши натуралисты,—„да тогда массу научныхъ вопросовъ намъ надо будетъ оставить неразработанною...

И вопіющіе дѣлали въ своихъ сферахъ въ Россіи все отъ нихъ зависящее, чтобы этого не совершилось.

Здѣсь не мѣсто излагать подробно перипетіи борьбы, которую тогда вели нѣкоторые наши университеты съ министерствомъ по этому предмету. Во всякомъ случаѣ утѣшительно, что истинные представители науки одержали верхъ (отчасти поддержанные нашей Академіей наукъ) надъ бюрократической близорукостью. Къ настоящему времени число русскихъ

сула въ Неаполѣ Сержпутовскаго, отчего онъ блисталъ своимъ отсутствіемъ на юбилеѣ,—онъ простодушно отвѣтилъ: „да меня не приглашалъ Дорнъ". Согласившись съ моимъ объясненіемъ, что юбиляры вообще не приглашаютъ, старичокъ призадумался, а потомъ, когда гдѣ-то освѣдомился, что профессоръ Дорнъ—цѣлый тайный совѣтникъ, что онъ и его жена часто видаются съ принцемъ Генрихомъ, братомъ импер. Вильгельма II, и принцессой Иреной, супругой принца, вмѣстѣ катаются, обѣдаютъ, водятъ почти запросто знакомство, то Сержпутовскій очень огорчился. „Но какъ же вы этого не сказали?—упрекалъ онъ меня.—Вѣдь принцесса Ирена—родная сестра нашей Государыни".

столовъ [1]) увеличилось. Кстати замѣтимъ, что покойный профессоръ А. Дорнъ, какъ и его сынъ, докторъ Рейнгардтъ Дорнъ (замѣститель во время тяжкой болѣзни отца, а теперь его преемникъ), постоянно доставляли русскимъ естествоиспытателямъ возможность пользоваться всѣми удобствами и работать въ лабораторіяхъ даже тогда, когда такъ называемыя русскія вакансіи бывали заняты. Я по болѣзни болѣе 25 лѣтъ проживаю въ Неаполѣ, много русскихъ ученыхъ посѣщало и посѣщаетъ меня (въ томъ числѣ зоологи, медики, ботаники, естествоиспытатели), и ни отъ одного изъ нихъ я не слыхалъ, чтобы лицо съ научной цѣлью пріѣхавшее въ Неаполь,—а тѣмъ паче заранѣе предварившее объ этомъ администрацію зоологической станціи,—не получило стола, хотя бы всѣ платные русскіе столы были заняты.

Въ этомъ отношеніи я могу смѣло сослаться на моихъ знакомыхъ и друзей, пріѣзжавшихъ и пріѣзжающихъ въ Неаполь для научныхъ занятій: профессоровъ И. Ф. Огнева, В. А. Фаусека († 1910 г.), А. А. Коротнева, Н. К. Кольцова, М. И. Голенкина и др.

Съ Россіей и славянами покойнаго связывала не одна наука, не одни официальныя сношенія съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и академіей наукъ; не одно знакомство на зоологической почвѣ съ пріѣзжающими русскими, которыхъ здѣсь перебывало много (помнится, И. И. Мечниковъ былъ однимъ изъ первыхъ въ самые первые годы существованія учрежденія), но и родственныя, дружескія связи и личное знакомство съ русской литературой и даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, съ обществомъ.

Его тесть, Егоръ Ивановичъ Барановскій, полушутя, полусерьезно причислялъ самого Антона Дорна къ славянскому племени, какъ уроженца прусской провинціи Помераніи. Во всякомъ случаѣ Дорнъ былъ связанъ со славянствомъ своей женитьбой. Только что упомянутый отецъ его жены Маріи Егоровны (православный и тайный совѣтникъ, воспитанникъ училища правовѣдѣнія) въ шестидесятыхъ годахъ былъ саратовскимъ губернаторомъ, самымъ либеральнымъ изъ губернаторовъ, по печатнымъ и устнымъ словамъ покойнаго писателя Мордовцева, коротавшаго свою молодость подъ надзоромъ саратовской полиціи. Онъ отчасти даже пострадалъ въ періодъ реакціи за свою губернаторскую мягкость и справедливость. Мать же и бабка М. Е. Дорнъ были польки.

Съ семействомъ своей будущей жены Дорнъ, ранѣе открытія зоологической станціи, познакомился въ Мессинѣ, куда онъ пріѣхалъ для на-

---

[1]) „Рабочій столъ“, или, вѣрнѣе, рабочій кабинетъ, означаетъ помѣщеніе, приспособленное для научныхъ изслѣдованій; доставленіе матеріала живого и химическаго; всѣхъ необходимыхъ инструментовъ (кромѣ, понятно, микроскопа), прислуги, бассейновъ и аппаратовъ для наблюденія развитія данныхъ организмовъ и т. д.

учныхъ изслѣдованій и гдѣ бывшій либеральный саратовскій губернаторъ проживалъ какъ бы въ опалѣ. Молодой нѣмецкій ученый глубоко полюбилъ старшую дочь этой семьи, юную, образованную, умную дѣвушку, къ тому же граціозную, привлекательной наружности. Она отвѣчала взаимностью. Они обвѣнчались въ Россіи, спустя нѣкоторое время.

Марія Егоровна, ставъ женой Дорна, оказала ему большую нравственную поддержку. До женитьбы его здоровье было незавидное; главное, нервы расшатаны частью обстановкой юности, частью многолѣтнимъ, напряженнымъ трудомъ въ области философіи и естествознанія. По временамъ онъ переживалъ такія мучительныя минуты, что могъ опасаться сумасшествія или самоубійства. Къ тому же его терзала борьба за осуществленіе своего проекта. Эта борьба—цѣлая драма, интересная и поучительная, особенно для людей науки: исканіе матеріальныхъ средствъ ради идеала, преодолѣніе препятствій, которыя возникали около него одно за другимъ, какъ горы передъ альпинистомъ: одолѣешь одну, думая, что конецъ, но, забравшись на вершину, видишь, что впереди предстоитъ новый спускъ и новый, еще болѣе затруднительный подъемъ. Приходилось бороться съ косностью бюрократіи, съ недовѣріемъ, сплетнями, завистью и проч.

Друзья Дорна, старѣйшіе ученые, какъ мы уже замѣтили вначалѣ, скептически относились къ его проекту, между прочимъ и потому, что молодой человѣкъ не располагалъ необходимыми для такого крупнаго предпріятія средствами. Его отецъ, прусскій помѣщикъ, имѣлъ, правда, очень крупное состояніе; онъ высылалъ сыну необходимыя для приличной жизни и образованія деньги, но присылалъ въ обрѣзъ. Эстетъ по природѣ, музыкантъ по таланту и страсти, другъ художниковъ и композиторовъ, Торвальдсена, Листа и множества другихъ, переводчикъ—и весьма хорошій—съ испанскаго Кальдерона и пр., старикъ, невзирая на свой выдающійся умъ и нѣкоторое (дилетантское, впрочемъ) тяготѣніе къ естествознанію (у него была богатая коллекція бабочекъ и онъ занимался изслѣдованіями надъ ними), не понималъ научной важности замысла сына. Или, вѣрнѣе, не утруждалъ себя вдумываться. Онъ, какъ и Бисмаркъ, считалъ проектъ пустой затѣей. Много труда стоило молодому человѣку выпросить себѣ у отца въ видѣ аванса по наслѣдству, кажется, 30 тысячъ талеровъ. Къ счастью для науки, свѣтила англійской учености, познакомившись съ Дорномъ и узнавъ объ его проектѣ, пожелали содѣйствовать дѣлу. А любящая, проникновенно умная, молодая жена отдала на дѣло весь свой приданый капиталъ.

Все это было—особенно сравнительно съ расходами настоящаго времени зоологической станціи—не много. Но энергичный иниціаторъ добился-таки, что его институтъ, столь мощный двигатель науки, былъ открытъ въ 1872 г.

Покойный всю свою жизнь интересовался и слѣдилъ за русской наукой и литературой. Собственно русскій языкъ онъ зналъ болѣе чѣмъ слабо; однако, свои офиціальныя письма онъ подписывалъ по-русски. Когда же русскія дамы приставали къ нему съ вопросомъ, говоритъ ли онъ на ихъ родномъ языкѣ, Дорнъ обыкновенно отвѣчалъ: „Я знаю всего четыре слова по-русски".—„А именно?"—„Я васъ люблю, душенька!" отчеканивалъ онъ отчетливо, но съ нѣмецкимъ акцентомъ. Это всегда вызывало веселый смѣхъ. Онъ, когда былъ здоровъ, любилъ шутку и любилъ веселить другихъ. Все хорошее, появлявшееся въ русской литературѣ, переведенное на нѣмецкій языкъ, а иногда на французскій, англійскій, которыми онъ владѣлъ хорошо, онъ читалъ и пріобрѣталъ для своей библіотеки; Гоголя, наприм., онъ зналъ, пожалуй, лучше многихъ нашихъ соотечественниковъ и любилъ при случаѣ цитировать его.

Дорнъ неоднократно бывалъ въ Россіи; иногда живалъ даже по мѣсяцамъ и въ Могилевской губерніи (гдѣ есть имѣніе его жены и на югѣ, гдѣ есть имѣнія ея родственниковъ), и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, гдѣ онъ вращался среди наиболѣе симпатичныхъ ему ученыхъ, и не избѣгалъ другихъ интересныхъ встрѣчъ и знакомствъ. Особенно сблизился онъ въ русскихъ столицахъ съ покойнымъ графомъ П. А. Гейденомъ (извѣстнымъ земскимъ и думскимъ дѣятелемъ) и съ А. В. Жуковскимъ, сыномъ поэта.

Сынъ покойнаго Антона Дорна, докторъ Рейнгардтъ Дорнъ, преемникъ отца, знаетъ по-русски; онъ бывалъ неоднократно въ Россіи, и имѣетъ тамъ хорошихъ друзей.

Отмѣтимъ кстати еще обстоятельство, само по себѣ маловажное, но характерное. Въ началѣ существованія зоологической станціи въ Неаполѣ для драгированія (одной изъ важнѣйшихъ функцій — ловли въ морѣ живыхъ его обитателей для лабораторій) станція располагала только однимъ небольшимъ пароходомъ и нѣсколькими лодками. Этимъ эмбріономъ ученой флотилии завѣдовалъ русскій отставной морякъ, капитанъ Петерсенъ, который также исполнялъ должность механика въ учрежденіи.

Кассиршей же при акваріумѣ состояла русская старушка, вдова С. М. Буткевичъ [1]). Средства ея были ограничены, и мѣсто, предложенное ей Дорномъ, поддерживало ея существованіе.

Въ этомъ послѣднемъ фактѣ сказалась вообще присущая какъ Антону Дорну, такъ и женѣ его Маріи Егоровнѣ сердечность.

При зоологической станціи есть много служащихъ, начиная съ мальчишекъ, прислуживающихъ въ лабораторіи и взятыхъ буквально съ

---

[1]) Рожденная Некрасова, авторъ полезной и интересной книжки для дѣтей „Дневникъ дѣвочки", которой И. С. Тургеневъ предпослалъ написанное имъ самимъ предисловіе.

улицы, грубыхъ рыбаковъ. Ко всѣмъ нимъ Дорнъ, далеко не пренебрегавшій дисциплиной и умѣвшій безъ всякой грубости внушать чувство долга, относился сердечно, по-человѣчески. Всѣ маленькіе лаццарони, взятые для услугъ въ лабораторіяхъ, обучаются на станціи читать, писать, счисленію, языкамъ, смотря по способностямъ, въ свободныя минуты. Способнѣйшихъ изъ нихъ продвигали всегда впередъ. Мы могли бы указать—но, къ сожалѣнію, рамки статьи слишкомъ тѣсны,—на нѣкоторыхъ бывшихъ босыхъ мальчишекъ, которые не только обратились нынче въ людей образованныхъ, но даже въ пользующихся заслуженнымъ уваженіемъ ученыхъ. Дорнъ и его жена заботливо слѣдили также за матеріальнымъ положеніемъ семей своихъ служащихъ, за ихъ здоровьемъ; помогали въ болѣзни и нуждѣ, и помогали не однѣми деньгами.

Несомнѣнно, что наука вообще представляетъ лучшее средство для сближенія національностей, для смягченій международныхъ предубѣжденій, столь вредныхъ для человѣчества въ политическомъ отношеніи: „побольше науки, поменьше дипломатіи, и тогда будетъ меньше вражды и кровопролитій“. Едва ли возможно также сомнѣваться, что зоологическая станція въ Неаполѣ—одно изъ тѣхъ учрежденій, которыя содѣйствуютъ достиженію этой цѣли. Болѣе молодыя по возрасту родственныя ей учрежденія, разбросанныя по Европѣ, Азіи, Америкѣ и Австраліи, имѣютъ, конечно, каждое весьма крупныя научныя достоинства. Но они всѣ, насколько намъ извѣстно, носятъ болѣе или менѣе узкій національный характеръ, тогда какъ дорновская—космополитична. Въ ней и „столъ и домъ“, въ научномъ смыслѣ, открытъ для всѣхъ націй; представители ихъ невольно входятъ во взаимное общеніе, при множествѣ неизбѣжныхъ къ тому поводовъ. Здѣсь не только нѣмецъ, итальянецъ [1]), французъ, но и русскій, и славянинъ, и испанецъ, и англичанинъ, и мадьяръ могутъ разсчитывать встрѣтить земляковъ и услышать родную рѣчь.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть, что покойный Дорнъ оставилъ человѣческой культурѣ, кромѣ неаполитанской станціи и собственныхъ ученыхъ трудовъ, еще другое наслѣдство. А именно въ его письменномъ столѣ хранится проектъ плавучей лабораторіи, разработанный имъ самимъ „до послѣдняго винтика“, какъ онъ выражался, разговаривая со мной неоднократно объ этомъ предметѣ.

---

[1]) Численно на станціи нѣмецкій и итальянскій элементъ преобладаютъ, ибо Германія доставляетъ и ученыхъ, и правительственныя субсидіи обильнѣе прочихъ государствъ. А для итальянцевъ неаполитанская станція доступнѣе географически, чѣмъ для представителей другихъ націй.

По его мысли, эта плавучая лабораторія должна представлять обширный, солидный пароходъ, приспособленный, какъ зоологическая станція на твердой землѣ, къ изслѣдованію сокровеннѣйшихъ тайнъ природы. Такое подвижное учрежденіе можетъ собирать матеріалъ, заглядывая во всѣ уголки земного шара, омываемые морями.

Много лѣтъ, урывая время отъ своихъ неотложныхъ и многочисленныхъ занятій, упорно работалъ надъ этимъ проектомъ покойный ученый и довелъ его до конца. Однако, сознавая упадокъ своихъ силъ, борясь съ жестокой болѣзнью сердца, унесшей его въ могилу, онъ рѣшилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лично отказаться отъ осуществленія излюбленнаго проекта. „Пусть сынъ займется,—говорилъ онъ,—я же старъ для такого большого дѣла“.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

Неаполь

Кризисъ націоналистической государственности въ Венгріи.

Центральное мѣсто въ закончившейся въ 20-хъ числахъ мая избирательной кампаніи въ Венгріи занималъ вопросъ о введеніи всеобщаго избирательнаго права. Этотъ вопросъ будетъ доминировать въ политической жизни Транслейтаніи и въ ближайшее время. Но борьба за всеобщее избирательное право приняла въ Венгріи очень своеобразную форму, совершенно отличную, напримѣръ, отъ той, въ которой она ведется въ настоящее время въ Пруссіи. Тамъ борьба происходитъ между демократическими слоями народа, желающими расширенія своихъ политическихъ правъ, съ одной стороны, и правительствомъ и господствующими въ Пруссіи реакціонными группами, твердо отстаивающими свои позиціи—съ другой. Въ Пруссіи, такимъ образомъ, группировка политическихъ факторовъ въ борьбѣ за всеобщее избирательное право вполнѣ соотвѣтствуетъ обычной схемѣ распредѣленія общественныхъ силъ при борьбѣ за демократизацію государственнаго строя. Совершенно иное мы видимъ теперь въ Венгріи. На осуществленіи всеобщаго избирательнаго права въ Венгріи настаиваютъ не только демократическія группы населенія, но и корона въ лицѣ ея носителя, австрійскаго императора и венгерскаго короля Франца-Іосифа.

Эта нѣсколько парадоксальная на первый взглядъ картина общественной борьбы становится понятной, если имѣть въ виду, что нынѣшній венгерскій кризисъ есть лишь проявленіе другого, гораздо болѣе глубокаго, а именно кризиса, переживаемаго австро-венгерскимъ дуализмомъ.

Установленная въ 1867 г. система австро-венгерскаго дуализма располагала всѣ австрійскія національности по степени ихъ политическаго удѣльнаго вѣса въ слѣдующемъ порядкѣ. Вполнѣ господствующими были нѣмцы въ Австріи, мадьяры въ Венгріи, полусуверенными народностями были поляки и хорваты, а всѣ остальныя національности: чехи, русины,

южно-австрійскіе славяне, венгерскіе словаки, румыны, сербы и итальянцы были обречены на роль неисторическихъ національностей, причемъ галиційскіе русины были принесены въ жертву полякамъ, а сербы Кроаціи—хорватамъ.

Всѣмъ извѣстно, что дѣйствительность не оправдала ожиданій авторовъ соглашенія. Цислейтанія не только не стала нѣмецкой, но, наоборотъ, не прекращающаяся борьба между славянами и чехами, главнымъ образомъ между чехами и нѣмцами, хотя еще и не завершилась, но дала уже возможность славянамъ достигнуть такихъ успѣховъ, которые лишаютъ мечты о германизаціи Австріи всякаго смысла. Точно также потерпѣла фіаско и политика, стремившаяся сдѣлать Транслейтанію мадьярской. Но темпъ національной борьбы былъ совершенно различенъ въ обѣихъ частяхъ имперіи и привелъ поэтому къ результатамъ несравненно болѣе выгоднымъ для мадьяръ въ Венгріи, чѣмъ для нѣмцевъ въ Австріи. Высокій уровень экономическаго развитія чеховъ, вызвавшій появленіе у нихъ сильной городской буржуазіи и интеллигенціи, сдѣлалъ этотъ народъ такой политической силой, которая можетъ примириться съ государствомъ только тогда, когда ея требованія будутъ удовлетворены, т.-е. когда будутъ признаны права чешской національности. Нѣмецкій элементъ въ Австріи поэтому, хотя и борется за сохраненіе привилегированнаго положенія, предоставленнаго ему конституціей 1867 г., тѣмъ не менѣе вынужденъ шагъ за шагомъ отступать со своихъ позицій. Очень стойко отстаиваютъ свои національныя права также прочіе австрійскіе славяне и итальянцы. Расчетъ австрійскихъ нѣмцевъ получить возможность справиться съ другими національностями Цислейтаніи цѣной удовлетворенія мадьяръ оказался, такимъ образомъ, совершенно неправильнымъ.

Въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи оказались мадьяры. Хотя мадьяры, подобно нѣмцамъ въ Цислейтаніи, количественно отнюдь не доминируютъ въ населеніи Венгріи, имъ тѣмъ не менѣе удалось захватить политическую власть въ свои руки. Предоставивъ кроатамъ, наиболѣе опасному для нихъ элементу, довольно широкую автономію, мадьяры уже могли не считаться съ прочими немадьярскими народностями Транслейтаніи. Венгерскіе нѣмцы находились въ совершенно особыхъ условіяхъ, удерживавшихъ ихъ отъ борьбы съ мадьярами, остальныя же національности: румыны, словаки и русины были настолько отсталыми въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ, что самостоятельными, серьезными политическими силами еще не являлись. Такимъ образомъ, въ то время, когда австрійскій рейхсратъ былъ парализованъ безпрерывной ожесточенной борьбой между нѣмцами и славянами, венгерскій парламентъ, наоборотъ, былъ проникнутъ одной національной волей и заботился объ интересахъ одного только мадьяр-

скаго народа. Отсюда ясно, что положеніе австрійскаго правительства при періодическомъ возобновленіи, по истеченіи десятилѣтнихъ сроковъ, экономическихъ пунктовъ соглашенія съ Венгріей было гораздо хуже, чѣмъ положеніе венгерскаго правительства. Послѣднее опиралось на большинство парламента и всегда могло угрожать Вѣнѣ усиленіемъ непримиримыхъ элементовъ, стремящихся къ полному разрыву между Венгріей и Австріей. Такимъ единодушнымъ и солидарнымъ съ нимъ парламентскимъ большинствомъ австрійское правительство никогда не располагало. Натискъ венгровъ никогда поэтому не встрѣчалъ рѣшительнаго отпора, австрійцамъ въ концѣ-концовъ приходилось итти на уступки, и соглашеніе всякій разъ возобновлялось на условіяхъ, все болѣе и болѣе благопріятныхъ для Венгріи. Такъ, наприм., постоянно повторяя угрозу воспользоваться своимъ правомъ создать самостоятельный венгерскій банкъ (этимъ требованіемъ, какъ извѣстно, былъ обусловленъ въ значительной степени кризисъ, продолжавшійся въ теченіе почти всего прошлаго года въ Венгріи), Венгрія постепенно все усиливала свое вліяніе на управленіе австро-венгерскимъ банкомъ и по уставу, дѣйствующему съ 1900 г., въ личномъ составѣ правленія банка проведено полное равноправіе Австріи и Венгріи. Какъ ни смотрѣть на вопросъ объ экономической самостоятельности Венгріи—а большинство писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ, приходятъ къ заключенію, что нынѣшняя экономическая „общность“ съ Австріей для Венгріи гораздо выгоднѣе, чѣмъ экономическая независимость,—во всякомъ случаѣ нельзя оспаривать того, что существованіе общаго австро-венгерскаго банка дало Венгріи возможность пользоваться такимъ значительнымъ и такимъ дешевымъ кредитомъ, на который она, въ случаѣ экономическаго разрыва съ Австріей, еще очень долго не могла бы разсчитывать.

Но если населеніе Австріи все болѣе и болѣе приходило къ заключенію, что экономическія и политическія условія австро-венгерскаго соглашенія болѣе выгодны для Венгріи, чѣмъ для Австріи, то недовольство вѣнскихъ придворныхъ сферъ соглашеніемъ вызывалось въ еще гораздо большей степени стремленіемъ Венгріи сдѣлать траслейтанскую армію мадьярской. Начиная съ 1890 г., когда „императорская“ австрійская армія превратилась въ „императорскую и королевскую“, Венгрія выдвигаетъ постоянно одно требованіе уступокъ въ „военномъ вопросѣ“ за другимъ. Династія же въ единствѣ арміи видитъ самый прочный залогъ сохраненія единства имперіи, поэтому она въ военныхъ вопросахъ менѣе уступчива, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Вслѣдствіе этого, когда Венгрія стала выдвигать требованія введенія венгерскаго команднаго языка, военныхъ знаменъ и т. д., и національныя требованія мадьяръ становились все болѣе и болѣе радикальными, такъ что, по выраженію графа Ап-

пони, венгерская національная программа уподобилась книгамъ Сивиллы, изъ которыхъ послѣдняя стоитъ столько же, сколько всѣ предыдущія", корона стала искать союзниковъ въ самой Венгріи, которые пришли бы ей на помощь въ отстаиваніи единства имперіи противъ натиска мадьяръ. Тутъ она не могла не замѣтить, что у нея тамъ такіе союзники есть, а именно всѣ немадьярскія національности Венгріи, политическое значеніе которыхъ, точно также, какъ и значеніе демократическихъ слоевъ самой мадьярской національности въ Транслейтаніи, въ настоящее время совершенно ничтожно. Оказалось, что Венгрія въ значительной степени только потому имѣла возможность выступать, какъ единое цѣлое, что дѣйствующее въ ней избирательное право обезпечивало господство верхнихъ слоевъ мадьярской національности. Почти совершенно лишенные представителей въ будапештскомъ парламентѣ, венгерскіе румыны, словаки и т. д. не имѣли возможности отстаивать своихъ національныхъ интересовъ, подвергались безпощадной мадьяризаціи и своимъ вынужденнымъ молчаніемъ поддерживали фикцію національно и политически единодушной Венгріи. Отсюда вытекалъ простой выводъ—дать Венгріи всеобщее избирательное право. Оно уничтожитъ привилегію мадьяръ, раскроетъ всѣ національныя противорѣчія въ Венгріи, обнаружитъ, что введенія венгерской команды въ арміи, въ военномъ судопроизводствѣ и т. д. требуетъ не Венгрія, а мадьяры, и что эти два понятія отнюдь не совпадаютъ, что для словаковъ, румынъ и т. д. венгерскій языкъ такой же чужой, какъ и нѣмецкій, и что ихъ депутаты поэтому не будутъ имѣть ни малѣйшаго основанія оказывать венгерскому языку предпочтеніе передъ нѣмецкимъ.

Такимъ образомъ и получилось положеніе, при которомъ интересы короны оказались совпадающими съ интересами немадьярскихъ національностей и демократическихъ слоевъ мадьярскаго народа, до сихъ поръ не имѣвшихъ возможности бороться ни за свои національныя, ни за соціальныя требованія.

Достаточно посмотрѣть на результаты переписи населенія Венгріи, чтобы убѣдиться въ томъ, что „мадьяры" и „Венгрія" отнюдь не одно и то же. По переписи 1900 года въ Венгріи (безъ Кроаціи-Славоніи) было: мадьяръ—8.588,834, нѣмцевъ—1.980,423, словаковъ—1.991,402, румынъ—2.784,726, русинъ—423,159, хорватовъ—188,554, сербовъ—434,641, прочихъ національностей (цыганъ, итальянцевъ и т. д.)—329,837. Общее число членовъ немадьярскихъ національностей равняется, такимъ образомъ, 8.132,740 или 48,6% населенія Венгріи. Еще менѣе благопріятно отношеніе для мадьяръ, если взять всю Транслейтанію, т.-е. принять во вниманіе еще и Кроацію-Славонію. Тогда мы получимъ слѣдующія цифры: мадьяръ—8.679,014, нѣмцевъ—2.114,423, словаковъ—2.008.744, румынъ—2.785,265, русинъ—427,825, хорватовъ—

1.670,905, сербовъ—1.042,022, прочихъ національностей—394,142. Слѣдовательно, по отношенію къ населенію всей Транслейтаніи мадьяры составляютъ всего 45,4%. Въ дѣйствительности число мадьяръ еще ниже, такъ какъ офиціальная статистика относитъ евреевъ, усвоившихъ мадьярскій языкъ, къ числу мадьяръ, а между тѣмъ евреевъ во всей Транслейтаніи по переписи 1900 г.—851,374, а въ Венгріи безъ Кроаціи—826,222. Изъ нихъ къ мадьярской національности себя причисляютъ—64%, остальные же большей частью къ нѣмцамъ. Нужно еще при этомъ принять во вниманіе, что изъ 8.132,000 немадьяръ собственной Венгріи всего только 1.365,000 человѣкъ понимаютъ по-венгерски. Слѣдовательно, около 7 милліоновъ людей въ Венгріи и 9 милліоновъ во всей Транслейтаніи совершенно не понимаютъ государственнаго языка Транслейтаніи.

Эти разныя народности распредѣлены по Венгріи далеко не равномѣрно. Правда, нѣтъ почти ни одной области Венгріи, которая была бы совершенно однородной въ національномъ отношеніи или по языку населенія. Однако, можно, не вдаваясь въ излишнія детали, раздѣлить Венгрію по національности и языку на слѣдующія три части, по пространству приблизительно равныя между собою: 1) мадьярскую, расположенную въ центрѣ страны, состоящую изъ 21 комитата, въ которой живетъ около двухъ третей всѣхъ мадьяръ Венгріи. Въ этихъ комитатахъ мадьяры составляютъ въ среднемъ приблизительно 80% населенія; 2) славянскую, раздѣленную на двѣ неравныя части, изъ которыхъ бо́льшая расположена на сѣверо-западѣ, меньшая на югѣ Венгріи. Славяне (словаки, русины, сербы и кроаты) составляютъ въ нихъ 54% населенія, а если причислять еще живущихъ на славянской территоріи нѣмцевъ, румынъ и другихъ немадьяръ, 74%; 3) румынскую, на востокѣ и юго-востокѣ Транслейтаніи, въ которой румыны образуютъ 57%, а съ прочими немадьярами вмѣстѣ 74% всего населенія.

Между тѣмъ составъ венгерскаго парламента нисколько не соотвѣтствуетъ этнографической картинѣ населенія. Число членовъ „партіи національностей“, какъ называются въ венгерскомъ парламентѣ представители румынъ, словаковъ и сербовъ, совершенно ничтожно. Изъ 413 депутатовъ собственной Венгріи (Хорватія посылаетъ особую делегацію изъ 40 членовъ, выбираемыхъ загребскимъ сеймомъ), въ послѣднемъ будапештскомъ парламентѣ было не болѣе 25 представителей немадьярскихъ національностей, а въ предыдущихъ парламентахъ ихъ было еще меньше. Оно очень незначительно и въ нынѣшнемъ парламентѣ, такъ какъ на послѣднихъ выборахъ прошло менѣе двухъ десятковъ представителей „національностей“.

Какимъ образомъ мадьярамъ удалось до сихъ поръ заглушить оппозицію прочихъ національностей Венгріи, почему они, образуя меньшинство населенія въ Транслейтаніи въ такой же степени, въ какой нѣмцы являются имъ въ Цислейтаніи, до сихъ поръ совершенно не

знали національной борьбы въ стѣнахъ своего парламента? То порабощеніе чужихъ національностей, которое не удалось нѣмцамъ Цислейтаніи, несмотря на то, что они являлись народомъ съ міровой культурой и языкомъ, знаніе котораго необходимо всякому образованному человѣку какой бы то ни было національности, было осуществлено, какъ могло казаться поверхностному наблюдателю, безъ особенныхъ усилій въ Транслейтаніи заброшеннымъ въ Европу урало-алтайскимъ племенемъ, языка котораго въ цивилизованномъ мірѣ никто не знаетъ. По ближайшему разсмотрѣнію оказывается однако, что это парадоксальное явленіе объясняется довольно просто. Національныя противорѣчія отнюдь не разрѣшены въ Транслейтаніи, какъ увѣряютъ мадьяры, къ всеобщему удовольствію. Господство мадьяръ и отсутствіе протестовъ другихъ національностей основывается, главнымъ образомъ, на политикѣ, направленной къ полной мадьяризаціи Транслейтаніи и очень искусно пользующейся для достиженія этой цѣли дѣйствующимъ въ Венгріи избирательнымъ правомъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться при разсмотрѣніи основныхъ чертъ этого избирательнаго закона и отношенія венгерскаго правительства къ немадьярскимъ національностямъ.

Венгерскій избирательный законъ, получившій свою нынѣшнюю редакцію въ 1874 г., чрезвычайно сложенъ и недаромъ былъ названъ даже офиціальнымъ органомъ венгерскаго правительства, газетой *Pester Lloyd*, „кодифицированной вавилонской башней". „Законодательство,—продолжала газета въ той же статьѣ,—регулирующее пользованіе самымъ важнымъ изъ гражданскихъ правъ, точно спеціально создано для крючкотворовъ и конструкція закона такова, что адвокатскій писарь даже со средними способностями можетъ привести доводы противъ или въ пользу участія любого человѣка въ выборахъ" [1]). Въ Венгріи, если принять во вниманіе всѣ существующія для отдѣльныхъ мѣстностей страны особенности избирательнаго права, не менѣе 37 категорій избирателей, которыя раздѣляются на шесть главныхъ группъ.

На основаніи всѣхъ этихъ разнородныхъ цензовъ въ Венгріи избирательнымъ правомъ пользуются приблизительно 6% всего населенія. На выборахъ 1901 г. число внесенныхъ въ списки избирателей равнялось 1.025,245 или 6,1% населенія, на выборахъ 1905 г.—1.056,818 или 6,0%, а въ 1906 г. избирателей было 1.085,323 (6,1%). Остальная часть взрослаго населенія Транслейтаніи за неимѣніемъ ценза не имѣетъ возможности участвовать въ выборахъ; къ этому политически безправному большинству относятся почти всѣ несамостоятельные ремесленники, сельскохозяйственные рабочіе и фабричный пролетаріатъ, которые, въ рѣдкихъ только случаяхъ обладаютъ избирательнымъ правомъ. Среди же

[1]) *Pester Lloyd*, 24 іюля 1894 г.

лицъ, внесенныхъ въ избирательные списки, около 57% являются владѣльцами земельной собственности въ размѣрѣ не ниже 3 десятинъ. Антидемократическая тенденція избирательнаго закона, такимъ образомъ, достаточно ясна. На-ряду съ цензовыми началами несправедливость избирательнаго закона проявляется чрезвычайно рельефно въ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ. На выборахъ 1901 г. было избирателей: въ 1 округѣ менѣе 200, въ 4 отъ 200 до 300, во 2 отъ 300—400, въ 1 отъ 400 до 500, въ 15 отъ 500 до 700, въ 26 отъ 700 до 1,000, въ 34 отъ 1,000 до 1,500, въ 54 отъ 1,500 до 2,000, въ 165 отъ 2,000 до 3,000, въ 74 отъ 3,000 до 4,000, въ 24 отъ 4,000 до 5,000, въ 5 отъ 5,000 до 7,000, а въ 5 число избирателей превышало 7,000. А такъ какъ участіе въ выборахъ въ Венгріи рѣдко превышаетъ 60—70% всего количества избирателей, то депутаты парламента очень часто являются въ дѣйствительности представителями весьма незначительныхъ группъ населенія. Напримѣръ, на выборахъ въ 1901 г. почти ²/₃ всѣхъ избираемыхъ въ Венгріи депутатовъ (254) получили менѣе 1,000 голосовъ каждый, а 377 депутатовъ, т.-е. болѣе 91% всѣхъ венгерскихъ членовъ парламента (не считая делегаціи хорватскаго сейма), получили менѣе 1,500 голосовъ каждый.

Отъ неравномѣрности избирательныхъ округовъ болѣе всего страдаютъ немадьярскія національности Венгріи. „Чѣмъ болѣе румынъ въ комитатѣ,—говоритъ *Scotus Viator* (псевдонимъ англійскаго публициста R. W. Seton-Watson [1]),—тѣмъ менѣе въ немъ избирателей“. Въ то время какъ во всей Трансильваніи, особенно въ мадьярскихъ комитатахъ, число избирателей иногда поднимается до 7,5% населенія, въ населенныхъ румынами комитатахъ Трансильваніи избирателей не болѣе 3,2%. „Двѣнадцать мадьярскихъ избирательныхъ округовъ Трансильваніи, въ которыхъ въ общей сложности 5,160 избирателей, посылаютъ въ парламентъ 12 депутатовъ. Румынскій же округъ Карансебесъ съ его 5,275 избирателями выбираетъ одного депутата. Одиннадцать комитатовъ Трансильваніи съ населеніемъ въ 1.700,000 человѣкъ, среди которыхъ большинство составляютъ румыны, выбираютъ 50 депутатовъ, а четыре трансильванскихъ комитата съ мадьярскимъ большинствомъ населенія, число жителей которыхъ равняется 530,000, посылаютъ въ парламентъ 23 депутата“ [2]). Въ нѣкоторыхъ округахъ неравномѣрность достигаетъ такихъ размѣровъ, что у румынскаго населенія одинъ депутатъ приходится на 50—60,000 жителей, у трансильванскихъ мадьяръ, такъ называемыхъ секлеровъ, на 4—5,000. Одной изъ причинъ того, что среди трансильванскихъ румынъ число избирателей ниже, чѣмъ въ

---

[1]) *Scotus Wiator:* „Racial problems in Hungary“. London, 1908, стр. 252.

[2]) *L. Eisenmann:* „Le compromis austro-hongrois“. Paris, 1904, стр. 569.

собственной Венгріи, является разница въ цензѣ. Въ Трансильваніи, земельный цензъ (5,2 десятины) замѣненъ цензомъ платежа подоходнаго налога съ чистаго дохода не ниже 145,6 кронъ. Такъ какъ земля въ Трансильваніи значительно хуже, чѣмъ въ Венгріи, и обрабатывается гораздо болѣе примитивнымъ способомъ, то румынскій крестьянинъ, для того, чтобы стать избирателемъ, долженъ обладать по меньшей мѣрѣ въ шесть разъ большимъ земельнымъ участкомъ, чѣмъ мадьярскій крестьянинъ, живущій въ собственной Венгріи.

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что и другія статьи избирательнаго закона создаютъ такое же привилегированное положеніе для мадьяръ, какъ и различіе въ земельномъ цензѣ. Напримѣръ, вслѣдствіе преобладанія мадьяръ среди образованныхъ слоевъ населенія и среди государственныхъ чиновниковъ они гораздо болѣе, чѣмъ словаки, румыны и т. д., извлекаютъ выгоды изъ преимуществъ образовательнаго и служебнаго цензовъ. Точно такъ же мадьяры составляютъ большинство въ группѣ избирателей, пользующихся правомъ голоса на основаніи привилегій, существовавшихъ до 1848 г. Нужно еще имѣть въ виду, что по расчету, произведенному въ 1899 г., приблизительно 25% всѣхъ избирателей находились въ зависимости отъ государства въ качествѣ его чиновниковъ или служащихъ. Эта значительная часть избирателей вслѣдствіе открытой подачи голосовъ не можетъ вотировать противъ правительственныхъ кандидатовъ. За послѣднее десятилѣтіе это соотношеніе чиновниковъ къ прочимъ избирателямъ измѣнилось еще болѣе въ пользу правительства.

Едва ли не самымъ крупнымъ источникомъ злоупотребленій по отношенію къ немадьярскимъ народностямъ является открытая подача голосовъ, предоставляющая огромный просторъ давленію администраціи на избирателей, которое облегчается всей тактикой производства выборовъ. Избирательные списки составляются исключительно на мадьярскомъ языкѣ и власти широко пользуются предоставленными имъ полномочіями для того, чтобы устранить нежелательныхъ избирателей.

Такимъ образомъ, избирательный законъ и практика примѣненія его администраціей объясняютъ въ достаточной степени, почему число представителей немадьярскихъ національностей такъ ничтожно въ венгерскомъ парламентѣ. Нѣкоторое время немадьярскія народности, убѣдившись въ безполезности своего участія въ избирательныхъ кампаніяхъ, почти совсѣмъ было воздерживались отъ голосованія, и въ 1887 г. былъ избранъ только одинъ румынскій депутатъ, который въ видѣ протеста противъ несправедливостей избирательнаго закона, отказался занять мѣсто въ будапештскомъ парламентѣ, не отказываясь, однако, въ то же время отъ своихъ депутатскихъ полномочій. Только въ 1901 г. въ пар-

ламентѣ опять появилась небольшая группа представителей „національностей“, по преимуществу словаковъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ административной практикой при примѣненіи избирательнаго закона находится и вся политика мадьяръ по отношенію къ „инородцамъ“. Мы тутъ находимъ полное противорѣчіе между теоріей и практикой. Законъ 1868 г. о правахъ національностей проникнутъ духомъ терпимости, убѣжденіемъ въ возможности примирить господство мадьяръ съ правами немадьярскихъ національностей, выраженнымъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся венгерскихъ государственныхъ дѣятелей, Этвёшемъ, слѣдующими словами: „наши національныя движенія могутъ стать угрожающими для будущности нашей страны только въ томъ случаѣ, если ихъ сдѣлаютъ опасными путемъ насильственнаго гнета, точно такъ же, какъ сильное давленіе можетъ превратить воду, паръ, даже воздухъ въ разрушительную силу“. Законъ 1868 г. исходитъ изъ двухъ требованій: сохраненія единства государства и равноправія всѣхъ гражданъ. Поэтому, сохраняя мадьярскій языкъ въ качествѣ государственнаго, онъ предоставляетъ органамъ мѣстнаго самоуправленія право употреблять въ качествѣ офиціальнаго языка въ преніяхъ и протоколахъ, на-ряду съ мадьярскимъ, тотъ мѣстный языкъ, на которомъ говорятъ по меньшей мѣрѣ 20% всѣхъ членовъ собранія. Законы должны быть издаваемы не только на мадьярскомъ, но и на языкахъ всѣхъ венгерскихъ національностей. Органы мѣстнаго самоуправленія могутъ сноситься между собою не только на общегосударственномъ языкѣ, но и на мѣстныхъ. Частныя лица могутъ обращаться къ государственнымъ учрежденіямъ на своемъ языкѣ, а эти учрежденія должны имъ по возможности отвѣчать на томъ же языкѣ. Судьи должны допрашивать стороны на ихъ языкѣ и на немъ же сообщать имъ свой вердиктъ, если этотъ языкъ является однимъ изъ признанныхъ въ совѣтѣ даннаго комитата языковъ меньшинства. Частныя лица, коммуны и религіозно-вѣроисповѣдныя общины могутъ открывать школы и образовательныя учрежденія съ преподаваніемъ на мѣстныхъ языкахъ. Государство также обязуется открывать начальныя и среднія школы для немадьярскихъ національностей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они составляютъ большинство. Церквамъ гарантируется внутренняя автономія и свобода въ выборѣ языка. Государство далѣе обязуется не отдавать при назначеніи на государственную службу предпочтенія лицамъ мадьярской національности, а назначать на всѣ должности, въ частности и на посты префектовъ (обергешпановъ), представителей другихъ народностей Венгріи.

Какъ видно изъ этого перечня главныхъ статей закона, уступки, которыя онъ дѣлаетъ національностямъ, еще очень далеки отъ признанія полнаго національнаго равноправія въ Венгріи, но немадьярскія

національности были бы въ настоящее время очень довольны, если бы законъ 1868 г. примѣнялся въ духѣ его творцовъ, Деака и Этвеша. На самомъ же дѣлѣ не будетъ преувеличеніемъ сказать, что законъ 1868 г. является въ настоящее время лишь декоративнымъ украшеніемъ венгерскаго государственнаго строя, вводящимъ въ заблужденіе иностранцевъ, на практикѣ же остающимся пустымъ звукомъ. Примирительная политика по отношенію къ немадьярскимъ національностямъ продолжалась на дѣлѣ весьма короткое время и очень быстро была замѣнена режимомъ крутой систематической мадьяризаціи. Пришлось бы уклониться сильно въ сторону, если бы мы стали излагать всѣ причины, заставившія мадьяръ перейти на путь насильственной мадьяризаціи. Укажемъ лишь на одну изъ главныхъ. Мадьяры хорошо понимали, что національныя движенія въ такихъ государствахъ, какъ Австрія или Венгрія, являются результатомъ извѣстнаго экономическаго развитія, что они обязаны своимъ возникновеніемъ развитію среднихъ классовъ и интеллигенціи каждой отдѣльной національности. Поэтому они для того, чтобы обезпечить свое господство, стали стремиться использовать періодъ, когда прочія венгерскія національности еще настолько отстали въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ, что о серьезномъ національномъ движеніи у нихъ не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ они надѣялись предотвратить наступленіе момента, когда борьба за національное равноправіе будетъ вестись между приблизительно одинаково культурными націями, какъ, напримѣръ, она происходитъ между чехами и нѣмцами въ Цислейтаніи. Такой политикой они разсчитывали обезпечить себѣ во-время господство въ Транслейтаніи, о которомъ имъ нельзя было бы и думать, если бы немадьярскимъ національностямъ предоставлена была возможность полнаго національнаго самоуправленія. Они сознавали, что при лойяльномъ отношеніи къ правамъ немадьярскихъ національностей мадьярамъ пришлось бы отказаться отъ мысли о господствѣ въ Венгріи. „Венгрія,—заявилъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся венгерскихъ публицистовъ и политиковъ, — должна стать большимъ національнымъ государствомъ или она совсѣмъ перестанетъ быть государствомъ“.

Стремленіе къ насильственной мадьяризаціи стало основой всей внутренней венгерской политики, когда въ 1875 г. партія Деака слилась съ „лѣвымъ центромъ“, во главѣ котораго находился Коломанъ Тисса, въ „либеральную“ партію и Тисса сталъ министромъ-президентомъ. Особенное вниманіе было, конечно, обращено на школы. Законами 1883 и 1879 гг. знаніе мадьярскаго языка и мадьярской литературы было объявлено необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія права быть преподавателемъ или воспитателемъ. Правительство и не думало исполнить обязательство дать немадьярскимъ національностямъ возможность получить низшее и среднее образованіе на ихъ родномъ языкѣ, взятаго на себя

въ законѣ о національностяхъ. До какой степени практика не соотвѣтствуетъ теоріи, видно изъ слѣдующихъ данныхъ школьной статистики Венгріи.

„Въ 1904—5 гг. въ Венгріи было 1,822 государственныхъ начальныхъ училища, но въ 1651 (т.-е. 90,6 %) изъ нихъ языкомъ преподаванія былъ исключительно мадьярскій, въ 170 мѣстный языкъ служилъ въ качествѣ вспомогательнаго и только въ одномъ училищѣ преподаваніе велось не по-мадьярски. Во всѣхъ 138 государственныхъ городскихъ начальныхъ школахъ, во всѣхъ 26 государственныхъ промышленныхъ школахъ и въ единственной государственной коммерческой школѣ преподаваніе ведется исключительно на мадьярскомъ языкѣ. Еще хуже обстоитъ дѣло со средними школами. Изъ 38 государственныхъ гимназій только въ одной, въ Фіуме, на-ряду съ мадьярскимъ языкомъ, преподаваніе ведется также и на итальянскомъ, во всѣхъ же другихъ примѣняется исключительно мадьярскій языкъ. Въ этихъ гимназіяхъ нѣмецкій, словацкій, сербскій или румынскій въ качествѣ языка преподаванія не примѣняются, хотя онѣ посѣщаются значительнымъ количествомъ немадьярскихъ учениковъ. Причемъ было бы совершенной ошибкой допустить, что національности обладаютъ собственными школами въ достаточномъ количествѣ и что учрежденіе государствомъ немадьярскихъ школъ было бы излишнимъ. Наоборотъ, эти національности до крайности нуждаются въ новыхъ школахъ и всѣ рессурсы немадьярскихъ церквей напряжены до крайности для того, чтобы содержать тѣ школы, которыя уже существуютъ. Въ то время, когда на основаніи статистики распредѣленія населенія по національностямъ слѣдовало бы ожидать, что въ 48% (начальныхъ и среднихъ) школъ преподаваніе должно вестись на какомъ-нибудь немадьярскомъ языкѣ, въ дѣйствительности немадьярскихъ школъ существуетъ только: 19% начальныхъ училищъ, 7,1% гимназій и 7,8% реальныхъ училищъ, причемъ нѣтъ ни одного словацкаго или русинскаго средняго учебнаго заведенія“ [1]). Для того, чтобы пріобрѣсти вліяніе на независимыя отъ правительства вѣроисповѣдныя школы славянскаго и румынскаго духовенства, пользующіяся гарантированной этимъ церквамъ закономъ автономіей, правительство ловко пользуется недостаткомъ средствъ, отъ котораго эти церкви всегда страдаютъ. Установивъ минимумъ оклада учителя начальныхъ общинныхъ и конфессіональныхъ школъ въ 600 (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ 400) кронъ,—что само по себѣ является вполнѣ справедливой мѣрой, ибо установленіе этого минимума улучшило положеніе начальныхъ учителей,—правительство однако вмѣстѣ съ тѣмъ поставило нуждающіяся въ средствахъ конфессіональныя школы немадьярскихъ національностей въ

---

[1]) *Scotus Viator,* l. c., стр. 156—157.

необходимость обращаться къ нему за субсидіей. Правительство не отказываетъ въ субсидіи, но вмѣстѣ съ выдачей субсидіи пріобрѣтаетъ право надзора за постановкой дѣла образованія въ школѣ. Этимъ правомъ правительственные чиновники широко пользуются въ интересахъ мадьяризаціи какъ учениковъ, такъ и преподавательскаго персонала [1]).

Но не только низшія и среднія школы, даже дѣтскіе сады по замыслу правительства должны служить орудіемъ мадьяризаціи. По закону 1891 г. объ обязательной отдачѣ въ дѣтскіе сады дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 6 лѣтъ, родители которыхъ не имѣютъ возможности удѣлять имъ должнаго вниманія, завѣдующіе этими учрежденіями обязаны заботиться о томъ, чтобы дѣти въ нихъ знакомились съ мадьярскимъ языкомъ. Офиціальный комментарій къ этому закону совершенно открыто объясняетъ это требованіе тѣмъ, что дѣти въ этомъ возрастѣ обыкновенно легко научаются говорить на чужихъ языкахъ. Заслуживаетъ вниманія, что въ 1905—6 гг. мадьярскіе дѣтскіе сады получили отъ государства 58,478 кронъ субсидій, немадьярскіе же не получили ни одной копейки. Результатомъ этой попытки мадьяризаціи чуть ли не въ пеленкахъ является то, что огромная часть немадьярскихъ родителей вовсе не отдаетъ своихъ дѣтей въ дѣтскіе сады.

Вообще мадьяры не имѣютъ основанія ликовать по поводу ихъ націоналистической политики въ школахъ. Мы уже выше указывали на то, что огромная часть населенія мадьярскаго языка всетаки совершенно не знаетъ. Безграмотныхъ въ 1900 г. было во всей странѣ 8.025,242, т.-е. 47,99%, а между тѣмъ число дѣтей, не посѣщающихъ школу съ 1880 г., т.-е. съ того момента, когда мадьяризаторскій режимъ ясно опредѣлился, стало постоянно увеличиваться: въ 1881 г. не посѣщало школъ 463,339 дѣтей школьнаго возраста, т.-е. 21% всѣхъ дѣтей этой категоріи, въ 1906 г. число не посѣщавшихъ дошло до 645,820, т.-е. 24%. Вслѣдствіе того, что къ преподаванію теперь допускаются только учителя, знающіе мадьярскій языкъ и мадьярскую литературу, многія школы часто совсѣмъ не функціонируютъ за неимѣніемъ преподавательскаго персонала. Такъ, напримѣръ, въ 1906 г. 247 начальныхъ

[1]) Сборникъ „La Hongrie contemporaine". Paris, 1909, стр. 155, сообщаетъ слѣдующія статистическія данныя о начальныхъ школахъ въ Венгріи въ 1905—6 гг., въ которую включены всѣ общинныя и конфессіональныя школы немадьярскихъ національностей. Школъ съ преподаваніемъ исключительно на венгерскомъ языкѣ — 9788; школъ, въ которыхъ примѣняется еще одинъ мѣстный языкъ рядомъ съ венгерскимъ—1,954; школъ, въ которыхъ часть предметовъ преподается по-венгерски—1,665; школъ, въ которыхъ венгерскій языкъ въ качествѣ языка преподаванія совсѣмъ не примѣняется—3,154. Изъ этой статистики видно, что въ 1905—6 учебномъ году число немадьярскихъ начальныхъ школъ было ниже 20%. Нужно при этомъ имѣть еще въ виду, что уровень преподаванія въ церковныхъ школахъ значительно ниже, чѣмъ въ государственныхъ.

школъ, въ томъ числѣ десять государственныхъ, были частью закрыты изъ-за недостатка въ учителяхъ. Нужно прибавить, что отъ политики мадьяризаціи страдаютъ интересы образованія не только немадьярскихъ національностей, но и самой господствующей національности, такъ какъ правительство старается открывать новыя школы по возможности въ частяхъ Венгріи съ немадьярскимъ населеніемъ съ цѣлью превращенія его въ мадьяръ. Вслѣдствіе этого въ чисто-мадьярскихъ округахъ Венгріи часто ощущается недостатокъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Не соблюдается также обѣщаніе закона 1868 г. назначать на государственную службу и лицъ немадьярскихъ національностей. Въ 11 комитатахъ румыны, а въ 7 словаки составляютъ подавляющее большинство населенія, а между тѣмъ въ теченіе всего послѣдняго поколѣнія ни одинъ словакъ или румынъ не былъ назначенъ префектомъ. Въ Трансильваніи до присоединенія ея къ Венгріи было 12 румынскихъ префектовъ, а около трети чиновниковъ были румыны, въ 1891-же году среди 3,105 чиновниковъ въ Трансильваніи было 183 румына или 5,8%, а въ 10 комитатахъ собственной Венгріи, въ которыхъ румыны составляютъ болѣе или менѣе значительную часть населенія, изъ 3,649 чиновниковъ румынъ было 22, т.-е. 6% [1]). Нужно при этомъ имѣть въ виду, что большинство румынъ, всетаки попавшихъ на государственную службу, занимаютъ очень второстепенные посты.

Нельзя при этомъ не отмѣтить, что въ своемъ стремленіи къ мадьяризаціи господствующая въ Венгріи національность доходитъ до мѣропріятій, не имѣющихъ уже никакого практическаго значенія. Правительство заботится, напримѣръ, о томъ, чтобы чиновники немадьярскаго происхожденія измѣнили свои нѣмецкія или славянскія фамиліи въ мадьярскія. Побуждаемые министерскими циркулярами, чиновники массами мадьяризуютъ свои имена. Въ какихъ размѣрахъ это происходитъ, можно судить потому, что въ теченіе только шести мѣсяцевъ, съ января по іюнь 1898 г. [2]) такихъ перемѣнъ фамилій было произведено не менѣе 2,762. Мадьяризуются также названія городовъ и мѣстечекъ. Даже съ „автономной“ Кроаціей происходили очень острыя столкновенія на почвѣ политики мадьяризаціи. Стòитъ только указать на извѣстный венгерско-кроатскій конфликтъ въ 1883 г. изъ-за попытки замѣнить хорватскія надписи на казенныхъ зданіяхъ Загреба мадьяро-хорватскими и на столкновеніе въ 1907 г., вызванное внесеніемъ законопроекта, устанавливающаго исключительное примѣненіе мадьярскаго языка на кроатскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Конфликтъ между венгерскимъ правительствомъ и загребскимъ сеймомъ по этому поводу принялъ такіе размѣры, что загребскій сеймъ два года совсѣмъ не функціонировалъ.

---

[1]) *Scotus Viator*, l. c., p. 153—154.

[2]) *L. Eisenmann,* l. c., p. 557.

Мы не можемъ дать здѣсь полной картины мадьяризаторскаго режима и только скажемъ еще нѣсколько словъ объ одной изъ самыхъ скандальныхъ страницъ исторіи Венгріи послѣ заключенія соглашенія съ Австріей, а именно о политическихъ процессахъ противъ представителей немадьярскихъ національностей. О размѣрахъ преслѣдованія немадьяръ за „политическія преступленія“ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Между 1886 и 1896 гг. 143 румына были приговорены (въ общей сложности,—какъ и дальнѣйшія цифры наказаній), къ тюремному заключенію на 93 года, 1 мѣсяцъ и 23 дня и 42,464 кронамъ денежнаго взысканія. Отъ 1897 до 1908 гг. 210 румынъ были приговорены къ тюремному заключенію на 38 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и три дня и 51,327 кронамъ денежнаго штрафа. Между 1896 и 1908 гг. 560 словаковъ были приговорены къ 91 году 7 мѣсяцамъ и 26 днямъ тюремнаго заключенія и 42,121 кронъ денежнаго штрафа. Отъ 1898 до 1903 гг. 14 нѣмцевъ были осуждены къ тюремному заключенію на 2 года, 10 мѣсяцевъ и 10 дней и 7,720 кронамъ денежнаго штрафа. Въ 1904 г. 7 русинъ было приговорено къ заключенію въ тюрьму на 5 лѣтъ и штрафу на сумму 2,100 кронъ. Между 1898 и 1906 гг. 4 серба были осуждены къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ и 1 мѣсяцъ и денежному штрафу въ 2,500 кронъ. Исторія знаменитаго „загребскаго процесса“, разбиравшагося въ 1909 г. съ его почти 60 приговоренными къ суровымъ наказаніямъ, послѣ продолжительнаго предварительнаго заключенія, за „велико-сербскую пропаганду“ на основаніи показаній завѣдомаго шпіона-провокатора, еще слишкомъ памятна читателямъ для того, чтобы подробно ее излагать. Напомнимъ лишь, что процессъ этотъ былъ возбужденъ кроатскими властями по иниціативѣ венгерскаго правительства для того, чтобы скомпрометировать сербско-хорватскую коалицію въ хорватскомъ сеймѣ. Въ какихъ размѣрахъ практикуется венгерскимъ правительствомъ привлеченіе къ суду своихъ политическихъ противниковъ въ качествѣ средства политической борьбы, видно изъ того, что нынѣшній кабинетъ графа Куэна-Хедервари, принявшій власть съ цѣлью бороться противъ большинства послѣдняго парламента и старающійся привлечь на свою сторону немадьярскія національности и демократическіе слои населенія вообще, распорядился въ началѣ выборовъ прекратить судебное производство по *148 политическимъ процессамъ.* Большинство этихъ процессовъ въ дѣйствительно конституціонной странѣ было бы совершенно немыслимо. Газетная статья или рѣчь, стремящаяся къ пробужденію національнаго самосознанія у немадьярскихъ національностей или направленная противъ режима мадьяризаціи, служатъ достаточнымъ основаніемъ для судебнаго преслѣдованія за возбужденіе ненависти противъ мадьярской (или, какъ предпочитаютъ говорить мадьярскія власти,—венгерской) національности, за попытку къ

нарушенію конституціи, за возбужденіе одной части населенія противъ другой и т. д. Обвиняемыхъ часто держатъ въ предварительномъ заключеніи цѣлыми мѣсяцами. Помимо судебнаго преслѣдованія за статьи, газеты часто подвергаются конфискаціи. Одна еженедѣльная словацкая газета (*Ludovi Noviny*) была въ теченіе 1907 г. конфискована не менѣе 20 разъ. Съ румынской печатью обращаются еще хуже, чѣмъ со словацкой. Нужно однако сказать, что немадьярская печать въ этомъ отношеніи имѣетъ товарища по несчастью въ рядахъ мадьярской прессы. Венгерская соціалъ-демократическая печать подвергается не меньшимъ преслѣдованіямъ, чѣмъ пресса венгерскихъ „инородцевъ". Отношеніе администраціи къ соціалъ-демократическимъ собраніямъ и дѣятельности организацій промышленныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ не менѣе враждебное, чѣмъ ко всѣмъ проявленіямъ національно-политической жизни немадьярскихъ народностей [1]).

Въ этомъ отношеніи къ печати и политическимъ организаціямъ трудящихся классовъ венгерскаго народа проявляется то, что всѣ преимущества, вытекающія изъ господства въ парламентѣ, въ администраціи и странѣ, извлекаются вовсе не мадьярской національностью въ ея цѣломъ, а господствующимъ классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. О значеніи крупнаго землевладѣнія въ Венгріи можно судить по слѣдующимъ даннымъ. По статистикѣ 1900 г. [2]) владѣльцевъ участковъ земли менѣе 0,52 десятины было 409,964, владѣвшихъ въ общей сложности 147,541 гектаромъ (десятина=1,0925 гектара) земли или 0,62% всей годной для обработки земли въ Венгріи. 943,911 человѣкъ владѣютъ участками отъ 0,52 до 2,6 десятинъ, а въ суммѣ 1.319,992 гектарами, или 5,53% всей земли; 1.051,405 человѣкъ владѣютъ участками отъ 2,6 до 26 десятинъ, а въ общей сложности— 10.080,805 гектаровъ или 42,19%; 26,664 человѣкъ владѣютъ участками отъ 26 до 52 десятинъ, а въ суммѣ 1.494,054 гектарами, или 6,25% всей земли; средними имѣніями въ размѣрѣ отъ 52 до 520 десятинъ владѣютъ 16,406 человѣкъ, обладающіе въ общей сложности 3.399,402 гектарами, или 14,22%, а имѣнія, превышающія 520 десятинъ, принадлежатъ 1,945 владѣльцамъ, обладающимъ въ общей сложности 7.451,640 гектарами, или 31,19% всей удобной земли. Такимъ образомъ около трети всей удобной земли принадлежитъ 0,09% всѣхъ землевладѣльцевъ, въ то время какъ, съ другой стороны, 55,2% землевладѣльцевъ обладаютъ всего $^1/_{16}$ всей земли. Заповѣдныя имѣнія князей и

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о политикѣ мадьяризаціи и интересныя данныя о жизни словаковъ читатель найдетъ въ нѣсколько разъ уже цитированной книги: *Scotus Viator* (R. W. Seton-Watson), Racial problems in Hungary, London, 1908.

[2]) Цитируемъ по даннымъ книги: „La Hongrie contemporaine", Paris, 1909, стр. 9. Книга составлена редакціей венгерскаго журнала *Huszadik Század.*

графовъ Эстергази занимаютъ пространство въ 263,179 десятинъ, графовъ Шенборнъ 123,181 десятину, графовъ Андраши 47,057, графовъ Зичи 33,887 десятинъ и т. д. Крупные землевладѣльцы доминируютъ не только въ комитатскихъ собраніяхъ, но и въ администраціи и парламентѣ. Достаточно посмотрѣть на профессіональный составъ членовъ парламента, чтобы убѣдиться въ огромномъ вліяніи землевладѣльческаго класса на ходъ законодательства. Изъ 401 члена послѣдняго парламента (не считая хорватской делегаціи) было 137 крупныхъ и среднихъ помѣщиковъ, 111 адвокатовъ, 45 бывшихъ государственныхъ чиновниковъ, 33 священника, 19 ученыхъ, писателей и журналистовъ, 13 преподавателей, 6 владѣльцевъ или управляющихъ заводовъ, 7 управляющихъ банками и сберегательными кассами, 5 врачей, 5 земледѣльцевъ, 4 купца, 3 инженера, 1 фармацевтъ, 1 художникъ, 11 разныхъ другихъ профессій [1]). Такимъ образомъ среди депутатовъ парламента, было не менѣе 35% землевладѣльцевъ. Нужно при этомъ знать, что среди помѣщиковъ около 50 принадлежатъ къ наиболѣе крупнымъ землевладѣльцамъ, что значительная часть адвокатовъ является повѣренными по дѣламъ этихъ аристократовъ и, слѣдовательно, находятся въ матеріальной отъ нихъ зависимости и что большинство чиновниковъ въ отставкѣ и другихъ депутатовъ съ высшимъ образованіемъ живетъ доходами со своей земли, т.-е. являются тѣми же помѣщиками.

Преобладаніе крупнаго землевладѣнія въ такой по преимуществу земледѣльческой странѣ, какой остается еще и теперь Венгрія, является одной изъ главныхъ причинъ ея культурной и экономической отсталости, которая выражается, между прочимъ, во все растущей эмиграціи изъ Венгріи, преимущественно въ Америку. Массовая эмиграція изъ странъ, не страдающихъ отъ перенаселенія—о которомъ въ Венгріи еще не можетъ быть и рѣчи,—всегда служитъ объективнымъ признакомъ соціальныхъ и политическихъ дефектовъ ихъ государственнаго строя. Сообразно этому мы и видимъ, что венгерская эмиграція растетъ чрезвычайно быстро: въ 1896 г. изъ Венгріи эмигрировало 24,846 человѣкъ, въ 1900 г.—54,767, въ 1903 году—119,944, въ 1905 г.—170,430, а въ 1906 г.—178,170, причемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что мадьяры составляютъ приблизительно третью часть венгерской эмиграціи. „У насъ есть коммуны, въ которыхъ каждый взрослый житель уже побывалъ въ Америкѣ. У насъ есть коммуны, всѣ работоспособные мужчины которыхъ находятся за границей“ [2]). Чѣмъ больше крупныхъ имѣній въ комитатѣ, тѣмъ больше число крестьянъ-эмигрантовъ изъ него.

---

[1]) „La Hongrie contemporaine“, стр. 173—174.

[2]) „La Hongrie contemporaine“, стр. 60.

Мы видѣли такимъ образомъ, что въ теченіе четырехъ десятилѣтій, истекшихъ послѣ заключенія австро-венгерскаго соглашенія, господствующіе въ Венгріи классы успѣли возстановить противъ себя не только немадьярскія національности и демократическіе слои самого венгерскаго народа, но и корону, которая боится, что дальнѣйшія уступки мадьярамъ могутъ привести къ полному распаденію монархіи. И всѣ эти общественные элементы надѣются, что со введеніемъ всеобщаго избирательнаго права кореннымъ образомъ измѣнится нынѣшнее положеніе вещей въ Венгріи. Немадьярскія національности ждутъ отъ всеобщаго избирательнаго права конца режима насильственной мадьяризаціи и возможности безпрепятственно развивать свои національныя культуры; демократическія массы господствующей національности разсчитываютъ, что оно положитъ конецъ господству феодально-финансовой олигархіи; венгерская корона, наконецъ, надѣется при помощи всеобщаго избирательнаго права натравить немадьярскія національности на мадьяръ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ менѣе требовательными и менѣе заносчивыми по отношенію къ Австріи. Этимъ и объясняется то, что корона находится въ рядахъ борцовъ за демократизацію венгерскаго государственнаго строя.

Всѣ эти расчеты вѣрны, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, ибо не слѣдуетъ забывать, что составъ парламента и характеръ его законодательной дѣятельности въ концѣ-концовъ опредѣляется не однимъ избирательнымъ правомъ.

Въ виду результатовъ, которые должно дать введеніе всеобщаго избирательнаго права, вполнѣ понятно, что группы, держащія въ своихъ рукахъ власть, не спѣшатъ съ осуществленіемъ избирательной реформы. Коалиціонный кабинетъ Векерлея, принявшій въ 1906 г. власть и обязавшійся ввести всеобщее избирательное право, поэтому своего обѣщанія не исполнилъ и предложилъ парламенту очень неудовлетворительный проектъ избирательной реформы графа Андраши, который однако также не сталъ закономъ. Но, какъ ни велико стремленіе господствующихъ классовъ господствующей національности оттянуть и исказить реформу, имъ всетаки придется проглотить эту пилюлю, и то обстоятельство, что корона бросила свою силу на чашку политическихъ вѣсовъ въ пользу реформы, позволяетъ думать, что отсрочка будетъ не слишкомъ продолжительной и искаженіе не совершенно извратитъ смыслъ и значеніе реформы. А съ ея осуществленіемъ начнется новый періодъ не только во внутренней жизни Венгріи, но и въ отношеніяхъ между Цислейтаніей и Транслейтаніей. Въ венгерскомъ парламентѣ начнется борьба національностей приблизительно въ такомъ же видѣ, въ какомъ она велась въ австрійскомъ рейхсратѣ. И тутъ-то и скажется та разница во внутрен-

ней эволюціи обѣихъ половинъ имперіи, которая до сихъ поръ для многихъ была скрыта. Тогда именно обнаружится, что въ Австріи сорокъ лѣтъ, истекшія послѣ заключенія соглашенія 1867 г., даромъ не прошли, что она цѣной тяжелыхъ парламентскихъ кризисовъ всетаки уже значительно подвинулась впередъ по направленію къ разрѣшеніи національнаго вопроса на началахъ дѣйствительнаго равноправія всѣхъ національностей. И если до сихъ поръ Венгрія, благодаря кажущейся однородности своего парламента, была сильнѣе Австріи въ системѣ дуализма и извлекла изъ него гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ Австрія, то по осуществленіи избирательной реформы въ Транслейтаніи обнаружится, что венгерская однородность была лишь оптическимъ обманомъ и что внутренній строй Австріи на дѣлѣ гораздо болѣе здоровъ, чѣмъ государственный строй Венгріи, такъ какъ въ области національной борьбы Австрія уже пережила значительную часть того, что еще предстоитъ Венгріи, донынѣ игнорировавшей права своихъ „инородцевъ“. Венгрія тогда почувствуетъ, насколько близорука была политика мадьяризаціи, превратившая во враговъ мадьяръ даже тѣ немадьярскія національности Венгріи, которыя при заключеніи соглашенія 1867 г. ничего не имѣли противъ ихъ включенія въ составъ Транслейтаніи. А чѣмъ больше будутъ развиваться въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ немадьярскія національности Транслейтаніи, чѣмъ больше онѣ научатся пользоваться расширеннымъ избирательнымъ правомъ, тѣмъ настойчивѣе будутъ онѣ бороться за сохраненіе своей національной индивидуальности. И тогда станетъ все очевиднѣе, что основная идея австро-венгерскаго дуализма потерпѣла полное фіаско, ибо мадьярамъ такъ же мало удалось подчинить себѣ всю Транслейтанію, какъ не удалось этого нѣмцамъ въ Цислейтаніи.

Такимъ образомъ избирательная реформа въ Венгріи должна будетъ привести къ пересмотру дуализма. Само собою разумѣется, что о возвращеніи къ централизму въ Австро-Венгріи не можетъ быть и рѣчи. Можно сказать, что вся исторія имперіи Габсбурговъ послѣ революціи 1848 г., съ непрекращавшимися въ ней внутренними кризисами, является во всякомъ случаѣ въ значительной мѣрѣ результатомъ ошибки, сдѣланной австрійскимъ правительствомъ въ 1849 г. Если бы правительство попыталось тогда осуществить національную программу, принятую кремзирскимъ парламентомъ, постановившимъ преобразовать государственный строй Австріи на началахъ равноправія національностей съ раздѣленіемъ страны на автономные округа съ однороднымъ по возможности населеніемъ, Австріи, можно думать, удалось бы избѣгнуть многихъ эксцессовъ національной борьбы. Однако вмѣсто того, чтобы попытаться достигнуть соглашенія между національностями на почвѣ кремзирской программы, восторжествовавшая въ Австріи реакція, какъ извѣстно, по-

ступила какъ разъ наоборотъ, именно попробовала при Бахѣ сдѣлать Австрію централистическимъ государствомъ. Когда же система Баха рухнула и либеральный централизмъ Шмерлинга также оказался нежизнеспособнымъ, правительство думало, что достаточно будетъ замѣнить одинъ,—нѣмецкій,—централизмъ двумя,—нѣмецкимъ для Цислейтаніи и мадьярскимъ для Транслейтаніи,—для того, чтобы справиться съ негосподствующими національностями имперіи Габсбурговъ. Теперь, когда оказалось, что всѣ надежды, возлагавшіяся на дуализмъ, не оправдались ни во внѣшней, ни во внутренней политикѣ, возможенъ, конечно, не возвратъ къ централизму въ томъ или иномъ видѣ, а только дальнѣйшій шагъ на пути къ удовлетворенію національностей, именно реформа внутренняго строя Австро-Венгріи на началахъ полнаго равноправія всѣхъ національностей имперіи.

Какую конкретную форму приметъ въ концѣ-концовъ эта федерація національностей Австро-Венгріи, въ настоящее время сказать, конечно, совершенно невозможно. Можно только высказать мнѣніе, что едва ли удастся разрѣшить національный вопросъ въ Австріи на основаніи территоріальнаго дѣленія страны. Не только извѣстный проектъ Палацкаго, предлагавшаго въ кремзирскомъ парламентѣ раздѣлить Австрію на 8 автономныхъ частей: (1) нѣмецкая Австрія; 2) чешская Австрія; 3) австрійская Польша; 4) австрійская Иллирія; 5) австрійская Италія (тогда Ломбардія и Венеція принадлежали еще Австріи); 6) южно-славянская Австрія; 7) мадьярская Австрія; и 8) румынскія области Австріи), но и позднѣйшіе проекты территоріальнаго дѣленія имперіи Габсбурговъ не въ состояніи создать такихъ болѣе или менѣе обширныхъ географическихъ единицъ, въ которыхъ на-ряду съ большинствомъ не было бы значительной примѣси другой національности, составляющей меньшинство и, слѣдовательно, предотвратить національную борьбу между ними. Такъ, напримѣръ, обратившій на себя въ послѣднее время вниманіе проектъ трансильванскаго румына, Аврелія Поповичи [1]), сводящійся къ раздѣленію Австро-Венгріи на 16 автономныхъ областей: (1) нѣмецкая Австрія; 2) нѣмецкая часть Богеміи; 3) нѣмецкая часть Моравіи; 4) чешская область, охватывающая чешскія части Богеміи, Моравіи и Силезіи; 5) западная (польская) Галиція; 6) восточная (русинская) Галиція; 7) Трансильванія съ примыкающими къ ней населенными румынами областями Венгріи и Буковины; 8) Кроація; 9) Крайна; 10) земля словаковъ; 11) сербская воеводина; 12) мадьярская Венгрія; 13) область секлеровъ; 14) Тріентская область; 15) Тріестъ съ окружающими его итальянскими

---

[1]) *Aurel C. Popovici:* „Die Vereinigten Staaten von Gross-Osterreich". Leipzig, 1906. стр. 308—9.

областями; 16) Боснія и Герцеговина), съ центральнымъ парламентомъ для общихъ дѣлъ, кажется намъ также не достигающимъ своей цѣли.

Гораздо болѣе оригинальное и радикальное рѣшеніе предлагаетъ въ своихъ работахъ, пишущій подъ псевдонимомъ „Рудольфъ Шпрингеръ", д-ръ Карлъ Реннеръ [1]). Онъ предлагаетъ взять въ качествѣ основы для федеративнаго строя не территоріальныя единицы, не „коронныя земли", а національности, какъ группы лицъ, независимо отъ того, въ какой части имперіи эти лица живутъ. Всѣ, считающіе себя принадлежащими къ опредѣленной національности, образуютъ союзъ, который управляется органами автономными во всѣхъ вопросахъ, относящихся къ національной жизни. Во всѣхъ же другихъ областяхъ законодательства національности должны бы быть подчинены обще-государственнымъ учрежденіямъ. Національности заняли бы при осуществленіи этого проекта въ государствѣ положеніе, напоминающее положеніе автономныхъ въ своемъ внутреннемъ управленіи церквей. Идеи Шпрингера легли въ основу національной программы австрійской соціалъ-демократической партіи, высказавшейся на своемъ съѣздѣ въ Брюннѣ въ 1899 г. за созданіе вмѣсто историческихъ коронныхъ земель, „національно-единыхъ, самоуправляющихся единицъ", причемъ „всѣ самоуправляющіяся области каждой данной націи образуютъ вмѣстѣ единый національный союзъ, пользующійся полной самостоятельностью въ рѣшеніи всѣхъ своихъ національныхъ дѣлъ..." [2]).

Точно такъ же, какъ въ настоящее время нѣтъ еще возможности предсказать, какимъ строемъ будетъ замѣненъ австро-венгерскій дуализмъ, нельзя предвидѣть и того, какимъ образомъ эта замѣна произойдетъ. Многіе наблюдатели австрійской политической борьбы выражаютъ убѣжденіе, что оздоровленіе имперіи Габсбурговъ мыслимо только при помощи государственнаго переворота. Такъ, напримѣръ, еще до введенія всеобщаго избирательнаго права въ Австріи, извѣстный германскій политикъ, Фридрихъ Науманнъ, писалъ [3]): „Во всѣхъ политическихъ бесѣдахъ въ Австріи мнѣ встрѣчалась одна и та же мысль: здѣсь необходимъ Наполеонъ. Не обязательно Наполеонъ I, достаточно Наполеона III. Такой австрійскій Наполеонъ сначала распустилъ бы теперешній парламентъ, потомъ сообщилъ бы народу, что онъ положилъ вполнѣ заслуженный конецъ безобразному существованію фальсифици-

1) *Rudolf Springer:* „Grundlagen und Entwickelungstendenzen der österreichisch-ungarischen Monarchie". Wien u. Leipzig, 1906. Его же: „Der Kampf der österreichischen Nation um den Staat". Wien, 1902 (есть русскій переводъ).

2) Сравни также: *Otto Bauer,* „Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie". Wien, 1907 (есть русскій переводъ).

3) *Friedrich Naumann:* „Deutschland und Osterreich". Berlin, 1900.

рованнаго представительства, что путемъ плебисцита онъ хочетъ получить одобреніе народа совершонному имъ шагу и что онъ намѣренъ управлять имперіей съ народнымъ представительствомъ, составленнымъ не на сословныхъ основаніяхъ, а избраннымъ посредствомъ всеобщаго избирательнаго права; а такъ какъ армія на его сторонѣ, то онъ проситъ считаться со всѣмъ этимъ, какъ съ совершившимся фактомъ. Это былъ бы переворотъ въ интересахъ государства".

Дѣйствительный ходъ вещей показалъ, что Науманнъ былъ неправъ. Всеобщее избирательное право было введено въ Австріи безъ государственнаго переворота сверху. Нужно поэтому надѣяться, что и въ Венгріи эта реформа будетъ осуществлена безъ „Наполеона", ибо Наполеоны рѣдко совершаютъ перевороты во имя интересовъ демократіи.

И. Левинъ.

Личность Гоголя въ его литературныхъ произведеніяхъ и письмахъ.

Н. В. Гоголь выдѣлился изъ многихъ замѣчательныхъ людей тѣмъ, что пережилъ на своихъ глазахъ и свое величіе, свою славу, и свое паденіе. Истинный „властитель думъ“ современнаго ему общества въ извѣстную эпоху, одинъ изъ родоначальниковъ художественнаго реализма въ русской литературѣ; поэтъ, заставившій и своихъ современниковъ, и своихъ потомковъ оглянуться на самихъ себя и тѣмъ двинуться впередъ по пути культурнаго прогресса, Н. В. Гоголь сдѣлался предметомъ особаго вниманія и почтенія не только у своихъ современниковъ, но еще болѣе среди своего культурнаго потомства, которое, располагая съ теченіемъ времени матеріалами для всесторонней оцѣнки личности и творчества великаго писателя въ значительно большемъ объемѣ, чѣмъ современники Гоголя, поставило себѣ задачей сохранить все то, что осталось отъ него, собрать всѣ матеріалы вмѣстѣ и, по мѣрѣ возможности, подвергнуть тщательному научному изслѣдованію даже каждую деталь, каждую мелочь, если она является цѣнной для изученія творчества и личности этого, безспорно, замѣчательнаго человѣка. Къ исполненію и преслѣдованію такой задачи изученія личности и творчества Гоголя побуждало еще то обстоятельство, что онъ даже для своихъ ближайшихъ друзей и родныхъ, даже для крупнѣйшихъ и опытныхъ литераторовъ его времени, вслѣдствіе сложности своей натуры и природной скрытности, представлялъ нѣкоторую загадку. Поэтому вполнѣ естественно, что потомство, обладая опубликованными уже послѣ смерти Гоголя матеріалами, выдвинуло на первый планъ одну изъ задачъ науки своего времени—содѣйствовать разрѣшенію этой загадки. Мы, въ интересахъ научной истины, хотимъ теперь знать вполнѣ всего Гоголя, потому что ему обязана и наша литература, и наше просвѣщеніе частью тѣхъ успѣховъ, переживать которые выпало на нашу долю. Если Гоголь при своей жизни не только своимъ перомъ, своимъ печатнымъ произведеніемъ, потрясалъ читателей до глубины души, но

и своимъ живымъ словомъ, своимъ мастерскимъ, художественнымъ чтеніемъ заставлялъ слушателей приходить въ восторгъ и даже рыдать, какъ зарыдала, наприм., Варвара Осиповна Балабина, когда Гоголь дочиталъ „Записки сумасшедшаго" до того мѣста, въ которомъ Поприщинъ жалуется матери на производимыя надъ нимъ истязанія [1]); если Гоголь заставилъ всю зрительную залу въ театрѣ затаить дыханіе и оцѣпенѣть на мгновеніе при представленіи IV акта „Ревизора" въ Петербургѣ 19 апр. 1836 г., какъ говорятъ о томъ современники, бывшіе въ то время въ театрѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ; то теперь, когда мы можемъ отнестись къ Гоголю болѣе спокойно и сознательно, когда прошло сто лѣтъ со дня его рожденія, мы не только вѣримъ этимъ сообщеніямъ и воспоминаніямъ, не только испытываемъ чувство признанія и любви къ великому художнику и „душевѣдцу" Гоголю, но можемъ себѣ отдать и отчетъ въ своихъ чувствахъ, можемъ и должны доискиваться и причинъ той трагической судьбы, которая выпала на долю нашего Гоголя.

Такія замѣчательныя люди, какъ Пушкинъ и Гоголь, не должны оставаться ни одной чертой своей личности въ тѣни или внѣ предѣловъ научнаго изслѣдованія и вниманія. Вспомнимъ тѣ историческія слова, которыми начинается „Авторская исповѣдь" Гоголя 1847 года. Вотъ они:

„Всѣ согласны въ томъ, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразныхъ толковъ, какъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". И—что̀ всего замѣчательнѣй, чего не случилось, можетъ быть, доселѣ еще ни въ какой литературѣ—предметомъ толковъ и критикъ стала не книга, но авторъ" [2]). Что̀ же заставило современное Гоголю общество и современную ему критику говорить *объ авторѣ?* Почему *самъ авторъ* больше заинтересовалъ *собой* и общество, и журнальную критику, чѣмъ своей книгой, вышедшей уже послѣ повѣстей, послѣ „Ревизора", послѣ „Мертвыхъ душъ?" Въ то время на эти и подобные вопросы было труднѣе отвѣчать за недостаткомъ матеріала, чѣмъ въ наше время. Гоголь самъ говоритъ въ письмѣ къ Прокоповичу изъ Парижа отъ 25 января 1837 года: „Одна только слава по смерти знакома душѣ неподдѣльнаго поэта. А современная слава не стоитъ копейки"...

Мы бы сказали, что слава поэта, слава писателя, которая окружила его послѣ того, какъ онъ сдѣлался цѣликомъ достояніемъ культурнаго потомства, есть именно та слава, о которой Гоголь говоритъ въ письмѣ своему товарищу и которую нынѣ, черезъ сто лѣтъ послѣ рожденія Гоголя, начинаетъ сознательно переживать вся культурная Россія, со-

---

[1]) *Шенрокъ:* „Матеріалы для біографіи", т. III, стр. 128—129.

[2]) Соч. Гоголя, 10-е изд., т. IV, стр. 241.

знательно повторяя за Бѣлинскимъ и Пушкинымъ, что Гоголь—гордость и слава нашей литературы.

Въ нижеслѣдующемъ мы поэтому позволимъ себѣ предложить опытъ историко-психологическаго изученія личности Гоголя въ ея эволюціи, поскольку его личность обрисовывается передъ нами въ литературныхъ произведеніяхъ его и въ письмахъ къ разнымъ лицамъ.

Въ серединѣ декабря 1828 г., съ большою поспѣшностью собравшись въ путь, выѣхалъ Николай Васильевичъ Гоголь въ столицу Петербургъ изъ отдаленнаго малорусскаго захолустья, полный надеждъ и увѣренности, что если не своими собственными дарованіями, въ которыхъ онъ и не отдавалъ себѣ яснаго отчета, то, по крайней мѣрѣ, помощью протекціи и рекомендательныхъ писемъ онъ сразу получитъ видное мѣсто на службѣ, которое дастъ ему возможность осуществить давнишнія мечты—принести пользу государству и обезпечить свое матеріальное положеніе.

Этотъ юноша на 20-мъ году жизни, выросши въ захолустьѣ, гдѣ всѣ общественныя отношенія складывались въ простыя формы, едва успѣвъ окончить курсъ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, къ началу 1829 г. очутился въ шумной столицѣ, которая незадолго передъ тѣмъ переживала бурныя проявленія общественнаго самосознанія, была свидѣтельницей зарожденія новыхъ формъ государственности и гражданской жизни, а теперь готовилась къ новой фазѣ развитія общественныхъ отношеній послѣ ликвидаціи всѣхъ результатовъ умственнаго движенія и освободительной борьбы александровской эпохи.

Хотя Гоголь и былъ уже знакомъ съ практикой жизни, зналъ уже людей, успѣлъ даже выработать нѣкоторый навыкъ въ обращеніи съ ними, имѣя отъ природы много практическаго смысла и смѣтливости, но все это практиковалось въ довольно скромныхъ масштабахъ при условіяхъ провинціальной жизни. Зная немало примѣровъ безбѣдной и счастливой въ своемъ родѣ жизни „старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ или „Ивановъ Ивановичей“ и „Ивановъ Никифоровичей“, проживших въ своемъ углу безъ особенныхъ жизненныхъ задачъ и не почуявшихъ за всю свою жизнь необходимости пріобщиться къ вѣками накопленнымъ духовнымъ богатствамъ культурнаго человѣчества, Гоголь съ весьма и весьма скуднымъ запасомъ научныхъ знаній, съ крайне поверхностнымъ образованіемъ, пустился въ центръ тогдашней русской культуры, въ Петербургъ, съ намѣреніемъ здѣсь поступить на службу. При этомъ, однако, Гоголь имѣлъ самые нескромные планы и желанія, о которыхъ мы впервые узнаемъ изъ его письма къ матери изъ Нѣжина отъ 26 февраля 1827 г.: „Ежели объ чемъ я теперь думаю,—пишетъ онъ здѣсь,—такъ это все о будущей жизни моей. Во снѣ и наяву мнѣ грезится

Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству. До сихъ поръ я былъ счастливъ; но ежели счастье состоитъ въ томъ, чтобы быть довольну своимъ состоянiемъ, то не совсѣмъ,—не совсѣмъ до вступленiя въ службу, до прiобрѣтенiя, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста“ [1]).

Въ другомъ письмѣ Гоголя къ матери, тоже изъ Нѣжина, отъ 24 марта 1827 г., мы уже можемъ замѣтить, какъ на нашихъ глазахъ растутъ замыслы молодого будущаго поэта-реалиста. Здѣсь читаемъ: „Я и теперь такой же, какъ и прежде, жаркiй охотникъ къ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятiя, хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненiемъ папеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя... не знаю, какъ назвать этого небеснаго ангела. Это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живитъ, даетъ даръ чувствовать самого себя и часто, въ минуты горя, небеснымъ пламенемъ входитъ въ меня, разсвѣтляетъ сгустившiяся думы. Въ сiе время сладостно мнѣ быть съ нимъ; я заглядываю въ него, т.-е. въ себя, какъ въ сердце друга,—испытую свои силы для поднятiя труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастiя гражданъ, для блага жизни подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанiя, и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела, твердо и непреклонно все указующаго въ мѣту жаднаго исканiя... Черезъ годъ вступаю я въ службу государственную“ [2]).

За это время Гоголь успѣлъ уже перекинуться двумя письмами съ своимъ товарищемъ по лицею Высоцкимъ, который жилъ уже въ Петербургѣ, и изъ этихъ писемъ Гоголя мы узнаемъ то, что̀ его интересуетъ въ столицѣ. Въ этихъ письмахъ онъ спрашиваетъ о прелестяхъ петербургской жизни [3]), о цѣнахъ на квартиры „въ двѣ или три хорошенькiя комнаты“ [4]), о цѣнахъ на припасы, за отопленiе и проч., а также объ окладахъ жалованья. Въ одномъ письмѣ къ этому же Высоцкому отъ того же 1827 г. 26 iюня мы читаемъ слѣдующее: „Позволь еще тебя, единственный другъ Герасимъ Ивановичъ, попросить объ одномъ дѣлѣ... надѣюсь, что ты не откажешь... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербургѣ портному самому лучшему фракъ для меня? Мѣрку можетъ снять съ тебя, потому что мы одинаковаго роста и плотности съ тобой. А ежели ты разжирѣлъ, то можешь сказать, чтобы немного у̀же. Но объ этомъ послѣ, а теперь—главное—

1) *Шенрокъ:* „Письма“, т. I, стр. 58—59

2) Ibid., стр. 68.

3) Ibid., стр. 55.

4) Ibid., стр. 64.

узнай, что стоитъ пошитье самое отличное фрака по послѣдней модѣ, и цѣну выставь въ письмѣ, чтобы я могъ знать, сколько нужно посылать тебѣ денегъ“ [1]).

Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ матери Гоголь обнаруживаетъ замѣчательную заботливость о томъ, какъ бы мать его не довѣрялась людямъ, которые набиваются сами помогать въ хозяйствѣ: „Опасайтесь какъ можно болѣе людей,—пишетъ Гоголь матери изъ Петербурга 16 апрѣля 1831 г.,—которые набиваются сами помогать въ хозяйствѣ, особливо если они успѣли запятнать себя дурными поступками, мотовствомъ и совершеннымъ незнаніемъ хозяйства, несмотря на свою всегдашнюю хвастливость“ [2]). Также въ цѣломъ рядѣ писемъ и изъ Нѣжина, и изъ Петербурга Гоголь даетъ матери практическіе совѣты, какъ строить домъ, изъ какого матеріала, по какому плану, сколько нужно лѣсу, рабочихъ-плотниковъ, какую крышу будетъ выгоднѣе дѣлать, не устроить ли заводъ для выдѣлки черепицы изъ глины, насколько глина выгоднѣе въ пожарномъ отношеніи вслѣдствіе своей огнеупорности, сколько выкуривается вина и какъ упорядочить винокуреніе, о пользѣ сѣянія картофеля и проч., и проч. [3]). Гоголь самъ вычерчиваетъ планы своего деревенскаго дома, предусматриваетъ въ планѣ всѣ жизненныя удобства, слѣдитъ за ярмарками и привозомъ продуктовъ сельскаго хозяйства, изучаетъ различныя ремесла, о которыхъ говоритъ въ письмѣ своему дядѣ Петру Петровичу Косяровскому [4]) отъ 8 сентября 1828 г. изъ Нѣжина въ слѣдующихъ словахъ: „Что̀ касается до меня, ежели найду свое счастье, ежели приду въ состояніе помочь своимъ родственникамъ и сестрамъ—пріѣду. Ежели нѣтъ,—потерплю нужду, а кого нужда не совершенствуетъ и не дѣлаетъ богатымъ? притомъ же до слишкомъ большой нужды не доѣду. Ежели для постояннаго пріобрѣтенія знаній не буду имѣть всѣхъ способовъ, могу прибѣгнуть покуда къ другому; вы еще не знаете всѣхъ моихъ достоинствъ. Я знаю кое-какія ремесла: хорошій портной, недурно раскрашиваю стѣны алфрескою живописью, работаю на кухнѣ, и много кое-чего уже разумѣю изъ повареннаго искусства; вы думаете, что я шучу,—спросите нарочно у маменьки. А что̀ еще болѣе, за что я всегда благодарю Бога, это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми я прежде мало обладалъ: теперь ничего изъ начатаго мною я не оставлю, пока совершенно не окончу... Итакъ, хлѣбъ у меня будетъ всегда“ [5])... Такъ говоритъ своему дядѣ 19-лѣт-

[1]) Ibid., стр. 79.
[2]) Ibid., стр. 175.
[3]) Ibid., стр. 45, 47, 51, 71, 81, 140, 141—143, 150, 151.
[4]) Мать Н. В. Гоголя—Марія Ивановна Косяровская. *Русск. Арх.*, 1875 г., № 4, стр. 451.
[5]) Ibid., стр. 106—107.

ній Гоголь, прося въ этомъ письмѣ дядю не уѣзжать изъ Малороссіи и не покидать его мать, такъ какъ этотъ дядя Косяровскій [1]) былъ для семьи Гоголей очень полезнымъ и нужнымъ, а для матери Николая Васильевича „ангеломъ-утѣшителемъ", какъ онъ выражается здѣсь же.

Кажется, ясно, что мы имѣемъ передъ собой молодого человѣка, который уже къ 19-ти годамъ сдѣлался хорошимъ хозяиномъ-практикомъ, закалилъ въ себѣ волю, пріобрѣлъ знаніе людей и жизни, конечно, въ извѣстномъ масштабѣ личнаго опыта, и приготовился даже мужественно встрѣтить нужду и превратности судьбы. Болѣе того, по письмамъ Гоголя видно, что онъ выработалъ систему обхожденія съ людьми и тактику поведенія, исполненную житейской практической мудрости, а своимъ знаніемъ людей онъ могъ быть полезенъ не только себѣ, но и другимъ. Такъ, въ этомъ же письмѣ Гоголь открываетъ дядѣ свои завѣтныя намѣренія и знакомитъ его съ перспективой, возможной для его матери въ то время, когда самъ Гоголь будетъ на службѣ, будетъ занятъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Но послушаемъ лучше самого Гоголя: „Можетъ быть, и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (*это и есть мое намѣреніе*), обо мнѣ не будетъ и слуху, между тѣмъ уплыветъ десять лѣтъ, законная давность,—почему знать, каковы еще будутъ мои сестры!—можетъ быть, жадные наслѣдники не дадутъ ей и мѣста, гдѣ бы приклонить голову. Вы знаете этого алчнаго попа о. Меркурія [2]), который съ такою жадностью слѣдитъ наше имѣніе и который, пользуясь правомъ родства, уже зажилилъ порядочный кусокъ. Чего они не сдѣлаютъ съ женщиною, хотя благоразумною, но всетаки не имѣющей достаточной твердости для состязанія съ этими закоснѣлыми грабителями" [3]). Вотъ въ какой сферѣ интересовъ и отношеній жилъ и воспитывалъ себя юный Гоголь, будущій пѣвецъ и сатирикъ Россіи!

Изворотливость, какъ послѣдствіе самовоспитанія, проглядываетъ въ Гоголѣ на каждомъ шагу: черезъ четыре мѣсяца по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ письмѣ отъ 30 апрѣля 1829 года, Гоголь пишетъ матери: „Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему, и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью" [4]). Способность изъ самыхъ разнообразныхъ средствъ выбирать то, которое представляется вѣрнѣйшимъ для достиженія намѣчен-

---

[1]) Мать Н. В. Гоголя была урожденной *Косяровской*. См. *Русск. Арх.*, 1875 г., № 4. Ст. *А. М. Лазаревскаго:* „Очерки малороссійскихъ фамилій", стр. 451.

[2]) О. Меркурій, священникъ села Копоновки, приходился двоюроднымъ дядею писателю. См. *Историч. Вѣстникъ*, мартъ, 1909 г. Ст. *М. Григоревскаго:* „Къ вопросу о предкахъ Н. В. Гоголя".

[3]) Ibid., стр. 106.

[4]) Ibid., стр. 121.

ной цѣли, а равно способность оставаться для другихъ загадкою въ той области, которая должна быть доступной только ему самому, развилась очень рано у Гоголя и пріобрѣла опредѣленныя форма выраженія уже въ періодъ полтавской, нѣжинской и васильевской жизни—въ „Яновщинѣ“.

Мы только что видѣли, что Гоголь въ письмѣ къ дядѣ Петру Петровичу Косяровскому отъ 8 сентября 1828 года открылъ ему свое намѣреніе отлучиться далеко, такъ далеко, что предполагалъ даже возможность безвѣстной отлучки въ теченіе десяти лѣтъ, и это надо было открыть для того, чтобы уговорить дядю остаться вблизи Васильевки, при матери. Въ этомъ же письмѣ Гоголь прямо говоритъ дядѣ: „Я ѣду въ Петербургъ непремѣнно въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края, что обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу нѣсколько лѣтъ, и, *признаюсь, меня самого не беретъ охота ворочаться когда-либо домой, особливо бывши нѣсколько разъ свидѣтель, какъ эта необыкновенная мать наша бьется*[1]), мучится, иногда даже объ какой-нибудь копейкѣ, какъ эти безпокойства убійственно разрушаютъ ея здоровье, и все для того, чтобы доставить нужное намъ и удовлетворить даже прихотямъ нашимъ“ [2]). А между тѣмъ, за годъ передъ этимъ, въ письмѣ къ товарищу по лицею Высоцкому, отъ 26 іюня 1827 года изъ Нѣжина въ Петербургъ, онъ пишетъ: „Ты уже и успѣлъ дать за меня слово объ моемъ согласіи на ваше намѣреніе отправиться за границу. Смотри, только впередъ не раскаяться! Можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь, и вспомню поговорку: „не ищи того за моремъ, что́ сыщешь ближе“. Но уже такъ и быть, ты далъ слово—нужно мнѣ спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будетъ? Еще годъ мнѣ нужно здѣсь, да годъ, думаю, въ Петербургѣ“ [3])...

Такимъ образомъ, задумано было путешествіе за границу Гоголемъ еще на лицейской скамьѣ, но объ этомъ разнымъ лицамъ сообщалось разно: дядѣ это сообщалось, какъ возможное осуществленіе намѣренія, чтобы удержать дядю близъ матери и тѣмъ успокоить себя; товарищу было уже даже дано слово, и сообщено рѣшеніе, а матери объ этомъ ровно ничего не говорилось *ни въ одномъ письмѣ*, такъ что, когда пришлось ему писать матери уже изъ Петербурга отъ 24 іюля 1829 года о своемъ рѣшеніи ѣхать за границу, то Гоголь сталъ выдумывать въ письмѣ разныя причины, выбирая изъ нихъ ту, которая въ глазахъ ма-

---

1) Гоголь, повидимому, не могъ выносить и видѣть болѣзней или страданій окружающихъ его людей. Такъ, онъ уѣхалъ отъ П. В. Анненкова, оставивъ его одного, когда тотъ заболѣлъ. См. *Анненкова:* „Литературныя воспоминанія“. Спб., 1909 г., стр. 47—48. Гоголь былъ большимъ эгоистомъ.

2) Ibid., стр. 105.

3) Ibid., стр. 75.

тери могла бы казаться достаточнымъ основаніемъ для отъѣзда его за границу, но всетаки умолчалъ о неудачѣ съ идилліей „Ганцъ Кюхельгартенъ“, потерпѣвшей разгромъ критики Полевого въ *Сѣверной Пчелѣ* 20 іюля 1829 года, и мать терялась въ догадкахъ объ истинной причинѣ отъѣзда Николая Васильевича. То онъ ссылался на мнимую любовь свою къ какой-то особѣ [1]), то на болѣзнь свою, тоже мнимую [2]), причемъ самая болѣзнь въ разныхъ письмахъ описывалась разно [3]), такъ что мать уже начала сомнѣваться въ искренности сына и перестала ему довѣрять, получивъ отъ него еще и третье письмо съ объявленіемъ новой причины, побудившей его уѣхать изъ Петербурга за границу и воспользоваться для этой поѣздки деньгами, присланными ему матерью въ счетъ уплаты въ опекунскій совѣтъ. Замѣтимъ, что, прежде чѣмъ уѣхать, Гоголь узналъ въ опекунскомъ совѣтѣ, сколько полагается времени на просрочку уплаты процентовъ и какъ велики будутъ убытки: „по пяти рублей отъ тысячи въ каждый мѣсяцъ штрафу“ [4]), о чемъ онъ и написалъ въ этомъ третьемъ письмѣ матери уже по возвращеніи изъ-за границы. Въ третьемъ же письмѣ по этому вопросу онъ говоритъ матери: „Не мудрено, когда прошлый годъ со мною произошло такое странное, безразсудное явленіе: я былъ утопающій, хватившійся за первую попавшуюся ему вѣтку. Хотя бы на это время я былъ въ состояніи нанять комнатку гдѣ-нибудь на дачѣ, за городомъ; но тамъ квартиры несравненно дороже, а *при бѣдности моего состоянія*, это почти невозможно“ [5]).

Въ результатѣ получилось, что въ письмѣ отъ 19 декабря 1830 года изъ Петербурга же Гоголь пишетъ матери: „Чувствительно благодарю васъ, почтеннѣйшая маменька, за присланныя вами деньги сто рублей. Вѣрьте, что я знаю имъ цѣну: могу ли я что-нибудь изъ нихъ употребить на ненужное, когда на каждой изъ сихъ ассигнацій читаю я тѣ величайшіе труды, съ которыми онѣ достаются вамъ?... Мои удвоившіеся труды [6]), мои успѣшныя занятія [7]) и лестное вниманіе ко мнѣ,—все

---

[1]) См. ibid., 125—126.

[2]) Стр. 130 въ письмѣ изъ Любека отъ 13 авг. по новому стилю, 1829 года, см. также примѣч. на стр. 137 и свидѣтельство А. С. Данилевскаго.

[3]) Въ письмѣ изъ Любека отъ 13 авг. 1829 г. и въ письмѣ изъ Петербурга отъ 24 сентября 1829 г.

[4]) Стр. 127.

[5]) Ibid., стр. 145—146. Письмо изъ Спб., отъ 2 февр. 1830 г.

[6]) Гоголь уже получилъ мѣсто въ департаментѣ удѣловъ, гдѣ получалъ около 500 рублей въ годъ. См. письмо къ матери отъ 2 апрѣля 1830 года.

[7]) Въ письмѣ отъ 3 іюля 1830 г. Гоголь пишетъ матери: „Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ мною занимаемое. Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ“ (стр. 157. Вѣроятно, „Вечера на хуторѣ“).

заставляетъ меня думать, что участь моя, къ моему и вашему удовольствію, перемѣнится, и въ наступающемъ 1831 году, съ которымъ заблаговременно поздравляю васъ, желая счастья и всегдашняго здоровья, предвижу я для себя много хорошаго. Будьте спокойны на мой счетъ и не слушайте никакихъ глупостей, разносимыхъ ничтожными людьми. *Прежде, нежели вы рѣшитесь вѣрить человѣку, разсмотрите напередъ его внимательнѣе, достоинъ ли онъ того, чтобы вѣрить ему.* Человѣка, о которомъ вы говорите, я довольно хорошо знаю, хотя никогда не былъ коротко знакомъ съ нимъ. О моихъ *великихъ дарованіяхъ* и о *добромъ сердцѣ* (курсивъ подлинника) онъ не имѣетъ никакого права говорить: о первыхъ онъ не имѣетъ понятія, второго—не имѣлъ случая узнать. Если же онъ называетъ меня *чудакомъ*, потому что я избѣгалъ короткаго обхожденія съ нимъ, то этакого чудака онъ долженъ встрѣтить во всякомъ порядочномъ человѣкѣ. Занятій же у меня такъ много, что мнѣ рѣдко достается переговорить даже съ тѣми людьми, которыхъ я истинно уважаю, и потому мнѣ некогда было удѣлять времени *собакамъ*... [1]) (курсивъ подлинника). Но мнѣ больно то, что вы сами, маменька, обо мнѣ говорите худое... Вы мнѣ приписываете тѣ сочиненія, которыхъ бы я никогда не призналъ своими ни за какія деньги. Зачѣмъ марать мое доброе, еще незапятнанное ничѣмъ имя?... Сфера дѣйствія этого романа въ глубинѣ Россіи, гдѣ до сихъ поръ еще и нога моя не была. Если бы я писалъ что-нибудь въ этомъ родѣ, то, вѣрно бы, я избралъ для этого Малороссію, которую я знаю, нежели страны и людей, которыхъ я не знаю ни нравовъ, ни обычаевъ, ни занятій. Но главное—скажите: встрѣтили ли вы хотя одну мысль, хотя одно чувство, принадлежащее мнѣ? Третью же, самую глупѣйшую статью, я принужденъ былъ теперь только прочитать нарочно. Что вы нашли моего въ этомъ лоскуткѣ бумаги? *И я, посвятившій себя всего пользѣ, обработывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ, пущусь писать подобныя глупости! Унижусь до того, чтобы описывать презрѣнную жизнь какихъ-то низкихъ тварей,* и такимъ площаднымъ, вялымъ слогомъ! Буду способенъ на такое низкое дѣло, буду столько неблагодаренъ, черенъ душою, чтобы позабыть мою рѣдкую мать, моихъ сестеръ, моихъ родственниковъ, жертвовавшихъ для меня послѣднимъ для какой-нибудь дѣвчонки! Даже имя, подписанное подъ этой статьею, не похоже на мое: тамъ, если не ошибаюсь, написано: *В. Б—въ. Зная, что вы мнѣ не повѣрите безъ доказательства (я не знаю, чѣмъ я утратилъ ваше ко мнѣ довѣріе;* я вамъ говорилъ, что вы не встрѣтите въ посылаемомъ вамъ журналѣ ничего моего; вы мнѣ не повѣрили), я старался всѣми силами узнать имя автора этой пьесы, и наконецъ узналъ... это нѣкто

[1]) Разумѣется сынъ о. Меркурія Яковскаго. См. выше.

Владиміръ Бурнашевъ, служащій здѣсь, говорятъ, даже хорошій молодой человѣкъ“ [1]).

Таковыми намъ рисуются отношенія между сыномъ и матерью по письмамъ! Намъ остается вспомнить, что въ цитированномъ нами уже письмѣ Гоголя къ дядѣ братъ сомнѣвается въ своихъ сестрахъ, говоря, что „почему знать, каковы еще будутъ мои сестры“, а въ этомъ письмѣ онъ не допускаетъ и возможности для себя *даже описывать презрѣнную жизнь*, чтобы не оскорбить этимъ своихъ добродѣтельныхъ сестеръ. Не ясно ли отсюда, что Гоголь въ себѣ еще и не подозрѣвалъ тогда писателя, именно, художника-реалиста, для котораго въ искусствѣ нѣтъ ничего *ни презрѣннаго, ни ничтожнаго*. Въ повѣсти „Портретъ“ художникъ говоритъ уже такъ: „Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души“ [2]). То же мы читаемъ и въ „Театральномъ разъѣздѣ“, и въ знаменитомъ началѣ VII главы „Мертвыхъ душъ“ въ редакціи половины 1840 года, гдѣ было сказано: „Но не та судьба и другой удѣлъ писателя, посягнувшаго обнажить до глубины *ничтожное и презрѣнное въ жизни*, всю потрясающую пламенное сердце, всю противную, страшную мелочь жизни“ [3]).

Равнымъ образомъ, кажется, справедливо, что Гоголь въ своихъ мечтаніяхъ и грандіозныхъ планахъ служенія государству, отечеству и „пользѣ подобныхъ“ менѣе всего помышлялъ о поприщѣ писателя, какъ онъ и признается намъ въ своей „Авторской исповѣди“ 1847 г., которая была уже исповѣдью самозащиты автора въ состояніи „опозореннаго“ писателя тѣмъ градомъ обвиненій, подозрѣній и упрековъ, отъ которыхъ послѣ выхода въ свѣтъ знаменитой своей печальной судьбой „Переписки съ друзьями“ Гоголю пришлось защищаться тѣмъ оружіемъ, которое у него имѣлось налицо и въ запасѣ, и было ему свойственно по характеру его. Однако не лишено научнаго интереса сравненіе той исповѣди его юности, которая не предназначалась для печати и которую мы читаемъ въ ранней перепискѣ Гоголя съ матерью и родственниками, съ тою „Исповѣдью“, которая прогремѣла впослѣдствіи подъ названіемъ—„Авторская исповѣдь“ и была напечатана уже послѣ историческаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю и послѣ того, какъ Гоголь совершенно опредѣлился въ качествѣ геніальнаго общественнаго сатирика.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли не всѣ черты характера и личности Го-

---

[1]) Ibid., стр. 167.

[2]) Соч. Гоголя, изд. 10-е., ред. Тихонравова. М., 1889 г., т. II, стр. 82—83.

[3]) *Гоголь-Тихонравовъ*, т. II, стр. 590—591. Также, стр. 514. Слова *автора пьесы*.

голя, какъ человѣка, которыя открываются передъ нами въ интимной его перепискѣ съ матерью, родственниками и товарищами, обнаруживаются передъ нами въ томъ же видѣ и впослѣдствіи не только въ перепискѣ его и съ близкими, и съ далекими ему людьми, и съ литераторами, и съ высокопоставленными лицами, и съ вліятельными представителями большого свѣтскаго общества, но даже и въ его произведеніяхъ, предназначенныхъ для печати, въ которыхъ онъ говорилъ отъ себя съ читателями, обнажалъ свою душу и каялся передъ ними, какъ напримѣръ, въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями", въ „Предисловіи", въ „Духовномъ завѣщаніи", въ „Авторской исповѣди", въ „Письмѣ къ Жуковскому отъ 29 декабря 1847 года", въ статьѣ „О современникѣ" (письмо къ П. А. Плетневу) [1]. Кромѣ этого всего, даже лирическія мѣста и въ его художественной сатирѣ, а равно и его „Театральный разъѣздъ" постоянно дышатъ страстнымъ желаніемъ найти вѣрный путь къ славѣ, найти твердую почву и пьедесталъ, установившись на которомъ, онъ былъ бы виденъ со всѣхъ концовъ государства Россійскаго, какъ государственный мужъ, полезный и живущій для блага отечества [2]. Онъ самъ не скрываетъ своего „стремленія узнать назначеніе свое" [3], о которомъ онъ говоритъ во многихъ произведеніяхъ, самъ не считаетъ поприща писателя своимъ, потому что, говоритъ, „у меня менѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, замѣчались тѣ свойства, которыя составляютъ необходимыя условія писателя". „Столкнулся я съ поприщемъ писателя почти нечаянно" [4]. И надо правду сказать, что Гоголь не щадилъ никакихъ силъ своихъ для того, чтобы добиться славы, стать нужнымъ для всѣхъ человѣкомъ, именно, осуществивъ свое назначеніе, которое ему самому не было извѣстно, но которое долженъ былъ указать ему Промыслъ Божій, и указаніе это онъ принялъ бы за таковое въ томъ только случаѣ, если бы полный успѣхъ, удача въ предпріятіяхъ, громкая слава и богатство *непосредственно* слѣдовали, какъ личное благо, *удовлетворяющее его чрезмѣрное честолюбіе,* за актомъ его личной дѣятельности, въ какомъ бы родѣ она ни была.

Гоголь глубоко вѣрилъ съ дѣтства въ то, что онъ совершитъ что-то очень важное и хорошее, а слава писателя съ ея терніями, съ борьбой и нищетой, съ вѣчнымъ стремленіемъ „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ" ему была непонятна и для него недостаточна [5]. Хотя въ его планы и входило оставаться нѣкоторой „загадкой" для другихъ и быть

---

1) *Гоголь-Тихонравовъ,* т. IV, стр. 228, 230, 232, 235 и 236.

2) *Гоголь,* т. IV, стр. 248. Т. III, стр. 243, 223 и 224.

3) *Гоголь-Тихонравовъ,* т. IV, стр. 235.

4) *Гоголь-Тихонравовъ,* т. IV, стр. 233.

5) *Гоголь,* т. IV, стр. 247—250. Особенно стр. 248. См. письмо къ Жуковскому изъ Рима отъ 18/6 апрѣля 1837 года.

совершенно яснымъ только для себя, хотя онъ и сдѣлался дѣйствительно въ глазахъ и нѣкоторыхъ своихъ современниковъ и потомства загадочной натурой, но историческое изслѣдованіе не мирится съ загадками и, какъ научное изслѣдованіе, обязано, по крайней мѣрѣ, дѣлать безпрерывно попытку, не смущаясь уже многими неудачными попытками, разгадать эту загадку Гоголя. Не находя никакихъ „переломовъ" или радикальныхъ перемѣнъ въ самой натурѣ, въ личности Гоголя, въ его міровоззрѣніи, въ его отношеніи къ жизненнымъ задачамъ человѣка, во взглядѣ на науку, на просвѣщеніе и на поприще писателя въ теченіе всей его жизни, мы имѣемъ въ виду показать на основаніи объективнаго изученія личности и творчества Гоголя, что онъ не сдѣлалъ ничего такого, чего бы отъ него нельзя было ожидать, ни своей „Перепиской съ друзьями", ни своей „Авторской исповѣдью". Въ самомъ дѣлѣ, ниже мы увидимъ, что Гоголь и въ молодые годы, и въ то время, когда искалъ каѳедры профессора въ университетѣ въ 1834 году, и во время своего профессорства, и въ I части „Мертвыхъ душъ", въ 1842 году, и во II части „Мертвыхъ душъ", и, наконецъ, въ „Перепискѣ съ друзьями" въ 1846 году совершенно одинаково относился къ наукѣ, къ образованію, къ профессорамъ и къ университету. Интересно, напр., то мѣсто въ VIII главѣ „Мертвыхъ душъ", гдѣ Гоголь говоритъ объ ученыхъ людяхъ: „Что обѣ дамы, наконецъ, рѣшительно убѣдились въ томъ, что̀ прежде предположили только, какъ одно предположеніе,—въ этомъ ничего нѣтъ необыкновеннаго. Наша братія, народъ умный, какъ мы называемъ себя, поступаетъ почти такъ же, и доказательствомъ служатъ наши ученыя разсужденія. Сперва ученый подъѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ подлецомъ, начинаетъ робко, умѣренно, начинаетъ самымъ смиреннымъ запросомъ: „Не оттуда ли? не изъ того ли угла получила имя такая-то страна?" или: „Не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому, позднѣйшему времени?" или: „Не нужно ли подъ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ?" Цитируетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей и чуть только видитъ какой-нибудь намекъ или просто показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы, и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, позабывая вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно—и разсужденіе заключено словами: „Такъ это вотъ какъ было! такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть! такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ!" Потомъ во всеуслышаніе *съ каѳедры*—и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ" [1]).

---

[1]) *Гоголь*, т. III, стр. 187—188.

Въ 1846 году въ одной изъ статей „Переписки съ друзьями“, именно въ статьѣ „Русскій помѣщикъ“, Гоголь говоритъ: „Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. *По-настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ*“ [1]). То же Гоголь говоритъ въ письмѣ къ Жуковскому въ томъ же 1846 году [2]). Но въ „Авторской исповѣди“, въ слѣдующемъ 1847 году, послѣ письма Бѣлинскаго и уничтожающей критики въ журналахъ и письмахъ, Гоголь въ свое оправданіе пишетъ: „Сколько я себя ни помню, я всегда стоялъ за просвѣщеніе народное; но мнѣ казалось, что еще прежде, чѣмъ просвѣщеніе самого народа, полезнѣй просвѣщеніе тѣхъ, которые имѣютъ ближайшія столкновенія съ народомъ, отъ которыхъ часто терпитъ народъ“ [3]). Во II части „Мертвыхъ душъ“, гдѣ выведены не только отрицательные типы, но и съ нѣкоторыми положительными сторонами, которымъ сочувствуетъ авторъ, мы видимъ тѣ же взгляды на просвѣщеніе. Эта часть поэмы была готова у Гоголя около 1842 года [4]). Наконецъ, вся переписка Гоголя относительно профессуры въ кіевскомъ университетѣ въ началѣ 30-хъ годовъ также дополняетъ только общую картину его взглядовъ на науку и просвѣщеніе [5]). Но объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже. Устами любимыхъ своихъ героевъ во II части „Мертвыхъ душъ“, устами „умнѣйшаго“ человѣка, Константина Ѳеодоровича Костанжогло, Гоголь говоритъ: „Думаютъ, какъ просвѣтить мужика... да ты сдѣлай его прежде богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ онъ самъ выучится... Хороши политическіе экономы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ—дальше своего глупаго носа не видитъ! Оселъ, а еще взлѣзетъ на каѳедру, надѣнетъ очки... Дурачье!“ [6]).

Говоря объ учителяхъ Андрея Ивановича Тентетникова, Гоголь опять не упускаетъ случая, чтобы выразить свое отношеніе къ просвѣщенію и учителямъ „съ новыми взглядами“ [7]). Въ этомъ же отношеніи интересны взгляды другого героя „Мертвыхъ душъ“—*Хлобуева* [8]) на профессоровъ и студентовъ,—взгляды, которые въ исправленной редакціи выпущены, а мнѣнія Гоголя о вліяніи лекцій и просвѣщенія на порчу нравовъ значительно смягчены [9]). Маньякъ *Кошкаревъ*, выведенный у

---

1) *Гоголь-Тихонравовъ*, т. IV, стр. 122.
2) Ibid., т. IV, стр. 77.
3) Ibid., т. IV, стр. 244.
4) *Гоголь-Тихонравовъ*, т. III, стр. 537, примѣч.
5) *Гоголь-Тихонравовъ*, т. V, стр. 561, примѣч. стр. 566.
6) Ibid., т. IV, стр. 350—351.
7) Т. IV, стр. 294—295.
8) Т. III, стр. 361—362.
9) Т. IV, стр. 364—365.

Гоголя въ той же поэмѣ, хвастается Чичикову тѣмъ, что *у него крѣпостные люди окончили университетскій курсъ* [1]). Въ концѣ-концовъ выходитъ такой человѣкъ, окончивъ университетъ, на дѣлѣ „плутомъ“ и только имѣетъ „бойкое перо“ [2]). Такимъ образомъ, если мы къ этому присоединимъ еще предстоящій намъ разборъ раннихъ писемъ Гоголя къ матери и друзьямъ,—писемъ, не предназначавшихся для печати, то мы получимъ эволюцію всей личности Гоголя до самой его болѣзни, которая случилась съ нимъ однако, по нашему мнѣнію, уже послѣ путешествія его въ Іерусалимъ, послѣ 1850 года, послѣ того, какъ онъ совсѣмъ пересталъ писать. Гоголь слишкомъ много пережилъ на своемъ короткомъ вѣку такихъ страданій, какихъ онъ не предвидѣлъ и къ какимъ онъ не былъ готовъ, какъ человѣкъ, незнакомый съ поприщемъ борца за культурные идеалы. Сожженіе идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ“, бѣгство за границу, тяжелыя муки честолюбія послѣ постановки „Ревизора“ 19 апрѣля 1836 г. въ Петербургѣ, недостатокъ силъ для борьбы съ журнальными толками, вторичное удаленіе за границу, борьба за репутацію писателя послѣ выхода „Мертвыхъ душъ“, скороспѣлый опытъ морали въ „Перепискѣ съ друзьями“, тяжелыя послѣдствія этого неудачнаго опыта,—все это подорвало его отъ природы болѣзненный организмъ, и талантъ его погасъ навсегда: онъ увидалъ, что всѣ опыты продѣланы, а его честолюбіе не получило удовлетворенія. Гоголь увидѣлъ, что въ томъ обществѣ, гдѣ начинаютъ складываться принципы личной и общественной морали, гдѣ заложены трудами борцовъ за общее дѣло культурнаго прогресса устои литературной этики и гдѣ, несмотря на молодость литературы, быстро стала развиваться индивидуальность въ обществѣ, приходится и ему запасаться такими силами и понятіями, которыхъ у него еще не было. Въ чичиковской Руси въ общемъ столицы жили уже инымъ уровнемъ самосознанія, чѣмъ провинція; въ столицахъ уже въ александровскую эпоху ясно обрисовались общіе контуры критическаго отношенія общества къ себѣ и къ условіямъ окружающей дѣйствительности.

Пріемы сношеній Гоголя съ людьми, обратившіеся въ цѣлую стройную систему, мы увидимъ еще ниже, а теперь скажемъ, что съ его тактикой и его воззрѣніями нельзя было долѣе удержаться въ томъ обществѣ, гдѣ жили и дѣйствовали Пушкинъ, Бѣлинскій, С. Т. Аксаковъ, Анненковъ, Жуковскій, и гдѣ уже давно заложены были зачатки культурной дифференціаціи... Мистическая вѣра въ удачу „по Божію произволенію“, въ „счастье“ свое, совершенно *слѣпое,* при непомѣрномъ самомнѣніи и честолюбіи, при фанатической самонадѣянности, повлекла за собой раздирающую душу внутреннюю драму и трагическую кончину знаменитаго

---

1) Т. IV, стр. 346.
2) Т. IV, стр. 347, срв. т. III, стр. 345.

писателя, который на бѣду пережилъ еще то, что его даръ, его геній пропалъ. Въ этомъ онъ самъ неоднократно намъ признавался, напр., въ „Авторской исповѣди“ въ такихъ словахъ: „Виноватъ я развѣ былъ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторять то же, что говорилъ или писалъ въ мои юношескіе годы? Какъ будто двѣ весны бываютъ въ возрастѣ человѣческомъ“ [1]). Все же время, пока Гоголь писалъ, говорилъ съ обществомъ, переписывался съ друзьями и пріятелями, онъ былъ одинаковымъ и пробовалъ всѣ средства, психологически ему свойственныя, для того, чтобы „опредѣлить свое назначеніе“ или, лучше сказать, какъ онъ самъ же говорилъ въ раннихъ письмахъ къ своей матери и дядѣ, „найти свое счастье“, которое, по его мнѣнію, всегда дается самимъ Богомъ; и противъ такого счастья безсильны уже и люди съ ихъ умомъ, съ ихъ культурой и наукой, съ ихъ идеалами культурнаго человѣчества! Если такое счастье привалило, то борьба враговъ, идущая всегда отъ чорта, бываетъ безсильна. Надо только найти это счастье, эту вѣрную дорогу къ удачѣ... Вотъ философія Гоголя съ юности и до болѣзни, до путешествія его въ Іерусалимъ. Это мы и надѣемся показать методическимъ изученіемъ его писемъ въ связи съ его литературными произведеніями въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ послѣднихъ. Первая и самая трудная загадка, если она и кроется гдѣ-либо, это вопросъ: „Для чего нужно было Гоголю *печатать* „Переписку съ друзьями“? Отвѣтъ на этотъ вопросъ коренится, по нашему мнѣнію, во всемъ душевномъ укладѣ великаго сатирика и во всей совокупности чертъ его характера.

Но прежде, чѣмъ приводить матеріалы для объективнаго историко-психологическаго отвѣта на поставленный нами выше вопросъ, вспомнимъ то обстоятельство, что рѣшеніе печатать „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ было обставлено строжайшей тайной, и самое печатаніе происходило тайкомъ отъ всѣхъ друзей, съ которыми Гоголь имѣлъ и литературныя связи, и дружескія отношенія, въ которыхъ когда-то находилъ и нравственную, и матеріальную поддержку. Знали объ этомъ дѣлѣ только аскетъ гр. А. П. Толстой, носившій даже будто бы вериги, А. О. Смирнова и ея братъ, Языковъ и Жуковскій, причемъ Языковъ позднѣе боялся за Гоголя и рѣшительно не хотѣлъ изданія книги, Жуковскій даже останавливалъ Гоголя [2]), а, получивши уже готовую книгу, написалъ Гоголю: „Я нашелъ въ твоей книгѣ два письма ко мнѣ, которыя *сдѣлали большой крюкъ въ Петербургѣ, дабы* изъ типографіи департамента внѣшней торговли *дойти до меня въ печатномъ образѣ*“ [3]). Гоголь съ печатаніемъ этой книги очень спѣшилъ и разсчи-

---

[1]) *Гоголь-Тихонравовъ*, т. IV, стр. 255.

[2]) См. *Шенрокъ:* „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. IV, стр. 567, 568, 432—433, 578.

[3]) *Шенрокъ:* „Матеріалы“, т. IV, стр. 578. См. также стр. 561, 607, 608, 616.

тывалъ на совершенно необычайный успѣхъ ея и всеобщее потрясеніе, какъ онъ разсчитывалъ на это же, вкладывая въ рѣчь перваго комическаго актера публичное обращеніе къ сердцамъ всѣхъ зрителей въ тонѣ проповѣдника въ „Развязкѣ ревизора“ [1]). Онъ не разъ обнаруживалъ свое желаніе вліять на массы въ качествѣ виднаго человѣка. Его честолюбіе признается всѣми друзьями и изслѣдователями, и имъ-то и объясняются и его желаніе взять профессорскую каѳедру въ университетѣ, и его всѣ шаги къ достиженію и осуществленію этого желанія, а равно и тѣ условія, которыя онъ даже диктовалъ другимъ, рѣшаясь выступить въ роли профессора. А. В. Никитенко, самъ бывшій профессоръ спб. университета, такъ говоритъ въ своемъ „Дневникѣ“ о фантастическомъ самомнѣніи Гоголя: „Ему предложено было мѣсто экстраординарнаго профессора исторіи въ кіевскомъ университетѣ. Но Гоголь вообразилъ себѣ, что его геній даетъ ему право на высшія притязанія, потребовалъ себѣ званіе ординарнаго профессора и шесть тысячъ рублей единовременно на уплату долговъ. Молодой человѣкъ, хотя уже и съ именемъ въ литературѣ, но не имѣющій никакого академическаго званія, ничѣмъ не доказавшій ни познаній, ни способностей для каѳедры,—и какой каѳедры,—университетской!—требуетъ себѣ того, что́ самый Геренъ, должно полагать, попросилъ бы со скромностью. Это можетъ дѣлаться только въ Россіи, гдѣ протекція даетъ право на все“ [2]).

Интересно письмо Гоголя въ 1834 году отъ 20 апр. къ Максимовичу въ Кіевъ: „Слушай, сослужи службу: когда будешь писать къ (попечителю) Брадке, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя; что *ты* не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя *скромныя похвалы,* какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе (Булгарина) къ грамматикѣ Греча или Греча—къ романамъ Булгарина“ [3]). Такія просьбы Гоголя съ инструкціями, повидимому, сдѣлались привычной тактикой его, какъ видно изъ многихъ его писемъ. См., напр., его письмо такого же рода къ Максимовичу отъ 18 іюля 1834 г. объ одномъ своемъ землякѣ, который „вначалѣ служилъ по ученой части, потомъ былъ за границей, потомъ въ таможняхъ, изъѣздилъ всю Русь, охотникъ страшный до степей и Крыма, и, наконецъ, служитъ здѣсь въ почтовомъ департаментѣ. Онъ хочетъ занять мѣсто директора гимназіи“ [4]).

---

[1]) *Гоголь-Тихонравовъ,* т. II, стр. 350—352, т. IV, стр. 62. *Шенрокъ:* „Матеріалы“, т. IV, стр. 587.

[2]) *Шенрокъ:* „Матеріалы“, т. II, стр. 186.

[3]) *Шенрокъ:* „Письма“, т. I, стр. 289—290. Срв. *Шенрокъ:* „Матеріалы“, т. II, стр 188.

[4]) *Шенрокъ:* „Письма“, т. I, стр. 313.

Любопытно также его письмо къ А. О. Смирновой отъ 2 апрѣля 1845 г. изъ Франкфурта: здѣсь онъ говоритъ о своихъ надеждахъ на успѣхъ книги „Переписка съ друзьями". „Отъ денегъ не откажусь, единственно, чтобы не спорить съ вами безполезно. Но если только милость Божья будетъ такъ велика ко мнѣ и пошлется мнѣ освѣженіе и силы для труда, то я вамъ ихъ выплачу, и вы должны будете принять эту уплату, ибо съ такимъ условіемъ и съ такою милостью Бога у меня будетъ гораздо больше денегъ, чѣмъ можете вы думать, потому что расходъ тѣхъ сочиненій, которыя бы мнѣ хотѣлось пустить въ свѣтъ, т.-е. произведеній *нынѣшняго меня,* а не прежняго меня, былъ бы великъ, ибо они были бы въ потребу всѣмъ. Но Богъ, который лучше насъ знаетъ время всему, не полагалъ на это Своей воли, *отъявши на долгое время отъ меня способность творить.* Я мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданіемъ, видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно... Другъ мой добрый и прекрасный, помолитесь обо мнѣ, помолитесь сильно и крѣпко, *чтобы воздвигнулъ Господь во мнѣ творящую силу.* Слышу въ себѣ силу и слышу, что она не можетъ двигнуться безъ воли Божьей... Я слишкомъ знаю, что до тѣхъ поръ, пока не съѣзжу въ Іерусалимъ, не буду въ силахъ ничего сказать утѣшительнаго... Молитесь, чтобы Богъ споспѣшествовалъ моему намѣренію, чтобы, во-первыхъ, укрѣпилъ и послалъ мнѣ возможность изготовить, что́ долженъ я изготовить до моего отъѣзда, и послать къ вамъ, вмѣсто меня, въ Петербургъ. Это будетъ небольшое произведеніе и не шумное по названію, въ отношеніи къ нынѣшнему свѣту, но нужное для многихъ, и которое доставитъ мнѣ въ избыткѣ деньги, потребныя для пути... Вы уже другой разъ говорите мнѣ, чтобы я не скрывалъ того, что́ есть во мнѣ, ото всѣхъ, да свѣтятъ дѣла наши міру" [1]).

Замѣтимъ, что Гоголь всетаки *раньше* выпустилъ книгу въ свѣтъ, чѣмъ уѣхалъ въ Іерусалимъ набираться силы, а послѣ провала книги со страшнымъ скандаломъ, послѣ письма Бѣлинскаго, послѣ отзыва С. Т. Аксакова и страшнаго возбужденія критики и общества онъ въ „Авторской исповѣди" признаетъ, что поспѣшилъ съ изданіемъ книги, что ему стыдно за нее, но что эта книга была нужна ему, „какъ зеркало, въ которое бы онъ могъ глядѣться и видѣть получше себя" [2]). Печатаніе этой книги онъ объясняетъ своей болѣзнью [3]) и говоритъ: „Странно, можетъ быть, то, что я объ этомъ сказалъ въ печатной книгѣ, но я въ то время только что оправился отъ тяжкой болѣзни" [4]). О своемъ признаніи преждевременнаго

---

1) *Шенрокъ:* „Письма", т. III, стр. 36—40.

2) *Гоголь-Тихонравовъ*, т. IV, стр. 275.

3) Ibid., стр. 243, 264, 274.

4) *Гоголь,* ibid., т. IV, стр. 274.

печатанія „Переписки съ друзьями" говоритъ Гоголь и въ письмѣ къ П. А. Плетневу [1]). А въ письмѣ къ о. Матвѣю Гоголь говоритъ: „Я опрометчиво поспѣшилъ съ этой неразсудительной книгой и нечувствительно забрелъ туда, гдѣ мнѣ неприлично. А дьяволъ, который какъ тутъ, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, что было даже и безъ умысла учительствовать, что случается всегда съ тѣми, которые понадѣются нѣсколько на свои силы и на свою *значительность* у Бога". „Дѣло въ томъ, что книга эта не мой родъ" [2]). Между тѣмъ, незадолго передъ этимъ Гоголь говорилъ друзьямъ своимъ: „Вслѣдствіе устройства головы моей я могу работать вслѣдствіе только глубокихъ обдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести, а тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ; я могу умереть съ голода, но не выдать безразсуднаго, необдуманнаго творенія". Это было въ письмѣ къ Шевыреву отъ 28 февраля 1843 г. [3]). А въ 1844 г. написана Гоголемъ статья: „О томъ, что такое слово", которая вошла въ „Переписку съ друзьми", выпущенную въ свѣтъ въ 1846 году. Здѣсь Гоголь говоритъ: „Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности, или необдуманности, или поспѣшной торопливости его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что взялъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство, словомъ,—мало ли на что можно сослаться" [4]). Въ этомъ письмѣ Гоголь, какъ извѣстно, нападаетъ на Державина, говоря: „Словомъ, еще какой-нибудь обыкновенный писатель могъ бы оправдываться обстоятельствами, но не Державинъ. Онъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ, по крайней мѣрѣ, цѣлой половины одъ своихъ" [5]). Мы только-что видѣли, что Гоголю въ „Авторской исповѣди" и въ частныхъ письмахъ уже послѣ выхода въ свѣтъ „Переписки съ друзьями" и послѣ поднятой ею бури негодованія въ литературѣ и въ обществѣ пришлось оправдываться, именно, поспѣшностью, незрѣлостью труда и болѣзнью.

Въ бумагахъ Гоголя, принадлежащихъ его наслѣдникамъ, сохранилось письмо къ нему отъ одного читателя изъ Екатеринослава. Приведемъ его. „Въ предисловіи ко второму изданію „Мертвыхъ душъ" (1846 г.) вы просите всякаго, кому попадется эта книга, надѣлить васъ своими замѣчаніями и поправить ваши ошибки и промахи.

---

1) Соч., т. IV, стр. 233.

2) *Шенрокъ:* „Письма", т. IV, стр. 152, изъ Неаполя, 12 января 1848 г.

3) *Шенрокъ:* „Матеріалы", т. IV, стр. 615, ср. 575.

4) *Гоголь-Тихонравовъ,* т. IV, стр. 18.

5) Ibid., т. IV, стр. 19.

Вы знали ваши ошибки, вы прочли разборы вашей поэмы въ журналахъ, гдѣ жестоко на нее нападаютъ, укоряя васъ даже въ незнаніи русскаго языка. Какъ же вы воспользовались этимъ? Вы увидѣли справедливость нѣкоторыхъ замѣчаній, въ которыхъ извинились только поспѣшностью, съ которою вышла эта книга, потомъ вы поблагодарили гг. журналистовъ, этимъ дѣло и кончилось, потому что *второе* изданіе „Мертвыхъ душъ" перепечатано съ перваго безъ малѣйшей перемѣны. Если послѣ перваго изданія вы почувствовали слабость своего характера, то зачѣмъ же вамъ показывать ее еще разъ? Неужели теперь вы въ состояніи сказать, чего не сказали тогда, — что васъ подталкивали просьбы пріятелей?... что васъ притиснули обстоятельства, и, желая добыть необходимыя для содержанія деньги, должны были поторопиться безвременнымъ выходомъ вашей книги?..." 1847 г., апрѣля 30-го. „Такой голосъ изъ провинціальной публики долетѣлъ до Гоголя,— говоритъ Н. С. Тихонравовъ,—въ отвѣтъ на запросы предисловія ко второму изданію „Мертвыхъ душъ". Были обѣщаны другія письма тѣмъ же корреспондентомъ Гоголя, но продолженія не оказалось въ бумагахъ Гоголя. А между тѣмъ продолженіе, вѣроятно, касалось бы всѣхъ желаній Гоголя, высказанныхъ имъ въ призывѣ, въ Предисловіи, и было бы очень интереснымъ для потомства" [1]).

Дѣйствительно, изъ переписки Гоголя съ Шевыревымъ видно, что еще въ 1843 г., т.-е. черезъ годъ послѣ выхода перваго изданія „Мертвыхъ душъ", Гоголь твердо стоялъ на томъ, чтобы второе изданіе было *безъ всякихъ перемѣнъ:* изъ Дюссельдорфа Гоголь пишетъ 6 октября Шевыреву слѣдующее: „Приступи ко второму изданію „Мертвыхъ душъ"; *поправокъ не нужно,* кромѣ развѣ въ языкѣ и слогѣ, что ты можешь сдѣлать лучше моего" [2]). Въ годъ изданія „Предисловія" ко второму изданію „Мертвыхъ душъ" Гоголь пишетъ изъ Швальбаха къ Шевыреву отъ 26 іюля 1846 г. слѣдующее: „Теперь приступаю къ тебѣ съ просьбою моей, весьма убѣдительной—напечатать *второе* изданіе „Мертвыхъ душъ" *въ томъ же самомъ видѣ,* на такой же бумагѣ, въ той же типографіи, въ томъ же числѣ экземпляровъ, съ присовокупленіемъ только предисловія, которое я пришлю потомъ, когда печатанье будетъ къ концу. Нужно будетъ его отпечатать *въ мѣсяцъ,* дабы оно могло явиться въ свѣтъ никакъ не позже 15 сентября. *Экземпляры разойдутся,—это я знаю"* [3]). Предисловіе Гоголя начинается такъ: „Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чиномъ, или че-

---

[1]) *Гоголь-Тихонравовъ,* т. III, стр. 505—506, примѣч.

[2]) Ibid., стр. 501.

[3]) *Шенрокъ:* „Письма", т. II, стр. 348 и примѣч. 2. А также т. III, стр. 197.

ловѣкъ простого сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего. Отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня"... и т. д. [1]). Если мы сопоставимъ съ этимъ предисловіемъ къ „Мертвымъ душамъ" то, что Гоголь пишетъ въ своей „Перепискѣ съ друзьями" по поводу „Мертвыхъ душъ", въ третьемъ письмѣ изъ четырехъ, написанныхъ къ разнымъ лицамъ, то мы увидимъ, что Гоголь какъ будто дѣйствительно самъ не понималъ значенія своего творчества и его силы, здѣсь онъ говоритъ: „Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это *каррикатура и моя собственная выдумка*" [2]). Нѣсколько ниже, здѣсь же, онъ однако говоритъ: „Тутъ-то я увидѣлъ, что значитъ дѣло, взятое изъ души и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее отсутствіе свѣта" [3]). А нѣсколько выше, здѣсь же, Гоголь говоритъ: „Теперь же прямо скажу все: герои мои потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія—*исторія моей собственной души*" [4]). Если еще принять во вниманіе заявленіе Гоголя въ „Авторской исповѣди" 1847 г. слѣдующаго содержанія: „Предметъ у меня былъ всегда одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ—*жизнь, а не что другое.* Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія" [5]). И нѣсколько ниже: „У меня не было влеченья къ прошедшему. Предметъ мой была *современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту,* можетъ быть, отъ того, что *умъ мой былъ всегда наклоненъ къ существенности и къ пользѣ, болѣе осязательной.* Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ желаніе быть писателемъ современнымъ" [6]),—то выходъ изъ этихъ противорѣчій Гоголя представляется только одинъ: онъ самъ не ясно понималъ значеніе своего творчества.

Наконецъ, сознавши свою ошибку въ опубликованіи „Переписки съ друзьями",—ошибку, которая, однако, для писателя была *роковой,* Гоголь совершенно растерялся: всѣ средства были исчерпаны, обычная его система на сей разъ не повела бы ни къ чему, такъ какъ Гоголь, съ одной

1) *Гоголь-Тихонравовъ,* т. III, 250—253.
2) *Гоголь-Тихонравовъ,* т. IV, стр. 88—89.
3) Ibid., т. IV, стр. 89.
4) Ibid., т. IV, стр. 86.
5) Ibid., т. IV, стр. 255.
6) Ibid., т. IV, стр. 259.

стороны, самъ призналъ, что сила его творчества изсякла, а съ другой— не удовлетворялся художественнымъ талантомъ сатирика, не зная истинной культурной силы и значенія его [1]). Постоянно колеблясь между признаніемъ своего сатирическаго таланта въ его художественныхъ проявленіяхъ за истинное дарованіе, создавшее Гоголю безсмертное имя родоначальника новаго направленія русской литературы и искусства, и между признаніемъ художественныхъ образовъ своей общественной сатиры лишь печальнымъ самообманомъ; постоянно сомнѣваясь въ томъ, нашелъ ли онъ свое назначеніе, свое поприще, или нѣтъ, Гоголь все продолжалъ искать и искать. Эти поиски *ощупью* главнымъ образомъ объясняются его скуднымъ образованіемъ. Согласно своимъ воззрѣніямъ, онъ разсуждалъ такъ: еслибъ я отыскалъ себѣ надлежащее мѣсто, если бы напалъ на свое назначеніе, то я былъ бы всѣми одинаково признанъ, всѣми одинаково любимъ и уважаемъ, былъ бы окруженъ славой и богатствомъ. Такъ обыкновенно представлялъ себѣ Гоголь Божье благословеніе надъ человѣкомъ, а въ его жизни случилось не такъ: пошелъ онъ по завѣту Пушкина, на него напали и стали ругать: онъ вышелъ и бунтовщикъ, и революціонеръ, и политическій преступникъ, и развратитель общества, и эгоистъ, и безбожникъ. Когда же онъ сталъ дѣйствовать по завѣтамъ гр. Александра П. Толстого и другихъ подобныхъ лицъ, то на него опять напали, причемъ нельзя было даже разобрать, когда нападавшихъ было болѣе по количеству: въ первый или во второй разъ; и кто *истинно правъ,* въ *абсолютномъ* значеніи этого слова, по-Божьему: тотъ ли, кто открылъ величайшее дарованіе сатирика въ Гоголѣ и указалъ ему путь славы, гордости и чести русской литературы, русской культуры и прогресса, или тотъ, кто указывалъ пути внутренняго воспитанія и наталкивалъ на „душевное дѣло“, на „душевныя открытія“. Собственнаго же критерія не было, такъ какъ мало одного дарованія сатирика, хотя бы и дарованія колоссальнаго: нужно еще пониманіе культурныхъ задачъ эпохи, которое дается продолжительнымъ и добровольнымъ пріобщеніемъ себя къ міру духовныхъ богатствъ, накопленныхъ въ сокровищницѣ культурной исторіи человѣчества. Положеніе для Гоголя создалось поистинѣ *безвыходное:* корабли были сожжены, талантъ изсякъ, пришлось признаться, что у него не было „*свойствъ,* которыя составляютъ необходимое условіе для писателя“; пришлось даже написать Жуковскому изъ Неаполя 6 марта 1847 года: „Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... Но какъ мнѣ стыдно за себя, какъ мнѣ стыдно передъ тобою, добрая душа! Стыдно, что возомнилъ о себѣ, будто мое школьное воспитаніе уже кончилось и могу я стать наравнѣ

---

[1]) См. *Гоголь-Тихонравовъ,* т. III, стр. 443, 511 примѣч.

съ тобою. Право, есть во мнѣ что-то хлестаковское!" [1]). Въ такомъ положеніи не помогла, конечно, и ссылка на дьявола, попутавшаго Гоголя и водившаго его рукою, хотя онъ на дьявола и ссылался во многихъ письмахъ [2]).

Гоголь не могъ уже выдержать: всѣ средства узнать волю Божью въ своихъ дѣйствіяхъ по удачнымъ ихъ послѣдствіямъ были исчерпаны, геній погасъ, а разрушенное физическими болѣзнями тѣло не заключало въ себѣ силъ для борьбы съ такимъ нравственнымъ ударомъ; недоставало силъ для перенесенія моральныхъ мукъ болѣзненно-чуткой и честолюбивой душѣ. Гоголь рѣшилъ сойти со сцены, и, кажется, придется согласиться съ лѣчившимъ его врачомъ Тарасенковымъ и съ племянницей С. Т. Аксакова, которые держались того мнѣнія, что не физическія болѣзни были причиной истощенія организма, который при другихъ условіяхъ могъ бы еще жить [3]). Гоголь почувствовалъ, что онъ долженъ умереть *теперь,* и не давалъ врачамъ лѣчить себя. Къ числу объективныхъ фактовъ, заставлявшихъ Гоголя сомнѣваться въ томъ, что поприще сатирическаго писателя есть его поприще по праву даровъ природы, надѣлившей его крупнѣйшимъ спеціальнымъ талантомъ, относятся въ его глазахъ факты его относительной бѣдности, которая постоянно угнетала его и заставляла просить пособій, вспомоществованій всякаго рода, заставляла безпокоить и друзей и сильныхъ міра сего подобными унизительными для его самолюбія просьбами [4]). Въ письмѣ къ Жуковскому изъ Рима отъ 18/6 апрѣля 1837 г. Гоголь пишетъ, что онъ начинаетъ теперь вѣрить тому, что прежде считалъ баснею, именно, что „писатели въ наше время могутъ умирать съ голоду", что его участь такая же. Однако, какъ бы мы подробно ни изучали мысли и поступки Гоголя во второй половинѣ его жизни, такое изученіе не будетъ историко-психологически обоснованнымъ, если мы не прослѣдимъ мысли и поступки Гоголя на всемъ протяженіи его жизни, поскольку это доступно намъ теперь при опубликованныхъ матеріалахъ и научныхъ изслѣдованіяхъ о личности и творчествѣ Гоголя. Поэтому для пониманія его поступковъ и мыслей мы продолжимъ изученіе его раннихъ писемъ.

Въ письмѣ къ Высоцкому изъ Нѣжина отъ 17 января 1827 г. Гоголь пишетъ: „...ты ужъ на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что *существованіе твое не ничтожно,* что *тебя замѣтятъ, оцѣнятъ;* а я... зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастье? зачѣмъ

---

[1]) *Шенрокъ:* „Письма", т. III, стр. 398—399.

[2]) См. письмо къ С. Т. Аксакову изъ Остенде отъ 28 августа 1847 года. *Шенрокъ.* „Письма", т. IV, стр. 66 и др. выше.

[3]) См. *Шенрокъ:* „Матеріалы", т. IV, стр. 864—869.

[4]) См. между прочимъ Лемке „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.". Спб., 1908 г., стр. 135, 169, 204, 221 и сл.

намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце"... [1]). Матери своей онъ пишетъ изъ Нѣжина же отъ 26 февраля 1827 г.: „Посмотрите же, какъ я повеселился! Вы знаете, какой *я охотникъ до всего радостнаго.* Вы однѣ только видѣли, что *подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости,* и часто, въ часы задумчивости, *когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни,* удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись въ нимъ" [2]). Это письмо интересно сравнить съ тѣмъ мѣстомъ „Авторской исповѣди", гдѣ авторъ объясняетъ происхожденіе своихъ первыхъ веселыхъ литературныхъ произведеній желаніемъ повеселить себя во время тоски [3]). Стало быть, мечтательности Гоголь въ себѣ не признаетъ!

Въ письмѣ къ матери отъ 17 апрѣля 1827 г. изъ Нѣжина же онъ пишетъ: „Человѣкъ страненъ касательно внутренняго своего пожеланія. Онъ завидѣлъ что-то вдали, и мечта о немъ ни на минуту не оставляетъ его; она смущаетъ покой его и *заставляетъ употреблять всѣ силы для доставки существеннаго.* Иногда и меня самая, повидимому, малость, но драгоцѣнная для меня собственно, мучитъ меня тоскою и досадою за несостояніе имѣть ее" [4]).

Изъ этого письма, кажется, ясно, что Гоголь признается матери въ томъ, что онъ настойчивъ и эгоистиченъ. А въ письмѣ къ Высоцкому изъ Нѣжина отъ 26 іюня 1827 г. Гоголь пишетъ: „*Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое!* Ты знаешь всѣхъ нашихъ *существователей,* всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. *И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши.* Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь! Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть, слеза соучастія, отдавшаяся на твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ" [5]). Это пишетъ 18-лѣтній юноша! Что же онъ такое успѣлъ сдѣлать, чтобы выдѣлить себя такъ изъ всѣхъ „существователей" Нѣжина, не выключая и преподавателей и профессоровъ лицея?! Вѣдь это уже какъ будто *манія величія* или, въ крайности, *славолюбіе.* Припомнимъ, что Гоголь говоритъ намъ въ

---

[1]) *Шенрокъ:* „Письма", т. I, стр. 55.
[2]) Ibid., стр. 58.
[3]) *Гоголь,* т. IV, стр. 248.
[4]) Ibid., стр. 71.
[5]) Ibid., стр. 75.

своемъ сочиненіи „Переписка съ друзьями", въ статьѣ „Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ душъ": „...во мнѣ заключилось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ... По мѣрѣ того, какъ (мои дурныя качества) они стали открываться, *чуднымъ высшимъ внушеніемъ* усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ; *необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ. Какого рода было это событіе, знать тебѣ не слѣдуетъ;* если бы я видѣлъ въ этомъ пользу для кого-нибудь, я бы это уже объявилъ. Съ этихъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, *сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью*" [1]). Это уже граничитъ съ самоуничиженіемъ, хотя, какъ видно изъ всей его переписки, не предназначавшейся для печати, а равно изъ „Авторской исповѣди" и проч. его произведеній, наприм., изъ лирическихъ мѣстъ „Мертвыхъ душъ", все это дышитъ правдой. Припомнимъ, съ одной стороны, письмо Гоголя къ Жуковскому, гдѣ онъ признается въ „хлестаковскихъ" чертахъ своей личности, а съ другой—его „Завѣщаніе", гдѣ онъ говоритъ: „Завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустякѣ, христіанина недостойномъ" [2]). Это заставило Шевырева написать Гоголю: „Разумъ твой убѣжденъ въ истинѣ нашей церкви и православія, но воля твоя заражена современною болѣзнью, болѣзнью личности, и ты дѣйствуешь скорѣе какъ римскій католикъ, а не какъ православный... *Въ тебѣ есть самообожаніе*" [3]).

Такъ у Гоголя обнаруживалось и самомнѣніе, доходившее до самообожанія, и самоуничиженіе, смотря по настроенію и обстоятельствамъ жизни.

Въ письмѣ къ дядѣ Петру Петровичу Косяровскому изъ Нѣжина отъ 3 октября 1827 г. Гоголь пишетъ: „Да, можетъ быть, мнѣ цѣлый вѣкъ достанется *отжить въ Петербургѣ,* по крайней мѣрѣ, *такую цѣль начерталъ я уже издавна*" [4]). А почти въ то же время Гоголь уговаривался съ товарищемъ ѣхать изъ Петербурга въ чужіе края и писалъ объ этомъ же дядѣ. „Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ,—продолжаетъ въ этомъ же письмѣ Гоголь,—съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью *сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства,* я кипѣлъ принести хоть малѣйшую пользу". Срв. въ „Авторской исповѣди" подобныя же мысли [5]), хотя здѣсь онъ говоритъ,

---

[1]) *Гоголь*, т. IV, стр. 88.
[2]) *Гоголь*, т. IV, стр. 6, 1845 г.
[3]) *Шенрокъ:* „Матеріалы", т. IV, стр. 583, примѣч. 2.
[4]) *Шенрокъ:* „Письма", т. I, стр. 89.
[5]) *Гоголь*, т. IV, стр. 247—248.

что у него былъ „отъ природы меланхолическій характеръ“, что совершенно противорѣчитъ вышеприведенному письму къ матери и объясненію происхожденія его первоначальныхъ веселыхъ повѣстей въ „Перепискѣ съ друзьями“.

Далѣе читаемъ: „Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ *преградятъ дорогу,* что *не дадутъ возможности* принесть ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ; быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно“. Изъ этого письма, между прочимъ, ясно виденъ автобіографическій характеръ перваго литературнаго произведенія Гоголя,—идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ“, сожженной авторомъ въ присутствіи крѣпостного слуги Акима, послѣ недружелюбной встрѣчи этой идилліи критикой [1]). Замѣчательно, что и второй томъ „Мертвыхъ душъ“ тоже былъ сожженъ и тоже только въ присутствіи мальчика-слуги въ 3 ч. ночи въ домѣ графа А. П. Толстого, гдѣ жилъ тогда Гоголь, именно, въ ночь на 12 февраля 1852 г. Описаніе сцены сожженія М. П. Погодинымъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Гоголь взялъ для сожженія въ печкѣ именно тѣ тетради, перевязанныя тесемкой, которыя онъ и *хотѣлъ* взять изъ портфеля. Гоголь, сидя передъ печкой, дождался, пока все сгорѣло и истлѣло, хотя ему приходилось развязывать связки тетрадей и укладывать листы такъ, чтобы легче было приняться огню, который погасалъ, и Гоголь зажигалъ вновь листы. Хотя все это происходило, именно, такъ, тѣмъ не менѣе Гоголь на другой день сказалъ графу Толстому: „Вообразите, какъ силенъ злой духъ! Я хотѣлъ сжечь бумаги, давно уже на то опредѣленныя, а сжегъ главы „Мертвыхъ душъ“, которыя хотѣлъ оставить друзьямъ на память о моей смерти“... [2]).

Далѣе, въ этомъ же письмѣ Гоголь пишетъ: „Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ, и остановился на одномъ— на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только *я могу быть благодѣяніемъ,* здѣсь только буду истинно полезенъ *для человѣчества*“. Это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что Гоголь говоритъ намъ потомъ объ исторіи своего авторства въ „Авторской исповѣди“, что онъ никогда не считалъ поприща писателя своимъ, что онъ сдѣлался писателемъ „почти нечаянно“ (то же онъ говоритъ и въ письмѣ къ Плетневу „о *Современникѣ*“), что онъ самъ несерьезно относился

---

[1]) См. *Шенрокъ:* „Матеріалы“, т. I, стр. 160 и сл.

[2]) *Овсянико-Куликовскій:* „Гоголь“. Спб., 1907 г., библіотека *Свѣточа,* подъ ред. С. А. Венгерова, №№ 28—32, 2-е изд., стр. 36—37.

къ своему писательству, *и только Пушкинъ заставилъ его взглянуть на дѣло серьезно,* и даже отдалъ ему два своихъ сюжета: „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“ [1]).

Особенно важно для историка нашей литературы отмѣтить при этомъ то обстоятельство, что Гоголь въ „Перепискѣ съ друзьями“, въ статьѣ: „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“, значитъ, *за годъ* до своей „Исповѣди“; пришелъ къ заключенію, что „Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что такое самъ поэтъ, *и ничего больше*“...

Здѣсь, именно, Гоголь говоритъ: „*Вліяніе Пушкина, какъ поэта, на общество было ничтожно...* Но вліяніе его было сильно на поэтовъ... онъ былъ для всѣхъ поэтовъ, ему современныхъ, точно сброшенный съ неба поэтическій огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажглись другіе самоцвѣтные поэты... Всѣхъ этихъ поэтовъ возбудилъ на дѣятельность Пушкинъ; другихъ же просто создалъ... Сдѣлались поэтами даже тѣ, которые не рождены были поэтами, которымъ готовилось *поприще не менѣе высокое,* судя по тѣмъ духовнымъ силамъ, какія они показали даже въ стихотворныхъ своихъ опытахъ... Сила возбудительнаго вліянія Пушкина даже повредила многимъ... Позабывъ и общество, и всякія современныя связи съ нимъ человѣка, и всякія требованія земли своей, все жило въ какой-то поэтической Элладѣ, повторяя стихи Пушкина:

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“ [2]).

Все равно для насъ, внушены ли эти мысли о Пушкинѣ Гоголю бывшимъ оберъ-прокуроромъ св. синода, гр. А. П. Толстымъ, или ржевскимъ священникомъ о. Матвѣемъ, или Бурачкомъ, или это собственное убѣжденіе Гоголя, но для насъ достаточно, что Гоголь призналъ это произведеніемъ *своимъ* и *подписался подъ нимъ,* для насъ этого достаточно, чтобы мы сказали, что Гоголь никогда бы этого не призналъ своимъ, если бы понималъ значеніе Пушкина, понималъ общественное и культурное значеніе своей же собственной художественной дѣятельности и своей же собственной общественной сатиры. Если бы Гоголь въ это время чувствовалъ себя творцомъ, какъ прежде, если бы его сила таланта не угасла, то онъ чувствовалъ бы самъ, что онъ продолжаетъ великое дѣло Пушкина и что онъ—собратъ Пушкина по оружію. Наконецъ, если бы поприще писателя поглотило его всего безъ остатка и онъ не помы-

---

1) „Гоголь“, т. IV, стр. 247—249, 233.

2) Гоголь, соч., т. IV, стр. 182, 186, 187, 188.

шлялъ бы при этомъ о перемѣнѣ поприща [1]), а былъ бы въ состояніи раздѣлить матеріально необезпеченную долю и нужду другихъ нашихъ писателей, наприм., Бѣлинскаго, то онъ не сказалъ бы и не написалъ бы этого. У Гоголя не было готовыхъ культурныхъ средствъ для борьбы за право своего таланта, за право на свое мѣсто въ исторіи русскаго прогресса, и онъ никогда не могъ бы сказать подобно Пушкину:

„Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ“...

Хотя и былъ царемъ искусства по своему таланту и по своимъ художественнымъ созданіямъ.

Далѣе Гоголь самъ себя характеризуетъ такъ въ этомъ же письмѣ къ дядѣ: „Недовѣрчивый ни къ кому, *скрытный,* я никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что̀ бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя? не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ. Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойныхъ“ [2]). О своемъ образованіи Гоголь такъ пишетъ матери въ письмѣ изъ Нѣжина отъ 1 марта 1828 г.: „Я не говорилъ никогда, что утерялъ цѣлыя шесть лѣтъ даромъ; скажу только, что нужно удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать еще... Кромѣ неискусныхъ преподавателей наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и проч., здѣсь языкамъ совершенно не учатъ... Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ... Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; *я нарочно старался у васъ всегда,* когда бывалъ дома, *показывать разсѣянность,* своенравіе и проч., *чтобы вы думали, что я мало обтерся,* что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. *Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ* почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣ-

[1]) См. письмо его къ о. Матвѣю изъ Остенде отъ 24 сентября 1847 г. *Шенрокъ:* „Письма“, т. IV, стр. 90.
[2]) *Шенрокъ:* „Письма“, т. I, 89—90.

рите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? *Здѣсь* меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. *Въ одномъ мѣстѣ я* самый тихій, скромный, учтивый; *въ другомъ*—угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч.; *въ третьемъ*—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, *у иныхъ*—уменъ, *у другихъ*—глупъ. Какъ угодно, почитайте меня, *но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ*. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. *Вы меня называете мечтателемъ, опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ*. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно обтерся, ежели кому всякій разъ давали чувствовать крѣпкій гнетъ несчастій, тотъ будетъ счастливѣйшій" [1]). Если бы это письмо было извѣстно при жизни Гоголя, то что̀ бы на него сказали друзья его, между прочимъ, С. Т. Аксаковъ, Бѣлинскій, Анненковъ? Впрочемъ, Анненковъ довольно близко узналъ и практическій смыслъ, и опытность Гоголя, и скрытность его, и отношеніе Пушкина къ нему, и вообще весь характеръ Гоголя [2]). Такимъ образомъ, хотя Гоголь и умѣлъ искусно прятать свою душу, и былъ, по его мнѣнію, *загадкою*, хотя и считалъ тоже загадкою первую часть „Мертвыхъ душъ", но издали, на пространствѣ историческаго изслѣдованія, Гоголь становится все яснѣе и яснѣе.

Выясняется тактика Гоголя и изъ слѣдующихъ словъ его письма къ матери уже изъ Петербурга отъ 30 апрѣля 1829 года: „Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ (папенькиныхъ комедій) поставить на здѣшній театръ. За это, по крайней мѣрѣ, достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; *а по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему, и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью*" [3]). Въ письмѣ отъ 22 мая 1829 года къ матери Гоголь сочиняетъ цѣлую исторію, какъ послѣ того, какъ „его небольшія способности были призрѣны", ему представлялся прекрасный случай ѣхать въ чужіе края совершенно даромъ на средства велико-

---

[1]) *Шенрокъ:* „Письма", т. I, стр. 97—98.

[2]) См. *Анненковъ:* „Литературныя воспоминанія". Спб., 1909 г., стр. 18, 21, 22, 23, 24, 25, 48, 51, 53, 55, 56, 57, 60, 61.

[3]) *Шенрокъ:* „Письма", т. I, стр. 121.

душнаго его друга, „который, къ несчастію, скоропостижно умеръ". По свидѣтельству друга Гоголя, А. С. Данилевскаго, ничего подобнаго не было, а остальное о поѣздкѣ Гоголя за границу и о мистификаціи имъ матери мы уже знаемъ [1]). Срв. также письмо отъ 24 іюня 1829 года [2]). Наконецъ въ письмѣ къ матери отъ 24 сентября 1829 года Гоголь рѣшился, кажется, признаться по совѣсти: „Вотъ вамъ мое признаніе: одни только гордые помыслы юности, проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко" [3]). Въ письмѣ къ матери отъ 12 ноября 1829 года Гоголь пишетъ: „...я вручилъ незадолго предъ симъ одно письмо Андрею Андреевичу (Трощинскому), по его требованію, въ собственныя его руки, незапечатанное; слѣдовательно, вы не подивитесь, если я въ немъ немного польстилъ ему.

Впрочемъ, онъ, точно, для меня много сдѣлалъ: по его милости, я теперь имѣю теплое на зиму платье, также заплатилъ должныя мною за квартиру" [4]).

Въ письмѣ къ матери отъ 2 февраля 1830 года Гоголь проситъ прислать древнихъ монетъ, старопечатныхъ книгъ, а „особливо стрѣлъ, которыя во множествѣ находимы были въ Пслѣ"... „...*Я хочу прислужиться этимъ одному вельможѣ*,—говоритъ здѣсь Гоголь,—*страстному любителю отечественныхъ древностей, отъ котораго зависитъ улучшеніе моей участи*" [5]). Отъ 29 сентября 1830 года Гоголь пишетъ матери: „Не будете ли видѣться съ Шамшевыми? Они хорошо знакомы съ Панаевымъ [6]) и ведутъ съ нимъ переписку. *Въ такомъ случаѣ не мѣшало бы, если бы они упомянули и обо мнѣ. Это, я думаю, ускорило бы мнѣ прибавку жалованья. Словца два-три отъ хорошихъ людей всегда не помѣшаютъ*" [7]). Невольно припоминаются здѣсь безсмертные типы Бобчинскаго и Добчинскаго изъ „Ревизора" и „Авторская исповѣдь", и письмо къ Плетневу Гоголя... Гоголь самъ признавался, что онъ „Бобчинскаго" лично зналъ и могъ бы хорошо исполнить эту роль въ „Ревизорѣ" [8]).

Наконецъ, наступаетъ 1831 годъ, годъ знакомства Гоголя съ Пуш-

---

[1]) *Шенрокъ:* „Письма", т. I, стр. 121 и примѣч. 4. Такая мистификація со ссылкой на неизвѣстнаго пріятеля, который уплачиваетъ за Гоголя всѣ путевыя издержки, вошла, повидимому тоже въ опредѣленную систему поведенія. См. *Русскій Архивъ*, 1909 г., № 4, стр. 635. Письма Гоголя къ К. С. Сербиновичу.

[2]) Ib., стр. 124, 125, 126, 127 и др.

[3]) Ib., стр. 136.

[4]) Ib., стр. 139.

[5]) Ib., стр. 146.

[6]) Начальникъ Гоголя, по службѣ ib., стр. 152 и примѣч. 1.

[7]) Ib., стр. 163.

[8]) Зап. А. О. Смирновой, стр. 311.

кинымъ. Отъ 10 февраля 1831 года Гоголь пишетъ матери: „Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть. Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! Какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе—польза. *Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства*“ [1]). Въ это время Гоголь былъ сотрудникомъ „Литературной газеты“, знакомъ съ Дельвигомъ, вскорѣ познакомился съ Плетневымъ въ этомъ же году и черезъ него получилъ мѣсто преподавателя въ Патріотическомъ институтѣ, въ этомъ же году онъ познакомился съ Жуковскимъ. А въ письмѣ отъ 16 апрѣля 1831 года Гоголь, черезъ мѣсяцъ послѣ поступленія въ институтъ, уже пишетъ матери: „...*я теперь немного больше извѣстенъ, ...лекціи мои мало-по-малу заставляютъ говорить обо мнѣ...* Но между тѣмъ *занятія мои, которыя еще большую принесутъ мнѣ извѣстность,* совершаются мною въ тиши, въ моей уединенной комнаткѣ“ [2])... Опять невольно припоминаешь глубоко вѣрное признаніе Гоголя, что его всѣ послѣднія художественныя произведенія есть „исторія его собственной души“ [3]). Письмо къ матери отъ 21 іюля 1831 года изъ Павловска кончается коротко и ясно: „Письма адресуйте ко мнѣ на имя Пушкина, въ Царское Село, такъ: „Его Высокоблагородію Александру Сергѣевичу Пушкину. А васъ прошу отдать Н. В. Гоголю“ [4]).

Во второмъ же своемъ письмѣ къ Пушкину, спустя только какой-нибудь мѣсяцъ послѣ перваго знакомства съ нимъ [5]), Гоголь отъ 21 августа 1831 года изъ Петербурга пишетъ: „Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ сказалъ, что „*штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву*“. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни“. Затѣмъ Гоголь говоритъ о журналистахъ Орловѣ и Булгаринѣ, о „Сѣверномъ Меркуріи“ и „Литературныхъ прибавленіяхъ“, очень зло подшучиваетъ

---

1) Ib., стр. 171—172.

2) Ib., стр. 174—175.

3) *Гоголь:* т. IV, стр. 86—87.

4) Ibid., стр. 181.

5) Время личнаго знакомства Гоголя съ Пушкинымъ точно устанавливается слѣд. письмами: Плетневъ—Пушкину (22 февраля 1831 г.) только еще рекомендуетъ Гоголя, какъ автора малороссійскихъ повѣстей и учителя. Пушкинъ—Плетневу (апрѣль 1831 г.) пишетъ о своемъ незнакомствѣ съ повѣстью Гоголя. Въ августѣ Гоголь уже пишетъ Пушкину, что онъ не могъ заѣхать къ нему. См. *Шенрокъ:* „Матеріалы“, т. I, стр. 345 и сл.

надъ Булгаринымъ, предлагая его сравнить въ эстетическомъ разборѣ его романа съ Байрономъ, и кончаетъ свое письмо слѣдующимъ совѣтомъ: „Но самое главное—*нужно соглашаться съ жалобами журналистовъ нашихъ, что дѣйствительно литературу нашу раздираетъ духъ партій ужаснымъ образомъ,* и *оттого никакъ нельзя подслушать справедливаго сужденія*... Прощайте. Да сохранитъ васъ Богъ вмѣстѣ съ *Надеждою* Николаевною отъ всего недобраго и пошлетъ здравіе на вѣки. А также да будетъ Его благословеніе и надъ Жуковскимъ" [1]). Въ этомъ письмѣ дѣло идетъ о печатаніи „Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки". Пушкинъ на это письмо отвѣтилъ Гоголю отъ 25 августа 1831 года изъ Царскаго Села: „Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ, съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора... Ваша *Надежда* Николаевна, т.-е. моя *Наталья* Николаевна, благодаритъ васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется вамъ" [2])...

Въ письмѣ отъ 10 сентября 1831 года изъ Петербурга пишетъ Гоголь Жуковскому въ Царское Село о выходѣ изъ типографіи нѣсколькихъ экземпляровъ своей книги „Вечера", изъ которыхъ онъ одинъ экземпляръ отправляетъ Жуковскому, другой—Пушкину, а третій съ сантиментальной надписью А. О. Россетъ (впослѣдствіи Смирновой). Въ это время, какъ извѣстно, по случаю холеры былъ карантинъ, и проѣхать 24 версты отъ Петербурга до Царскаго Села или обратно было очень трудно и долго. „Боже мой!—пишетъ Гоголь Жуковскому,—сколько бы экземпляровъ я бы отдалъ за то, чтобы увидѣть васъ хоть на минуту!... О, съ какимъ бы я тогда восторгомъ стряхнулъ власами головы моей прахъ сапоговъ вашихъ, возлегъ у ногъ вашего превосходительства и ловилъ бы жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, пріуготовленный самими богами изъ тьмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу. Но не такова досадная дѣйствительность или существенность. Карантины превратили эти 24 версты въ дорогу отъ Петербурга до Камчатки" [3])... О первомъ знакомствѣ съ Жуковскимъ Гоголь вспоминаетъ въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ нему 1847 года, уже послѣ выхода въ свѣтъ „Переписки съ друзьями" [4]). Тогда уже Гоголь былъ на *ты* съ его превосходительствомъ, тайнымъ совѣтникомъ Жуковскимъ, и признавался ему, что онъ „думалъ, что уже способность писать просто отнялась отъ него" [5]), между тѣмъ какъ въ „Авторской исповѣди" [6])

[1]) *Шенрокъ:* „Письма", т. I, стр. 185—187.

[2]) Соч. *Пушкина.* Изд. Имп. ак. наукъ. Переписка подъ ред. В. И. Саитова. Т. II. Спб., 1908 г., стр. 312.

[3]) *Шенрокъ:* „Письма", т. I, стр. 188.

[4]) Соч. *Гоголя,* т. IV, стр. 279.

[5]) Т. IV, стр. 281.

[6]) Т. IV, стр. 270 и 271.

Гоголь категорически говоритъ: „способность писать меня оставила", „оставила меня способность производить созданья поэтическія". Обѣ эти вещи написаны Гоголемъ одновременно: одна для литературнаго друга, которому Гоголь былъ очень обязанъ, другая—для публики [1]). Такъ Гоголь въ началѣ знакомства съ Жуковскимъ относился къ нему и такъ онъ относился къ нему впослѣдствіи, когда уже былъ на короткой ногѣ, и, наконецъ, такъ онъ говорилъ, обращаясь къ публикѣ.

Слѣдующее письмо къ Пушкину опять представляетъ большой историческій интересъ. Оно писано 23 декабря 1833 года. Гоголь сообщаетъ, что онъ хочетъ представить министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову, планъ преподаванія всеобщей исторіи: „Во мнѣ живетъ увѣренность, что, если я дождусь прочитать *планъ мой,* то *въ глазахъ Уварова онъ меня отличитъ отъ толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты.* Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, изъ которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ. Тамъ кончу я исторію Украйны и юга Россіи и *напишу всеобщую исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только на Руси, но даже и въ Европѣ нѣтъ*" [2]). При этомъ вспоминается невольно разсужденіе Гоголя объ ученыхъ и профессорахъ въ „Мертвыхъ душахъ" въ I части, главѣ IX, гдѣ „дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ" и „дама просто пріятная" строятъ свои *предположенія* относительно намѣренія Чичикова похитить губернаторскую дочку. Эти предположенія сравниваются съ предположеніями ученаго характера у ученыхъ и профессоровъ, оглашающимися съ каѳедры, какъ факты [3]). Изъ подобныхъ сопоставленій писемъ Гоголя къ разнымъ лицамъ на протяженіи всей его жизни съ его художественными и морализующими произведеніями получается заключеніе о замѣчательно однородной и цѣльной личности Гоголя со всѣми его тактическими соображеніями, теоретическими взглядами, со всѣмъ его научнымъ развитіемъ, со всѣмъ его отношеніемъ къ наукѣ и со всѣми принципами его практической жизни. Перелома нигдѣ не видно, и нѣтъ возможности сказать, что Гоголь сталъ *другимъ* человѣкомъ во вторую половину своей жизни. Вотъ, напр., полная параллель въ воззрѣніяхъ Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 13 мая 1834 г. изъ Петербурга и въ ст. „Русскій помѣщикъ" его „Переписки съ дру-

[1]) См., наприм., отвѣтъ Жуковскаго шефу жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову, отъ 7 апрѣля 1845 года изъ Франкфурта-на-Майнѣ по поводу вспомоществованія Гоголю, о которомъ хлопотала А. О. Смирнова. Гр. Орловъ, получивъ приказаніе императора: „займись Гоголемъ", обратился къ Жуковскому. Кстати важно, что въ письмѣ Жуковскаго сказано: „Гоголь боленъ нервами". См. *Лемке:* „Никол. жандармы"... 1908 г., стр. 169—171. *Шенрокъ:* „Матеріалы", т. IV, стр. 321—325.

[2]) *Шенрокъ:* „Письма", т. I, стр. 271.

[3]) *Гоголь*, т. III, стр. 187—188.

зьями“ [1]). Здѣсь читаемъ: „Я нимало не безпокоился насчетъ подрядовъ, но намекнулъ вамъ кое-что только въ предостереженіе. Я бы тоже не совѣтовалъ вамъ давать знать фабриканту, что вы ему ни въ чемъ не вѣрите, но растолковать ему хорошенько все дѣло, обходиться съ нимъ ласково, короче сказать,—держать его крѣпко въ рукахъ, но не давать ему этого разумѣть, что вы держите его въ рукахъ“ [2]).

Отъ 13 же мая 1834 года Гоголь пишетъ третье письмо къ Пушкину: „Я раздумавши увидѣлъ, что теперь писать къ Левашову (вѣроятно, предсѣдатель Госуд. Совѣта) точно будетъ излишне. Это лучше сдѣлать тогда, когда я буду уже собираться въ дорогу и черезъ меня. Теперь же я буду васъ безпокоить вотъ какою просьбою: *если зайдетъ обо мнѣ рѣчь съ Уваровымъ, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива;* при этомъ случаѣ выбраните меня хорошенько за то, что живу здѣсь и не убираюсь сей же часъ вонъ изъ города; что доктора велѣли ѣхать сей же часъ и стараться захватить тамъ это время. И сказавши, что я могу весьма легко черезъ мѣсяцъ протянуть совсѣмъ ножки, завесть рѣчь о другомъ, какъ-то: о погодѣ или о чемъ-нибудь подобномъ. Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ будетъ безполезно“ [3]). Однако извѣстно, что Гоголь сдѣлался черезъ два мѣсяца послѣ этого письма къ Пушкину, 24 іюля 1834 года, профессоромъ *петербургскаго* университета, а не *кіевскаго,* куда онъ такъ собирался *по состоянію своего здоровья.* Объ этомъ онъ пишетъ Погодину: „Я *на время* рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, и именно среднихъ вѣковъ“ [4]). Пушкинъ на вышеприведенное письмо Гоголя отвѣтилъ: „Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти *Телеграфа,* поговорю и о вашей. Отъ сего незамѣтнымъ и искуснымъ образомъ перейду къ безсмертію, его ожидающему. Авось уладимъ“ [5]).

Вообще, крайне интересны письма Гоголя къ Погодину и Максимовичу за это время хлопотъ его о каѳедрѣ въ кіевскомъ университетѣ. Попечитель кіевскаго округа предлагалъ Гоголю вмѣсто каѳедры всеобщей исторіи, которая была занята, каѳедру русской исторіи. Гоголь пишетъ Максимовичу: „*Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію*“ [6]). 10 іюня Гоголь пишетъ ему же: „Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. Чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, нежели русскую исторію.

---

1) *Шенрокъ:* „Письма“, т. I, стр. 296 и соч. *Гоголя,* т. IV, стр. 188 и сл.

2) Ibid., стр. 296.

3) *Шенрокъ:* „Письма“, т. I, стр. 296.

4) Письмо изъ Петербурга отъ 23 іюля 1834 г. *Шенрокъ,* ib., стр. 314.

5) „Соч. Пушкина“. Изд. литер. фонда, 1887 г., т. VII, стр. 348.

6) Письмо отъ 28 мая 1834 г. изъ Петербурга. *Шенрокъ:* „Письма“, т. I, стр. 298.

Если бы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что *здѣсь я готовъ, пожалуй, два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ*"... [1]).

М. П. Погодину Гоголь пишетъ 23 іюня 1834 года изъ Петербурга слѣдующее: „На предложеніе твое объ адъюнктствѣ я вотъ что̀ скажу тебѣ. Я недавно только что просился профессоромъ въ Кіевъ, потому что здоровье мое требуетъ этого непремѣнно, также и труды мои. *Вотъ чѣмъ можно извинить мнѣ исканіе профессорства*, которое, если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе. *Прося профессорства въ Кіевѣ, я обезпечиваю тамъ себя совершенно въ моихъ нуждахъ*, большихъ и малыхъ; *но взявши московскаго адъюнкта, я не буду сытъ*, да и климатъ у васъ въ Москвѣ ничуть не лучше нашего чухонскаго, петербургскаго [2]).

Когда состоялся переходъ Максимовича въ Кіевъ, то Гоголь, узнавъ объ этомъ, пишетъ ему изъ Петербурга отъ 27 іюня 1834 года слѣдующее: „...Итакъ, ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будетъ весело, очень весело въ Кіевѣ. Не предавайся заранѣе никакимъ сомнѣніямъ и мнительности". (Максимовичъ переходилъ съ каѳедры ботаники изъ Москвы на каѳедру словесности въ Кіевѣ.) „Я къ тебѣ буду, непремѣнно буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... чортъ возьми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя нераннею осенью, или зимою; но когда бы то ни было, а я всетаки буду. Я далъ себѣ слово, и твердое слово; стало быть, все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы ни пробили человѣческая сила и желаніе. Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ все достанешь. Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ, не сиди надъ книгами! Чортъ возьми, если онѣ не служатъ теперь для тебя къ тому только, чтобы отемнить свои мысли! Будь таковъ, какъ ты есть, *говори свое*, и то какъ можно поменьше. Студенты твои такой глупый будетъ народъ, особливо сначала, что, право, совѣстно будетъ для нихъ слишкомъ много трудиться. ...Вкусъ у тебя хорошъ, словесность русскую ты знаешь лучше всѣхъ педагоговъ-толмачей; итакъ, чего тебѣ больше? Послушай: ради Бога, занимайся поменьше этой гилью. ...Жаль, что я не съ тобой теперь: я бы не далъ тебѣ и заглянуть въ печатную бумагу... Ты приготовишь тамъ все къ моему прибытію и пріищешь мѣстечко для покупки, ибо я хочу непремѣнно завестись домкомъ въ Кіевѣ, что̀, безъ сомнѣнія, и ты не замедлишь учинить, съ своей стороны" [3]).

---

1) Ibid., т. I, стр. 303.
2) Ib., стр. 305.
3) Ib., т. I, стр. 306—309.

Отъ 14-го декабря 1834 года Гоголь пишетъ Погодину: „Знаешь ли ты, что̀ значитъ не встрѣтить сочувствія, что̀ значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ, ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художественную отдѣлку, а тѣмъ болѣе, желаніе будить сонныхъ слушателей... Хотя бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ" [1]). Извѣстно, что лекціи Гоголя, кромѣ двухъ первыхъ, были весьма неудачны; извѣстны также и отзывы нѣкоторыхъ тогдашнихъ студентовъ о его лекціяхъ, напр., студента Иваницка́го о первыхъ двухъ лекціяхъ [2]). Вспомнимъ при этомъ воспоминаніе о профессурѣ Гоголя *И. С. Тургенева* [3]). Немудрено послѣ всего этого, что, хотя у насъ на Руси, по мнѣнію Гоголя, профессорское званіе и не такое благородное, какъ на Западѣ, но всетаки Гоголю пришлось при его взглядахъ на обязанности профессора оставить университетъ черезъ полтора года, и онъ „расплевался съ университетомъ", какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ Погодину отъ 6 декабря 1835 года [4]). Неизвѣстно, найдется ли когда-нибудь обѣщанная Гоголемъ исторія среднихъ вѣковъ, про которую онъ такъ пишетъ Максимовичу изъ Петербурга отъ 22 января 1835 года: „Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9" [5]). За годъ передъ этимъ Гоголь сообщалъ тому же Максимовичу, что онъ пишетъ исторію Малороссіи и что она будетъ „или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ" [6]). Объ этой исторіи среднихъ вѣковъ Гоголь писалъ уже и Погодину 2 ноября еще 1834 года, говоря: „Я самъ замышляю *дернуть исторію среднихъ вѣковъ*, тѣмъ болѣе, что *у меня такія роятся о ней мысли...* но я не раньше, какъ черезъ годъ, примусь писать" [7]). Изъ этихъ и подобныхъ писемъ выясняется взглядъ Гоголя на науку, на ученыхъ, на обязанности профессора, на студенчество. Комментаріи излишни! Не забудемъ, что такіе же взгляды Гоголя проникли и въ „Мертвыя души" въ разсужденіяхъ автора и въ „Переписку съ друзьями".

Оказывается, что одного вдохновенія и практической жизни мало для того, чтобы читать лекціи въ университетѣ и писать ученыя сочиненія, точно такъ же какъ мало даже самаго широкаго образованія и

---

1) Ib., т. I, стр. 327.

2) *Шенрокъ:* „Матеріалы", т. II, стр. 261; срв. стр. 233. *Гоголь-Тихонравовъ:* т. V, стр. 587, примѣч.

3) Посм. изданіе, т. I, стр. 80—81. *Шенрокъ:* „Матеріалы". т. II, стр. 234—243.

4) *Шенрокъ:* ib., т. I, стр. 357.

5) *Шенрокъ:* „Письма", т. I, стр. 331.

6) Ib., т. I, стр. 277.

7) Ib., т. I, стр. 325.

даже глубокой учености, чтобы быть великимъ художникомъ-сатирикомъ, какимъ былъ Гоголь. Наконецъ, отмѣтимъ, что Гоголь въ цѣломъ рядѣ писемъ къ Пушкину проситъ его исправлять его труды, отмѣчая карандашомъ соотвѣтственныя мѣста: „Посылаю вамъ два экземпляра „Арабесковъ", которые, ко всеобщему изумленію, очутились въ 2-хъ частяхъ: одинъ экземпляръ для васъ, а другой разрѣзанный для меня. Вы читайте *мой* и сдѣлайте милость, возьмите карандашъ въ ваши ручки и никакъ не останавливайте негодованія при видѣ ошибокъ, но тотъ же часъ ихъ всѣхъ на лицо. Мнѣ это очень нужно" [1]). Въ письмѣ къ Пушкину отъ 7 октября 1835 года Гоголь пишетъ: „Началъ писать „Мертвыхъ душъ". Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно хорошо сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь. Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если-жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что̀ дѣлать тогда съ моими обстоятельствами. Я, кромѣ моего сквернаго жалованья университетскаго 600 рублей, никакихъ не имѣю теперь мѣстъ. Сдѣлайте же милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь, куда смѣшнѣе чорта! Ради Бога, умъ и желудокъ мой оба голодаютъ. И пришлите „Женитьбу". Обнимаю васъ и цѣлую и желаю обнять скорѣе лично. Мои ни „Арабески", ни „Миргородъ" не идутъ совершенно. Чортъ ихъ знаетъ, что̀ это значитъ. Книгопродавцы такой народъ, которыхъ безъ всякой совѣсти можно повѣсить на первомъ деревѣ" [2]). Какъ извѣстно, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ этого комедія „Ревизоръ" уже давалась на сценѣ.

Гоголь, какъ практическій человѣкъ, не разъ въ письмахъ обращался къ журналистамъ и критикамъ съ просьбой напечатать рекламу о выходѣ той или другой его книги, напр., въ письмѣ къ Погодину отъ 23 марта 1835 года онъ пишетъ: „Пожалуйста, напечатай въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе объ „Арабескахъ". Сдѣлай милость, въ такихъ словахъ: что *теперь, дескать, только и говорятъ вездѣ, что объ „Арабескахъ", что сія книга возбудила всеобщее любопытство, что расходъ на нее страшный* (NB. до сихъ поръ ни гроша барыша не получено) *и тому подобное*" [3]). Въ письмѣ къ Прокоповичу изъ Москвы отъ 15-го мая 1842 года Гоголь пишетъ непосредственно передъ выходомъ въ свѣтъ поэмы „Мертвыя души": „*О книгѣ можно объявить.*

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 329.

[2]) Ibid., т. I, стр. 353—354.

[3]) Ibid., т. I, стр. 341.

Постарайся объ этомъ. *Попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о ней въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея...*" [4]).

На этомъ мы пока остановимся. Фактическаго матеріала собрано нами слишкомъ достаточно! Остальныя письма не прибавляютъ ничего существеннаго и не измѣняютъ впечатлѣнія отъ личности Гоголя. Кажется, можно сказать, что, благодаря обилію опубликованнаго матеріала въ письмахъ Гоголя и благодаря успѣхамъ научныхъ изслѣдованій, а также благодаря понятному интересу къ личности и дѣятельности знаменитаго сатирика, личность послѣдняго вовсе не является такой загадочной, какой она рисовалась прежде. Загадка разгадывается, несмотря на то, что самому Гоголю хотѣлось быть загадкой и онъ еще съ юности мирился съ такими отзывами о немъ со стороны его товарищей и родныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Гоголь былъ геніальнымъ художникомъ-сатирикомъ, что онъ далъ Россіи толчокъ, и Россія очнулась; не подлежитъ сомнѣнію, что Гоголь сталъ уже въ потомствѣ на недосягаемую высоту художника-реалиста въ литературѣ, что онъ нынѣ занимаетъ óдно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду представителей всемірной литературы, и за все это благодарное потомство ставитъ ему теперь памятники, какъ оно ставило памятники и Пушкину, но не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что великій художникъ, геніальный сатирикъ не долженъ непремѣнно отличаться въ то же время и симпатичнымъ міровоззрѣніемъ, и идеальнымъ характеромъ, какъ человѣкъ. Какъ про великаго Вольтера потомство говорило, что „характеръ человѣка есть его судьба", такъ про Гоголя слѣдуетъ сказать, что его характеръ создалъ ему его судьбу. Конечно, если бы Гоголь былъ человѣкомъ съ широкимъ образованіемъ, то и его характеръ не причинилъ бы ему такихъ страданій, которыя заставили его погибнуть.

Безъ надлежащаго образованія, безъ выработанныхъ культурныхъ понятій, безъ принциповъ трудовой и литературной этики, Гоголь не могъ держаться съ успѣхомъ на высотѣ тѣхъ общественныхъ теченій, которыя уже намѣчались въ нашей, хотя и молодой еще, но уже серьезной литературѣ и журналистикѣ. Честолюбіе и самомнѣніе Гоголя, которыхъ не отрицаютъ даже его энтузіасты и панегиристы, окончательно надломили его силы, когда ему пришлось убѣдиться, что истинные его друзья, опытные и образованные писатели и литераторы, относясь бережно къ его чуткой натурѣ, щадя его талантъ для славы русскаго литературнаго прогресса, шли вѣрною дорогою въ своихъ совѣтахъ знаменитому сатирику. Припомнимъ: „Опомнитесь! Вы стоите на краю бездны!!" Можно безошибочно сказать, что „Переписка съ друзьями" была напечатана потому, что это печатаніе отвѣчало вполнѣ его характеру и было связано со всей его системой, которая выражалась, какъ мы помнимъ, въ

[4]) Ibid., т. II, стр. 171.

слѣдующемъ девизѣ: „Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему, и такъ далѣе“.

Конечно, отзывы критики для человѣка сильнаго своимъ образованіемъ, для человѣка со „свободнымъ“ умомъ, даже и при маніи величія, при чрезмѣрномъ честолюбіи, не служили бы *роковою* неудачею: культурные идеалы подсказали бы такому человѣку, что его сила уже въ томъ, что онъ далъ своими художественными типами и образами въ „Ревизорѣ“ и въ 1-й части „Мертвыхъ душъ“, но Гоголь не вѣрилъ своей художнической силѣ, создававшей типы и образы чичиковской Руси, хотя и чувствовалъ своими „обнаженными“ нервами и чуткой душой ихъ реальность; не вѣрилъ потому, что вообще не зналъ, что̀ представляетъ для человѣчества наука, которую онъ называлъ „гилью“, и литература; онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ этомъ, какъ мы видѣли выше.

Но какъ бы то ни было, онъ все искупилъ своей мученической смертью, голодной смертью, на которую онъ обрекъ себя на 43-мъ году своей жизни: въ его желудкѣ не нашли вовсе пищи, его хотѣли кормить насильно и искусственно, но было уже поздно... Россія и русская литература должна была разстаться съ тѣмъ свѣточемъ ея культуры, благодаря которому, быть можетъ, чичиковская Русь съ ея рабствомъ постепенно перешла въ Русь новую, которая узнала свободный трудъ и до сихъ поръ продолжаетъ славить художническую дѣятельность великаго Гоголя.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ привести слова извѣстнаго литератора, перваго ученаго изслѣдователя творчества и личности Пушкина и друга Гоголя, подъ диктовку котораго онъ писалъ 1-й томъ „Мертвыхъ душъ“ въ Римѣ лѣтомъ въ 1841 году, именно, слова П. В. Анненкова: „...*къ пламени таланта* Гоголя не зачѣмъ обращаться благонамѣренному и добросовѣстному изслѣдователю, какъ бы нѣкоторому облегчительному обстоятельству въ своемъ родѣ, а доискиваться причины его высокихъ поступковъ и мелкихъ слабостей не значитъ оскорблять памяти Гоголя, передъ которой благоговѣетъ всякій образованный русскій, а значитъ только удовлетворить законной потребности въ истинѣ и въ великомъ поученіи, которое представляетъ жизнь каждаго замѣчательнаго человѣка“ [1]).

Своимъ изысканіемъ мы только хотѣли сказать, что мы знаемъ значеніе Гоголя, мы почитаемъ его, мы ставимъ ему сознательно памятникъ, но мы хотимъ знать и имѣемъ право знать не только то, въ чемъ *сила* Гоголя, но и то, въ чемъ его *слабости*.

Евгеній Будде.

---

[1]) *Анненковъ:* „Литературныя воспоминанія“. Спб., 1909 г., стр. 56.

Текущіе вопросы внутренней жизни.

I. „Сыны“ и „пасынки“.

Былъ ли это сознательный, заранѣе обдуманный планъ, или простое сцѣпленіе случайностей, неожиданно для самого правительства давшее опредѣленный результатъ?

Для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Разскажемъ лишь послѣдовательность фактовъ, изъ которой съ большей или меньшей гадательностью можно сдѣлать тотъ или иной выводъ.

Херсонскій губернаторъ принадлежитъ къ числу, такъ сказать, среднихъ губернаторовъ. Онъ не прославилъ своего имени, какъ Толмачевъ или Думбадзе, но вовсе не потому, чтобы не отличался качествами, способствовавшими возвеличенію одесскаго или ялтинскаго паши. Напротивъ, есть всѣ основанія думать, что и г. херсонскій губернаторъ г. Бантышъ способенъ высоко держать знамя. Только ему либо не выпалъ достаточно яркій случай, либо печать просмотрѣла его подвиги— за всѣмъ вѣдь не угонишься, либо, наконецъ, г. Бантышу до послѣдняго времени просто не везло...

Херсонскому губернатору суждено было прославиться инымъ путемъ... По примѣру Петербурга и многихъ другихъ россійскихъ городовъ жители г. Елисаветграда рѣшили образовать „общество избирателей и обывателей“, призванное заботиться о городскомъ благоустройствѣ, указывать на обывательскія нужды городскому самоуправленію, дѣлать что возможно самимъ. Въ Петербургѣ каждая часть уже болѣе года обзавелась такимъ своимъ обществомъ. Уставы ихъ безъ всякихъ хлопотъ утверждались особымъ по дѣламъ объ обществахъ присутствіемъ. Но въ херсонскомъ присутствіи просьба елисаветградцевъ о регистраціи общества избирателей и обывателей встрѣтила оригинальный пріемъ. Присутствіе, руководимое губернаторомъ, нашло, что для заботъ о городскомъ благоустройствѣ существуютъ городская дума и управа и что созданіе для

той же цѣли обывательскихъ обществъ является дѣломъ излишнимъ, а слѣдовательно и вреднымъ. Въ силу этихъ соображеній присутствіе постановило въ регистраціи отказать...

Печать встрѣтила это рѣшеніе громкимъ смѣхомъ. Нелѣпость аргументаціи бросалась въ глаза. Есть ли на Руси какое-нибудь общество, которое не подходило бы подъ мѣрку безполезности, установленную херсонскимъ присутствіемъ? Для всего у насъ существуютъ предусмотрѣнныя закономъ учрежденія и потому всякія общества являются совершенно излишними. Всѣ понимали, что херсонскія власти не хотѣли разрѣшить елисаветградское общество. Онѣ боялись провала на выборахъ правой елисаветградской думы [1]). Подходящихъ мотивовъ найти нельзя было—вотъ и пущена была въ ходъ первая пришедшая въ голову „идея" въ расчетѣ на то, что пока судъ да дѣло, пока сенатъ отмѣнитъ это рѣшеніе, пройдетъ не мало времени, произойдутъ выборы въ елисаветградскую городскую думу и черносотенное большинство захватитъ власть еще на четыре года...

Такъ растолковала печать смыслъ елисаветградско-херсонскаго анекдота, высмѣяла его и успокоилась. Учредители елисаветградскаго общества избирателей и обывателей подали на рѣшеніе херсонскаго губернскаго присутствія жалобу въ сенатъ и всѣ были увѣрены, что сенатъ, конечно, отмѣнитъ удивительное постановленіе, но что только ждать придется долго. Возможности иного рѣшенія со стороны сената никто и въ мысляхъ не допускалъ.

Но случилось нѣчто невѣроятное. Сенатъ утвердилъ рѣшеніе херсонскаго присутствія, выгладивъ только стилистически его форму. Такъ какъ общество избирателей и обывателей включило въ кругъ своего вѣдѣнія предметы, входящіе по закону въ сферу городского управленія, то оно зарегистрировано быть не можетъ. Рѣшеніе сената вызвало всеобщее изумленіе. И незаконность и практическая неисполнимость принциповъ, положенныхъ сенатомъ въ основу толкованія закона объ обществахъ, была такъ ясна, что странно было объ этомъ и говорить. Всѣ общества занимаются „предметами", входящими въ кругъ вѣдѣнія того или иного учрежденія. Всѣ частныя общества не подлежатъ, слѣдовательно, регистраціи. Правительствующій сенатъ упустилъ совершенно изъ вниманія одно обстоятельство. Частныя общества отличаются отъ учрежденій не кругомъ предметовъ вѣдѣнія, который можетъ и совпадать, но размѣромъ и характеромъ своихъ правъ по отношенію къ третьимъ лицамъ. Городскіе налоги взыскиваются со всѣхъ жителей обязательно и

---

[1]) Опасенія ихъ оправдались. Несмотря на неразрѣшеніе общества избирателей, елисаветградскіе избиратели все же сплотились и провалили черносотенную думу. Предусмотрительность не помогла.

принудительно, платежи въ общества обывателей и избирателей дѣлаются только тѣми, кто на это изъявитъ согласіе. Законныя постановленія гор. думъ и управъ обязательны для всѣхъ гражданъ, а рѣшенія общества избирателей и обывателей имѣютъ только моральную силу и притомъ лишь для членовъ общества и т. д. и т. д. Совѣстно повторять эти трюизмы, но что подѣлать, если мы живемъ въ странѣ, въ которой даже сенатъ, хранитель законности, счелъ выгоднымъ забыть объ основныхъ истинахъ публичнаго права. Впрочемъ, даже кн. Мещерскимъ уже признано, что нынѣшній сенатъ, въ отличіе отъ прав. сената до-конституціонной эпохи, является не хранителемъ законовъ, а простымъ слугой исполнительной власти...

Чтожъ, и здѣсь была простая случайность или здѣсь начинается уже опредѣленный планъ, кѣмъ-то разработанный за кулисами?

Сенатское разъясненіе, вызвавшее безграничное изумленіе своимъ невѣроятнымъ отношеніемъ къ закону, вначалѣ не родило ни въ комъ тревоги. Казалось нелѣпымъ, что толкованіе, фактически уничтожавшее всѣ россійскіе законы объ обществахъ и союзахъ, войдетъ въ жизнь и станетъ руководящей нормой. Вѣдь не возможно же на самомъ дѣлѣ придумать ни одного „предмета вѣдѣнія“ частнаго общества, по поводу котораго любое изъ россійскихъ присутствій не могло бы заявить: объ этомъ призвано заботиться правительство, городское, земское управленіе, волостной сходъ или сельское общество и проч., а потому задуманное общество излишне...

Но оптимизмъ русскихъ людей былъ очень скоро разрушенъ. Появились извѣстія о циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, который, исходя изъ разъясненія сената, предписывалъ закрывать всѣ общества, преслѣдующія цѣли, входящія въ кругъ вѣдѣнія городскихъ и земскихъ учрежденій. За циркуляромъ послѣдовали и мѣропріятія. Петербургское особое по дѣламъ объ обществахъ присутствіе пригласило представителей всѣхъ столичныхъ обществъ избирателей и обывателей и объявило имъ о массовомъ закрытіи этихъ учрежденій...

Тутъ уже возгласы изумленія смѣнились криками негодованія. Даже та октябристская пресса, назначеніе которой—по временамъ имитировать голосъ независимыхъ людей, стала протестовать. *Голосъ Москвы* старался насколько возможно выгородить П. А. Столыпина. Петербургская де администрація переусердствовала, во всѣхъ остальныхъ городахъ общества еще живутъ, значитъ, „ошибка сознана и разрушительная работа не будетъ доведена до конца“ (№ 203)... Трудно было даже догадаться, зачѣмъ *Голосъ Москвы* пустился на такую ложь, которая немедленно же была опровергнута. Появились въ газетахъ извѣстія о закрытіи обществъ избирателей и обывателей и въ другихъ городахъ. Въ Омскѣ, напр., администрація преподнесла П. А. Столыпину подарокъ къ самому его

пріѣзду: наканунѣ спѣшно собралось присутствіе и закрыло общество избирателей, чтобы, вѣроятно, имѣть возможность отрапортовать: исполнено, ваше высокопревосходительство...

Такъ совершилось самое крупное правительственное дѣяніе послѣдняго времени. Явилось ли оно результатомъ случайности или обдуманнаго плана? Попробуемъ поискать отвѣта въ органѣ, призванномъ выражать „взгляды и намѣренія правительства". Министерскій офиціозъ *Россія* долгое время молчалъ, и это молчаніе интриговало... Но, наконецъ, и *Россія* сказала свое слово.

Защищать юридическіе доводы правительствующаго сената не рѣшилась и министерская газета. Даже, напротивъ, она рѣзко разошлась съ правительствующимъ сенатомъ въ этомъ пунктѣ. Обывательскія общества „могли бы принести громадную пользу, если бы, дѣйствительно, работали по первоначальной программѣ ихъ уставовъ", заявила *Россія* (№ 1467). Какъ мы только что видѣли, сенатъ выступилъ противъ обществъ, имѣя въ виду вовсе не ихъ дѣятельность, а именно „программу уставовъ". Вопреки сенату министерская газета находитъ уставы превосходными. Но бѣда въ томъ... разъ дѣло идетъ о *Россіи*, то каждому уже ясно, что бѣда отъ кадетовъ, отъ „единой для кадетской публики организаціи, которая выступила подъ именемъ обществъ избирателей и обывателей". „Если въ составѣ этихъ обществъ, кромѣ партійныхъ кадетовъ, имѣется и нѣкоторое количество наивныхъ и довѣрчивыхъ людей совсѣмъ иного толка, людей еще не разобравшихся, съ кѣмъ и съ чѣмъ они въ дѣйствительности связались, то объясняется это просто русскимъ прекраснодушіемъ" (№ 1471).

Еще три дня тому назадъ, торжествуя свою милліонъ первую побѣду надъ кадетами, *Россія* утверждала, что они уже уничтожены, что ихъ почти нѣтъ, а скоро и совсѣмъ не будетъ. „Всякая разслойка,—иронизировала министерская газета,—возможна лишь въ многочисленной партіи, а бѣдные кадеты быстро приближаются къ тому моменту, когда гг. Милюкову и Маклакову придется для достиженія этой разслойки разрѣзать пополамъ г. Петрункевича" (№ 1468).

Прошло три дня, и когда *Россіи* потребовалось оправдать закрытіе многихъ десятковъ общественныхъ организацій, снова на сцену появились „бѣдные кадеты", но уже въ совсѣмъ иной роли. Теперь ужъ, оказывается, они овладѣли всѣми обществами избирателей и обывателей, завлекли въ свои сѣти „нѣкоторое количество наивныхъ и довѣрчивыхъ людей", вынудили либеральное правительство П. А. Столыпина совершить „массовое истребленіе общественныхъ организацій", противъ котораго протестовали даже самые эластичные изъ октябристовъ, довели, наконецъ, сенатъ до потери душевнаго равновѣсія, такъ что онъ

совершенно забылъ азбуку законности и удивилъ своимъ невѣроятнымъ разъясненіемъ всю Россію, уже давно переставшую чему-либо удивляться. Вотъ что надѣлали „бѣдные кадеты" послѣ того, какъ три дня тому назадъ г.г. Милюкову и Маклакову приходилось рѣзать пополамъ г. Петрункевича. Очевидно, положеніе ихъ было вовсе не такое критическое, какъ изображалъ веселый столыпинскій официозъ, получившій свое фельетонное воспитаніе въ кафе-шантанѣ у Омона...

Итакъ, общества избирателей и обывателей закрыты не потому, что, какъ думаетъ сенатъ, ихъ уставы содержали указаніе на предметы, входящіе въ кругъ вѣдѣнія городскихъ и земскихъ учрежденій. Нѣтъ, уставы были прекрасны, но обществами овладѣли кадеты—и ихъ надо было уничтожить. Если сенатъ не смогъ подыскать разумныхъ мотивовъ, а сочинилъ нѣсколько странную мотивировку, это, конечно, непріятно—но что дѣлать, à la guerre comme à la guerre. Въ бѣлыхъ перчаткахъ не воюютъ. Кадеты—врагъ, котораго надо уничтожить, и для этого хороши всѣ средства вплоть до очевиднѣйшаго попранія закона.

„Что касается настоящихъ общественныхъ силъ,—скорбитъ министерская газета (№ 1467),—то эти послѣднія, къ сожалѣнію, далеко еще не вездѣ пробудились", а, пока онѣ не пробудятся, общественными учрежденіями будутъ руководить „кадеты"... И безошибочно можно нарисовать перспективу, ожидающую всѣ наши общественныя организаціи. Рабочіе союзы и профессіональныя организаціи будутъ закрываться потому, что они перешли на революціонный „соціалъ-демократическій путь", а всѣ остальныя общества—потому, что ими овладѣли кадеты...

Жители Россіи безъ всякихъ околичностей раздѣлены тутъ на двѣ группы: сыновъ и пасынковъ. Первые признаются „настоящими общественными силами", имъ готовы дать всѣ права и всѣ свободы, ради нихъ готовы даже иногда руководствоваться закономъ. Этимъ людямъ готовы дать и право союзовъ. Къ сожалѣнію, „сыны" выказываютъ мало склонности воспользоваться предлагаемыми имъ правами. Они предпочитаютъ воровать, устраивать погромы, пропивать текущія къ нимъ изъ разныхъ источниковъ „темныя деньги", а не возиться съ обществами избирателей и обывателей, устраивать коопераціи, профессіональные союзы. Чуть только возникнетъ на Руси какое-либо культурное общество или экономическій союзъ, не носящій характера разбойничьяго вертепа, непремѣнно при этомъ дѣлѣ окажется какой-нибудь кадетъ, кадетствующій или въ этомъ родѣ. Но „кадеты"—пасынки. Они должны быть благодарны и за то, что имъ даютъ жить, что защищаютъ отъ насилія ихъ личность (Герценштейнъ, Іоллосъ, Караваевъ). Претендовать на какія-то публичныя права, на примѣненіе къ нимъ законовъ—это уже со сто-

роны „кадетовъ“ верхъ наглости. Каждое общество, въ составъ котораго входитъ „кадетъ“, уже по одному этому подлежитъ закрытію и нечего ожидать съ его стороны какихъ-либо незаконныхъ дѣяній...

Такова сущность офиціозной философіи.

Надо признать, что эта философія нѣсколько отличается отъ той, которая господствовала въ до-конституціонное время. Тогда положеніе было ясное. „Ограниченный разумъ подданныхъ“ не позволялъ имъ и разсчитывать на какія-либо публичныя права. Обыватели пользовались только милостями начальства, но начальство было такъ безконечно сильно въ сравненіи съ обывателями, что оно разрѣшало себѣ распредѣлять свои милости между всѣми. Были, конечно, любимчики и тогда, но любимчики, какъ и остальные обыватели, пользовались только „милостями“ и, когда забывались, получали достойное наказаніе.

Теперь не то. Теперь объявлены права и свободы. Теперь ждутъ и призываютъ „настоящія общественныя силы“. Но и права и свободы хотятъ дать не всѣмъ гражданамъ, а только небольшой кучкѣ лицъ избранныхъ: имъ дается полная свобода слова вплоть до прямыхъ призывовъ къ погромамъ, избіеніямъ, убійствамъ (вспомните дикія выходки какихъ-то Клюева и Сырокомли-Сопоцьки противъ П. Н. Милюкова), имъ предоставляется свобода союзовъ, собраній и проч., и проч. [1]). Но каковъ же критерій этой избранности? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко. Можно только съ увѣренностью сказать, что карточка изъ охраннаго отдѣленія на званіе тайнаго сотрудника отворяетъ двери рая и дѣлаетъ русскаго человѣка полноправнымъ гражданиномъ, обладающимъ правомъ союзовъ и собраній и свободой рѣчи. До недавняго времени и карточка на званіе члена союза русскаго народа обладала такимъ же магическимъ дѣйствіемъ. Но въ виду возникшихъ подозрѣній, что въ союзъ русскаго народа пытаются проникнуть революціонеры, союзническая карточка стала нуждаться въ охранной скрѣпѣ.

Получается какая-то нигдѣ невиданная конституція для охранниковъ... всероссійская зубатовщина...

Сталкиваясь съ такого рода фактами и съ подобною философіей, неловко какъ-то говорить о „правахъ человѣка и гражданина“, о законѣ и проч., и проч. Безполезно доказывать, что „настоящія общественныя силы“, если не понимать подъ ними просто организованныхъ шаекъ искателей добычи и мародеровъ, могутъ „проснуться“ только въ настоящей общественной борьбѣ, въ которой всѣ граждане равно пользуются

[1]) Мечъ юстиціи, охраняющій законы, противъ нихъ безсиленъ. Напр., вся правая печать безвозбранно вела агитацію въ пользу бойкота выборовъ въ Государственный Совѣтъ въ Юго-Западномъ краѣ, **несмотря на существованіе прямого закона, сурово карающаго за такіе призывы...**

предоставленными имъ закономъ правами. Никогда честные люди не пойдутъ на борьбу съ противникомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ. „Борцовъ" при такихъ условіяхъ можно найти только за „темныя деньги". Провозглашая „кадетовъ" внѣ закона, вы никогда не соорганизуете настоящихъ „общественныхъ" „анти-кадетскихъ" силъ. Лучшее, чего, въ интересахъ государства, можно достигнуть такой политикой,—это усилить вліяніе „кадетскихъ", т.-е. въ сущности всѣхъ независимыхъ элементовъ въ странѣ и обезпечить имъ побѣду въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ,—единственное условіе возрожденія. Къ несчастію, возможенъ и другой исходъ.

Гдѣ происходитъ дѣленіе на избранныхъ и на гражданъ второго разряда, тамъ неизбѣжно „избранными" оказывается меньшинство, даже просто потому, что „избранные" должны кормиться за счетъ остальныхъ и, слѣдовательно, послѣднихъ должно быть во много разъ больше, чѣмъ первыхъ. Но раздѣленіе общества на категоріи полноправныхъ и безправныхъ, причемъ основаніе для раздѣленія коренится не въ вѣковыхъ сословныхъ, соціально-экономическихъ или національныхъ особенностяхъ, а въ совершенно произвольныхъ и неуловимыхъ критеріяхъ, носитъ характеръ неизмѣримо болѣе оскорбительный, чѣмъ неравенство національно-соціальное, тоже не способствующее укрѣпленію государства.

Философія раздѣленія гражданъ на сыновъ и пасынковъ носитъ въ себѣ самой зачатки гибели государства. Она родитъ массовое глубокое равнодушіе. А это равнодушіе и создаетъ ту безучастность народа къ своей судьбѣ, которой Россіи надо бояться пуще всего.

А. С. Изгоевъ.

II. Почтово-телеграфное дѣло въ Россіи.

(Замѣтки по смѣтѣ на 1910 г.)

I.

Знаменитый восемнадцатый президентъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ Улиссъ-Сидней Грантъ (1868—1876 г.) въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія справедливо назвалъ почту „великимъ учителемъ народа". Съ тѣхъ поръ американцы, твердо памятуя завѣты своего государственнаго дѣятеля, все время неустанно совершенствовали свое почтово-телеграфное дѣло. Принципъ американской почты, какъ это видно изъ отчетовъ почтоваго управленія, заключается въ томъ, чтобы неизмѣнно уменьшать плату за почтовыя и телеграфныя услуги до послѣдней возможности и давать всякія льготы публикѣ, какъ только доходъ хоть сколько-нибудь превышаетъ расходъ за доставку корреспонденціи. Оттого, при повсемѣстной грамотности, письма направляются

милліонами и доставляются съ поразительной аккуратностью. Почтовыя учрежденія разбросаны во множествѣ и по самымъ глухимъ угламъ государства. Такса за внутреннюю корреспонденцію весьма низка, а именно 2 цента за унцъ, а газеты пересылаются по таксѣ пониженной—до одного цента за фунтъ, т.-е. по 2 коп. (центъ=$^1/_{100}$ доллара). Въ странѣ до 70 тыс. почтово-телеграфныхъ учрежденій, изъ нихъ 60 т.—самая многочисленная группа, въ которой на каждое учрежденіе валовой доходъ не превышаетъ 3,800 руб.

Другими словами, почтовыя учрежденія разбросаны и по самымъ малонаселеннымъ уголкамъ государства. Благодаря тому же принципу, введена доставка почты и по селамъ, отчего, по свидѣтельству отчетовъ, въ такихъ мѣстахъ цѣны на землю растутъ, увеличивается благосостояніе населенія, усиливается связь деревни съ городомъ и получается большая выгода съ точки зрѣнія общественной и воспитательной. Доставка почты по фермамъ,—говоритъ проф. Озеровъ,—„крупный воспитательный факторъ, связываетъ земледѣльческую жизнь съ дѣловымъ міромъ, держитъ фермеровъ въ постоянномъ соприкосновеніи съ рынкомъ и цѣнами, повышаетъ умственное развитіе населенія, благодаря увеличенію циркуляціи газетъ и журналовъ, развиваетъ корреспонденцію, ведетъ къ улучшенію дорогъ, поднимаетъ цѣны на фермы, дѣлаетъ сельскохозяйственную жизнь менѣе изолированной и болѣе притягательной и вмѣстѣ съ другими вліяніями задерживаетъ притокъ населенія изъ деревни въ городъ. Національное значеніе выгодъ такой доставки неисчислимо и въ С. Штатахъ рѣшено организовать доставку въ самые отдаленные уголки“.

Въ большихъ городахъ, само собою разумѣется, почтовое дѣло организовано съ большою роскошью. Выемка корреспонденціи изъ ящиковъ производится каждый часъ и доставляется большимъ штатомъ почтальоновъ адресатамъ незамедлительно, чему способствуетъ пневматическая почта, введенная въ Нью-Іоркѣ. По словамъ отчета, если по какимъ-либо причинамъ гдѣ-либо нельзя устроить почтово-телеграфнаго учрежденія, корреспонденція въ мѣшкѣ вѣшается на придорожный столбъ и почтовый поѣздъ, посредствомъ особыхъ приспособленій, на ходу захватываетъ такую почту и мчитъ ее, не останавливаясь, по назначенію.

Такъ работаетъ почтово-телеграфное управленіе въ странѣ, гдѣ на жителя приходится 86,5 письма (у насъ 6,6), гдѣ число служащихъ по почтово-телеграфному вѣдомству превышаетъ 268 тыс. человѣкъ (у насъ 75 тыс.), гдѣ одно почтово-телеграфное учрежденіе приходится на 1,176 жителей (у насъ на 10,219), и одно учрежденіе обслуживаетъ пространство въ 146,2 кв. километра (у насъ 1,698 кв. километра, считая километръ = 0,9 кв. верстъ). Такъ работаетъ почта въ странѣ, которая поставила своимъ девизомъ не останавливаться ни передъ какими

жертвами для удобства общества, страна, почтово-телеграфная смѣта которой за 1907 годъ сведена съ превышеніемъ расходовъ надъ доходами въ суммѣ 6,415 тыс. долларовъ. Другими словами, страна ежегодно приплачиваетъ изъ другихъ источниковъ къ почтово-телеграфному расходу, и въ 1907 г. такая приплата составляла 12,830 тыс. руб.

II.

Въ *Германіи* почтово-телеграфное дѣло находится въ еще болѣе блестящемъ положеніи. Необходимо указать, что Германія постоянно увеличиваетъ свои затраты на развитіе дѣла, ассигнуя ежегодно не менѣе 6,500 тыс. на развитіе почтово-телеграфныхъ учрежденій. И, напр., въ 1905 г. открыто почтово-телеграфныхъ учрежденій 2,750, въ 1906 году—2,767. Въ 1908 году въ Германіи почтовыхъ ящиковъ было 118,181, въ Россіи же въ 1907 году ихъ было лишь 21,907,—22 тысячи противъ 118 тысячъ—весьма неравныя арміи въ мирной борьбѣ за международное положеніе! Въ заключеніе необходимо еще указать на то, что съ 1 октября 1908 года въ Германіи вступилъ въ силу законъ о протестѣ въ неплатежѣ векселя черезъ почту, что существуетъ въ немногихъ странахъ Европы.

III.

Когда мы обращаемся къ почтовымъ порядкамъ Россіи, то первое, что бросается намъ въ глаза, это то, что памятныя слова знаменитаго американскаго президента повторяются не въ дѣйствительной жизни русскаго народа, а въ ученыхъ трудахъ русскихъ финансистовъ.

Всѣмъ намъ знакома бытовая картина почтово-телеграфныхъ порядковъ. Вотъ, напр., городокъ на далекомъ Южномъ Уралѣ, въ 160 верстахъ отъ желѣзной дороги. Почта изъ Москвы достигаетъ городка В. на пятый или шестой день, смотря по состоянію грунтовыхъ дорогъ, которыя весною бываютъ непроѣзжими. Почта доставляется отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи лишь два раза въ недѣлю. На весь городъ, насчитывающій до 15 тыс. жителей, имѣется всего два разносчика корреспонденціи. Съ наступленіемъ почтоваго дня чиновники и коммерсанты поочередно навѣщаютъ почтово-телеграфное отдѣленіе, справляясь, по долгу службы или въ силу неотложнаго интереса, о времени прибытія почты, если она не прибыла, или захватывая свою корреспонденцію и оказывая услуги знакомымъ. Иначе почтовой корреспонденціи не дождаться до слѣдующаго дня, приносящаго, какъ извѣстно, свои заботы. О почтово-телеграфныхъ чиновникахъ и особливо начальникѣ отдѣленія и говорить нечего; дѣло извѣстное—это настоящіе мученики своего дѣла.

Причина такого состоянія нашего почтово-телеграфнаго дѣла выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія.

IV.

Прежде всего мы должны отмѣтить блестящее финансовое положеніе дѣла. При расходѣ въ 59,5 мил. руб. и валовомъ доходѣ въ 87,6 мил. р., чистая прибыль на 1910 годъ опредѣлена въ 28,1 мил. руб., что составляетъ 47,2%, или, другими словами, на каждый затраченный рубль вѣдомство получаетъ 1 руб. 47 коп. прибыли, или 47 коп. чистаго дохода. За 25 лѣтъ своего существованія вѣдомство почтъ и телеграфовъ изъ какихъ-нибудь десятковъ тысячъ прибыли развило ее до почти 30 мил. руб.! Съ финансовой или, точнѣе, бухгалтерской точки зрѣнія лучшаго и желать нечего: постоянный ростъ доходовъ, неизмѣнное безубыточное заключеніе смѣты. Въ 1882 году было 23 мил. руб. дохода, и 23,900 тыс. руб. расхода, т.-е. 900 руб. вѣдомству приплатили изъ другихъ доходовъ. Съ того времени доходъ постоянно росъ, достигнувъ въ 1904 г. около 65%, въ 1905 г. около 64%, въ 1906 г.—62,4%, въ 1907 г.—65,7%, въ 1908 г.—63%, въ 1909 г.—49,8%, въ 1910 г.—47,2%, обнаруживая тенденцію къ пониженію за послѣдніе три года. Но картина мѣняется, коль скоро мы посмотримъ на почтово-телеграфное дѣло въ Россіи съ точки зрѣнія соціальной и политической. Важно узнать, насколько наша почта удовлетворяетъ потребностямъ страны, потребностямъ сообщенія и обмѣна, насколько почта служитъ интересамъ торговли и промышленности и вообще интересамъ культурнаго развитія государства, а также насколько удовлетворительно состояніе нашего почтоваго дѣла съ точки зрѣнія его международнаго положенія, что вскрывается сравненіемъ нашей почты съ почтой культурныхъ странъ.

Показателенъ для почтово-телеграфнаго хозяйства *процентъ чистаго дохода*, получаемаго государствомъ. За послѣднія пять лѣтъ государства Европы получали чистаго дохода: Австрія отъ 0,9 до 5%, Швеція отъ 10 до 12%, Германія неизмѣнно 13% съ небольшими колебаніями въ десятыхъ доляхъ процента, Франція отъ 25 до 35% (за 1908 г.—14%), Великобританія отъ 23 до 26% и Россія отъ 47,2% до 65%. Такимъ образомъ, самый большой процентъ чистаго дохода изъ своего почтово-телеграфнаго хозяйства извлекала все время Россія. Сравнительно высокій процентъ дохода Франціи и Великобританіи объясняется относительно небольшимъ протяженіемъ этихъ государствъ и превосходнымъ состояніемъ путей сообщенія, при большомъ развитіи почтово-телеграфныхъ сношеній и высокомъ уровнѣ торговли и промышленности. Цифры эти говорятъ о томъ, что наше почтово-телеграфное вѣдомство преимущественно озабочено полученіемъ высокаго дохода, такъ сказать коммерческой стороной дѣла.

При дальнѣйшемъ анализѣ цифрового матеріала состояніе нашего почтоваго дѣла обрисовывается съ новыхъ сторонъ, дополняющихъ удручающую бытовую картину положенія дѣла. Возьмемъ прежде всего пространственную доступность почтово-телеграфныхъ учрежденій для населенія, а именно количество учрежденій почтовой эксплоатаціи, приходящихся на единицу пространства, или, другими словами, дѣйствительно ли нашему жителю деревни необходимо преодолѣвать 50—60-верстныя разстоянія до ближайшаго почтоваго учрежденія. И вотъ оказывается, что въ то время какъ въ Германіи и Великобританіи одно почтово-телеграфное учрежденіе приходится на 13 кв. клм., во Франціи—на 43 кв. клм., въ Австріи—на 35 кв. клм., въ Россіи одно учрежденіе падаетъ на 1,698 кв. клм., другими словами, въ Россіи густота сѣти почтово-телеграфныхъ учрежденій, дабы сравняться съ германской, должна быть увеличена въ 132 раза! И сколько бы мало нашъ житель деревни ни нуждался въ услугахъ почты, какъ бы низко ни стояла наша промышленность и торговля,—это культурное учрежденіе, почта, въ сто разъ, по меньшей мѣрѣ, менѣе доступно нашему промышленнику и коммерсанту, нежели нѣмецкому или англійскому. И въ самомъ дѣлѣ, если взять отношеніе числа почтово-телеграфныхъ учрежденій къ населенію, то получимъ, что одно учрежденіе приходится на жителей: въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ—на 1,176 человѣкъ, въ Германіи—на 1,530 чел., во Франціи—на 3,130 чел., въ Австріи—на 3,044 чел. и въ Россіи—на 10,219 жителей. Такимъ образомъ, почтово-телеграфныя учрежденія населенію Россіи въ 132 раза менѣе доступны въ среднемъ по сравненію, напр., съ Германіей! Если же взять для сравненія Норвегію, гдѣ приблизительно та же плотность населенія (въ Норвегіи 7 чел. на кв. в., въ Россіи 6 чел. на кв. в.), то эта пространственная доступность почты населенію всетаки у насъ менѣе въ 13 разъ.

Матеріальная доступность почтово-телеграфныхъ учрежденій населенію можетъ быть измѣряема существующей таксой на почтово-телеграфныя отправленія. И въ этомъ отношеніи у насъ почта поставлена невыгодно, *такъ какъ у насъ самая высокая такса*. Напр., наше письмо стоитъ 18,6 сантимовъ, въ Германіи—12,8 снм., въ Англіи, Бельгіи, Австріи—немного болѣе 10 снм. и во Франціи закрытое письмо стоитъ 10 снм., открытое—5 снм.

V.

На первой же страницѣ доклада по смѣтѣ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ на 1910 годъ мы встрѣчаемся съ замѣчательнымъ закономъ 28 ноября 1905 года. Такого закона не знаетъ ни одна смѣта. Онъ напередъ опредѣляетъ размѣръ ассигнованій по вѣдомству, напе-

редъ отнимаетъ всякую надежду на коренное улучшеніе нашего почтово-телеграфнаго дѣла. Законъ этотъ читается такъ: „Размѣръ ежегодной прибавки къ кредитамъ, ассигнованнымъ въ предыдущемъ смѣтномъ году по статьямъ 2, 3, 4 и пункту а) ст. 6, § 3 смѣты главнаго управленія почтъ и телеграфовъ на содержаніе мѣстныхъ почтово-телеграфныхъ учрежденій и управленій, опредѣлить, начиная съ 1906 года, въ 6 процентовъ“. Въ силу этого закона ежегодно дозволяется увеличить кредитъ предыдущаго года, между прочимъ, и на развитіе почтоваго года, лишь на 6%. Какъ бы ни росли мѣстныя нужды, какъ бы настоятельны ни были требованія жизни, изъ этой законной нормы выйти нельзя. И, вѣроятно, съ цѣлью историческаго оправданія разума сего замѣчательнаго изобрѣтенія русской бюрократической мысли, на стр. 6 и 7 доклада разсказана исторія возникновенія и эволюція этого закона. Дѣло было такъ, что до 1894 г. кредитъ почтово-телеграфнаго вѣдомства не превышалъ $58^1/_2$ тыс. руб.; настоятельныя нужды удовлетворялись дополнительными ассигнованіями; въ 1894 году Государственный Совѣтъ постановилъ, чтобы расходы на расширеніе дѣятельности почтово-телеграфныхъ учрежденій увеличивались ежегодно *не болѣе* какъ на 3%, затѣмъ Государственный Совѣтъ увеличилъ % до 3,5 и такимъ образомъ вѣдомство имѣло на расширеніе мѣстныхъ учрежденій до 100 тыс. руб. въ годъ; въ 1902 году норма ежегодной прибавки опредѣлена въ 4%, изъ коихъ не менѣе $^1/_4$ части должно расходоваться на открытіе новыхъ учрежденій; такимъ способомъ ежегодно ассигновалось до 800 тыс. руб., изъ которыхъ обращалось на открытіе новыхъ учрежденій до 200 тыс. руб.; наконецъ, 28 ноября 1905 года, по ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, размѣръ ежегодной прибавки опредѣленъ въ 6%, причемъ 1% поступаетъ на открытіе новыхъ учрежденій. Когда такимъ изысканіемъ историческій разумъ закона открытъ, мы возвращаемся къ стр. 4 доклада и съ чувствомъ полнаго удовлетворенія читаемъ, что на открытіе и содержаніе новыхъ почтовыхъ учрежденій въ 1910 году опредѣлено 280 тыс. руб., на 24 т. р. болѣе предыдущаго года, и 600 тыс. р. на устройство и содержаніе новыхъ телеграфныхъ линій. Итакъ, изъ многомилліонной смѣты нашли возможнымъ ассигновать лишь 280 тыс. руб. на открытіе тѣхъ самыхъ почтовыхъ учрежденій, въ которыхъ мы такъ нуждаемся, которыхъ у насъ такъ мало! Изъ 60-милліоннаго расхода мы удѣляемъ лишь 0,5% на развитіе сѣти почтовыхъ учрежденій. И въ прежніе годы дѣло обстояло не лучше. Такъ мы видимъ (стр. 8 доклада), что въ 1908 году изъ 6% прибавки, составлявшей 1,450,839 руб., израсходовано: на содержаніе новыхъ 123 учрежденій 201,676 р., на хозяйственные расходы вновь открытыхъ и принятыхъ на счетъ казны 162 учрежденій 40,048 р., на усиленіе штатовъ 876,146 р. и на хозяйственныя потребности мѣстныхъ

учрежденій израсходовано 332,969 р. Въ 1909 году та же 6% норма составляла 1,538,307 р. и израсходовано: на содержаніе 199 учрежденій 220,536 р., на хозяйственные расходы вновь открытыхъ и принятыхъ на счетъ казны 194 учрежденій 44,233 р., на усиленіе штатовъ 920,711 р., на хозяйственныя потребности мѣстныхъ учрежденій 352,827 р. Такъ и нельзя понять изъ этихъ свѣдѣній, приведенныхъ въ докладѣ, сколько открыто новыхъ учрежденій,—въ 1908 году: не то 123, не то 123 + + 162 = 285; въ 1909 году не то 199 новыхъ, или 199 + 109 = 218 новыхъ учрежденій? Во всякомъ случаѣ, возьмемъ ли мы бóльшую или меньшую цифру, число открытыхъ новыхъ учрежденій поразительно мало по сравненію съ потребностью въ нихъ. Блестящаго состоянія своего почтово-телеграфнаго дѣла Германія достигла систематическимъ увеличеніемъ расходовъ. Такъ, послѣднія десять лѣтъ Германія ежегодно тратила на развитіе своей сѣти до 7 милл. руб., открывая ежегодно новыхъ учрежденій, напр., въ 1905 г. — 2,750, въ 1906 г.—2,767. У насъ же, наоборотъ, траты были все время самыя ничтожныя и въ прогрессіи понижающейся. Напр., въ 1905 г. открыто новыхъ учрежденій 135, въ 1906 г.—130, въ 1907 г.—46, и лишь за періодъ разсмотрѣнія смѣты Государственной Думой, 1908 и 1909 гг., цифры эти нѣсколько возросли, какъ мы видѣли выше. Въ отчетахъ нашего почтово-телеграфнаго вѣдомства мы находимъ свѣдѣнія даже о закрытіи существующихъ учрежденій, въ то время какъ Германія вводила все время систематически новыя учрежденія, слѣдуя за ростомъ своего населенія.

Путемъ изслѣдованія цифрового матеріала проф. Осадчій приходитъ къ выводу, что для доведенія своихъ почтово-телеграфныхъ учрежденій до того ихъ числа, наименьшаго числа, какое имѣется въ странахъ западной Европы съ наименѣе развитой культурой, промышленностью и торговлей, необходимо, чтобы одно почтово-телеграфное учрежденіе приходилось на 4—5 тыс. жителей, для чего необходимо тратить 4—5% своего бюджета. У нась же на это тратится лишь 2% бюджета и, слѣдовательно, эту цифру надо по меньшей мѣрѣ удвоить, и только черезъ десять лѣтъ упорнаго труда, путемъ систематическихъ заботъ мы достигнемъ необходимаго минимума. Только тогда мы будемъ имѣть число учрежденій, соотвѣтственное имѣющемуся теперь въ Италіи, Испаніи, Венгріи, не говоря о балканскихъ государствахъ, наиболѣе отсталыхъ въ культурномъ, промышленномъ и торговомъ отношеніи государствахъ Европы.

Изъ рѣчи министра финансовъ по бюджету на 1910 годъ явствуетъ, что ему не нравятся всѣ такого рода сопоставленія, которыя будто бы не оправдываются ни историческими, ни культурными условіями существованія Россіи. Что же дѣлать? Въ концѣ-концовъ вѣдь успѣхъ не

только на полѣ брани, но и на міровомъ рынкѣ, въ мирной борьбѣ за культурное преобладаніе, обусловливается размѣромъ расходовъ на цѣли промышленности, культуры и благосостоянія. Россіи необходимо стать равной ногой среди культурныхъ государствъ міра и въ этомъ вопросѣ ея бытія.

Докладъ скромно замѣчаетъ, что за два послѣднихъ года на развитіе почтово-телеграфнаго дѣла „были асссигнованы *не очень большія* суммы“ (стр. 4). Эта скромность выраженія вполнѣ отвѣчаетъ скромности ассигнованія. Надо сказать—возмутительно малыя ассигнованія! Предполагая готовность вѣдомства итти навстрѣчу этой жизненной потребности государства, такое небреженіе къ интересамъ высокой государственной важности отчасти надо приписать закону 28 ноября 1905 года. Мы имѣемъ дѣло въ этой нормировкѣ расходовъ ту же бронировку наоборотъ. Повелѣваютъ тратить лишь 6%, но болѣе никакъ нельзя. Очевидно, что надо открыть вѣдомству просторъ въ ассигнованіи, надо открыть ему средства тратить на развитіе почтово-телеграфной сѣти въ размѣрѣ не 6, 8 или 10%, а и 20%, если того жизнь требуетъ. Надо отмѣнить законъ 28 ноября 1905 года.

Мы подошли какъ разъ къ вопросу о томъ, какія требованія сама жизнь предъявляетъ почтовому вѣдомству и какъ оно отвѣчаетъ на нихъ.

Докладъ боится построеній теоретическаго характера. „При обсужденіи въ совѣщаніи содокладчиковъ вопроса о расширеніи сѣти почтово-телеграфныхъ учрежденій,—сказано на стр. 7 доклада,—признано было такъ же, какъ и въ минувшую сессію, необходимымъ составленіе плана расширенія сѣти, причемъ, однако, указано было на то, чтобы планъ этотъ не *носилъ теоретическаго характера* и что правильнымъ критеріемъ въ этомъ отношеніи могутъ служить поступающія ходатайства съ мѣстъ объ открытіи почтовыхъ учрежденій. Планъ необходимо также имѣть при составленіи смѣты, чтобы судить, насколько исчисляемыя по расчету 6% прибавки суммы достаточны для удовлетворенія населенія въ почтовыхъ сообщеніяхъ“ Итакъ, девизомъ должно быть поставлено по возможности прислушиваться къ требованіямъ жизни. Если отбросить не совсѣмъ удачное выраженіе „теоретическаго характера“, что можно объяснить лишь боязнью передъ всякой теоріей, ибо построенія теоретическія вполнѣ полезны въ вопросахъ государственнаго характера, то можно признать постановку вопроса совершенно правильной. Къ выполненію пожеланія Государственной Думы о выработкѣ плана расширенія почтово-телеграфной сѣти вѣдомство приступило такимъ образомъ, что затребовало свѣдѣнія о потребномъ количествѣ почтово-телеграфныхъ учрежденій отъ мѣстныхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленій и всѣхъ земскихъ учрежденій Имперіи. На основаніи этихъ матеріаловъ вѣдомство составитъ планъ, который будетъ внесенъ въ Государственную Думу.

Такимъ образомъ, само вѣдомство, повидимому, ставитъ вопросъ и шире, и правильнѣе народныхъ представителей. Но такъ дѣло обстоитъ лишь повидимому. Дѣйствительность же говоритъ какъ разъ обратное: жизнь настойчиво стучится въ двери закрытаго наглухо отъ нея почтово-телеграфнаго управленія. Мы съ изумленіемъ вмѣстѣ съ депутатомъ Шингаревымъ узнаемъ, что изъ всѣхъ заявленныхъ съ мѣстъ ходатайствъ объ открытіи новыхъ почтово-телеграфныхъ учрежденій или расширеніи существующихъ предположено къ удовлетворенію немного болѣе $^1/_3$ части ихъ! А телеграфовъ открывается и того менѣе, лишь немного болѣе $^1/_4$ части требованій на нихъ (стр. 9 и 10). Причемъ главнымъ мотивомъ къ отклоненію ходатайствъ служитъ недостаточность мѣстной помощи вѣдомству въ видѣ помѣщенія, мебели и т. п. Противъ ссылки вѣдомства на Францію и Германію, гдѣ правительство также прибѣгаетъ къ мѣстной помощи, послѣдовало справедливое возраженіе, что тамъ густота почтово-телеграфной сѣти позволяетъ правительству предъявлять требованія о мѣстномъ содѣйствіи; если хотите открыть еще одно новое учрежденіе—придите къ намъ на помощь. У насъ же, при ограниченности почтово-телеграфныхъ учрежденій говорить такъ не приходится. Вѣдомство политично объясняетъ, что собственно отклоненій ходатайствъ объ открытіи новыхъ учрежденій почти нѣтъ, но удовлетвореніе ихъ лишь откладывается изъ года въ годъ: „если ихъ отклонили въ этомъ году, то они ждутъ своей очереди,—нѣкоторыя дѣйствительно 10 лѣтъ, нѣкоторыя больше“ (стр. 8 докл. и стр. 14 засѣд. бюдж. ком.). Вотъ поистинѣ замѣчательное признаніе.

И не думайте, что вѣдомство, слѣдуя совѣту бюджетной комиссіи, учитываетъ требованія жизни и возможность ихъ удовлетворить. На стр. 9 доклада имѣются строки, рисующія трагизмъ положенія управленія почтово-телеграфнымъ дѣломъ. „Суммы, израсходованныя изъ 6% прибавки на усиленіе штатовъ, составляютъ по отношенію къ расходамъ на этотъ предметъ... въ 1908 г. 4,6% и въ 1909 г. также 4,6%, тогда какъ развитіе дѣятельности учрежденій выражается ежегоднымъ ростомъ корреспонденціи отъ 8—9%“. Другими словами, въ то время какъ развитіе дѣятельности почтово-телеграфныхъ учрежденій выражается ежегоднымъ ростомъ корреспонденціи въ 8—9%, сумма, ассигнуемая на усиленіе штатовъ, ежегодно увеличивается лишь на 4,6%, т.-е. работа растетъ непропорціонально числу работниковъ, работы прибываетъ ежегодно вдвое болѣе сравнительно съ числомъ служащихъ. И здѣсь очевидно, что такой порядокъ—ненормаленъ и долженъ отразиться на качествѣ работы, продуктивности труда и является источникомъ той исключительной эксплуатаціи труда, выжиманія пота, какое мы видимъ, наприм., въ кіевской почтово-телеграфной конторѣ. Вотъ гдѣ источникъ того тяжелаго, каторжнаго труда, какой несетъ нашъ почтово-телеграф-

ный служащій. Вслѣдствіе хроническаго переутомленія трудъ почтово-телеграфнаго чиновника въ Россіи является и малопроизводительнымъ по сравненію съ западно-европейскимъ. Обращая вниманіе на это обстоятельство, проф. Озеровъ, на нашъ взглядъ, неправильно объясняетъ малую продуктивность труда лишь дешевымъ вознагражденіемъ труда. Тутъ много причинъ этого явленія и сверхъ указанныхъ, между прочимъ, и большой формализмъ нашихъ порядковъ. Въ Швейцаріи, наприм., можно отправить шляпу или зонтикъ посредствомъ простой наклейки ярлыка на вещь, и она будетъ доставлена въ полномъ порядкѣ. Въ Англіи школьники зачастую отправляютъ въ пакетѣ насѣкомыхъ и летучихъ мышей живыми, продѣлавъ дырочки въ пакетѣ. Хотѣлъ бы я видѣть удивленное лицо и отношеніе нашихъ чиновниковъ вѣдомства къ такой посылкѣ, когда они привыкли къ наглухо зашитымъ въ холсты, перевязаннымъ бечевкой за семью сургучными печатями посылкамъ русскаго обывателя. Все взятое вмѣстѣ: чрезмѣрное обремененіе работой, скудное вознагражденіе труда, формализмъ въ исполненіи отдѣльныхъ операцій и дѣлаютъ трудъ нашего почтово-телеграфнаго служащаго малопроизводительнымъ.

Вопросу о вознагражденіи почтово-телеграфныхъ чиновъ докладъ и бюджетная комиссія посвящаютъ и много мѣста, и много вниманія. Читая страницы, посвященныя вопросу объ улучшеніи почтово-телеграфныхъ работниковъ, чувствуешь однако, что и вѣдомство, и бюджетная комиссія попали въ какой-то тупикъ. Вы никакъ не можете добиться отвѣта на вопросъ, улучшилось или не улучшилось положеніе служащихъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ. Съ одной стороны, какъ будто бы улучшилось: въ 1909 г. ассигновано на увеличеніе содержанія личнаго состава 2,9 м. р., въ 1910 г. на ту же надобность ассигновано 696 т. р., по закону 1 іюля 1908 г. ассигновано 758 т. р. (а не 799 т. р., какъ сказано въ докладѣ), итого общая цифра на увеличеніе содержанія по сравненію съ 1908 г. составитъ 4,419 т. р. или 19%. Что такое эти 19% (стр. 2 доклада)—остается совершенно невыясненнымъ въ докладѣ. Но представитель вѣдомства это разъяснилъ въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ одного изъ членовъ комиссіи, правда ли, что никакихъ дальнѣйшихъ предположеній объ улучшеніи положенія служащихъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ не имѣется. „Это въ докладѣ не совсѣмъ точно сказано,—доложилъ представитель вѣдомства.—Рѣчь шла о достигнутомъ улучшеніи положенія чиновниковъ путемъ увеличенія числа должностей высшихъ разрядовъ“. И затѣмъ представитель вѣдомства развилъ передъ собраніемъ свою знаменитую теорію „простыхъ людей“, дѣлающую честь его бюрократической изобрѣтательности, хотя, по всей вѣроятности, ей не суждено перейти въ жизнь, не по причинѣ большой ея теоретичности, а скорѣе по причинѣ слишкомъ большой ея практичности.

Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: „Дѣло въ томъ,—сказалъ онъ,—что увеличеніемъ содержанія въ возможныхъ предѣлахъ нельзя устранить нужду изъ среды чиновниковъ. Можно ли сказать, что чиновникъ, получающій 600 р., испытываетъ нужду, а съ увеличеніемъ его содержанія до 750 р. перестанетъ нуждаться? Чтобы достигнуть такого положенія путемъ увеличенія содержанія, нужны милліоны, слѣдовательно, надо искать другіе способы, чтобы выйти изъ этого печальнаго положенія. Нужно измѣнить способы комплектованія служащихъ. Почтовое дѣло, въ большей своей части, дѣло простое: сортировка писемъ, включеніе ихъ въ постъ-пакеты, записи въ книги и реестры, задѣлка сумокъ, сдача ихъ изъ одного помѣщенія въ другое—все это не требуетъ высшаго образованія,—это дѣло „простыхъ людей". Теперь дѣятельностью этой занимаются чиновники, поднимающіеся по іерархической лѣстницѣ. Положеніе ихъ въ обществѣ требуетъ расходовъ, неизвѣстныхъ простымъ людямъ. Между тѣмъ на оклады, получаемые этими чиновниками, а особенно при предстоящемъ увеличеніи окладовъ, простые люди живутъ безбѣдно. 60 руб. въ мѣсяцъ—средства для этой категоріи людей достаточныя, а чиновнику, который считается „бариномъ"—ихъ мало" и т. д. (стр. 5—6 засѣд. бюдж. ком.). Дѣло вовсе не въ пониженіи потребностей работниковъ вѣдомства. Жизнь стремится какъ разъ къ обратному, къ повышенію потребностей и потому къ увеличенію средствъ на ихъ удовлетвореніе. То, что получаетъ за свой трудъ простой рабочій въ Англіи или Франціи превышаетъ содержаніе нашихъ низшихъ почтово-телеграфныхъ служащихъ. Въ наиболѣе культурныхъ странахъ, каковы Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Германія, Великобританія и Австрія, расходы на содержаніе личнаго состава почтово-телеграфнаго вѣдомства составляютъ 60% всѣхъ расходовъ управленія, въ Россіи же эти расходы составляютъ лишь 47,4% бюджета расходовъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что въ Россіи—самое низкое вознагражденіе служащихъ по почтово-телеграфному вѣдомству; оно процентовъ на 20 ниже вознагражденія служащихъ по почтовому дѣлу на Западѣ.

VI.

Государственная Дума или, точнѣе говоря, бюджетная комиссія исполнила, на мой взглядъ, очередную историческую задачу. Она провѣрила законныя основанія ассигнованій, очистила бюджетъ отъ массы архаическихъ наслоеній, поставила въ извѣстныя границы такъ называемые условные кредиты и,—что, конечно, самое важное,—выдвинула на первый планъ расходы на осуществленіе задачъ культурныхъ: просвѣщеніе, землеустройство, пути сообщенія и т. п. Въ этомъ ея большая заслуга и, исполнивъ этотъ огромный трудъ, сокративъ непроизво-

дительные расходы, расчиститвъ дорогу для проведенія въ жизнь необходимыхъ реформъ, Дума должна выработать опредѣленный *финансовый планъ*.

Въ частности требованіе плана какъ нельзя болѣе умѣстно по смѣтѣ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ. Когда, прочтя внимательно докладъ, вы окидываете взоромъ пройденный путь,—путь случайныхъ цифровыхъ сопоставленій, не дающихъ никакихъ практическихъ выводовъ, путь случайныхъ комбинацій, отмѣченныхъ страхомъ предъ теоріей,—вы въ правѣ сказать: да, здѣсь нуженъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь планъ работъ! Смѣта главнаго управленія почтъ и телеграфовъ—темный уголокъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ не только не думаютъ „держать путь по звѣздамъ“, но гдѣ даже не имѣется обычной и приличной „чернорабочей“ программы. Забыта огромной важности отрасль народнаго благосостоянія, забыта весьма важная отрасль государственнаго хозяйства. „Великій учитель жизни“—въ забвеніи и небреженіи.

Членъ Государственной Думы **М. Гродзицкій.**

Спб., 9 марта 1910 г.

Вилліамъ Джемсъ.

Умеръ, 68 лѣтъ, Вилліамъ Джемсъ — одна изъ крупнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ фигуръ современнаго философскаго движенія. Міровое научное имя—имя перваго современнаго психолога—онъ пріобрѣлъ своими „Основаніями психологіи"; но еще болѣе широкая популярность его въ образованныхъ кругахъ Европы и Америки основана на его религіозно-философскихъ работахъ, а также на пропагандѣ новаго философскаго міровоззрѣнія—такъ назыв. „прагматизма". (Относящіеся къ этой сторонѣ дѣятельности Джемса болѣе крупные труды—„Воля къ вѣрѣ и другіе этюды", „Многообразіе религіознаго опыта", „Прагматизмъ"—всѣ переведены на русскій языкъ.)

Въ качествѣ психолога Джемсъ отличался изумительнымъ, прирожденнымъ даромъ психологическаго наблюденія, граничившимъ съ геніальностью. Ученый эрудитъ, обозрѣвавшій всю огромную литературу своего предмета, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ той наивностью и непосредственностью художника и всякаго генія, которая открываетъ взору вещи, какъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ, не заслоненныя никакими теоріями, понятіями, научными традиціями. Любовь къ конкретности, предпочтеніе опыта и непосредственнаго переживанія всякимъ разсужденіямъ, постоянно руководила научной дѣятельностью Джемса и опредѣлила оригинальность его ученій. Въ особенности она помогла ему, какъ психологу. Здѣсь ему въ высокой степени удалось трудное дѣло очищенія конкретныхъ психическихъ явленій отъ невольнаго и почти неизбѣжнаго привнесенія въ нихъ позднѣйшихъ результатовъ логическаго анализа. Всѣ психологическія открытія его опредѣлены этой чертой: всѣ они состоятъ въ подлинномъ обнаруженіи непосредственной психической реальности, въ отметеніи раціоналистическихъ продуктовъ, преграждавшихъ взору созерцаніе душевной жизни въ ея чистомъ, такъ сказать, наивномъ видѣ. Чтобы конкретно же иллюстрировать этотъ характеръ психологіи Джемса, приведу элементарный примѣръ, упоминаемый имъ въ одномъ мѣстѣ его большого труда: всѣ понимаютъ,—говоритъ Джемсъ,— что ощущеніе бѣлаго цвѣта не тождественно суммѣ ощущеній всѣхъ цвѣтовъ спектра, входящихъ въ его составъ, а обладаетъ своеобраз-

нымъ неразложимымъ качествомъ; но не всѣ отдаютъ себѣ отчетъ, что, наприм., вкусъ лимонада также совсѣмъ не тождественъ съ комбинаціей вкуса лимона и сахара, что онъ имѣетъ совершенно специфическую окраску, которую нельзя вывести изъ сложенія вкусовъ физическихъ ингредіентовъ лимонада; въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, мы смѣшиваемъ наше знаніе о происхожденіи или логическомъ значеніи нашихъ психическихъ переживаній съ непосредственнымъ знаніемъ его конкретно-даннаго содержанія. Отрѣшиться въ психологическомъ наблюденіи отъ всякаго отвлеченнаго знанія, не упрощать фактическаго многообразія данныхъ въ опытѣ оттѣнковъ, не упускать того, что не фиксировано въ словѣ или понятіи—вотъ задача, которую ставитъ и умѣло разрѣшаетъ Джемсъ.

Эта органическая черта духовной натуры Джемса—умѣніе отличать подлинный опытъ отъ его раціонализованнаго истолкованія—обезпечило Джемсу совершенно особое мѣсто въ исторіи философскаго эмпиризма. Величайшій англо-саксонскій эмпиристъ послѣ Дж. Ст. Милля, онъ знаменуетъ особый этапъ въ исторіи эмпиризма: освобожденіе эмпиризма отъ глубоко вкоренившихся въ немъ примѣсей раціонализма. Англійскій эмпиризмъ въ теоріи познанія и психологіи, начиная съ Гоббса и Локка и кончая Миллемъ, былъ всегда проникнутъ раціоналистическими элементами. Вся ассоціаціонная психологія, складывающая сознаніе изъ отдѣльныхъ кусочковъ—идей, опредѣляется подмѣной живого непрерывнаго сознанія идеаломъ отвлеченнаго познанія, какъ комбинированія строго отграниченныхъ и обособленныхъ логическихъ признаковъ. Джемсъ впервые показалъ, что „душа", какъ синтетическое единство многообразнаго содержанія, есть непосредственный опытный фактъ, тогда какъ сведеніе ея на „связку" ощущеній или идей есть продуктъ отвлеченной теоріи, противорѣчащей опыту.

Это самоочищеніе эмпиризма имѣетъ не одно лишь спеціально-научное значеніе. Въ лицѣ Джемса эмпиризмъ, освобождаясь отъ раціоналистическихъ путъ, отрывается отъ узкихъ и несовершенныхъ мотивовъ міровоззрѣнія, съ которыми онъ исторически связался. Расширяя понятіе опыта до предѣловъ всякаго непосредственнаго переживанія, сопровождаемаго сознаніемъ убѣдительности или достовѣрности пережитаго, Джемсъ отрѣшаетъ эмпиризмъ отъ связи съ сенсуализмомъ и интеллектуализмомъ и включаетъ въ составъ опыта объекты религіознаго сознанія. „Методъ радикальнаго эмпиризма", который онъ проводитъ въ „Многообразіи религіознаго опыта", сводится въ сущности къ столь же простому, сколь и геніально-смѣлому указанію, что религіозный опытъ столь же непосредственно убѣдителенъ для того, кто его переживаетъ, какъ и всякій иной опытъ, и столь же мало можетъ быть опровергнутъ какими-либо апріорными соображеніями. Эта религіозно-философская ра-

бота Джемса имѣетъ для современности приблизительно такое же значеніе, какое, на рубежѣ XVIII и XIX вѣка, имѣли „Рѣчи о религіи“ Шлейермахера, съ которыми она мѣстами почти совпадаетъ по содержанію: здѣсь, какъ и тамъ, интеллектуалистическому отрицанію и интеллектуалистическому перетолковыванію религіи противопоставляется идея религіи, какъ своеобразнаго и самодовлѣющаго непосредственнаго переживанія. Эмпиризмъ, который въ XVIII и XIX вѣкахъ исторически соединялся съ позитивизмомъ и съ раціоналистической борьбой противъ религіи, на порогѣ XX вѣка въ лицѣ Джемса переходитъ въ лагерь романтической религіозности. Истинно свободное отношеніе къ религіи, порывающее со всѣми догматическими предразсудками просвѣтительства, и чутко-любовное проникновеніе въ ея природу и жизненное значеніе, среди скептически или атеистически настроеннаго общественнаго мнѣнія образованнаго міра, составляетъ крупную заслугу Джемса и обезпечиваетъ его имени память не только въ исторіи философіи, но и въ общей исторіи духовной культуры.

Но та же черта духовной натуры, которая открыла Джемсу эти новые и плодотворные философскіе пути, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила и слабыя стороны его философствованія. Джемсъ былъ слишкомъ живой и дѣйственной натурой, слишкомъ любилъ жизнь и былъ привязанъ къ конкретному, чтобы имѣть охоту и склонность къ логическому упорядоченію и уясненію своихъ идей, къ систематизаціи и болѣе глубокому научному обоснованію своего міровоззрѣнія. Его прирожденный эмпиризмъ открывалъ передъ нимъ широкіе и многообразные духовные горизонты, но онъ же мѣшалъ ему сосредоточиться и выработать единство философскаго міропониманія. Это особенно сказалось въ его теоріи познанія; ученіе „прагматизма“, которымъ онъ такъ увлекался и которое съ такимъ литературнымъ мастерствомъ защищалъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, носитъ на себѣ роковую печать логической смутности, непродуманности и необоснованности. Джемсъ, правда, не былъ создателемъ этого философскаго ученія; его роль и здѣсь состояла въ томъ, что сухую и одностороннюю гносеологическую конструкцію онъ старался обогатить и оживить, связавъ ее съ религіозными эмоціями и жизненными перспективами. Но именно это сочетаніе оказалось по существу невозможнымъ; плохая философская теорія не улучшилась отъ него, а, напротивъ, затемнила собой тѣ новыя и глубокія настроенія и оцѣнки, съ которой она связалась. Великій психологъ и богатый интуиціей мыслитель, Джемсъ оказался не на мѣстѣ въ области отвлеченной философской мысли [1]). И это существенно не только для личной характе-

---

[1]) Оцѣнку „прагматизма, какъ философскаго ученія“ пишущій эти строки пытался представить въ статьѣ, помѣщенной въ *Русской Мысли* (1910 г. № 5).

ристики Джемса, какъ мыслителя, но и для оцѣнки всего идейнаго направленія, однимъ изъ самыхъ выдающихся вождей котораго онъ является. Возрожденіе религіи и интереса къ ней совершается на нашихъ глазахъ, подъ значительнымъ вліяніемъ Джемса, въ формѣ волюнтаристическаго романтизма, связаннаго съ пренебреженіемъ къ раціональному началу міровоззрѣнія; на смѣну „разсудочной" философіи подымается снова волна философіи вѣры и чувства, цѣнная углубленіемъ духовныхъ переживаній, но страдающая въ извѣстномъ смыслѣ принципіальной смутностью и хаотичностью. „Аполлоновское" начало всецѣло приносится въ жертву „діонисовскому", вмѣсто того, чтобы гармонически сочетаться съ нимъ; духовное углубленіе искупается потерей всякихъ объективныхъ критеріевъ, ясное знаніе смѣняется неуловимымъ субъективизмомъ „переживанія". Задача построенія жизнепониманія, которое соединяло бы глубину съ ясностью, эмоціональное богатство съ раціональной прочностью и необходимостью лежитъ еще впереди. Но въ исторіи духовной культуры цѣненъ и каждый шагъ, приближающій къ цѣли, хотя и не направляющійся прямо къ ней. Философское развитіе, какъ и всякое иное, идетъ зигзагами. Джемсъ прошелъ крупный этапъ этого извилистаго пути, и въ исторіи философской мысли его творчество оставило глубокіе, непреходящіе слѣды.

С. Франкъ.

Отъ Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 18-й день прошлаго іюня, Высочайше соизволилъ разрѣшить Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссіи открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ г. Симбирскѣ памятника писателю И. А. Гончарову. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже сдѣлано сношеніе съ министерствомъ финансовъ относительно пріема казначействами жертвуемыхъ суммъ для перевода таковыхъ въ распоряженіе Симбирской Архивной Комиссіи.

Обращаясь къ вамъ съ просьбою о напечатаніи настоящаго письма въ вашемъ изданіи, я увѣренъ, что, сочувствуя задачѣ Архивной Комиссіи увѣковѣчить память знаменитаго писателя сооруженіемъ ему памятника, вы не откажетесь открыть сборъ пожертвованіи при вашей редакціи.

Предсѣдатель Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссіи гофмейстеръ Высочайшаго двора **В. Поливановъ.**

P. S. Собранныя деньги Комиссія проситъ съ извѣщеніемъ ея вносить въ казначейство или переводить на ея условный текущій счетъ № 1,402 въ Симбирское отдѣленіе Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ".
Октябрь 1910 года.

Содержаніе: I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія и исторія литературы.—Политическая экономія, статистика и финансы.—Соціологія.—Публицистика.—Географія и путешествія.—Педагогика.—Естествознаніе.—II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" въ теченіе сентября 1910 г. III. Книжныя новости.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія.—*В. Поляковъ.* Стихотворенія.—XXX—XXXI сборникъ т-ва „Знанія" за 1910 г.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія. Книгоиздательство „Альціона". М., 1910 г. Ц. 1 р.—В. Поляковъ. Стихотворенія. Спб., 1909 г. Ц. 2 р. Общаго между Ю. А. Сидоровымъ и В. Л. Поляковымъ то, что оба они умерли еще юношами, едва начавъ литературную дѣятельность. Обѣ книги „Стихотвореній",—Сидорова и Полякова,—изданы уже по смерти авторовъ друзьями покойныхъ. Повидимому, эти издатели-друзья очень высоко оцѣниваютъ дарованія двухъ безвременно выронившихъ свою лиру юношей. Въ содержательномъ предисловіи, которое Андрей Бѣлый предпослалъ стихамъ Ю. Сидорова, о немъ говорится, какъ объ одной изъ лучшихъ надеждъ нашей поэзіи. „Кто помнитъ Сидорова,—пишетъ А. Бѣлый,—знаютъ, что онъ унесъ съ собой рѣдчайшій даръ, который дѣлаетъ человѣка знаменосцемъ цѣлаго теченія... Съ появленіемъ его въ томъ или другомъ кружкѣ онъ невольно дѣлался центромъ; говорившіе съ Сидоровымъ хоть разъ серьезно—уже не могли его забыть никогда. Съ нимъ ушло въ могилу цѣлое теченіе, какъ знать, можетъ быть, важное для Россіи". Издателями стиховъ В. Полякова не дано его характеристики, но по ихъ благоговѣйному отношенію къ рукописямъ покойнаго поэта и по ихъ словамъ, что „вопросъ объ изданіи полностью *всего сохранившагося* (въ его бумагахъ) предоставляется будущему", надо заключить, что въ В. Поляковѣ они видѣли значительную и замѣчательную силу...

Намъ, которымъ не довелось лично встрѣчаться ни съ Ю. Сидоровымъ, ни съ В. Поляковымъ, весьма трудно провѣрить эти сужденія ихъ товарищей. Почти всегда въ начинающемъ писателѣ гораздо больше силъ потенціальныхъ, которыя *чувствуются* при непосредственномъ съ нимъ общеніи, нежели возможностей осуществить свои замыслы. Андрей Бѣлый говоритъ о Ю. Сидоровѣ, что онъ былъ болѣе „замѣчательный человѣкъ", чѣмъ „замѣчательный писатель", но мы думаемъ, что то же

самое, не обинуясь, можно было сказать о любомъ изъ „замѣчательныхъ писателей" въ его молодости. Развѣ могъ бы *читатель* угадать, какія силы и какія возможности скрывались въ К. Бальмонтѣ, если бы злая судьба прервала его дѣятельность въ самомъ началѣ, послѣ изданія его „Ярославскаго сборника" (1900 г.), въ годы, когда онъ былъ ровесникомъ скончавшагося Ю. Сидорова и уже старше В. Полякова. Вотъ почему приходится довѣрять показаніямъ друзей двухъ умершихъ поэтовъ и стараться найти въ оставленныхъ ими „опытахъ" крупицы тѣхъ богатствъ, какія съ ними погибли.

Намъ представляется, что въ Ю. Сидоровѣ, какъ поэтѣ, было болѣе широты, въ В. Поляковѣ—болѣе остроты. Сидоровъ былъ болѣе художникъ, Поляковъ—болѣе человѣкъ. Въ стихахъ Сидорова много подражаній, но самыя эти подражанія свидѣтельствуютъ объ исканіяхъ, о желаніи учиться своему дѣлу. И то тамъ, то здѣсь среди строфъ и стиховъ, сдѣланныхъ по чужому образцу, мелькаютъ пріемы самостоятельные, видны попытки создать свой языкъ. Отдѣльные стихи рѣшительно хороши, какъ, напримѣръ, такое описаніе вѣтрянаго заката:

Видишь, что вѣтры затѣяли?
Слышишь ихъ радостный шорохъ?
Къ блѣдному западу свѣяли
Розъ пламенѣющихъ ворохъ.

Напротивъ, стихъ В. Полякова сухъ, однообразенъ, но въ немъ чувствуется какая-то ранняя зрѣлость. Стихи В. Полякова—не первые опыты автора, которому предстоитъ длинный путь совершенствованія, но твердо, увѣренно начатая рѣчь, которая только была оборвана на первыхъ словахъ. Вотъ почему В. Поляковъ такъ часто является въ стихахъ не ученикомъ, но учителемъ, не ставитъ передъ собою вопросъ (какъ Ю. Сидоровъ)—„Муза, ты?", но хочетъ судить, какъ имѣющій на то право, и своихъ сотоварищей поэтовъ и вообще своихъ современниковъ. И у В. Полякова столь естественно звучатъ его приговоры то надъ результатами нашей несчастной войны:

Осталося: полъ-Сахалина,
Вождей преступныхъ имена...

то надъ всѣмъ своимъ поколѣніемъ (въ обращеніи къ „отцамъ"):

Не вы одни осуждены:
И насъ осудятъ дѣти наши!

Въ выработкѣ міросозерцанія Ю. Сидорова участвовали самыя разнообразныя силы; идеи Вл. Соловьева и Д. Мережковскаго причудливо переплетались здѣсь съ страстнымъ изученіемъ французскаго XVIII вѣка, Вальтеръ-Скотта, Генсборо; онъ любилъ Византію, творенія отцовъ Восточной церкви, и увлекался Бердсли и Сомовымъ (слова С. М. Соловьева въ характеристикѣ Ю. Сидорова); и самъ онъ признается, что онъ не любилъ природы:—

близки мнѣ были болѣ
Папирусовъ полупрозрачные листы...

Міросозерцаніе В. Полякова, напротивъ, представляется чѣмъ-то цѣльнымъ, завершеннымъ въ себѣ и крайне самобытнымъ. Онъ родился съ

опредѣленнымъ взглядомъ на міръ, внѣшнія вліянія не могли ни измѣнить, ни даже пошатнуть этого міросозерцанія, и въ дальнѣйшей дѣятельности поэту лишь оставалось углублять то, что онъ угадалъ съ самаго начала. Столько старческой трезвости въ его ироническихъ стихахъ:

Всѣ отысканы отвѣты,
Всѣ *поддѣланы* ключи...
Мы—послѣдніе поэты.

Надо быть благодарнымъ друзьямъ Ю. Сидорова и В. Полякова, сохранившимъ для русской литературы образы двухъ юношей, такъ благородно, такъ безкорыстно начинавшихъ служеніе искусству. Двѣ новыхъ книжки „Стихотвореній“, подписанныя этими двумя именами,—не лишнія въ библіотекѣ новой русской поэзіи. Но мы сомнѣваемся, чтобы была надобность издавать когда-либо то „Полное собраніе сочиненій“, о которомъ мечтаютъ издатели какъ стиховъ В. Полякова, такъ и Ю. Сидорова.

Валерій Брюсовъ.

XXX и XXXI сборникъ т-ва „Знаніе“ за 1910 годъ. Спб. Ц. по 1 р. Въ „Городкѣ Окуровѣ“ Горькаго, который тянется уже на протяженіи четвертой книги сборниковъ, много цѣннаго бытового матеріала, распредѣленнаго, несмотря на нѣкоторыя длинноты, такъ, что общее впечатлѣніе не теряется въ сенсаціонности отдѣльныхъ страницъ и въ скучной обличительной публицистикѣ, какъ это бывало съ Горькимъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ. Есть сцены, гдѣ невольно вспоминается та суровая концентрація чувства, которая ударяла, какъ молотъ по наковальнѣ, по душѣ читателя въ первыхъ произведеніяхъ Горького. Въ этомъ длинномъ романѣ интересно и своеобразно то, что это романъ не одного человѣка, а цѣлаго уклада многихъ человѣческихъ жизней, сгруппированныхъ въ общихъ условіяхъ медвѣжьяго угла, какихъ и въ наши дни на Руси еще не мало.

Разсказъ Л. Никифоровой „Двѣ лѣстницы“ (XXX сборникъ)—сносный матеріалъ для чтенія (но не художественная цѣнность). У т-ва „Знанія“, несомнѣнно, существуетъ тайная тенденція отражать, по возможности сгущая краски, мрачныя стороны русскаго быта и нравовъ. Когда просматриваешь въ этихъ книжкахъ повѣсти и разсказы мало извѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ авторовъ, становится ясно, что въ „Знаніе“ они попали главнымъ образомъ за „честность мысли“ и обличительное направленіе. Въ разсказѣ Л. Никифоровой описывается, какъ гибнетъ десятилѣтняя дѣвочка отъ тупой извращенной прихоти пресытившагося человѣка-звѣря. А въ другой квартирѣ въ это время студентъ позорно продаетъ себя старой дамѣ. О горничной нечего ужъ и говорить—она, какъ и барыня ея, торгуетъ своимъ тѣломъ, не подозрѣвая даже, что въ этомъ есть что-нибудь постыдное. Тутъ же семья, гдѣ лѣнивая жена и вообще весь семейный грузъ тянетъ ко дну жизнь добраго и кроткаго человѣка. Все это наивно объединено лишь тѣмъ, что происходятъ преступныя или несчастныя событія на общихъ лѣстницахъ.

Писатели изъ „Знанія“ часто берутъ сюжеты изъ дальнихъ окраинъ Россіи. Тамъ, для разнообразія, „бѣдность и несовершенство“ человѣческой жизни облекается еще въ особо жестокую форму—стужа, тайга, полгода ночь, ужасы безправности... Собственно говоря, не было бы ни-

чего удивительнаго, если бы всѣ писатели, какіе только есть, стали бы писать объ ужасѣ жизни, о безправности и о томъ, что есть на свѣтѣ Сибирь и Сахалинъ. Но это было бы хорошо лишь въ томъ случаѣ, если бы все это было такъ же глубоко пережито и перечувствовано этими писателями, какъ Достоевскимъ его „Записки изъ мертваго дома", какъ Помяловскимъ его „Очерки бурсы", какъ Глѣбомъ Успенскимъ его „Нравы Растеряевской улицы". Безъ этого же условія выходятъ только тягуче-скучные разсказы, которые не у всякаго достанетъ бодрости дочитать до конца. Даже этнографическое значеніе собраннаго матеріала остается неиспользованнымъ.

В. Язвицкій—Въ Тайболѣ, С. Карцевскій—Якмарка (XXXI сборникъ), оба разсказа изъ сибирской жизни. Холодъ, тайга, партія политическихъ ссыльныхъ—въ дорогѣ. Это первый разсказъ. Второй—еще бо̀льшій холодъ и тайга и учитель въ этой глуши, его неудачный (неудача плохо мотивирована) романъ и одиночество. Первый авторъ пишетъ нервными фразами, коротко. Второй пишетъ эпически, долго разжевываетъ каждую мелочь, какая съ его героемъ случается. А впечатлѣніе отъ обоихъ одинаковое—честность, окраина, стужа. И скука. Не гоголевское: „пусто въ мірѣ, унывно шумитъ Днѣпръ". А книжная скука, прахъ библіотечнаго шкафа. И. Касаткинъ („Съ докукой", XXX сборникъ) принадлежитъ къ тѣмъ авторамъ, которые подкупаютъ добрыми намѣреніями подойти ближе и читателя подвести ближе къ жизни „меньшого брата". Съ той цѣлью, чтобы это вышло колоритнѣе и непринужденнѣе, живьемъ переносятся на страницы книги подслушанные въ жизни разговоры, споры, бранныя слова, прибаутки. И по особому психологическому закону это-то именно и мертвитъ разсказъ, и дѣлаетъ его препаратомъ обрывочка жизненной ткани—безъ живой крови, безъ цвѣта и запаха.

„Подъ горами" И. Шмелева—нѣсколько сантиментальныя, нѣсколько олеографичныя, но мѣстами по-настоящему согрѣтыя солнцемъ юга сцены изъ жизни въ Крыму. Тутъ и мулла, и красавецъ проводникъ, и его невѣста, и барыня. Все связано наскоро, анекдотически. Но есть нѣсколько живыхъ штриховъ въ изображеніи татарской жизни и крымской природы, есть настороженная, почти влюбленная наблюдательность южной природы и татарскаго быта.

Странно было на-ряду съ прелестными стихотвореніями И. Бунина печатать такую тяжкую, суконную прозу, какъ стихи М. Череминова и И. Пирогова.

В. Малахіева-Мировичъ.

ИСТОРІЯ И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. I.—*Э. Гриммъ.* Политическія воззрѣнія Ипполита Тэна. — Журналъ генералъ-адъютанта гр. К. Ѳ. Толь о декабрьскихъ событіяхъ 1825 г.—*Н. О. Лернеръ.* Труды и дни Пушкина. 2-е изд.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. I. Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. М., 1910 г. Стр. 627. Ц. 2 р. 75 к. Въ послѣднее время у насъ, по примѣру давно уже установившейся на Западѣ практики, все чаще предпринимаются коллективные научно-популярные труды по исторіи. Эта кооперація уче-

ныхъ силъ успѣла уже принести весьма плодотворные результаты. Предпринятая исторической комиссіей московскаго учебнаго отдѣла „Книга для чтенія по исторіи новаго времени“ составитъ солидный вкладъ въ это движеніе. По заявленію редакторовъ названнаго изданія, эта „Книга“ задумана, какъ продолженіе „Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“, выпущенной нѣсколько лѣтъ назадъ подъ редакціей П. Г. Виноградова и занявшей видное мѣсто въ нашей популярно-научной литературѣ. Дѣйствительно, обѣ „Книги“ сходны по своему общему типу, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что въ книгѣ по новой исторіи параллельно со статьями, касающимися Западной Европы, даются также и статьи по исторіи Россіи. Эту особенность плана новой „Книги“ нельзя не признать вполнѣ цѣлесообразной, какъ по соображеніямъ практическаго свойства, такъ и по научно-теоретическимъ основаніямъ. Популяризація выводовъ, добываемыхъ наукою русской исторіи, несомнѣнно отстаетъ у насъ отъ успѣховъ спеціальной монографической разработки этого предмета и нерѣдко популярные очерки по русской исторіи строятся на очень обветшавшемъ матеріалѣ. Съ этой стороны, вошедшія въ разбираемую „Книгу“ статьи по русской исторіи, составленныя спеціалистами, отвѣчаютъ несомнѣнно назрѣвшей потребности. Помимо того, параллельное разсмотрѣніе аналогичныхъ вопросовъ примѣнительно къ западно-европейской и русской исторіи въ высшей степени важно и въ цѣляхъ правильнаго освѣщенія вопроса о своеобразіи русскаго историческаго процесса, нерѣдко получающаго у насъ слишкомъ одностороннюю постановку подъ вліяніемъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что матеріалъ, собранный въ статьяхъ разбираемой „Книги“, приведетъ вдумчивыхъ читателей къ сознанію необходимости ограничить крайности какъ ученія о полной тождественности западноевропейскаго и русскаго историческаго развитія, такъ и ученія о совершенномъ и безусловномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса.

Вышедшій первый томъ „Книги для чтенія по исторіи новаго времени“ обнимаетъ XVI и частью XVII столѣтія. Обстоятельныя и богатыя серьезнымъ содержаніемъ статьи посвящены здѣсь перемѣнамъ въ хозяйственной жизни Европы XV—XVI столѣтія (Пискорскій, Дживелеговъ, Кулишеръ), реформаціи въ различныхъ государствахъ Европы (Савинъ, Перцевъ, Протопоповъ, Васютинскій) и ордену іезуитовъ (Митрофановъ), развитію абсолютизма во Франціи (Филатовъ), Испаніи при Филиппѣ II (Лозинскій), возстанію Нидерландовъ (Тарле) и, наконецъ, Польшѣ въ XVI—XVII ст. (Рябининъ). Русская исторія представлена семью статьями, посвященными экономическому положенію Россіи въ XVI столѣтіи (Рожковъ), развитію московскаго самодержавія (Князьковъ), смутному времени (Пичета), земскимъ соборамъ XVI столѣтія (Алексѣевъ), служилымъ людямъ и крестьянамъ московскаго государства (Сторожевъ и Боголюбовъ) и религіозно-общественнымъ движеніямъ въ московскомъ государствѣ (Мельгуновъ).

Конечно, въ статьяхъ различныхъ авторовъ можно было бы отмѣтить индивидуальные оттѣнки, лишающіе всю книгу ровности и полной цѣльности. Эта черта—неизбѣжная принадлежность всякаго коллективнаго труда. Надо признать однако, что въ разбираемой книгѣ эта естественная пестрота сведена къ минимальнымъ размѣрамъ и можетъ быть замѣтна лишь для очень опытнаго глаза. Въ совокупности же своей

книга представляетъ превосходный матеріалъ для самообразовательнаго чтенія и для подготовительной работы преподавателей исторіи. Всѣ статьи стоятъ на уровнѣ современнаго положенія науки, сообщаютъ наиболѣе свѣжія данныя, выдвигаютъ на первый планъ наиболѣе серьезныя, съ научной точки зрѣнія, стороны затрагиваемыхъ явленій. Въ интересахъ расширенія образовательнаго вліянія этой книги мы пожелали бы лишь одного: нѣсколько бо́льшей доступности и живости въ изложеніи многихъ статей.

Ал. Кизеветтеръ.

Э. Гриммъ, профессоръ с.-петербургскаго университета. Политическія воззрѣнія Ипполита Тена. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и Москва. Стр. 86. Ц. 60 к. Со времени великой революціи демократизмъ пережилъ много судебъ: онъ былъ то непререкаемымъ принципомъ, всякое возраженіе противъ котораго казалось почти религіознымъ кощунствомъ, то ненавистнымъ „жупеломъ", вызывавшимъ противъ себя самыя страстныя нападенія, то, наконецъ, трудно разрѣшимой проблемой, при обсужденіи которой принимались во вниманіе его соотвѣтствіе интересамъ личности и общества, его совмѣстимость съ высшими формами культуры и съ матеріальнымъ благосостояніемъ массъ. Именно такой трудной проблемой демократизмъ былъ и для Тена. Онъ задался цѣлью разсмотрѣть вопросъ о демократизмѣ чисто натуралистически, на основѣ фактовъ предшествующаго времени такъ же, какъ разсматривается любой естественно-научный вопросъ исключительно на основѣ опытнаго матеріала. Но оказалось, что подходить съ пріемами естествоиспытателя къ явленіямъ общественной жизни совершенно невозможно, и Тенъ, предполагавшій, что онъ изучаетъ исторію человѣческаго общества такъ же безпристрастно, какъ натуралистъ—явленія природы, въ своемъ отношеніи къ демократіи далъ примѣръ крайняго субъективизма, вытекавшаго столько же изъ основныхъ сторонъ его личной психологіи, сколько изъ той исторической обстановки, среди которой ему приходилось жить.

Книга проф. Гримма прекрасно вскрываетъ эту основную двойственность въ міровоззрѣніи Тена,—двойственность, основанную на несоотвѣтствіи объективно поставленной задачи — безпристрастно объяснить происхожденіе французской демократіи—съ субъективнымъ характеромъ тонкой и живущей приподнятой личной жизнью натуры французскаго историка. Проф. Гриммъ выясняетъ сначала тотъ аристократическій душевный складъ Тена, который заставлялъ его почти физически страдать отъ соприкосновенія съ жизнью и относиться съ глубокимъ пренебреженіемъ къ человѣку толпы. Въ противоположность философамъ XVIII вѣка Тенъ не вѣрилъ въ первоначальную разумность и доброту человѣческой природы; разумъ, терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, благожелательное отношеніе къ людямъ—все это въ его глазахъ было продуктомъ одной лишь культуры, коснувшейся своимъ благотворнымъ вліяніемъ лишь верховъ общества, исключительно его зажиточной и образованной части. Отсюда возраженія Тена противъ всеобщаго избирательнаго права; отсюда его недовѣріе ко всякаго рода непосредственнымъ проявленіямъ народнаго настроенія. Съ другой стороны, Тенъ, какъ и всякая индивидуалистически развитая личность, не терпѣлъ никакого вмѣшательства внѣшнихъ силъ въ область личныхъ чувствъ и субъек-

тивныхъ переживаній человѣка; отсюда вытекало его стремленіе по возможности сузить компетенцію государства и превратить власть изъ „Провидѣнія", слѣдящаго за каждымъ шагомъ частныхъ людей, въ „сторожевого пса", охраняющаго лишь ихъ отъ покушеній на ихъ свободу, жизнь и собственность.

Книга проф. Гримма написана очень живо, въ ней поднимаются многіе интересные вопросы, и поэтому ей можно пожелать самаго широкаго распространенія.

В. Перцевъ.

Журналъ генералъ-адъютанта гр. К. Ѳ. Толь о декабрьскихъ событіяхъ 1825 г. Спб., 1910 г. Стр. 38. Ц. 1 р. Журналъ генерала Толя о событіяхъ, связанныхъ съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I, былъ уже напечатанъ въ 1898 г. въ 60-ти экземплярахъ, но это изданіе не поступало въ продажу. Настоящее изданіе впервые дѣлаетъ этотъ историческій источникъ доступнымъ для общаго пользованія. Наиболѣе интересная часть журнала посвящена переговорамъ между Николаемъ и Константиномъ Павловичами по вопросу о наслѣдіи престола. Теперь мы знаемъ о сущности этихъ переговоровъ больше, нежели сообщено у Толя, и разсказъ Толя интересенъ для насъ не столько по сообщаемымъ имъ фактамъ, сколько по тѣмъ отзывамъ, которые Толь дѣлаетъ въ дневникѣ относительно образа дѣйствій сената въ моментъ междуцарствія. Толь рѣзко порицаетъ сенатъ за то, что онъ, слѣдуя словамъ Николая Павловича, не исполнилъ немедленно воли почившаго государя и допустилъ до принесенія присяги Константину. Любопытно, что въ записи отъ 9 декабря Толь высказываетъ мнѣніе, что послѣ рѣшенія сената единственно правильнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія было бы прибытіе въ Петербургъ самого Константина Павловича для личнаго подтвержденія своего отказа отъ короны и передачи ея Николаю. Толь, повидимому, не зналъ, что именно на такой исходъ и былъ разсчитанъ планъ дѣйствій, намѣченный въ Петербургѣ при участіи Милорадовича. Описаніе возмущенія 14 декабря сдѣлано въ журналѣ Толя очень бѣгло и отрывочно. Толь заботливо отмѣчаетъ лишь то, что именно онъ, вопреки возраженіямъ Васильчикова, укрѣпилъ Николая Павловича въ рѣшеніи открыть огонь по мятежникамъ. Журналъ заканчивается картиной первоначальнаго допроса арестованныхъ офицеровъ во дворцѣ.

Изданіе журнала Толя, разумѣется, нелишне, но спрашивается, зачѣмъ понадобилось назначать за эту тоненькую тетрадку столь высокую цѣну?

А. Кизеветтеръ.

Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. Второе, исправленное и дополненное, изданіе Императ. Академіи наукъ. Спб., 1910 г. Стр. 577. Первое изданіе этой книги вышло въ Москвѣ семь лѣтъ назадъ; она сразу сдѣлалась необходимымъ пособіемъ для всѣхъ изучающихъ жизнь или творчество Пушкина; съ тѣхъ поръ г. Лернеръ продолжалъ неутомимо работать въ области пушкинской литературы, и его многочисленныя монографическія замѣтки въ журналахъ, а въ особенности его статьи и образцовыя „примѣчанія" къ тексту Пушкина въ изданіи сочиненій Пушкина, которое редактируетъ С. А. Венгеровъ,

давно обезпечили ему неоспоримо первое мѣсто въ ряду спеціалистовъ по Пушкину. Выпущенное теперь академіей наукъ второе изданіе „Трудовъ и дней Пушкина“ раза въ три превосходитъ объемомъ первое. Замыселъ книги, особенно если принять во вниманіе широту плана, чрезвычайно оригиналенъ. Это была счастливая мысль—подобрать въ хронологическомъ порядкѣ не только основныя даты, но вообще всѣ свѣдѣнія, представляющія интересъ для полной—внѣшней и внутренней—біографіи поэта, поскольку они поддаются хронологическому пріуроченію. Въ этой канвѣ нашли себѣ мѣсто всѣ до мельчайшихъ происшествія жизни Пушкина—каждое его дѣйствіе, каждое письмо, имъ написанное или полученное, и пр., и точно такъ же всѣ внѣшніе факты, имѣвшіе какое-нибудь отношеніе къ его жизни или дѣятельности,—каждое письмо, гдѣ говорилось о немъ, каждый запросъ о немъ начальства, постановка на сцену балета, передѣланнаго изъ его поэмы, и пр., и пр. Получилась какъ бы намѣченная пунктиромъ біографія поэта, и каждая точка этого пунктира есть какъ бы гвоздь, вколоченный до шляпки: достовѣрный фактъ, датированный во времени; и такихъ точекъ, такихъ отдѣльныхъ свѣдѣній на протяженіи пятисотъ страницъ даны тысячи, т.-е. даны почти всѣ *факты*, прямо или косвенно входившіе въ біографію Пушкина. Понятно, какое исчерпывающее знаніе предмета и какое неистощимое терпѣніе были нужны, чтобы исполнить этотъ трудъ; такое знаніе и такое терпѣніе даются только любовью, и эта трогательная, самоотверженная любовь къ Пушкину придаетъ книгѣ г. Лернера, на мой взглядъ, характеръ нравственно-прекраснаго дѣянія. Личность и поэзія Пушкина—одно изъ явленій вѣчной красоты, лучъ солнца, упавшій на землю; только человѣкъ, чья душа, можетъ быть втайнѣ и безсознательно для него самого, неодолимо влечется къ солнцу, можетъ такъ нѣжно и преданно полюбить поэта, какъ любитъ Пушкина г. Лернеръ.

Предисловіе г. Лернера подписано ноябремъ 1904 г., такъ что книга печаталась, повидимому, цѣлыхъ шесть лѣтъ. Это не могло не отразиться на ней невыгоднымъ образомъ. За эти шесть лѣтъ литература о Пушкинѣ очень обогатилась, и автору пришлось дать послѣ текста обширныя „дополненія и поправки“, а затѣмъ и еще во второй разъ дополнять книгу. При всей полнотѣ указателя такое дробленіе матеріала все же неудобно. И помимо этого, самая продолжительность печатанія естественно должна была ослаблять вниманіе составителя, результатомъ чего является недостаточная, по крайней мѣрѣ несовершенная, систематичность канвы. Такъ, въ иныхъ случаяхъ содержаніе письма Пушкина или къ Пушкину сообщается, въ другихъ—нѣтъ, и иногда это, повидимому,—только случайность; въ иныхъ случаяхъ г. Лернеръ скупъ на сообщеніе косвенно-важныхъ свѣдѣній (напримѣръ, современные Пушкину печатные отзывы о его произведеніяхъ), въ другихъ—чрезмѣрно щедръ (напр., дата возведенія Бенкендорфа въ графское достоинство). Но все это, разумѣется, мелочи. Гораздо важнѣе многочисленные пропуски, подчасъ существенные, и кое-гдѣ слабый критицизмъ въ провѣркѣ фактовъ и датъ. Отъ работы столь дробной и кропотливой нельзя требовать совершенства; и вообще, въ каждомъ человѣческомъ трудѣ слѣдуетъ больше цѣнить то, что онъ даетъ положительнаго, нежели хулить его несовершенство: кто изъ насъ совер-

шененъ? Важность книги г. Лернера оцѣнятъ спеціалисты, но и всякому образованному человѣку она должна внушить уваженіе и благодарность къ ея автору [1]).

М. Гершензонъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА И ФИНАНСЫ.

К. Г. Воблый. Статистика. — *А. А. Овчинниковъ.* Элементарный курсъ статистики. — Сводка свѣдѣній о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ и заводахъ петербургскаго района 1904—1907 гг.—Ежегодникъ министерства финансовъ. Вып. 1909 г.—Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1908 г. Т. I.

К. Г. Воблый, прив.-доц. Статистика (пособіе къ лекціямъ). 2-е изд., испр. и дополн. Кіевъ, 1909 г. Стр. 412+VII. Ц. 2 р. 25 к. А. А. Овчинниковъ, прив.-доц. казанскаго университета. Элементарный курсъ статистики. Казань, 1907 г. Стр. 253. Ц. 1 р. 50 к. Послѣдніе годы были урожайными на учебныя руководства по статистикѣ: назову хотя бы учебники проф. Анцыферова и гг. Овчинникова и Воблаго, не говоря о курсѣ пишущаго эти строки, о которомъ, по понятнымъ причинамъ, не можетъ быть рѣчи въ настоящей рецензіи. Не приходится говорить и о курсѣ проф. Анцыферова, который, по довольно распространенному въ настоящее время обычаю, укрылся подъ бастіоны „правъ рукописи“ и такимъ образомъ сдѣлался недосягаемымъ для критики. Остаются, значитъ, руководства гг. Воблаго и Овчинникова, краткую характеристику которыхъ я и намѣренъ представить вниманію читателя.

Подобно многимъ другимъ изъ современныхъ курсовъ, оба названныя руководства состоятъ изъ общей, теоретической или методологической, и спеціальной или описательной части; но въ то время какъ въ руководствѣ г. Воблаго статистика населенія вмѣстѣ съ небольшимъ „приложеніемъ“ изъ области уголовной статистики занимаетъ немногимъ менѣе половины книги, у г. Овчинникова она образуетъ лишь небольшой придатокъ къ теоретико-методологической части курса. Пишущій эти строки принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что описательной статистикѣ, вообще, не мѣсто въ элементарномъ курсѣ статистики, а потому въ дальнѣйшемъ будетъ итти рѣчь исключительно о теоретической или методологической части названныхъ руководствъ. Начнемъ съ „пособія“ г. Воблаго. Оно состоитъ изъ двухъ отдѣловъ— „исторіи“ и „теоріи“ статистики. По существу, однако, изложеніе г. Воблаго было бы правильнѣе сгруппировать нѣсколько иначе. Прежде всего—исторія статистики, занимающая почти треть теоретико-методологическаго изложенія. Отъ Конфуція, съ котораго г. Воблый начинаетъ исторію статистики, до Кетле включительно матеріалъ расположенъ по обычному шаблону; для періода послѣ Кетле дается безпорядочный перечень именъ и сочиненій, въ которомъ нѣтъ возможности уловить какой-либо системы или руководящей мысли: о Янсонѣ говорится непо-

---

[1]) *Русская Мысль* надѣется возвратиться къ болѣе подробному разбору выдающагося труда г. Лернера. *Ред.*

средственно вслѣдъ за Борткевичемъ, который—не говоря о прочемъ—былъ, по крайней мѣрѣ, формально, ученикомъ Янсона; отъ Дж. Ст. Милля г. Воблый непосредственно переходитъ къ современному статистику Боули, о Дюфо и Герри говорится послѣ умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ Шнапперъ-Арндта, и т. д. Повторяемъ: ни въ выборѣ авторовъ, ни въ расположеніи матеріала нѣтъ возможности уловить что-либо похожее на общую мысль или систему. И при этомъ г. Воблый абсолютно игнорируетъ новѣйшія направленія статистической мысли, стремящіяся сблизить статистику съ математикой и съ современными теченіями въ философской области. О Лексисѣ, правда, упоминается какъ о „выдающемся представителѣ математической статистики" (стр. 61), но теоретическіе взгляды Лексиса остаются совершенно невыясненными, и говорится о немъ гдѣ-то въ промежуткѣ между Рюмелиномъ и Майромъ; о Борткевичѣ упоминается исключительно въ связи съ вопросомъ объ исчисленіи смертности,—вопросомъ, которому г. Воблый, вообще, отводитъ гораздо больше мѣста, чѣмъ слѣдовало бы въ элементарномъ курсѣ; изъ англійскихъ статистиковъ-математиковъ упоминается только о Боули, который вѣдь является лишь продолжателемъ работы цѣлаго ряда другихъ, болѣе выдающихся англійскихъ статистиковъ-математиковъ. Для меня, вообще, сомнительно, чтобы исторія статистики могла служить полезнымъ введеніемъ въ изученіе статистической теоріи и методологіи; но въ томъ безпорядочномъ и безсистемномъ видѣ, какъ она излагается у г. Воблаго, исторія статистики уже несомнѣнно безполезна. Теоріи статистики у г. Воблаго въ сущности совершенно нѣтъ. Первыя десять страницъ посвящены сравнительно маловажному вопросу о томъ, наука ли статистика, или методъ; въ исторической части сравнительно подробно излагаются взгляды разныхъ авторовъ на вопросъ о взаимоотношеніи между свободой личной воли и статистическою закономѣрностью; только на стр. 204—205, въ главѣ, посвященный счетной обработкѣ статистическаго матеріала, мы впервые встрѣчаемся съ краткою формулировкою закона большихъ чиселъ, и только въ самомъ концѣ, на двѣнадцати страничкахъ (стр. 227—239), даются нѣкоторыя общія понятія о статистическихъ законахъ, какъ законахъ массовыхъ явленій, нѣсколько обстоятельнѣе выясняется сущность закона большихъ чиселъ, дается понятіе о методахъ индуктивнаго умозаключенія и приводится схоластическая майровская классификація разныхъ видовъ статистическихъ законовъ. Само собою разумѣется, послѣ сказаннаго по поводу исторической части, что и въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ г. Воблый совершенно игнорируетъ новѣйшія теченія въ области статистической теоріи,—все то немногое, что можно найти у него по части „теоріи"—это пересказъ старыхъ и въ значительной мѣрѣ устарѣвшихъ положеній. Остальное содержаніе руководства г. Воблаго—это техника или, можетъ быть, лучше выразиться, методика статистическаго наблюденія и обработки статистическаго матеріала. Къ сожалѣнію, даже начинающій пріобрѣтетъ изъ этого отдѣла книги нѣкоторыя свѣдѣнія по техникѣ статистики, но не получитъ ни малѣйшаго представленія о томъ, въ чемъ сущность и значеніе статистическаго метода, какъ орудія научнаго познанія.

Иное приходится сказать объ „элементарномъ курсѣ" А. А. Овчинникова. Очень небольшая по объему, крайне невзрачная по внѣшнему

виду, эта книжка представляетъ, однако, несравненно большiй интересъ не только для начинающаго, но и для читателя, уже нѣсколько знакомаго съ основами статистической теорiи и методологiи.

И въ руководствѣ г. Овчинникова мы находимъ все, что полагается по общепринятому шаблону. Но исторiя статистики и описанiе статистическихъ учрежденiй занимаютъ у г. Овчинникова очень мало мѣста. Значительная часть „курса“ посвящена вопросамъ техники или методики, причемъ, къ сожалѣнiю, и г. Овчинниковъ не даетъ никакой общей характеристики прiемовъ и методовъ статистическаго наблюденiя вообще, а приступаетъ непосредственно къ характеристикѣ методовъ отдѣльныхъ отраслей соцiальной статистики. Для каждой такой отрасли г. Овчинниковъ очень удачно и рельефно выдвигаетъ наиболѣе существенныя черты и—что главное—подчеркиваетъ трудности, съ какими приходится считаться при организацiи и выполненiи статистическаго наблюденiя и при обработкѣ его результатовъ; отмѣтимъ, съ этой точки зрѣнiя, хотя бы замѣчанiя г. Овчинникова относительно путей, „какими пробирается въ изслѣдованiе субъективная окраска“ (стр. 16); соображенiя его относительно затрудненiй, связанныхъ съ изслѣдованiемъ разныхъ формъ обрабатывающей промышленности (стр. 94) или съ классификацiей видовъ ея при разработкѣ матерiаловъ промышленной статистики (стр. 123—125); разсужденiя относительно способовъ согласованiя „теоретически-правильнаго“ и „практически-возможнаго“ при комбинированiи таблицъ (стр. 130—131), и т. д. При этомъ г. Овчинниковъ пользуется не только указанiями новѣйшей западно-европейской статистической практики и относящейся къ ней литературы, но—одинъ изъ немногихъ представителей нашей академической статистики—онъ довольно широко используетъ и нашу русскую, въ частности земскую, статистическую практику. Скептикъ по своему основному, такъ сказать, научному настроенiю, г. Овчинниковъ не въ мѣру строго относится къ стремленiю земской статистики, какъ онъ выражается, „объять необъятное“ (стр. 83). Но уже самый фактъ использованiя ея богатаго методологическаго опыта долженъ быть поставленъ г. Овчинникову въ немаловажную заслугу.

Сравнительно много мѣста г. Овчинниковъ удѣляетъ теорiи статистики въ тѣсномъ смыслѣ слова. И въ теоретическихъ частяхъ своего „краткаго курса“ г. Овчинниковъ не ограничивается повторенiемъ статистическихъ задовъ, а стоитъ на уровнѣ современнаго научнаго движенiя. Съ сожалѣнiемъ приходится отмѣтить, что г. Овчинниковъ слишкомъ поддается влiянiю взглядовъ казанскаго же проф. Г. К. Штера, которые, при несомнѣнной оригинальности, переносятъ сущность статистическаго метода въ чуждую послѣднему плоскость, или, вѣрнѣе, совершенно упраздняютъ своеобразное существо этого метода. Въ опредѣленiи сущности и объема приложимости статистическаго метода г. Овчинниковъ, съ одной стороны, всецѣло становится на несомнѣнно правильную точку зрѣнiя, въ новѣйшее время отчетливо формулированную А. А. Чупровымъ—„дѣло сводится,—говоритъ онъ,—не столько къ размежеванiю отдѣльныхъ областей знанiя, сколько къ отграниченiю различныхъ точекъ зрѣнiя на мiръ явленiй“ (стр. 7). Но, съ другой стороны, подъ явнымъ влiянiемъ проф. Штера онъ совершенно игнорируетъ основную характеристику статистическаго метода, какъ

метода *массоваго* наблюденія. Идеалъ статистическаго изслѣдованія для него—въ „установленіи всѣхъ индивидуальныхъ признаковъ даннаго явленія до воспроизведенія его въ видѣ какъ бы фотографіи“ (стр. 26). А къ *такому* идеалу ближе всего оказываются не общеизвѣстные пріемы массоваго наблюденія, а какъ разъ тѣ методы, которые многими признаются стоящими на границѣ статистики или даже внѣ этой границы: монографія и анкета... Нужно, впрочемъ, сказать, что относительно сущности монографіи у г. Овчинникова обнаруживаются—если не предполагать простой обмолвки—довольно сбивчивыя представленія: включеніе въ подворную перепись приходо-расходныхъ и т. п. вопросовъ равносильно для г. Овчинникова „возведенію переписи на степень монографическаго изученія“ (стр. 93); какъ будто сущность монографіи въ обиліи признаковъ, а не въ маломъ числѣ подвергнутыхъ наблюденію случаевъ. Всецѣло за Зигвартомъ и А. А. Чупровымъ г. Овчинниковъ слѣдуетъ и въ заключительной части своего „курса“, гдѣ онъ выясняетъ значеніе и смыслъ статистической закономѣрности и статистическаго закона. Здѣсь г. Овчинниковъ даетъ полную волю доминирующему въ его научной физіономіи скептицизму.

Въ конечномъ выводѣ, повторяю, „краткій курсъ“ г. Овчинникова значительно богаче содержаніемъ, нежели можно было бы предположить по его объему. Ограниченность послѣдняго, можетъ быть, слѣдуетъ признать недостаткомъ курса г. Овчинникова съ учебной точки зрѣнія: для учебника въ немъ нѣсколько мало конкретнаго фактическаго матеріала. Но, съ другой стороны, книжка г. Овчинникова—нѣсколько болѣе, чѣмъ руководство для начинающихъ,—она не безъ пользы прочтется и тѣми, кто уже знакомъ съ элементами статистики; и въ частности, послѣдовательно проводимый авторомъ, хотя, можетъ быть, и нѣсколько преувеличенный скептицизмъ будетъ полезнымъ противоядіемъ для тѣхъ, кто слишкомъ сангвинически относится къ возможностямъ статистики и статистическаго метода изслѣдованія общественныхъ явленій.

А. Кауфманъ.

Къ предстоящему страхованію рабочихъ. Сводка свѣдѣній о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ и заводахъ петербургскаго района 1904—1907 гг. Изд. общества заводчиковъ и фабрикантовъ. Спб., 1909 г. Лежащая передъ нами работа представляетъ собою сводку и статистическую разработку матеріала, собраннаго обслѣдованіемъ фабрикъ и заводовъ петербургскаго района, произведеннымъ въ 1908 г. обществомъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Хотя эта работа охватываетъ лишь одинъ районъ, да и то не въ полномъ объемѣ (только крупныя предпріятія и только „почти всѣ“), тѣмъ не менѣе за ней нужно признать большое общее научное значеніе и она можетъ смѣло претендовать на почетное мѣсто въ нашей статистической литературѣ.

Однако, на-ряду со всѣми своими достоинствами, работа не лишена и нѣкоторыхъ промаховъ. Напримѣръ, на стр. 6 и 7 помѣщена таблица I. Число пострадавшихъ за 4 года. Здѣсь въ рубрикѣ е) 5 фабрикъ по обработкѣ шерсти и въ рубрикѣ ж) 6 фабрикъ смѣшанныхъ, даны такія среднія для числа пострадавшихъ на 1,000 всѣхъ рабочихъ: е)—54 на 1,000, ж)—20 на 1,000, а ниже въ той же таблицѣ для тѣхъ же рубрикъ соотвѣтственно даны среднія 52 и 18 на 1,000. Что же это зна-

читъ? Дѣло просто. Въ томъ и другомъ случаѣ средняя вычислялась различно. Въ первомъ—средняя опредѣлялась по среднимъ за годъ количества рабочихъ и несчастныхъ случаевъ, а во второмъ бралась средняя ариѳметическая изъ уже вычисленныхъ для отдѣльныхъ годовъ чиселъ несчастныхъ случаевъ на 1,000. Ясно, что во второмъ случаѣ, гдѣ надъ одними и тѣми же числами нужно было произвести 5 дѣленій и одно сложеніе, погрѣшность должна быть больше, чѣмъ въ первомъ, гдѣ нужно только 2 дѣленія и одно сложеніе. Между тѣмъ предпочтеніе въ текстѣ отдается именно средней съ большей погрѣшностью—почему, неизвѣстно. Правда, эта методологическая погрѣшность не оказала вреднаго вліянія на конечные выводы работы, но не въ этомъ дѣло. Статистическія работы просто *не должны* допускать *никакихъ* методологическихъ ошибокъ—только тогда онѣ пріобрѣтутъ къ себѣ должное довѣріе интересующейся широкой публики и все, по праву имъ принадлежащее, научное и практическое значеніе.

Укажемъ еще на одинъ промахъ, но уже изъ другой области. Въ приложенномъ къ изданію образцѣ регистраціонной карточки мы находимъ вопросъ 13) уволенъ или оставленъ?, а въ самой книжкѣ объ этомъ ни полслова. Что это значитъ? Соотвѣтствующій матеріалъ оказался непригоднымъ, или отвѣтовъ на этотъ вопросъ не было получено? Но тогда отчего же издатели не позаботились освѣдомить на этотъ счетъ читателя и заставляютъ его думать, что этотъ вопросъ сознательно обойденъ въ виду извѣстныхъ нареканій, которыя раздаются со стороны рабочихъ и широкой публики на фабрикантовъ, а именно, что они неукоснительно увольняютъ рабочихъ, пострадавшихъ у нихъ на фабрикахъ. Издатели работы заявляютъ въ предисловіи, что они разсчитываютъ на дружескую критику; мы отнюдь не намѣрены къ нимъ придираться. Но разъ вышеозначенный вопросъ былъ включенъ въ карточку, онъ долженъ былъ быть освѣщенъ въ текстѣ.

А. Бабковъ.

Ежегодникъ Министерства Финансовъ. Выпускъ 1909 г. Спб., 1909 г. Стр. VI + 681. Въ нашей рецензіи, посвященной выпуску этого изданія за 1908 г. (см. *Русская Мысль* 1909 г., кн. VIII), мы уже имѣли случай отмѣтить его содержаніе и главныя особенности. Настоящій выпускъ не представляетъ исключенія и почти тождественъ съ предыдущимъ. Онъ содержитъ разнообразныя свѣдѣнія изъ государственно и народно-хозяйственной жизни Россіи въ тѣхъ ея сторонахъ, къ которымъ имѣетъ отношеніе дѣятельность нашего министерства финансовъ.

Нельзя спорить, что „Ежегодники“ нашего министерства финансовъ являются весьма полезнымъ справочнымъ изданіемъ, но нѣсколько непонятно его самостоятельное существованіе въ качествѣ изданія отдѣльнаго вѣдомства. Содержаніе его, соотвѣтственно объему дѣятельности министерства финансовъ, чрезвычайно обширно, и, будучи лишь дополнено немногими другими статистическими свѣдѣніями, оно могло бы дать прекрасный матеріалъ для „государственныхъ“ ежегодниковъ, по примѣру германскихъ Jahrbuch'овъ, англійскихъ Statistical Abstract'овъ и проч. подобныхъ изданій. Потребность въ такомъ изданіи несомнѣнно есть, но удовлетворяя ее, наши вѣдомства „бредутъ розно“ и крайне запаздываютъ. Необходимо *объединенное* и *срочное* выполненіе этой важной задачи.

А. Бабковъ.

Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1908 г. Т. I, XVI+112+208+16 стр. Т. II, IV+516 стр. Совѣтъ съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ. Баку, 1909 г. Ц. за 2 тома 4 р. Настоящій „Обзоръ“, если не считать нѣкоторыхъ дополненій, составленъ по той же программѣ и съ такой же обстоятельностью, какъ и предыдущіе. Собственно обзору промышленности посвященъ первый томъ этого изданія, второй же содержитъ исключительно таблицы къ обзору.

Содержаніе бакинскихъ „Обзоровъ“ и ихъ научныя достоинства у насъ достаточно хорошо извѣстны, чтобы стоило на нихъ здѣсь останавливаться. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя наиболѣе интересныя новинки, имѣющіяся въ данномъ обзорѣ. Сюда относится прежде всего краткій очеркъ синдиката каспійскихъ судовладѣльцевъ и особенно копія договора, заключеннаго между комитетомъ судовладѣльцевъ и судовладѣльцами синдиката. Затѣмъ весьма любопытны свѣдѣнія объ организаціяхъ производителей, оперирующихъ на главныхъ внутреннихъ рынкахъ нефтяныхъ продуктовъ. Стоитъ еще отмѣтить гл. VI, т. I, ч. II. „Торфъ въ центрально-промышленномъ районѣ“, содержащую въ себѣ результаты предпринятаго совѣтомъ съѣзда спеціальнаго изслѣдованія относительно производства и потребленія торфа.

„Обзоръ“ изданъ по обыкновенію хорошо и снабженъ довольно многочисленными и показательными діаграммами.

А. Бабковъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Вопросы обществовѣдѣнія. Подъ ред. Туганъ-Барановскаго и П. И. Люблинскаго. Вып. II.

Вопросы обществовѣдѣнія. Органъ академической и научной жизни подъ редакціей М. И. Туганъ-Барановскаго и П. И. Люблинскаго. Выпускъ II-й. Спб., 1910 г. Стр. 397. Второй выпускъ изданія, подобно первому, содержитъ длинный рядъ статей на разнообразныя соціальныя и юридическія темы. Нельзя не признать, что чрезвычайное многообразіе и явная случайность матеріала лишаетъ сборники опредѣленной научной физіономіи. Впрочемъ, возможно, что редакція, въ виду нѣкоторой служебной роли, присвоенной настоящему органу, и сознательно не задается цѣлью планомѣрной разработки точно опредѣленныхъ сторонъ общественнаго знанія.

Нѣкоторыя статьи сборника затрогиваютъ весьма интересные и важные вопросы соціологіи и права. Таковы: „Къ вопросу о логическихъ основахъ соціологіи“, С. Штейна, „Основные вопросы юридическаго ученія о тарифномъ рабочемъ договорѣ“, І. Войтинскаго, „Философія исторіи „Войны и мира“, М. Лазерсона, „Основныя стадіи въ эволюціи идеи ближняго“, П. Михайлова, „О квалифицированномъ трудѣ“ А. Гойхбарга и др.

Г. Штейнъ старается установить,—кстати сказать, въ чрезмѣрно отвлеченномъ и схоластическомъ изложеніи,—необходимую логическую связь между соціологіей и исторіей, въ противовѣсъ Риккерту, признающему обѣ дисциплины вполнѣ независимыми и между собою внутренно не связанными. Историческое знаніе, по Риккерту, обращено на неповторяющуюся, безконечно разнообразную первичную дѣйствительность,

тогда какъ соціологія, какъ „естественно-научная" (въ смыслѣ Риккерта) дисциплина, оперируетъ съ упрощенной, преобразованной дѣйствительностью, отыскивая въ ней лишь сходное, общее—повторяющуюся, закономѣрную связь вещей. Авторъ доказываетъ, что и историческое изслѣдованіе, опирающееся на принципъ цѣнности, не можетъ исходить изъ первичной дѣйствительности, что оно также предполагаетъ переработку, расчлененіе ея на изолированные ряды. Исходные моменты для соціологіи и исторіи, слѣдовательно, совпадаютъ, и соціологическое описаніе первоначально обработанной дѣйствительности должно лечь въ основаніе историческаго изученія.

Г. Войтинскій разсматриваетъ, de lege ferenda, вопросъ объ обязанностяхъ, порождаемыхъ тарифнымъ рабочимъ договоромъ. Касаясь вопроса о томъ, опредѣляетъ ли тарифный договоръ только содержаніе найма труда, или же и самое исполненіе его, авторъ съ достаточнымъ основаніемъ, исходя изъ самой идеи тарифной нормировки, защищаетъ, въ противовѣсъ господствующему взгляду, второе мнѣніе. При этомъ онъ, однако, отстаиваетъ право обѣихъ сторонъ на локаутъ и стачку, и не только для тѣхъ случаевъ, когда преслѣдуется задача измѣненія условій труда, не опредѣленныхъ въ тарифномъ договорѣ, или когда имѣются въ виду чисто политическія цѣли, не касающіяся даннаго трудового отношенія, но и для измѣненія условій найма, урегулированныхъ тарифнымъ договоромъ. Авторъ исключаетъ лишь тѣ случаи, когда въ договорѣ прямо запрещены подобные акты экономической борьбы. Онъ оспариваетъ, правда, довольно нерѣшительно, съ серьезными оговорками, господствующій взглядъ, что такое запрещеніе подразумѣвается въ тарифномъ договорѣ. Направленная противъ договора экономическая борьба, по его мнѣнію, должна въ извѣстныхъ случаяхъ разсматриваться только какъ основаніе, дающее другой сторонѣ право отказа отъ тарифнаго договора. Авторъ полагаетъ, что этимъ достигается меньшая связанность сторонъ. Не говоря ужъ о сомнительности юридической постановки вопроса, такая уменьшенная связанность сторонъ едва ли не сводитъ къ нулю самый принципъ тарифнаго соглашенія.

Г. Лазерсонъ въ интересной статьѣ разбираетъ соціологическія и философско-историческія воззрѣнія Толстого, высказанныя послѣднимъ въ „Войнѣ и мирѣ". „Если Толстой однимъ крыломъ... философской мысли соприкасается съ теологическими ученіями..., то другимъ крыломъ онъ задѣваетъ безгранично далекій отъ нихъ историческій матеріализмъ" (стр. 155). Разстояніе между обоими „крыльями" не такъ велико, какъ это представляется автору: скрытая провиденціальная роль „производительныхъ силъ" въ ученіи историческаго матеріализма уже достаточно обнаружена. „Отрицаніе роли личности въ исторіи во имя торжества Провидѣнія" (стр. 167) одинаково характерно для обѣихъ доктринъ. Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ коснуться каждой изъ заслуживающихъ вниманія работъ сборника.

Л. Шифъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Ernest Lémonon. L'Europe et la politique britannique.

Ernest Lémonon. L'Europe et la politique britannique (1882—1909). Парижъ, Felix Alcan. 1910. 555 стр.+VIII (пред. Дешанеля). Ц. 10 фр. Книга Лемонона о внѣшней политикѣ Англіи съ 1882 года, т.-е. со времени заключенія тройственнаго союза вплоть до нашихъ дней, представляетъ выдающійся интересъ, такъ какъ касается далеко не одной лишь Англіи, а говоритъ о Германіи, Франціи, Россіи, Италіи и Австро-Венгріи,—если не столь подробно, какъ о Великобританіи, то во всякомъ случаѣ настолько полно, что даетъ правильное представленіе о внѣшней политикѣ всѣхъ великихъ державъ за обозрѣваемый періодъ.

Въ первой главѣ Лемононъ характеризуетъ внѣшнюю политику Англіи до заключенія тройственнаго союза и показываетъ, какъ Великобританія съ давнихъ поръ, несмотря на пораженіе Франціи въ 1870—71 гг., относилась враждебно къ Франціи и Россіи, считая ихъ опасными соперницами, могущими нанести серьезный вредъ ея колоніальному и морскому могуществу. Казалось бы, что неслыханныя побѣды Бисмарка и гегемонія молодой Германіи, успѣшно окружившей себя союзниками, должны были повліять на политику Англіи, тѣмъ болѣе, что Франція во всякомъ случаѣ не могла уже представлять собою для Великобританіи особенно опаснаго противника; однако, этого не случилось, и Лемононъ въ двухъ главахъ (II-й и V-й), посвященныхъ англо-тройственной дружбѣ съ 1882 г. до 1891 г. (до заключенія франко-русскаго альянса) и съ 1891 г. до 1901 г. (до вступленія на престолъ Эдуарда VII), подробно разсказываетъ, какъ Англія почти вездѣ и всегда поддерживала державы тройственнаго союза, стараясь, съ другой стороны, ставить повсюду преграды Россіи и Франціи.

Поворотъ въ политикѣ Англіи произошелъ, по мнѣнію автора, въ 1901 г. Причина этого кроется гораздо меньше въ личности Эдуарда VII, чѣмъ въ условіяхъ того момента: съ этого именно года, думаетъ Лемононъ, Англія успѣла убѣдиться, какой могучій промышленный, колоніальный и морской соперникъ выросъ въ лицѣ Германіи, и, разъ убѣдившись въ этомъ, Великобританія волей-неволей должна была перемѣнить свое отношеніе къ нѣмецкому колоссу, необходимость низверженія котораго, по мнѣнію Лемонона, съ каждымъ годомъ чувствуется Англіей все болѣе и болѣе.

Авторъ L'Europe et la politique britannique задается вопросомъ, выгодно ли Франціи превратить ея соглашеніе (entente) съ Англіей въ союзъ (alliance), и отвѣчаетъ въ отрицательномъ смыслѣ: такой-де союзъ, быть можетъ, очень выгоденъ Англіи, Франціи же онъ ничего не можетъ дать до тѣхъ поръ, пока въ Англіи нѣтъ такой дисциплинированной и хорошо организованной арміи, какъ въ континентальныхъ государствахъ. Лишь съ преобразованіемъ англійской арміи по примѣру Франціи или Германіи возможенъ настоящій союзъ между Франціей и Англіей.

Нарисовавъ напряженное состояніе нынѣшняго историческаго момента, Лемононъ, однако, утѣшаетъ себя, что война всетаки не такъ

ужъ неизбѣжна, какъ то кажется съ перваго момента, при разсмотрѣніи англо-германскихъ отношеній. Англія слишкомъ многимъ рискуетъ, чтобы необдуманно начать какія-либо военныя дѣйствія противъ Германіи— и чрезмѣрная грозность будущей европейской войны есть гарантія (пожалуй, временная) мира.

С. Лозинскій.

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Paul Dehn. Die Völker Südosteuropas und ihre politischen Probleme.—*Бальмонтъ.* Змѣиные цвѣты.

Paul Dehn. Die Völker Südosteuropas und ihre politischen Probleme. Галле, 1909. 98 стр. Ц. 2 м. 50 пф. Лежащая предъ нами книга „Народы юго-восточной Европы и ихъ политическія проблемы", составляетъ одинъ изъ выпусковъ выходящей подъ редакціей Гуго Гроте „Практической географіи". Нельзя не привѣтствовать цѣли подобной серіи: огромное большинство нашихъ руководствъ по географіи составлены такъ неинтересно, что ихъ давно уже слѣдовало замѣнить чѣмъ-либо живымъ, дѣйствительно способнымъ увлечь учащагося и дать ему необходимыя свѣдѣнія объ изучаемой имъ странѣ. Однимъ перечнемъ названій рѣкъ, горъ, плоскогорій и низменностей нельзя, разумѣется, заинтересовать ученика ни старшихъ, ни младшихъ классовъ и, на-ряду съ этими данными, необходимо его знакомить не только съ характеромъ жителей данной мѣстности, но и съ тою ролью, какую играетъ данная мѣстность въ міровой политикѣ. Удачно потому самое названіе разсматриваемой нами книжки; не только жители Балканскаго полуострова составляютъ предметъ ея изученія, но и политико-экономическія притязанія отдѣльныхъ государствъ полуострова, а также отношеніе заинтересованныхъ великихъ державъ къ тому или иному требованію отдѣльнаго балканскаго государства. Въ этомъ выпускѣ практической географіи отводится глава компенсаціоннымъ требованіямъ Сербіи съ выясненіемъ точки зрѣнія на этотъ вопросъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ; имѣется глава „новый панславизмъ", гдѣ даются (правда, не совсѣмъ удачныя) послѣднія свѣдѣнія о пражскомъ съѣздѣ и т. д. Все это не можетъ, при популярномъ и живомъ изложеніи, не заинтересовать читателя, и съ именемъ „географія" у него, при подобномъ изученіи, не будетъ непремѣнно связываться представленіе о чемъ-то сухомъ, скучномъ и мало интересномъ. Но если мы привѣтствуемъ самую идею такой книги и желали бы видѣть ее осуществленной и у насъ, то по существу нисколько не одобряемъ книжки Пауля Дена, простой переводъ которой на русскій языкъ вовсе не желателенъ. Можно было бы еще примириться съ германскимъ націонализмомъ автора и съ его стараніями выставить Германію и ея политику въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ, если бы, на-ряду съ этимъ, не было несправедливыхъ и часто совершенно безсмысленныхъ нападокъ на чеховъ и на Англію, главную виновницу не всегда успѣшной балканской политики не только Германіи, но и... Россіи. Денъ стремится доказать, что, идя руку объ руку съ Франціей и Англіей, Россія ничего не вы-

играетъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ интересахъ котораго будто бы необходимъ тѣсный союзъ великаго славянскаго государства съ Германіей и Австро-Венгріей. Конечно, въ такихъ разсужденіяхъ болѣе политиканства, нежели „практической географіи“.

С. Лозинскій.

Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. К-во „Скорпіонъ“. 1910 г. Ц. 3 р. Книга распадается на двѣ несоизмѣримыя по интересу части.

Въ первой части передъ нами встаютъ путевыя впечатлѣнія Бальмонта отъ Мексики. Эта часть книги поистинѣ привлекательна: намъ интересна Мексика; намъ интересенъ Бальмонтъ. Впечатлѣніе отъ Мексики самаго впечатлительнаго изъ нашихъ поэтовъ: все тутъ—красота, все—пѣсня. „Сегодня новая Луна и новый Океанъ. Зеленоватый полумѣсяцъ взволновалъ равнины водъ. Онѣ дышатъ мѣрно...“ и т. д. Бальмонтъ съ великолѣпнымъ мастерствомъ рисуетъ намъ рядъ полотенъ—съ натуры. Вотъ мексиканское небо, луна, солнце, вотъ „быстрая вуаль дождя“ бѣжитъ по минутнымъ утесамъ волнъ. А вотъ черезъ нѣсколько строкъ: „Русскіе—самый благородный и деликатный народъ, который существуетъ. Нужно отойти отъ Россіи, и тогда поймешь, какъ бездонно ее любишь и какъ очаровательно добродушіе Русскихъ, ихъ уступчивость, отсутствіе этой деревянности Нѣмцевъ, этой металличности Англичанъ, этой юркости Французовъ. Одни Испанцы мнѣ милы. Но и въ нихъ утомительна повторность все тѣхъ же возгласовъ и быстрыхъ кастаньетъ“. И строчкой ниже опять: „11 февраля.—Сегодня Луна окончательно завладѣла пространствомъ“, и далѣе опять—и „дымный полумѣсяцъ“, и „кружево прилива“ и „тишина перерывовъ между ритмами приливныхъ гармоническихъ звуковъ“; и тутъ же—„незримый музыкантъ игралъ... на рожкѣ, какъ русскій пастухъ безъ конца на зарѣ...“ Въ такомъ родѣ написаны всѣ „Путевыя письма“.

Отъ природы—къ теософіи Майевъ, отъ Майевъ—къ лирикѣ собственной души, отъ лирики—къ психологической характеристикѣ національныхъ типовъ; и далѣе—къ широкимъ обобщеніямъ, прерываемымъ какимъ-нибудь остроумно разсказаннымъ дорожнымъ эпизодомъ. Все это осыпано фейерверкомъ афоризмовъ, шутками, расцвѣчено рѣдкими эпитетами и сравненіями, какъ полотна импрессіонистовъ, горящія красочными мазками: все здѣсь свѣжо, живо—все захватываетъ, какъ захватываетъ красной нитью проходящая тоска по родинѣ.

„— А зачѣмъ я уѣхалъ, зачѣмъ, зачѣмъ?... Я люблю Россію и Русскихъ... Я вѣрю въ Россію, я вѣрю въ самое свѣтлое ея будущее. О томъ, какъ я принялъ вѣсть о послѣднихъ событіяхъ въ Москвѣ, не въ силахъ говорить“. И тутъ же: „Сегодня Солнце особенно ярко. Черезъ нѣсколько часовъ—переходъ въ истинную Мексику...“

Отъ Россіи—къ Мексикѣ, отъ Мексики—къ Россіи; все здѣсь—мгновенно, неожиданно, какъ бы случайно; и во всемъ здѣсь—поэтъ мгновенья Бальмонтъ:

Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью. *(Баратынскій.)*

Авторъ „Путевыхъ писемъ“, блещущихъ солнечнымъ великолѣпіемъ, спѣлъ новую намъ о солнцѣ пѣснь, и подъ солнечной красотой, подъ яркими красками мгновеній—все та же тоскующая пѣснь безбрежной тишины и вздоховъ вѣтра.—„А! Зачѣмъ я уѣхалъ, зачѣмъ, зачѣмъ“,—

какъ вздохъ вѣтра, слышится намъ тоска Бальмонта. *„Я не въ силахъ ничего разсказать“*,—отвѣчаетъ Тишина. И разсказать ничего не можетъ Бальмонтъ о Мексикѣ; его разсказъ—лирическая импровизація на тему о Мексикѣ, и она—прекрасна.

Не то вторая часть, посвященная главнымъ образомъ переводамъ священной книги „Пополь-Ву“. Сюда принадлежитъ: „Космогонія Майевъ“, „Исполины“, „Путь испытаній“, „Исторія дѣвушки“, „Къ звѣздамъ“, „Человѣческая повѣсть Квичей-Майевъ“ и т. д. Во-первыхъ: переводъ данъ Бальмонтомъ съ сомнительнаго перевода и за достовѣрность его свѣдѣній о космогоніи Майевъ ручаться трудно. Дѣло въ томъ, что начертанія Майевъ не имѣютъ, насколько я знаю, подлиннаго ключа; одинъ ученый въ серединѣ XIX столѣтія будто бы разобралъ письмена Майевъ; но его переводъ изъ священной книги „Пополь-Ву“ полуфантастиченъ; между тѣмъ переводъ Бальмонта сдѣланъ именно съ этого (единственнаго, впрочемъ) перевода. Во-вторыхъ: самые, будто бы точно переведенные, отрывки безцвѣтны и неинтересны; они изобилуютъ множествомъ неудобочитаемыхъ именъ и скучныхъ аллегорій, не выражающихъ ничего, сколько-нибудь значительнаго и глубокаго. Читаешь, спотыкаешься о скучный перечень *цвакваллей* и *текуцистекатлей*. Открываю книгу на случайной страницѣ и читаю: „За шесть рядовъ Времени, триста и двѣнадцать годовъ до Итцамны, Росы Разсвѣтной, видѣли его, шестиликаго, строителемъ стѣнъ Аке, Цакбе, Баклахаль“. Или: „Четыре было ихъ, нашихъ праотцевъ, нашихъ отцовъ: Баламъ-Квитцэ, Баламъ-Агабъ, Магукута и Ики-Баламъ“, и т. д. Всѣ отрывки изъ книги „Пополь-Ву“ полны этими ничего не говорящими перечисленіями. Вторая часть „Змѣиныхъ цвѣтовъ“ — тяжелый балластъ къ первой части; какъ если бы мы къ порхающему колибри привязали тяжелый камень. Жаль, что авторъ потратилъ много труда на переводъ этихъ неинтересныхъ и недостовѣрныхъ отрывковъ.

Къ книгѣ приложены репродукціи съ мексиканскихъ памятниковъ старины. Издана книга прекрасно.

Андрей Бѣлый.

ПЕДАГОГИКА.

Д-ръ А. Э. Гиппіусъ. Дѣтскій врачъ какъ воспитатель.

Д-ръ А. Э. Гиппіусъ. Дѣтскій врачъ какъ воспитатель. Практическое руководство для родителей, врачей и педагоговъ. М., 1909 г. 276 стр.+VIII. На нашихъ глазахъ все шире и шире развертывается ужасающая картина оскудѣнія силъ подрастающаго поколѣнія, силъ какъ физическихъ, такъ и духовныхъ. Едва ли найдется теперь хоть одна семья, гдѣ вопросы воспитанія не ставились бы остро тѣми или другими ненормальностями физическаго или душевнаго склада дѣтей. Насъ поражаетъ нервность нашихъ дѣтей, ихъ быстрая утомляемость и пониженная работоспособность. Еще болѣе поражаетъ насъ ослабленіе въ нихъ чувства радости и довольства жизнью, пониженіе въ нихъ способности бороться съ житейскими невзгодами и легкая рѣшимость кончать всякіе счеты съ жизнью. Растущая цифра нервныхъ

и душевныхъ заболѣваній среди дѣтей, растущая цифра дѣтскихъ преступленій и дѣтскихъ самоубійствъ съ убѣдительностью говоритъ о томъ, что наступило время, когда дѣти расплачиваются за грѣхи своихъ отцовъ, когда порча людской породы пустила глубокіе корни и вырожденіе народа становится угрожающимъ. Все это заставляетъ теперь и родителей, и педагоговъ, и врачей, и все общество все больше и больше задумываться надъ вопросами воспитанія и искать наилучшаго ихъ разрѣшенія. Среди появившейся за послѣднее время и относящейся сюда литературы книга д-ра Гиппіуса заслуживаетъ полнаго вниманія. Книга эта является не только полезнымъ руководствомъ для каждаго педагога, дѣтскаго или школьнаго врача, но и можетъ принести большую пользу каждому интеллигентному родителю, ищущему отвѣта на тревожащіе его вопросы воспитанія. Авторъ раздѣляетъ свой трудъ на четыре отдѣла, посвященные грудному возрасту (первый годъ жизни), дѣтскому или, какъ онъ называетъ, нейтральному возрасту (отъ 2-хъ до 8 лѣтъ), отроческому возрасту (отъ 8 до 12 л.) и періоду возмужалости (13—15 л.). Каждому возрасту посвящаются четыре главы, трактующія о физическомъ развитіи, душевномъ развитіи, о физическомъ воспитаніи и душевномъ воспитаніи. Въ авторѣ виденъ не только опытный дѣтскій врачъ, но и опытный педагогъ, строящій всю систему воспитанія на строго физіологической почвѣ, сообразно съ раціональными требованіями гигіены. По мнѣнію автора, при воспитаніи необходимо считаться съ физіологическими особенностями каждаго возраста и въ разныхъ возрастахъ проводить различныя профилактическія мѣры, пригодныя для поддержанія гармоніи физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ. Въ воспитаніи ребенка, — говоритъ авторъ, — когда мы стремимся къ достиженію высшихъ ступеней развитія всѣхъ его какъ физическихъ, такъ и духовныхъ силъ, необходимо имѣть въ виду, какъ главное условіе для наиболѣе продуктивнаго использованія всѣхъ силъ организма, разумное примѣненіе упражненія и покоя, другими словами, въ дѣлѣ воспитанія нами долженъ руководить принципъ бережнаго упражненія физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ ребенка. Какъ примѣняется этотъ принципъ въ каждомъ отдѣльномъ возрастѣ, это и является содержаніемъ книги. Въ общемъ въ раннемъ дѣтствѣ, при значительномъ еще несовершенствѣ органовъ, на первомъ планѣ должно стоять бережное отношеніе къ нимъ, упражненіе же необходимо проводить крайне осторожно. Наоборотъ, съ годами, по мѣрѣ укрѣпленія силъ ребенка, упражненіе его функціональныхъ способностей должно занимать все большее мѣсто, причемъ, однако, ни въ коемъ случаѣ нельзя забывать и о необходимости бережнаго отношенія къ силамъ ребенка.

Въ книгѣ разбираются обстоятельно вопросы питанія, физическаго укрѣпленія организма, способы укрѣпленія воли ребенка (психическое закаливаніе). Авторъ разсматриваетъ также преимущества и недостатки различныхъ видовъ спорта, говоритъ о воспитательномъ значеніи игръ, пѣнія, музыки, танцевъ и т. д. Равнымъ образомъ большое вниманіе удѣляется вопросу о наказаніяхъ, выговорахъ и наградахъ. Нѣтъ, разумѣется, возможности перечислить въ короткой замѣткѣ всѣ тѣ вопросы, которые затрагиваются и разбираются въ данной книгѣ. Можно сказать, что почти все, что имѣетъ отношеніе къ воспитанію, нашло себѣ мѣсто въ этой книгѣ. Книга при всей научной серьезности ея

изложенія читается очень легко и, помимо общихъ педагогическихъ положеній и принциповъ, даетъ большое количество чисто практическихъ указаній и совѣтовъ, какъ поступать въ случаѣ тѣхъ или иныхъ отклоненій и неправильностей въ развитіи ребенка (заиканіе, ночное недержаніе, мастурбація и др.). Все это дѣлаетъ ее очень полезной для всѣхъ интересующихся вопросами воспитанія, и мы смѣло рекомендуемъ ее и врачамъ, и педагогамъ, и родителямъ, въ полной увѣренности, что всѣ они найдутъ въ ней немало цѣнныхъ для себя указаній.

Д-ръ мед. А. Щегловъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Проф. Содди. Радій и его разгадка.

Проф. Содди. Радій и его разгадка. Пер. съ англійскаго. Подъ редакціей Д. Д. Хмырова, лаборанта новороссійскаго университета. Изд. Mathesis. Одесса, 1910 г. Ц. 1 р. 25 к. Вотъ книга, которую можно рекомендовать прочесть всякому, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ явленіями радіоактивности. Авторъ ея принадлежитъ къ тѣмъ ученымъ, которые своими изслѣдованіями многое разъяснили въ этой таинственной области науки, и въ своихъ популярныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ университетѣ Глазго въ началѣ 1908 года онъ задался цѣлью изложить для широкой публики основные вопросы радіоактивности. Главную основу книги—„Радій и его разгадка"—и составили эти популярныя лекціи, но для печати авторъ перераспредѣлилъ и значительно переработалъ весь матеріалъ въ цѣляхъ обезпеченія наибольшей связности изложенія. Изъ всѣхъ радіоактивныхъ элементовъ авторъ описываетъ, главнымъ образомъ, радій и на немъ разбираетъ основные вопросы радіоактивности. Съ выдающимся талантомъ популяризатора авторъ, переходя отъ явленій менѣе сложныхъ къ болѣе сложнымъ, развертываетъ передъ глазами читателя полную картину явленій радіоактивности и показываетъ ихъ отношеніе къ явленіямъ, разсматриваемымъ въ физикѣ, химіи, геологіи, техникѣ и т. д. Не останавливаясь на болѣе подробномъ изложеніи книги „Радій и его разгадка", мы приведемъ здѣсь только двѣ цитаты, чтобы показать, какой переворотъ произошелъ на нашихъ глазахъ въ воззрѣніяхъ на вещество. Въ 1873 г. знаменитый Клэркъ Максвелль въ своей рѣчи на засѣданіи британской ассоціаціи, указавъ на то, что какъ на землѣ, такъ и на всѣхъ небесныхъ тѣлахъ находятся одни и тѣ же элементы, сказалъ: „Такимъ образомъ, каждый атомъ водорода во вселенной носитъ на себѣ такое же ясное клеймо нѣкоторой системы мѣръ, какъ метръ des Archives въ Парижѣ... Для объясненія сходства атомовъ нельзя построить теоріи эволюціи, такъ какъ эволюція необходимо предполагаетъ непрерывное измѣненіе, а атомъ неспособенъ къ росту или уничтоженію, къ воспроизведенію или разрушенію. Ни одинъ изъ процессовъ природы, какъ природа началась, не произвелъ ни малѣйшаго измѣненія въ свойствахъ какого бы то ни было атома. Поэтому ни существованіе атомовъ, ни тождество ихъ свойствъ мы не можемъ приписать какой-нибудь изъ причинъ, которыя мы называемъ естественными. Съ другой стороны, совершенное равен-

ство каждаго атома со всѣми атомами того же рода, какъ хорошо сказалъ сэръ Джонъ Гершель, придаетъ ему въ сущности характеръ сфабрикованнаго предмета и исключаетъ мысль объ его вѣчности и независимости существованія... Восходя къ началу исторіи вещества, наука останавливается, когда приходитъ къ убѣжденію, что, съ одной стороны, атомъ былъ созданъ, а съ другой—что онъ не былъ созданъ ни однимъ изъ тѣхъ процессовъ, которые мы называемъ естественными". Въ заключеніе К. Максвелль говоритъ: „Но хотя въ теченіе вѣковъ на небѣ катастрофы происходили и могутъ еще происходить, хотя старыя системы могутъ разрушаться и изъ ихъ развалинъ могутъ созидаться новыя, тѣ атомы, изъ коихъ строятся эти системы—краеугольные камни вещественной вселенной—остаются неразрушимыми и неистребимыми". Приведя эти слова, проф. Содди указываетъ, какой глубокій переворотъ въ воззрѣніяхъ на атомы тѣлъ заставили произвести явленія радіоактивности. Онъ говоритъ: „Мы уже не считаемъ атома чѣмъ-то простымъ. Напротивъ, мы смотримъ на него теперь, какъ на механизмъ чрезвычайно сложный"... Явленія радіоактивности объясняются теоріей распада атомовъ, и мы должны принять постоянное измѣненіе атома. „Эволюція или, скорѣе, деволюція вещества, постоянное измѣненіе вещества, зарожденіе и разрушеніе атома—словомъ, все, казавшееся невозможнымъ въ дни К. Максвелля—происходитъ, какъ мы знаемъ, на нашихъ глазахъ"... „Только на первый взглядъ вещественная вселенная производитъ впечатлѣніе чего-то созданнаго разъ навсегда. На самомъ дѣлѣ, неустанный процессъ, знакомый намъ теперь, процессъ медленнаго, непрерывнаго измѣненія, формируетъ даже и „краеугольные камни". Благодаря послѣднему шагу, ученіе объ эволюціи становится универсальнымъ, охватывая и одушевленный. и неодушевленный міръ".

Ив. Каблуковъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» въ теченіе сентября 1910 г.

Абрамовъ, И. Маленькая хрестоматія. „Родной языкъ". Спб., 1910 г. Ц. 20 к.

Александрова, О. Борьба жизни со смертью. Вып. V. Спб., 1910 г. Ц. 40 к.

Аменицкій, Н. Новый сборн. ариѳм. задачъ. М., 1910 г. Ц. 35 к.

Бертенсонъ, С. Библіогр. указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 гг. Спб., 1910 г. Ц. 25 к.

Бодлэръ, Ш. Стихотворенія. М., 1910 г. Ц. 1 р.

Бѣлый, А. Лугъ зеленый. М., 1910 г. Ц. 1 р.

Венгерова, З. Литер. характеристики. Кн. 3-я. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Верховскій, Ю. Идилліи и элегіи. Спб., 1910 г. Стр. 69. Ц. 75 к.

Волковичъ, В. Другъ человѣчества Н. И. Пироговъ. Вып. II. Спб., 1910 г. Ц. 40 к.

Вопросы и нужды учительства. Сборн. М., 1910 г. Ц. 10 к.

Вундтъ, В. Общая исторія философіи. Т. I. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Галантъ, И. Черта еврейской осѣдлости. Кіевъ, 1910 г.

Герцовскій, Г. Мимолетное. Спб., 1910 г. Ц. 75 к.

Гершензонъ, М. Жизнь В. С. Печерина. М., 1910 г. Стр. 226. Ц. 1 р. 50 к.

Глазуновъ, Н. Комедіи, шутки. Спб., 1910 г. Ц. 1 р.

Григорьевъ, Г. Курсъ физики. Ч. I. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 60 к.

Долговъ, А. Сборн. геометр. упражненій и задачъ. М., 1910 г. Ц. 30 к.

Другъ народа А. Л. Караваевъ. Спб., 1910 г. Ц. 30 к.

Дудинъ, Стеблевъ, Толстовъ. Русская исторія. Изд. Сытина. М. Стр. 494. Ц. 1 р. 10 к.

Ермоловъ, А. Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Спб., 1910 г. Ц. 60 к.

Живой родникъ. 2-я кн. для чтенія. М., 1910 г. Ц. 50 к.

Зандбергъ, А. Транспортъ живой рыбы на дальнія разстоянія. М., 1910 г.

Ибаньесъ, Бласко, Новеллы. М., 1910 г. Стр. 189. Ц. 1 р.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Вып. XIX. М., 1910 г.

Казанцевъ, Н. Историч. хрестоматія. М., 1910 г. Ц. 1 р. 20 к.

— Истор. хрестоматія. М., 1910 г. Стр. 204. Ц. 1 р.

Кафенгаузъ, Л. Развитіе русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія. Харьковъ, 1910 г.

Келлеръ, К. Естественная исторія домашнихъ животныхъ. М., 1910 г. Стр. 318. Ц. 2 р.

Кергомаръ, П. Дошкольное воспитаніе и дѣтскіе сады во Франціи. М., 1910 г. Ц. 50 к.

Клапаредъ, Э. Психологія ребенка и эксперимент. педагогика. Спб., 1911 г. Ц. 1 р.

Кравковъ, В. Заразные факторы людского злополучія. Ярославль, 1910 г. Стр. 505. Ц. 2 р. 75 к.

Краевскій, Б. Краткій компендій нѣмецк. яз. Ч. I. М., 1910 г. Ц. 60 к.

Красикъ, А. Крестьянскій банкъ и его дѣятельность съ 1883 по 1905 г. Юрьевъ, 1910 г. Ц. 1 р.

Лемонье, К. Конецъ Буржуа. Ч. I и II. М., 1910 г. Ц. за обѣ ч. 1 р. 60 к.

Липницкій. Желѣзнодорожники. Спб., 1910 г. Ц. 75 к.

Локоть, Т. Оправданіе національзма. Кіевъ, 1910 г. Ц. 30 к.

Луговой, А. Дѣвичье поле. Спб., Ц. 1 р.

Луговой, А. Сказка жизни. Драма. Спб., 1910 г. Ц. 30 к.

Мессеръ, А. Введеніе въ теорію познанія. Спб., 1910 г.

Мошковъ, В. А. Механика вырожденія. 1912 г.—начало „желѣзнаго вѣка" въ Россіи. Варшава, 1910 г. Ц. 90 к.

Новицкій, Э. Полное возрожденіе льна. Спб., 1910 г. Ц. 60 к.

Оствальдъ, В. Великіе люди. Спб., 1910 г. Стр. 394. Ц. 2 р. 50 к.

Панюринъ, Г. Для дѣтей разск. и сказки. Харьковъ, 1910 г. Ц. 50 к.

Пензигъ, Р. Серьезные отвѣты на дѣтскіе вопросы. Спб., 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Платонъ. Пиръ. М., 1910 г. Ц. 65 к.

Понкратовъ, А. Ищущіе Бога. Очерки соврем. религіозн. исканій и настроеній. М., 1910 г. Стр. 195. Ц. 1 р.

Пятницкій, Б. Половыя извращенія. Могилевъ, 1910 г. Ц. 80 к.

Рашильдъ. За предѣлами природы. Ром. Т. I. М., 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Резановъ, А. Армія и толпа. Варшава, 1910 г. Ц. 75 к.

Рейсбрукъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. М., 1910 г. Ц. 2 р.

Рукавишниковъ, И. Сны. Спб., 1910 г. Ц. 80 к.

Самойловъ, Я. Отчетъ по геологич. изслѣд. фосфоритовыхъ залежей. Вып. II. М., 1910 г.

Семеновъ, Вл. Бой при Цусимѣ. Спб., 1910 г. Стр. 108. Ц. 60 к.

Сергѣичъ, П. Искусство рѣчи на судѣ. Спб., 1910 г. Стр. 389. Ц. 3 р.

Сидоровъ, Ю. Стихотв. М., 1910 г. Ц. 1 р.

Содди, Фр., Радій. М., 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.

Судленко, С. Шекспиръ о самоубійствѣ. Тверь, 1910 г. Ц. 30 к.

Тепловъ, А. Разсказы. Спб., 1910 г. Ц. 25 к.

Травинъ, П. Крестный путь. Разск. М., 1911 г. Ц. 1 р.

Чижевскій, П. Всеобщее обученіе и земство. Спб., 1910 г. Ц. 1 р.

Шоу, Бернардъ. Соціалистъ-любитель. Ц. 1 р. Волокита. М., 1910 г. Ц. 1 р.

Штерне, Карусъ. Эволюція міра. Вып. X. М., 1910 г.

Штильгебауэръ, Э. Новый городъ. М., 1910 г. Ц. 1 р.

Эллисъ. Русскіе символисты. М., 1910 г. Ц. 2 р.

Эренбургъ, И. Стихи. Парижъ, 1910 г. Ц. 50 к.

Редакторъ П. Б. Струве.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 3-е сентября 1910 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы: а) общія сочиненія; б) монографіи и матеріалы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Аверченко, А.** Веселыя устрицы. Юмористическіе разсказы. Биб. „Сатирикона". Спб., 1910. Изд. М. Г. Корнфельда. 209 стр.+1 портр. Ц. 1 р. 10 к.

Александровъ, В. Въ селѣ Знаменскомъ. Пьеса изъ народной жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М., 1910. Изд. С. Ѳ. Разсохина, 2-е. 58 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Андреевъ, Л. Gaudeamus. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1910. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 179 стр. Ц. 3 р.

Барашковъ, С. А. Паспортъ. Драма изъ народнаго быта въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. (Содержаніе взято изъ недавняго прошлаго.) М., 1910. 97 стр. Ц. 25 к.

Бахметьевъ, А. Вѣчное счастіе. Трагикомедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1910. Изд. изд-ства „Театральныя Новинки". 44 стр. Ц. 1 р.

— Нечистая сила. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Мозырь. 1910. Изд. 2-е, журн. „Театръ и Искусство". 35 стр.

Буренинъ, В. Пѣснь любви и смерти. Сказка-драма въ 4-ти дѣйств. Спб., 1910. Изд. столичнаго театр. издат. „Театральныя Новинки". 55 стр. Ц. 1 р.

Бѣлкина, Л. Лѣсная лилія. Стихи. М., 1910. Изд. к-ва „Икаръ". 222 стр. Ц. 1 р.

Вендринскій, И. Ф. Стихотворенія. Т. II. Тифлисъ, 1910. VI+224 стр. Ц. 1 р.

Вербицкая, А. Чья вина? Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. М., 1910. Изд. 3-е. 179 стр. Ц. 1 р. 10 к.

Воиновъ, К. Н. (Н. Н. Новиковъ). Моменты жизни. Сборникъ маленькихъ разсказовъ. Съ пред. В. М. Дорошевича. М., 1910. 111 стр. Ц. 20 к.

Гебенъ, Л. И. Бомба. Шуточный эскизъ въ 1 дѣйствіи. Спб., 1910. Изд. „Театръ и Искусство". 11 стр. Ц. 50 к.

Гзовскій, А. Удачная охота. Сценка въ 1-мъ дѣйствіи. М., 1910. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 11 стр. Ц. 1 р.

— „Наканунѣ генеральнаго сраженія". Комедія въ 1-мъ дѣйств. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 22 стр. Ц. 1 р.

Глаголевъ, В. По волнамъ океана и жизни. (Разсказы.) Спб. 1910. 331 стр. Ц. 1 р.

Григорьевъ, М. Х. Брызги юнаго пера. Стихотворенія. Александрополь, 1910. 31 стр. Ц. 25 к.

Гурзуфскій, М. Пѣвецъ на курортѣ. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб., 1910. 31 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Данилевскій-Александровъ, А. Н. Покаяніе царей. Мотивъ изъ жизни древней Индіи. (Стихотв.) Т. II. Спб., 1910. 238 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Добролюбовъ, И. Русскій Цеппелинъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1910. Изд. из-ства „Театральныя Новинки". 28 стр. Ц. 1 р.

Евдокимовъ, В. Кадриль. Будничная трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1910. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 70 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Еленскій, Н. О. Аэропланъ „Молнія". Комедія въ 4 дѣйств. Спб., 1910. 56 стр.

Иловайскій, П. Г. Сборникъ разсказовъ. Уральскіе Содомъ и Гоморра. (Изъ воспоминаній.) Алешка Клещъ. Историческая повѣсть изъ жизни донскихъ казаковъ въ началѣ XVII столѣтія. Кладъ Мазепы. Чортъ. Отомстилъ. Прекрасная. (Отрывокъ изъ романа.) М. 361 стр.

Калій. Спириты и другіе юмористическ. разсказы. Одесса, 1910. 210 стр. Ц. 1 р.

Кобанъ, Е. Г. (М. Драку). Волны жизни. Разсказы. Спб., 1910. Изд. „Прогресса нашей жизни". 230 стр. Ц. 1 р.

Котомкинъ, А. Е. Сборникъ стихотвореній (1900—1909 гг.). Со вступит. статьей К. Р. Спб., 1910. 107 стр. Ц. 75 к.

Кузнецовъ, С. Море и моряки. Сборникъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, Ч. I. Лирика и эпосъ. Спб., 1910. II+IV+344 стр. Съ 4 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Лащагинъ, Н. Зачѣмъ это? Разсказъ. М., 1910. 16 стр.

Лебедевъ, И. И. „Вѣрное средство". Комедія-шутка въ 1-мъ дѣйств. Спб., Изд. „Театральн. Новинки". 24 стр. Ц. 30 к.

Ливенъ, М., бар Цезарь Борджіа. (Драма.) Спб, 1910. Изданіе автора. 108 стр. Ц. 1 р.

Лучанскій, П. Цвѣты души моей. (Нѣмыя пѣсни.) Стихотворенія Спб., 1911. Изд. П. П. Скороходова. 138+IV стр. Ц. 1 р.

Майковъ, В. Безпокойные жильцы. Шутка въ 1-мъ дѣйствіи. М., 1910. Изд. Театр. библ. Разсохина. 10 стр.

Минскеръ, Я. Стихи. Лунныя ночи. Кіевъ, 1910. 69 стр. Ц. 40 к.

Морозовъ, Я. И. (Я. Мащеровскій). Купецъ Дергачевъ. (По неволѣ будешь папенька). Комедія въ 5-ти дѣйств. М., 1910. Изд. автора. 53 стр. Ц. 30 к.

Пазухинъ, Н. Блуждающій вѣчный жидъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1910. Изд. Е. Коноваловой и К°. 108 стр.

Понаринъ, А. Стихотвор. 1898—1910 гг. Екатеринославъ, 1910. Изд. литер.-просв. об-ва им. Н. В. Гоголя. 49 стр.

Пономаревъ-Сѣверянинъ, Н. Мечты и звуки. Сборникъ стихотвореній и разсказовъ. Архангельскъ, 1910. 148 стр. Ц. 75 к.

Рукавишниковъ, И. Сны. 1) Посвященіе. 2) Любовникъ царицы. 3) Рабъ. 4) Шутъ. 5) Проклятый. 6) Ночь въ замкѣ. Спб., 1910. Изд. „Terra". 124 стр. Ц. 80 к.

Соловьевъ, Н. Я. Собраніе драматическ. сочиненій. Т. II. Разрывъ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Ликвидація. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Случай выручилъ. Сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1910. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 318 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Струны. Сборникъ стихотвореній П. Н. Якоби, Е. В. Ольдекопъ, В. Н. Юреневъ. Витебскъ, 1910. 62+110+80+9 нен. стр.

Танъ, В. Г. Собраніе сочиненій. Т. III. Жертвы дракона. Романъ изъ первобытной жизни человѣчества. Спб., 1910. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 343 стр. Ц. 1 р.

Татищевъ, К. К. Правдивые разсказы. Тифлисъ, 1910. Изд. автора. 178 стр. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н., гр. Сочиненія. Ч. III. Повѣсти и разсказы. М., 1910. Изд. гр. С. А. Толстой, 12-е. 521+1 нен. стр.

Трубинъ, И. Одинокіе маяки. Сборникъ стиховъ. Кн. 1-я. Липецкъ, 1910. 17 стр.

Тюменевъ, А., свящ Религіозно-нравственныя стихотворенія 1903—1909 гг. Вып. I. Екатеринославъ, 1910. 74 стр.

Тэффи, Н. А. Юмористическіе разсказы. Кн. 1-я. Спб. Изд. 2-е кни-ства „Шиповникъ". 224 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Шебековъ, П. Сказки жизни. (Стихи.) Томскъ, 1910. 80 стр. Ц. 40 к.

Шебселовичъ, Вл. Ис. Эскизы. Кн. I. Вып. I. Баку, 1910. Изд. автора. 20 стр. Ц. 7 к.

Шмаковъ, Н. Тихіе, юные звуки. М., 1910. 117 стр. Ц. 75 к.

Шнеерсонъ, М. Ночь любви. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Одесса, 1910. 82 стр. Ц. 75 к.

Ѳедоровъ, А. М. Мщеніе. Эпизодъ изъ жизни Бенвенуто Челлини, въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ. Спб., 1910. Изд. М. Аверьянова. 29 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Юмористическій альманахъ издательства „Фавнъ". А. Аверченко, П. Потемкинъ, А. Ирисовъ, Саша Черный, И. Гуревичъ, О. Л. Д'Оръ, Фрицхенъ, Жаконъ, Тэффи. М., 1910. Изд. Фавнъ. 120 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Язевъ, В. В. Шалунья и другіе разсказы. Одесса, 1910. 2+11+16+168 стр. Ц. 1 р.

§ 16. **Бангъ, Г.** Собраніе сочиненій. Т. II. Фрэкенъ Кайя. Жизнь и смерть. Перев. А. Кайранскаго и А. Владимiровой. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 241 стр. Ц. 1 р.

— У дороги. Перев. В. К. Собраніе сочиненій. Т. I. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 215 стр. Ц. 1 р.

Бурдэ, Э. Рубиконъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ франц. С. Ѳ. Сабурова. М., 1910. Изд. театр. б-ки М. А. Соколовой. 46 стр. Ц. 2 р.

Вилье-де-Лиль-Аданъ. Новые жестокіе разсказы. Перев. С. М. Чериковера. Собраніе сочиненій. Т. I. М., 1910. Изд. „Заря". 160 стр. Ц. 1 р.

Гаво, П. Шальная дѣвчонка. (Маленькая шоколадница.) Комедія въ 4-хъ дѣйств. Перев. съ франц. Ѳеодоровича. Спб., 1910. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 93 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Гальдосъ, П. Собраніе сочиненій. Т. I. Донья Перфекта. Романъ. Пер. съ испанск. М. В. Ватсонъ. М., 1910. Изд. „Звено". 314 стр. Ц. 1 р.

Гамсунъ, К. Голодъ. Романъ. Перев. съ норв. М. П. Благовѣщенской. Унив. биб. М., 1910. Изд. книгоизд. „Польза". 215 стр. Ц. 20 к.

Гординъ, Я. По ту сторону океана. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ евр. М—ъ. Спб., 1910. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 60 стр.

— Сатана человѣкъ. Драма въ 4 дѣй-

ствіяхъ съ прологомъ. Перев. съ еврейск. М. А. Витъ. Спб., 1910. Изд. „Театръ и Искусство". 72 стр.

Джекобсъ, В. В. Юмористическіе разсказы. Перев съ англ. Д. А. Магула. Спб., 1910. Изд. „Логосъ". 239 стр. Ц. 15 к.

Запольская, Г. Ихъ четверо. Трагедія глупыхъ людей, въ 3-хъ дѣйств. Перев. съ польскаго Нат. Буткевичъ. Спб., 1910. Изд. 2-е журн. „Театръ и Искусство". 56 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Зудерманъ, Г. Дѣти моря. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1910. Изд. „Вѣстника Иностранной Литературы". 54 стр. Ц. 35 к.

Ибаньесъ, Б. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Нагая наложница. Романъ. Пер. съ исп. А. Вольтера. М., 1910. Изд. „Сфинксъ". 402 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к.

Ибсенъ, Г. Гедда Габлеръ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ норв. Ю. Балтрушайтиса. (Универ. б-ка.) М., 1910. Изд. к-ва „Польза". 112 стр. Ц. 10 к.

Избранныя легенды Древняго Востока въ еврейской литературѣ. Переводъ съ др.-евр. Н. Лидскаго (№ 5). Циклъ легендъ о Соломонѣ. Волковышки, 1910. Изд. И. Шерешевскаго и Н. Лидскаго. 16 стр. Ц. 3 к. Циклъ легендъ объ Александрѣ Македонскомъ 16 стр. Ц. 3 .

Кадельбургъ, Г. и Пресбергъ, Р Темное пятно. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Перев. съ нѣм. Ѳеодоровича. Спб., 1910. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 62 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Казоттъ, Ж. Влюбленный дьяволъ. Новелла. Перев. съ французск. Спб., 1910. Издан. „Вѣстн. Иностран. Литературы". 48 стр. Ц. 30 к.

Кукучинъ, М. Деревенскій романъ. Разсказъ. Перев. со словацкаго А. М. Харьковъ, 1910. 26 стр.

Ленгіель, М. Тайфунъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ нѣм. Ф. А. Корша. М., 1910. Изд. к-ва „Современ. пробл.". 149 стр. Ц. 50 к.

Лоти, П. Женитьба Лоти. Сараго. Пер. Е. Н. Сомовой. Собраніе сочиненій. Т. VII. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 253 стр. Ц. 1 р. Т. VIII. Три дамы изъ Казбаха. Пер. Е. Оршанской. 212 стр. Ц. 1 р.

— Рынокъ любви. (Les trois dames de la Kasbah.) Перев. В. Н. Классона. Спб., 1910. Изд. „Обновленіе". 122 стр. Ц. 1 р.

Магнусенъ, І. и Сарай, П. Почившій геній. Веселая драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. Перев. В. Шмидтъ. М., 1910. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 51 стр. Ц. 2 р.

Мирбо, О. Очагъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ (съ приложеніемъ дѣйствія, выпускаемаго при представленіи). Единств. разрѣш. авт. пер. В. Бинштока и З Венгеровой. (Унив. биб. № 250 — 260). М., 1910. Изд. к-ва „Польза". 159 стр. Ц. 20 к.

Мольнаръ, Ф. „Чортъ". Игра въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Перев. П. П. Немвродова. Спб., 1910. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 60 стр.

Мопассанъ, Гюи де. Полное собраніе сочиненій. Т. XII. Сказки дня и ночи. Перев. А. Эліасберга. Спб. Изд. „Пантеонъ". 216 стр. Ц. 1 р.

Оржешко, Э. Гекуба. Повѣсть. Перев. съ польск. О. Вишневской. Спб., 1910. Изд. „Вѣстника Иностранной Литературы". 64 стр. Ц. 40 к.

Прево, М. Пьеръ и Тереза. Пьеса въ 4-хъ актахъ. Перев. Ю. Грошаковской. Спб., 1910. 78 стр.

— Страхъ передъ адомъ. Пупетта. Спб., 1910. Изд. П. А. Кракова. 140 стр.

Пѣснь пѣсней Соломона. Пер. съ древне-еврейскаго и прим. А. Ефроса, предисл. В. Розанова. Спб., 1910. Изд. книгоизд. „Пантеонъ" 2-е, исправ. и доп. 264 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Пшибышевскій, Ст. Homo Sapiens. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Перев. Е. И. Леонтьевыхъ. М., 1910. Изд. 2-е к-ва „Польза". 408 стр. Ц. 40 к.

Реймонтъ, В. Ст. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Мужики. Романъ. Ч. I и II. Осень и зима. Авториз. пер. съ польск. Маріи Троповской. М., 1910. Изд. „Современныя проблемы". 588 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к.

Ровида, Ж. Обольщенныя. Современный романъ. Перев. съ франц. Е. К. Д—вой. Спб., 1910. Изд. Спб. изд. т-ва. 242 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Сенкевичъ, Г. Въ омутѣ жизни. Романъ изъ соврем. жизни. Ч. III. Пер. съ пол. W. В. М., 1910. Изд. к-ва „Заря". 136 стр. Ц. 1 р.

Соссей, де В. Мои записки. Романъ. Перев. съ франц. Д. Х. Ч—вой. Собраніе сочиненій. Т. II. Спб., 1910. Изд. Спб. издательск. т-ва. 219 стр. Ц. 1 р.

— Ночь любви. Романъ. Перев. съ французск. В. Классона. Спб., 1910. Изд. журн. „Всеміp. Юморъ". 221 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Твэнъ, М. Жизнь на Миссисипи. Пер. съ англ. С. Лоріе. Унив. библ. № 294. М., 1910. Изд. „Польза". 85 стр. Ц. 10 к.

Тетмайеръ, К. Орлицы. Татрскіе разсказы. Перев. съ польск. В. Ходасевича. Унив. биб. № 298. М., 1910. Изд. „Польза". 77 стр. Ц. 10 к.

Уайльдъ, О. Женщина, о которой говорить не стоитъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйств. Авториз. перев. съ англ. М. Ликіардопуло. (Унив. биб., № 296). М., 1910. Изд. к-ва „Польза". 94+1 неп. стр. Ц. 10 к.

Фелпсъ, Ел. Стюартъ. Милунчикъ. Разсказъ. Перев. съ англ. Л. Нободи. Спб., 1910. 91 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Филипсъ, Е. Заговорщики. Романъ. Пер. съ англ. П. Коха. Спб., 1910. 218 стр. Ц. 1 р.

Фошуа, Р. Бетховенъ. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Пер. А. Френкель и А. Тези. Спб., 1910. Изд. Имп. русск. театр. общ. 117 стр. Ц. 30 к.

Франсъ, А. Аметистовый перстень. Пер. Е. Оршанской. Собраніе сочиненій. Т. IX. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 220 стр. Ц. 1 р. Т. X. Подъ придорожнымъ вязомъ. Перев. А. Смирнова. 184 стр. Ц. 1 р.

Фрапье, Л. Огоньки. (Сельская учительница.) Перев. Л. Н., подъ ред. и съ пред. А. Вербицкой. М., 1910. Изд. А. Вербицкой. 136 стр. Съ 28 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Фульдъ, Л. „Въ странѣ дармоѣдовъ". Пьеса въ 3-хъ актахъ и 7-ми картинахъ. Пер. съ нѣм. М. Искра. М., 1910. Изд. театр. библ. М. А. Соколовой. 73 стр. Ц. 2 р.

— Рабыня. Драмат. представленіе въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ нѣм. М. Искра. М., 1910. Изд. театр. б-ки М. А. Соколовой. 77 стр. Ц. 2 р.

Шоу, Б. Соціалистъ - любитель. Перев. Е Барсовой. (Полное собраніе сочиненій. Т. VII.) Изданіе В. М. Саблина. 350 стр. Ц. 1 р.

— Фарисеи. (Widower's Houses.) Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ англ. В. Готвальтъ. М., 1910. Изд. „Польза". 88 стр. Ц. 10 к.

Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Сатира. Пер. съ лат. съ введен. и примѣч. проф. П. Н. Арлашева. Кіевъ, 1910. Изд. 3-е, испр. 167 стр. Ц. 50 к.

§ 4. **Анфимовъ, Н. М.** Толкованіе на „Пѣснь Пѣсней" книгу Соломона сына Давидова царя Израиля. Тифлисъ, 1910. Изд. любителей духовнаго слова. 168 стр.

Бокадоровъ, И. К. Исторія западно-европейской литературы 18 и 19 вв. Лекціи, чит. на кіев. высш. женск. курсахъ. Кіевъ, 1910. Изд. слушательн. филолог. факул. кіев. высш. жен. кур. 182—41 стр.

Коганъ, П. Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Т. I. Греческая литература. М., 1910. Изд. книгоиздат. „Заря", 2-е. 327 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 5а. Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 19-й. М., 1910. Изд. т-ва „Міръ". 81—160 стр. Съ рис.

Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. III. Современники Вып. III. Мистики и богоискатели. М., 1910. Изд. книгоизд. „Заря". 160 стр. Ц. 1 р.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Ч. I. М., 1910. Изд. 7-е. 406+II стр. Ц. 1 р. 35 к.

§ 5 б. **Короленко, В.** Отошедшіе. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Спб., 1910. Изд. ред. журн. „Русск. Богатство", 2-е. 122 стр. Ц. 40 к.

Покровскій, В. И. Н. В. Гоголь. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М., 1910. Изд. 3-е, доп. VII+421 стр. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н. Біографія, характеристики, воспоминанія. (Жизнь, личность, творчество.) Сборникъ статей: П. И. Бирюкова, В. В. Каллаша, проф. В. О. Лазурскаго, П. А. Сергѣенка и Н. И. Тимковскаго. (Русская Быль", серія III.) М., 1910. Изд. т-ва „Образованіе". 165 стр. Съ рис.

Шаровольскій, И. Гоголь среди великихъ юмористовъ новаго времени. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Импер. унив. св. Владиміра 10 апрѣля 1909 г. Кіевъ, 1910. 11 стр.

§ 6. **Бѣлый, А.** Лугъ зеленый. Книга статей. М., 1910. Изд. книгоизд. „Альціона". 247 стр. Ц. 1 р.

Георгіевскій, Г. И. Русское общество въ произведеніяхъ Антона Чехова. Публичная лекція. Пятигорскъ, 1910. 24 стр. Ц. 30 к.

Гофмансталь, Гуго, фонъ. О книгѣ Петера Альтенберга. („Какъ я это вижу".) (Перев. съ нѣм. Евг. Л—вой). Харьковъ, 1910. 16 стр. Ц. 20 к.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Аггеевъ, К.,** свящ. Христіанская вѣра. Часть I. Вѣроученіе. Спб., 1911. Изд. А. Э. Винеке. 81 + 10 + II стр. Ц. 60 к.

Айвазовъ, И. Г. Проблема свободы въ философіи Конта. М., 1910. Изд. книгоизд. „Вѣрность". 31 стр. Ц. 20 к.

Амфитеатровъ, В. И., прот. Великій постъ. Духовныя поученія. М., 1910. IV+158 стр.

Капрановъ, А. Мое обращеніе ко Христу и другія духовныя статьи. Тифлисъ, 1910. 60 стр. Ц. 10 к.

Папюсъ. Каббала или наука о Богѣ, Вселенной и Человѣкѣ. Перев. съ франц. А. В. Трояновскаго, подъ ред. оріенталиста и перев. Талмуда Н. А. Переферковича. (Съ дополн. подстрочн. перев. „Сафоръ Іециры", сдѣлан. редакт. съ еврейск. подлинника.) Спб. 1910. Изд.

В. Л. Богушевскаго. 2 нен.+IV+272 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Платонъ. Критонъ. Діалогъ. Перев. Е. В. Кисельникова. Ревель. 1910. 24 стр.

Рей, А. Энергетическое и механическое міропониманіе съ точки зрѣнія теорет. познанія. Перев. Б. С. Бычковскаго. Спб., 1910. Изданіе т-ва „Обществ. Польза". 200 стр. Ц. 1 р.

Сегаль, С. Л., д-ръ. Библія, ея философія, этика и религія. Новочеркасскъ. 1910. Изд. автора 110 стр. Ц. 1 р.

Семенчиковъ, В. В. Маздазнанъ или ученіе Заратустры о питаніи, дыханіи и концентраціи мысли. Спб., 1910. 30 стр. Ц. 20 коп.

Толстой, Л. Н. Февраль. На каждый день. Ученіе о жизни, изложенное въ изреченіяхъ. Спб., 1910. 62 стр.

Шилтовъ, А., проф. д-ръ мед. Гдѣ и какъ нужно искать живого Бога? (Съ точки зрѣнія внѣшняго и внутренняго опыта.) Харьковъ, 1910. Изд. П. П. Алексѣенко. 73 стр. Ц. 50 к.

Юшкевичъ, П. Столпы философской ортодоксіи. Спб., 1910. 79 стр. Ц. 50 к.

§ 2. **Бирюковъ, П. И.** Греческій мудрецъ Діогенъ. М., 1910. Изд. 2-е. 143 стр.

Общая исторія философіи Вундта, В., Ольденберга, Г., Гольдциэра, И., Грубе, В., Тетуджиро, Инуйе, фонъ Арнима, Г., Бэймкера, К., Виндельбанда, В. Т. I. Пер. I. В. Постмана и I. В. Яшунскаго. Подъ ред. проф. А. И. Введенскаго и Э. Л. Радлова. Спб., 1910. 272 стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 4. **Божовскій, В. Г.** Краткій курсъ анатоміи и физіологіи нервной системы и органовъ чувствъ, какъ введеніе въ психологію. Тифлисъ, 1910. 83 стр. Съ рис. Цѣна 75 к.

Гоше. Очеркъ психологіи войсковой части и командованія. Перев. съ франц. Ал. Будаевскаго. Спб., 1910. Изд. С. Будаевскаго. 87 стр. Ц. 50 к.

§ 5. **Доронкинъ, В.,** свящ. О школьномъ воспитаніи и обученіи дѣтей. О свято-владимірской миссіонерско - учительской школѣ касимовской миссіи. Касимовъ, 1910. 4 стр.

Іозефовичъ, I. Педагогическія замѣтки (для учащихъ и учащихся). Вильна, 1910. 29+1 неп. стр. Ц. 20 к.

Клапаредъ, Эд. Психологія ребенка и экспериментальная педагогика. Перев. со 2-го франц. изд. подъ ред. Д. Ѳ. Кацарова. Съ пред. и доп. авт. къ русск. изданію. Спб., 1910. Изд. изд-ства О. Богдановичъ. 167 стр. Ц. 1 р.

Лесгафтъ, П. Ф. Школьные типы. Посмертное сокращенное изданіе. Спб., 1910. Изд. совѣта спб. біолог. лаборат. П. Ф. Лесгафта. XI+158 стр. Съ 1 портр. Ц. 60 к.

Менстровъ, М., свящ. Уроки по исторіи педагогики. Троицкъ, 1909. 124 стр.

Нечаевъ, Ал., проф. Какъ преподавать психологію? Методическія указанія для учителей среднихъ учебныхъ зав. Спб., 1910. 72 стр. Ц. 40 к.

Рабиновичъ, А. З. Умственно-отсталыя дѣти за границей и въ Россіи. Харьковъ, 1910. 18 стр.

Фармаковскій, В. И. Педагогическая мнемоника. Объясненіе условій, содѣйствующихъ успѣшному усвоенію учащимися изучаемаго матеріала. Одесса. 1910. Изд. Е. П. Распопова. 103 стр. Ц. 60 к.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія: а) общія сочиненія и монографіи; б) біографіи, мемуары. § 3. Русская исторія: а) общія сочиненія; б) монографіи; в) біографіи, мемуары; г) матеріалы. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи. § 9. Справочныя изданія по исторіи.

§ 1. **Протасовъ, Н.** Первобытный человѣкъ библіи. Харьковъ, 1910. 18 стр.

Хомяковъ, М. М. Къ вопросу о подземныхъ ходахъ гор. Казани. Казань, 1910. Изд. совѣта о-ва археологіи. 4 стр.

§ 2а. **Быкова, А.** Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII вѣка. Отъ Генриха IV (1593 г.) до Людовика XVI (1789 г.). (Эпоха Бурбоновъ). Н.-Новгородъ, 1910. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова, 2-е. 250 стр. Съ 3 рис. Ц. 1 р.

Бѣлявскій, Ф. Индія и Китай. Очерки по исторіи культуры. II. Спб., 1910. 162 стр. Ц. 60 к.

Веселовскій, Н. И., проф. Лекціи по исторіи Востока. Пересмотрѣнныя проф. В В. Бартольдомъ. Спб., 1910. Издан. кружка оріенталистовъ. 118 стр.

Виноградовъ, П., проф. Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. I. Древній міръ. М., 1910. Изд. А. А. Карцева. 11-е. 189 стр. Ц. 60 к.

Ивановъ, К. А. Средневѣковой монастырь и его обитатели. Спб., 1910. Изд. петерб. учеб. магаз. 205 стр. Съ 31 рис. Ц. 1 р.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблема.) Подъ ред. М. М. Ковалевскаго и Н. А. Тимирязева. Вып. I.

Спб., 1910. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. 80 стр. и 4 портр. Ц. 1 р. 40 к.

Карѣевъ, Н. Государство-городъ античнаго міра.—Опыты историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Спб., 1910. Изд. 3-е. XII+348 стр. и 2 карты. Ц. 1 р. 50 к.

— Учебная книга новой исторіи. Съ истор. картами. Спб., 1910. Изд. 11-е. VIII+350 стр. и VIII табл. Ц. 1 р. 45 к.

Мельгунова, М. Страна пирамидъ. (Египетъ.) М., 1910. Изд. 2-е, истор. комис. учеб. отд. о-ва распр. техн. знан. 51 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Низе, Б. Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія. Перев. съ 4-го нѣм. изд. слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, подъ ред. М. И. Ростовцева. Спб., 1910. Изд. 3-е. VIII+556+LII стр. Ц. 3 р.

Семеновъ, А. Ѳ. Въ области греческихъ древностей. 1) О происхожденіи и значеніи должности логоѳетовъ въ Византіи. 2) Къ вопросу о гомеровскомъ δόλος. Спб., 1910. 34 стр.

§ 3а. **Платоновъ, С. Ѳ.**, проф. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ системат. въ двухъ частяхъ. Спб., 1910. Изд. 3-е (безъ перемѣнъ со 2-го изданія). 492 стр. Ц. 1 р. 80 к. въ перепл.

§ 3б. **Баіовъ, А.**, проф. Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства. Вып. VI. Эпоха императора Павла I. Спб., 1910. 176 стр.

Валишевскій, К. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Вокругъ трона. Екатерина II, императрица всероссійская. Ея любимые сотрудники, друзья, фавориты. Интимная жизнь. Полный пер. съ фран. А. Ф. Гретманъ. М., 1910. Изд. книгоизд. „Сфинксъ", 2-е. 488 стр., съ 1 портр. Ц. 3 р.

Высоцкій, И. И. Очеркъ по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей (1710—1910 гг.). Вып. III. Православіе. Ч. II. 43 стр. Ц. 30 к. Вып. IV. Православіе. Ч. III. Рига, 1910. 47 стр. Ц. 30 к.

Мансуровъ, С. Царь Іоаннъ Грозный, какъ государственный дѣятель западнаго типа. Харьковъ, 1910. 40 стр.

Самоквасовъ, Д. Я. Къ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи. М., 1910. 16 стр.

Шульгинъ, С. Н. Изъ дагестанскихъ преданій о Шамилѣ и его сподвижникахъ. Тифлисъ, 1910. 36 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Штановъ, Х. Императоръ Александръ II и освобожденіе крестьянъ. Истор. очеркъ. М., 1910. 95 стр. Ц. 20 к.

Эсадзе, С., подполк. Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля. Истор. очеркъ кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Тифлисъ, 1909. Изд. военно-истор. отд. II+208+4 стр.+1 карта.

§ 3в. **Боровитиновъ, М. М. Н. Д.** Сергѣевскій и его профессорская, научно-литературная и общественная дѣятельность. Біограф. очеркъ. Спб., 1910. 176+IV стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

Кукуніанъ, С. М. Послѣдніе дни на Сахалинѣ. Воспоминанія. Баку, 1910. 62 стр. Ц. 40 к.

§ 3г. **Адамовичъ, Б.** Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго императора австрійскаго полка. Т. I. Ч. I и II. Спб., 1910. XII+406 стр.

Панкратьевъ, Г. А. Историческіе памятники гор. Самарканда. Самаркандъ, 1910. 21 стр. и 1 планъ. Ц. 45 к.

§ 4. **Казанскій, П. Е.**, проф. Рѣчь на собраніи славянскихъ юристовъ въ Софіи 26 іюня 1910 г. Одесса, 1910. 7 стр.

Ландау, Л. А. Поѣздка въ Болгарію во время болгарско-сербской войны. (Изъ студенческихъ воспоминаній.) Юрьевъ, 1910. 33 стр. Ц. 50 к.

§ 5. **Аркадій-Петровъ.** Китай за послѣднее десятилѣтіе. (Соціально - полит. очеркъ.) Съ 28 портр. китайскихъ общественныхъ и полит. дѣятелей. Спб., 1910. Изд. А. Д. Попова. XI+232 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Атрпетъ, С. М.-Р.-Ханъ-Сардаръ. Народное движеніе въ странѣ Льва и Солнца. Разслѣдованіе. Александрополь, 1910. 40 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Мейстеръ, І. Краткій очеркъ русско-японской войны 1904—1905 гг. Пер. съ нѣм. полк. В. А. Желтышевъ. Варшава, 1910. Изд. кн. скл. при журн. „Офицерская Жизнь". 29+1 нен. стр.+1 карта Ц. 75 к.

Описаніе военныхъ дѣйствій на морѣ въ 37—38 гг. Мейдзи (въ 1904—1905 гг.). Составлено морскимъ генеральнымъ штабомъ въ Токіо. Т. II. Совмѣстныя дѣйствія флота и арміи подъ Портъ-Артуромъ. Перев. съ японскаго А. Воскресенскаго. Спб., 1910. 182 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. IV. Шахэ-Сандепу. Доп. къ части второй. Набѣгъ на Инкоу. Спб., 1910. IV+ +122 стр.

Яковлевъ, П. А. Воспоминанія нижняго чина о русско-японской войнѣ. Ч. I и II. Спб., 1910. Издан. Яковлева. 99 стр. Ц. 50 к.

§ 6. **Альтшулеръ, И. М.** Значеніе вѣнчанія для брака въ его историческомъ развитіи на Руси. (Докладъ, читан. въ историко-этнограф. кружкѣ при унив. св. Владиміра.) Кіевъ, 1910. 16 стр.

Андреевъ, В. А. О толкованіи на Псалтирь Иринея, архіепископа псковскаго. Глава IV. Сочиненія кардинала Беллармина. Историко-библіогр. очеркъ. М., 1910. 99 стр.

Баринъ, А. Францискъ Ассизскій. Пер.

съ франц. Вик. Алова. Всеобщая б-ка. № 99. Спб., 1910. Изд. акц. общ. типогр. дѣла въ Спб. 60 стр. Ц. 10 к.

Буткевичъ, Т. И., проф.-прот. Раціоналистическія гипотезы о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа. (Изъ универ. лекцій 1909 г.) Харьковъ, 1910. 320 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Голубевъ, С. Дополненіе къ одному изъ „Объяснительныхъ параграфовъ по исторіи западно-русской церкви". (От. изъ жур. „Труды кіев. дух. акад.", 1910 г.) Кіевъ, 1910. 5 стр.

Ливчакъ, Н. Н., прот. Къ исторіи возсоединенія уніатовъ Холмской епархіи. Записки и воспоминанія. Вильна, 1910. Издан. И. Н. Ливчака. 160+2 нен. стр. Съ портр.

Львовъ, Я. С., свящ. Историческій очеркъ христіанской жизни перваго (апостольскаго) вѣка. Въ двухъ частяхъ. Спб., 1910. X+426 стр. Съ 50 рис. 1 р. 50 к.

Малицкій, П. И. Исторія христіанской церкви. Вып. II. Эпоха вселенскихъ соборовъ и раздѣленія церквей (313—1054 гг.). Тула, 1910. IV+308 стр.+1 карта. Ц. 1 р. 35 к.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Критико-библіогр. обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви. Вып. IX. Кіевъ, 1910. 25 стр. Ц. 20 к.

Чекановскій, А. Къ уясненію ученія о самоуничиженіи Господа нашего Іисуса Христа (изложеніе и критическій разборъ кенотическихъ теорій о лицѣ Іисуса Христа). Кіевъ, 1910. IV+220 стр. Ц. 2 р.

Чтенія въ церковно-истор. и археолог. о-вѣ при кіевской духовной академіи. Вып. X. Кіевъ, 1910. 152 стр. Ц. 1 р.

Шюре, Э. Великіе посвященные. (Очеркъ эзотеризма религій.) Перев. съ франц. Е. П. Спб., 1910. Изд. Н. В. Писарева. 410 стр. Ц. 2 р. 25 к.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Давыдовъ, Н.** Пролетарій и сѣверный крестьянинъ. (Опытъ энергетической теоріи цѣнностей.) Спб., 1910. 58 стр.

Крюковъ, Н. А. Англія, какъ рынокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Спб., 1910. 59 стр.

Нефтяная промышленность и торговля зимой 1909/10 г., съ 4 діаграммами. Баку, 1910. Изд. совѣта съѣзда нефтепромышл. 74 стр. Ц. 1 р.

Сельско-хозяйственный и экономическій бытъ старообрядцевъ (по даннымъ анкеты 1909 г.). М., 1910. Изд. сов. всероссійск. съѣзд. старообр. 290 стр. Ц. 2 р.

Семеновъ-Тянъ-Шанскій, В. Городъ и деревня въ Европ. Россіи. Очеркъ по экономич. географіи. Спб., 1910. Изд. Имп. русск. географ. общ. 212 стр. и 1 карта.

Чупровъ, А. И., проф. Ученые труды въ изданіи Импер. моск. универ. Часть III. Вып. I. Исторія полит. экономіи. М., 1910. Изд. универс. 231 стр. Ц. 80 к.

§ 2. Обзоръ Владимірской губ. въ сельско-хоз. отношеніи за 1904 г. Владиміръ на Клязьмѣ, 1910. Изд. владим. губерн. зем. управы. 234 стр. Ц. 50 к.

§ 3. Государственный банкъ. Краткій очеркъ дѣятельности за 1860—1910 годы. Сост. подъ ред. Е. Н. Сланскаго. Спб., 1910. 143 стр. Съ рис. и 16 таб.

Матеріалы по обслѣдованію желѣзныхъ дорогъ. В. XXXVII. Южныя желѣзн. дор. Спб., 1910. 332+13+4+18+16+10 стр.

§ 4. **Копыловъ, П. Д.** Что такое земская агрономія. (Очеркъ земскихъ экономическихъ мѣропріятій.) Спб., 1910. Изданіе журн. „Раціональное удобреніе". 194 стр.+1 карта. Ц. 40 к.

V. Соціализмъ и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ (соціологія). § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; современное положеніе рабочаго класса; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; забастовки и стачки; рабочіе и профессіональные союзы; кооперація. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы. § 5. Біографіи и воспоминанія.

§ 2. **Колпиковъ, Н.**, прот. Разборъ ученія соціалистовъ о правѣ собственности и всеобщемъ равенствѣ. Кіевъ, 1910. 20 стр.

Фонъ Микоша. Соціализмъ и армія. Опытъ изслѣдованія. Перев. съ нѣм. полк. В. Желтышевъ. Варшава, 1910. Изданіе кн. скл. при журн. „Офицерская Жизнь". 1 нен.+30 стр. Ц. 40 к.

§ 3. Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими горной и горнозаводской промышленности южной Россіи за 1908—1909 гг. Сост. подъ ред. Н. Ф. фонъ-Дитмаръ. Харьковъ, 1910. Изд. статист. бюро сов. съѣзд. горнопром. южн. Россіи. LVIII+93 стр. Ц. 1 р. 50 к.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 1. **Зноско-Боровскій, С. А.** Законовѣдѣніе. Вып. II. Курсъ VIII кл. мужскихъ гимназій. Спб., 1910. Изд. Я. Башмакова и К°. 217 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Солодовниковъ, А. Д. Законовѣдѣніе. Учебникъ для коммерческихъ учебныхъ заведеній въ одной книгѣ. М., 1910. Изд. Ф. В. Бусыгина, 4-е. VII+388 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Торей, А. Право и нравственность. Спб., 1910. 18 стр. Ц. 20 к.

§ 2. Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о составленіи свода мѣстныхъ законовъ зап. губерній. Издали по порученію юрид. факультета Имп. спб. унив-тета проф. М. Я. Пергаментъ и прив.-доц. бар. А. Э. Нольде. Спб., 1910. 64 стр.

Пассекъ, Е. В., проф. Исторія римскаго права. Часть IV. Семейное право. Юрьевъ, 1910. 36 стр. Ц. 50 к.

Сергѣевичъ, В. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Спб., 1910. Изд. 4-е, доп. и испр. VIII+666 стр. Ц. 3 р.

§ 3. **Михайловъ, М.** Что такое земство? (Настоящее и будущее мѣстнаго самоуправленія.) Ставрополь, 1910. Изд. „Сѣверный Кавказъ“. 13 стр. Ц. 5 к.

Раевскій, А. А., проф. Трудовая помощь, какъ задача государственнаго управленія. Харьковъ, 1910. 54 стр. Ц. 50 к.

Шалландъ, Л. А., проф. Безотвѣтственность и неприкосновенность депутатовъ во Франціи. Истор. развитіе и современное обоснованіе иммунитета. Юрьевъ, 1910. 123 стр. Ц. 80 к.

§ 4. **Б².** Вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни въ нашихъ законодательныхъ палатахъ. Спб., 1910. Изд. кн. маг. Н. К. Мартынова. 35 стр. Ц. 15 к.

Базилевъ, Б. Молодые обвиняемые и подсудимые въ уголовномъ процессѣ. Спб., 1910. Изд. юрид. книж. маг. Н. К. Мартынова. 140 стр. Ц. 75 к.

Заустинскій, П. Инструкція полковымъ судамъ и полковое судопроизводство. Спб., 1910. Изд. 2-е. 215 стр. Ц. 1 р. 75 к.

— Производство дознаній офицерами. Спб., 1910. Изд. 2-е. 103 стр.

Полянскій, В. С. Биржевыя артели по дѣйствующему закону. Съ прил. текста узаконеній. I. Извлеченіе изъ устава торговаго. II. Правила для московскихъ биржевыхъ артелей 1866 г. III. Правила для биржевыхъ артелей 1905 г. IV. Образцовый уставъ для биржевыхъ артелей 1906 г. М., 1910. Изд. автора. 122+63 стр. Ц. 2 р.

Сводъ мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній. Проектъ. Издали по порученію юридич. факультета Имп. спб. университета проф. М. Я. Пергаментъ и привать-доц. бар. А. Э. Нольде. Спб. 1910. XII+447+35 стр.

Сергѣичъ, П. Искусство рѣчи на судѣ. Спб., 1910. 389 стр. Ц. 3 р.

Сикорскій, И. А., проф. Основы теоретической и клинической психіатріи съ краткимъ очеркомъ судебной психологіи. Кіевъ, 1910. IX+702 стр. съ 360 рис. Ц. 7 р. 50 к.

Строчиловъ, Н. О. О биржевыхъ артеляхъ и степень гарантіи ими довѣрителей. Спб., 1910. Изд. А. М. Куделина. 64 стр. Ц. 30 к.

Фрейдинъ, В. Е. Новѣйшая практика Сената по вопросу о торговыхъ домахъ. Докладъ, читан. 3 апрѣля 1910 года въ юрид. о-вѣ, состоящемъ при универс. св. Владиміра. Кіевъ, 1910. 19 стр. Ц. 30 к.

§ 6. **Бойковъ, Г. К.** Уставъ телеграфный (томъ XII, ч. I, по прод. 1908 г.). Съ подробнѣйшимъ предм. алфавит. указат. и разъясн. къ нѣкоторымъ словамъ, встрѣч. въ текстѣ. Харьковъ, 1910. 170 стр. Ц. 20 к.

Волковъ, Н. Т. Законы 9 ноября 1906—14 іюня 1910 г. I. О выходѣ изъ общины. II. О пособіяхъ для землеустройства. III. О выдѣлѣ земли къ однимъ мѣстамъ. IV. Формы объ укрѣпленіи земли. М., 1910. Изд. юр. кн. маг. Голубева п. ф. „Правовѣдѣніе“. 160 стр. Ц. 1 р.

— Законы 9 ноября 1906—14 іюня 1910 г. I. О выходѣ изъ общины. II. О пособіяхъ для землеустройства. III. О выдѣлѣ земли къ однимъ мѣстамъ. IV. Формы объ укрѣпленіи земли. М., 1910. Изд. Н. К. Голубева, 2-е. 176+II стр. Ц. 1 р.

Временныя правила 19 марта 1099 г. о землеустройствѣ цѣлыхъ сельскихъ о-въ, согласов. съ закономъ 14 іюня 1910 г. Спб., 1910. Изд. ком. по землеустр. дѣламъ. 40 стр.

Глембоцкій, А. О. Сборникъ постановленій и распоряженій по почтово-телеграфному вѣдомству. Часть I. Пріемъ и выдача всякаго рода почтовыхъ отправленій. Кишиневъ, 1910. Изд. 5-е автора. II+289++284+X стр. Ц. 2 р.

Законъ объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи (Указъ 9-го ноября 1906 г.). Псковъ, 1910. 28 стр.

Заустинскій, П. Уставъ дисциплинарный. Спб., 1910. Изд. 2-е. 136 стр.

Саатчіанъ, А. Л. Положеніе о сельскомъ состояніи. Съ предметнымъ указат. и съ поздн. узакон. по день выхода въ свѣтъ. Спб., 1911. Изд. кн. маг. „Законовѣдѣніе“. LXIII+1081 стр.

Страховъ. Законъ 14 іюня 1910 года. (Указъ 9 ноября 1910 г.). Сборникъ новѣйшихъ узакон., правилъ и распор. относ. къ земел. правамъ и землеустройству крестьянъ. Рязань, 1910. 161 стр. Ц. 50 к.

Шолоховъ, Ив. Сборникъ законоположеній и циркул. распоряженій, относ. къ правиламъ объ удаленіи порочныхъ членовъ по приговорамъ сельскихъ, казачьихъ и инородческихъ обществъ. Новочеркасскъ, 1910. 36 стр. Ц. 75 к.

Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Вып. I. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. М., 1910. Изд. 2-е, испр. и доп. XXX+191 стр.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Современное освободительное движеніе въ Россіи; біографіи и воспоминанія. § 3. Русскія политическія партіи; Государственная Дума. § 4. Народное образованіе. § 5. Церковь и сектантство. § 6. Національный и инородческій вопросы. § 7. Женскій вопросъ. § 8. Половой вопросъ. § 9. Армія и флотъ.

§ 1. **Амфитеатровъ, А. В.** Разговоры по душѣ. М., 1910. 272 стр. Ц. 1 р.

Богословскій, С. Эпоха международныхъ конгрессовъ школьной гигіены и краткій очеркъ школьной гигіены въ Германіи. Казань, 1910. Изданіе казанской духовной академіи. 95 стр.

Вейсбергъ, М. М. О возрастномъ предѣлѣ содержанія дѣтей въ воспитательно-благотворительныхъ заведеніяхъ. Докладъ. Спб., 1910. 173+186 стр.

Грѣховодовъ, М. Письма къ сельскимъ учителямъ. Петропавловскъ, 1910. 72 стр. Ц. 45 к.

Димитрій, архим. Самоубійства, какъ печальное явленіе нашего времени. Кіевъ, 1910. 14 стр.

Ермоловъ, А. С. Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Спб., 1910. 211 стр. Ц. 60 к.

Ефремовъ, Ив. Русскіе народные представители въ Англіи и Франціи лѣтомъ 1909 г. Спб., 1910. 161 стр. Съ 6 рис.

Кара-Мурза, П. М. Наканунѣ земской реформы на Кавказѣ. (Сборникъ статей.) Баку, 1909. Изд. перв. типограф. т-ва. 65 стр. Ц. 30 к.

Кардиналовскій, П. Повальное самоубійство. Одесса, 1910. 16 стр.

Козьминъ, Н. Н. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб., 1911. VI+266 стр. Ц. 1 р.

Органовъ, Ст. Къ характеристикѣ мѣстнаго дворянства. Тифлисъ, 1910. 17 стр. Съ рис.

Купчиновъ, Ив. Изъ дневника волостного писаря. М., 1910. 81 стр. Ц. 25 к.

Левенстимъ, А. Профессіональное нищенство, его причины и формы. Бытовые очерки. Спб., 1910. III+160 стр. Ц. 1 р.

Мельниковъ, Ѳ. Е. „Талантливый изслѣдователь раскола“. (Членъ Госуд. Совѣта проф. протоіерей Т. Буткевичъ.) М., 1910. 31 стр. Ц. 10 к.

Мошковъ, В. А. Механика вырожденія. 1912 годъ—начало „желѣзнаго вѣка“ въ Россіи. Варшава, 1910. Изданіе автора. 189+2 нен. стр.

Муромцевъ, С. Статьи и рѣчи. Вып. III. Изъ общественной хроники (1880—1886). М., 1910. 128 стр. Ц. 75 к.

— Статьи и рѣчи. Вып. II. На первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ и въ московскомъ юрид. об-вѣ (1875—1910). М., 1910. 96 стр. Ц. 50 к.

Никитинъ, Н. В. (Азовецъ). Преступный міръ и его защитники. Уголовно-бытовые очерки. Спб., 1910. Изд. 2-е дополн. 335 стр. Съ 13 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Стрѣльбицкій, І., протоіерей. Статьи и замѣтки. Т. I. Одесса, 1910. 229+II стр. Ц. 2 р.

Чертковъ, В. Злая забава. Мысли объ охотѣ. Съ пред. Л. Н. Толстого. М., 1910. Изд. „Посредника“, 3-е. 32 стр. Ц. 3 к.

Шечковъ, Г. А. Основной русскій укладъ. Харьковъ, 1910. 82 стр.

Щегловитовъ, С. Русско-польскія отношенія въ Западномъ Краѣ. (Въ связи съ вопросомъ о введеніи земства.) (Оттискъ изд. „Виленскаго Вѣстника“.) Вильна, 1910. 11 стр.

§ 3. **Скоропадскій, Г. В.** Моимъ избирателямъ. Краткій отчетъ о дѣятельности моей въ Государственной Думѣ третьяго созыва въ теченіе ея трехъ первыхъ сессій. (Съ 1 ноября 1907 г. по 5 іюня 1910.) Сосницы, 1910. 65 стр.

§ 4. Начало дѣла. Возникновеніе педагог. академіи, общія основы ея организаціи и первыя работы слушателей. Труды с.-петерб. педагог. акад. Вып. I. Спб., 1910.

Изданіе педагогич. акад. 261 + II стр. Ц. 80 к.

Начальное народное образованіе въ Харьк. губ. За 1908 г. Ч. I. Краткій обзоръ состоянія начальнаго образованія въ губ. за 1908 г. Статистич. таблицы по отдѣльнымъ училищамъ. Харьковъ, 1910. XXIII+III+329+273 стр.

§ 5. **Кругловъ, Ѳ.** Старообрядческій расколъ и папа Римскій. Спб., 1910. Изд. В. М. Скворцова. 27 стр.

Леоновъ, Е. Н. Къ вопросу о старообрядческихъ общинахъ. Ковровъ, 1910. 38 стр.

Мельниковъ, Ѳ. Е. Въ защиту старообрядческой іерархіи. Вып. II. М., 1910. Изд. союза старообр. начетниковъ. 33 стр. Ц. 10 к.

— Испытаніе и побѣда Церкви Христовой. (Къ вопросу о паденіи и возстановленіи епископства.) М., 1910. Изд. автора. 148 стр. Ц. 30 к.

Неправда римскаго ученія о главенствѣ папы. (Отд. оттиски изъ „Вѣстника Вил. Православнаго Св.-Духовскаго Братства“, за 1909 г.) Вильна, 1910. 12 стр.

Плотниковъ, К. Исторія и обличеніе русскаго сектантства. Вып. I. Введеніе. Исторія и разборъ ученія русскихъ мистическихъ сектъ. Спб., 1910. 132+III стр. Ц. 70 к.

Рубановъ, К. Мои мысли о положеніи нашей церкви. (Прил. къ трудамъ съѣзда 1910 г.) М., 1910. 8 стр.

Стрѣльбицкій, І., прот. Бесѣды объ адвентизмѣ. Одесса, 1910. Изд. 2-е. 19 стр. Ц. 15 к.

§ 6. **Горбатовъ, М.** Къ вопросу объ инородцахъ. Спб., 1910. Ц. 60 к.

Моргулисъ, М. Г. Организація еврейской общины. (Оттискъ изъ журнала „Еврейская Недѣля“ 1910 г.) Спб., 1910. Изд. т-ва В. Андерсона и Г. Лойцянскаго. 46 стр.

Потѣхинъ, С., свящ. Еврейство и сектантскій адвентизмъ. Спб., 1910. Изданіе В. М. Скворцова. 16 стр.

§ 7. **Мантегацца, П.,** проф. Современная женщина. М., 1910. Изд. к-во Современныя проблемы 2-е. 217+1 нен.+4 стр. Ц. 1 р.

§ 8. **Герцеги,** проф. Половая психопатія. Полный пер. со мног. доп. д-ра И. Д. Флоринскаго. Спб., 1910. Изд. Н. С. Аскарханова, 2-е, исправлен. 366 стр. Ц. 1 р. 80 к.

§ 9. **Шуховъ, В. В.** Скорбные листы россійской арміи. Тифлисъ, 1910. 157 стр.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 2. **Бѣлецкій, А. Е.** К. Рѣдинъ, какъ историкъ византійскаго искусства. (Изъ XIX т. сборника харьк. историко-филолог. общ. въ память проф. Е. К. Рѣдина.) Харьковъ, 1910. 27 стр.

Россетти. Художественная библіотека. М., 1910. Изд. Ю. И. Лепковскаго. 79 стр. Съ 8 рис.

§ 3. **Грабарь, И.** Исторія русскаго искусства. Вып. IV. Спб., 1910. Изд. I. Кнебель. 110 стр. Съ 103 рис.

Колосовъ, Н. На выставкѣ картинъ Полѣнова „Изъ жизни Христа“. (Непосредственное впечатлѣніе.) Симбирскъ, 1910. 9 стр.

Орловскій, Е. Гродненская старина. Ч. I. Гор. Гродна. Гродна, 1910. 341 + 2 нен. стр. Съ гравюрами. Ц. 1 р.

Памятники древне-русскаго искусства. Вып. III. Текстъ составилъ В. В. Сусловъ. Спб., 1910. Изд. академіи художествъ. 38 стр.+7 табл. рис. Ц. 10 р.

Сумцовъ, Н. Ф., проф. М. М. Антокольскій. (Изъ XIX т. сборника харьк. историко-филолог. общ. въ память проф. Е. К. Рѣдина.) Харьковъ, 1910. 29 стр. Съ рис.

§ 5. **Оленина-д'Альгеймъ, М.** Завѣты М. П. Мусоргскаго. Перев. съ франц. В. И. Гречаниновой. М., 1910. Изд. ред. журнала „Музыка и Жизнь“. 68 стр. Съ портр.

Станиславскій, М. В. Вагнеръ въ Россіи. Спб., 1910. 100 стр. Ц. 80 к.

§ 6. **Долговъ, Н. А.** Е. Мартыновъ. Очеркъ жизни и опытъ сценической характеристики. Спб., 1910. Изд. Имп. рус. театральнаго общ. 66 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Элементарная и высшая математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, психологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ, біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ. § 10. Справочныя изданія по естественнымъ наукамъ.

§ 1. **Адлеръ, А.** Теорія геометрическихъ построеній. Пер. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. С. О. Шатуновскаго. Одесса, 1910. Изд. Матезисъ. XXVI+325+6 нен. стр. Съ чертеж. Ц. 2 р. 25 к.

Давидовъ, А., проф. Начальная алгебра. М., 1910. Изд. В. В. Думнова, 18-е. 472 стр. Ц. 1 р. 65 к.

Мордухай-Болтовской, Д. Объ интегрированіи въ конечномъ видѣ линейныхъ дифференціальныхъ уравненій. Варшава, 1910. 343 стр.

§ 2. **Астрофилъ, К.** Въ небесной глубинѣ. (Первая ступень въ область астрономіи.) Иркутскъ, 1910. 24 стр. Съ 18 рис. Ц. 8 к.

Барановъ, В. А. Опредѣленіе силы тяжести для казанской и энгельгардтовской астрономическихъ обсерваторій. Казань, 1910. I—XIX+76 стр.

Клейнъ, Германъ, проф. Астрономическіе вечера. (Общедоступныя бесѣды.) Перев. съ 6-го нѣм. изд. І. А. Давыдова. Спб., 1910. Изд. вятскаго тов. 416 стр. Съ рис. и 1 карта Ц. 1 р. 25 к.

— Луна. Популярно-научный очеркъ изъ книги „Астрономическіе вечера". Пер. І. А. Давыдова. Спб., 1910. Изд. вятскаго т-ва. 84 стр. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

Лункевичъ, В. Воздухъ. Научно-популярная б-ка для народа. Спб., 1910. Изд. 5-е, Ф. Павленкова. 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Стратоновъ, В. В. Солнце. Вып. VIII, IX и X. Тифлисъ, 1910. 169—238+9 нен. стр. Съ рис. Ц. по 1 р. 20 к.

§ 3. **Григорьевъ, Г.** Курсъ физики. Для средней общеобразов. школы и для самообразованія. Ч. I. Спб., 1910. Изд. т-ва „Знаніе". XVI + 319 стр. Съ 8 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Зиловъ, П. А., проф. Курсъ физики. Ч. II. Звукъ. — Свѣтъ. — Электричество. Кіевъ, 1911. Изд. 5-е. II+596+V стр. Ц. 3 р.

Кнёвенагель, Э. О., проф. Руководство къ практич. занятіямъ по качественному анализу и неорган. химіи. Перев. со 2-го нѣм. изд. Н. Л. Глинки съ предисл. проф. Н. Д. Зелинскаго. М., 1910. XXI + 363 стр. Съ рис.+13 табл. Ц. 2 р. 25 к.

Смитъ, А., проф. Введеніе въ неорган. химію. Перев. съ англ. Я. Л. Мосешвили и І. А. Левинтова, подъ ред. проф. П. Г. Меликова. Вып. I. Одесса, 1911. Изд. Матезисъ. 400+VIII стр. Ц. 2 р.

Содди, Ф., проф. Радій и его разгадка. Перев. съ англ., подъ ред. Д. Д. Хмырова. Одесса, 1910. Изд. Матезисъ. XIII+184+8 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Vortmann, G., Dr. проф. Общій ходъ качественнаго химическаго анализа безъ примѣненія сѣроводорода. Перев. съ нѣмецк. инж.-техн. И. Ѳ. Пономарева. (Оттискъ изъ „Извѣстій кіев. политехническаго института".) Кіевъ, 1910. 29 стр.

Шорыгинъ, П. П. Изслѣдованіе въ области металлоорганическихъ соединеній натрія. М., 1910. 116 стр. Съ чертеж.

Цингеръ, А. В. Начальная физика. Первая ступень. 515 рис. въ текстѣ. Діаграмма магнитныхъ силъ тока. Цвѣтная таблица спектровъ. Закладка-масштабъ. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. XXII+505 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

§ 4. **Благовѣщенскій, Н. В.** Описаніе почвъ Чунь-Ангарскаго водораздѣла въ Енисейскомъ районѣ. Матеріалы къ изслѣдованію колонизаціонныхъ районовъ Аз. Россіи подъ ред. проф. К. Д. Глинки. Спб., 1910. Изд. пересел. управленія. 8 стр.

Варгинъ, В. Н. Почвовѣдѣніе. Элементарный курсъ общаго земледѣлія. II. Спб., 1910. Изд. 3-е, А. Ф. Девріена. 63 стр. Съ 14 рис. Ц. 25 к.

Глинка, К. Д., проф. Краткая сводка данныхъ о почвахъ Дальняго Востока. (Предварительный отчетъ.) Спб., 1910. Изд. переселенческаго управленія. 81 стр.

Лункевичъ, В. Землетрясенія и огнедышащія горы. Спб., 1910. Изд. 5-е, Ф. Павленкова. 96 стр. Съ 34 рис. Ц. 25 к.

Лучицкій, В. И., проф. Курсъ петрографіи. Кіевъ, 1910. Изд. книгоизд. „Сотрудникъ". 265 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 80 к.

Матеріалы для геологіи Кавказа. Серія III. Кн. IX. Тифлисъ, 1910. Изд. кавказ. горнаго управ. II+289 стр.

§ 5. **Вагнеръ, Ю. Н.**, проф. Начальный курсъ природовѣдѣнія. Ч. I. Неживая природа. Кіевъ, 1910. Изд. пироговскаго т-ва, 3-е испр. VI+135 стр. Съ 98 рис. и цвѣтной табл. Ц. 50 к.

Вальтеръ, Іог. Исторія земли и жизни. Перев. съ нѣм., подъ ред. и съ доп. Ф. Ю.

Левинсона-Лессинга, проф. Б-ка естествознанія подъ ред. профес. П. И. Броунова и В. А. Фаусека. Спб., 1910. Изд. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. 160 стр. Съ рис.

Дункеръ, Г. Перелетъ птицъ. Перев. съ нѣм. В. Біанки. Дешевая б-ка естествознанія. Спб. 1910. Изд. Брокгауза-Ефрона. 100 стр. Съ 12 рис. и 1 карта.

Заленскій, В. Р., проф. Учебникъ ботаники (морфологія и систематика растеній) для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ, 1910. Изд. пироговскаго т-ва, 2-е. VI+167 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Капелькинъ, В. и Флеровъ, А. Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. II. (Споровыя растенія.) М., 1910. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, 4-е. Ч. III. (Анатомія и физіологія растеній.) М., 1911. Изд. 4-е, переработ. и доп. XVI+87 стр. Съ 64 рис. Ц. 50 к.

Красновъ, А. Н., проф. Натуралистъ на Кавказѣ. Вып. I. Пятигорскъ, 1910. Изд. К. К. Кибардина. 58 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Полянскій, И. И. О трехъ царствахъ природы. Спб., 1910. Изд. 7-е. 346 стр. Съ 232 рис. Ц. 1 р. 10 к.

Порчинскій, І. А. Біологическіе этюды по окраскѣ и свойствамъ насѣкомыхъ. Очеркъ 1-й. Спб., 1910. 24 стр. Съ 21 рис.

Трояновскій, И. И. Курсъ природовѣдѣнія. Ч. II. Растеніе и его жизнь. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Съ рис.

Труды ботан. сада Импер. юрьевскаго унив., изд. подъ ред. проф. Н. И. Кузнецова. Т. XI. Вып. II. Юрьевъ, 1910. 100 стр. Ц. 1 р.

Труды Импер. с.-петерб. о-ва естествоиспытателей. Т. XLI. Вып. I. Протоколы засѣданій. Подъ ред. Д. И. Дейнеги. № 2—3. 1910. Спб., 1910. 2 нен.+67—132 стр.

Шмейль, О., проф. Растенія. Основы природовѣдѣнія съ біологич. точки зрѣнія. Авториз. перев. подъ ред. и съ дополн. проф. В. Р. Заленскаго. Кіевъ, 1910. Изд. пироговскаго т-ва, 2-е. VIII+157 стр. Съ рис.+4 табл. Ц. 85 к.

— Человѣкъ и животныя. Основы природовѣдѣнія съ біологич. точки зрѣнія. Авториз. перев. подъ. ред. и съ дополн. проф. Ю. Н. Вагнера. Кіевъ, 1910. Изд. пироговскаго т-ва, 2-е. XII+207 стр. Съ рис.+6 табл. Ц. 1 р.

§ 6. **Завьяловъ, В. В.,** проф. Учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ, 1910. Изд. пироговскаго т-ва, 3-е, исправл. и доп. II+226 стр. Съ 196 рис. и 2 цвѣтн. табл. Ц. 1 р. 10 к.

Гердъ, И. Я. Практическое руководство къ раціональной педагогической гимнастикѣ. Спб., 1910. Изд. В. Березовскаго. 109+II стр. Со 100 рис. Ц. 75 к.

Клаустонъ, Т., проф. Гигіена ума съ пред., прим. и доп. главой проф. А. Фореля. Перев. А. Кукеля. М., 1910. VIII+346 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 7. **Жеваховъ, Н. Кн.** Бари. Путевыя замѣтки. Кіевъ, 1910. 26 стр.

Линчъ, Х. Ф. Б. Арменія. Путевые очерки и этюды. Перев. съ англ. Ел. Джунковской. Т. I. Русскія провинціи. Т. II. Турецкія провинціи. Тифлисъ, 1910. Изд. И. Е. Питаева и К°. XXIII+597+VII+675 стр. Съ 197 рис.

Поповъ, Н. А. О якутахъ, ихъ образѣ жизни, питаніи и болѣзняхъ. Якутскъ, 1910. 28 стр. Ц. 25 к.

Святскій, Д. Крестьянскіе костюмы въ области соприкосновенія Орловской, Курской и Черниговской губерній (Сѣвскій у., Орлов. губ.). Спб., 1910. Изд. журн. „Живая Старина". 15 стр.

Серафимъ, іеромонахъ. Путевыя впечатлѣнія. Поѣздка въ Іерусалимъ и на Аѳонъ въ 1908 году. Спб., 1910. 227 стр. Съ портр. Ц. 50 к.

Соболевскій, А. Холмская Русь въ этнографическомъ отношеніи. Харьковъ, 1910. 13 стр.

Цимбаленко, Л. И. Матеріалы для описанія русскихъ рѣкъ и исторіи улучшенія ихъ судоходныхъ условій. Вып. XXII. Ч. III. Таблицы. Спб., 1910. Изд. м-ства путей сообщенія. VIII+382 стр.

Шкапскій, О. А. Пояснительный текстъ къ серіи „Туркестанъ" (Средняя Азія). Составленъ подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Спб., 1909. Изд. издат. „Свѣтъ". 99+VIII стр.

§ 8. **Штерне, К.** Эволюція міра. Вып. X. М., 1910. Изд. „Міръ". 273—460 стр. Съ рис.

X. Книги для дѣтей.

Агафонова, Л. Дѣтки-малютки, ихъ забавы и шутки. Разсказы для дѣтей. Спб., 1910. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 23 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Амичисъ-де, Э. Мать. Разсказъ. Перев. А. Рѣпиной. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1910. Изд. М. В. Клюкина, 2-е. 16 стр. Ц. 5 к.

Архангельская, А. Дѣтство и приключенія Давида Копперфильда младшаго. Составлено по Диккенсу. Для дѣтей средняго возраста. М., 1910. Изд. 4-е, маг. „Сотрудникъ школъ" Залѣсской. 176 стр. Ц. 65 к.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1910. Изд.

т-ва И. Д. Сытина. 444 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Брусининъ, В. Поэты-крестьяне—Суриковъ и Дрожжинъ. Б-ка для семьи и школы. М., 1910. Изд. журн. „Юная Россія", 2-е. 77 стр. Съ портр. Ц. 15 к.

Вагнеръ, Г. Путешествіе по лѣсу и степи. Прогулка съ молодыми друзьями. Пер. съ нѣм. В. Бѣлова. Спб., 1910. Изд. 2-е т-ва М. О. Вольфа. 187 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Васильевъ, М. Наша бабушка Анна Максимовна. (Изъ разсказовъ о быломъ.) (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа.) М., 1910. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 16 стр. Ц. 5 к.

Гауффъ. Избранныя сказки. Перев. съ нѣм. К. Ш. Кіевъ, 1910. Изд. 2-е, южнорус. книгоизд. Ф. А. Іогансона. 159 стр. Ц. 25 к.

Доде, А. Крушеніе корабля. Смерть дофина. Три ворона. Три разсказа. Перев. В. Микуличъ. М., 1910. Изд. 4-е, „Посредника". 32 стр.

Древнее въ настоящемъ. Легенды въ изложеніи М. В. Лысковскаго. Серія вторая. Дѣтская б-ка. Кн. III. М., 1910. Изд. журн. „Свѣточъ" и „Дневникъ писателя". 15 стр.

Дудоровъ, П. Въ гостяхъ. Разсказъ. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа.) М., 1910. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Дѣдушка и внучка. (Скромный герой.) Разсказъ. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа.) М., 1910. Изд. кн. скл. В. М. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— За родную страну. Разсказъ. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1910. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Орленокъ. (Птицы небесныя.) (Изъ воспоминаній дѣйства.) Разсказъ. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и народа. М., 1910. Изд. М. В. Клюкина. 16 стр. Ц. 5 к.

— Поилецъ. Разсказъ. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1910. Изд. книжн. скл. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Зандъ, Ж. Великанъ Іеусъ. Сказка въ пересказѣ Е. Н. Тихомировой. М., 1910. Изд. журн. „Юная Россія". 16 стр. Ц. 5 к.

Зорки. Чтеніе и картины для дѣтворы. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 16 стр. Съ рис.

Каракашъ, Н. Наши друзья и враги. Зоологическіе разсказы для дѣтей. Спб., 1910. Изд. Л. Ф. Девріена, 2-е. 165 стр. Съ 37 рис. Ц. 70 к.

Киплингъ, Р. Смѣлые мореплаватели. (Повѣсть.) Перев. съ англ. Л. Соколовой. М., 1910. 128 стр. Ц. 50 к.

Красницкій, А. И. Маленькій Геркулесъ. Повѣсть для юношества. Спб., 1910. Изд. А. Ф. Девріена. 268 стр. Съ 12 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Круковскій, М. А. По горамъ и доламъ. Повѣсть о странствованіяхъ юнаго гимназиста. Спб., 1910. Изд. товар. М. О. Вольфъ. 262 стр. Съ рис.

Лукашевичъ, Кл. Дѣтскіе годы. Сборникъ разсказовъ. М., 1910. Изд. 5-е. Т-ва И. Д. Сытина. 165 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— Дѣтскій календарь на 1911 г. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 730 стр.

— Свѣтлый лучъ. Хрестоматія для семьи и школы, для дѣтей младшаго возраста. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 5-е. 318+IV стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— Сказки родной украины. Для дѣтей. Съ рис. И. Николаевскаго. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 141+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р.

— Чушка. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Лучанскій, П. Домъ мудрости (миѳы и сказки). Спб., 1910. Изд. П. П. Скороходова. 144 стр. Ц. 1 р.

Маленькіе герои. Б-ка для семьи и школы. Очерки и разсказы въ пер. А. Н. Рождественской. М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 5-е. 127 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Мало, Г. Безъ семьи. Исторія одного маленькаго человѣка. Повѣсть. Перев. съ франц. А. Н. Рождественской. Изд. для юношества. Золотая б-ка. Спб., 1910. Изд. М. О. Вольфъ. VI+388 стр. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Б-ка для семьи и школы. „По Уралу". Разсказы и очерки. М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 5-е. 187 стр. Ц. 50 к.

— „Былинки". Разсказы для маленькихъ дѣтей. М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 3-е. 56 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Мечъ, С. Первые уроки географіи. М., 1910. Изд. 15-е. 112 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Мюллеръ, М. Маленькій народъ снѣговъ. М., 1910. Изд. журн. „Дѣтскій Міръ". 116 стр. Съ рис. Ц. 70 к.

Нашъ міръ. Книга для занятій роднымъ языкомъ въ младшихъ классахъ средней школы. Часть II. Составлена кружкомъ московскихъ преподавателей: Н. Л. Бродскимъ, Е. Д. Домашевской, Н. М. Мендельсономъ, Л. Н. Реформатскимъ, Н. П. Сидоровымъ и И. М. Соловьевымъ. Съ участіемъ худ. А. Ф. Андронова. М., 1910. Изд. кн. маг. В. В. Думнова. IV+380 стр. съ рис. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Б-ка для семьи и школы. Подъ небомъ Африки.

Путевыя впечатлѣнія въ садахъ Геспериды. М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 2-е. 220 стр. Ц. 60 к.

— Кавказскіе богатыри. III. Побѣда. Б-ка для семьи и школы. М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 2-е. 160 стр. Ц. 50 к.

О животныхъ. Очерки для дѣтей. М., 1910. Изд. журн. „Дѣтскій Міръ". 79 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Папъ-Карпантье, М. Царство животныхъ. Пер., значительно измѣненный, подъ ред. проф. В. М. Шимкевича. Спб. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 174 стр. Съ рис. Ц. 45 к.

Пересмѣшница. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Дѣтскій театръ. Спб., 1910. Изд. тов. М. О. Вольфъ. 40 стр. Ц. 15 к.

Перро. Волшебныя сказки. Б-ка нашихъ дѣтей. Пер. съ франц. Е. В. Лавровой. Спб., 1910. Изд. О. Н. Поповой, 4-е. 106 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Прессансе, А. Маленькая мама (Безъ призора). Повѣсть. Пер. съ франц. А. Рѣпиной. М., 1910. Изд. М. В. Клюкина. 192 стр. Ц. 50 к.

Сетонъ-Томпсонъ, Э. Сѣрый медвѣдь Вабъ. Разсказъ. Пер. съ англ. А. Н. Рождественской. Б-ка для семьи и школы. М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 2-е. 75 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Сизова, А. К. Новгородскіе повольники. XIII вѣкъ. Съ рис. Н. Д. Бартрамъ. Б-ка для семьи и школы. М., 1910. Изд. журн. „Южная Россія". 144 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Станюковичъ, К. М. Ужасный день. Разсказъ. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1910. Изд. М. В. Клюкина, 4-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Н. Т. Малыши. Сборникъ разсказовъ. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 12 стр. Съ рис.

Харкевичъ, М. Х. Лѣсная царевна. Пьеса для дѣтскаго театра въ 3 дѣйств. Спб., 1910. 22+4 стр. Ц. 30 к.

Шведеръ, Е. І. Въ деревнѣ. Разсказы. М., 1910. Изд. „Юной Россіи". 40 стр. Ц. 15 к.

Шелгунова, Л. П. Подснѣжникъ. Золотые сказки и разсказы. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1910. Изд. Н. С. Аскарханова. 115 стр. Съ рис.

Экъ, Е. Вѣрные друзья. Дуняшкино счастье. Вѣрный другъ. Земляки. Пускай живетъ. (Дешевая б-ка для семьи и школы). М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 38 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 1. Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. Первый томъ. А—Арбросъ. Спб., 1910. Изд. 2-е. Библіограф. инст. (Мейера) въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ и книгоизд. т-ва „Просвѣщеніе" въ Спб. 800 стр.

Еврейская энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ. Подъ общей ред. д-ра Каценельсона и бар. Д. Г. Гинцбурга. Т. VI. Спб., 1910. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. 959 стр. (въ 2 ст.). Съ рис.

Павленковъ, Ф. Энциклопедическій словарь. Спб., 1910. Изд. Яковенко, 4-е, пересмотр. 3104 столбца (въ 2 ст.). Съ 2607 рис. Ц. 3 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

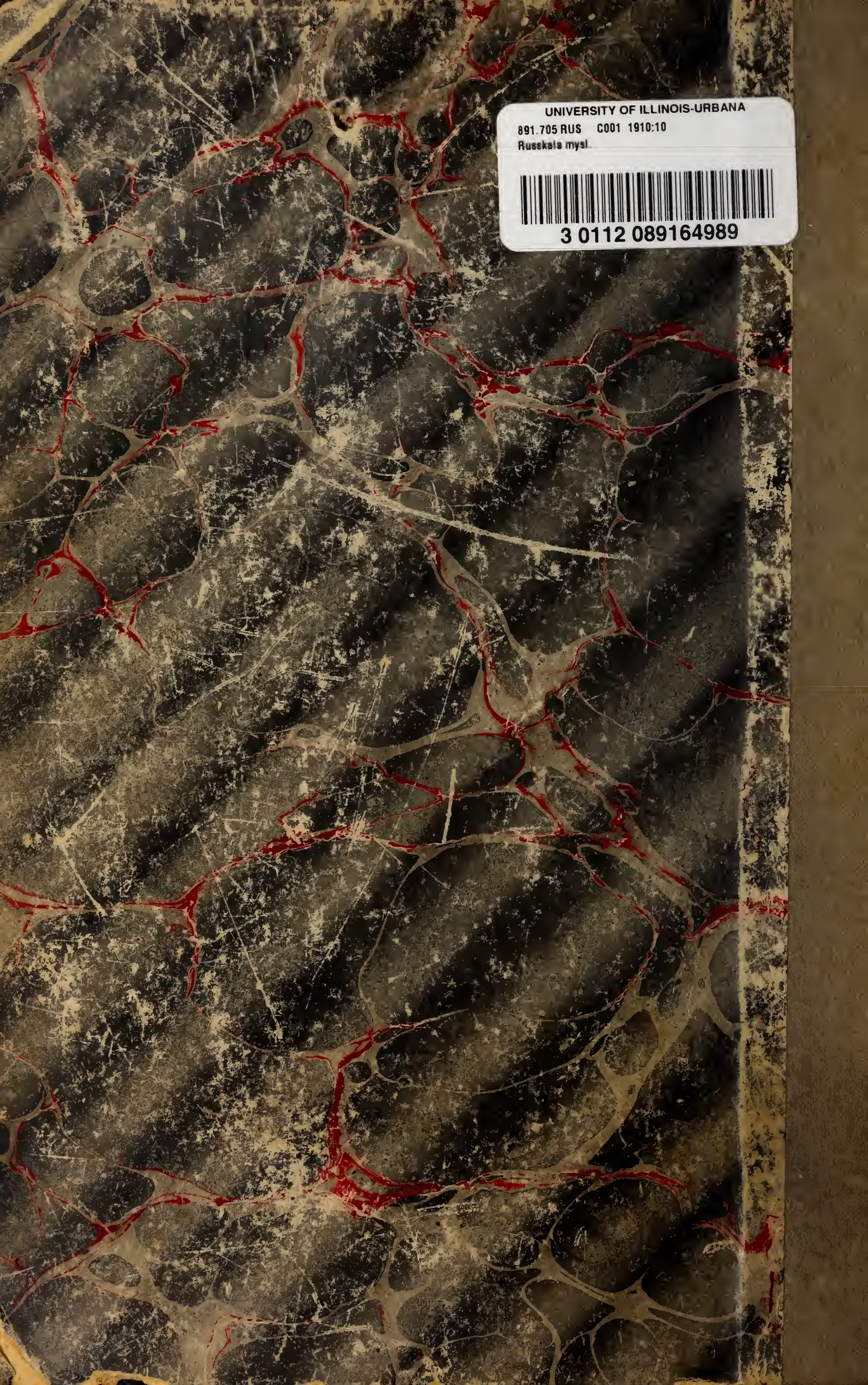
БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Цѣна каждаго номера 10 коп.

Аданъ. Византія. № 83.
Амичисъ. Учительница рабочихъ. (2-е изданіе). 20.
Аннунціо. Дѣвственницы. 225.
— Джіоконда. 170.
— Джованни Эпископо. 127.
— Дочь Іоріо. (2-е). 17.
— Корабль. (2-е). 58—59.
— Мертвый городъ. 155.
— Наслажденіе. 287—290.
— Перевозчикъ и др. разск. 281.
— Сильнѣе любви. (2-е). 48.
— Слава. 204.
— Сонъ весенняго утра. Сонъ осенняго заката. 179.
— Факелъ подъ мѣрой. 171.
Анценгруберъ. Нашла коса на камень. 115.
Бангъ. Безнадежно погибающіе. 209—211.
— Избранныя новеллы. 230.
— Таинственные разсказы. 178.
Барбэ д'Оревильи. Дьявольскія маски. 126.
Батайль. Дѣва неразумная. 286.
Бергстремъ. Карэнъ Борнеманъ. 120.
Блечфордъ. Страна чудесъ. 43—44.
Бурже. Ученикъ. 221—223.
Бьернсонъ. Свыше силъ. Ч. I. (2-е). 7.
— Свыше силъ, ч. II. (2-е). 8.
Вассерманъ. Сестры. 217—218.
Верхарнъ. Зори. 69.
— Монастырь. 60.
Вилье де-Лиль-Аданъ. Жестокіе разсказы. 137.
— Тайна эшафота и др. 125.
Войничъ. Оводъ. 242—245.
Гальбе. Юность. 108.
Гамсунъ. Вечерняя заря. 121.
— Викторія. (2-е). 64.
— Воинствующая жизнь. 183.
— Въ сказочной странѣ. 301—302.
— Голодъ. (3-е). 99—100.
— Драма жизни. 203.
— Мечтатель. 146.
— Мистеріи. 255—258.
— Панъ. (3-е). 54—55.
— Подъ осенними звѣздами. 129—130.
— Подъ полумѣсяцемъ. 185.
— Поросль. 164—165.
— Редакторъ Люнге. 153—154.
— Сьеста. 201—202.
— У вратъ царства. 101.
— Царица Тамара. 215.
Гарборгъ. Проповѣдникъ. 173.
Гауклaндъ. Бѣлыя ночи. 187.
Гауптманъ. Геншель. (2-е). 22.
— Бобровая шуба. 303.
— Заложница Карла Великаго. 195—196.
— Михаэль Крамеръ. (2-е). 37.
— Одинокіе люди. (2-е). 25.
— Передъ восход. солнца. (2-е). 9.
— Потонувшій колоколъ. (2-е).
Гауптманъ. Праздникъ мира. (2-е). № 51.
— Роза Берндъ. (2-е). 14.
— Стрѣлочникъ Тиль. Апостолъ. 249.
— Эльга. (2-е). № 15.
Геббель. Юдиѳь. (2-е). 57.
Гейбергъ. Балконъ. Тетя Ульрикка. 220.
— Трагедія любви. 150.
Гейермансъ. Всѣхъ Скорбящихъ. (2-е). 23.
Гейэрстамъ. Книга о мал. братцѣ. 161—2.
Гейзе. Марія изъ Магдалы. (2-е). 35.
Гольдони. Хозяйка гостиницы. 237.
Гонкуръ. Элиза. 176—177.
Гофмансталь. Авантюристъ и пѣвица. 139.
— Свальба Зобеиды. (2-е). 28.
— Смерть Тиціана. Вчера. (2-е). 29.
— Эдипъ и Сфинксъ. 90.
Гофманъ. Дожъ и Догаресса. Автоматъ. 219.
Гурмонъ. Цвѣта. 268.
Гюго. Послѣдній день осужденнаго. 156.
Делле-Граціэ. Катастрофа. (2-е). 30.
Додэ. Письма съ моей мельницы. 193—4.
— Тартаренъ изъ Тараскона. 145.
Дрейеръ. Семнадцатилѣтніе. (2-е). 67.
Жеромскій. Лѣсные отголоски. (2-е). 18.
Жулавскій. Іола. 296—297.
— Эросъ и Психея. 266—267.
Золя. Осада мельницы и др. 163.
Зудерманъ. Іоаннъ. 77.
— Огни Ивановой ночи. 236.
— Родина. 246.
Ибсенъ. Борцы за престолъ. 213—214.
— Брандъ. 148—149.
— Врагъ народа. (3-е). 2.
— Гедда Габлеръ. (3-е). 4.
— Джонъ Габріэль Боркманъ. 147.
— Дикая утка. 80.
— Женщина съ моря. (2-е). 6.
— Кесарь и Галилеянинъ. Ч. I. (2-е). 52—3.
— Кесарь и Галилеянинъ. Ч. II. 110—1.
— Когда мы мертвые проснемся. (2-е). 34.
— Кукольный домъ. (3-е). 1.
— Маленькій Эйольфъ. 87.
— Привидѣнія. (3-е). 3.
— Росмерсхольмъ. (2-е). 13.
— Союзъ молодежи. 216.
— Столпы общества. 66.
— Строитель Сольнесъ. (3-е). 5.
— Фру Ингеръ изъ Эстрота. 175.
Келлерманъ. Ингеборгъ. 251—253.
Килландъ. Маленькія новеллы 208.
Конопницкая. Прометей и Сизифъ. 186.
Коппе. Северо Торелли. 42.
Крагъ. Ночныя тѣни. 238.
Красинскій. Иридіонъ. 234—235.
Лагерлёфъ. Деньги г-на Арнэ. 105.
— Королевы въ Кунгахэллѣ. 307.
— Легенда одной усадьбы. (2-е). 65.
— Легенды. 275.
— Легенды о Христѣ. 292—293.
— Чудеса Антихриста. 271—274.


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.705 RUS C001 1910:10
Russkaia mysl.
3 0112 089164989